

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН

ПСИХОЛОГИЯ – НАУКА БУДУЩЕГО

МАТЕРИАЛЫ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
19–20 НОЯБРЯ 2015 ГОДА
МОСКВА

Под редакцией
А. Л. Журавлева,
Е. А. Сергиенко

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2015

УДК 159.9
ББК 88
П 86

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается.*

Редакционная коллегия:

*И. И. Ветрова, Г. А. Виленская, А. Л. Журавлев (отв. ред.), Е. А. Лебедева,
Е. А. Никитина, Е. А. Сергиенко (отв. ред.), А. Ю. Уланова*

П 86 Психология – наука будущего: Материалы VI Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего». 19–20 ноября 2015 года, Москва / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – 592 с.

ISBN 978-5-9270-0309-9

УДК 159.9

ББК 88

Сборник включает в себя статьи, подготовленные к VI Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего». Материалы отражают широту научных интересов молодых исследователей России и стран ближнего зарубежья.

*Издание подготовлено при поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 15-36-10277*

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2015

ISBN 978-5-9270-0309-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конференция молодых ученых «Психология – наука будущего», организуемая Институтом психологии РАН и факультетом психологии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), проводится 19–20 ноября 2015 г. в шестой раз.

Можно смело говорить, что конференция молодых ученых стала уже традиционной. Конференции молодых ученых, проводимые Институтом психологии и ГАУГН, имеют характерные особенности. Во-первых, это высокий научный уровень, который обеспечивается ведущими учеными (докторами наук Института психологии РАН и преподавателями ГАУГН), выступающими руководителями секций, что позволяет молодым специалистам получить квалифицированную обратную связь, обсудить собственные научные исследования. Во-вторых, на каждой конференции проходит научный лекторий. За пять лет лекции прочли такие известные российские ученые, как А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, В. В. Знаков, Ю. И. Александров, Н. Е. Харламенкова. В этом году с лекциями выступают Д. В. Ушаков и В. В. Знаков. Каждый год программа конференции дополняется новыми мастер-классами и круглыми столами, которые позволяют детально обсудить фундаментальные и научно-практические вопросы современной психологии. В этом году проводится мастер-класс И. И. Знаменской (редактора «Психологического журнала»), посвященный подготовке научной публикации по психологии. Е. И. Лебедева (старший научный сотрудник Института психологии РАН, кандидат психологических наук) познакомит с методами оценки модели психического у детей. Круглый стол под руководством доктора психологических наук, профессора Н. Е. Харламенковой и доктора психологических наук, профессора И. О. Александрова будет посвящен актуальнейшей проблеме современной психологии – естественно-научным и гуманитарным методам в психологии.

Свидетельством высокого научного уровня является и то, что более 50 работ, представленных в данном сборнике материалов конференции, поддержаны грантами российских фондов.

Кроме того, все поступающие на конференцию статьи проходят экспертный отбор. В этом году вопрос экспертной оценки и отбора стоял особенно остро из-за ограничений объема сборника, что связано с публикацией материалов конференции в виде статей, а не тезисов. Критерием отбора статей служило изложение уже проведенного самостоятельного и завершеного исследования. Однако в сборник были включены и исследовательские программы, проблемно-ориентированные литературные обзоры, ставящие новые исследовательские задачи. Для авторов таких поисковых работ обратная связь на подготовительном этапе работы особенно важна, поскольку позволяет скорректировать будущие исследования.

Второй заметной особенностью данной конференции является широкий региональный охват. Статьи для участия в конференции прислали буквально из всех областей России и ближайшего зарубежья. Хотелось бы отметить, что более половины участников (около 100 человек), приславших свои материалы, намерены очно в ней участвовать. Кроме традиционных крупных научных центров, таких как Москва, Санкт-Петербург, Ярославль, Казань, Томск, Ростов-на-Дону, представлены работы и из многих региональных университетов и вузов: Архангельска, Таганрога, Комсомольска-на-Амуре, Вологды, Смоленска, Тольятти, Курска, Саратова, Волгограда, Ульяновска, Иркутска, Владикавказа, Набережных Челнов, Омска, Магнитогорска, Ессентуков, Нальчика, Новополюцка, Кирова, Шуи, Владивостока. Всего более 40 городов России. Из ближнего зарубежья традиционно направляются работы высокого научного уровня из разных городов Белоруссии и Украины, кроме того, в этом году присланы работы из Баку (Азербайджан) и Ташкента (Узбекистан).

Разнообразен и круг тем, затронутых в материалах конференции: методология психологии, общая психология, история психологии; психофизиология; психология труда и инженерная психология; социальная психология; психология развития; психология творчества; психология личности, психодиагностика; клиническая психология.

Третья особенность конференции – ее максимальная открытость. Каждый год у нас появляются новые партнеры. В 2008 г. к организации конференции присоединился Московский педагогический государственный университет. С 2009 г. активное участие в конференции принимают молодые ученые из Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. В 2011 г. были установлены партнерские отношения с интернет-порталом «Ломоносов». Создан и поддерживается сайт конференции <http://psy-future.ru>, а число участников группы конференции в социальной сети Вконтакте (http://vk.com/psy_future)

увеличивается с каждым годом. Широкое оповещение молодых специалистов позволяет привлечь к участию в конференциях научные кадры всей нашей страны и ближнего зарубежья.

Конференция «Психология – наука будущего» получает поддержку Российского фонда фундаментальных исследований, что свидетельствует о признании конференции в экспертном сообществе. Мы выражаем большую благодарность за данную финансовую поддержку. Кроме того, поддержка РФФИ свидетельствует о большом значении психологии для отечественной науки, о значимости профессионального роста молодых ученых.

В сборнике материалов конференции работы расположены в алфавитном порядке по фамилии авторов, в конце сборника представлены сведения о них. Помимо указания места работы (или учебы) и должности, сведения включают электронные адреса всех участников конференции, что способствует научной коммуникации.

Мы надеемся на успешную и плодотворную работу VI конференции «Психология – наука будущего», ставшей традиционной для Института психологии РАН и факультета психологии ГАУГН. Данная форма научной работы позволяет, на наш взгляд, осуществлять поддержку молодых ученых и обеспечивает преемственность в развитии науки.

Редколлегия

ДОВЕРИЕ И НЕДОВЕРИЕ ТЕХНИКЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ВОДИТЕЛЕЙ АВТОМОБИЛЕЙ С РАЗНЫМ СТАЖЕМ ВОЖДЕНИЯ*

А. И. Акимова, В. В. Разина (Нижний Новгород)

Вопросы содержательной сущности феноменов доверия/недоверия человека технике и, в целом, правомерности использования понятий доверия и недоверия по отношению к неодушевленному объекту поднимались учеными различных научных направлений и нашли свое отражение в ряде отечественных и зарубежных работ (Купрейченко, 2012; Обознов, Акимова, 2014; Lee, See, 2004; и др.). В них было показано, что, во-первых, в тех случаях, когда такие объекты выполняют определенные социальные функции, использование этих терминов вполне уместно, во-вторых, феномен доверия/недоверия человека технике проявляется в неопределенных и сложных условиях ее эксплуатации, и, в-третьих, проблема содержательной сущности феноменов доверия и недоверия технике не имеет однозначного решения вследствие неоднозначности подходов к изучению понятий доверия и недоверия учеными различных научных направлений. В ряде работ было установлено, что доверие работника технике является одним из регуляторов его профессионального поведения, особенно в сложных и опасных условиях ее эксплуатации (Обознов, Акимова, 2014; и др.).

Учитывая вышесказанное, практический интерес, на наш взгляд, представляет изучение особенностей проявления доверия и недоверия технике в разных условиях, у представителей различных профессиональных и социальных групп, у людей с разным опытом взаимодействия с техникой и др. Поэтому цель исследования заключалась в изучении представлений о доверии и недоверии автомобилию водителей личных автомобилей с разным стажем вождения.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-06-10296а).

В нашем понимании, изучение доверия и недоверия человека технике является прикладным направлением исследований более общих понятий доверия и недоверия. Мы опирались на научные подходы, согласно которым доверие и недоверие являются социально-психологическим отношением, включающим когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты, проявляются во взаимодействии человека с элементами окружающего мира (Купрейченко, 2008; Скрипкина, 2000; и др.).

В исследовании приняли участие 296 водителей в возрасте от 18 до 67 лет со стажем вождения от 1 года до 34 лет. Участникам исследования была предложена анкета, содержащая вопросы об их понимании феноменов доверия и недоверия технике, о степени доверия или недоверия автомобилю, о характеристиках автомобиля, вызывающего доверие или недоверие, о ситуациях, в которых возникает доверие или недоверие автомобилю и о поведении в таких ситуациях, о чувствах и переживаниях при доверии или недоверии автомобилю. Данные фиксировались в письменной форме, количество называемых характеристик не ограничивалось. Обработка результатов проводилась с использованием методов контент-анализа, частотного анализа, анализа различий по критерию согласия χ^2 Пирсона.

Водители, принявшие участие в исследовании, были объединены в 3 группы по стажу вождения автомобиля. К первой группе, включающей водителей со стажем до 3 лет, были отнесены 101 чел. (34%), ко второй группе со стажем от 4 до 9 лет – 95 чел. (32%), к третьей группе со стажем 10 лет и более – 100 чел. (34%). Разделение по таким группам обусловлено данными ранее проведенных исследований, в соответствии с которыми в группах работников, эксплуатирующих технику в профессиональной деятельности, выявлен разный уровень доверия технике в зависимости от стажа работы (Купрейченко, 2012).

В результате исследования были получены следующие данные.

1. Представление водителей автомобилей с разным стажем работы о доверии технике более согласовано, чем представление о недоверии технике.

Основные отличия в понимании доверия технике наблюдаются в группах со стажем вождения до 3 лет и 4–9 лет. В первой группе большее количество водителей (по сравнению со второй) в понятие доверия технике включают характеристики, снижающие неопределенность исхода ситуации (безопасность, исправность), обеспечивающие предсказуемость ее поведения, во второй – эмоциональную оценку своего отношения к технике в ситуации доверия (спокойствие, отсутствие напряжения).

Недоверие технике водители со стажем вождения до 3 лет часто связывают со страхом ее эксплуатации и неуверенностью в ней, а со стажем работы более 10 лет – не только с неуверенностью в техни-

ке, но и с недостаточностью знаний о ней. Водители со стажем работы 4–9 лет не имеют согласованного представления о недоверии технике и относят к нему неуверенность в технике, ее непредсказуемость, страх ее эксплуатировать, незнание техники и др.

2. С увеличением стажа вождения снижается доля водителей, относящихся к технике с недоверием вследствие страха ее эксплуатации, и повышается доля водителей, считающих, что недоверие технике возникает из-за незнания ее свойств, характеристик, возможностей и т. д.

3. Большинство водителей с разным стажем вождения не испытывают разногласий по поводу характеристик автомобиля, вызывающего доверие, и относят к ним надежность, комфорт, безопасность. Мнение о характеристиках автомобиля, которому не доверяют, в представленных группах менее согласовано.

Водители со стажем вождения до 3 лет чаще других отмечают характеристику ненадежность, вероятно как негативно влияющую на исход ситуации. В силу малого опыта вождения, возможно, они затрудняются выделить другие характеристики автомобиля, которые также негативно влияют на исход ситуации.

По мнению водителей со стажем вождения 10 лет и более, автомобиль, вызывающий недоверие, обладает характеристиками, затрудняющими его эксплуатацию (ненадежность, неисправность), и характеристиками, вызывающими негативные переживания по отношению к нему (дискомфорт, непривлекательный внешний вид).

Водители со стажем работы 4–9 лет не имеют согласованного мнения о характеристиках автомобиля, вызывающего недоверие, что соответствует данным об их представлении о недоверии технике в целом и может свидетельствовать о несложившемся понятии об изучаемом феномене.

4. Водители всех трех групп отметили, что к ситуациям возникновения доверия и недоверия автомобилю можно отнести те, которые обладают неопределенностью исхода либо несут в себе опасность для жизни и здоровья. Вместе с тем водители со стажем вождения до 3 лет к ситуациям возникновения доверия автомобилю дополнительно отнесли стандартные ситуации, что может являться свидетельством восприятия ими любой дорожной ситуации (включая ту, которая является обычной при вождении) как неопределенной либо опасной.

5. В ситуации доверия и недоверия водители всех трех групп ведут себя схожим образом: при доверии их поведение естественное, спокойное, они часто или по мере необходимости эксплуатируют автомобиль, при недоверии большинство участников исследования указали на отказ от пользования автомобилем либо управления им с крайней осторожностью. Необходимо подчеркнуть, что в ситуации доверия автомобилю большая доля водителей со стажем вождения 4–9 лет (по сравнению с теми, стаж вождения которых более 10 лет), отметили, что ухаживают

за автомобилем, моют его и поддерживают презентабельный внешний вид, т. е. проявляют заботу об автомобиле.

б. Автомобили, к которым водители относятся с доверием или с недоверием, вызывают у них различные чувства и переживания. По отношению к автомобилю, которому доверяют, водители со стажем вождения до 3 лет чаще испытывают спокойствие, водители со стажем вождения более 10 лет – спокойствие и желание заботиться, водители со стажем вождения 4–9 лет – спокойствие, любовь, желание заботиться. Большинство водителей всех трех групп отметили, что автомобиль, которому не доверяют, вызывает у них напряжение.

По результатам исследования, водители с разным стажем вождения в целом имеют схожие представления о доверии и недоверии технике. Наблюдаемые различия заключаются в основном в соотношении когнитивного и эмоционального компонентов отношения доверия/недоверия к автомобилю у водителей с разным стажем вождения. Определение понятия недоверия технике (автомобилю) вызывает бóльшие затруднения, по сравнению с определением понятия доверия, особенно у водителей со стажем вождения 4–9 лет.

Литература

- Обознов А. А., Акимова А. Ю. Концептуальные основания и методический подход к изучению доверия работников технике (на примере машинистов локомотивных бригад) // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Под ред. Л. Г. Дикой, А. Л. Журавлева, М. А. Холодной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 62–75.
- Купрейченко А. Б. Доверие и недоверие технике и социотехническим системам: обоснование методического подхода // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 331–350.
- Lee J., See K. Trust in technology: Designing for appropriate reliance // Human Factors. 2004. V. 46 (1). P. 50–58.
- Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Скрипкина Т. П. Психология доверия: Учеб. пособие для студ. выс. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2000.

ОТНОШЕНИЕ ВЗРОСЛЫХ РОДСТВЕННИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ОСМЫСЛЕННОСТИ ЖИЗНИ К ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНИ РЕБЕНКА

О. В. Александрова (Санкт-Петербург)

В ситуации тяжелой хронической болезни ребенка жизненные установки его близких могут претерпевать существенные изменения. Одной из возможных тенденций, актуализирующихся у человека в такой ситуации, является усиленный поиск смысла жизни. Кто-то из попавших в эту ситуацию (особенно связанную с потерей ребенка) ломается, а кто-то выходит из нее более сильным, по-новому оценивающим жизнь. Исследуя дифференциально-психологические факторы, связанные с уровнем мотивационной тенденции к поиску смысла жизни, мы сможем прогнозировать некоторые наиболее вероятные тенденции поведения взрослого, способствующие или, наоборот, препятствующие конструктивному и эффективному переживанию такой тяжелой жизненной ситуации. Это в дальнейшем может направлять работу психолога, помогающего семьям справляться с трудностями, развить такую систему поддержки, которая способствовала бы активной и полноценной жизни всей семьи. Мы предположили, что поведенческие стратегии, отношение к будущему, темперамент, психофизиологическое самочувствие и эмоциональное состояние близких родственников связаны с мотивационной тенденцией к поиску смысла жизни и общей осмысленностью жизни членов семьи в ситуации тяжелой хронической болезни ребенка. Выборка – 87 чел. (родственники детей, имеющих тяжелые хронические заболевания) от 20 до 60 лет. Методом кластерного анализа были выделены крайние кластерные группы по уровню осмысленности жизни (СЖО). В 1 крайнюю группу вошли испытуемые с низкими показателями, 2 крайнюю группу составили респонденты со средними и высокими показателями. Средний возраст 1 группы – 36,63 года, средний возраст 2 группы – 40,79 лет. В составе групп значимых различий по степени родства с болеющим ребенком обнаружено не было.

Использовались следующие методики: тест «СЖО» Д. А. Леонтьева; тест копинг-стратегий Лазаруса Л. И. Вассермана; тест «Семантический дифференциал времени» Л. И. Вассермана; тест А. Уэссмана, Д. Рикса; опросник Г. Айзенка; методика «САН» В. А. Доскина.

Исследуя стили совладающего поведения респондентов, мы обнаружили, что испытуемые 1 группы ($n=8$; 16,32%) по факторам «Конфронтационный копинг», «Положительная переоценка» имеют показатели, значимо отличающие их от испытуемых 2 группы ($n=40$; 81,63%). Копинг-стратегия «Конфронтационный копинг» ($r=0,024$; $p\leq 0,05$) у людей с низким уровнем осмысленности является ведущей (среднее значение – 55,38). Реже (среднее значение – 44,88) используется копинг «Положительная переоценка» ($r=0,030$; $p\leq 0,05$). У людей с более высоким

уровнем осмысленности жизни стратегия «Положительная переоценка» является ведущей и реже используется «Конфронтационный копинг». Те испытуемые первой группы менее активно прикладывают усилия по созданию положительного значения ситуации, рассмотрению ее как стимула для личностного роста и чаще прибегают к попыткам разрешения проблемы за счет не всегда целенаправленной поведенческой активности. Таким образом, копинг-действия при этом теряют свою целенаправленность и становятся преимущественно результатом разрядки эмоционального напряжения. Для испытуемых 2 группы характерны ориентированность на надличностное, философское осмысление проблемной ситуации, включение ее в более широкий контекст работы личности над саморазвитием и менее характерны импульсивность, враждебность, трудности планирования действий, неоправданное упорство.

Исследуя оперативную оценку самочувствия, а также эмоциональное состояние респондентов, мы обнаружили, что испытуемые 1 группы по всем измеряемым параметрам имеют показатели, значимо отличающие их от испытуемых 2 группы, эмоциональное состояние которых характеризуется относительным благополучием.

Таким образом, респонденты 1 группы ($n=6$; 12,76%) по факторам «Самочувствие» ($r=0,000$; $p\leq 0,001$), «Активность» ($r=0,003$; $p\leq 0,01$), «Настроение» ($r=0,000$; $p\leq 0,001$), имеют значения ниже среднего – от 2,91 до 3,25 балла, таким образом, степень физиологической и психологической комфортности состояния человека, направление мыслей и чувств являются низкими. Присутствуют недомогание, инертность, подавленное состояние (скука, страх, печаль и пр.). Респонденты 2 группы ($n=41$; 87,23%) по данным факторам имеют значения выше среднего – от 5,45 до 5,65 балла, таким образом, степень физиологической и психологической комфортности состояния человека, направление мыслей чувств являются выше среднего, самочувствие хорошее, присутствует бодрость; респондентам свойственны инициативность, активность.

По факторам «Спокойствие/тревожность» ($r=0,051$; $p=0,05$), «Энергичность/усталость» ($r=0,007$; $p\leq 0,01$), «Приподнятость/подавленность» ($r=0,000$; $p\leq 0,001$), «Уверенность/беспомощность» ($r=0,001$; $p=0,001$) испытуемые 1 группы ($n=8$; 16,66%) оценили свое состояние достаточно низко – от 3 до 4,13 балла, что характеризует их как беспомощных («безответных, слабохарактерных» и т.д.), они чувствуют себя подавленными, испытывают высокую тревожность. Респонденты 2 группы ($n=40$; 83,33%) по всем факторам оценили свое состояние как стабильное, без явного преобладания одного из полюсов (от 5,13 до 6,13), что характеризует их как людей, полных сил, готовых к активной деятельности, ощущающих уверенность в том, что они способны справиться с данной жизненной ситуацией.

По оценке восприятия будущего времени мы получили значимые различия по одному измеряемому параметру – «Эмоциональная окрас-

ка времени» ($r=0,05$; $p=0,05$). Таким образом, для респондентов с низким уровнем осмысленности жизни ($n=8$; 16,66%, среднее значение – 11,63), относящихся к существенно повышенному уровню, характерны нереалистичность и недостаточная критичность к событиям будущего времени, сверхоптимистичность. Для респондентов с высоким уровнем осмысленности жизни ($n=40$; 83,33%, среднее значение – 6,78), относящихся к повышенному уровню, характерны большая удовлетворенность актуальной жизненной ситуацией, преобладание в структуре переживаний положительных эмоций и чувств, что свидетельствует об их достаточно оптимистическом предчувствии будущего.

Исследуя психологические особенности респондентов, мы обнаружили, что испытуемые 1 группы по «Экстраверсии–Интроверсии» ($r=0,045$; $p\leq 0,05$), «Нейротизму» ($r=0,034$; $p\leq 0,05$) имеют показатели, значимо отличающие их от испытуемых 2 группы. Для респондентов 1 группы характерна интроверсия ($n=8$; 16,32%, среднее значение – 9), по фактору «Нейротизм» они имеют более высокие показатели (среднее значение – 16,88). Для респондентов 2 группы характерна скорее экстраверсия ($n=41$; 81,63%, среднее значение – 11,51), по фактору «Нейротизм» они имеют средние показатели (среднее значение – 13,29). Характер переживания трудной жизненной ситуации в значительной степени определяется врожденными (темпераментными) характеристиками личности.

Таким образом, людям с экстравертированным типом личности и средним уровнем нейротизма, высокой мотивационной тенденцией к поиску смысла жизни, при столкновении с угрозой утраты ребенка, в ситуации тяжелой болезни, свойственно чаще обращаться к копинг-стратегии «Положительная переоценка» и отказываться от копинга «Конфронтация». Это соотносится с более позитивным взглядом на свою жизнь и более оптимистическим предчувствием будущего, а также с преобладанием в структуре переживаний, скорее, положительных эмоций и чувств, восприятием себя активным участником будущих событий. Этим людям свойственен достаточный физиологический и психологический комфорт, эмоциональная устойчивость, уверенность в себе. Людям с интровертированным типом личности, высоким уровнем нейротизма, низкой мотивационной тенденцией к поиску смысла жизни в данной ситуации свойственно чаще опираться на стратегию «Конфронтация» и отказываться от копинга «Положительная переоценка», что связано со снижением ощущения полноты и качества собственной жизни, неверием в собственные силы, со снижением ощущения сверхоптимистичности, недостаточной критичности по отношению к событиям будущего времени, а также с наличием недостаточного физиологического и психологического комфорта.

Наше предположение о том, что поведенческие стратегии, отношение к будущему, темперамент испытуемых, эмоциональное состояние,

психологический и физиологический комфорт связаны с мотивационной тенденцией к поиску смысла жизни и общей осмысленностью жизни, в ситуации угрозы утраты ребенка (в результате тяжелой болезни), подтвердилось.

Литература

- Амирова Б. А. Взаимосвязь преодоления трудных жизненных ситуаций с осмысленностью жизни личности. URL: <http://articlekz.com/article/5947> (дата обращения: 26.06.2015).
- Лэнгле С. С собой и без себя. Практика экзистенциально-аналитической психотерапии. М.: Генезис, 2014.
- Магомед-Эминов М. Ш. Экстремальная психология. Т. 2. От психической травмы к психотрансформации М.: Психоаналитическая Ассоциация, 2006.
- Паллиативная помощь детям. СПб.: Типография Михаила Фурсова, 2014.
- Щербук Ю. А., Симаходский А. С., Эрман Л. В., Пунанов Ю. А. Современные подходы к организации паллиативной помощи детям // Вопросы современной педиатрии. 2011. № 10 (3).

ИГРОВАЯ ТЕРАПИЯ КАК МЕТОД ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ С ОТКЛОНЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ

Е. И. Аманюк (Санкт-Петербург)

За последние годы количество детей с ограниченными возможностями здоровья сильно возросло. Эту категорию детей в основном составляют дети с нарушениями в интеллектуальной сфере. По данным современных авторов, занимающихся этой проблемой, численность таких детей – 2,5% от общего количества младших школьников с проблемами в развитии (Шкляр, 2011). Возникает проблема воспитания и обучения таких детей. Нарушения интеллектуальной сферы детей ведут к проблемам в развитии и в эмоционально-волевой сфере (Астапов, Малкова, 2012). Именно поэтому необходимы своевременное вмешательство и коррекция эмоционального развития детей с нарушением интеллекта. Чтобы предотвратить появление и закрепление патологического поведения у младших школьников с умственной отсталостью, необходимо проводить соответствующую работу. Выполняя различные задания и упражнения, взаимодействуя при этом с другими детьми (людьми), ребенку проще обучаться приемам саморегуляции и он может адекватно оценивать свое поведение и поведение других людей (Большевидцева, Депутат, 2014).

Основываясь на вышесказанном, мы решили посвятить наше исследование именно этому аспекту. Однако для работы с такими детьми

подходят далеко не все методы психологической коррекции. Как наиболее простой и понятный способ общения для детей нами был выбран метод игровой терапии.

Исходя из этого, целью нашего исследования явилось изучение динамики развития эмоционально-волевой сферы детей с отклоняющимся развитием в результате использования метода игротерапии в программе комплексной психокоррекции. Гипотеза состояла в том, что использование метода игровой терапии в программе комплексной психокоррекции способствует улучшению показателей опознавания и дифференциации базовых эмоциональных реакций, а также развитию контроля над эмоциями, волевых качеств и снижению уровня агрессии в поведении.

Исследование проводилось на базе специальной (коррекционной) школы VIII вида Красногвардейского района (ГБС (к) ОУ №499) г. Санкт-Петербурга. В исследовании принимали участие 34 ребенка с легкой степенью умственной отсталости, с первого по четвертый класс, в возрасте 7–10 лет (22 мальчика и 12 девочек). Следует обратить внимание, что разработанная нами программа психологической коррекции была унифицирована, однако в результатах ярко проявились полоспецифические особенности реагирования детей.

По исследуемым параметрам: активность, агрессивность, коммуникативность, общий фон настроения, волевые проявления (оценивались по карте наблюдения), способность к опознанию и дифференциации эмоций (методика «Эмоциональные лица» Семаго), уровень тревожности («Тест тревожности» Темпл, Дорки, Амен) – подсчитывалась частота встречаемости, а также средние значения по шкалам.

С целью выявления уровня значимости различий изучаемых параметров как внутри исследованной группы, так и при оценке эффективности проводимых психокоррекционных мероприятий использовался непараметрический критерий Фишера. Анализу подвергались только те параметры, уровень значимости которых соответствовал $p < 0,05$.

На основании полученных результатов исследования эмоционально-волевой сферы детей нами была разработана программа психологической коррекции, направленная на формирование эмоционально-волевой сферы детей с отклонениями в развитии. Она включала в себя IV этапа работы с детьми (6 занятий по 20–25 мин.).

I этап – ориентировочный, был направлен на знакомство с детьми и установление с ними позитивного контакта, а также именно на этом этапе необходимо было заинтересовать участников в дальнейших занятиях. Включал в себя 1 занятие.

II этап – этап объективирования трудностей развития. Здесь требовалось понять, насколько хорошо дети ориентируются в базовых (по К. Изарду) эмоциях, и оценить уровень эмоционально-волевого развития каждого ребенка из группы для дальнейшей работы с ними. Данный этап также включал в себя 1 занятие.

III этап – конструктивно-формирующий. На этом этапе основной целью являлось: скорректировать представление детей об эмоциях, сформировать азы дифференцирования положительных и отрицательных (хороших и плохих) эмоций и сформировать навыки выражения эмоций. На этом этапе проводилось 3 занятия.

И IV, последний, этап – обобщающе-закрепляющий. Обобщение сформированных навыков, проверка и закрепление всего, что запомнили дети. Этот этап, как и первые два, включал в себя 1 занятие.

Собранные с помощью карты наблюдения данные показали, что у группы мальчиков после проведения коррекционных занятий произошло значимое повышение коммуникативности, активности, при этом агрессивность снизилась. Что касается девочек, у них в большей степени были отмечены изменения только в области активности, а именно ее повышение.

По нашим данным, применение метода игровой терапии также способствовало снижению уровня тревожности у детей. У девочек наблюдалось значимое снижение тревоги, в то время как у мальчиков данное снижение было отмечено только в форме тенденции, сопряженной с волевой активностью. При этом у девочек показатели волевой активности не изменились. Возможно, это связано с тем, что для мальчиков волевые проявления являются более характерными (Гариен, 2004) и именно игровые техники способствуют ее регуляции. Также стоит отметить изменение фона настроения у детей со сниженного до лабильное, причем у мальчиков, в отличие от девочек, с тенденцией к приподнятому.

Анализ результатов, отражающих динамику способностей детей к распознаванию и дифференциации эмоций, показал, что у мальчиков, в отличие от девочек, значимо улучшились показатели по эмоции «грусть». В то же время мальчики не смогли усвоить такие эмоциональные реакции, как «обида» и «сердитость», в то время как у девочек большую трудность вызывала распознавание состояния «задумчивости». В процессе применения игровых техник дети обоего пола испытывали трудности в опознании эмоции «страх», путая ее с «грустью», а также эмоцию «удивление», путая с «радостью». Многие дети также не дифференцировали эмоции «удивление» и «страх», путая их между собой. Безусловно, эти эмоции являются более сложными для понимания и опознания для детей с отклоняющимся развитием, поскольку их эмоциональная сфера находится еще на уровне развития, соответствующего дошкольному возрасту (Сергиенко, 2006). Также следует отметить, что дети начали более адекватно воспринимать эмоции при определенных ситуациях взаимодействия с другими людьми, в частности связанных со школьным обучением. Особенно ярко это проявилось у девочек, в то время как у мальчиков основная динамика отмечалась в области проявлений воли.

К сожалению, разработанная нами комплексная программа психокоррекции, как и любая другая, не в силах полностью устранить ко-

гнитивный и эмоциональный дефект, а способна лишь несколько скорректировать представления детей. Тем не менее, исходя из полученных нами данных, для более продуктивной работы и получения отчетливых положительных результатов представляется необходимым увеличить продолжительность программы, количество занятий (в нашем исследовании было проведено лишь 6 занятий по 25 мин, по 5 упражнений в каждом) и более разнообразить предлагаемые задания относительно их дифференциации и их направленности на полоспецифические аспекты восприятия.

Таким образом, можно заключить, что разработанная нами программа психокоррекции, направленная на развитие эмоционально-волевой сферы, показала лучшие результаты в группе девочек, поскольку девочки, учитывая факт гендерного различия, являются более эмоциональными, нежели мальчики. Что же касается мальчиков, можно предположить, что для них более полезными и продуктивными окажутся другие формы психокоррекционных воздействий, к примеру использующие когнитивно-поведенческие техники.

Литература

- Астапов В. М., Малкова Е. Е.* Психическое здоровье школьников: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012.
- Большевидцева И. Л., Депутат И. С.* Анализ агрессивных проявлений у детей 10–12 лет с умственной отсталостью // Вестник Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. 2014. № 1. С. 72–75.
- Гаршен М.* Мальчики и девочки учатся по-разному. М.: АСТ–Астрель, 2004.
- Сергиенко Е. А.* Понимание эмоций детьми дошкольного возраста // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 24–36.
- Шкляр Н. В.* Изучение особенностей эмоциональной сферы младших школьников с нарушением интеллекта с целью оптимизации учебно-воспитательного процесса // Вестник ДВГСГА. Гуманитарные науки. 2011. № 1/2 (8). С. 102–117.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ВРАЧА

Ю. В. Андреева, О. Н. Солодчук (Ярославль)

Ответственность имеет огромное значение во всех сферах жизнедеятельности человека и общества в целом, она проявляется главным образом в поступках и делах. Степень развития личностной организации и психологическое содержание «Я» являются основными факторами формирования качества моральной ответственности в условиях про-

фессиональной подготовки врача. Возрастающая роль ответственности обусловлена необходимостью осуществления контроля над деятельностью субъекта (Петровский, Ярошевский, 1990).

Целью нашего исследования было изучение зависимости ответственности от личностных качеств в процессе профессионализации врача у студентов 1–6 курсов педиатрического факультета, а также врачей-педиатров и преподавателей педиатрии Ярославского государственного медицинского университета. Нами была выдвинута гипотеза о том, что ответственность, развивающаяся в процессе профессионализации врача, связана с личностными качествами, которые непосредственно не входят в структуру ответственности, выделенную В.П. Прыдеином. В отечественной психологии ответственность рассматривается как одна из составляющих личностных автономий, в основе которой лежит механизм самодетерминации: стремление к успеху, просчет возможных неблагоприятных исходов, готовности к риску и способности к принятию нестандартных решений, т. е. креативность. Работа врача порой требует принятия нестандартных решений, поэтому мы предполагаем, что такое личностное качество, как креативность, также влияет на уровень ответственности специалиста.

Выборка составила 240 чел. – по 30 студентов с 1-го по 6-й курс педиатрического факультета ЯГМУ, 30 чел. преподавательского состава и 30 работающих врачей. В исследовании использованы методики: личностная ответственность, по Прыдеину, избегание неудач, по Эллерсу, мотивация на успех, по Эллерсу, готовность к риску, по Шуберту, и методика диагностики вербальной С. Медника и невербальной креативности Торренса в адаптации А.Н. Воронина. Для математической обработки данных использовались статистические методы: корреляционный анализ Пирсона и t-критерий Стьюдента.

На первом курсе вербальная креативность, т. е. оперирование словами и понятиями в преобразовательной деятельности, способствует более рисковому поведению ($r=0,31$, $p<0,05$), снижает депрессивные настроения ($r=-0,31$, $p<0,05$), однако оказывает отрицательное влияние на истинное понимание проблемы ($r=-0,40$, $p<0,05$), сводя решение к поверхностным результатам, что можно объяснить началом освоения профессии врача и еще не сформировавшимся подлинным представлениями и знаниями. В то же время связь мотивации на успех и компонента ответственности – предметной результативности ($r=0,33$, $p<0,05$) – говорит о потенциале дальнейшего роста ответственного и продуктивного поведения, в процессе профессионализации.

На втором курсе прослеживается тенденция к избеганию ответственности, с преобладанием эгоцентрической мотивации. Креативность в данном случае чаще оказывается направлена на выход из ситуации без негативных последствий для самого человека ($r=0,41$, $p<0,05$), а не на продуктивное решение ситуации. На третьем курсе подобная

ситуация сохраняется. Но появляется внутренняя осознанность деятельности, однако пока эта деятельность направлена на саму личность ($r=0,60$, $p<0,05$). О полноценно сформировавшейся ответственности говорить еще рано, так как готовность к риску отрицательно коррелирует с когнитивной осознанностью ($r=-0,50$, $p<0,05$) и положительно – с экстернальным локусом контроля ($r=0,68$, $p<0,05$), что характеризует рисковое поведение как зависящее от мнения окружающих, и в случае неудачи, скорее всего, человек будет искать себе оправдания.

Переломными в плане формирования ответственности и связанных с ней личностных качеств являются 4 и 5 курсы, как мы считаем, это связано с изменением структуры обучения и непосредственно с встречей будущего врача и пациента.

На 4 курсе студент пытается выйти за пределы готовых схем. В то же время можно говорить о снижении эмоционального напряжения при действии нестандартным образом ($r=-0,32$, $p<0,05$). Наблюдается положительная корреляция мотивации к избеганию неудач с динамической эргичностью ($r=0,45$, $p<0,05$), т. е. при уходе от отрицательного исхода ситуации человек пытается максимально сохранить силы, не задействовав энергию. С одной стороны, это положительные изменения, так как любое включение способствует более ответственному поведению, с другой, при слишком сильном избегании неудач усилия будут тратиться на уход от негативного исхода, а не на предметную деятельность.

На 4 курсе появляется корреляция между мотивацией на успех и социальной результативностью ($r=0,37$, $p<0,05$), при этом в дальнейшем сохраняется эта корреляция у всех групп испытуемых, что говорит о сформированности к 4 курсу стремления добиться успеха в социально направленной деятельности. Однако беспокоит взаимосвязь мотивации на успех и эмоциональной астеничности с готовностью к риску ($r=0,48$, $p<0,05$), проявляющейся только на 4 курсе. Возможно, это связано с еще не интериоризовавшейся направленностью на общество.

К 5 курсу мотивация к избеганию неудач уже положительно взаимосвязана с динамической эргичностью, ($r=0,41$, $p<0,05$), т. е. студент полностью включается в процесс, а не поверхностно подходит к вопросу обучения.

На 5 курсе мотивация на успех положительно коррелирует как с предметной ($r=0,56$, $p<0,05$), так и с социальной результативностью ($r=0,73$, $p<0,05$), в это плане данный курс уникален, можно предположить, что это наиболее продуктивный период обучения и формирования личностных качеств. Начиная с 5 курса мотивация на успех начинает положительно контролироваться с интернальным локусом контроля ($r=0,37$, $p<0,05$), т. е. ответственность за достижение поставленной цели человек уже способен взять на себя, данная корреляция сохраняется в дальнейшем у всех групп испытуемых. Необходимо отметить,

что и готовность к риску становится направлена на потребности общества именно на 5 курсе.

6 курс можно считать некоторой конечной точкой формирования ответственности и связанных с ней личностных качеств на ступени обучения врача. К 6 курсу большинство личностных качеств становится направлено на потребности общества, при этом складывается система ответственного поведения. Также можно говорить об обоснованности предпринимаемого риска..

Неожиданным было, что группа врачей и группа преподавателей достаточно различаются по полученным результатам. На основании полученных корреляций обнаружено, что специалисты осознанно несут ответственность за нестандартные решения, подходят к ним с внутренне активным настроем и нацелены на результат, а у преподавателей за нестандартными решениями стоит лишь невысокий уровень совладения с трудностями ($r=-0,37$, $p<0,05$) и снятие ответственности с окружающих ($r=-0,58$, $p<0,05$). Преподаватель в ситуации принятия решения действует исходя из имеющейся теоретической базы, в то время как врач опирается на практический опыт.

У врачей чем выше мотивация на успех, тем менее выражен интернальный локус контроля при высокой склонности к риску.

Готовность к риску у врачей тесно взаимосвязана с социальной результативностью ($r=0,33$, $p<0,05$) и отрицательно коррелирует с экстернальным локусом контроля ($r=-0,37$, $p<0,05$), т. е. риск направлен, в первую очередь, на помощь больному, и ответственность за этот риск врач берет на себя.

Таким образом, выдвинутая вначале исследования гипотеза о связи ответственности, развивающейся в процессе профессионализации врача, с личностными качествами, которые непосредственно не входят в структуру ответственности, подтвердилась. Были выявлены особенности этой связи на различных этапах профессионализации, характер этих особенностей говорит, что процесс профессионального становления врача – это сложный, многоступенчатый асинхронный процесс.

Литература

- Кашанов М. М. Стадии творческого мышления профессионала. Ярославль: Ремдер, 2000.
- Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука, 1983.
- Психология: Словарь / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский и др. Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Речь, 1990.

ПЛАНИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО БОЛЬНЫМИ, ПЕРЕНЕСШИМИ ОПЕРАЦИЮ ПО УДАЛЕНИЮ МЕНИНГИОМЫ ГОЛОВНОГО МОЗГА*

Л. Х. Арьян (Москва)

Актуальность исследований, направленных на изучение различных аспектов влияния онкологических болезней на жизнь человека, очевидна. Исследования такого рода проводятся и в медицине, и в психиатрии, а также в психологии.

Частота диагностирования онкологических заболеваний у людей разного возраста по всему миру растет. Такое заболевание может затронуть множество аспектов здоровья человека, в том числе и психологический. Так, например, страх перед онкологией нередко серьезно отражается на состоянии пациента, так же как и методы лечения таких заболеваний.

В последние годы отмечается увеличение интереса к данным исследованиям. Возможно, это связано с уникальностью онкологических заболеваний и «особым» отношением к ним большинства людей.

Исследования показали, что нередко можно наблюдать более высокий уровень нейротизма, избегания травм, депрессии, тревоги у пациентов с различными опухолями, по сравнению со здоровой контрольной группой, соответствующей по возрасту и полу. Можно говорить о том, что около половины пациентов испытывают сильный дистресс, значимо превышающий уровень дистресса здоровой группы. Особенно высок этот стресс в течение короткого периода после операции по удалению опухоли. Авторы отмечают, что уровень стресса на более поздних этапах до сих пор мало изучен.

Уровень тревоги и депрессии также различен у пациентов после операции и в период ожидания терапии облучением. Более молодые пациенты склонны к тревоге в большей степени, как и люди, которые ранее страдали от депрессии. Таких пациентов можно отнести к группе риска.

Опухоли головного мозга встречаются у людей практически любого возраста. Для опухолей головного мозга характерна одна особенность: при любом гистологическом типе опухоли – злокачественной или доброкачественной – оказывается эффект на сам мозг – сдавление и смещение его структур. Однако еще большее значение имеет анатомическое расположение опухоли, так как именно от того, какую долю и какой отдел головного мозга сдавливается опухолью, зависит тип лечения и прогноз.

Менингиома – опухоль, которая возникает из мембран, покрывающих мозг и окружающих центральную нервную систему (т. е. «накладок» черепа и позвоночника). Она является наиболее распространенной доброкачественной опухолью головного мозга у взрослых.

Менингиомы более распространены среди женщин, при этом средний возраст пациентов составляет 56,4 года. 92% менингиом имеют доброкачественную гистологию (Joung Lee, 2009).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 14-06-00236а).

Предпочтительным для лечения менингиомы, как правило, считается операция, если поражение может быть в значительной степени удалено при достаточно низком риске рецидива. Более полное удаление связано с более низким риском рецидива или прогрессирования. Хирургическое удаление, как правило, включает в себя кости и/или твердую мозговую оболочку (один из слоев оболочек), в которую опухоль распространилась. Замена этих структур может быть необходима. Лучевая терапия, радиохирurgia и/или изменяющие рост препараты могут рассматриваться в качестве вариантов лечения не полностью удаленных опухолей, в момент рецидива опухоли или ее прогрессирования.

Особенность менингиомы заключается в том, что она может расти медленно, в течение десятилетий, а может вырасти очень быстро. Если пациент «живет» с опухолью долгое время, то нельзя исключать ее влияния на личность и здоровье пациента.

Группой исследователей ИП РАН и НИИ им. Н. Н. Бурденко (Н. В. Табраина, Н. Е. Харламенкова, Л. Х. Ароян, Д. А. Никитина, Е. Н. Дымова, О. А. Ворона, М. А. Падун, Н. Е. Шаталова и О. С. Зайцев, А. А. Лукшина, О. А. Максакова) проводится исследование, направленное на изучение специфики и уровня психотравматизации больных с опухолями головного мозга в постоперационном периоде.

Выборка для исследования распределяется в возрастном промежутке от 30 до 70 лет, 75% пациентов в возрасте от 50 лет, 15% испытуемых мужского пола, 85% женского.

В данной работе хотелось бы обратить внимание на один из аспектов, а именно на то, как планируют пациенты свою жизнь. В ходе 39 проведенных структурированных интервью с пациентами нами задавались вопросы о планах на будущее.

Для 90% пациентов диагноз поставлен менее чем за полгода до операции. Даже если менингиома развивалась в течение многих лет и у пациентов были симптомы, они долгое время игнорировали их или могли лечиться от других болезней.

Пациенты отмечают этот период, с момента постановки диагноза до операции, как особенно сложный, ожидание операции сопровождается переживаниями, сбором информации о болезни. Каждый пациент ищет свои ресурсы для принятия ситуации.

Вопрос, вызывающий больше всего времени на подготовку ответа со стороны пациентов в ходе интервью, – это вопрос о планах на будущее, как сразу после операции, так и отсроченно. Все пациенты хотят вернуться к прошлому распорядку жизни как можно быстрее. Сроки пациенты не готовы определять, вообще склонны не думать об этом и объясняют это тем, что процесс выздоровления ими не контролируется. Отметим, что единственный фактор, который отмечают пациенты в качестве изменения, которое они хотели бы внести в свою жизнь, – больше «беречь» себя.

Сильные эмоции, такие как страх, стресс, неожиданность болезни при постановке диагноза и далее, уже после успешно проведенной операции, во многом определяют то, что пациенты не готовы говорить о сроках восстановления и возвращения к прошлой жизни. Отметим, что пациенты, которые продолжают активную социальную жизнь, работают с большим интересом, говорят о своих планах и лучше их вербализуют.

Наоборот, пациенты, которые основное время проводят дома, достаточно вяло говорят о том, что продолжат заниматься домашними делами, но с учетом физического состояния. Также эти пациенты говорят о том, что для них важно не быть обузой близким и, по крайней мере, научиться жить самостоятельно.

Конечно, обе группы пациентов планируют возвращение к старому распорядку, но у первой группы более сильный стимул – социальная жизнь.

Также планирование во многом зависит от того, насколько сильны симптомы и могут ли они повлиять существенно на качество жизни. Перед пациентами встает вопрос о том, смогут ли они восстановиться настолько, чтобы сохранить привычное качество жизни.

В ходе интервью получены интересные данные о том, что именно, с точки зрения пациентов, стало причиной появления и развития опухоли. Десять пациентов говорят о том, что опухоль является следствием некой прошлой физической травмы, три пациента говорили о «прошлых грехах», за которые поплатились своим здоровьем. В наши цели исследования данный аспект не входил, и данный вопрос нами не задавался, но был затронут пациентами самостоятельно. Предполагаем, что в процессе ожидания операции пациенты ищут объяснения своему заболеванию.

Таким образом, на планирование жизни после операции по удалению опухоли оказывают влияние многие факторы: наличие или отсутствие симптомов после операции, наличие иных сопутствующих болезней, предыдущий образ жизни пациента, в том числе и социальная активность, а также то, насколько травмирующим было известие о болезни. Так или иначе, наиболее ясно можно будет говорить о данном вопросе при сравнении результатов первой и второй, отсроченной на 3–6 месяцев встречи с пациентами.

Литература

- Ворона О. А.* Психологические последствия стресса у больных раком молочной железы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
- Тарабрина Н. В., Генс Г. П., Коробкова Л. И., Ворона О. А., Падун М. А.* Стресс и его последствия у больных раком молочной железы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Joung H. Lee.* MD Brain Tumor Neuro-Oncology Center Department of Neurosurgery, Neurological Institute Cleveland Clinic Foundation. Cleveland, USA, 2009.

ВОЗДЕЙСТВИЕ АЛКОГОЛЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ*

К. Р. Арутюнова (Москва)

Социальная нейронаука – быстро развивающаяся междисциплинарная область исследований, которая изучает биологические основы социальных взаимодействий, включая закономерности просоциального поведения у животных и человека. Под просоциальным поведением в довольно общем определении понимаются действия индивида, которые направлены на помощь другим (например, см.: обзор в Penner et al., 2005). К феноменам просоциального поведения относят различные виды кооперации, эмпатии, альтруизма и морали. Целью данной работы было исследование психологических основ формирования моральных суждений относительно допустимости различных просоциальных действий. Для этого сопоставлялись характеристики моральных оценок индивидов в нормальном состоянии и после принятия алкоголя.

Алкоголь, как ни одно другое психоактивное вещество, связан с проявлениями многих форм антисоциального поведения, результатами которых становятся жестокие преступления, случаи суицида, автомобильные и производственные катастрофы. В то же время существуют данные, демонстрирующие, что алкоголь увеличивает стремление индивида помогать другим (см.: обзор в: Steele, Josephs, 1990). Механизмы воздействия алкоголя на социальное поведение человека требуют дальнейшего изучения и являются актуальной областью исследований в психологии и др. дисциплинах. На данный момент в литературе существует только одна работа, в которой изучались характеристики моральных оценок в связи с острым воздействием алкоголя (Duke, Vègue, 2015). Было показано, что уровень алкоголя в крови коррелирует с увеличением утилитарных моральных оценок, т. е. под воздействием алкоголя люди считают более допустимым нанесение смертельного вреда одному человеку для спасения пятерых других людей. Эти данные, на наш взгляд, согласуются с представлениями о феномене «алкогольной миопии»: характерные эффекты алкоголя на социальное поведение включают увеличение крайних социальных оценок и действий (см.: обзор в Steele, Josephs, 1990). С системно-эволюционных позиций, основой этих эффектов может являться снижение активности нейронных, специализированных относительно новых систем поведенческих актов, приводящее к общему снижению дифференцированности соотношения индивида со средой (например, Александров и др., 1990). Ситуация моральной дилеммы в обычных условиях содержит в себе сильный конфликт: с одной стороны, при прочих равных условиях пять жизней лучше, чем одна; а с другой – в культуре существуют жесткие

* Исследование проводится при поддержке РГНФ (проект № 14-06-00680а).

социальные запреты на убийство и нанесение вреда другому человеку. Алкогольная миопия связана со снижением социальных запретов: восприятие социальных запретов на убийство снижается, а очевидные параметры ситуации – «пять жизней лучше, чем одна» – начинают играть основную роль в оценке допустимости вредоносных просоциальных действий. С этой точки зрения, индивидуальное восприятие дилеммы упрощается, а выбор становится менее сложным, причем он упрощается в сторону именно утилитарного суждения: убийство одного для спасения пятерых чаще оценивается как более допустимое.

Описанные выше результаты (Duke, Vègue, 2015) были получены в ходе полевого исследования (в барах), в котором не контролировались такие факторы, как среда и социальное окружение; вид, концентрация и динамика употребления алкоголя; параметры выборки и др. Отсутствовало сопоставление с группой сравнения, которая не употребляла алкоголь. На наш взгляд, для понимания основ воздействий алкоголя на моральные суждения людей необходимо комплексное лабораторное исследование, в котором контролировались бы перечисленные выше факторы, а также сопоставлялись характеристики моральных оценок под воздействием алкоголя и без него у одних и тех же индивидов.

Для проведения данного исследования нами был разработан компьютерный вариант методики «Тест морального чувства» (Moral Sense Test, Cognitive Laboratory, Harvard University, USA), позволяющий синхронно регистрировать поведенческие показатели (оценки испытуемых и временные параметры ответов) и динамику частоты сердечных сокращений (ЧСС) – объективный показатель вегетативного статуса человека. Процедура исследования включала просмотр 30-минутного фильма из серии BBC «Планета Земля», во время которого участникам исследования предлагалось выпить два стакана напитка, который либо содержал алкоголь (сок с водкой «Русский Стандарт» 40%; этанол 1 г/кг) – условие «алкоголь», либо нет (сок с водой) – условие «контроль». Затем, следуя инструкциям на экране монитора, с помощью клавиатуры и компьютерной мыши участники оценивали по 7-балльной шкале утилитарные просоциальные действия и бездействия персонажей в 30 сценариях моральных дилемм, включающих причинение смерти одному человеку для спасения жизней пятерых других людей (тексты дилемм см. в: Agutshnova et al., 2013).

Исследование проводилось в двух выборках участников из разных культур – российской (n1=35) и западной (Великобритания, n2=25). В исследовании принимали участие мужчины и женщины от 21 года до 55 лет (Med1=29, Med2=31). Все участники проходили исследование дважды, временной промежуток между первым и вторым тестированием составлял 2–4 месяца. Основная группа (n1=25; n2=15) была опрошена один раз в условии «контроль» (концентрация алкоголя в выдыхаемом воздухе была ниже 0,05%) (концентрация алкоголя в выдыхаемом воздухе была ниже 0,05%)

хаемом воздухе, $B_{rAC}=0,00$ мг/л) и другой раз – в условии «алкоголь» ($B_{rAC}>0,2$ мг/л). Порядок условий «алкоголь» и «контроль» в эксперименте был контрсбалансирован между участниками. Группа сравнения ($n_1=10$; $n_2=10$) оба раза была опрошена в условии «контроль».

На основе предварительного анализа данных были описаны паттерны моральных суждений участников в нормальном состоянии и под воздействием алкоголя. В двух экспериментальных условиях сопоставлялись (1) оценки участников по всем 30 сценариям, (2) индексы моральной допустимости (средняя оценка каждого испытуемого по всем 30 сценариям) и (3) соотношение крайних оценок (1 – «запрещено» – и 7 – «обязательно»). Ни в российской, ни в западной выборках описанные характеристики моральных оценок после принятия алкоголя значимо не изменились (критерий Вилкоксона, $p>0,05$). Корреляции общего паттерна моральных оценок после принятия алкоголя с B_{rAC} , обнаружено не было (Спирмана r , $p>0,05$). В западной выборке выявлена тенденция к увеличению крайних оценок в условии алкоголь, по сравнению с контрольным условием. Пропорция крайних оценок обоих типов, «запрещено» и «обязательно», по всей выборке увеличилась (критерий Фишера, $p=0,002$), однако это увеличение наблюдалось только у части испытуемых. В обеих выборках наблюдалось увеличение ЧСС в условии алкоголь, по сравнению с условием контроль (критерий Вилкоксона, $p<0,05$).

Полученные результаты предварительного анализа данных показывают, что в контролируемых лабораторных условиях острое воздействие алкоголя в дозировке 1 г/кг не приводит к существенному изменению характеристик моральных оценок индивидов. Причем это показано в двух культурах – российской и западной. Полученные результаты могут обсуждаться в контексте феномена алкогольной миопии (см.: Steele, Josephs, 1990). Алкоголь, воздействуя на процессы восприятия и мышления, приводит к избирательному увеличению роли непосредственных и близких к индивиду факторов среды, особенно социальной, в поведении. Например, если окружающая социальная среда вызывает агрессию, человек в большей степени склонен проявлять агрессию в собственном поведении. С другой стороны, если социальная среда предрасполагает к социальной взаимопомощи, индивид в своем поведении начинает проявлять повышенный альтруизм. В проводимом нами лабораторном исследовании участники формируют моральные суждения в сходных условиях среды с обедненным социальным контекстом (наедине с собой работают с компьютером). Отсутствие значимых различий в их моральных суждениях под воздействием алкоголя и без может обозначать, что принятие моральных решений в большой степени интуитивно и оказывается устойчивым к вызываемым алкоголем изменениям в рациональных когнитивных процессах (восприятие, мышление и др.) В то же время социальный контекст может играть

существенную роль в эффектах алкоголя на формирование моральных суждений (например, данные Duke, Bègue, 2015 об увеличении утилитарности суждений, полученные в полевом исследовании в ситуации совместного с другими людьми употребления алкоголя в общественном месте, баре).

Для более определенных выводов о воздействии алкоголя на формирование моральных суждений, для выявления системных закономерностей эффектов алкоголя на социальные оценки индивидов нами в настоящий момент проводится более глубокий анализ полученных данных об оценках индивидов и временных параметрах ответа на увеличенной выборке участников, а также анализ данных о динамике различных параметров ЧСС (R-R интервалы) во время решения моральных дилемм.

Литература

- Александров Ю. И., Гринченко Ю. В., Светлаев И. А.* Влияние острого введения этанола на реализацию поведения и его нейронное обеспечение // Журнал высшей нервной деятельности. 1990. Т. 40. № 3. С. 456–466.
- Arutyunova K. R., Alexandrov Yu. I., Znakov V. V., Hauser M. D.* Moral judgments in Russian culture: Universality and cultural specificity // Journal of Cognition and Culture. 2013. V. 13. № 3–4. С. 255–285.
- Duke A. A., Bègue L.* The drunk utilitarian: Blood alcohol concentration predicts utilitarian responses in moral dilemmas // Cognition. 2015. V. 134. P. 121–127.
- Penner L. A., Dovidio J. F., Piliavin J. A., Schröder D. A.* Prosocial Behavior: Multilevel Perspectives // Annual Review of Psychology. 2005. V. 56. P. 365–392.
- Steele C. M., Josephs R. A.* Alcohol myopia: Its prized and dangerous effects // American Psychologist. 1990. V. 45. № 8. P. 921–933.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОМПЛАЕНСА У ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ

А. С. Афанасьева, Г. Л. Исурина (Санкт-Петербург)

В настоящее время комплаенс (приверженность лечению) пациентов с ВИЧ-инфекцией представляет собой проблему огромной практической важности. Недостаточное соблюдение режима лечения является причиной формирования резистентности вируса и неэффективности терапии (Turner, 2002). Однако психологические факторы комплаенса в настоящее время еще остаются малоизученными.

Цель исследования. Изучение психологических факторов комплаенса и ресурсного потенциала личности ВИЧ-инфицированных пациентов, получающих антиретровирусную терапию (АРВТ).

Гипотезы исследования

- H0: ВИЧ-инфицированные пациенты, получающие АРВТ и имеющие различный уровень комплаенса, не имеют значимых межгрупповых различий в направленности и форме совладающего поведения.
- H1: Пациенты, имеющие значимые трудности в соблюдении режима приема препаратов АРВТ, вошедшие в экспериментальную группу, характеризуются более пассивными и дезадаптивными формами совладающего поведения, а также ограниченным и неэффективным использованием личностных ресурсов.
- H2: Пациенты, успешно справляющиеся с организационными трудностями в соблюдении режима приема препаратов АРВТ, вошедшие в контрольную группу № 1, характеризуются более инициативными и адаптивными формами совладающего поведения, эффективным использованием личностных ресурсов.
- H3: Успешность преодоления организационных трудностей в приеме препаратов АРВТ в качестве химиопрофилактики передачи ВИЧ ребенку беременными женщинами с установленным диагнозом ВИЧ-инфекция, включенными в контрольную группу № 2, преимущественно обусловлена ценностно-мотивационной направленностью личности и индивидуальным значением материнства, нежели адаптивностью форм совладающего поведения.
- H4: Личностные акцентуации обладают как адаптивным, так и дезадаптивным ресурсным потенциалом. Эффективность совладающей активности при взаимодействии с проблемной ситуацией зависит от степени осознанности спектра личностных ресурсов и опыта построения адаптивных, или наоборот, дезадаптивных поведенческих паттернов.

Характеристики выборки. Исследование проводилось на базе ГОБУЗ «Центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями «Хелпер» в г. Великом Новгороде в период с 2012 по 2014 г. В исследовании приняли участие 140 чел., мужчин и женщин, в возрасте от 25 до 45 лет с установленным диагнозом ВИЧ-инфекция. Экспериментальную группу составили 50 пациентов, получающих АРВТ и имеющих значимые трудности в соблюдении режима приема препаратов. Контрольную группу № 1 составили 50 пациентов, получающих АРВТ и успешно справляющихся с организационными трудностями в соблюдении режима приема препаратов. Контрольную группу № 2 составили 40 беременных женщин, успешно справляющихся с организационными трудностями в приеме АРВТ в качестве химиопрофилактики передачи ВИЧ ребенку.

Методики. В работе реализована схема исследования, сочетающая применение методик самоотчета (опросников) и методики экспертной оценки. В качестве методик самоотчета применялись: опросник «Спо-

собы совладающего поведения» Р. Лазаруса, С. Фолкмана, адаптированный Т.Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой в 2004 г., «Опросник для выявления акцентуаций характера» К. Леонгарда, Г. Шмишека, в адаптации В.М. Блейхера, 1973 г., «Опросник перфекционизма», разработанный Н.П. Гаранян, А.В. Холмогоровой в 2008 г., методика «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index) Р. Плутчик, Х. Келлермана, Х. Р. Конте. С целью получения специфических данных были адаптированы «Опросник субъективной удовлетворенности лечением» Н.Б. Лутовой, А.В. Борцова и В.Д. Вида 2007 г. и «Шкала медикаментозного COMPLAINTS» Н.Б. Лутовой, А. В, Борцова, А.Я. Вукс, В.Д. Вида 2007 г. Также был применен клинико-биографический метод (исследование анамнеза жизни и заболевания пациентов) в форме полуструктурированной беседы.

Математические методы. Статистический анализ проводился с использованием стандартной компьютерной программы SPSS Statistics 17.0. К полученным данным, после отклонения H_0 , был применен метод парных сравнений средних с использованием метода Шеффе, метод корреляционного анализа r -Пирсона, статистическая достоверность данных определена на уровне $p < 0,05$.

Результаты и их интерпретация. С помощью метода парных сравнений средних были обнаружены статистически значимые ($p < 0,05$) межгрупповые различия в совладающем поведении пациентов из экспериментальной и контрольной группы № 1. Совладающее поведение пациентов из экспериментальной группы достоверно более направлено на принятие ответственности за возникновение проблемной ситуации и уклонение от ее решения при наличии высокого риска накопления трудностей, чем совладающее поведение пациентов из контрольной группы № 1. Пациенты из экспериментальной группы статистически достоверно ($p < 0,01$) более низко оценили свою удовлетворенность результатами лечения, взаимоотношениями врач–больной, комфортностью ожидания приема врача и окружающей обстановкой в поликлинике, чем пациенты контрольных групп сравнения. Пациенты из контрольной группы № 1 статистически достоверно ($p < 0,05$) более болезненно воспринимают свой ВИЧ-статус, по сравнению с пациентами из экспериментальной группы. Пациенты из экспериментальной группы статистически достоверно ($p < 0,01$) хуже относятся к медикации, имеют более выраженные когнитивно-поведенческие нарушения, которые проявляются в снижении критики к своему состоянию, более низкий уровень поддержки со стороны близкого окружения, более низкий уровень терапевтического альянса с врачом и плохой прогноз медикаментозного COMPLAINTS, по сравнению с пациентами из контрольных групп сравнения.

В результате применения корреляционного анализа с помощью r -коэффициента Пирсона были обнаружены статистически значимые межгрупповые различия в структуре совладающего поведения

и их связь с акцентуированными личностными чертами. Анализ полученных данных позволил реализовать типологический подход к описанию паттернов совладающего поведения, характерных для пациентов, включенных в экспериментальную группу и контрольные группы сравнения. Таким образом, были представлены профили паттернов совладающего поведения пациентов в соответствии с личностными акцентуациями. Комплаенс ВИЧ-инфицированных пациентов с акцентуированными демонстративными чертами статистически достоверно связан с опытом преодоления интенсивности эмоционального реагирования на фрустрацию, выраженной инициативностью, находчивостью в преодолении нестандартных трудностей в ситуации лечения и взаимоотношениях с близкими людьми, лечащим врачом в форме организующей, направляющей деятельности, адекватной поддержкой со стороны близкого окружения. Комплаенс ВИЧ-инфицированных пациентов с акцентуированными застревающими чертами статистически достоверно связан с опытом в постановке трудных целей и задач, подчеркнута серьезным отношением к жизни, болезни и лечению, глубоким интересом к изучению и ориентацией на объективную информацию о заболевании и препаратах АРВТ, относительно ровным фоном настроения. Комплаенс ВИЧ-инфицированных пациентов с акцентуированными педантичными чертами статистически достоверно связан с опытом в преодолении негативных переживаний путем положительного переосмысления возникших трудностей, ориентацией на высокие стандарты деятельности и полюс «самых успешных», высокой мотивацией достижений в сочетании с оптимизмом и инициативностью. Комплаенс ВИЧ-инфицированных пациентов с акцентуированными возбудимыми чертами статистически достоверно связан с опытом в разрядке психоэмоционального напряжения посредством активного противостояния трудностям и стрессогенному воздействию, ориентацией на высокие стандарты деятельности и полюс «самых успешных», опытом в поиске субъективно новых адаптивных форм поведения, в поэтапном решении задач, пресечении самооправдания и принятии ответственности. Комплаенс ВИЧ-инфицированных пациентов с акцентуированными гипертимическими чертами статистически достоверно связан с опытом в преодолении негативных переживаний за счет их положительного переосмысления, в восполнении субъективного дефекта более выгодным достоинством и поведенческой характеристикой «идеальной модели», в самопоощрении в связи со значимыми достижениями, в аналитическом преодолении переживаний посредством логических установок, адекватной поддержкой со стороны близкого окружения. Комплаенс ВИЧ-инфицированных пациентов с акцентуированными дистимическими чертами статистически достоверно затруднен: чем более выражены акцентуированные черты, тем хуже общий прогноз комплаенса пациента. Комплаенс ВИЧ-инфицированных пациентов с акцентуиро-

ванными циклотимическими чертами статистически достоверно связан с сопутствующими акцентуированными педантичными и эмотивными чертами. Комплаенс ВИЧ-инфицированных пациентов с акцентуированными тревожными чертами статистически достоверно затруднен интенсивностью проявления тревоги. Комплаенс ВИЧ-инфицированных пациентов с акцентуированными аффективно-экзальтированными чертами статистически достоверно связан с сопутствующими акцентуированными чертами. Комплаенс ВИЧ-инфицированных пациентов с акцентуированными эмотивными чертами статистически достоверно связан с сопутствующими акцентуированными гипертимическими чертами, а именно оптимизмом и инициативностью, а также опытом снижения уровня тревоги и внутреннего сопротивления лечению посредством перехода на подчиненный тип отношений с врачом, восполнения субъективного дефекта более выгодным достоинством и поведенческой характеристикой «идеальной модели».

Выводы. В результате исследования было получено подтверждение наличия значимых межгрупповых различий в направленности и форме совладающего поведения у ВИЧ-инфицированных пациентов, получающих АРВТ и имеющих различный уровень комплаенса. Пациенты из экспериментальной группы характеризуются более дезадаптивными формами совладающего поведения, чем пациенты из контрольной группы № 1. Получено подтверждение зависимости уровня комплаенса пациентов от осознанности ресурсного потенциала акцентуированных личностных черт.

Литература

Turner B. J. Adherence to antiretroviral therapy by human immunodeficiency virus-infected patients // *Journal of Infectious Diseases*. 2002. V. 185. № 2. P. 143–151.

РЕЧЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОБЕСЕДНИКОВ: ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

В. А. Афиногенова, Н. Д. Павлова (Москва)

Необходимость изучения интенциональных оснований речевого взаимодействия определяется недостаточной разработанностью проблемы психологических механизмов, лежащих в основе объединения реплик собеседников в единый разговор, а также процессуальных факторов, оказывающих влияние на характер интеракций. Интенции субъекта образуют психологическую основу речи и во многом определяют ее характер (Ушакова и др., 2000). Восприятие интенционального подтекста высказываний является важным условием взаимопонимания комму-

никантов (Зачесова, 2008), формирования межличностных отношений (Гребенщикова, 2012), развития самого разговора (Павлова и др., 2005). Без обращения к интенциональному плану дискурса невозможно уяснить общие механизмы координации реплик собеседников и организации речевого взаимодействия.

Целью исследования явилось описание интенциональной организации речевого взаимодействия собеседников в процессе диалога.

Общая гипотеза исследования состояла в том, что организацию речевого взаимодействия определяют взаимосвязанные интенциональные паттерны, в которых фиксируется отклик собеседника на выраженные субъектом интенции. Отдельные интенции формируют ведущие интенциональные направленности дискурса, которые обуславливают конкретную форму взаимодействия и направляют его развитие.

Характеристика выборки. Объектом исследования выступали повседневные диалоги студентов. Было записано и транскрибировано 58 диалогов средней продолжительностью 29 реплик (min=5, max=195). Среди них было равное количество собственно диалогов и полилогов (понятия «собственно диалог» и «полилог» используются для дифференциации речевого взаимодействия между двумя и большим количеством собеседников). В разговорах принимали участие от 2 до 11 собеседников. Все они являлись студентами ГАУГН, хорошо знакомыми друг с другом. В исследовании приняло участие 34 чел.: 6 юношей и 28 девушек, в возрасте 17–21 год (средний возраст – 18,7 лет).

Применяемые методические средства. При анализе речевого материала был использован метод интен-анализа (Ушакова и др., 2000). Для статистической обработки данных использован программный пакет Statistica 6.0, способы непараметрического анализа данных. Для анализа результатов экспертной оценки применен коэффициент согласованности Флейса для номинальных переменных и статистика отношения шансов (Флейс, 1989).

Результаты и их обсуждение. Интен-анализ повседневного студенческого дискурса выявил 53 интенциональные категории, которые иерархически соподчинены и относятся к одной из 8 ведущих интенциональных направленностей (ВИН) дискурса: побудить к действию; побудить к общению, обсуждению; поддержать общение, обсуждение; поддержать партнера и его действия; уклониться, возразить, не поддержать; изменить мнение; выразить отношение, состояние; выразить свое мнение. Выявлены значимые различия между ВИН (коэффициент χ^2 Пирсона, $p < 0,01$), что указывает на статистическую обоснованность их выделения. В повседневном дискурсе преобладают ВИН «Поддержать общение, обсуждение» (39,2% общего числа реализованных интенций), ВИН «Побудить к общению, обсуждению» (15,8%), ВИН «Выразить отношение, состояние» (11,6%) и ВИН «Уклониться, возразить, не поддержать» (9,5%).

Представленные данные обнаруживают приоритетную направленность дискурса на поддержание, развитие коммуникации и регуляцию межличностных отношений. Выявлена его эмоциональная насыщенность, на что указывает значительная выраженность интенций ВИН «Выразить отношение, состояние» («выразить радость», «выразить недовольство» и пр.).

Реализуемые в процессе взаимодействия интенции образуют согласованные интенциональные паттерны, в которых отражаются актуальные интенции собеседников и отклик партнера на их реализацию. Координация реплик осуществляется не только посредством согласования парных интенциональных категорий («запросить информацию – сообщить», «уточнить понимание – пояснить» и др.). Проявленная интенция может актуализировать несколько ответных реплик, которые могут не соседствуют друг с другом и принадлежать разным коммуникантам. Полиинтенциональная иницирующая реплика может формировать несколько интенциональных паттернов.

Сочетание различных вариантов интенциональных паттернов определяет интенциональную организацию речевого взаимодействия. При линейной организации иницирующая и ответная интенции соотносятся последовательно (34 из 58 диалогов). В разветвленной структуре интенции могут соотноситься как последовательно, так и отсроченно, многократно (24 из 58 диалогов). В ней выделяются фрагменты узловой организации, которая предполагает отнесенность ответных интенций к общей иницирующей интенции.

Выявлены 3 формы интенциональной координации реплик – непосредственное, отсроченное и совмещенное отреагирование проявленной интенции коммуникантом. В повседневном дискурсе преобладает непосредственное отреагирование интенций (55,7% общего числа зафиксированных интенций): собеседник реализует ответный отклик непосредственно после иницирующей реплики партнера. Совмещенное отреагирование менее выражено (5,2%) и предполагает общий отклик партнера на несколько реализованных интенций. Отсроченный отклик реализуется спустя несколько реплик партнера (5,3%).

Часть проявляемых интенций релевантного ответа не вызывает (33,8% общего числа зафиксированных интенций). В одних случаях подобной неотреагирование связано с влиянием ситуационных условий (1,4%). В других случаях оно определяется конвенциональными факторами (2,6%), которые соотносятся с типом реализуемых интенций: интенции «активного слушания» («обозначить понимание партнера», «подтвердить» и др.), «этикетные» интенции («поблагодарить», «поприветствовать» и др.).

Неотреагирование коммуникативного плана преобладает (29,8% от общего числа зафиксированных интенций). Оно характеризуется субъективным игнорированием проявленных интенций, что является

своеобразной стратегией, позволяющей влиять на ход взаимодействия. Нередко отклик партнера не получают составляющие полиинтенциональной реплики (13,1%). Также возможно игнорирование реплики в целом (16,7%). Оно рассматривается как коммуникативное неконфликтное противодействие: диалог продолжается, но может изменить линию развития.

Сравнение интенциональной организации речевого взаимодействия в собственно диалогах и полилогах обнаруживает единообразие их интенционального состава и преобладание направленности на поддержку и развитие коммуникации. Вместе с тем обнаруживается ее специфика. Собственно диалоги отличаются большей интенциональной насыщенностью, в них чаще фиксируется непосредственное отреагирование интенций и отсутствие отклика на составляющие полиинтенциональной реплики. В полилогах чаще отмечается отсроченный отклик собеседника и неотреагирование высказывания в целом.

Для диалогической формы речевого взаимодействия более характерна линейная интенциональная организация. Полилогическое взаимодействие более продолжительно и мультинаправленно. Оно предполагает развертывание нескольких интенциональных линий за счет коммуникативной инициативы нескольких участников. Его интенциональная структура отличается разветвленностью и может включать фрагменты узлового характера.

Итак, в результате исследования обнаружена приоритетная направленность повседневного студенческого дискурса на поддержание, развитие коммуникации и регуляцию межличностных отношений. Отмечена его эмоциональная насыщенность. Манифестируемые интенции образуют согласованные интенциональные паттерны, сочетание которых определяет интенциональную организацию речевого взаимодействия (линейную, разветвленную, узловую). Выявлены 3 формы интенциональной координации реплик собеседников, среди которых преобладает непосредственное отреагирование интенций. Причинами неотреагирования интенций выступают факторы ситуационного, конвенционального и коммуникативного плана. Специфика диалогического взаимодействия проявляется в большей интенциональной насыщенности, ему в большей степени присуща линейная интенциональная структура. Полилогическое взаимодействие более продолжительно и мультинаправленно, ему присуща разветвленная интенциональная структура, которая может включать фрагменты узловой.

Литература

- Гребенщикова Т. А. Интенциональная организация семейного дискурса: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.
- Зачесова И. А. Взаимопонимание собеседников и его роль в развитии диалога // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 66–76.

- Павлова Н. Д., Алмаев Н. А., Зачесова И. А., Латынов В. В., Шустова Л. А. Интент-анализ вербальной коммуникации // Проблемы психологии дискурса / Отв. ред. Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 28–42.
- Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Латынов В. В., Алексеев К. И. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб.: Алетей, 2000.
- Флейс Дж. Статистические методы для изучения таблиц долей и пропорций / Пер. с англ. И. Л. Легостаевой, А. М. Никифорова. М.: Финансы и статистика, 1989.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАЩИТНЫЙ МЕХАНИЗМ КОМПЕНСАЦИИ И ДРУГИЕ ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА

И. С. Бажова (Москва)

Психологические защитные механизмы были открыты Фрейдом еще в 1879 г., однако их изучение остается значимым и по сей день. Механизмы психологической защиты обеспечивают «жизненно важную» защиту Эго от тревог, возникающих вследствие влияния Супер-Эго и Ид, и участвуют в процессе, сохранения и поддержания баланса психического здоровья. В данной работе рассматривались следующие психологические защитные механизмы: компенсация, регрессия, отрицание, подавление, проекция, замещение, интеллектуализация, реактивное образование.

В экспериментальном исследовании рассматривались связи психологических защитных механизмов и перфекционизма. Хьюитт и Флетт описали следующие составляющие перфекционизма: перфекционизм, ориентированный на себя, перфекционизм, ориентированный на других, социально предписанный перфекционизм (Hewitt, Flett, 1998).

При высоком уровне перфекционизма, ориентированного на себя, человек предъявляет завышенные требования к себе; при высоком уровне перфекционизма, ориентированного на других, – к другим; а при социально предписанном перфекционизме человек расценивает требования, предъявляемые к нему окружающими, как завышенные и нереалистичные.

По определению Хьюитта и Флетта, перфекционизм – это стремление быть совершенным, безупречным во всем. Перфекционизм, ориентированный на себя, предполагает наличие высоких личностных стандартов, внутреннюю мотивацию самосовершенствования, склонность сосредотачиваться на цели и готовность прикладывать усилия ради их достижения: предполагает повышенную самокритичность, развитую самодисциплину, самоконтроль, склонность к рефлексии.

Выраженность этой составляющей перфекционизма предполагает самокритичность, которая при чрезмерной выраженности может переходить в склонность к чрезмерному самоисследованию, самокопанию и самообвинению, делающую невозможным принятие собственных изъязнов, недостатков и неудач. Перфекционизм, ориентированный на себя, – составляющая, которая, как установили Хьюитт и Флетт, существенно превалирует над остальными у людей с высокой степенью выраженности стремления быть совершенными, у людей одаренных, у людей, академически успешных (Hewitt, Flett, 1998).

Предположительно это связано с тем, что перфекционисты полагают, что они должны быть совершенными во всем и неудачи не вписываются в их картину мира и не имеют достойных способов компенсаций, нахождения замен, решений, выхода.

Согласно Е. С. Романовой (Романова, 1996), компенсация используется осознанно, что может свидетельствовать о том, что перфекционисты осознанно не хотят оставлять неудачные дела и стремятся их закончить, довести до совершенства, что, возможно, может приводить к невротическим реакциям.

Основная гипотеза, сформулированная в ходе исследования, касается связи психологического защитного механизма компенсации и перфекционизма. Предполагалось, что при высоком уровне перфекционизма у испытуемых будут низкие показатели по психологическому защитному механизму компенсации. Также предполагалось, что различные виды перфекционизма вносят различный вклад в связь психологического защитного механизма компенсации и перфекционизма. Со стороны перфекционизма наибольший вклад в связь с психологическим защитным механизмом компенсации предположительно должен вносить перфекционизм, ориентированный на себя.

В эмпирическом исследовании принимал участие 91 респондент. Средний возраст испытуемых – 27 лет. Среди респондентов 52 женщины (57% от общего числа выборки) и 39 мужчин (43% от общего числа выборки).

Для изучения психологического защитного механизма компенсации в исследовании применялась методика «Индекс жизненного стиля» в адаптации Л. И. Вассермана (Вассерман, Ерышев, 2005). Для распределения испытуемых по уровню перфекционизма использовалась методика «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта (Англоязычный вариант Multidimensional Perfectionism Scale (MPS), Hewitt & Flett) в адаптации И. И. Грачевой (Грачева, 2006).

Результаты данного исследования были получены следующие.

Были обнаружены значимые обратные связи:

- 1) психологического защитного механизма компенсации и перфекционизма, ориентированного на себя; перфекционизма, ориентированного на других; общего уровня перфекционизма;

- 2) психологического защитного механизма проекция и перфекционизма, ориентированного на других; социально предписанного перфекционизма; общего уровня перфекционизма;
- 3) психологического защитного механизма регрессия и социально предписанного перфекционизма;
- 4) Психологического защитного механизма замещение и социально предписанного перфекционизма;
- 5) психологического защитного механизма интеллектуализация перфекционизма, ориентированного на себя; общего уровня перфекционизма;
- 6) психологического защитного механизма реактивное образование перфекционизма, ориентированного на себя; перфекционизма, ориентированного на других; социально предписанного перфекционизма; общего уровня перфекционизма;

В результате проделанной работы сделаны следующие *выводы*:

1. Корреляция психологического защитного механизма компенсации и перфекционизма равняется значению $-0,4$. Отрицательная значимая корреляция свидетельствует о том, что между личностной чертой перфекционизмом и психологическим защитным механизмом компенсацией существует обратная связь. Полученные данные подтвердили гипотезу о том, что у лиц с высоким уровнем перфекционизма наблюдаются низкие показатели по психологическому защитному механизму компенсации, в то время как у лиц с низким уровнем перфекционизма – высокие показатели по психологическому защитному механизму компенсации.
2. Обнаружены обратные корреляционные связи психологических защитных механизмов – проекция, регрессия, замещение, интеллектуализация, реактивное образование. При высоком уровне показателей по защитным механизмам наблюдаются низкие показатели по перфекционизму и наоборот. Эти полученные данные требуют дальнейшей эмпирической проверки.

Литература

- Вассерман Л. И., Ерышев О. Ф., Клубова Е. Б. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. СПб.: Изд-во института В. М. Бехтерева, 2005.
- Грачева И. И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. 2006. Т. 27. №6.
- Романова Е. С., Гребенников Л. Г. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Мытищи: Талант, 1996.

РОЛЬ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ СПОРТСМЕНОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ СПОРТИВНОЙ КАРЬЕРЫ

Д. С. Бакуняева (Москва)

Введение. Рассмотрение спортивной деятельности как профессиональной стало особенно актуально в нашей стране после принятия в 1999 г. закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». В этой связи возрос интерес к изучению факторов профессиональной успешности спортсменов как субъектов деятельности.

Спортивная профессия отличается от остальных, прежде всего, ранней профессионализацией и ранним завершением карьеры. Это делает необходимым изучение этапов спортивной карьеры, которая представляет собой более сжатую форму не только общепринятой профессиональной периодизации, но и сжатой модели жизни в целом. Более полное представление и описание существующих психологических моделей и кризисов спортивной карьеры дала Н. Б. Стамбулова, которых мы и придерживались в нашем исследовании (Стамбулова, 1997).

Актуальность исследования обуславливается рассмотрением спортсмена как субъекта деятельности, а его профессиональной успешности – как результата этой деятельности. Поскольку успешность является не только требованием к профессии, но и требованием социума, то в этой связи видятся необходимыми исследования смысложизненных ориентаций спортсменов как психологических регуляторов этой деятельности, включающих в себя систему социальных и личностных смыслов, придающих жизни осмысленность.

Цель исследования: изучение влияния смысложизненных ориентаций на профессиональную успешность спортсменов, находящихся на разных этапах спортивной карьеры.

Гипотеза исследования: на разных этапах спортивной карьеры существуют различия во влиянии тех или иных смысложизненных ориентаций на профессиональную успешность спортсменов.

Организация исследования: исследование проводилось на базе Федерального научно-клинического центра ФМБА России в период с 2012 по 2013 г.

Исследуемая выборка: в исследовании приняли участие 500 спортсменов обоего пола, в возрасте от 15 до 39 лет. Виды спорта, входящие в выборку эмпирического исследования: тяжелая атлетика – 112 чел.; парусный спорт – 57 чел.; легкая атлетика – 71 чел.; современное пятиборье – 57 чел.; плавание на открытой воде – 30 чел.; велоспорт-шоссе – 64 чел.; велоспорт ВМХ – 30 чел.; велоспорт МТБ – 43 чел.; велоспорт-трек – 36 чел.

Методы исследования. Для изучения смысложизненных ориентаций использовался тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева,

который представляет собой 20 описаний действий, состояний и переживаний, которые оцениваются по 7-балльной шкале. Шкалы теста включают в себя интегральный показатель «общая осмысленность жизни» и пять субшкал: «цели жизни», «процесс жизни», «результативность жизни», «локус контроля Я», «локус контроля жизни» (Леонтьев, 1992, с. 19).

Объективными критериями оценки профессиональной успешности являлись: спортивный разряд, рейтинг спортсменов (внутренний российский и международный), результаты выступлений на крупнейших международных и российских соревнованиях, наличие установленных рекордов.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью множественного регрессионного и корреляционного анализов в программе Statistica.

Результаты и их обсуждение. Для доказательства гипотезы данного исследования был применен множественный регрессионный анализ. Использовался прямой пошаговый анализ, с помощью которого было выявлено, что смысловые ориентации оказывают влияние на успешность ($F=11,86$ при $p<0,01$), причем значимыми для успешности являются смысловые ориентации «цели в жизни» ($\beta=0,24$ при $p<0,01$) и «локус контроля-жизни» ($\beta=0,18$ при $p<0,05$). Т. е. при наличии у спортсмена целей на будущее, придающих его жизни осмысленность, направленность и уверенность в способности контролировать события собственной жизни, высока вероятность его профессиональной успешности. Однако анализ коэффициента детерминации показал, что данная модель может детерминировать только 9% успешности спортсменов. Это свидетельствует о том, что во всей выборке существует подгруппа спортсменов, у которых смысловые ориентации достаточно сильно детерминируют успешность.

С целью выявления этой группы выборка была разделена нами на возрастные этапы. Было выявлено, что на возрастную группу от 30 лет и старше смысловые ориентации не только оказывают значимое влияние ($F=10,2$ при $p<0,05$), но и детерминируют успешность на 77%. Причем анализ β -коэффициентов показал, что чем выше выраженность шкалы «результативность жизни», т. е. удовлетворенности самореализацией ($\beta=1,38$ при $p<0,001$), тем выше профессиональная успешность спортсменов. Возможно, это связано с тем, что данная возрастная группа спортсменов находится на этапе кризиса перехода к завершению спортивной карьеры. Поэтому именно оценка спортсменами своей результативности, пройденного отрезка жизни, является наиболее значимыми на данном этапе. Иными словами, субъективная оценка своей продуктивности и результативности своей жизни оказывает прямое влияние на конечный продукт профессиональной деятельности. По остальным возрастным периодам была выявлена очень низкая детерминация смысловых ориентаций спортивной успешности (10–11%).

Нами также был проведен корреляционный анализ в группах, разделенных по возрасту. Было выявлено, что у спортсменов, находящихся в возрасте от 19 до 22 лет, при выраженности шкал «цели в жизни», «локус контроля жизни» ($p < 0,05$) и «общая осмысленность жизни» ($p < 0,01$), отмечается более высокая профессиональная успешность. Иными словами, для спортсменов, находящихся на этапе кризиса перехода от стадии углубленных тренировок в избранном виде спорта к стадии первых больших достижений, значимыми для успешности оказываются наличие целей на будущее, придающих жизни направленность и временную перспективу, уверенность в способности контролировать свою жизнь. У спортсменов, находящихся на этапе высших достижений (зоны оптимальных возможностей) в возрастном периоде от 23 до 26 лет, отмечается схожая картина: более высокие значения по шкалам «цели в жизни» и «локус контроля жизни» способствуют большей профессиональной успешности ($p < 0,01$). По мнению Н. Б. Стамбуловой, на данных этапах спортивные цели становятся главными жизненными целями, что определяет необходимость их согласования и перестройки образа жизни в целом (Стамбулова, 1998).

На стадии кризиса перехода к финишу спортивной карьеры на профессиональную успешность оказывает влияние такая смысложизненная ориентация, как «результативность жизни» ($p < 0,05$). Т. е. позитивная оценка своего прошлого, своей результативности способствует профессиональной успешности. Вероятно, это связано с тем, что кризис перехода к финишу спортивной карьеры сопровождается стабилизацией или даже снижением спортивных результатов, однако большинство спортсменов хотят продлить этап финиша и отодвинуть уход из спорта (Стамбулова, 1997).

Обобщая все вышеизложенное, можно заключить, что для достижения большей профессиональной успешности в спорте с возрастом меняется фокус со смысложизненных ориентаций «цели в жизни», на «результативность жизни».

Выводы. С возрастом значимость смысложизненных ориентаций для профессиональной успешности спортсменов меняется. Если на этапах специализации и мастерства для профессиональной успешности значима такая смысложизненная ориентация, как «цели в жизни», то на этапе завершения спортивной карьеры роль психологической детерминанты профессиональной успешности играет «результативность жизни». Это согласуется с уже имеющимися положениями о том, что смысложизненные ориентации имеют динамический характер.

Литература

- Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 1992.
Переверзин И. И., Сулов Ф. П. О структуре современного спорта высших достижений и социально-правовом статусе спортсменов-профессионалов // Теория и практика физической культуры. 2002. № 5. С. 57–61.

Стамбулова Н. Б. Кризисы спортивной карьеры // Теория и практика физической культуры. 1997. № 10. С. 21–24.

Стамбулова Н. Б. Структурное описание спортивной карьеры // Человек в мире спорта: Новые идеи, технологии, перспективы: Тезисы доклада на Международном конгрессе. 1998. Т. 2. С. 351–352.

ГИБРИДИЗАЦИЯ ПОЗИЦИОННЫХ ИНТЕРФЕЙСОВ МОЗГ–КОМПЬЮТЕР И АЙТРЕКИНГА КАК НОВЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ВОСПРИЯТИЯ*

И. А. Басюл (Москва)

Интерфейс мозг–компьютер (ИМК) – это технология, в которой определенные параметры или события в электрической активности головного мозга человека становятся командами для внешних устройств, например компьютера. Она возможна, прежде всего, потому, что произвольные и непроизвольные мысленные акты, такие как удержание произвольного образа, выполнение какой-либо задачи, концентрация внимания на внешних и внутренних объектах, процессы восприятия стимулов различной модальности, так или иначе отражаются в характеристиках электрической активности мозга человека, в ее пространственно-временных паттернах. Через процесс оперантного обусловливания эти комплексы становятся управляющими командами для внешних устройств, а человек-оператор при этом получает возможность управлять этими устройствами без помощи периферических нервов и мышц, «напрямую» от мозга. Одной из разновидностей подобного рода систем является ИМК на волне P300, где основным управляющим сигналом является так называемый когнитивный потенциал (волна) P300. Этот потенциал появляется в условиях, когда от человека требуется отслеживание «выходящего из ряда» (odd-ball) стимула. В ИМК на волне P300 процедура происходит следующим образом: оператору демонстрируется набор букв в определенных позициях на экране компьютера, буквы в случайном порядке подсвечиваются, и если оператор сконцентрирован на какой-либо букве и ожидает ее подсветки, то подсветка этой буквы вызовет у него появление потенциала P300. Этот потенциал будет распознан специальным алгоритмом, входящим в систему ИМК, после чего станет возможным определить букву, на которой был сконцентрирован оператор. Для более надежного выделения волны P300 из фоновой электроэнцефалограммы и более точного определения элемента, на котором сконцентрирован оператор, подсветка элементов проводится в несколько циклов.

* Работа проводится в рамках гранта РГНФ № 15-36-01386 «Закономерности организации окулomotorной активности в среде интерфейс «мозг–компьютер».

В вызванном потенциале, возникающем в ответ на подсветку целевого символа, присутствуют и другие компоненты помимо Р300, часть из которых (например, компонент N1) также помогает определению целевого элемента из набора предъявленных. При этом эти дополнительные компоненты зависят уже не только от того, на каком элементе сконцентрирован оператор, но и от направления его взгляда (Brunner et al., 2010). Если направление взгляда оператора совпадает с целевым символом, эти дополнительные компоненты, как правило, более ранние, чем волна Р300, оказываются более ярко выражены и вносят больший вклад в детекцию целевого стимула, чем в случае, когда направление взгляда оператора не совпадает с целевым стимулом. При этом если по отношению к когнитивному потенциалу Р300 известна определенная взаимосвязь его параметров (амплитуда, латентность) с характером выполняемой человеком задачи, то по отношению к более ранним компонентам вызванного потенциала таких данных на сегодняшний момент существенно меньше. Характеристики ранних компонентов недостаточно хорошо исследованы, характер связей этих характеристик с сопутствующими изменениями в процессах восприятия изучены относительно слабо (Басюл, Каплан, 2014). В связи с этим весьма актуальными являются следующие вопросы: как связаны особенности зрительного восприятия с электрической активностью мозга в ИМК на волне Р300? Как зависят эти особенности от характеристик стимульной среды и типа выполняемой человеком задачи, как они изменяются при оперантном обусловливании? Возможно ли, и если возможно, то как, использовать специфические характеристики процесса зрительного восприятия в условиях ИМК на волне Р300 для оптимизации данного ИМК, ускорения обучения работе и формированию более устойчивого навыка?

Научная новизна предлагаемого исследования связана с получением новых данных об особенностях динамики зрительного восприятия, его опосредующих факторах в среде ИМК на волне Р300, динамике процессов зрительного восприятия при оперантном обусловливании и формировании навыка работы с ИМК. Методологическая новизна заключается в объединении психофизиологической парадигмы интерфейса мозг-компьютер и методик регистрации направленности взгляда человека (Барabanщиков, Жегалло, 2013, 2014) как подхода к изучению процессов восприятия (Барabanщиков, 1997).

Методика. Для решения поставленных задач разработана методика и программно-аппаратный комплекс синхронной регистрации ЭЭГ и направленности взгляда человека в процессе работы с ИМК на волне Р300. Регистрация ЭЭГ осуществляется при помощи 8-канального электроэнцефалографа производства компании «МОВИКОМ», частота оцифровки сигнала – 500 Гц. Регистрация направленности взгляда осуществляется при помощи установки SMINiSpeed, обеспечивающей скорость видеорегистрации направленности взгляда до 1250 кадров в секунду

при пространственном разрешении 0,25–0,5°. Программной платформой послужила среда Python 2.5 с набором модулей для обеспечения высокоточного предъявления стимулов на экране монитора и скоростной онлайн-обработки ЭЭГ-данных для обеспечения надлежащей скорости работы ИМК. Особое внимание было уделено стабильности временных характеристик предъявляемых стимулов, высокой степени синхронизации регистрируемых потоков данных (ЭЭГ и траектории движений глаз), а также формированию логов работы стимуляционного модуля программно-аппаратного комплекса, позволяющих полностью восстановить стимуляционную среду, с которой было предложено работать испытуемому. Последний пункт представляет особую важность для детального анализа данных офлайн.

В результате были достигнуты следующие характеристики работы исследовательского программно-аппаратного комплекса. Использование высокоэффективной библиотеки OpenGL позволило обеспечить стабильность временных характеристик предъявляемых стимулов, фактически, предельно возможную в условиях работы с типовым ЖК-монитором: на тестовых записях длительностью 30–60 мин временные характеристики стимулов совпадают с точностью до длительности 1 кадра тестового монитора. Минимизация размера синхрометок, а также использование протокола UDP для обмена данными между компьютерами, осуществляющими регистрацию ЭЭГ и движений глаз, позволило обеспечить стабильность доставки с точностью ± 1 сэмпл данных айтрекера на частоте 500 кадров в секунду. Лог процедуры стимуляции формируется также с предельно возможной точностью: для каждого кадра в процессе предъявления стимулов сохраняется позиция всех элементов на экране и их состояние (подсвечен/неподсвечен). Формирование лога с еще большей точностью представляется избыточным, поскольку не даст никакой новой информации. Меньшая частота сохранения состояния стимуляционной картины приведет к потере информации о происходящем на экране, что может негативным образом сказаться на дальнейшем анализе данных.

Таким образом, разработанный программно-аппаратный комплекс отвечает требованиям предполагаемого исследования, обеспечивая высокую точность и стабильность характеристик стимуляции, достаточную степень синхронизации между ЭЭГ-данными и траекториями движений глаз, а также сохраняя достаточное количество информации для последующего глубокого анализа данных.

Литература

- Барабанщиков В. А. Окуломоторные структуры восприятия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Барабанщиков В. А., Жегалло А. В. Айтрекинг: методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике. М.: Когито-Центр, 2014.

- Барабаничиков В. А., Жегалло А. В. Регистрация и анализ направленности взора человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Басюл И. А., Каплан А. Я. Изменения N200 и P300 компонентов потенциалов, связанных с событиями, при варьировании условий внимания в системе Brain Computer Interface // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2014. № 2 (64). С. 159–166.
- Brunner P., Joshi S., Briskin S., Wolpaw J. R., Bischof H., Schalk G. Does the “P300” Speller Depend on Eye Gaze? // Journal of neural engineering. 2010. V. 7. № 5. URL: <http://iopscience.iop.org/1741-2552/7/5/056013> (дата обращения: 26.06.2015).

ОСОБЕННОСТИ АДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ГОРМОНАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ДОМАХ РЕБЕНКА В РАЗНЫХ УСЛОВИЯХ*

А. А. Белугина, В. О. Аникина (Санкт-Петербург)

Раннее детство является основой для последующего благополучия человека. Для оптимального развития, адаптивного поведения и социально-эмоционального функционирования ребенку необходим стабильный, чувствительный и отзывчивый близкий взрослый (Мухамедрахимов, 2001; Фундаментальные исследования..., 2007). Депривация, жестокое обращение в раннем возрасте могут стать предикторами нарушения поведения. Социальное окружение, ранний опыт младенца в значительной степени влияют на работу нейроэндокринной системы (Grimm et al., 2014).

Дома ребенка представляют собой учреждения, где ребенок испытывает депривацию во всем ее проявлении. У детей нет возможности выстраивать близкие отношения с одним взрослым, они чаще находятся в кроватках или манежах, удовлетворение потребностей детей происходит коллективно. Персонал мало проводит времени в игре с детьми, он недостаточно отзывчив и эмоционален (Мухамедрахимов, 2008). Благодаря проекту «Влияние изменения раннего социально-эмоционального опыта на развитие детей в домах ребенка» 2000–2005 гг. в доме ребенка, который в нашем исследовании выступал экспериментальной группой, произошла реорганизация условий проживания де-

---

* Исследование было проведено в рамках мегагранта «Влияние ранней депривации на биоповеденческие показатели развития ребенка», поддержанного решением Совета по грантам Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. о государственной поддержке научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в российских образовательных учреждениях высшего профессионального образования; грант № 14.Z50.31.0027.

тей и был осуществлен переход на семейный тип воспитания (Влияние изменения..., 2013).

Целью данного исследования стало изучение взаимосвязей параметров адаптивного поведения и гормональных показателей детей, проживающих в разных условиях дома ребенка.

Гипотезы исследования: 1) уровень окситоцина детей, проживающих в разных условиях дома ребенка, связан с показателями их адаптивного поведения; 2) уровень окситоцина и показатели адаптивного поведения у детей, проживающих в измененных условиях дома ребенка, выше, по сравнению с детьми, проживающими в обычных условиях дома ребенка.

Методы исследования. Для измерения адаптивного поведения в исследовании была использована методика «Шкала адаптивного поведения Вайнеланд» («Vinel and Adaptive Behavior Scale», авторы – Sparrow, Balla, Cicchetti). Для определения статуса здоровья и для оценки функциональных способностей детей были использованы: индекс функциональных способностей (ИФС) (Влияние изменения..., 2013); анализ медицинских карт детей для получения информации об основных диагнозах. Для определения уровня окситоцина в плазме крови был использован метод ELISA (иммуноферментный анализ).

Математико-статистические методы обработки данных. Коэффициент корреляции Пирсона, коэффициент частной корреляции, непараметрический критерий U Манна–Уитни, двухфакторный дисперсионный анализ для независимых выборок.

Участники исследования. Исследование проводилось в двух домах ребенка г. Санкт-Петербурга. Экспериментальную группу составили 29 детей от 4 до 43 месяцев ($M=21$) из дома ребенка с условиями проживания, близкими к семейным; контрольную группу составили 25 детей от 2 до 30 месяцев ($M=15,36$) из дома ребенка с типичными условиями проживания.

В выборку не были включены дети с синдромом Дауна и генетическими аномалиями, чтобы исключить влияние данных заболеваний на гормональные показатели. Все дети на основании ИФС и медицинских диагнозов были разделены на группы типично развивающихся детей и с особыми потребностями: экспериментальную группу составили 17 типично развивающихся детей, $M(SD)=21(12)$ и 12 детей с особыми потребностями, $M(SD)=20(14)$; контрольную группу – 12 типично развивающихся детей, $M(SD)=16(10)$ и 13 детей с особыми потребностями, $M(SD)=19(14)$.

Процедура исследования. Исследование проводилось в домах ребенка с сентября по декабрь 2014 г. Забор крови осуществлялся процедурной медсестрой сразу после пробуждения детей, натощак. Анализ крови осуществлялся Ресурсным центром СПбГУ. Оценка адаптивного поведения проводилась с помощью интервью по методике Вайнеланд

с близким взрослым, в роли которого в домах ребенка выступили воспитатели.

Результаты исследования. Сравнение исследуемых групп по возрасту показало отсутствие значимых различий между детьми из двух домов ребенка по этому показателю. Однако, в связи с разбросом изучаемой выборки по возрасту, переменная «возраст» контролировалась в последующем анализе данных.

1. *Взаимосвязь параметров адаптивного поведения и гормональных показателей у детей, проживающих в домах ребенка*

В результате анализа методом частной корреляции была обнаружена корреляция на статистически значимом уровне у детей типично развивающихся из экспериментальной группы между показателями субшкалы общественных повседневных навыков методики Вайнеланд и уровня окситоцина в крови ($r=0,535$, $p=0,049$); на уровне статистической тенденции между окситоцином и субшкалами межличностных отношений ($r=0,466$, $p=0,093$), игры и свободного времени ($r=0,503$, $p=0,065$) и мелкой моторики ($r=0,493$, $p=0,073$). По результатам корреляционного анализа у детей с особыми потребностями из экспериментальной группы было обнаружено, что уровень окситоцина связан с показателями по шкале коммуникации на статистически значимом уровне ($r=0,905$, $p=0,013$). Взаимосвязи с результатами шкал навыков повседневной жизни ($r=0,757$, $p=0,081$) и социализации ($r=0,737$, $p=0,095$) были получены на уровне статистической тенденции. Наши данные согласуются с зарубежным исследованием, в котором у детей типично развивающихся были обнаружены положительные корреляции между окситоцином и субшкалами общественных повседневных навыков и межличностных навыков методики Вайнеланд (Modahl et al., 1998).

2. *Параметры адаптивного поведения детей, проживающих в разных условиях дома ребенка*

Дети с особыми потребностями из экспериментальной группы имеют на статистически значимом уровне более высокие значения по всем четырем шкалам методики Вайнеланд: по шкалам коммуникации ($U=22$, $p=0,004$), навыков повседневной жизни ($U=10$, $p=0,000$), социализации ($U=16$, $p=0,001$), моторных навыков ($U=4$, $p=0,000$). Статистически значимые результаты двухфакторного дисперсионного анализа при взаимодействии факторов «отнесенность к экспериментальной/контрольной группе» и «отнесенность детей к группе типично развивающихся и особыми потребностями» получились следующие: показатели субшкал персональных повседневных навыков ($F=7,767$, $p=0,008$), рецептивной коммуникации ($F=6,458$, $p=0,014$) и мелкой моторики ($F=6,180$, $p=0,016$) статистически значимо выше у детей, типично развивающихся, из экспериментальной группы. Т. е. дети, проживающие в семейных условиях дома ребенка, демонстрируют более

самостоятельное и автономное поведение, связанное с повседневными навыками, коммуникацией, моторными навыками, навыками социализации, в сравнении с детьми из дома ребенка с типичными условиями проживания.

Обсуждение результатов. При планировании исследования мы опирались на данные научных исследований о том, что нарушение социально-эмоционального функционирования, опыт насилия, ранний неблагоприятный опыт ведет к снижению концентрации гормона в крови (Grimm et al., 2014). В нашем исследовании, как и в ряде предыдущих исследований, подтверждается связь окситоцина и социальных навыков в контексте близких отношений (Modahl et al., 1998).

Обобщая полученные результаты, можно сказать, что условия социального окружения по семейному типу способствуют развитию навыков адаптивного поведения, в том числе и у детей с особыми потребностями, проживающими в условиях интеграции, что согласуется с данными предыдущих исследований (Влияние изменения..., 2013); более того, семейное окружение создает условия для повышения выработки окситоцина и связи этого гормона с такими социальными навыками, как навыки повседневной жизни, межличностного общения и коммуникации. Полученные данные могут способствовать расширению знаний об адаптивном поведении и их связей с окситоцином у детей, оставшихся без попечения родителей.

Литература

- Влияние изменения раннего социально-эмоционального опыта на развитие детей в домах ребенка / Под науч. ред. Р.Ж. Мухамедрахимова; пер. с англ. 2-е изд. М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2013.
- Мухамедрахимов Р. Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.
- Сергиенко Е. А., Тарабрина Н. В. Фундаментальные исследования по психологии развития в Институте психологии РАН и их значение для здоровья и образования детей // Психологический журнал. 2007. № 4. С. 35–44.
- Grimm S., Pestke K., Feeser M., Aust S., Weigand A., Wang J., Wingenfeld K., Pruessnek J. C., La Marca R., Böker H., Bajbouj M. Early life stress modulates oxytocin effects on limbic system during acute psychosocial stress // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2014. P. 1–8.

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В СИТУАЦИИ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ*

Д. Е. Беляева (Таганрог)

Формирование познавательной активности у детей младшего школьного возраста на сегодняшний день является относительно новой и необходимой темой исследований. Формирование познавательной активности происходит в дошкольном возрасте, но именно в младшем школьном возрасте она выходит на качественно новый уровень своего развития. Познавательная активность по своей психологической природе непрерывна и целостна. Познавательная деятельность представляет собой конкретное проявление непрерывной и восходящей познавательной активности (Виленская, 2012). Младший школьный возраст в жизни ребенка является одним из самых важных этапов школьного детства: в его жизни происходят значимые изменения, в которых главную роль играет смена социальной ситуации развития и взаимоотношений со сверстниками и взрослыми. Для развития познавательной активности немалую роль играет социально-психологический климат семьи, который закладывается в процессе воспитания и взаимодействия между родителями и детьми (Истратова, 2012). От того, насколько благоприятно построены отношения в семье ребенка, зависит его эмоциональное состояние и, как следствие, благополучное развитие познавательной активности ребенка.

Актуальность данной работы определяется следующим.

Во-первых, при разрушении семейных отношений происходит регресс в воспитании ребенка, возникает дефицит внимания к ребенку, поэтому ребенок чувствует себя отчужденным

Во-вторых, увеличение детей в детских домах заставляет заниматься более качественным развитием детей, так как этого не могут дать им родители.

Если воспитание идет в благополучной семье, родитель обращает внимание на интересы ребенка, помогает ему в его начинаниях. Ребенок проявляет ответные действия и чувства, такие отношения оказываются благоприятными для развития психологической, физической и духовной сфер.

У детей, отвергаемых в семье, и детей-сирот познавательная активность находится на низком уровне. Такие дети, как правило, проявляют черты госпитализма, у них слабо выражена потребность в общении, наблюдается интеллектуальная задержка (Истратова, 2013). Если воспитание идет в дисгармоничных семьях, где родителю неважно, как идет развитие ребенка, при обращении ребенка к родителям

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-36-01006.

он зачастую получает отказ. У него формируется комплекс неполноценности и феномен ненужности окружающему миру и собственным родителям. Его личностное развитие затрудняется или даже регрессирует (Ковалева, 2012).

В связи с этим целью исследования стало изучение познавательной активности младших школьников, находящихся в различных ситуациях семейного неблагополучия.

Объектом исследования выступили младшие школьники из благополучной семьи, младшие школьники, отвергаемые в семье, и младшие школьники, находящиеся в доме-интернате (дети-сироты).

Предметом исследования являлась познавательная активность школьников, находящихся в различных ситуациях семейного неблагополучия.

Гипотеза исследования: с усугублением ситуации семейного неблагополучия (эмоциональное принятие ребенка, эмоциональное отвержение ребенка, социальное сиротство) такие компоненты познавательной активности, как вопросительно-исследовательская активность, любознательность, познавательная потребность, познавательный интерес, будут понижаться.

В исследовании приняли участие 182 чел. Из них:

- младшие школьники – 72 чел., учащиеся МОУ СОШ № 27 г. Таганрога, и их родители (72 чел.);
- младшие школьники, находящиеся в доме-интернате № 5 г. Таганрога, – 38 чел. Возраст детей: 9–11 лет.

Используемые методики: «Волшебный цветок»; «Вопрошай-ка»; «Сказка»; «Тайственное письмо», «Рисунок Семьи», «Оценка вопросительных проявлений у детей» (Т. А. Серебрякова, «Познавательная потребность школьника» (В. С. Юркевич), «Опросник родительского отношения» (А. Я. Варга, В. В. Столин). Статистическая обработка результатов производилась с помощью критерия χ^2 углового преобразования Фишера.

Проведя исследование познавательной активности детей младшего школьного возраста, которые воспитываются в благополучной семье, мы выявили, что у них наблюдается высокий уровень познавательной активности по всем компонентам, а именно:

- вопросительно-исследовательская активность наблюдается в желании ребенка находить что-то новое, незнакомое, находить верное решение задачи. Дети (56% детей с высоким уровнем), задавая вопросы родителям, всегда получают ответы, ответы носят причинный характер. Родители дают понять своему ребенку, что он может всегда прийти к ним за помощью;
- познавательный интерес (73% детей с высоким уровнем) и любознательность (73% детей с высоким уровнем), как природный фактор развития познавательной активности. находятся также

- на высоком уровне. В состав этих двух показателей входит любопытство ребенка, которое влечет его к новым явлениям;
- познавательная потребность (63% детей с высоким уровнем), которая выражается в готовности ребенка получать новые знания и интерпретировать их, также находится на высоком уровне.

Проведя исследование познавательной активности детей младшего школьного возраста, которые воспитываются в неблагополучной семье, мы выявили следующее.

Вопросительно-исследовательская активность проявляется на среднем уровне, ребенок с некой опаской стремится познавать новые явления. При сравнении между собой детей из благополучных семей и детей из неблагополучных семей были получены различия. Полученные данные находятся на уровне значимости ($p \leq 0,01$, $\varphi^* = 4,966$).

Любознательность (40% детей с высоким уровнем) и познавательный интерес (37% детей с высоким уровнем), по сравнению с детьми из благополучных семей, понижаются. Такие результаты можно объяснить тем, что переход на более новую и ответственную ступень накладывает на ребенка больше обязанностей и рамок. Ребенок начинает все больше взаимодействовать с родителями при подготовке школьного домашнего задания. Устанавливается новый контакт: как родитель будет взаимодействовать с ребенком, как родитель будет отвечать на вопросы, будет ли он ругать его за ошибки или хвалить, так и будет развиваться у ребенка познавательная активность.

Полученные данные находятся на уровне значимости ($p \leq 0,01$, $\varphi^* = 4,20038$ – любознательность; $p \leq 0,01$, $\varphi^* = 3,441$ – познавательный интерес), следовательно, можно сказать, что существуют различия в любознательности и познавательном интересе у детей из благополучных семей и детей из неблагополучных семей.

Проведя исследование познавательной активности детей младшего школьного возраста, которые проживают в детских домах, мы выявили следующее: с уверенностью можно сказать, что у детей младшего школьного возраста из детского дома не наблюдается высокого уровня познавательной активности.

Вопросительно-исследовательская (13% детей с высоким уровнем) активность находится также на низком уровне, но она такая же, как и у детей из благополучных семей.

Любознательность (13,1% детей с высоким уровнем) и познавательный интерес (0% детей с высоким уровнем) намного снизились. Полученные данные находятся на уровне значимости ($p \leq 0,01$, $\varphi^* = 3,457$ – любознательность; $p \leq 0,01$, $\varphi^* = 1,789$ – познавательный интерес), следовательно, можно сказать, что существуют различия в любознательности и познавательном интересе у детей из неблагополучных семей и детей-сирот.

Познавательная потребность (8% детей с высоким уровнем) в новом знании у ребенка из детского дома развита хуже, чем у детей из неблагополучных семей.

Такие результаты можно объяснить тем, что в детских домах нет должного внимания к детям, не устанавливается близкий контакт между воспитателем и ребенком, так как нескольких воспитателей не хватает на всех детей. Проявляется минимум внимания к ребенку, или оно не проявляется вообще. У ребенка формируется комплекс неполноценности и феномен ненужности окружающему миру.

Таким образом, с помощью проведенного исследования мы достигли поставленной цели: нами была подтверждена поставленная гипотеза. Наличие неблагоприятной ситуации взаимоотношений ребенка и родителей ведет к понижению познавательной активности ребенка. Проживание в детских домах способствует резкому ухудшению познавательной активности ребенка. Положительные взаимоотношения ребенка и родителей приводят к развитию познавательной активности.

Литература

- Истратова О. Н.* Семейное неблагополучие как социально-психологическая проблема // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 10. С. 242–249.
- Истратова О. Н.* Развитие младшего школьника в условиях эмоционального отвержения его родителями // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. № 10 (135). С. 186–193.
- Коверзнева И. А.* Психология активности и поведения. Мн., 2010.
- Виленская Г. А.* Семейные стратегии поведения и становление индивидуальности ребенка // Психологические проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 480–508.

Опыт создания методики психодиагностики защитного и совладающего поведения субъектов образовательной среды

А. Д. Бойко (Екатеринбург)

На сегодняшний день образование является одним из важных аспектов практической реализации себя как личности. Расширение кругозора, развитие коммуникабельности, интеллектуальное развитие, приобретение новых компетенций, совершенствование умения нахождения выхода из сложных ситуаций путем переговоров – это лишь малая толика того, что дает человеку образование. Тем не менее, являясь развивающей, образовательная среда таит в себе множество конфликтов и зон

напряженности, что приводит к активизации защитного и совладающего поведения личности ее субъектов (Кружкова, 2006).

Следует отметить, что последствия проявлений защитного и совладающего поведения не всегда оказывают однозначное влияние на эффективность образовательного процесса и требуют пристального внимания (Сергиенко, 2008). Однако на сегодняшний момент приходится констатировать, что при актуальности данной проблематики наблюдается недостаток методик, которые диагностировали бы комплексные образования (например, диспозиции) защитного и совладающего поведения в условиях определенных средовых угроз, в частности проявляющихся в образовательной среде. Более того, большинство существующих методик локальной диагностики психологических защит и копинг-стратегий были разработаны достаточно давно и в большинстве случаев не имеют современных аналогов. Попытка создать психодиагностический инструментарий, позволяющий определять диспозиции защитного и совладающего поведения в образовательной среде, может способствовать не только более глубокому пониманию феномена, но и выстраиванию системы профилактики проявлений негативных защитно-совладающих действий субъектов в данной среде, что имеет высокую практическую значимость и представляет особый научный интерес.

Целью нашего психометрического исследования стала разработка валидного и надежного инструментария, позволяющего диагностировать диспозиции защитного и совладающего поведения в образовательной среде.

Гипотеза: разработанный опросник диагностики «Диспозиций защитного и совладающего поведения в образовательной среде» может выступать валидным и надежным инструментарием диагностики типов защитного реагирования в стрессовых ситуациях образовательной среды.

В исследовании применялись диагностические методы психологического исследования и методы математико-математической обработки данных. Для определения внешней валидности и ретестовой надежности были использованы личностные опросники «Индекс жизненного стиля» Плутчика–Келлермана–Конте, «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса. Применяемые методы математико-статистической обработки данных: дескриптивная (описательная) статистика – для описания выборки; факторный анализ с последующим варимакс-вращением – для формирования шкал опросника; коэффициент α Кронбаха – для проверки надежности; корреляционный анализ ρ Спирмена – для проверки валидности, а также при проверке ретестовой надежности опросника.

Суммарная выборка составила 402 чел. – все студенты 1–5 курсов вузов, обучающиеся на различных направлениях подготовки, из них 237 женщин и 165 мужчин, средний возраст респондентов – 19,6 года.

Для решения поставленных задач нами осуществлялось психометрическое проектное исследование с опорой на общую технологию разработки тестов (Батурин, Мельникова, 2009), которая была адаптирована нами и включала в себя следующие процедуры и этапы.

1. Теоретико-методологический анализ феноменологического поля дефиниций феноменов защитного и совладающего поведения, где при уточнении данных была найдена наиболее оптимальная теоретическая классификация защитного и совладающего поведения для создания психодиагностического инструментария, основанная на описании диспозиций защитного и совладающего поведения (Кружкова, 2012), представляющих собой устойчивую предрасположенность личности в стрессовых условиях образовательной среды действовать определенным образом.
2. Конструирование и проверка личностного опросника, состоящие из шести последовательных этапов, обеспечивших качественное проектирование, коррекцию текста опросника и психометрическую проверку его характеристик.

На *этапе подбора пунктов опросника* посредством контент-анализа мини-сочинений студентов были выявлены наиболее стрессогенные ситуации образовательной среды. Впоследствии все выделенные ситуации при помощи анкетирования были оценены экспертами по степени их напряженности. Учитывая комментарии и замечания экспертов, утверждения были скорректированы, отредактированы, частично изменены формулировки.

По итогам экспертной оценки были удалены пункты, получившие низкие баллы, т. е. те ситуации, которые эксперты сочли недостаточно стрессогенными для субъектов образовательной среды. Результатом экспертной оценки стало обоснованное и непосредственное формирование и формулирование рабочих утверждений опросника, составивших первую версию опросника из 24 вопросов (стрессовых ситуаций в образовательной среде).

На *этапе подбора вариантов ответа опросника* для каждой стрессогенной ситуации в образовательной среде были сформулированы варианты ответов в соответствии с содержанием диспозиций защитного и совладающего поведения. При этом нами была заложена возможность диагностировать все четыре диспозиции защитного и совладающего поведения в образовательной среде с учетом их направленности. Таким образом, методика имеет восемь шкал: блокирование информации о себе, изменение дистанции: уход, самоконтроль, преобразование себя, блокирование информации о среде, изменение дистанции: изгнание, контроль среды, преобразование среды.

С целью *проверки надежности пунктов опросника* каждая шкала была проверена индексом надежности – коэффициентом α Кронбаха.

Несмотря на то, что надежность шкал изначально была достаточной, нами был исключен ряд утверждений, общим количеством девять, что позволило повысить итоговую надежность шкал опросника.

Итогом данного этапа стал окончательный текст опросника (обладающий достаточной надежностью – коэффициент α Кронбаха опросника – 0,769 – удовлетворительная надежность), состоящий из 15 вопросов.

Проверка ретестовой надежности проводилась на небольшой выборке (17 чел.). Наиболее важным показателем здесь была проверка единообразия оценок респондентов по шкалам в условиях повторяющейся через определенный временной промежуток диагностики. Тест и ретест проводились с промежутком в два месяца.

В итоге для 5 из 8 шкал показатели ретестовой надежности имеют хорошие показатели (блокирование информации о среде, изменение дистанции: изгнание, изменение дистанции: уход, преобразование себя) и очень хорошие (блокирование информации о себе).

Тем не менее, для трех шкал (контроль среды, преобразование среды и самоконтроль) показатели ретестовой надежности являются достаточно низкими и требуют дополнительного уточнения.

Этап проверки внешней валидности. Для проверки внешней валидности опросника были использованы методики, которые являются родственными феномену диспозиций защитного и совладающего поведения: «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и «Индекс жизненного стиля» Плутчика–Келлермана–Конте. По результатам диагностики на полученном массиве данных был проведен корреляционный анализ (r Спирмена).

В итоге из 128 возможных взаимосвязей диспозиций защитного и совладающего поведения и показателей методик, посредством которых проверялась внешняя валидность опросника, были обнаружены 37 взаимосвязей (28,9%), из них: 28 явных высоко- и среднезначимых связи (21,9%); 9 на уровне тенденций (7,0%). Полученные многочисленные взаимосвязи отражают особенности диспозиций защитного и совладающего поведения и свидетельствуют о высокой критериальной конкурентной валидности. Исходя из этого можно считать, что предложенный опросник диагностики диспозиций защитного и совладающего поведения в образовательной среде обладает достаточной внешней валидностью.

Полученный опросник может широко применяться как педагогами, желающими повысить эффективность образовательного процесса, так и обучающимися, стремящимися понять и устранить возможную причину собственных затруднений, возникающих в образовательной среде.

Литература

Батурин Н. А., Мельникова Н. Н. Технология разработки тестов. Ч. I // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2009. № 30 (163). С. 4–14.

- Батурин Н. А., Мельникова Н. Н. Технология разработки тестов. Ч. II // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2009. № 42 (175). С. 11–25.
- Кружкова О. В. Диспозиции защитного и совладающего поведения личности: теоретический конструкт и эмпирическая модель // Ярославский педагогический вестник. Ярославль: Изд-во Ярославского гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2012. № 3 (2). С. 222–227.
- Кружкова О. В. Эффективность структуры психологических защит личности педагога начального профессионального образования: Дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2006.
- Сергиенко Е. А. Субъектная регуляция совладающего поведения // Совладающее поведение. Современное состояние и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 67–83.

ОБЩЕНИЕ СО СВЕРСТНИКАМИ ДОШКОЛЬНИКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В СИТУАЦИИ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

О. Ю. Бойко (Таганрог)

Семью можно отнести к наиболее значимым для человека ценностям. Личность ребенка формируется, прежде всего, в семье, в системе детско-родительских отношений. Детство самым непосредственным образом влияет на взрослую жизнь человека, поскольку является первой ступенькой в процессе его социализации ребенка. Родители – первые люди, которые учат ребенка общаться, взаимодействовать с окружающими. Именно в семье начинают формироваться индивидуальные качества ребенка, способности к регуляции своего поведения (Виленская, 2012), в том числе и в общении с окружающими. В настоящее время родители, часто ссылаясь на занятость, не могут в полной мере удовлетворить потребность ребенка в общении. Вследствие этого он, получая негативный опыт в общении с родителями, может переносить его и на своих сверстников. У детей-сирот либо отсутствуют возможности усвоения социального опыта родителей и прародителей, либо этот опыт носит негативный характер. Ранний опыт ребенка-сироты несет на себе отпечаток материнской депривации и формирует один из серьезнейших феноменов сиротства – утрату базового доверия к миру, – который проявляется в агрессивности, подозрительности, неспособности к автономной жизни и последующей социальной дезадаптации (Истратова, 2006).

Теоретический анализ проблемы показал, что общение со сверстниками в дошкольном возрасте складывается на основе опыта, полученного ребенком в общении с взрослым, и поэтому ситуация семейного неблагополучия, где этот опыт негативный, искажает коммуникативные установки у детей в общении со сверстниками. Эмоциональная де-

приваия в семье, как следствие эмоционального отвержения ребенка, а также другие типы депривации, переживаемые детьми в детском доме, приводят к неудовлетворенности потребности детей во внимании и доброжелательности взрослого. У таких детей отсутствует потребность в уважении, не выражено стремление к сотрудничеству и совместной деятельности с взрослым. В отношении сверстников воспитанники детского дома проявляют наименьший интерес, контакты носят однообразный характер и малую эмоциональность.

Таким образом, целью исследования стало изучение общения детей старшего дошкольного возраста друг с другом, находящихся в различных ситуациях семейного неблагополучия. В исследовании принимали участие дошкольники, воспитывающиеся в условиях семьи, – 40 чел. и их родители, а также дети, воспитывающиеся в условиях детского дома, – 27 чел. *Гипотеза* исследования: с усугублением ситуации семейного неблагополучия общение старших дошкольников со сверстниками будет характеризоваться меньшей способностью к сотрудничеству, большей конфликтностью, слабой сформированностью стратегии взаимодействия со сверстниками.

Диагностика эмоционального взаимодействия родителей с детьми (Захарова, 1996) в семьях позволила выделить группу с эмоционально благополучным взаимодействием (22 семьи, 55%) и эмоционально неблагополучным (18 семей, 45%). Эмоционально благополучные семьи можно назвать гармоничными при построении взаимодействий в семье: родители понимают, что для ребенка важна не только эмоциональная поддержка, важно не только понимать состояние ребенка, но и уметь воздействовать на его состояние.

По результатам методики «Незаконченные предложения», дети из эмоционально благополучных семей по отношению к родителям испытывают те же чувства, им нравятся совместные прогулки со своими родителями; они чувствуют семейные взаимосвязи; дети видят в своих родителях не только «взрослых», не только членов семьи, но и друзей. Чувствуя поддержку родителей, дети меньше испытывают страхи, в эмоциональном и психологическом плане дети чувствуют и понимают, что родитель всегда готов прийти на помощь. Детей из эмоционально благополучных семей можно в некоторой мере назвать эмоционально устойчивыми, так как они в ситуации конфликтов не используют слезы и позицию ухода, а стараются разрешить конфликт, предложить варианты для его решения.

В эмоционально неблагополучных семьях, как правило, главенствует негативный эмоциональный фон. Родители не только не готовы оказать ребенку всей той поддержки, которая ему необходима, но еще и не хотят принимать ребенка таким, каков он есть. Как правило, не чувствуя поддержки семьи, ребенок растет замкнутым, агрессивным и неуверенным в себе. Дети из эмоционально неблагополучных

семей любят то «редкое» внимание, которое им оказывают родители, любят совместные прогулки с родителями. Результаты методики «Незаконченные предложения» показывают, что они остро нуждаются в этом. Нетрудно заметить, что дети словно предоставлены сами себе, им не хватает как телесного, так и эмоционального взаимодействия. При возникновении конфликтов такие дети занимают позицию ухода, стараясь как бы не замечать конфликт, при этом используя такую защитную реакцию, как слезы.

Диагностика общения со сверстниками дошкольников (Цукерман, 1993) показала следующее. Дети из эмоционально благополучных семей преимущественно были отнесены к такому комплексу взаимоотношений, как «равное партнерство» (50%). Такой ребенок направлен преимущественно на совместную деятельность со сверстником, на сотрудничество с ним, при этом оба выступают как равные. По результатам методики «Незаконченные предложения», больше всего детей беспокоит то, что кого-то могут обидеть и задеть. Так как в старшем дошкольном возрасте закладываются первые ростки дружбы, то дети при возникновении конфликтов со сверстниками, как указывалось ранее, стараются всячески пресечь возникший конфликт, выяснить, что привело к его возникновению, как можно разрешить конфликт, стараясь при этом не задеть чувства своего сверстника, а после самого конфликта стремятся скорее его забыть.

В эмоционально неблагополучных семьях доминирует такой комплекс взаимоотношений, как «резкое отделение от сверстника» (50%). Такие дети резко отделяют себя от сверстника, не подчиняются ему, действия сверстника постоянно критикуются, часто возникают споры. Дети могут наблюдать за ссорами родителей, за их спорами и, решив, что это нормально, что так и нужно поступать, переносят такого рода взаимодействие на своих сверстников. Ситуация в детском доме иная. У детей из детского дома преобладающим комплексом взаимоотношений оказался смешанный (33%). Для таких детей характерно то, что у них не выработана определенная стратегия взаимодействия. Такой вывод можно объяснить еще и тем, что в детском доме могут постоянно меняться воспитатели, у которых, в свою очередь, может быть определенная модель поведения и взаимодействия. На второй ступени по важности стоит такой комплекс взаимоотношений, как «резкое отделение от сверстника» (22%). Дети из детского дома постоянно находятся в окружении, у них нет возможности побыть наедине, поэтому чтобы хоть как-то разграничить свое пространство, дети начинают спорить со своими сверстниками, отстаивать свою позицию и свое пространство.

Старший дошкольник стоит на пороге школы, где умение сотрудничать, договариваться с другими детьми является необходимым критерием его готовности к школе. Диагностика этого умения по методике «Рукавички» (Цукерман, 1993) показала, что дети, отличающиеся

высоким уровнем сотрудничества и отнесенные к такому комплексу взаимоотношений, как «равное партнерство» (эмоционально благополучные), направлены на совместную деятельность с партнером, на сотрудничество, при этом они стремятся договориться, как построить взаимодействие. Низкий уровень сотрудничества присущ детям из детского дома, которые были преимущественно отнесены к смешанному комплексу взаимоотношений. Такие дети в большинстве случаев теряются и не знают, как построить взаимодействие. Средним уровнем сотрудничества обладают дети из эмоционально неблагополучных семей.

Таким образом, результаты исследования подтвердили нашу гипотезу: с усугублением ситуации семейного неблагополучия общение старших дошкольников со сверстниками характеризуется меньшей способностью к сотрудничеству, большей конфликтностью, слабой сформированностью конструктивных стратегий взаимодействия со сверстниками.

Литература

- Виленская Г.А. Семейные стратегии поведения и становление индивидуальности ребенка // Психологические проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 480–508.
- Захарова Е. И. Исследование особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия // Журнал практического психолога. 1996. № 6. С. 96–104.
- Истратова О. Н. Феномен социального сиротства как психолого-педагогическая проблема // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2006. Т. 69. № 14. С. 206–211.
- Истратова О. Н. Семейное неблагополучие как социально-психологическая проблема // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 10. С. 242–249.
- Цукерман Г. А. Виды общения в обучении. Томск: Пеленг, 1993.

«Духовная личность» – к истории понятия*

Н. В. Борисова (Москва)

Понятие «духовная личность», было введено в психологическую науку американским психологом У. Джемсом (W. James) (1842–1910). Он предложил одну из первых в психологии теорию личности. Самосознание человека, по мнению У. Джемса, является двойственным – познаваемым и познающим, объектом и субъектом. Познающий элемент понимается

---

* Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием ФАНО РФ № 0159-2015-0002.

как «чистое я»; познаваемый элемент называется личностью, «эмпирическим я». «Эмпирическое я» или личность подразделяются на: физическую личность, к которой относятся собственная телесная организация, дом, семья, состояние и т. д.; социальную личность как форму признания в нас личности со стороны других людей; духовную личность как единство всех духовных свойств и состояний человека.

Высшими проявлениями духовной личности являются религиозные стремления. У. Джемс расширил понятие опыта, включив в него религиозные переживания, мистические состояния. Нормальное, «разумное» сознание представляет лишь одну из форм сознания, при этом другие, совершенно от него отличные формы, существуют рядом с ним, отделенные от него лишь тонкой перегородкой. Религиозные переживания человека, утверждал он, представляют для психологов не меньший интерес, чем всякое другое явление человеческого сознания.

Анализируя религиозные переживания людей, У. Джемс пришел к выводу, что человек, живущий религиозным чувством, резко отличается от своего прежнего «плотского я». Плоды религиозных состояний представляют то, что называют святостью. Черты святости: ощущение более широкой жизни, чем полная мелких интересов, себялюбивая жизнь земных существ; убеждение в существовании Верховной силы, достигнутое не только усилиями разума, но и путем непосредственного чувства; чувство интимной связи между Верховной силой и жизнью человека и добровольное подчинение ей; безграничный подъем и ощущение свободы, соответствующее исчезновению границ личной жизни; перемещение эмоционального центра личной жизни по направлению к чувствам, исполненным любви и гармонии.

В то же время, по мнению психолога, религиозная жизнь делает человека эксцентричным и непохожим на всех, вводит его в «остро-лихорадочное душевное состояние». Религиозные люди часто проявляют «симптомы нервной неустойчивости», «психической ненормальности», экзальтации (Джемс, 2010, с. 22–23). Часто их внутренняя жизнь раздираема противоречиями, многие подвержены меланхолии, страдают навязчивыми идеями. Такие люди легко впадают в фанатизм самоистязания, легковереие, в излишнюю щепетильность по мелочам аскетического режима.

В своем анализе описываемых переживаний У. Джемс не критичен, доверяет их носителям, принимая все переживания за «откровения свыше». Многие приводимые У. Джемсом примеры имеют характер экзальтированности, упоения собственными переживаниями, сопровождаются ощущением избранности, готовности наставлять других, что подпадает под святоотеческое понятие «прельщение». Также он не делает должных различий между мистическими состояниями, приходившими спонтанно, независимо от желаний людей, и случаями их произвольного вызывания, искусственной стимуляции, например, с помо-

щью эфира, окиси азота, которые рассматриваются им как «могучие стимулы к пробуждению мистического сознания» (Джемс, 2010, с. 309).

Выдающийся ученый, мыслитель, философ, публицист и общественный деятель Иван Александрович Ильин (1883–1954), один из ярчайших представителей русской религиозно-философской традиции XX в., продолжил линию изучения духовной личности. Творчество философа не ограничивается примерами религиозных переживаний и анализом их влияния на личность. И. А. Ильиным проведен глубокий анализ духовного опыта человека, выделены характеристики духовной личности, раскрыты внутренние процессы и условия на пути ее формирования. Достигнутая глубина исследования проблемы позволила мыслителю назвать книгу У. Джемса «Многообразие религиозного опыта» «бездуховным коллекционированием случаев». Человек становится религиозным, утверждает И. А. Ильин, в истинном смысле лишь в меру своего одухотворения. Неодухотворенная душа может иметь только видимое подобие религиозности: она будет предаваться страху или успокоению, питать суеверия, находиться во власти мечтаний, волнений, экстазов. Но все это лишь суррогат настоящей религии.

Ориентируясь на постулаты христианской антропологии, И. А. Ильин рассматривает личность в контексте выделения духовной, душевной и телесной составляющих человека. Подчеркивается единство указанных структур, при одновременном вскрытии их взаимодействия и иерархии. Душа рассматривается как совокупность того, что происходит в сознании человека и в неосознаваемых сферах его психики на протяжении всей жизни; речь идет о потоке внутренних переживаний, состояний, чувств, ощущений и др. во всем их объеме и разнообразии. Дух же связан с теми внутренними состояниями, в которых человек живет своими главными, благородными силами и стремлениями, обращенными на познание Истины, на общение с Богом. Дух способен господствовать над душевными состояниями, утверждать свою независимость от инстинктивных влечений, повелевая им и пресекая их своеволие.

Важнейшей характеристикой духовной личности, фактором ее становления для И. А. Ильина является вера. В философско-психологическом наследии И. А. Ильина вера – базовое психологическое явление, первичная сила в человеке, влияющая на всю его жизнедеятельность, характеризующаяся любовью к определенным аспектам действительности. Человек верит в то, что воспринимает как самое существенное в своей жизни, чем он дорожит, чему служит. Единственно достойным предметом веры является Совершенство. Обращение души к Богу есть обращение ее к совершенству, и наоборот: душа, обращенная к совершенному, обращена к Божественному. Понятия «духовность» и «религиозность» в концепции И. А. Ильина имеют теснейшую связь: все, что сказано о духе и духовности, является определяющим для религиозного опыта.

Величайшей познавательной силой человеческой души и характеристикой духовной личности является любовь. Когда любовь обращается к объективно-значительному и священному жизненному содержанию, которым действительно стоит жить и за которое можно и умереть, она оказывается духовной любовью. И. А. Ильин отмечает, что человеку доступна двоякая любовь: любовь инстинкта и любовь духа. Различие их в том, что любовь инстинкта ищет того, что данному человеку субъективно нравится, с тем чтобы потом слепо идеализировать. В отличие от этого духовная любовь тяготеет к объективным характеристикам – качеству и достоинству. Она ищет подлинно хорошее, которое и вызывает у человека чувство любви.

Значимой характеристикой духовной личности является следование голосу совести. Для философа совесть – одно из самых духовно сильных, значительных и безошибочных побуждений человека. Человек живет на земле в состоянии внутреннего раскола: это расхождение между эгоистическими побуждениями и Божественным призванием. Подчеркивается, что влечение всецело отдаться Божьему Делу всегда живет в глубине человеческого сердца. И если предаться этому влечению окончательно, то жизнь будет слагаться из дел любви, радостного исполнения долга, великого служения. Но в действительности человек слышит этот голос, но не слушает его, испытывая свое повиновение совести как опасное жизненное предприятие и даже тягостное бремя жизни. Если происходит неповиновение голосу совести, то лучшая часть человеческого существа остается приверженной ему, но внутреннее раздвоение продолжается. Тогда совесть по-прежнему взывает, печалится и укоряет, поднимается недовольство, особого рода печаль. Иногда человек, вытесняя из сознания это мучительное неодобрение, пытается запретить его в глубоком подземелье своей души и завалить сам ход к нему. Но и это не обеспечивает отсутствия неизбежных укоров совести, которые будут пожизненно лишать его духовного покоя.

И. А. Ильин описывает также другие важные характеристики духовной личности и вводит соответствующие понятия: «дар очевидности», «дар свободы и сила личного самоуправления», «чувство благоговения», «чувство ответственности», «способность к бескорыстной любви и самоотверженному служению».

Наследие И. А. Ильина показывает, что духовный рост – это тяжелая работа, требующая от человека огромных усилий. Подчеркивается необходимость смирения и «трезвения» на истинном духовном пути. И в этой борьбе за самоочищение каждый должен самостоятельно искать, вопрошать, сомневаться, проверять. Тот, кто добивается религиозного опыта не на словах, не для игры в «запредельное» и «тайнственное», а на деле, должен больше всего опасаться подмены его поддельным, фальшивым, извращенным.

Литература

- Джемс У. Многообразие религиозного опыта. М.: КомКнига, 2010.
Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2004.
Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М.: Даръ, 2005.
Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М.: АСТ, 2003.

КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕШЕНИЯ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ: РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ*

В. Р. Боярский, И. И. Знаменская (Москва)

Теоретическая основа исследования. Адаптация к изменяющимся условиям социальной среды происходит благодаря усвоению субъектом правил коллективной морали, регулирующей, что такое «хорошо» и что такое «плохо» в данном сообществе. Оценить адаптированность субъекта к социокультурной среде, таким образом, можно с помощью изучения его моральных суждений и сопоставления их с принятыми в данном сообществе нормами.

Согласно системно-эволюционному подходу, поведение индивида обеспечивается одновременной актуализацией систем разной степени дифференцированности: «древних» (низкодифференцированных) и «новых» (высокодифференцированных) (Александров и др., 2011). Эмоции связываются с низкодифференцированными системами, сознание – с высокодифференцированными. «Моральное» поведение включает в себя как «эмоциональную» (спонтанные действия, выбор), так и «когнитивную» (оценки, суждения) составляющие.

Наше исследование направлено на изучение морального выбора и моральных суждений людей разных национальностей (русских и казахов), живущих на одной территории (Саратов, Россия; Алматы, Казахстан). Выбор именно этих этнических групп обусловлен уникальной ситуацией постсоветского хронотопа: все эти люди являются носителями русского языка, однако их менталитет формируется во многом под влиянием традиционной религии народа – православия либо ислама.

Теоретическая гипотеза: этнокультурные нормы, предположительно, более ранние и устоявшиеся и, соответственно, связанные с низкодифференцированными системами, будут опосредовать стратегии выбора в моральной дилемме; а социокультурные нормы, предположительно более поздно усваиваемые и, соответственно, связанные с высокодифференцированными системами, будут опосредовать моральные суждения субъекта, обосновывающие этот выбор.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-06-10895).

Целью данной работы выступила разработка методик, позволяющей выявить низкокодифференцированные (выбор) и высококодифференцированные (суждения) компоненты решения моральных дилемм людьми в связи с этнической принадлежностью героя.

Исследовательские гипотезы:

1. Люди одной национальности, живущие на разных территориях (казахи из Саратова и Алматы против русских из Саратова и Алматы), будут придерживаться сходных стратегий выбора в моральных дилеммах.
2. Люди разных национальностей, живущие на одной территории (казахи и русские из Саратова против казахов и русских из Алматы), будут объяснять свой выбор сходными причинами.
3. Поступок героя дилеммы своей национальности будет оцениваться строже, чем героя другой национальности (см. пояснение ниже).

Гарвардские дилеммы: структура, преимущества и недостатки.

Дилеммы – традиционный метод изучения морального сознания человека. Дилемма представляет собой короткую историю, описывающую ситуацию, в которой любое принятое решение имеет не только преимущества, но и ведет к существенным потерям. В классических дилеммах Гарвардского университета, широко используемых по всему миру, в том числе в отечественной психологии (Arutyunova et al., 2013), тестируются три имплицитных принципа оценки вреда: действие оценивается строже бездействия, «контактный» вред – строже опосредованного, целенаправленное причинение вреда оценивается строже вреда – побочного эффекта. В гарвардских дилеммах описываются гипотетические (а не обыденные) ситуации, чтобы исключить выученные (автоматические) либо социально желательные ответы. Прочитав историю, респонденты оценивают моральную допустимость действий героя, приводящих одновременно к спасению пятерых людей и смерти одного человека, по 7-балльной шкале: от 1 (недопустимо) до 7 (обязательно).

При предъявлении человеку дилемм разного типа наблюдается разная активность мозга. Так, при решении дилемм «действие/бездействие», дорсолатеральная префронтальная кора (традиционно связываемая с когнициями) активизируется сильнее, а орбитофронтальная кора (традиционно связываемая с эмоциями) – слабее, нежели при решении неморальных (конвенциональных) дилемм (Schaich Borg et al., 2006). Таким образом, можно предположить, что решение дилемм этого типа требует большего вовлечения высококодифференцированных систем (сознания), нежели эмоций.

Гарвардские дилеммы критикуются за то, что они решаются «в вакууме», т. е. в них нет никакой информации о героях (спасенных и неспасенных, а также о действующем лице). В реальной жизни человек принимает моральное решение и выносит моральные оценки, осно-

вываясь в том числе на том, кто именно задействован в ситуации (например, родственник или незнакомец, человек своей национальности/расы или другой, профессор или бездомный маргинал). Для авраамических религий характерна более строгая оценка поступка человека своей конфессии, нежели «иноверца». Для проверки этого утверждения в созданной нами методике действующие лица в дилеммах носят разные имена – казахские и русские.

Еще одно ограничение методики заключается в том, что ответы респондентов представляют собой выбор одного из семи вариантов (ординальная шкала) без каких-либо нарративных пояснений своего решения. Однако за одними и теми же ответами разных людей могут скрываться разные причины, обусловленные их субъективным опытом, и для изучения морального поведения важно учитывать и то, каким образом люди объясняют допустимость того или иного поступка.

Оценка допустимости (запрещено/обязательно) может быть как моральной, так и конвенциональной (запрещено ехать на красный сигнал светофора, обязательно ехать на зеленый). Оценка ситуации в терминах «хорошо/плохо» традиционно связывается с моральным доменом социального знания. Показано, что оценка чужого поступка и решение моральной дилеммы с собственной позиции («как бы поступил я в этой ситуации») обеспечиваются разными мозговыми процессами (Tassu et al., 2013). Эгоцентрическая и оллоцентрическая позиции различаются и на поведенческом уровне: «плохие» поступки оцениваются строго даже в том случае, когда человек говорит, что сам поступил бы точно так же на месте героя (хотя это и «плохой» поступок, по его мнению).

Разработка методики «Культурная специфика решения моральных дилемм». Методика создана на основе гарвардских моральных дилемм, тестирующих принцип действия/бездействия, поскольку именно они являются наиболее «когнитивными» (и, соответственно, должны сопровождаться более развернутыми объяснениями того или иного выбора со стороны респондента). Она представляет собой онлайн-документ на основе платформы «Google Формы», состоящий из восьми страниц: вводная инструкция, 6 дилемм, анкетные данные респондента. Пилотажное исследование показало, что шесть дилемм (сценариев) является оптимальным количеством, позволяющим получить развернутые ответы и не утомить респондента. Время выполнения всей методики – 15–30 мин.

Схема одного сценария: 1) нарратив – знакомство с героем, описание истории и поступка героя; 2) просьба оценить допустимость поступка по 7-балльной шкале (от 1 – недопустимо – до 7 – обязательно); 3) просьба оценить поступок по 7-балльной шкале (от 1 – плохой – до 7 – хороший); 4) вопрос: «Как бы вы поступили на месте героя?».

Оценка эмоциональной составляющей суждений будет производиться методом, предложенным В. Н. Носуленко и Е. С. Самойленко (Но-

суленко, Самойленко, 2012). В связи с этим после вопроса размещается разработанная ими инструкция: «Постарайтесь объяснить как можно подробнее, почему вы ответили именно так. Вы абсолютно свободны в выборе способа объяснения. Во время объяснения вы можете возвращаться к уже написанному, изменять или дополнять высказанное вами мнение по данной ситуации. Как только вы сочтете достаточным свое объяснение, переходите на следующую страницу».

Экспериментальные сценарии:

- 1) Казах предпринимает действие, которое влечет за собой гибель одного человека, жизни которого ничего не угрожало, зато нейтрализует угрозу гибели других пятерых человек.
- 2) Русский выбирает действие, которое влечет за собой гибель одного человека, жизни которого ничего не угрожало, зато нейтрализует угрозу гибели пятерых других человек.
- 3) Русский выбирает бездействие, в результате чего пять человек погибают, но остается жив другой человек.
- 4) Казах выбирает бездействие, в результате чего пять человек погибают, но остается жив другой человек.

Контрольные сценарии:

- 1) Русский предпринимает действие, которое спасает одного человека.
- 2) Казах предпринимает действие, которое спасает одного человека.

Результаты анализа моральных суждений взрослых людей, принадлежащих к разным культурам и живущих в разных социально-экономических условиях (Россия/Казахстан, русская и казахская национальности), сделают вклад в изучение моральной составляющей адаптивного поведения человека в обществе и ее зависимости от социокультурной среды.

Литература

- Александров Ю. И., Александрова Н. Л., Харламенкова Н. Е. Субъективный опыт: личностное и социокультурное // Человек. 2011. № 2. С. 104–113.
- Носуленко В. Н., Самойленко Е. С. «Познание и общение»: системная исследовательская парадигма // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 5–16.
- Arutyunova K. R., Alexandrov Yu. I., Znakov V. V., Hauser M. D. Moral judgments in Russian culture: Universality and cultural specificity // Journal of Cognition and Culture. 2013. V. 13. № 3–4. P. 255–285.
- Tassy S., Oullier O., Mancini J., Wicker B. Discrepancies between judgment and choice of action in moral dilemmas // Frontiers in psychology. 2013. V. 4. № 250. P. 1–8.
- Schaich Borg J., Hynes C., Van Horn J., Grafton S., Sinnott-Armstrong W. Consequences, Action and Intention as Factors in Moral Judgments: an fMRI Investigation // Journal of Cognitive Neuroscience. 2006. V. 19. № 5. P. 803–817.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДОМАШНЕЙ СРЕДЫ В СЕМЬЯХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА*

Е. И. Брагинец (Москва)

Рассматриваются особенности восприятия домашней среды в семьях, воспитывающих детей с расстройством аутистического спектра (далее РАС), их жизнестойкость. Сравниваются между собой группы родителей, воспитывающих нейротипичных детей и детей с РАС. Изучается сопряженность участия ребенка с РАС в инклюзивном образовании и показателей дружелюбности домашней среды и жизнестойкости в его семье. Используется авторская методика «Дружелюбность домашней среды». Общая выборка составила 64 чел. Обнаружена сопряженность фактора участия семьи в инклюзивном процессе с образом их домашней среды и показателями жизнестойкости.

Актуальность темы данной статьи заключается в комплексном подходе к исследованию сопряженности инклюзивного образования и психологическим благополучием семьи, воспитывающей ребенка с РАС. Рассматривается взаимодействие субсред семьи: макросреда (инклюзивное обучение) и микросреда (домашняя среда семьи). Социальная актуальность отражена в необходимости совершенствования системы инклюзивного образования.

Трудно переоценить роль среды в развитии ребенка. Дихотомия «среда– наследственность» является одной из старейших тем философского, а потом и психологического учения. На сегодняшний день психологи признают, что связь между средой и генетикой гораздо сложнее, чем казалось раньше.

Вопросом о степени влияния разных уровней окружающей среды на развитие ребенка в середине XX в. занялся Ури Бронфенбренер. Он выделил 4 системы, которые непрерывно присутствуют и оказывают влияние на развитие ребенка с момента его рождения: микросистема, мезосистема, экзосистема, макросистема.

Бронфенбренер отмечал, что все системы прочно связаны между собой: изменения в одной из сред приводят к тем или иным изменениям в другой среде. Также степень и качество их влияния на развитие ребенка зависит от его возраста и личностных качеств.

Дом – сложная структура, она включает в себя множество различных элементов: от структурных единиц вроде стен, до интерьера и его индивидуальных особенностей. Безусловно, дом существует не только в физической реальности, но также и в психической, включая социальную (Нартова-Бочавер и др., 2015).

---

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-02163).

В работе 2015 г. А. А. Бочавер «Представления о доме как элемент персонального опыта» исследовалась структура представлений о доме, в частности рассматривалось, какие компоненты входят в характеристику дома личностью (Бочавер, 2015). В результате исследования (N=66) было выявлено, что основанные на персональном опыте представления о доме обладают неоднородной структурой и включают как минимум 4 компонента: универсальный образ дома – идея безопасного пространства для семьи, над-опытный компонент; повседневный образ дома – состоит из оценки удовлетворенности базовых потребностей человека, данный компонент связан с ощущением «уюта»; динамический образ дома – характеризует широкий спектр возможностей саморегуляции и саморазвития человека через преобразование домашнего пространства.

Анализ приведенной выше литературы позволил нам сформулировать несколько гипотез, которые мы проверили в дальнейшем исследовании.

1. Дружественность домашней среды сопряжена с жизнестойкостью родителей детей с расстройствами аутистического спектра и группы нормы.
2. Участие семьи ребенка с РАС в инклюзивном обучении положительно связано с жизнестойкостью родителей ребенка.
3. Показатель шкалы «Вовлеченность» у родителей детей РАС, участвующих в инклюзивном образовании, будет выше, чем в семьях, где дети не участвуют в таком обучении.
4. Ресурсная функция домашней среды для родителей детей с РАС выше, если они включены в инклюзивный процесс.
5. Образ домашней среды в группе родителей, дети которых участвуют в инклюзивном процессе, будет более схож с образом домашней среды группы родителей нейротипичных детей, чем с группой родителей детей с РАС, которые не принимают участия в инклюзии.

Таким образом, независимая переменная исследования – дружественность домашней среды родителей, зависимая – жизнестойкость родителей детей с РАС, переменная-модератор – включенность в инклюзивный процесс.

Нами было проведено сравнительное исследование восприятия домашней среды и жизнестойкости в семьях, воспитывающих детей с РАС, и в семьях, где растут нейротипичные дети.

В исследовании представлены три группы испытуемых:

1. Родители детей с РАС, участвующие в инклюзивном процессе (N=11), 8 женщин.
2. Родители детей с РАС, не участвующие в инклюзивном образовании (N=30), 28 женщин.
3. Родители нейротипичных детей (N=23), 13 женщин.

Группы испытуемых были собраны на базах школы № 1465 им. адмирала Кузнецова, НПЦ Детской неврологии, социальных интернет-сетей, тематических интернет-форумов. Группы 1, 2 и 3 неоднородны по месту проживания: так, 100% испытуемых группы 1 проживают в Москве, в то время как участники 2 и 3 групп проживают в различных городах России, данная неоднородность связана с ограничением 1 группы участием в инклюзивном процессе школы № 1465, аналогов которому не было найдено. Среди испытуемых преобладающее число женщин, так как отцы более закрыты для исследования в связи с более нагруженным рабочим графиком

Были обнаружены значимые различия между группами 1 и 2 по всем шкалам опросника «Жизнестойкости». Критерий Манна–Уитни подтвердил различия групп по шкалам: «Вовлеченность», «Общая жизнестойкость» на уровне значимости $p\text{-value} \leq 0,005$ и по шкале «Контроль» на уровне значимости $p\text{-value} \leq 0,05$. Различия между группами по шкале «Принятие риска» выявлено не было. Таким образом, можно заключить, что жизнестойкость родителей, участвующих в инклюзивном процессе, значительно выше, по сравнению с теми, кто в нем не участвует.

Анализ результатов опросника «Функциональность домашней среды» не выявил значимых различий между тремя группами испытуемых, таким образом, можно заключить, что образ идеального дома менее вариативен, чем образ реального дома.

По результатам исследования были подтверждены выдвинутые нами ранее гипотезы.

1. Уровень дружелюбности домашней среды в группе родителей детей с РАС оказался значимо ниже, чем в группе родителей нормативных детей; таким образом, можно заключить, что они нуждаются в дополнительной рекреационной среде для восстановления жизнестойкости.
2. Участие семьи в инклюзивном обучении имеет положительную связь с жизнестойкостью родителей ребенка, что может дополнительно подтвердить комплексное влияние инклюзии на семью ребенка.
3. Родители, воспитывающие детей с РАС, не включенных в систему инклюзивного образования, имеют значимо более низкие показатели вовлеченности, можно предположить, что это связано с сопутствующими аспектами инклюзии.
4. Ресурсность домашней среды выше у родителей, дети которых участвуют в инклюзивном обучении; таким образом, мы можем предположить, что оказание комплексной и системной поддержки детям с ОВЗ влияет на восприятие домашней среды родителями, повышает их способность и склонность использовать домашнюю среду как психологический ресурс, дает возможность отдыха и восстановления.

5. Образ домашней среды группы родителей, дети которых участвуют в инклюзивном процессе, более близок к образу домашней среды родителей нейротипичных детей.

Отдельно стоит отметить, что результаты представляют серьезный практический интерес и нуждаются в проверке на более объемной выборке.

Литература

- Бочавер А. А.* Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. №3. С. 60–72.
- Дмитриева Н. С.* Домашняя среда как ресурс психологического благополучия и аутентичности подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2015.
- Нартова-Бочавер С. К.* и др. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. №3. С. 60–72.
- Coolen H., Ozaki R.* Culture, Lifestyle and the Meaning of a Dwelling // International conference «Adequate and Affordable Housing for All: Research, Policy, Practice». Toronto, 2004.

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ, ФОРМИРУЮЩИХСЯ ВО ВРЕМЯ ЗАНЯТИЙ СПОРТОМ, НА УСПЕШНОСТЬ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д. С. Брусенская, С. С. Котова (Екатеринбург)

Подростковый возраст является сензитивным периодом для формирования основных особенностей личности, которые готовят человека к взрослой жизни. От успешности формирования личностных особенностей зависит будущая деятельность человека, ее направленность, продуктивность и успешность.

Внеучебная деятельность в подростковом возрасте способствует более эффективному формированию ответственности, самоорганизации, самоконтроля, планирования собственной деятельности. В контексте внеучебной деятельности мы остановились на спортивной сфере (на примере большого тенниса), так как она способствует развитию как физиологических, так и психологических особенностей личности.

В ходе исследовательской работы был проведен анализ современных представлений отечественных и зарубежных авторов о проблеме школьной успеваемости в подростковом возрасте и формировании основных личностных особенностей. Наиболее подробно были рассмотрены работы следующих авторов: 1) А. Д. Ишкова о влиянии структуры процесса самоорганизации на успешность в учебной деятельности;

2) С. С. Котовой о формировании компетенций самоорганизации у обучающихся; 3) А. Е. Уварова о психологии самоорганизации личности как субъекта двигательной активности.

Целью исследования является выявление специфики взаимосвязи личностных особенностей и успешности в учебной деятельности у подростков, занимающихся спортивной деятельностью (на примере большого тенниса).

В ходе исследования была выдвинута следующая гипотеза: спортивная внеучебная деятельность в подростковом возрасте способствует эффективному формированию личностных особенностей, таких как: самоорганизация и волевые качества личности, что положительно сказывается на успешности в учебной деятельности.

В нашем исследовании принимали участие обучающиеся подросткового возраста, занимающиеся в теннисном клубе «Макс»; учащиеся 9-х и 10-х классов средней общеобразовательной школы № 2 с углубленным изучением английского языка г. Заречного Свердловской области; учащиеся 9-х классов МОУ Гимназии № 99 г. Екатеринбурга. Выборка составила 117 чел. (58 юношей и 59 девушек) в возрасте от 13 до 17 лет. В зависимости от направленности деятельности учащиеся были поделены на две группы. К первой группе относятся подростки, занимающиеся теннисом (56 чел., из которых 23 девушки и 33 юноши, средний возраст – 15,1 года). Первая группа, в свою очередь, делится на 3 подгруппы, в зависимости от продолжительности занятий данным видом спорта: 1) подростки, занимающиеся теннисом более 5 лет (15 чел.: 13 юношей и 2 девушки, средний возраст – 15 лет); 2) подростки, занимающиеся большим теннисом от 2 до 5 лет (20 чел.: 10 юношей и 10 девушек, средний возраст – 15,1 года); 3) подростки, занимающиеся большим теннисом до 2 лет (21 чел.: 10 юношей и 11 девушек, средний возраст – 15 лет).

Ко второй группе относятся подростки, не занимающиеся большим теннисом (61 чел., из которых 25 юношей и 36 девушек, средний возраст – 15,5 года). Вторая группа также делится на 3 подгруппы, в зависимости от увлечений определенным видом внеучебной деятельности: 1) подростки, занимающиеся спортивной деятельностью (31 чел.: 17 юношей и 14 девушек, средний возраст – 15,5 года); 2) подростки, занимающиеся интеллектуально-творческой деятельностью (23 чел.: 6 юношей и 17 девушек, средний возраст – 15,3 года); 3) подростки, не занимающиеся внеучебной деятельностью (7 чел., из которых 2 юношей и 5 девушек, средний возраст – 16 лет).

Для получения эмпирических данных использовались: 1) анкета, состоящая из 13 вопросов полузакрытого и открытого типов. Анкета позволяет выявить направленность учебной и внеучебной деятельности подростков, уровень школьной успеваемости и оценку школьной успеваемости респондентами и значимыми для них лицами, отноше-

ние к спортивной деятельности; 2) Опросник «Диагностика особенностей самоорганизации – 39» (А. Д. Ишков), содержащий интегральную шкалу «Уровень самоорганизации», шесть шкал, характеризующих развитие личностного и функциональных компонентов; 3) Опросник «Волевые качества личности» (М. В. Чумаков), направленный на диагностику конкретных проявлений волевой регуляции, определяющиеся условиями и содержанием конкретных видов деятельности; 4) Опросник «Смысловые базовые установки» (А. Д. Ишков, Н. Г. Милорадова), предназначенный для диагностики базовых смысловых установок человека.

В эмпирическом исследовании мы получили следующие результаты.

Подростки, занимающиеся спортивной деятельностью, демонстрируют развитые навыки организации процесса собственной деятельности. Что касается уровня успешности в учебной деятельности, то, подростки, занимающиеся большим теннисом и другими видами спортивной деятельности, имеют высокий процент хорошей и отличной успеваемости. Подростки, занимающиеся интеллектуально-творческой деятельностью и не занимающиеся внеучебной деятельностью, имеют высокий процент хорошей успеваемости, но в то же время значительный процент удовлетворительной успеваемости, что подтверждает положительное влияние двигательной активности на формирование личностных особенностей.

Подростки, занимающиеся спортивной деятельностью, проявляют высокий уровень развития навыков самоорганизации, в силу специфики их спортивной деятельности. Также у них наиболее развиты следующие волевые качества: ответственность, инициативность, самостоятельность, целеустремленность.

По результатам описательной статистики, подростки, занимающиеся спортивной деятельностью, демонстрируют развитые навыки организации процесса собственной деятельности, а также имеют склонность на уровне тенденции к эмоциональной зависимости, так как постоянно получают эмоциональную поддержку от значимых лиц.

В ходе сравнительного анализа были выявлены следующие различия в группе подростков, занимающихся большим теннисом. Подростки, занимающиеся теннисом более 5 лет, склонны к гипертрофированности и эмоциональной зависимости. Это, скорее всего, обусловлено тем, что они начали заниматься профессиональной спортивной деятельностью еще в младшем школьном возрасте, когда уровень развития личностных особенностей был недостаточно высок, в отличие от подростков, которые начали осознанно заниматься теннисом сравнительно недавно. Это определяет специфику развития личностных особенностей, в зависимости от продолжительности и времени начала занятий спортом.

Подростки, занимающиеся спортивной деятельностью, проявляют высокий уровень развития навыков функциональных (целеполагание, анализ ситуации, планирование, самоконтроль) и личностного (волевые усилия) компонентов самоорганизации, в силу специфики их спортивной деятельности. Также у них наиболее развиты следующие волевые качества: ответственность, инициативность, самостоятельность, целеустремленность, так как они постоянно их проявляют в процессе игры в большой теннис.

После проведения корреляционного анализа во всех группах подростков была выявлена определенная взаимосвязь. Мы обратим особое внимание на взаимосвязь успешности в учебной деятельности с личностными особенностями.

В группе подростков, занимающихся большим теннисом более 5 лет, успешность определяется уровнем настойчивости и позитивной установки на результат.

В группе подростков, занимающихся теннисом от 2 до 5 лет, целеустремленность может отрицательно сказываться на учебной деятельности, если ее проявление наиболее активно применяется к другим видам деятельности.

Большинство подростков, занимающихся большим теннисом менее 2 лет, имеют малое число внутренних противоречий в личности и обстоятельств, мешающих переживать внутреннюю гармонию, более успешны в учебной деятельности. Однако респонденты, которые умеют грамотно и самостоятельно планировать и организовывать свою деятельность, иногда менее успешны в учебной деятельности, видимо, потому, что применяют это личностное качество к внеучебной деятельности.

Чем активнее подростки, занимающиеся спортивной деятельностью, реализуют себя в процессе жизнедеятельности и проявляют волевые качества в достижении поставленной цели, тем более развит у них навык организации деятельности, что, в свою очередь, является фактором успешности в учебной деятельности; чем активнее подростки, не занимающиеся теннисом, проявляют выдержку, выносливость, устойчивость в процессе жизнедеятельности и чем больше они ориентированы на будущие планы и цели, тем более они успешны в учебной деятельности.

Таким образом, подтвердилось, что спортивная деятельность способствует эффективному формированию личностных особенностей, определяющих успешность в учебной деятельности. Было показана специфика выраженности личностных особенностей подростков, занимающихся спортивной деятельностью, в зависимости от продолжительности и времени начала занятий. Также было выявлено, что любой социально-конструктивный вид внеучебной деятельности способствует развитию личностных особенностей и успешности в учебной деятельности подростков.

Литература

- Ишков А. Д. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности. М.: АСВ, 2004.
- Котова С. С. Основы эффективной самоорганизации. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун.-т, 2010.
- Уваров Е. А. Психология самоорганизации личности как субъекта двигательной деятельности. Тамбов: Першина, 2005.

ВЫРАЖЕННОСТЬ АЛЬТРУИСТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ПРИ РАЗНЫХ ТИПАХ МОРАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

С. В. Будагова (Баку, Азербайджан)

Актуальность проблемы исследования. Подростковый и юношеский возрасты являются наиболее сенситивным периодом для развития моральной ориентации. Моральная ориентация – система основных нравственных установок и позиций личности, ее моральный вектор, определяющий отношение к самому себе и к окружающим. Данная проблематика является востребованной в психологическом консультировании.

Цель: изучить особенности моральной ориентации в подростковом и юношеском возрасте.

Объект: особенности моральной ориентации личности.

Предмет: особенности компонентов моральной ориентации.

Гипотезы:

1. Выраженность альтруистических установок связана с моральной ориентацией на принцип заботы.
2. Существует возрастная динамика в выраженности альтруистических установок.
3. Существует гендерная специфика в выраженности альтруистических установок.
4. Существует возрастная динамика в особенностях моральной ориентации.
5. Существует гендерная специфика моральной ориентации.

Методологическая основа. Когнитивная традиция изучения особенностей морального развития (Ж. Пиаже, Л. Кольберг, Д. Кребс, Э. Туриель), подход к моральному развитию в работах К. Гиллиган, интегративные подходы Н. Айзенберг, Ж. Реста и др.

Методы, методики:

- Методика оценки моральных суждений «Справедливость–забота».

- Модифицированная методика ценностей М. Рокича.
- Методика «моральные дилеммы».
- Методика измерения чувства вины и стыда.
- Шкала альтруизма–эгоизма.

Выборка состоит из 124 чел. (66 мужчин, 58 женщин; 45 младшие подростки, 46 старшие подростки, 33 юноши).

Результаты. Как показывают результаты решения моральных дилемм, наиболее популярным является ответ «отдать деньги мужчине» как при решении за себя, так и при решении за героя ситуации. Вторым по популярности является ответ «отдать деньги бабушке» как при возрастном, так и при гендерном сравнении.

Анализ особенностей ценностных предпочтений показывает, что ценность «верность» важна для всех трех возрастных групп. Для младших и старших подростков важна общительность, для старших подростков и юношей – независимость, для младших подростков – образованность, а для юношей – чуткость и заботливость. Ценность уметь быть полезным другим является более значимой для юношей, чем для младших подростков, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$.

Гендерная специфика выражена в том, что для мужского и женского пола важна верность и преданность. Для мужского пола важна независимость и смелость в отстаивании своих интересов, а для женского пола образованность и общительность. Ценность независимость является более значимой для представителей женского пола, чем для представителей мужского пола, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$.

Анализ особенностей ценностных проявлений показал, что ценности «доверие к людям и открытость», «умение быть лидером» важны представителям всех возрастных групп. Тогда как принципиальность важна для младших подростков, законопослушность – для старших подростков, а умение быть полезным другим – для юношей. Проявление ценностей рационализм и образованность являются более значимыми для младших подростков, чем для юношей, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$.

Для представителей мужского и женского пола важны проявления ценностей «умение быть лидером», «доверие к людям и открытость». Для представителей мужского пола важна законопослушность, а для представителей женского – независимость. Образованность является более значимой для представителей женского пола, чем для представителей мужского пола, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$.

Опросник «Справедливость–забота» для стадий морального развития по Л. Кольбергу показал, что на первом месте у младших подростков конвенциональный уровень: ориентация на мнение других,

у старших подростков и у юношей – постконвенциональный уровень: стадия универсальных этических принципов. На втором месте у представителей всех групп постконвенциональный уровень: социальный контракт, учет прав личности. На третьем месте у младших подростков показатель постконвенциональный уровень: стадия универсальных этических принципов, а у старших подростков и у юношей конвенциональный уровень: ориентация на мнение других. Показатели постконвенциональный уровень – власть авторитетов и конвенциональный уровень – социальный закон и порядок более значимы для младших подростков, чем для старших, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$. Показатели доконвенциональный уровень – власть авторитетов, боязнь наказаний, доконвенциональный уровень – инструментальный обмен: ты – мне, я – тебе и конвенциональный уровень – социальный закон и порядок более значимы для младших подростков, чем для юношей, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$.

Опросник «Справедливость–забота» для стадий морального развития по Л. Кольбергу показал, что у представителей мужского и женского пола на первом месте постконвенциональный уровень – стадия универсальных этических принципов, на втором месте у представителей мужского пола постконвенциональный уровень – социальный контракт, учет прав личности, а у представителей женского пола конвенциональный уровень: ориентация на мнение других, а на третьем месте наоборот.

Как показал опросник «Справедливость–забота», для стадий морального развития по К. Гиллиган и Н. Айзенберг возрастная специфика выражена в следующем: у представителей младшего подросткового возраста и юношей на первом месте самопожертвование – рефлексивная эмпатическая ориентация, а на втором месте – учет интериоризованных ценностей, защита прав других, а у старших подростков наоборот. Однако на третьем месте у представителей всех трех подгрупп самоозабоченность – ориентация на интересы других людей. Ориентация на интересы других людей и на их хорошее мнение о себе более значимы для младших подростков, чем для старших, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$.

Опросник «Справедливость – забота» для стадий морального развития по К. Гиллиган и Н. Айзенберг при анализе гендерных различий показал, что у представителей мужского пола на первом месте находится показатель самопожертвование – рефлексивная эмпатическая ориентация, на втором месте самопожертвование – учет интериоризованных ценностей, защита прав других, а на третьем месте самоозабоченность – ориентация на интересы других людей. У представителей женского пола на первом месте показатель самопожертвование – учет интериоризованных ценностей, защита прав других, на втором месте самопожертвование – рефлексивная эмпатическая ориентация, а на треть-

ем месте самоозабоченность – ориентация на интересы других людей.

Опросник «Альтруизм–Эгоизм» показал, что нет возрастной и гендерной динамики: степень значимости эгоизма – альтруизма для всех возрастных и гендерных групп одна и та же.

Данные, полученные по опроснику «Вина–Стыд», показывают, что на первом месте у младших подростков находится показатель вина, у старших подростков альфа-гордость, у юношей – бета-гордость. На втором месте у младших подростков – бета-гордость, у старших подростков и у юношей – вина.

Опросник «Вина–Стыд» показал, что отсутствует гендерная динамика. Так на первом месте – вина, на втором месте – бета-гордость, а на третьем месте – альфа-гордость. Для представителей мужского пола стыд и экстернальность являются более значимыми, чем для представителей женского пола, что подтверждено наличием статистически значимых различий на уровне $p=0,01$.

В специальной работе мы представим результаты верификации выдвинутых гипотез 1, 3 и 5.

Литература

- Молчанов С. В.* Морально-ценностные ориентации как функция социальной ситуации развития в подростковом и юношеском возрасте // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 73–80.
- Eisenberg N.* Altruistic emotion, cognition and behavior. Hillsdale, 1986.
- Kohlberg L.* Essays on moral development // The psychology of moral development. San-Francisco, 1984.

ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ И СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

А. Д. Бузунова (Санкт-Петербург)

В настоящий момент вопрос формирования эффективных способов реагирования в сложных ситуациях остается открытым, несмотря на большое количество исследований, проводимых по данной теме. При работе с детьми практические психологи сталкиваются с уже существующей проблемой неэффективного использования копинг-стратегий, приводящей к социальной дезадаптации. Своевременное проведение превентивных мероприятий помогает это предотвратить, а изучение процессов формирования копинга и причин, влияющих на данное явление, представляется актуальным.

Целью данного исследования явилось изучение особенностей со-владающего поведения и субъективного восприятия семейных от-

ношений младшими подростками из двух поведенческих групп: девиантного и нормативного поведения. Под девиантным поведением в данном исследовании понимаются действия, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в обществе морально-правовым нормам, приводящие нарушителя к изоляции. В соответствии с поставленной целью было проведено объемное исследование, однако в рамках данной статьи представлены только самые значимые результаты.

В ходе исследования проверялись следующие *гипотезы*:

1. Младшие подростки с девиантным поведением, в отличие от младших подростков с нормативным поведением, используют неэффективные копинг-стратегии.
2. Субъективное восприятие членов семьи влияет на формирование копинг-стратегий.

В исследовании приняли участие 65 детей в возрасте 11 лет из двух поведенческих групп: девиантного и нормативного поведения, проживающие в городе Санкт-Петербурге и обучающиеся в общеобразовательных школах.

Группа детей с девиантным поведением представлена 34 детьми, состоящими на учете в подразделении по делам несовершеннолетних (ПНД) и органах социальной опеки: 18 девочек, 16 мальчиков, в том числе 23 ребенка из полных и 11 детей из неполных семей.

Группа детей с нормативным поведением представлена 31 ребенком, не состоящими на учете в подразделении по делам несовершеннолетних (ПНД) и органах социальной опеки: 18 девочек, 13 мальчиков, в том числе 24 ребенка из полных и 7 детей из неполных семей.

Для решения поставленных задач были использованы *эмпирические* (опросник копинг-стратегий детей школьного возраста, качественные методы: семейная социограмма, рисунок семьи) и *математические* методы (факторный анализ, корреляционный анализ).

Согласно результатам исследования способов *совладания*, дети с девиантным поведением используют эффективные и неэффективные способы реагирования в сложных ситуациях. Среди эффективных копинг-стратегий чаще всего используются: обнимаю или прижимаю к себе кого-то (56%, $n=19$); смотрю телевизор, слушаю музыку (44%, $n=15$). Из неэффективных способов совладания: плачу и грущу (21%, $n=7$); борюсь или дерусь с кем-нибудь (18%, $n=6$); бью, ломаю или швыряю вещи (18%, $n=6$).

Младшие подростки с нормативным поведением используют эффективные копинг-стратегии: смотрю телевизор, слушаю музыку (58%, $n=18$); рисую, пишу или читаю что-нибудь (55%, $n=17$); стараюсь расслабиться, оставаться спокойным (55%, $n=17$); обнимаю или прижимаю к себе кого-то (45%, $n=14$); мечтаю, представляю себе что-нибудь

(39%, n=12). Неэффективные копинг-стратегии в их арсенале отсутствуют. Это помогает им легче переключиться с травмирующей ситуации, успокоиться и прийти в себя.

Таким образом, ребята с девиантным поведением затрачивают больше времени и энергии на переживания травмирующих ситуаций и сложнее находят способы выхода из них.

Результаты анализа *рисунков, изображающих сложные ситуации*, с которыми сталкиваются ребята из различных групп, показывают, что у детей с девиантным поведением на первый план выходит изображение трудностей во взаимоотношениях с родителями и проблем в семье (38%, n=13). Тогда как среди детей нормативного поведения наиболее распространенным изображением неприятной ситуации является неудача в учебе (39%, n=12), смерть или утрата животного (26%, n=8) и ссора с другом (23%, n=7).

Результаты, полученные при изучении *субъективного восприятия семейных отношений* у ребят с девиантным поведением, показывают, что большая часть из них самым значимым (55%, n=19), властным (50%, n=17), умным (47%, n=16), могущественным (56%, n=19), уверенным в себе (47%, n=16) считает папу, однако он же воспринимается и самым далеким (29%, n=10) из членов семьи, что свидетельствует об отсутствии близкого контакта и невозможности удовлетворения потребности в нем. Самым близким (32%, n=11) из членов семьи дети воспринимают маму, но она же вызывает тревогу (29%, n=15) и изображается агрессивной (35%, n=12), что указывает на нарушение межличностных связей, страх в отношениях и невозможность установления теплого контакта. Братьев и сестер дети из группы девиантного поведения считают безвластными в (47%, n=16), а себя изображают тревожными (44%, n=15).

Полученные данные указывают на восприятие детьми семейных отношений как неблагоприятных, что проявляется дистанцированностью, недостаточностью любви, ласки, заботы и потребностью ребенка в них.

У младших подростков с нормативным поведением полученные результаты показывают, что самым значимым (64%, n=20), властным (35%, n=11), умным (71%, n=22), могущественным (41%, n=13) и уверенным в себе (68%, n=21) воспринимается папа. Самым близким (41%, n=13) и самым беспокойным (35%, n=11) из членов семьи – мама. Агрессивными (22%, n=7) и вызывающими тревогу (29%, n=9) считают братьев и сестер, а себя большая часть детей воспринимает послушными (26%, n=8).

Полученные данные указывают на благополучную семейную обстановку и теплые отношения с родителями.

В исследовании *взаимосвязей между субъективным восприятием членов семьи и используемыми стратегиями совладания* выяснено, что у детей с девиантным поведением использование эффективных копинг-стратегий имеет отрицательную взаимосвязь с восприятием папы

как вызывающего тревогу персонажа. А использование неэффективных стратегий поведения имеет положительную взаимосвязь с восприятием мамы агрессивным и вызывающим тревогу персонажем. В то время как у младших подростков с нормативным поведением использование эффективных стратегий совладания имеет положительную взаимосвязь с восприятием родителей как значимых, умных, близких и могущественных членов семьи.

Следовательно, восприятие родителей в негативном свете способствует использованию неэффективных копинг-стратегий и затрудняет выход из сложных ситуаций. В то время как дети, воспринимающие своих родителей положительными персонажами и имеющие с ними близкие отношения, эффективно справляются со сложностями.

Таким образом, субъективное восприятие семейных отношений как неблагоприятных ухудшает способность ребенка справляться с трудностями, т.ак как со стороны родителей ребенок получает недостаточно поддержки.

Литература

Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2006.

Эйдмиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия: учебное пособие для врачей и психологов. СПб.: Речь, 2003.

Deans J., Frydenberg E., Gulliford H., Liang R. Teaching Coping Skills in the Context of Positive Parenting Within a Preschool Setting // Australian Psychologist. V. 50. Iss. 3. June 2015. P. 219–231.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ГРАНИЦ СОБСТВЕННОГО ТЕЛА СЦИНКАМИ *Tiliqua gigas**

Д. С. Бурыченкова, И. А. Хватов (Москва)

В современной науке существует множество концепций, объясняющих происхождение самосознания человека в ходе эволюции психики. Большая часть этих концепций описывает развитие психики в ходе антропогенеза, а также осуществляет сравнительный анализ психики человека и приматов. Однако данные о более глубоких эволюционных корнях данного феномена крайне скудны (подробнее см.: Хватов, 2013).

Между тем способность принимать себя в расчет (Столин, 1983) как в онто-, так и в филогенезе является наиболее ранней ступенью развития схемы тела. Для осуществления любой поведенческой (дви-

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-06-00669-а).

гательной) активности субъекту необходимо учитывать физические характеристики своего тела: его границы и вес. Очевидно, эта необходимость у позвоночных наиболее отчетливо проявилась при переходе к наземному образу жизни (у пресмыкающихся). В связи с этим целесообразным является изучение способности учитывать физические параметры собственного тела вышеуказанными группами животных.

Цель исследования: изучить особенности восприятия синезычными сцинками границ собственного тела.

Гипотеза исследования: сцинк способен учитывать изменение границ собственного тела при регуляции своего поведения.

Испытуемые: 5 самцов и 3 самки сцинков *Tiliqua gigas* (половых различий в поведении в рамках эксперимента выявлено не было); взрослые, наивные особи, пойманные в дикой природе и наблюдавшиеся в лабораторных условиях более 1 года. Были организованы экспериментальная и контрольная группы (по 4 особи каждая).

Оборудование. Экспериментальная установка была организована в прямоугольном вертикальном террариуме (размер террариума: 450×450×620 мм) Внутри террариума располагался «проблемный» ящик с четырьмя отверстиями (размер ящика: 150×150×220 мм). В каждой из стенок ящика располагалось по одному отверстию. Диаметр отверстий мог варьироваться 3 способами:

- малое отверстие (далее – S) диаметром 18 мм, в такое отверстие проходил только кончик морды сцинка;
- среднее отверстие (далее – M) диаметром 40 мм, в такое отверстие проникала голова сцинка при ее естественных размерах, но не при увеличенных границах тела;
- большое отверстие (далее – L) диаметром 70 мм, в такое отверстие проникала голова сцинка и при естественных, и при увеличенных границах.

В качестве субстрата использовалась крошка кокосовой коры. Субстрат и стенки террариума увлажнялись каждые 2 дня. Также в террариуме располагалась поилка. Под террариумом располагался термокабель, обогревавший половину площади дна террариума. Террариум освещался ультрафиолетовой лампой, расположенной вертикально на высоте 50 см. Цикл день/ночь: 12/12 часов. Температура на обогреве: 34°C. Вне обогрева: 25°C. Ночная температура: 23°C (во всем террариуме).

Кормление животного осуществлялось только внутри экспериментальной установки таким образом, что для достижения корма животному необходимо было проникать головой в одно из отверстий. Кормушка с приманкой устанавливалась в центре экспериментальной установки в начале каждой пробы.

План эксперимента. В экспериментальной и контрольной группах проводилось 4 серии по 20 проб каждая.

Перед началом эксперимента каждый сцинк в течение 5 дней содержался в экспериментальном террариуме. В начале каждой пробы внутрь экспериментальной установки помещалась приманка – блюдце с равномерно распределенным по нему кормом. Время пробы не ограничивалось; проба считалась завершенной, когда сцинк достигал приманки, проникнув в одно из отверстий. Между экспериментальными пробами внутри серии выдерживался временной интервал в 2 дня. По окончании пробы корм изымался из экспериментальной установки. Между пробами отверстия в экспериментальной установке закрывались стеклом.

В экспериментальной группе варьировалось расположение отверстий в проблемном ящике, а также увеличивались границы тела животных.

- Серия 1. Расположение отверстий: № 1 – М; № 2 – S; № 3 – S; № 4 – S. Границы тела естественные. Ставилась задача сформировать у животных навык достижения приманки через отверстие № 1, о чем должно было свидетельствовать снижение количества неуспешных попыток проникновения в другие отверстия.
- Серия 2. Расположение отверстий: № 1 – М; № 2 – S; № 3 – L; № 4 – S. Границы тела увеличенные. Тело увеличивалось с помощью приклеивания на голову (в области лобного и лобно-теменных щитков) цилиндрического объекта высотой 12 мм и диаметром 10 мм. Ставилась задача выяснить, смогут ли животные научиться достигать приманку через отверстие № 4.
- В сериях 3 и 4 ставилась задача выяснить, сможет ли сцинк перенести опыт того, что его голова не проникает в отверстия типа М, на ситуации с иной схемой расположения отверстий в «проблемном» ящике. Границы тела увеличенные. Расположение отверстий в серии 3: № 1 – М; № 2 – S; № 3 – М; № 4 – L. Расположение отверстий в серии 4: № 1 – М; № 2 – L; № 3 – М; № 4 – М. О способности к переносу должно было свидетельствовать уменьшение количества попыток проникновения в отверстия типа М в 3 и 4 сериях, по сравнению с количеством таких попыток в серии 2.

В контрольной группе варьировалось только расположение отверстий в проблемном ящике таким образом, чтобы в каждой следующей пробе животным было необходимо формировать новые навыки. Расположение отверстий в серии 1: № 1 – М; № 2 – S; № 3 – S; № 4 – S. Расположение отверстий в серии 2: № 1 – S; № 2 – S; № 3 – М; № 4 – S. Расположение отверстий в серии 3: № 1 – S; № 2 – S; № 3 – S; № 4 – М. Расположение отверстий в серии 4: № 1 – S; № 2 – М; № 3 – S; № 4 – S.

В ходе эксперимента фиксировалось количество проникновений в различные отверстия (успешных и неуспешных достижений при-

манки) в каждой пробе. За проникновения считались ситуации, когда сцинк погружал голову в отверстие хотя бы на несколько миллиметров.

Для математической обработки данных использовался критерий χ^2 с $p < 0,05$.

Результаты. В серии 1 в обеих группах доля успешных попыток достижения приманки была достоверно ниже на первых 5 пробах, нежели на последних 5 пробах (для экспериментальной группы $\chi^2=55,25$; $df=1$; $p < 0,01$; для контрольной группы $\chi^2=52,67$; $df=1$; $p < 0,01$). Соответственно, у испытуемых сформировался навык достижения приманки через отверстие № 1.

В серии 2 также на последних 5 пробах доля успешных попыток достоверно выше, нежели на первых 5 пробах (для экспериментальной группы $\chi^2=34,44$; $df=1$; $p < 0,01$; для контрольной группы $\chi^2=8,33$; $df=1$; $p < 0,01$). Однако за всю серию у испытуемых экспериментальной группы доля неуспешных попыток достижения приманки была выше, нежели у испытуемых контрольной группы – именно за счет попыток проникновения в отверстие № 1 ($\chi^2=34,92$; $df=1$; $p < 0,01$).

В серии 3 испытуемые экспериментальной группы совершали меньше попыток проникновения в отверстия типа М (в соотношении с попытками проникновения в другие типы отверстий), нежели в серии 2 ($\chi^2=10,62$; $df=1$; $p < 0,01$). Как и в предыдущей серии, у испытуемых экспериментальной группы доля неуспешных попыток достижения приманки была выше, нежели у испытуемых контрольной группы – за счет попыток проникновения в отверстие № 1 ($\chi^2=11,89$; $df=1$; $p < 0,01$).

В серии 4 испытуемые экспериментальной группы совершали меньше попыток проникновения в отверстия типа М (в соотношении с попытками проникновения в другие типы отверстий), нежели в серии 2 ($\chi^2=6,69$; $df=1$; $p < 0,01$). Отличий в соотношении успешных и неуспешных попыток достижения приманки между испытуемыми экспериментальной и контрольной групп в серии 4 не выявлено ($\chi^2=0,32$; $df=1$; $p > 0,05$).

Интерпретация. Полученные результаты дают основание заключить, что выдвинутая гипотеза была подтверждена. Испытуемые экспериментальной группы при увеличении границ собственного тела смогли сформировать новый навык достижения приманки через отверстия типа М, к концу серии 2 не совершая попыток проникновения в отверстия типа М. Также этот опыт учета собственной неспособности проникнуть в отверстия типа М был перенесен ими в серии 3 и 4, так как в каждой последующей серии сцинки совершали все меньше попыток проникновения в данные отверстия. Кроме того, факт того, что в сериях 2 и 3 сцинки экспериментальной группы совершали больше неуспешных попыток достижения приманки, нежели сцинки контрольной группы, очевидно, следует объяснить тем, что для этих животных задача, связанная с изменением характеристик внешней

среды, является более легкой, нежели задача, связанная с изменением характеристик их собственного тела.

В дальнейшем мы планируем проведение исследований на более обширной выборке, а также на других видах пресмыкающихся.

Литература

Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Хватов И. А. Эволюция самоотражения животных и человека в контексте дифференционно-интеграционного подхода // Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2 / Сост. и ред. Н. И. Чуприкова, Е. В. Волкова. М.: Языки славянских культур, 2014. С. 343–360.

ВЛИЯНИЕ ТЯЖЕЛОЙ ХРОНИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНИ НА ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

А. С. Буслаева (Москва)

Актуальность. К числу актуальных проблем медицины относят вопросы лечения юношеского ревматоидного артрита (ЮРА). ЮРА является хроническим, прогрессирующим заболеванием, требующим систематических, длительных госпитализаций для стабилизации состояния больного и достижения ремиссии. Данное заболевание негативно влияет на физическое состояние, снижая его активность и самостоятельность вплоть до инвалидизации. Одновременно с этим оно искажает образ жизни ребенка, социальную ситуацию развития, ограничивает доступные виды деятельности и сужает круг общения, т. е. обуславливает риск возникновения нарушений эмоциональной и мотивационно-личностной сферы, социальной адаптации и т. п. (Джос, 2001; Шац, 2010). Резкое изменение жизни и возникновение специфических психологических трудностей у детей указывает на необходимость оказания психологической помощи с момента выявления болезни. Однако до настоящего времени остаются неизученными различия в характере психологических трудностей детей с ЮРА, не разработана программа психологической поддержки данной категории пациентов.

Выборка. В группу исследования включены 76 детей в возрасте от 8 до 17 лет, страдающих ЮРА (54 девочки и 22 мальчика). Критериями включения в исследование являлись: 1) верифицированный диагноз, 2) продолжительность болезни 3–4 года.

Для выявления характерных психологических трудностей у детей с ЮРА, группа пациентов с болезнью в состоянии обострения (группа исследования) была разделена на две возрастные подгруппы. Первую подгруппу составили младшие школьники (8–11 лет) – 32 чел. (12 мальчиков и 20 девочек), во вторую были объединены подростки (11–

17 лет) – 44 чел. (10 мальчиков и 34 девочки). Группа сравнения включила в себя 30 детей с ЮРА в ремиссии в возрасте 8–17 лет (15 младших школьников и 15 подростков).

Методики. Для достижения поставленной в исследовании цели мы изучали эмоциональную и мотивационно-потребностную сферу, а также образ Я и характер самооценки болеющих детей. Решение поставленных задач осуществлялось с помощью комплекса методик, подобранных с учетом возраста ребенка.

При обследовании младших школьников использовались: модифицированный тест «Нарисуй человека» (рисунок себя, рисунок больного человека и рисунок здорового человека), методика «Диагностика самооценки» Т. Дембо – С. Я. Рубинштейн, тест «Три желания».

Набор для обследования подростков включал: модифицированный тест «Нарисуй человека» (рисунок себя, рисунок больного человека и рисунок здорового человека), методика «Диагностики самооценки» Дембо–Рубинштейн, тест М. Куна, Т. Макпартленда «Кто Я?» и методика «незаконченные предложения».

Также в качестве материала исследования выступали данные, полученные в ходе наблюдения за деятельностью и общением младших школьников и подростков в отделении.

Результаты. Анализ и сопоставление данных, собранных в ходе психолого-психологического обследования, показали, что у детей группы исследования (15%) и сравнения (84%) отмечались общие психологические показатели: соответствующая возрасту эмоциональная устойчивость, положительный фон настроения, невысокий уровень нервного напряжения.

В мотивационно-потребностной сфере был зафиксирован широкий круг хорошо осознаваемых желаний, характерных для определенного возраста и индивидуальных личностных предпочтений, не связанных с процессом лечения. По отношению к лечению и медицинским процедурам дети чаще выражали недовольство.

Самооценка обследованных детей и подростков была в целом положительной. Однако у подростков, в отличие от младших школьников, имели место характерные для этого возрастного этапа такие психологические проблемы, как: повышенное внимание к внешнему виду, выбору одежды и др., а также сомнение в своей привлекательности, которое проявилось в неустойчивых или сниженных показателях по шкале «внешняя привлекательность» и «здоровье».

Однако часть детей группы исследования (85%) и группы сравнения (16%) имели специфические психологические потребности и характеристики, проявления которых с возрастом и увеличением стажа болезни нарастали.

Результаты психологического обследования детей I подгруппы:

- эмоциональное состояние младших школьников с болезнью в стадии обострения характеризовалось высоким уровнем

нервного напряжения (38,9% против 0%*), сниженным фоном настроения (50,0% против 12,5%*) и тревогой (22,2% против 0%*), в сравнении с таковым у детей с болезнью в стадии ремиссии. У младших школьников группы изучения отмечалось снижение настроение, склонность к плаксивости, безынициативности, имели место страхи медицинских процедур и боли, тревога относительно результатов анализов и др.;

- мотивационно-потребностная сфера у младших школьников характеризовались стойким желанием как можно скорее вернуться домой, объединиться с семьей (66,7% против 37,5%[?]). Некоторые дети испытывали трудности в самостоятельной организации времени и досуга в отделении (44,4% против 25%; различие не достигает статистической значимости). Лишь примерно у трети обследованных в период обострения наблюдалось стремление к получению новых знаний, познавательные интересы занимали важное место в иерархии потребностей (35,7% против 100%^{**}). Причем у детей в тяжелом физическом и эмоциональном состоянии, с полной обездвиженностью из-за множественных компрессионных переломов позвонков, в ситуации длительной госпитализации и вынужденной изоляции, наблюдалось резкое сужение потребностей, вплоть до базовых (комфорт и безопасность, эмоциональное принятие (21,4% против 0%*);
- самооценка младших школьников была снижена по большинству шкал (71,4% против 16,7%^{**}).

Результаты исследования II подгруппы:

- у подростков имел место сниженный фон настроения (50% против 14,3%*), лабильность эмоционального состояния, неустойчивость эмоциональных реакций (по обоим показателям 35% против 14,3%[?]), бурные аффективные вспышки (10% против 0%[?]). Данные особенности проявлялись преимущественно в виде колебаний настроения, повышенной чувствительности, ранимости, раздражительности по отношению к высказываниям со стороны окружающих. У одного подростка зафиксированы депрессивные переживания с суицидальными мыслями. Устойчивый положительный фон настроения у подростков группы исследования наблюдался в 7 раз реже, чем у их сверстников в состоянии ремиссии (10% против 71,4%^{**});

* Здесь и далее двумя звездочками отмечены различия, значимые при $p \leq 0,01$, одной звездочкой – значимые при $p \leq 0,05$, знаком ? – свидетельствующие о наличии тенденции ($p \leq 0,10$). Значимость проверялась по критерию t Стьюдента с помощью программы MS Excel.

- мотивационно-потребностная сфера подростков характеризовалась стойким желанием как можно скорее вернуться домой (45%). Мотивы общения со сверстниками у подростков в период обострения были выражены значительно слабее, чем у подростков в состоянии ремиссии (20% против 71,4%*). Это могло отчасти объясняться более выраженной боязнью насмешек со стороны сверстников (35% против 14,3%[?]). У детей с тяжелым течением болезни и вынужденной изоляцией в силу длительных госпитализаций наблюдалось значительное сужение потребностей, в большинстве случаев они были связаны с удовлетворением потребности в физическом комфорте, уменьшении болевого синдрома и др. (10% против 0%[?]);
- самооценка подростков была снижена по большинству шкал, в отличие от их сверстников в состоянии ремиссии (75% против 28,6%**). Устойчивая положительная самооценка наблюдалась крайне редко (10% против 57,1%*).

Выводы

1. Сопоставление клинических и психологических данных детей с ЮРА позволило обнаружить прямую связь между характером и тяжестью течения болезни и появлением таких специфических психологических трудностей, как сниженный фон настроения, эмоциональная неустойчивость и напряжение, повышенная тревожность, сужение круга интересов и потребностей, в том числе уменьшение познавательной потребности и потребности в общении со сверстниками, а также значительное снижение самооценки.
2. Установлено, что психологические особенности, формирующиеся в условиях хронической болезни, специфичны для определенных возрастных групп.
3. Содержание психологической помощи в процессе лечения необходимо разрабатывать с учетом характера течения заболевания и возрастнo-психологических характеристик ребенка.

Литература

- Джос Ю. С.* Психоэмоциональные особенности у детей с ювенильными хроническими артритами: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2001.
- Шац И. К.* Психологическое сопровождение тяжелобольного ребенка. СПб.: Речь, 2010. С. 6–7.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ У НЕРАБОТАЮЩИХ СТУДЕНТОВ

М. Н. Ванюшаник (Ростов-на-Дону)

Экономическая ментальность людей приводит к формированию экономических моделей, которые лежат в основе любых рыночных взаимоотношений. Основным потенциалом развития отечественной экономики является молодежь – студенты различных вузов. Рыночная экономика предъявляет повышенные требования к компетенциям человека, который должен обладать высоким уровнем знаний, умений и навыков не только относительно своей профессии, но и в целом для адекватного социально-экономического самоопределения в обществе.

Ментальность (от *лат. mentis* – разум, ум, интеллект, образ мыслей) – это комплекс социально-психологических установок, шаблонов сознания, которые влияют на способы видения мира (Белоусова, Пищик, Молохина, 2005) и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной части общества (Новозженко, 2011).

В основе феномена экономической ментальности скрыты внутренние глубокие психологические установки и ценности индивидов и социальных групп, их привычные психологические предпочтения и реакции, привычки и способы восприятия окружающей действительности, манера чувствовать и думать (Белкин, 2010). Поэтому ментальность определяет мотивы и модели поведения, возникающие в процессе хозяйственной деятельности и обуславливающие ее.

Изменение хозяйственной деятельности людей детерминировано особенностями их экономической ментальности. Экономическую ментальность теперь мы будем понимать как сложную систему совмещения ценностно-смысловых составляющих и социально-психологических характеристик, которые обусловлены доминированием в обществе религии, этноса или социума и реализуются в хозяйственной деятельности разных поколений (Пищик, Жуков, 2015).

Актуальность выбранной темы состоит в том, что феномен экономической ментальности остается малоизученным. Также сложная экономическая ситуация в стране повышает актуальность исследования.

Цель исследования: изучение составляющих экономической ментальности у неработающих студентов. Мы исходим из предположения, что существуют значимые различия составляющих экономической ментальности у неработающих и работающих студентов.

Объектом исследования выступили работающие и неработающие студенты Южного университета (ИУБиП) – 60 чел. различных направлений подготовки (психология, экономика, юриспруденция). Из них 33 неработающих и 27 работающих в возрасте от 20 до 23 лет.

Нами был подобран банк методик: Анкета «Модели современного потребительского поведения молодежи» О. Василенко; Методика «Культ-

турно-ценностный дифференциал» Г. У. Солдатовой, И. М. Кузнецова и С. В. Рыжовой; Опросник для изучения отношения молодежи к деньгам М. Ю. Семенова; Опросник САМОАЛ Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозман, М. В. Загика и М. В. Кроз; Методика измерения типов ментальности (МИТМ) В. И. Пищик.

По результатам проведения анкетирования «Модели современного потребительского поведения молодежи», можно сделать вывод о том, что наиболее востребованные товары и услуги практически не отличаются в группах работающих и неработающих студентов. Работающих студентов в приобретенных товарах чаще устраивает все, а неработающих чаще не все устраивает, а именно – цена. Работающим студентам приобретать товары и услуги помогает работа, а неработающим – материальная помощь родителей. При выборе товаров неработающие студенты чаще ориентируются на личную оценку и качество товара. Также им не всегда важно, есть ли данный товар у других. Работающие студенты обычно о появлении новых услуг и товаров узнают от друзей (59%), а неработающие еще и из телепередач – 40% испытуемых. По данной анкете между двумя группами особо значимых отличий не выявлено, что может означать, что наличие работы не всегда влияет на потребительское поведение студентов.

Методика «Культурно-ценностный дифференциал» значимых различий между группами студентов не выявила, кроме показателя направленность на взаимодействие ($t=2,653$). Неработающие студенты больше направлены на взаимодействие с окружающими. Обеим группам в целом свойственны: ориентация на группу, открытость к переменам, отвержение взаимодействия и слабый социальный контроль.

Применение t -критерия Стьюдента показало статистически значимое различие между группами по опроснику для изучения отношения молодежи к деньгам в параметрах: напряженность ($t=3,68$) и удовольствии ($t=2,04$).

Работающим студентам больше свойственно напряжение из-за денег. Они больше пользуются терапевтической функцией денег, чаще используют деньги как удовольствие или лекарство.

Неработающим же студентам свойственны положительные эмоции по отношению к деньгам, они реже испытывают напряжение из-за них. Но при этом они реже используют деньги ради удовольствия.

Менее значимые различия получились по другим шкалам этого опросника. У неработающих студентов выше показатели рационального отношения к деньгам, они больше думают о деньгах и чаще тревожатся из-за денег или их отсутствия.

Статистически значимые различия между группами работающих и неработающих студентов по опроснику САМОАЛ показали несколько шкал: поддержка ($t=2,262$), ценностные ориентации ($t=2,606$), взгляд на природу человека ($t=4,121$) и принятие агрессии ($t=2,165$). У нера-

ботающих студентов значительно ниже данные параметры. Это значит, что они реже руководствуется своими собственными целями, убеждениями, чаще подвергаются влиянию внешних обстоятельств, мнению других людей. Они в меньшей степени руководствуются ценностями, присущими самоактуализирующейся личности. Испытуемые считают, что зло – это самое характерное свойство для природы человека. Они реже проявляют способность принимать свою агрессивность как природное свойство.

Методика измерения типов ментальности показала, что у обеих групп респондентов преобладает инновационный тип ментальности. Людям с таким видом свойственны закрытые отношения, активная жизненная позиция, рациональность во всем и ориентация на собственные достижения. Что соответствует психологическим характеристикам возрастной категории испытуемых и, как показали результаты, не зависит от того, работают они или нет.

Корреляционный анализ показал значимые взаимосвязи между составляющими экономической ментальности. Он позволил сделать вывод о том, что ценностные характеристики коррелируют со всеми показателями отношения к деньгам и некоторыми параметрами самоактуализации, а именно – синергичность, контактность и самопринятие.

Выводы. Таким образом, под экономической ментальностью мы теперь понимаем исторически сформированное, индивидуальное и общественное экономическое сознание, особый характер которого определяется типом экономической системы, культурными особенностями, социальной принадлежностью, этническими, национальными и другими особенностями носителей ментальности.

Изучив отдельные составляющие экономической ментальности студентов, мы установили, что можно обнаружить значимые различия в показателях составляющих экономической ментальности работающих и неработающих студентов. Нам представляется, что это связано с общей жизненной позицией работающих студентов: они более активны и энергичны, чем их товарищи.

Литература

- Белкин А. И. Анализ подходов к изучению ментальности в психологической науке. Ученые записки. Т. 3. Сер. «Психология. Педагогика». 2010. №1 (9).
- Белоусова А. К., Пищик В. И., Молохина Г. А. Первичная психометрическая проверка методики определения стиля мышления // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер. «Общественные науки». 2005. № S12. С. 73–84.
- Новозженко К. А. Российский экономический менталитет: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2011.

Пищик В. И., Жуков Н. В. Типы экономической ментальности ростовской студенческой молодежи // Психология и психотехника. 2015. № 4. С. 352–363.

Ценности культуры и модели экономического поведения: Научная монография / Под ред. Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко. М.: Спутник, 2011.

**МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЗАВИСИМОСТИ
ОПТИМАЛЬНОГО ПО КРИТЕРИЮ МАКСИМИЗАЦИИ
КАЧЕСТВА РАБОТЫ РАЗМЕРА ШРИФТА
ОТ ЗНАЧЕНИЙ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ВНИМАНИЯ ОБУЧАЕМОГО**

А. Н. Варнавский (Рязань)

Использование систем электронного обучения в образовательном процессе диктует необходимость проведения исследований, направленных на учет индивидуальных психофизиологических особенностей обучаемых (Солонина, 1997). Такой учет может быть осуществлен с помощью персонификации представляемой информации.

В настоящее время проблемой оптимизации представления изучаемой информации занимается дисциплина «Педагогический дизайн» (Курносова, 2012), в рамках которой сформулированы правила представления информации, в частности текстовой, касающиеся параметров шрифта, длины и ширины текста, использования заголовков и подзаголовков, списков и иллюстраций.

Однако такие правила являются статическими и не привязаны к индивидуальным особенностям обучаемых и их психоэмоциональным состояниям (Дикая, 2000), т. е. не являются персонифицированными. В соответствии с этими правилами, информация на страницах курса представляется в статическом, не персонифицированном виде и не зависит от текущих значений показателей когнитивных процессов.

Для решения существующей проблемы персонификации представления текстовой информации необходимо провести исследование, направленное на определение, прежде всего, оптимального размера шрифта (как основного параметра представления информации) при определенных значениях параметров когнитивных процессов (прежде всего, внимания).

Целью работы является построение математической модели зависимости оптимального по критерию максимизации качества работы размера шрифта от значений показателей внимания испытуемого.

Полученная модель может использоваться для разработки способа управления размером шрифта текстовой информации в системах электронного обучения в зависимости от текущих значениях показателей внимания.

Построение математической модели зависимости оптимального размера шрифта от значений показателей внимания испытуемого осуществлялось на основе обработки экспериментальных данных, полученных в результате серии экспериментов.

Метод проведения

- a. *Участники.* Участниками эксперимента являлись 30 студентов 3–5 курсов Рязанского государственного радиотехнического университета. Число лиц мужского пола – 15, женского – 15. Средний возраст участников составил $21,1 \pm 0,8$ года.
- b. *Материалы.* Для проведения эксперимента использовались 4 вида бланков Бурдона–Анфимова, отличающихся только размером шрифта букв: 10 пт., 12 пт., 14 пт., 16 пт.
- c. *Процедура исследования.* Эксперименты проводились в первой половине дня в течение 3 дней в одних и тех же условиях у групп по 8–12 чел. После проведения инструктажа и объяснения смысла эксперимента испытуемые проходили пробное тестирование на внимание. При этом испытуемым сообщили две буквы, которые они должны искать и вычеркивать в дальнейших тестах. Затем раздавались бланки теста Бурдона–Анфимова, размер шрифта которых 10 пт., и испытуемые в течение 5 мин выполняли данный тест. После 3-минутного отдыха раздавались бланки теста Бурдона–Анфимова, размер шрифта которых 12 пт., и испытуемые также в течение 5 мин выполняли данный тест. Аналогично выполнялись тесты с размером шрифта 14 пт. и 16 пт.

Полученные результаты. По результатам эксперимента был сформирован набор из 30 наблюдений со следующими значениями: N – количество символов в проработанной испытуемым части корректурной пробы; t – время выполнения задания в секундах; M – общее количество зачеркнутых символов; O – количество ошибочно зачеркнутых символов; S – количество правильно зачеркнутых символов; P – количество пропущенных символов; n – количество символов, которые необходимо было вычеркнуть в просмотренной части корректурной пробы.

На основе этих значений по следующим формулам рассчитывались значения основных показателей внимания для каждого испытуемого для всех бланков Бурдона–Анфимова (Бруннер, 2006):

$$= \frac{N}{t} \cdot \frac{M - (O + P)}{n}, A = \frac{S - P - O}{n}, A = \frac{N}{t}, A_R = 1 - \frac{O + P}{N},$$

где $A_{\text{кв}}$ – уровень концентрации внимания, $A_{\text{ур}}$ – показатель умственной работоспособности, $A_{\text{пб}}$ – показатель производительности внимания, A_R – качество работы.

Данные показатели характеризуют работу с текстовой информацией. Так, показатель производительности внимания соответствует числу букв, просматриваемых в единицу времени, показатель умственной работоспособности – числу букв, просматриваемых в единицу времени, с учетом наличия ошибок. Показатель качества работы равен 1 при отсутствии ошибок и уменьшается при их появлении тем больше, чем больше число пропущенных и ошибочно вычеркнутых символов. Уровень концентрации внимания показывает долю верно зачеркнутых букв от общего числа символов, которые нужно было вычеркнуть.

Соответственно, после обработки результатов эксперимента получен следующий набор значений:

$A_{кв1}, A_{уп1}, A_{пв1}, A_{R1}$ при $x=10$; $A_{кв2}, A_{уп2}, A_{пв2}, A_{R2}$ при $x=12$; $A_{кв3}, A_{уп3}, A_{пв3}, A_{R3}$ при $x=14$; $A_{кв4}, A_{уп4}, A_{пв4}, A_{R4}$ при $x=16$, где x – размер шрифта в тесте Бурдона–Анфимова.

Обработка результатов эксперимента осуществлялась в статистическом пакете R.

Обсуждение результатов. В качестве критерия оптимизации может быть выбрано условие достижения максимального уровня качества работы, определяющее как объем проработанной информации, так и число ошибок. При этом в качестве зависимой переменной y будет выступать размер шрифта, при котором была получена максимальная величина качества работы, а в качестве факторов – показатели когнитивных процессов, определяемые при некотором размере шрифта.

Набор значений y сформируем следующим образом. Для результатов эксперимента каждого испытуемого среди значений $A_{R1}, A_{R2}, A_{R3}, A_{R4}$ выберем максимальное и определим размер шрифта, соответствующий данному значению. Этот размер шрифта и будет искомой величиной y .

В результате регрессионного анализа была получена модель:

$$y = a_0 + a_1 \cdot A_{кв1} + a_2 \cdot A_{уп1} + a_3 \cdot A_{пв1} + a_4 \cdot A_{R1}$$

со статистиками: $F(4, 25) = 4,70$, $p < 0,01$, $R^2 = 0,43$, $R^2_{Adj} = 0,34$.

Повысить значения R^2 и R^2_{Adj} можно путем включения в модель составляющих, ответственных за попарное взаимодействие факторов.

В таком случае может быть получена более полная модель вида:

$$y = a_0 + a_1 \cdot A_{кв1} + a_2 \cdot A_{уп1} + a_3 \cdot A_{пв1} + a_4 \cdot A_{R1} + a_{12} \cdot A_{кв1} \cdot A_{уп1} + a_{24} \cdot A_{уп1} \cdot A_{R1} + a_{34} \cdot A_{пв1} \cdot A_{R1}$$

со статистиками: $F(7, 22) = 5,57$, $p < 0,005$, $R^2 = 0,64$, $R^2_{Adj} = 0,52$.

Для того чтобы определить, насколько значимо различается доля дисперсии, которая объясняется обоими моделями, применялся дисперсионный анализ. В результате получено значение $F = 4,27$, $p < 0,05$. Значит доля дисперсии, которая объясняется полной моделью, значимо больше, чем доля дисперсии, объясняемая урезанной моделью.

Таким образом, получена модель, которая позволяет прогнозировать оптимальный размер шрифта для получения максимального уровня качества работы с текстом по показателям внимания, определенных

при размере шрифта текста 10 пт. В случае получения дробных значений размера шрифта, полученных по модели, необходимо провести его округление до ближайшего значения с точностью до 0,5.

Для повышения коэффициента детерминации необходимо включить в модель большее количество факторов, в частности значения показателей других когнитивных процессов (Знаков, 2005) и параметров текстовой информации. Также точность прогнозирования оптимального размера шрифта может быть повышена за счет уточнения коэффициентов модели при проведении большего числа экспериментов.

Литература

- Бруннер Е. Ю. Лучше, чем супервнимание. Методики диагностики и психокоррекции. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.
- Дикая Л. Г. Психические состояния в профессиональной деятельности человека: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2000.
- Знаков В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Курносова С. А. Педагогический дизайн: эксплицирование понятия // Международный журнал экспериментального образования. 2012. № 8. С. 36–42.
- Солонина А. Г. Концепция персонализированного обучения: монография. М.: Прометей, 1997.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЮНОШЕСТВА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВРЕМЕНИ НАВИГАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

Ю. А. Василенко (Ростов-на-Дону)

В настоящее время прослеживается тенденция, что все чаще и больше времени молодые люди стали проводить в интернет-среде. В процессе навигации в сети юноши и девушки выполняют различные виды деятельности как конструктивного характера, связанного с поиском научных знаний, просмотром электронной почты, общением в социальных сетях, так и деструктивного характера, приводящего к интернет-зависимости (Черная, Погорелова, 2013).

В отечественной и зарубежной психологии множество научных работ посвящено изучению феномена интернет-зависимости. Среди отечественных психологов, занимающихся изучением данного вопроса, можно выделить исследования таких ученых, как А. Е. Войскунского, О. Е. Смысловой, Ю. Б. Дормашева, А. А. Аветисовой и др. В зарубежной психологии изучением интернет-зависимости занимались К. Янг, И. Голдберг, Д. Гринфилд, Дж. Репман, Т. Чан, М. Чиксентмихайи и др.

Соотношения феномена интернет-зависимости и феномена переживания потока рассматривается многими специалистами. А. Е. Войскунский отмечает, что описание феномена зависимости от Интернета граничит с описанием субъекта, увлеченного процессом познания и испытанием себя. Термин «Опыт потока» был введен в научный обиход М. Чиксентмихайи (Чиксентмихайи, 2011), он рассматривал его как комплекс переживаний, состоящий из ряда элементов: слияние действия и сознания; концентрация внимания на ограниченном поле стимулов; близкие цели и быстрые обратные связи; контроль деятельности и внешнего окружения; эмоциональные составляющие; потеря Эго и выход за его пределы; трансформация времени (Войскунский, 2004, 2010).

Однако вопрос о соотношении интернет-зависимости и феномена переживания потока до сих пор остается открытым и спорным, а значит, и актуальным.

Оптимальное переживание, понимаемое как переживание потока, характеризуется особым состоянием, в котором субъект получает удовольствие и эмоциональное наслаждение от процесса деятельности. Целью нашего исследования является изучение особенностей эмоционального состояния юношей и девушек в зависимости от времени навигации в интернет-среде.

Объектом исследования выступили девушки и юноши, учащиеся вузов Российской Федерации, в возрасте от 17 до 23 лет. Выборочная совокупность составила 196 чел. Исследование проводилось посредством онлайн-опроса респондентов. Предметом исследования являются особенности эмоционального состояния юношей в зависимости от времени и частоты навигации в интернет-среде.

В рамках проводимого нами исследования мы предположили, что содержательно самооценка эмоциональных состояний отличается у респондентов юношеского возраста в зависимости от предпочитаемого времени нахождения в интернет-среде.

В качестве диагностического инструментария, в соответствии с целями, были подобраны следующие методики: опросник на выявление времени и частоты навигации в интернет-среде; сокращенный вариант методики «Самооценка эмоциональных состояний», разработанная А. Уэссманом и Д. Риксом.

Для подтверждения достоверности результатов были использованы статистический критерий U Манна–Уитни (пакет программ Statistical Package for Social Sciences (SPSS)).

Первый этап исследования заключался в проведении опросника, состоящего из 3 блоков: данные о респонденте (пол; возраст); 2 блок – внешние условия (время и частота пользования интернет-ресурсами); 3 блок – описание видов деятельности. Проанализировав полученные результаты, мы выявили, что в исследовании приняли участие 144 чел. женского пола (73,5%), 52 чел. мужского пола (26,5%).

На вопрос «Сколько часов вы проводите в Интернете?» были получены следующие данные: 0–3 часов в день – 44 чел. (22%); 3–5 часов в день – 70 чел. (36%); более 5 часов в день – 78 чел. (41%).

На вопрос «Как часто вы пользуетесь Интернетом?» были получены следующие результаты: «несколько раз в день» – 178 чел. (91%); 1 раз в день – 13 чел. (7%); несколько раз в неделю – 5 чел. (2%).

На вопрос «Для чего Вы пользуетесь Интернетом?» были получены следующие результаты, что приоритетными видами деятельности являются социальные сети; просмотр электронной почты; просмотр онлайн-фильмов; поиск научной информации; наименее приоритетными оказались онлайн-игры и посещение форумов.

Второй этап исследования заключался в проведении сокращенно-го варианта методики «Самооценка эмоциональных состояний», разработанная А. Уэссманом и Д. Риксом, целью данной методики являлось определение эмоционального состояния респондентов в момент навигации в интернет-среде и в реальной жизни. Полученные результаты по данной методике были обработаны с помощью статистического критерия U Манна–Уитни (пакет программ Statistical Package for Social Sciences (SPSS)).

Анализ результатов исследования показал, что в целом респонденты, участвующие в опросе, оценивали свое эмоциональное состояние как удовлетворительное, о чем свидетельствуют полученные в рамках суммарной оценки эмоционального состояния результаты.

Мы разделили респондентов на группы по предпочитаемому времени нахождения в интернет-среде: от 0 до 3 часов; 3–5 часов; более 5 часов. В результате анализа полученных данных мы выявили различия в показателях самооценки эмоциональных состояний у респондентов юношеского возраста в зависимости от предпочитаемого времени нахождения в интернет-среде. Данные результаты имеют следующую специфику. По фактору «энергичность–усталость», «приподнятость–подавленность», «чувство уверенности–чувство беспокойства» более высокие баллы у респондентов при оценке состояния в реальной жизни. Молодые люди отмечают, что чувствуют себя энергичными и активными, а также жизнерадостными, уверенными в своих силах. В то время как в Интернете слегка уставшими, немного подавленными и имеющими ограниченные способности.

Анализ по времени нахождения в интернет-среде показал существенные различия в оценке эмоциональных состояний группы 1 (1–3 часа нахождения в Интернете) и группы 3 (более 5 часов нахождения в Интернете).

Респонденты группы 1 оценивают свое состояние нахождения в интернет-среде как немного подавленное, отмечают наличие лени и усталости. Они также говорят о достаточной компетентности. Респонденты группы 3 чувствуют себя довольно свежими, в меру бодрыми

ми. Они отмечают жизнерадостное, очень хорошее состояние. Чувство, что способностей достаточно и перспективы хороши.

Таким образом, мы установили, что самооценка эмоциональных состояний отличается у респондентов юношеского возраста в зависимости от предпочитаемого времени нахождения в интернет-среде.

Литература

- Войскунский А. Е. Актуальные проблемы зависимости от интернета // Психологический журнал, 2004. № 1. С. 90–100.
- Войскунский А. Е. Психология и интернет. М.: Акрополь, 2010.
- Погорелова Е. И., Василенко Ю. А. Переживание потока подростками как фактор риска формирования киберкоммуникативной зависимости // Безопасность образовательной среды: создание и внедрение психолого-педагогических технологий сопровождения // Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием / Под ред. И. А. Баевой, О. В. Вихристюк, Л. А. Гаязовой. М.: МГППУ, 2014. С. 22–25.
- Черная А. В., Погорелова Е. И. Психологические особенности взаимодействия в интернет-среде в подростковом возрасте // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 113–118.
- Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания / Пер. с англ. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011.

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПРИТЯЗАНИЙ

Е. Ю. Вашедская, Т. В. Павлова (Ростов-на-Дону)

Подростковый возраст представляет собой один из самых сложных возрастов, который сопровождается многоаспектными изменениями, затрагивающими важные вехи психологии подростка. В этом возрасте изменения особенно существенны в развитии самосознания подростка, в том числе самооценки и притязаний. Формирование самооценки и притязаний подростка происходит в контексте общения, которое является ведущей деятельностью в данном возрасте. Необходимо отметить, что многочисленные исследования притязаний (Ф. Хоппе, К. Левин, Т. С. Леви, О. В. Краснова, Л. В. Бороздина) демонстрируют неоднозначность данной проблемы, особенно с точки зрения корреляционных связей. Однако еще в работах К. Левина установлено, что притязания детерминируют аффективные процессы, поведение и характер человека. В связи с этим представляется важным и актуальным изучение особенностей общения подростков с разным уровнем притязаний. Особую значимость данной теме и востребованность придают существенные

изменения в общении подростков, которые вызваны распространением Интернета и социальных сетей (Балинская, 2014; Вишневецкая, 2013).

В рамках работы над курсовым проектом была поставлена цель – изучить особенности общения подростков с разным уровнем притязаний. Мы предположили, что особенности общения у подростков с разным уровнем притязаний будут различны. Для достижения поставленной цели были подобраны 2 методики: методика измерения самооценки и уровня притязаний Дембо–Рубинштейна для подростков и юношей; опросник «Саморегуляция и успешность межличностного общения» В. Н. Куницыной. Для подтверждения гипотезы на статистическом уровне был использован непараметрический критерий для независимых выборок Краскела–Уоллиса. В исследовании приняли участие учащиеся 7-х классов МБОУ Новониколаевской ООШ Азовского района Ростовской области в количестве 30 чел.

Рассмотрим результаты исследования уровня притязаний с помощью методики Дембо–Рубинштейна. Результаты демонстрируют, что 26,7% подростков имеют низкий уровень притязаний. Это означает, что данные подростки недооценивают свои достоинства, могут преувеличивать недостатки, что не может не сказываться на построении планов на будущее и постановке целей. Возможно, это накладывает негативный отпечаток на процессы личностного и профессионального развития. Из изученной нами выборки 66,7% подростков имеют средний уровень притязаний. Подростков со средним уровнем притязаний можно охарактеризовать как уверенных в себе и в целом настроенных на успех. Они могут измерять поставленные цели, свои усилия и результаты. Высокий уровень притязаний имеют 6,7% подростков. Высокий уровень притязаний характеризуют респондентов как уверенных в ценности собственных действий, ответственных, способных корректировать свои неудач за счет собственных усилий и стремиться к самоутверждению.

Особенности межличностного общения подростков были получены с помощью методики СУМО В. Н. Куницыной. В целом в группе подростков были выявлены средние значения по таким шкалам, как: 3 – шкала «Навыки, умение общения»; 12 – шкала «Некоммуникативность, наличие нерешенных личных проблем»; 13 – «Отчужденность, слабость социальных связей»; 16 – «Интроверсия, замкнутость»; 17 – «Манипулятивный стиль общения»; 18 – «Партнерский стиль общения»; 19 – «Авторитарный стиль общения, склонность к принуждению»; 20 – «Удовлетворенность общением в близком кругу»; 23 – «Сензитивность, чувствительность в сфере общения»; 26 – «Конфликтность». По шкале 1 – «Легкость и свобода общения» – высокий уровень развития в группе. Следует отметить, что низкого уровня развития каких-либо качеств не обнаружено. Анализ шкал, измеряющих личностные качества, способствующие контакту, выявил, что подростки имеют средние значения, т. е. подростки способны налаживать контакт, коммуникабельны и в це-

лом удовлетворены общением. При этом следует указать, что в профиле личности подростков также имеются личностные качества, способные затруднять контакт. Это такие качества, как отчужденность, интроверсия, замкнутость и конфликтность. Однако эти качества в целом по группе имеют среднюю степень выраженности с тенденцией к низкой.

Проанализируем результаты исследования особенностей общения подростков с разным уровнем притязаний. Подростки с низким уровнем притязаний имеют низкий уровень развития таких качеств, как навыки, умение общения, манипулятивный стиль общения и удовлетворенность общением в близком кругу. Высокий уровень развития имеют такие качества, как некоммуникативность, отчужденность, слабость социальных связей, авторитарный стиль общения, склонность к принуждению, конфликтность. Т. е. подростки с низким уровнем притязаний имеют трудности в общении, причиной которых является низкий уровень развития навыков общения, неумение общаться, некоммуникативность, отчужденность, конфликтность. Следствием подобного является неудовлетворенность общением в близком кругу.

Подростки со средним уровнем притязаний не имеют низких и высоких значений по изученным шкалам. Все изученные личностные качества имеют средний уровень развития. Однако следует отметить, что наименьшее количество баллов получили подростки данной группы по таким шкалам, как некоммуникативность, манипулятивный стиль общения, удовлетворенность общением в близком кругу, сензитивность, чувствительность в сфере общения, интроверсия, замкнутость. Это свидетельствует о том, что подростки со средним уровнем притязаний характеризуются коммуникативностью, открытостью, экстраверсией, но при этом они обладают низкой чувствительностью в сфере общения и недостаточностью удовлетворенностью общением в близком кругу. Самые высокие баллы получены по шкале легкость, свобода общения. Все изученные качества в данной группе сбалансированы и распределены примерно в одинаковых пределах, от 6,1 до 8,7 балла, что соответствует среднему уровню развития качеств.

Подростки с высоким уровнем притязаний имеют больший разброс в баллах по изученным шкалам, чем в других группах: от 3,5 до 9,3 балла. Наименее выражены такие качества, как некоммуникативность, интроверсия, замкнутость и конфликтность. Наиболее выражена легкость и свобода общения. Остальные качества имеют средний уровень развития.

Проведем сравнительный анализ особенностей общения подростков с разным уровнем притязаний. По всем шкалам подростки с разным уровнем притязаний получили различные баллы, т. е. степень выраженности того или иного качества различна. Так, более всего выражены различия по таким качествам, как некоммуникативность, интроверсия, замкнутость, авторитарный стиль общения, склонность к принужде-

нию и конфликтность. Менее всего подростки с разным уровнем притязаний различны по таким качествам, как легкость, свобода общения, манипулятивный стиль общения, партнерский стиль общения и сензитивность, чувствительность в сфере общения. Тем не менее, различия выражены по всем шкалам.

Статистический анализ данных с помощью непараметрического критерия Краскела–Уоллиса показал наличие значимых различий по таким шкалам, как некоммуникативность ($N=11,127$ при $0,01$), отчужденность, слабость социальных связей ($N=8,397$, при $0,05$), интроверсия, замкнутость ($N=7,397$ при $0,05$), авторитарный стиль общения, склонность к принуждению ($N=9,646$ при $0,01$), конфликтность ($N=8,898$ при $0,05$).

Таким образом, можно заключить, что гипотеза исследования о том, что особенности общения подростков с разным уровнем притязаний будут различны, подтвердилась. Подростков с низким уровнем притязаний можно охарактеризовать как имеющих трудности в общении, причиной которых является низкий уровень развития навыков общения, неумение общаться, некоммуникативность, отчужденность, конфликтность. Подростки со средним уровнем притязаний характеризуются коммуникативностью, открытостью, экстраверсией, но при этом они обладают низкой чувствительностью в сфере общения и недостаточностью удовлетворенностью общением в близком кругу. Подростки с высоким уровнем притязаний отличаются коммуникативностью, экстраверсией, открытостью и неконфликтностью. Они более, чем другие подростки, легки и свободны в общении. Возможно, успешность в общении подростков с высоким и средним уровнем притязаний можно объяснить тем, что подростки уверены в ценности собственных действий, ответственны и способны корректировать свои неудачи за счет собственных усилий. Это также может влиять на привлекательность таких подростков в качестве партнеров по общению.

Литература

- Балинская М. В. Эмоциональные барьеры и эмпатия в процессе межличностного общения подростков с разного социального окружения // Молодой вчений. 2014. № 11 (14). С. 226–230.
- Бороздина Л. В. Исследование уровня притязаний: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
- Вишневская О. Н. Специфика социальной перцепции подростка в ситуациях затрудненного общения // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2013. № 2. С. 22–25.
- Леви Т. С., Краснова О. В. Взаимосвязь психологической границы и самознания личности (на примере подросткового возраста) // ЗПУ. 2013. № 4. С. 232–235.

СООТНОШЕНИЕ РАЗНОУРОВНЕВЫХ МЕХАНИЗМОВ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ В РАННЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ*

И. И. Ветрова (Москва)

Соотношение совладающего поведения и психологических защит, а также их природа все еще являются одной из актуальных и дискуссионных тем современной психологии (Никольская, Грановская, 2001; Кружкова, Шахматова, 2006; Lazarus, 1999; Наан, 1977; Абитов, 2007; Либина, 2008). Изначально многие исследователи, занимающиеся данными вопросами, не проводили четкой границы между понятиями «психологическая защита» и «копинг-поведение» (или совладание). Например, Дж. Вейллант (Vaillant, 1977) считал все адаптивные механизмы Я защитными. Р. Лазарус (Lazarus, 1999), наоборот, рассматривает психологическую защиту как пассивное копинг-поведение. В свете представления о психологических защитах и копинг-стратегиях как механизмах, направленных на адаптацию в ситуации психологического напряжения, мы предлагаем рассматривать их как взаимодополняющие и компенсирующие друг друга, представляющие в комплексе единый континуум защитного поведения от осознаваемых до неосознаваемых защитных механизмов.

Подход к поиску единых механизмов человеческой адаптации в работах И. Р. Абитова (Абитов, 2007) и Е. В. Либиной (Либина, 2008) очень близок гипотезе о регулятивной функции субъекта – контроле поведения (Сергиенко, 2009). И можно сделать предположение, что профиль контроля поведения, как своеобразное соотношение когнитивного, эмоционального и волевого компонентов, будет связан с типами стратегий совладения и видами предпочитаемых психологических защит. Т. е. уровень и особенности субъектной организации, степень зрелости, как согласованность ценностей личности и интегративных возможностей субъекта реализовать задачу, будут определять возможности использования определенных психологических защит и копинг-стратегий в диапазоне от полностью осознаваемых до неосознаваемых. Именно контроль поведения будет обеспечивать ресурсную основу стратегий совладания и в наибольшей степени – проактивного совладания, в то время как психологические защиты, не теряя связи с контролем поведения и совладанием, будут опираться на более глубокие механизмы.

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-06-00684а).

В нашем исследовании приняли участие 74 школьника в возрасте 14–18 лет (36 юношей и 38 девушек). Были использованы следующие методики.

Для оценки когнитивного компонента контроля поведения была использована методика «Стилевые особенности саморегуляции поведения – ССП-98» (Моросанова, 2001). Для оценки волевого компонента контроля поведения был использован опросник «Шкала контроля за действием» (НАКЕМР-90) Ю. Куля (Шапкин, 1997). Для оценки эмоционального компонента контроля поведения был использован опросник, разработанный Н. Шуте с коллегам (Schutte et al., 1998; Садокова, 2001; Ветрова, 2011).

Для оценки уровня напряженности психологических защит использовалась методика «Индекс жизненного стиля» (Plutchik, Kellerman, Conte, 1979; Романова, Гребенников, 1996).

Для оценки актуальных стратегий совладания был использован «Опросник способов совладания» (Folkman, Lazarus, 1988; Крюкова, 2010). Для оценки проактивного совладания использовался опросник «Проактивное совладающее поведение» (Greenglass, 2001; Лукина, Старченкова, 2007; Старченкова, 2007).

Математико-статистическая обработка результатов исследования включала корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) и применение непараметрических критериев оценки достоверных различий между несвязанными выборками (критерий Манна–Уитни).

Ввиду того что статистически значимых возрастных и половых различий не было обнаружено в области контроля поведения и по показателям совладающего поведения, а также не было выявлено возрастных различий ни по одному показателю, было принято решение считать всю исследуемую группу достаточно однородной, без деления на половые и возрастные подгруппы.

В целом по группе можно говорить об относительно стабильном периоде развития контроля поведения, без ярко выраженных перекосов в сторону какой-либо составляющей. В своих более ранних исследованиях мы обнаружили, что именно волевой компонент формируется раньше, чем когнитивный или эмоциональный, и к подростковому возрасту является наиболее стабильным (Ветрова, 2010). Следовательно, понятна его большая задействованность в регуляции поведения в раннем юношеском возрасте. В области механизмов регуляции поведения в трудных жизненных ситуациях было обнаружено, что наиболее часто используемыми в раннем юношеском возрасте актуальными стратегиями совладания являются стратегии «Самоконтроль» и «Положительная переоценка», а проактивными стратегиями – «Проактивное преодоление» и «Рефлексивное преодоление». Однако преобладание данных стратегий совладания наблюдается только на уровне тенден-

ции, при сохранении высокой частоты использования и других копингов, как актуальных, так и проактивных. Все преобладающие стратегии относятся к стратегиям активной работы с трудной жизненной ситуацией, способствующим продуктивному ее разрешению. Среди психологических защит наиболее используемыми у подростков исследуемой группы являются «Отрицание» и «Проекция» – защиты, характерные для данного возраста.

Корреляционный анализ между шкалами контроля поведения и защитными стратегиями показал наличие непротиворечивых связей. Всего выделено 42 связи с уровнем значимости $p < 0,05$. На основании этого анализа можно отметить, что наиболее связанным с контролем поведения оказалось проактивное совладание. Причем реализация этого более высокого уровня совладающего поведения заметно сопряжена именно с эмоциональной регуляцией, как направленная на регуляцию эмоционального состояния в возможных трудных жизненных ситуациях и оперирующая ресурсами эмоционального контроля. Из актуальных копинг-стратегий наиболее связанными с контролем поведения оказались стратегии, направленные на разрешение трудных жизненных ситуаций и избегание их, что может говорить о том, что контроль поведения, а именно преимущественно когнитивная его составляющая, является ресурсной основой для реализации совладающего поведения в актуальной трудной жизненной ситуации. Психологические защиты наименее связаны с контролем поведения, и большая часть выявленных связей носит компенсаторный характер. Также обращает на себя внимание отсутствие связей между защитами и эмоциональным компонентом контроля поведения, что может быть объяснено блокированием негативных эмоций в ситуации актуализации психологических защит.

На следующем этапе анализа были выделены контрастные группы по уровню развития контроля поведения: с высоким уровнем контроля поведения (всего 17 чел., 9 юношей и 8 девушек) и с низким уровнем контроля поведения (всего 25 чел., 11 юношей и 14 девушек).

Первичное сопоставление данных выявленных контрастных групп показало, что статистически значимые различия между группами выявляются только по 3 показателям проактивного совладания: «Проактивное преодоление», «Рефлексивное преодоление» и «Поиск инструментальной поддержки», которые статистически значимо чаще используются подростками с высоким уровнем контроля поведения ($U=109$, $p=0,008$; $U=98$, $p=0,003$; $U=129$, $p=0,032$ соответственно).

Сопоставление контрастных групп по уровню развития отдельных составляющих контроля поведения заметно дополняет корреляционный анализ, на основании которого можно сделать вывод, что при наличии достаточно большого количества связей отдельных шкал контроля поведения со стратегиями совладания и защитами, эти связи не могут однозначно свидетельствовать о прямой связи этих показателей. Важ-

но отметить, что имеет значение уровень агрегации контроля поведения: для реализации более высокого уровня совладания – проактивного важен именно общий уровень контроля поведения. Отдельные же его составляющие имеют большее значение при реализации защит и актуальных стратегий совладания.

Также можно отметить разную структуру дифференциации стратегий совладания и защитных механизмов в группах с высоким и низким уровнем контроля поведения. В группе с высоким уровнем контроля поведения можно выделить несколько согласованных блоков защитно-совладающего поведения: уход от решения проблемы с помощью защит и актуальных стратегий совладания, поиск поддержки на проактивном и актуальном уровне, превентивное преодоление, блокирующее защиты. В группе с низким уровнем контроля поведения, при сохранении блока поиска поддержки, идентифицируется еще один большой блок стратегий и защит, где доминирует рефлексивное преодоление и планирование решения проблем с опорой на защиты, которые, видимо, заполняют дефицит контроля поведения.

Уже полученные данные позволяют представить роль контроля поведения в общей системе защитно-адаптивного поведения, как основополагающую. Чем выше уровень контроля поведения, тем быстрее происходит включение осознаваемых механизмов совладания с трудными жизненными ситуациями и вытеснение ими бессознательных защит. Однако это предположение будет проходить дополнительную проверку в ходе работ следующего этапа.

Литература

- Ветрова И. И.* Сравнение динамики психологических механизмов регуляции поведения (совладания, психологических защит и контроля поведения) у подростков в лонгитюдном исследовании и методом срезов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 4. С. 233–237.
- Сергиенко Е. А.* Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. № 5 (7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 13.06.2015 г.).
- Lazarus R. S.* Stress and emotion: A new synthesis. N. Y.: Springer, 1999.
- Vaillant G. E.* Adaptation to Life. Boston, MA: Little, Brown, 1977.

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БЕРЕМЕННОСТИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ: АНАЛИЗ СВОБОДНЫХ АССОЦИАЦИЙ

И. Е. Вопилова (Москва)

Статья посвящена социальным представлениям о беременности среди студентов. Вопросы планирования семьи, деторождения являются актуальными как с точки зрения социально-демографической проблематики, так и с точки зрения социально-психологических и социологических исследований. Совокупность представлений, верований, связанных с беременностью, во многом определяет стратегии и практики деторождения.

В качестве методологической базы исследования нами была выбрана концепция социальных представлений С. Московичи (Емельянова, 2006). Данную концепцию можно считать адекватной методологической основой в силу того, что, во-первых, социокогнитивная «выпуклость» явления беременности свидетельствует о возможности формирования о нем социального представления как средства адаптации сложного, противоречивого явления к общей картине мира, разделяемой той или иной группой; и, во-вторых, сама теория, а также ряд методик, разработанных на ее основе, позволяют изучить семантическую структуру обыденных репрезентаций исследуемого объекта, что весьма важно на начальных этапах работы.

В исследовании приняли участие 434 чел. – 226 студентов из Москвы, среди которых 134 девушки и 92 юноши, средний возраст которых составил 20,6 года (min=17, max=25), и 208 студентов из Красноярска, среди которых 121 девушка и 68 юношей в возрасте от 16 до 23 лет (средний возраст составил 18,7 года).

Выбор именно такого объекта исследования связан с психологическими особенностями студентов как социальной группы. Период с 17 до 25 лет можно считать переходным от периода юности к периоду ранней взрослости. Данный этап в жизни человека, с одной стороны, характеризуется достижением относительно непротиворечивой идентичности, преодолением ролевого смешения, а с другой стороны, переходом к этапу, названному Э. Эриксоном этапом ранней взрослости, основной задачей которого является выстраивание близких, доверительных отношений. «Эриксон, как и Фрейд, утверждает, что только теперь человек по-настоящему готов к интимным отношениям с другим человеком как в социальном, так и в сексуальном плане. До этого времени большинство проявлений сексуального поведения индивидуума были мотивированы поиском эго-идентичности» (Хьел, 2005, с. 230). Таким образом, период перехода к ранней взрослости и, собственно, период ранней взрослости являются этапами в жизни молодого человека, сензитивными к проблемам установления близких отношений, создания семьи, родительства.

На основании предварительного анализа нами были выдвинуты следующие *гипотезы*.

1. Социальные представления молодежи о беременности будут содержать ярко выраженный аффективный компонент.
2. Социальные представления юношей и девушек о беременности будут различаться.
3. Социальные представления московских и красноярских студентов будут различаться.

В ходе опроса респондентам предлагалось заполнить анкету, включавшую две части. В первой части респонденты записывали не менее 7 ассоциаций к слову «беременность», вторая часть включала социально-демографические характеристики. Для дальнейшей обработки полученных ассоциаций применялась методика П. Вержеса, позволяющая описать структуру социального представления – выделить ядро и периферию (Abric, 2001). В рамках данной методики полученные понятия предлагается анализировать, основываясь на двух показателях – частоте появления понятия в ответах респондентов и ранге появления понятия, причем основному анализу подлежат только понятия, преодолевшие определенный частотный порог (в нашем исследовании мы работали с понятиями, указанными не менее чем 5% респондентов) (Бовина, 2007).

Общими элементами ядра для всех групп респондентов являются такие понятия, как *ответственность, живот, ребенок, дети, проблемы и токсикоз*. Область первой периферии содержит понятия *любовь, забота, страх, семья, мама, роды, контрацепция, пеленки, залет, брак, плохое самочувствие*, область второй периферии – *коляска, секс, новая жизнь и ужас*.

Отметим, что наиболее часто упоминаемой и низкоранговой ассоциацией, т. е. называемой одной из первых, является *ответственность*. Она может быть рассмотрена как один из видов контроля за деятельностью субъекта либо с позиции общества, либо с позиции личности (Муздыбаев, 1983). В рамках структуры социального представления, скорее всего, имеют место оба смысловых вектора. Ответственность будет связана с внешним контролем при сопоставлении с понятиями *семьи, брака*, т. е. социальных институтов, предписывающих определенные нормы, правила, каноны поведения. Однако при сопоставлении с таким элементом ядра, как *проблема*, ответственность может быть рассмотрена в качестве внутренней детерминанты деятельности субъекта.

Выявленные элементы структуры социального представления могут быть объединены в следующие группы. Во-первых, можно выделить обширный аффективный компонент: в представление входят такие ассоциации, как *радость, счастье, любовь, страх, ужас, забота*. Во-вторых, стабильным является присутствие в структуре представле-

ний ряда понятий, обращающих внимание на физиологические процессы, сопровождающие беременность (*токсикоз, тошнота, плохое самочувствие*). В-третьих, важным компонентом являются внешние признаки изучаемого состояния (*живот, коляска*). В-четвертых, стоит обратить внимание на группу понятий, объединяющую социальные роли и социальные отношения (*мать, отец, муж, свадьба* и т. д.). И в-пятых, ряд ассоциаций может быть объединен в группу, характеризующую возможные изменения (*ожидание, материнство, бессонные ночи, проблемы*). Таким образом, социальные представления о беременности включают в себя понятия, характеризующие как психофизиологическую сторону изучаемого объекта, так и социальные аспекты, связанные с состоянием беременности.

Анализируя структуры социальных представлений о беременности с точки зрения выдвинутых гипотез, можно говорить о том, что гипотеза о наличии ярко выраженного аффективного компонента подтвердилась. Эмоционально окрашенные понятия встречаются как в области ядра, так и в области периферии, причем среди их числа присутствуют как позитивно окрашенные понятия (*счастье, радость, любовь, нежность, улыбки*), так и негативно окрашенные (*страх, ужас, плохое самочувствие*). В среднем по группам эмоционально окрашенные понятия составляют около 25% от общего количества ассоциаций, преодолевших 5-процентный барьер и вошедших в структуру представлений. Таким образом, эмоциональная составляющая является сквозной в структуре социальных представлений: она характеризует как их наиболее разделяемую часть (ядро), так и зону потенциальных изменений (первую периферию) и собственно периферическую часть.

Также можно говорить о подтверждении гипотез о различиях между представлениями о беременности студентов московских и красноярских вузов и между представлениями девушек и юношей.

К региональным особенностям можно отнести различное отношение к проблемам, связанным с *контрацепцией*: возможно, большая представленность в сознании столичных студентов данного понятия обуславливает меньшую вероятность возникновения такой ассоциации, как *аборт*. Представления красноярской молодежи, скорее всего, испытывают на себе воздействие более традиционной, по сравнению со столичной, культуры. Результатом этого может быть появление в структуре представления понятия *свадьба*.

Говоря о гендерных особенностях представлений о беременности, следует отметить, что эмоциональный компонент представлений девушек оказывается более дифференцированным, по сравнению с юношами, которые, в свою очередь, уделяют больше внимания проблемам, связанным с контрацепцией и материальным обеспечением, что, вероятно, является следствием полоролевых предписаний. Также заметим, что исключительно среди женских ассоциаций мы встречаем такое по-

нятие, как *материнство*, что может свидетельствовать о значимости не только самого процесса беременности, но и связанных с ним изменений в социальном статусе.

Отдельно стоит отметить формальные особенности структур социальных представлений о беременности. Так, выявленные структуры оказались довольно обширными, содержащими большое количество элементов как в ядре, так и в периферии, что может быть связано с высокой вариативностью мнений относительно феномена беременности.

Следующим этапом нашего исследования должны стать глубинные интервью, нацеленные на прояснение качественных оснований социальных представлений о беременности.

Литература

Бовина И. Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект-Пресс, 2007.

Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. 3-е изд. СПб.: Питер, 2005.

Муздыбаев К. Психология ответственности. М.: Наука, 1983.

Abric J.-C. A structural approach to social representations. 2001.

ДОСУГОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ТОРГОВО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ*

А. Е. Воробьева (Москва)

Для молодых людей, у которых отсутствует опыт жизни в советском обществе, большое значение имеет ориентация на потребление (Козырева, Низамова, Смирнов, 2014).

Установлено, что объем, структура и качественные характеристики потребления связаны не только с объемом доходов, но и с образованием, ценностями и досуговой деятельностью.

Досуг исторически складывался как форма активности, которая находится как бы в обособленном состоянии от общественного бытия и выполняет функцию развития личности. Увеличение количества свободного времени и технический прогресс задали новый вектор развития досуга в XX в.: он стал ассоциироваться с ничегонеделанием (Андреева, 2011).

В постсоветской России исследование досуга потеряло свою актуальность. Резкое падение уровня жизни выдвинуло на первое место

* Работа выполняется при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 15-36-01271a2.

возможности поисков дополнительной работы в часы, свободные от основной, произошло не только сокращение величины свободного времени, но и изменение характера его использования, на первое место стали выходить проблемы отдыха и восстановления физических сил, а не насыщенной культурной жизни.

Отраслевая социология, в том числе социология досуга и культуры, достаточно развита, в то время как психологических исследований в данной области недостаточно.

Социологи отмечают рост (в сравнении с доперестроечным периодом) доли внедомашнего досуга у современной молодежи, также отмечается снижение роли восстанавливающей и повышающей развивающей и развлекательной функций досуга. Прогулки по торгово-развлекательным центрам (ТРЦ) как вид досуга, по данным опроса 2009 г., практикуют 7,9% молодежи ежедневно, 33,8% раз в неделю, 37,6% раз в месяц, 12,2% раз в год (Горшков, Шереги, 2010). Если сопоставить данные по разным формам досуга, можно заметить, что посещение ТРЦ находится в первой тройке мест еженедельного и ежемесячного досуга. Посещение же театров и музеев практикуется в большинстве случаев раз в год (42,9%), реже раз в месяц (27,4%), и заметная доля опрошенных вообще не практикует такой вид досуга (27,1%).

Мы полагаем, что понимание досуговой активности в ТРЦ должно быть более широким, чем это принято на данный момент (Монастырская, 2007), и включать в себя изучение витрин, каталогов, примерку с целью развлечения, ознакомления с техническими новинками и модными тенденциями, мечты о красивой жизни и т. п., так как они содержат эмоциональный и релаксационный компонент и необязательно приводят к совершению покупки, а служат, скорее, способом работы со своей идентичностью (подтверждение существующего статуса, примерка желаемого, поиск наиболее комфортного).

Мы также полагаем, что для тех, кто склонен проводить свой досуг в ТРЦ, характерны специфические переживания, сопровождающие их пребыванием там и обуславливающие их пристрастие к данной форме досуга.

Цель исследования: проанализировать психологические факторы слияния экономического и досугового поведения у жителей мегаполиса.

Выборка исследования: молодежь, проживающая в мегаполисе (г. Москва), 100 чел., мужчин 40%, женщин 60%, возраст – 18–30 лет.

Методики исследования: авторская анкета для изучения поведения и переживаний в торговом центре, опросник «Нравственная оценка денег» Е. И. Горбачевой и А. Б. Купрейченко.

Были получены следующие данные. Треть респондентов (33%) видят в ТРЦ место досуга для себя. «С радостью узнают о новинках и модных тенденциях» при посещении ТРЦ 35% респондентов. Половина опрошенных молодых людей (49%) описывают шопинг «непрео-

долимым желанием и стремление доставить себе удовольствие». 34% мечтают о красивой жизни, находясь в ТРЦ, и еще 21% респондентов делает это иногда. ТРЦ как место, где можно развлечься без усилий, определяет 44% респондентов.

Корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) показал, что чем чаще молодые люди посещают ТРЦ (в анкете была задана частота посещений от ежедневной до полного отказа от посещения), тем чаще они забывают обо всем и развлекаются там ($p=0,07$ – уровень тенденции), получают удовольствие от того, что могут купить все в одном месте ($p=0,009$), а также получают новые яркие, радостные впечатления ($p=0,03$). Обнаружена прямая взаимосвязь между тратой денег на импульсивные покупки в ТРЦ и тем, что, проводя там время, молодые люди расстраиваются, что не могут купить все, что захотят ($p=0,00$), и мечтают о красивой жизни ($p=0,01$). Посетители ТРЦ, которые не укладываются при покупках в определенную сумму, чаще склоны забывать обо всем и развлекаться ($p=0,00$), с радостью узнавать о новинках и модных тенденциях ($p=0,00$), а также расстраиваются, когда не могут купить все, что хотят ($p=0,02$).

При этом только 20% респондентов признаются в том, что при посещении ТРЦ «забывают обо всем и развлекаются». Только небольшая часть опрошенных огорчается, когда долго не имеет возможности посетить ТРЦ (10%).

Корреляционный анализ показал, что при наличии любимого ТРЦ молодые люди в большей степени предпочитают посещать ТРЦ в свободное время ($p=0,05$), чем музей, театр и иные места досуга. Лишь 14% опрошенных считают, что ТРЦ популярны лишь потому, что в округе больше некуда пойти. Равное количество респондентов (по 36%) уверены, что ТРЦ дает ощущение праздника простым людям, и столько же считают, что это неверно. 33% респондентов согласны с тем, что ТРЦ в современном мегаполисе является альтернативной дорогим развлечениям, примерная такая же часть (29%) так не считают, и 38% дали средние оценки. Т. е. посещение ТРЦ не является вынужденным выбором людей в условиях скудных финансовых возможностей или недостатка мест для развивающего досуга, а становится результатом сознательного выбора, основанного на эмоциональной привязанности к данному месту. Однако данная привязанность, по-видимому, не носит неконтролируемый характер, так как связь между наличием любимого ТРЦ и переживаниями по поводу невозможности его посещения не обнаружена, не обнаружена связь и с посещением ТРЦ без повода купить что-то.

Больше половины молодых людей (66%) считают, что ТРЦ провоцируют излишние расходы. При этом довольно малая доля опрошенных молодых людей (18%) испытывает сожаление, что потратили слишком много денег, когда выходят из ТРЦ. Либо они не критичны к себе, либо они не считают деньги, потраченные на развлечения, а также не слиш-

ком необходимые товары и услуги, потраченными зря, ведь в обмен на них они получили положительные эмоции. Маркетологи, философы, социологи (В. Пострел, Ф. Попкорн, Э. Тоффлер, Т. Питерс, Д. Пайн, Д. Гилмор и др.) говорят об активном развитии экономики нового типа – экономики впечатлений. Продаются не товары и услуги, а новые впечатления, переживания, сопровождающие процесс потребления.

Деньги ассоциирует с развлечениями довольно серьезная часть молодых людей (78%). Также для основной части респондентов (83%) деньги – это комфорт.

Обнаружены значимые взаимосвязи между оформлением кредита или использованием кредитной карты и следующими переживаниями у молодежи во время посещения ТРЦ: забываю обо всем и развлекаюсь ($p=0,02$), с радостью узнаю о новинках и модных тенденциях ($p=0,01$), получаю новые яркие, радостные впечатления ($p=0,00$), мечтаю о красивой жизни ($p=0,04$). Кредитные карты являются признанным инструментом активизации потребления.

Корреляционный анализ показал, что чем реже молодые люди посещают ТРЦ, тем чаще сожалеют, что потратили в нем много денег ($p=0,03$). Возможные объяснения: 1) когда они долго не посещают ТРЦ, у них накапливаются неудовлетворенные потребности, на которые они тратят гораздо больше, чем рассчитывали или могут себе позволить; 2) они не склонны развлекаться в ТРЦ, деньги, потраченные не на необходимые покупки, рассматриваются ими как потраченные впустую.

Молодые люди, которые считают ТРЦ просто магазином, стараются быстрее все купить и покинуть его ($p\leq 0,05$), а также раздражаются от большого количества людей вокруг ($p\leq 0,05$). Те, для кого ТРЦ является местом для проведения досуга, напротив, не стараются быстро совершить покупки и покинуть ТРЦ ($p\leq 0,05$), также их не раздражает большое количество людей вокруг ($p\leq 0,05$).

Выводы. Досуг в ТРЦ носит развлекательный характер. Исторически сложившаяся особенность досуга как обособленной сферы при этом не сохраняется.

Выбор ТРЦ в качестве места проведения досуга можно рассматривать как сознательный и добровольный.

Для молодежи, склонной забывать обо всем и развлекаться в ТРЦ, характерно совершение импульсивных покупок и расходование денег сверх запланированного, а также оформление кредитных карт. Все это позволяет ей мечтать о «красивой жизни».

Литература

- Андреева С. В. Феномен досуга: история и современность // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344. С. 42–45.
- Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.

Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Потребление и досуг молодежи в России // Россия и Китай: молодежь XXI века / Отв. ред. М. Горшков, Л. Чунлинь, З. Голенкова, П. М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. С. 149–169.

Монастырская М. В. Влияние инновационных технологий культурно-досуговой деятельности в условиях торгово-развлекательных центров комплексного типа на досуг населения: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007.

ИЗУЧЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ТРЕВОЖНОСТИ У ШКОЛЬНИКОВ 9 КЛАССА В КОНЦЕ УЧЕБНОГО ГОДА

А. С. Гаврилова А. С. Алексеева (Екатеринбург)

Обучение в жизни детей занимает значительную часть времени. Чем ближе к старшей школе, тем их подход к обучению становится все более осмысленным и серьезным, ведь у них появляются значимые осознаваемые цели. Мысли о том, что школьники стоят на пороге взрослой жизни, по-настоящему волнуют их. Одними из основных, ключевых моментов здесь является принятие решения о продолжении образования и выбор будущей профессии, на которые, безусловно, влияет успешность сдачи школьниками итоговых аттестационных работ (ГИА, ОГЭ, ЕГЭ и др.) (Волович, 1990).

Те требования и задачи, которые ставит перед ребенком школа на новом этапе обучения, подчас превосходят его возможности, изменяя состояние эмоциональной сферы и вызывая неспецифическую стрессовую реакцию организма. Нависшая неизвестность воспринимается учащимися очень плохо, волнение может не давать нормально учиться и общаться с одноклассниками. В период сдачи итоговых аттестационных работ школьники испытывают большую эмоциональную нагрузку, которая может привести к стрессу и породить неуверенность в будущем. Поэтому важно за внешними проявлениями поведения уметь разглядеть тревожного школьника и вовремя оказать ему необходимую помощь.

В исследовании приняли участие 30 чел. в возрасте 15–17 лет (18 мальчиков и 12 девочек). Опрос проводился среди учащихся 9 класса Среднеуральской МКОУ-СОШ Свердловской области. Основной поставленной задачей было определить и интерпретировать уровень различных компонентов тревожности у учащихся 9 класса в преддверии итоговых аттестационных работ (ОГЭ), а также проанализировать ее индивидуальную изменчивость.

Психодиагностический инструментарий, выбранный в соответствии с поставленными задачами, включает в себя: методику диагностики

уровня школьной тревожности Филлипса (Костина, 2006), опросник исследования тревожности у старших подростков и юношей (модификация Ч. Д. Спилбергера, адаптированная А. Д. Андреевой) (Костина, 2006).

Опрос учащихся был проведен однократно перед сдачей итоговых аттестационных экзаменов (ОГЭ), 2 апреля 2015 г. (второе полугодие учебного года).

При обработке полученных результатов использовались статистические методы анализа, помогающие собрать, обработать, описать и проанализировать полученную информацию, используя следующие критерии: критерий Стьюдента (для вычисления доверительных интервалов стандартных отклонений), критерий Фишера для вычисления достоверности различий между двумя выборками (Лупандин, 2009).

Комплексный анализ исследуемых параметров позволяет построить усредненный профиль тревожности девятиклассников (для сравнения степени выраженности переменных, данные переведены в процентные доли от максимального). Рассмотрев распределение значений различных факторов тревожности по опроснику Филлипса, можно отметить, что повышенная тревожность у девятиклассников наблюдается только по показателю «проблемы и страхи в отношениях с учителями» ($0,43 \pm 0,05$), который отражает негативный эмоциональный фон, появляющийся в отношениях с педагогами. В таком состоянии возможны конфликты с педагогами, ребенок переживает, и, как результат, может произойти снижение успеваемости. При этом невысокие значения по шкале «низкая физиологическая сопротивляемость к стрессу» ($0,2 \pm 0,1$) свидетельствуют о том, что стресс пока не достиг уровня, ведущего к физическому нездоровью школьника.

Анализ тестирования по методике Андреевой выявил у 9 класса повышенные значения по шкалам «негативные эмоциональные переживания» обычно ($0,56 \pm 0,06$) и в школе ($0,40 \pm 0,06$), а также повышенный уровень тревожности обычно ($0,48 \pm 0,05$) и в школе ($0,49 \pm 0,04$). При этом уровень познавательной активности в школе ($0,62 \pm 0,05$) и обычно ($0,68 \pm 0,05$) остается высоким. Полученные данные показывают, что в данном возрасте школа не является главным фактором как формирования профиля тревожности девятиклассников, так и развития их познавательной активности.

Сравнение результатов, полученных на выборке мальчиков и девочек, позволило выявить достоверные ($F > F_{кр}$, $p < 0,05$) различия отдельных проявлений тревожности. Во всех выявленных случаях показатели у девушек существенно выше, чем у юношей. В частности, это относится к шкалам: «комплексная тревожность» ($0,42 \pm 0,04 / 0,26 \pm 0,06$), «общая тревожность в школе» ($0,44 \pm 0,04 / 0,19 \pm 0,05$), «страх самовыражения» ($0,44 \pm 0,04 / 0,21 \pm 0,04$) и «низкая физиологическая сопротивляемость к стрессу» ($0,33 \pm 0,06 / 0,11 \pm 0,06$). Это может быть связано как с большей эмоциональностью женщин (Ильин, 2001), так и с более ранним

созреванием девушек. Ведь 9 класс – это, по сути, порог перед взрослой жизнью. Надо решить, на кого и куда пойти учиться. Страх неудачи и неправильного выбора накаляет все чувства девушек, и тревожность в том числе, что не может не сказаться на их сопротивляемости стрессу, в то время как юношам еще предстоит это осознать.

Таким образом, исследование показало, что, хотя уровень ряда показателей тревожности у учащихся 9 класса достаточно высок, школа не является главным фактором формирования профиля тревожности девятиклассников. Выявленные межполовые различия свидетельствуют о том, что пол оказывает существенное влияние на проявление различных типов тревожности школьника. А высокая познавательная активность и хорошая физиологическая сопротивляемость к стрессу испытуемых позволяет надеяться на успешную сдачу ими итоговых аттестационных работ.

Литература

- Волович А. С.* Проблемы социализации выпускников средней школы: Автореф. ... дис. канд. психол. наук. М., 1990.
- Ильин Е. П.* Дифференциальная психофизиология мужчин и женщин. СПб.: Питер, 2001.
- Костина Л. М.* Методы диагностики тревожности. СПб.: Речь, 2006.
- Лупандин В. И.* Математические методы в психологии: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЯ МАТЕРИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ ШКОЛЬНИКАМИ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ

О. В. Голубцова (Горки, Республика Беларусь)

В настоящее время особое внимание уделяется обучению и воспитанию детей, имеющих психические и (или) физические нарушения. Одной из таких категорий детей являются школьники с нарушением зрения, значительная часть которых получает образование в специальных школах-интернатах. Однако для полноценного развития личности и интеграции в общество детей с нарушением зрения недостаточно усилий образовательного учреждения. В связи с этим актуальным является изучение взаимосвязи стиля материнского воспитания и восприятия взаимоотношений в семье школьниками с нарушением зрения.

Взросшее в конце XX в. внимание общества к проблемам семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии, стимулировало появление работ Е. М. Мастюковой, Р. Е. Овчаровой, В. В. Ткачевой, Г. Г. Филипповой и др., в которых характеризуются семейная атмосфера

ра и влияние социального окружения на развитие «особенного» ребенка (Мастюкова, 2003; Овчарова, 2003; Ткачева, 1998; Филиппова, 2002).

Для семьи рождение ребенка с особенностями психофизического развития является кризисным событием, которое накладывает отпечаток на психоэмоциональное состояние каждого из ее членов, вынуждает изменить и переориентировать всю структуру семейного взаимодействия.

Семейная структура представляет собой комплексную, динамическую характеристику, отражающую внешнюю совокупность взаимоотношений, опосредованную внутренними психологическими свойствами лиц, в нее включенных. По мнению В. Б. Пархомовича, в семейную структуру входит вся совокупность межличностных активных взаимодействий в семье, которая раскрывается в ролевых, иерархических и дистантных отношениях (Пархомович, 2007).

Для адекватной родительской позиции основным мотивом является стремление всеми имеющимися средствами максимально приспособить ребенка к окружающей жизни, при этом он воспринимается в семье как здоровый, но имеющий ряд особенностей, которые следует учитывать в процессе воспитания. Сам ребенок и недостаточность у него зрения родителями принимаются (Мастюкова, 2003).

При неадекватной позиции основным мотивом у родителей служит стремление любой ценой доказать себе и окружающим, что у ребенка нет дефекта. Авторы выделяют несколько вариантов неадекватной родительской позиции: непринятие дефекта, а следовательно, и самого ребенка; принятие ребенка, но отвержение наличия у него дефекта; принятие дефекта, но отвержение самого ребенка; принятие и ребенка, и дефекта, однако ребенок воспринимается как жертва обстоятельств.

С целью изучения особенностей взаимосвязи стиля материнского воспитания в семьях, воспитывающих младших школьников с нарушением зрения, и особенностей восприятия учащимися взаимоотношений в семье нами было проведено эмпирическое исследование.

Для выявления опыта матерей в воспитании ребенка, ошибок в воспитании, нарушений в системе взаимного влияния членов семьи, нарушений в структурно-ролевом аспекте жизнедеятельности семьи и в механизме интеграции семьи, а также для изучения стиля материнского воспитания нами была использована методика «Анализ семейного воспитания» (АСВ) Э. Г. Эйдемиллера, В. Юстицкиса. Восприятие младшими школьниками с нарушением зрения взаимоотношений в семье мы исследовали с помощью опросника социализации для школьников «Моя семья».

В исследовании приняли участие 25 младших школьников с нарушением зрения и 25 матерей этих детей, а также 20 учащихся данной возрастной категории, не имеющих дефекта в развитии, и их матери.

Анализ данных с помощью опросника АСВ показывает, что в 24% семей школьников с дефектом зрения выявлена потворствующая гиперпротекция, т. е. ребенок находится в центре внимания семьи, которая стремится к максимальному удовлетворению его потребностей. В 29% семей, воспитывающих школьников с нарушением зрения, и 15% семей с ребенком без дефекта наблюдается такой стиль материнского воспитания, как доминирующая гиперпротекция, т. е. ребенок находится в центре внимания матери, которая отдает ему много сил и времени, в то же время лишая его самостоятельности, ставя многочисленные ограничения и запреты. В 47% семей школьников с нарушением зрения, и 50% семей, воспитывающих детей без патологии, не выявлен преобладающий стиль материнского воспитания, что может быть показателем использования адекватных методов и стратегий в воспитании.

Статистический анализ данных позволил выявить достоверность различий в стиле воспитания в семьях, воспитывающих школьников с нарушением зрения, и в семьях их нормально развивающихся сверстников ($\chi^2=14,438$, $p\leq 0,01$). Полученные результаты могут быть обусловлены тем, что появление в семье ребенка с дефектом зрения способствует чрезмерной заботе о нем со стороны матери, желанию ограждать школьников от сложностей, брать на себя ответственность за его поведение.

Статистический анализ данных особенностей восприятия семейных взаимоотношений младшими школьниками с нарушением зрения и их сверстниками без особенности зрения, выявленные по методике «Моя семья», показал, что существуют достоверные различия между восприятием семейных взаимоотношений у школьников с нарушением зрения и их нормально развивающихся сверстников по фактору «Гибкость воспитательных установок» ($U=38,5$; $p\leq 0,05$). Мы полагаем, что это может быть обусловлено различиями в тесноте контактов с родителями у этих категорий школьников.

По фактору «Воспитание самостоятельности» нами получены статистически достоверные различия ($U=74$; $p\leq 0,05$): школьники с нарушением зрения считают, что родители стимулируют в них самостоятельность, в то время как учащиеся без патологии зрения воспринимают действия родителей как ограничивающие их самостоятельность.

В результате статистического анализа уровней взаимоотношений в семьях младших школьников с патологией зрения и без нарушения нами статистически достоверно установлено, что младшие школьники с нарушением зрения воспринимают взаимоотношения в семье как более благополучные, чем их нормально развивающиеся сверстники ($U=30$; $p\leq 0,05$). Мы полагаем, что наличие дефекта у ребенка вызывает заинтересованность родителей в получении знаний и обретении навыков, способствующих продуктивному взаимоотношению с ребенком.

Анализ литературы позволил предположить, что характеристики стиля семейного воспитания, выявленные по методике АСВ, связаны

с факторами семейного воспитания и уровнем взаимоотношений в семье, выявленными по методике «Моя семья». В связи с этим нами был проведен ранговый корреляционный анализ этих переменных с помощью коэффициентранговой корреляции Спирмена r_s .

Нами установлена умеренная отрицательная корреляция между доминированием родителей в воспитании детей и восприятием гибкости воспитательных установок: между жесткостью семейного воспитания и восприятием гибкости воспитательных установок, между подчинением и восприятием воспитания самостоятельности, между минимальностью санкций и восприятием дружественности взаимоотношений, между чрезмерностью требований и восприятием уровня семейных взаимоотношений. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что стремление родителей к доминированию воспринимается младшими школьниками с нарушением зрения как ограничение, подавление самостоятельности детей. Минимальность санкций по отношению к детям способствует восприятию взаимоотношений детьми как дружественных.

Наблюдается средняя отрицательная корреляция между фобией утраты ребенка и восприятием уровня семейных взаимоотношений. Мы полагаем, что боязнь за жизнь своего ребенка стимулирует воспитательную неуверенность матери, что негативно сказывается на восприятии младшими школьниками с нарушением зрения уровня взаимоотношений в семье.

Таким образом, в результате эмпирического исследования было установлено, что в семьях, воспитывающих младших школьников с нарушением зрения, помимо адекватного стиля воспитания (47%), 53% используют доминирующую и потворствующую гиперпротекцию.

Младшие школьники с нарушением зрения воспринимают взаимоотношения в семье как более благополучные, чем их нормально развивающиеся сверстники, а установки родителей на воспитание оцениваются как более гибкие, ориентированные на формирование самостоятельности в школьниках.

Опираясь на полученные данные, необходимо отметить, что нарушение зрения у ребенка является фактором формирования стиля материнского воспитания, который взаимосвязан с особенностями восприятия данной категорией школьников семейных взаимоотношений.

Литература

- Мастюкова Е. М.* Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии / Под ред. В.И. Селиверстова. М.: Владос, 2003.
- Овчарова Р. В.* Психологическое сопровождение родительства. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2003.
- Ткачева В. В.* О некоторых проблемах семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии // Дефектология. 1998. № 4. С. 3–9.

Филиппова Г. Г. Психология материнства: Учеб. пособие. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002.

Пархомович В. Б. Характеристика структуры семьи, воспитывающей детей с особенностями психофизического развития // Дефекталогия. 2007. № 5. С. 13–22.

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО СТАТУСА РАБОТНИКА НА СКЛОННОСТЬ К РИСКУ

О. И. Гонтарюк (Саратов)

В современном обществе риск является неотъемлемой составляющей всех сфер жизнедеятельности. Ежедневно мы подвергаемся разного рода рискам: социальным, экономическим, финансовым, политическим. Феномен риска носит междисциплинарный характер и вызывает к себе интерес как со стороны психологов, так и экономистов, специалистов в сфере управления.

Несмотря на то, что проблемой склонности к риску в профессиональной сфере интересовались и ранее, в таком ракурсе данная проблема будет рассмотрена впервые. Проведенное исследование позволит по-новому взглянуть на психологию риска, обозначить перспективы ее развития. Исследование имеет важное прикладное значение: его результаты пригодятся в теории и практике управления персоналом. Они могут быть полезны руководителям и работникам сферы управления персоналом для лучшего понимания и наиболее полного раскрытия потенциала сотрудников, для разработки оптимальной системы мотивации работников.

В массовом сознании распространено суждение о риске как о возможной опасности или неудаче. В толковом словаре Даля дается следующее определение риска: «Рискованье (риск) – отвага, смелость, решимость, действие на авось, наудачу. Рисковое дело – неверное, сомнительное, опасное. Рисковать, рискнуть: пускаться наудачу, на неверное дело, наудалую, отважиться, идти на авось, делать что-либо без верного расчета, подвергаться случайности, действовать смело, предприимчиво, надеясь на счастье, ставить на кон (от игры); || рисковать что или чем, подвергаться чему-либо, известной опасности, превратности, неудаче».

С. И. Ожегов определил риск как возможную опасность и действие наудачу в надежде на счастливый исход. В качестве элементов риска С. И. Ожегов выделил опасность, неопределенность и случайность (Ожегов, Шведова, 1992).

Из современных определений риска, приводимых в научных трудах, можно выделить определение, данное в монографии В. Ковелло:

«Риск – характеристика ситуации или действия, когда возможны многие исходы, существует неопределенность в отношении конкретного исхода и, по крайней мере, одна из возможностей нежелательна» (Covello, Mumpower, 1985).

В современных исследованиях с разных точек зрения рассматривается и природа риска. Ряд авторов считают, что риск – это объективная категория, которая позволяет регулировать отношения между людьми, трудовыми коллективами, организациями и другими субъектами общественной жизни, возникающие вследствие превращения возможной опасности в действительность (Альгин, 1989).

Цель нашего исследования – определить особенности влияния организационного статуса работника на склонность к риску.

Мы предположили, что организационный статус работника оказывает влияние на склонность к риску.

Базой нашего исследования является сеть кафе и ресторанов «Frant' Эль» в г. Волгограде. Выборка составила 51 чел., разделенные на три категории организационного статуса. Данной классификации отвечает и принятая в сети упомянутых кафе должностная градация: высокому уровню соответствует должность управляющего, среднему – должность администратора и низкому – должность официанта. Таким образом, мы принимаем эти должности в качестве категорий организационного статуса.

Для сбора и анализа данных мы использовали такие психодиагностические методы, как «Исследование склонности к риску» А. Г. Шмелева, «Якоря карьеры» Э. Шейн, тест-опросник самоотношения Столина и методы математической статистики: описательная статистика, корреляционный анализ, Т-критерий Стьюдента, дисперсионный анализ.

Достоверность результатов исследования обеспечивалась применением надежных и апробированных методов, адекватных природе изучаемого явления, целям и задачам исследования, репрезентативностью выборки.

В рамках нашей работы склонность к риску будет рассматриваться как социально-психологический феномен в контексте профессиональной деятельности. Результаты однофакторного дисперсионного анализа подтвердили нашу гипотезу о влиянии организационного статуса на склонность к риску (значимость 0,044).

Высокий уровень склонности к риску, согласно ключу методики, имеют управляющие, средний – администраторы и официанты.

Необходимо отметить, что разница значений склонности к риску между администраторами и управляющими больше, чем между официантами и администраторами, что можно объяснить сходством среднего и низкого карьерного статуса в ограниченности действий и принятия решений с той разницей, что у администраторов масштаб ответственности больше. Управляющие же имеют самую сильную заинтересованность в развитии и укреплении своих профессиональных позиций,

поэтому склонны к риску и принятию сложных решений, внедрению в рабочий процесс инновационных технологий.

Для определения различий в карьерных ориентациях и самоотношении представителей с разным организационным статусом был использован Т-критерий Стьюдента. Были определены различия между администраторами и официантами.

У администраторов ярче выражена такая карьерная ориентация, как «профессиональная компетентность», и меньше такая, как «интеграция стилей жизни». Это говорит о том, что для администраторов важны профессиональное развитие и самосовершенствование, они стремятся стать мастерами своего дела. Для этого они могут жертвовать личными и семейными интересами, о чем свидетельствует низкий показатель по шкале «интеграция стилей жизни».

Официанты не проявляют профессионального рвения и в большей степени заинтересованы совмещать карьеру и личную жизнь. Поддерживать определенный образ жизни для них важнее успеха в карьере.

У официантов, по сравнению с управляющими, менее выражены такие карьерные ориентации, как «профессиональная компетентность», «менеджмент», «вызов», «предпринимательство», «склонность к риску», и лишь «интеграция стилей жизни» выражена в большей степени. Относительно таких карьерных ориентаций, как «профессиональная компетентность» и «интеграция стилей жизни», интерпретация будет аналогична приведенной для официантов и администраторов. Говоря о шкале «менеджмент», можно предположить, что официанты в гораздо меньшей степени стараются связать свою профессиональную деятельность с управлением людьми и предпочитают выполнять строго очерченный круг обязанностей. В профессиональном плане ориентация «вызов» свидетельствует о стремлении пробовать новое и не пасовать перед трудностями. Яркая выраженность у управляющих такой карьерной ориентации, как «предпринимательство», свидетельствует о склонности к риску, авантюризму и независимости. Работать на других не является их профессиональной прерогативой, они – предприниматели по духу, и цель их карьеры – создать что-то новое, воплотить в жизнь идею, принадлежащую только им.

Такие карьерные ориентации, как «вызов» и «предпринимательство», ярче выражены у управляющих, по сравнению с администраторами. Это свидетельствует о большей склонности к риску в профессиональной деятельности, стремлении к свободе действий и власти над другими. Ориентация «предпринимательство», которая выражена у управляющих в большей степени, подтверждает склонность представителей более высокого организационного статуса к ведению самостоятельной профессиональной деятельности, управляющий чувствует себя не исполнителем, а руководителем. Администратор всегда ощущает и принимает себя в качестве наемного рабочего, хоть и высокой квалификации.

По шкале методики самоотношения «ожидаемое отношение от других» у администраторов показатель гораздо выше, чем у управляющих, что говорит о важности чужого мнения для администраторов. Управляющие мнению окружающих придают меньше значения, полагаясь на свой опыт и профессиональные навыки.

Проведенное эмпирическое исследование позволило нам сделать следующие *выводы*.

1. Для управляющих важны профессиональное развитие и самосовершенствование, ярче выражен интерес к своей профессиональной сфере деятельности, любая сложность или проблема воспринимается как вызов своим возможностям, они склонны к риску, авантюризму и независимости.
2. Официанты в большей степени заинтересованы совмещать карьеру и личную жизнь, в меньшей степени стараются связать свою профессиональную деятельность с управлением людьми.
3. Администраторы ощущают и принимают себя в качестве наемных рабочих, для них важно то, что думают о них другие.
4. Организационный статус влияет на склонность к риску: чем выше статус, тем выше склонность к риску.

Литература

Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни. М.: Мысль, 1989.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. С. 632.

Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 3. П.-Р. 1987.

Covello V. T., Mumpower J. Risk Analysis and Risk Management: An Historical Perspective // Risk Analysis, 1985. V. 5. № 2. P. 103–120.

ВНУТРЕННЯЯ КАРТИНА БОЛЕЗНИ И РЕАБИЛИТАЦИЯ БОЛЬНЫХ ПАРАНОИДНОЙ ШИЗОФРЕНИЕЙ С УЧЕТОМ ПОЛА

Д. С. Гранопольский, М. В. Чеховская (Санкт-Петербург)

Шизофрения является тяжелым психическим заболеванием, оказывающим негативное влияние на многие значимые стороны жизнедеятельности человека. В их числе профессиональная деятельность (вследствие полной или частичной утраты трудоспособности), проблемы в личной жизни, негативно окрашенная эмоционально-волевая сфера.

Фрустрирующее влияние приступов шизофрении, лежащее в основе неблагоприятного прогноза (Гурович, Шмуклер, Сторожакова, 2004), зависит от психологических характеристик индивидуума, таких как психологическая защита, внутренняя картина болезни. Внутренняя

картина болезни находится в очень большой зависимости от личности больного, его общего культурного уровня, социальной среды и воспитания (Лурия, 1977).

Также хотелось бы отметить, что проблема разработки и внедрения качественных программ реабилитации больных шизофренией, их ресоциализации в общество за счет снижения самостигматизации достаточно актуальна (Гурович, Семенова, 2007). Задача реабилитации – воссоздать недостающие психические функции, заново научить больного правильно чувствовать и воспринимать реальность, так как одним из симптомов шизофрении является то, что больные не могут отличить фантазию от реальности, фантазия становится их жизнью. При этом больного мало просто избавить от этих фантазий, иначе в его внутреннем мире останутся пустота, огромный дефект, что и происходит при лечении традиционными нейролептиками – возникновение эмоциональной тупости, безволия. Обязательно необходимо дать больному что-то взамен. По результатам нашего исследования, мы предоставили практические рекомендации и составили программу реабилитации для данного контингента больных.

Несмотря на глубокую научную разработку данной проблематики, качество жизни и такие влияющие на формирование внутренней картины болезни больных шизофренией психологические категории, как стигматизация и самостигматизация, комплаентность (доверие и желание выполнять предписания) с учетом пола, не выступали ранее в качестве предмета психологического исследования.

Цель исследования: выявление уровня самостигматизации и комплаентности, как особенностей ВКБ, и качества жизни у больных параноидной шизофренией.

Гипотеза исследования: существуют значимые взаимосвязи между уровнем самостигматизации и комплаентности, как особенностей ВКБ, и качеством жизни больных параноидной шизофренией.

Методики:

1. Методика «Индекс жизненного стиля» (ИЖС).
2. Методика выявления уровня самооценки Дембо–Рубинштейн.
3. Гиссенский личностный опросник.
4. Опросник качества жизни ВОЗ КЖ-100.
5. Опросник диагностики типов отношения к болезни (ТОБОЛ).
6. Методика прогнозирования медикаментозного комплаенса.
7. Метод оценки субъективной удовлетворенности лечением.

Характеристика обследуемого контингента. В данном исследовании основную группу составили стационарные больные, более 5 лет страдающие параноидной шизофренией – 90 пациентов 9, 10, 11 санаторных отделений ПБ им. П. П. Кащенко. Среди них 45 мужчин и 45 женщин. Возраст обследуемых – от 35 до 54 лет. Уровень образования:

37% имеют высшее образование, 42% имеют среднеспециальное образование, 11% имеют среднее образование. У всех пациентов был диагноз «Шизофрения, параноидная форма. Приступообразно-прогредиентный тип течения. Галлюцинаторно-параноидный синдром». Стаж заболевания – от 5 до 20 лет. Все находились в стадии ремиссии. Лечение проходили добровольно.

Методы математико-статистической обработки данных исследования. На основании данных, полученных в результате исследования, была составлена сводная таблица, которая была подвергнута математико-статистической обработке с использованием частотного, сравнительного с применением t-критерия Стьюдента (для независимых выборок) и корреляционного анализа с применением критических значений коэффициентов корреляции r-Пирсона.

В соответствии с поставленными в ходе работы целью и задачами, анализируя результаты проведенного исследования, можно сформулировать следующие выводы.

1. Было выявлено, что для женщин более характерны Тревожный ($p < 0,001$), Неврастенический ($p < 0,01$), Паранойальный ($p < 0,05$), Сенситивный ($p < 0,05$) и Эгоцентрический ($p < 0,001$) ТООБ. Для мужчин же более характерен Анозогнозический ($p < 0,05$) ТООБ. Также выявлено, что у женщин преобладают такие ПЗ, как «Регрессия» ($p < 0,05$), «Проекция» ($p < 0,05$). В то время как у мужчин ПЗ по типу «Замещение» ($p < 0,05$). Таким образом, женщины более доброжелательны к медперсоналу. У женщин зачастую акцентировано внимание на своем здоровье. В то время как мужчины часто отрицают факт своего психического заболевания, но обладают более высокой критикой к своему социальному положению.
2. По шкалам комплаентности и самостигматизации у мужчин и женщин, больных параноидной шизофренией, значимых отличий выявлено не было. Тем не менее, женщины более позитивно оценивают качество лечения в стационаре ($p < 0,01$). Вероятно, такие результаты обусловлены равным по длительности стажем заболевания мужчин и женщин, а также равнозначными подходами к лечению данной нозологии независимо от пола.
3. Женщины более уверены в своей положительной социальной репутации, привлекательности и популярности. Также у женщин выше самооценка ($p < 0,001$). Качество своей жизни и женщины, и мужчины, больные шизофренией, оценивают как среднее. Можно предположить, что более высокая самооценка у женщин обусловлена большей приспособленностью вести домашнее хозяйство, находить себе занятия, будучи безработными, в то время как для мужчин более важна самоактуализация и профессиональная деятельность.
4. По результатам корреляционного анализа были выявлены обратные значимые взаимосвязи между шкалой самостигматизации

и некоторыми ПЗ ($p < 0,01$), обратные значимые взаимосвязи между комплаенсом и замещением как ПЗ ($p < 0,01$) и прямые взаимосвязи между комплаенсом и удовлетворенность результатами лечением ($p < 0,01$). А также обратная значимая взаимосвязь между качеством жизни и самостигматизацией ($p < 0,001$) и прямые взаимосвязи между качеством жизни и удовлетворенность результатами лечением ($p < 0,001$). Полученные результаты подтверждают гипотезу нашего исследования. Такие результаты показывают, что на субъективную оценку больным качества своей жизни прямо влияют удовлетворенность лечением и наоборот. А чрезмерная самостигматизация снижает оценку качества своей жизни больными.

Таким образом, наша гипотеза о том, что существуют значимые взаимосвязи между уровнем самостигматизации и комплаентности как особенностей ВКБ и качеством жизни больных параноидной шизофренией подтвердилась.

Можно предположить, что, работая с данным контингентом больных в рамках психокоррекционной программы, направленной на снижение выраженности таких психологических защит, как «Замещение», «Вытеснение», «Реактивные образования», «Компенсация», «Регрессия», можно повысить общую удовлетворенность лечением, снизить уровень самостигматизации больных шизофренией, повысить их самооценку а также повысить комплаентность больных.

Принесет позитивные результаты и работа с ближайшим окружением пациентов и самими больными в рамках «терапии средой и общением». Пропаганда участия больных в социальных программах, установление теплых отношений с близкими, занятия в творческих объединениях, профессиональное становление, несмотря на инвалидность, – все эти мероприятия благотворно скажутся на снижении выраженности психологических защит больных.

Занятия по повышению самооценки и мотивации пациентов, по нашему мнению, благотворно скажутся на оценке качества жизни больных, их самоощущении (снижение самостигматизации), а также на отношении к медперсоналу и лечению в целом.

Наша коррекционная программа состоит из 6 модулей (1,5 месяца занятий) и, помимо вышперечисленных занятий, направлена на корректировку атрибутивных искажений и когнитивных убеждений, не вполне позволяющих больным даже в период ремиссии объективно оценивать свое состояние и окружающую действительность. Также предлагаем провести занятия, направленные на улучшение когнитивных функций, памяти и тренировку распознавания обманов восприятия. В процессе занятий с больными предлагается тренировать навыки, способствующие снижению склонности к преждевременным выводам и автоматическим психологическим защитами.

Литература

- Бабин С. М., Шлафер А. М., Сергеева Н. А. Комплаенс-терапия больных шизофренией // Медицинская психология в России: Электронный научный журнал. 2011. № 2. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 20.06.2015).
- Гурович И. Я., Семенова Н. Д. Психосоциальные подходы в практике лечения и реабилитации шизофрении: современные тенденции // Социальная и клиническая психиатрия. 2007. Т. 17. Вып. 4. С. 78–86.
- Лурия Р. А. Внутренняя картина болезни. М.: Медгиз, 1977.
- Психосоциальная терапия и психосоциальная реабилитация в психиатрии / И. Я. Гурович, А. Б. Шмуклер, Я. А. Сторожакова. М.: Медпрактика-М, 2004.

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ЧЕРТ ХАРАКТЕРА НА РЕФЛЕКСИВНУЮ РЕГУЛЯЦИЮ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ СТУДЕНТОВ

Э. Н. Давлетшина (Казань)

Несмотря на высокую актуальность, проблема взаимодействия рефлексии и психических состояний остается по-прежнему открытой. Особое значение взаимосвязь рефлексии и психических состояний приобретает в контексте саморегуляции психических состояний. Наибольшие требования к уровню развития рефлексии предъявляет учебная деятельность, в которой успешность освоения учебного материала студентами, а также продуктивность самоуправления поведением, деятельностью, состоянием и др. зависят от включенности рефлексии в учебный процесс. Важнейшим условием саморегуляции психического состояния в процессе учебной деятельности является перенос внимания с основной деятельности на самого себя с помощью рефлексивных процессов, что делает возможным осознанное воздействие на учебную деятельность.

Рефлексия – сложный и многогранный аспект, и ее исследование может быть разнообразным: так, например, исследования Н. И. Гуткиной посвящены рефлексивным ожиданиям личности, а исследования А. В. Захаровой, М. Э. Боцмановой и Е. Р. Новиковой посвящены возрастным особенностям рефлексии. В вопросах саморегуляции рефлексия также играет особую роль. Изучение структуры рефлексии, динамики ее развития представляет большой интерес как с теоретической, так и с практической стороны, поскольку позволяет приблизиться к пониманию механизмов формирования личности. Вопросами в области рефлексивной регуляции деятельности занимаются А. В. Карпов, И. М. Скитяева, Е. А. Сергинко, а вопросами роли рефлексии в процессе регуляции психических состояний А. О. Прохоров, М. Г. Юсупов, А. В. Чернов. Не-

посредственно вопросам рефлексивных регуляций психических состояний личности уделено мало внимания. Именно поэтому необходимо разрабатывать данный вопрос, а в особенности уделить внимание различиям в рефлексивной регуляции у людей с разными чертами характера, так как особенность черт и их наличие может в некоторой степени влиять на рефлексивную регуляцию психических состояний.

Для саморегуляции первостепенное значение имеет высокий уровень общей культуры и сознательности, внутренняя обращенность к людям, гуманистическая направленность личности, т. е. можно проследить, что обращенность к себе к другим людям (аспект рефлексии) имеет значение в структуре личности. Это дает основание для изучения влияния черт характера на рефлексивную регуляцию психических состояний.

Свою исследовательскую работу мы посвятили изучению взаимосвязи рефлексивного компонента регуляции состояний и психологических свойств личности. В результате нашего исследования мы хотим проследить влияние рефлексии и черт характера на интенсивность переживания психических состояний, а также выявить взаимосвязь некоторых черт характера личности и рефлексии.

Объектом нашего исследования стали психические состояния студентов, а предметом нашего исследования – изучение рефлексивной регуляции психических состояний во взаимосвязи с чертами характера, на что и направлена наша работа.

В нашем исследовании были использованы такие методики, как: «Рельеф психического состояния личности А. О. Прохорова»; «Определение индивидуальной меры рефлексивности» А. В. Карпова и В. В. Пономаревой; «Уровень выраженности и направленности рефлексии» М. Гранта; 16PF (16-факторный личностный опросник) тест Р. Б. Кеттелла; Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой.

В нашем исследовании принимала участие группа испытуемых в количестве 63 чел. – из них 33 студента Казанского (Приволжского) федерального университета 2-го курса Института психологии и образования и 30 студентов Казанского (Приволжского) федерального университета 2-го курса Института вычислительной математики и кибернетики в возрасте 18–19 лет.

Проведя корреляционный анализ, который был направлен на установление взаимосвязи рефлексии, психических состояний и различных черт характера у студентов, мы можем сделать вывод, что у испытуемых психические процессы зависят от физиологических реакций организма, адаптационных возможностей и абстрактности мышления. Мы можем отметить, что студенты слабо рефлексиируют свое физическое состояние в любом временном промежутке (будущем, настоящем и прошлом). Далее мы видим, что поведенческие реакции испытуемых сопровождаются гибкостью, адекватной реакцией на изменение усло-

вий и эмоциональной регуляцией. Рефлексивные процессы у испытуемых не имеют связи с адаптационными способностями. А рефлексивная способность студентов зависит от таких характерологических особенностей, как общительность, смелость, предприимчивость, отзывчивость, уверенность в себе, эмоциональное спокойствие, самостоятельность, настойчивость, разумность и открытость. Понимание испытуемыми чувств других (социорефлексия) зависит от способности к адаптации и ориентации на конкретный вид деятельности.

Проведя сравнительный анализ выраженности личностных характеристик у студентов с разным уровнем рефлексии, можно сделать вывод, что испытуемые, разделенные на высоко- и низкореклексивных, в основном статистически значимо различаются по показателям методики 16PF Кеттелла, а именно робость/смелость, тревожность/спокойствие, эмоциональная стабильность/нестабильность, подчинение/доминирование, сдержанность/ экспрессивность, напряженность/расслабленность, конформизм/нонконформизм, радикализм/консерватизм и высокий/низкий самоконтроль (частота встречаемости различий указана в убывающем порядке), т. е. именно эти характерологические особенности отличают высоко- и низкореклексивных испытуемых. По другим показателям статистически значимых различий обнаружено не было.

Изучив непосредственно особенности влияния черт характера на рефлексивную регуляцию психических состояний студентов, мы видим, что ключевыми чертами характера оказались общительность, смелость и самоконтроль. Именно выраженность данных показателей (их превалирование или малое проявление) является детерминантом изменения психических состояний с включением такого процесса как рефлексия.

На основе проведенного нами исследования можно заметить, что в целом студенты придают малое значение тому, что происходит в их организме, что они чувствуют и т. п., скорее всего, это может быть обусловлено их стремлением к социализации, нежели заботой о своем здоровье. У студентов хорошо развито абстрактное мышление, способность к самоанализу, пониманию других (что порой и связано с ориентацией на деятельность). Но так как наша основная задача была посвящена изучению вопросу особенностей влияния черт характера на рефлексивную регуляцию психических состояний студентов, то хотелось бы отметить, что главными и влияющими оказались такие черты характера, как общительность, смелость и самоконтроль. Ведь и в правду, для того чтобы изменить свое настроение с тоскливого на радостное, нам хватает общения с друзьями, их поддержки и доброго слова, а самоконтроль помогает нам на экзамене/собеседовании и других стрессовых ситуациях держать себя в руках и стараться мыслить на «холодную голову», смелость позволяет нам решиться на ка-

кой-либо шаг, будь то пойти на прогулку для того, чтобы снять тревогу, или заговорить с новым человеком. Эти качества являются, так сказать, шестеренками в нашем характере, которые помогают нам улучшить свое психическое состояние.

Литература

- Зейгарник Б. В. Опосредствование и саморегуляция в норме и патологии // Вестник МГУ. Сер. Психология. М., 1981. №2. С. 9–15.
- Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Прохоров А. О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М.: Пер Сэ, 2005.
- Психология личности / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. М., 1982.

ЛИЧНОСТНАЯ ЗРЕЛОСТЬ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ МАТЕРЕЙ, УХАЖИВАЮЩИХ ЗА СОВЕРШЕННОЛЕТНИМ РЕБЕНКОМ С ПЕРВЫМ ПСИХОТИЧЕСКИМ ЭПИЗОДОМ*

М. В. Дан (Москва)

Семья представляет собой особый институт общества, играющий роль и в жизни отдельного человека, и в жизни социального, экономического и культурного прогресса общества. Семья решает задачи воспроизводства и социализации поколений. Безопасность семьи как главной структурной единицы общества имеет решающее значение для социальной безопасности в целом. Именно поэтому актуализировано профессиональное изучение семьи как социальной системы и факторов, нарушающих ее безопасность и приводящих к угрозе ее распада или нарушения функционирования.

Рост и распространение психических заболеваний среди населения является одним из таких факторов. Острое, впервые возникшее психическое заболевание одного из членов семьи оказывает негативное влияние на всю семью в целом и на отдельных ее членов (Степанов, 1996).

Среди разнообразия психических заболеваний и их проявлений первый психотический эпизод становится наиболее тяжелым психологическим стрессом для родственников (Ениколопов, 2013; Коцюбинский, 2012).

По современным стандартам психиатрическая помощь базируется на биопсихосоциальной модели (Хьелл, Зиглер, 2008; Эйдемиллер, 2006).

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-36-11108а(ц)).

Такой подход наиболее эффективен при возникновении первых психотических эпизодов, когда вся семья переживает глубокий психоэмоциональный стресс, сопровождающийся искажением самоидентификации пациента и семьи, изменением структуры внутрисемейного и социального взаимодействия (Engel, 1980).

Психологическое благополучие и состояние ухаживающего родного остается за пределами многих исследований. Обязанности по уходу за больным чаще всего ложатся на плечи матерей пациентов, как наиболее близких, наиболее включенных и способных обеспечить максимально возможную поддержку.

Существует недостаток работ, посвященных исследованию связи эмоционально-личностной динамики матерей, переживающих стресс впервые возникшего психического заболевания у своего совершеннолетнего ребенка, с уже имеющимися у них разнообразными характеристиками – образование, возраст, профессия, характерологические особенности и др. Среди имеющихся личностных особенностей, на наш взгляд, высокий уровень личностной зрелости способен в значительной мере содействовать поддержанию адаптивных форм поведения и эмоционального реагирования в случае впервые возникшего психического заболевания у родного.

Настоящее исследование проводится с целью установления особенностей эмоционально-личностной динамики матерей в ситуации впервые возникшего психического заболевания у совершеннолетнего ребенка и их соотношения с уровнем личностной зрелости.

Для реализации данной цели было необходимо решить следующие задачи:

- изучить особенности изменения эмоционально-личностных характеристик матерей;
- установить различия между свойствами эмоционального состояния и степенью их изменения при разных уровнях личностной зрелости;
- сделать выводы на основе полученных данных.

Методики и выборка. Для диагностики эмоционально-личностной сферы использовались: симптоматический опросник SCL-90, Миссисипская шкала посттравматического стрессового расстройства (Тарабрина, 2001); тест жизнестойкости (Леонтьев, Рассказова, 2006); тест-опросник личностной зрелости (Гильбух, 1994).

Исследование было проведено в 2012–2014 гг. на матерях пациентов с впервые возникшим психотическим эпизодом (давность стрессового воздействия не более 1,5 месяцев), посещающих «курсы психиатрической грамотности» на базе 2 филиала Психиатрической больницы № 14, психоневрологического диспансера № 10 г. Москвы и 2 филиала Психиатрической больницы № 15, психоневрологического диспансера № 16.

Результаты. Исходные показатели у испытуемых по симптоматическому опроснику SCL-90 до начала курсов превышали нормативные. Средний уровень выраженности симптомов: «Соматизация» – 2,25 и «Паранойя» – 2,00; повышенный уровень: «Враждебность» – 2,67, «Обсессивность–компульсивность» – 2,70, «Тревожность» – 2,80, «Межличностная сензитивность» – 2,89; высокий уровень: «Депрессия» – 3,54 и «Индекс выраженности дистресса» PDSI – 4,76.

После проведения курсов «психиатрической грамотности» достоверными оказались изменения по таким шкалам опросника, как «Межличностная сензитивность» ($p < 0,001$), «Депрессия» ($p < 0,001$), «Общий балл GSI» ($p < 0,001$), «Индекс тяжести симптомов» ($p < 0,01$), «Индекс выраженности дистресса» PDSI ($p < 0,001$), «Обсессивность – компульсивность» ($p < 0,001$), «Паранойя» ($p < 0,003$), «Тревожность» ($p < 0,002$), «Враждебность» ($p < 0,04$).

По методике «Миссисипская шкала» данные также оказались достоверными ($p < 0,04$). Достоверными по данным теста Жизнестойкости оказался общий балл – уровень жизнестойкости ($p < 0,001$), по отдельному параметру – «принятие риска» ($p < 0,001$). По параметрам «вовлеченность» и «контроль» различия были незначимыми. Значения показателей по всем шкалам теста личностной зрелости до и после прохождения испытуемыми курсов не различались.

Для проверки гипотезы о том, что высокий уровень личностной зрелости способствует динамике личностных характеристик испытуемых, по сравнению с низкими значениями личностной зрелости, вся группа респондентов была условно разделена на две: с очень высокими и высокими значениями общего балла личностной зрелости ($n=16$, 55,6%) и с умеренными и низкими значениями ($n=20$, 44,4%).

Достоверная динамика в группе с высоким и очень высоким уровнем личностной зрелости была обнаружена по большему количеству параметров, а именно: «Соматизация» ($t=3,957$, $p=0,001$), «Обсессивность–компульсивность» ($t=3,024$, $p=0,009$), «Фобическая тревожность» ($t=2,611$, $p=0,02$), общий балл «Миссисипской шкалы» ($t=2,364$, $p=0,03$). Различия были достоверными для обеих групп в параметрах «Межличностная сензитивность», «Депрессия», «Тревожность», «Дополнительные пункты», «Общий индекс тяжести симптомов», «Индекс выраженности дистресса», «Принятие риска». Незначимыми различия оказались в группе с высоким уровнем личностной зрелости, по сравнению с группой с низким уровнем, лишь по параметру «Жизнестойкость».

Выводы. На основе представленных результатов можно сделать вывод об особенностях эмоционально-личностной динамики матерей в ситуации впервые возникшего психического заболевания у совершеннолетнего ребенка (первый психотический эпизод), а именно: снижении выраженности симптомов межличностной сензитивности,

депрессии, обсессивности – компульсивности, паранойи, тревожности, враждебности общего индекса тяжести симптомов, индекса выраженности дистресса. Также значимая динамика выявлена в отношении посттравматических реакций, уровня жизнестойкости, принятия риска.

Обнаружены различия в подгруппах с различным уровнем личностной зрелости, заключающиеся в выявлении достоверно значимой динамики для большего количества параметров.

Выявленные различия динамики эмоционально-личностной сферы могут быть связаны с уровнем личностной зрелости матери. Расширение выборки испытуемых и проведение исследований среди перенесших другие виды интенсивного стрессового воздействия могут способствовать подтверждению полученных результатов. В рамках вышеописанного исследования планируется дальнейшее изучение особенностей динамики эмоционально-личностных характеристик матерей, перенесших интенсивное стрессовое воздействие первого психотического эпизода у ребенка, разработка реабилитационных мероприятий и рекомендаций для улучшения помощи таким семьям.

Литература

- Ривкина Н. М., Сальникова Л. И.* Работа с семьями в системе психосоциальной терапии больных с шизофренией и расстройствами шизофренического спектра с первыми психотическими эпизодами // Социальная и клиническая психиатрия. 2009. Т. 19. № 1. С. 65–76.
- Солоненко А. В.* Влияние некоторых внутрисемейных психологических факторов на трудоспособность пациентов с первым психотическим эпизодом // Сборник региональной научно-практической конференции «Социальная сфера Кубани: экономические и социально-психологические аспекты развития». Краснодар, 2006.
- Солохина Т. А., Иванов В. В.* Опыт работы социально-психологической школы для родственников психически больных // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2001. Т. 101. № 3. С. 51–53.
- Тарабрина Н. В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
- Engel G. L.* The clinical application of the biopsychosocial model // American Journal of Health Psychiatry. 1980. № 137. P. 535–544.

Влияние эмоциональных состояний участников полиграфных проверок на достоверность детекции скрываемой информации*

И. С. Дикий (Ростов-на-Дону)

Проблема повышения достоверности инструментальной детекции скрываемой информации при проведении скрининговых обследований является достаточно актуальной в сфере прикладной психологии (Герасимова, Сергиенко, 2004; Козлов, 2010). Изменение параметров вегетативных реакций, регистрируемых при традиционном методе опроса с применением полиграфа, может быть подвержено влиянию эмоционального состояния и личностных свойств опрашиваемого (Грузьева, 2006; Дикий, Дикая, 2014). При этом механизмы взаимосвязи вегетативных реакций и степени эмоционального напряжения практически не изучены (Поповичев, 2010). Актуальность исследования связана с тем, что характер влияния эмоциональных состояний и психологических особенностей на достоверность обнаружения скрываемой информации у лиц, обследуемых с помощью полиграфа, на сегодняшний день остается малоизученным, а значимость принятия решения о виновности/невиновности участников полиграфных проверок достаточно высока.

Цель работы: исследование влияние эмоциональных состояний и индивидуальных особенностей личности участников полиграфных проверок на достоверность детекции скрываемой информации.

Объект исследования: 60 студентов Южного федерального университета, из них 26 женщин и 24 мужчины в возрасте 18–24 лет.

Предмет исследования: достоверность обнаружения информативных признаков скрываемой информации, психофизиологические вегетативные реакции (КГР, ЧСС, частота дыхания), эмоциональные состояния тревоги и фрустрации, свойства личности (экстраверсия/интроверсия, нейротизм, психотизм).

Нами были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Ярко выраженные эмоциональные состояния и свойства личности участников полиграфных проверок могут оказывать значительное влияние на степень достоверности обнаружения информативных признаков скрываемой информации.
2. Достоверность обнаружения информативных признаков скрываемой информации у участников полиграфных проверок может иметь разный характер взаимосвязи с их эмоциональным состоянием и индивидуально-личностными особенностями.

Методы: 1) метод инструментального психофизиологического опроса с применением полиграфа; 2) методика «Самооценка эмоциональных

* Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (проект № 25.2141.2014/К).

состояний» Г. Айзенка; 3) методика субъективной оценки ситуационной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина; 4) методика исследования экстраверсии – интроверсии и нейротизма (опросник Айзенка); 5) статистическая обработка данных (сравнительный по t-критерию Стьюдента, корреляционный анализ по критерию Спирмена) с помощью пакета компьютерных программ Statistica 13.0.

На предварительном этапе исследования проводилась психодиагностика текущего психического состояния тревоги и фрустрации, а также личностных свойств экстраверсии/интроверсии, нейротизма и психотизма. По результатам психодиагностики все испытуемые были объединены в условные группы по уровню выраженности эмоциональных состояний и личностных свойств.

На втором этапе проводился инструментальный психофизиологический опрос участников исследования с применением полиграфа. В качестве модели расследуемого события выступила ситуация неправомерного завышения студентами оценки собственной контрольной работы по результатам самостоятельной проверки. Контрольная работа выполнялась студентами в форме тестирования на компьютере. Доступ к файлу результатов проверки позволял им самостоятельно редактировать результаты теста. Вносимые изменения в файл результатов автоматически регистрировались, что позволяло объективно оценивать факт завышения студентами оценки. После проверки испытуемым объявлялось, что правомерность выставленной им оценки будет подтверждена проверкой на полиграфе, что позволило сформировать у них мотивацию к преднамеренному сокрытию информации.

Инструментальный психофизиологический опрос участников эксперимента проводился с использованием профессионального компьютерного полиграфа «ПОЛАРГ-М» с программным обеспечением «Фемида». В качестве методики выявления скрываемой информации использовался тест на знания виновного, содержащий проверочный и нейтральные вопросы.

Физиологические реакции регистрировались по каналам дыхания (частота дыхания), плетизмограммы (частота сердечных сокращений) и кожно-гальванической реакции (амплитуда и латентность КГР). Вероятность выделения эмоционально значимого стимула оценивалась по четырем информативным признакам симптомокомплекса физиологических вегетативных реакций.

На заключительном этапе исследования сравнивались показатели параметров вегетативных реакций у участников условных групп с разным уровнем выраженности эмоционального состояния и свойств личности. Также выявлялась взаимосвязь между степенью достоверность обнаружения информативных признаков лжи, параметрами вегетативных реакций при ответах на нейтральные и проверочные во-

просы, выраженностью эмоциональных состояний и свойств личности испытуемых.

Результаты. Статистически подтверждены все выдвинутые гипотезы ($p \leq 0,05$), вследствие чего нами были сформулированы следующие выводы.

1. Достоверность обнаружения признаков скрываемой информации у студентов со средним уровнем ситуативной и личностной тревожности значительно выше, чем у высоко- и низкотревожных. Наибольшие различия параметров КГР при ответах на нейтральные и проверочные вопросы, наблюдаются у участников исследования со средним и низким уровнями ситуативной тревожности, по сравнению с высокотревожными испытуемыми.

У испытуемых с выраженной фрустрацией регистрировался более значимый рост ЧСС при предъявлении проверочных вопросов, чем у испытуемых с низким уровнем фрустрации.

2. Достоверность обнаружения признаков скрываемой информации у студентов без признаков психотизма значительно выше, чем у студентов, склонных к эмоциональной неадекватности. У испытуемых с высоким уровнем психотизма амплитуда и латентность КГР, сопровождающей ответы на нейтральные и проверочные вопросы, не дифференцированы и слабо выражены, по сравнению со студентами без признаков психотизма.
3. У всех испытуемых степень достоверности обнаружения скрываемой информации положительно взаимосвязана с выраженностью состояния фрустрации и отрицательно – с выраженностью психотизма. Взаимосвязь между степенью достоверности обнаружения скрываемой информации и уровнем личностной и ситуативной тревожности имеет нелинейный характер. У высокотревожных индивидов достоверность обнаружения скрываемой информации отрицательно взаимосвязана с уровнем выраженности личностной и ситуативной тревожности. У испытуемых с низким и средним уровнем личностной тревожности достоверность обнаружения скрываемой информации положительно взаимосвязана с выраженностью нейротизма.

Литература

- Герасимова А. С., Сергиенко Е. А.* Понимание детьми обмана как показатель становления модели психического («theory of mind») // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 63–81.
- Грузьева И. В.* Формально-динамические и стилевые особенности индивидуальности как факторы вероятности инструментального выявления скрываемой информации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

- Дикий И. С., Дикая Л. А. Психофизиологические характеристики субъектов при реализации ложных ответов // Естественно-научный подход в современной психологии / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 265–271.
- Козлов И. С. Методологические аспекты применения опроса с использованием полиграфа в практике // Юридическая психология. 2010. № 3. С. 2–6.
- Поповичев С. В. Взаимосвязь потребности в безопасности субъекта и вероятности распознавания лжи в опросе с применением полиграфа: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.

СВЯЗь ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ И КРЕАТИВНОСТИ*

С. В. Дружинина (Москва)

В психологической литературе нельзя найти однозначного решения проблемы интеллекта и креативности. Точки зрения варьируются от отрицания творческих способностей как таковых, в частности креативности, до интеграции креативности и интеллекта в единую модель. Эмпирические исследования демонстрируют различный характер отношений между интеллектом и креативностью: коэффициент корреляции, по разным данным, достигает $r=0,3$. Анализ исследований позволяет сказать, что диапазон корреляций зависит от измеряемых компонентов, методического инструментария, процедуры тестирования, применяемых статистик. При этом, несмотря на существующие данные о статистически значимой связи (около $0,2-0,3$), в экспериментальном плане креативность и интеллект относятся к разным конструктам. Гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что связь между интеллектом и креативностью наблюдается на уровне отдельных специальных способностей.

Выборку составили 115 учащихся старших классов средней общеобразовательной школы Московской области (59 мальчиков и 56 девочек в возрасте от 14 до 16 лет).

Были использованы следующие методы:

1. Тест структуры интеллекта Амтхауэра для диагностики интеллектуальных способностей (Намазов, Жмыриков, 1988).
2. Тест «Необычное использование предмета» Дж. Гилфорда для выявления вербальной креативности (Аверина, Щебланова, 1996).
3. Сокращенный вариант изобразительной батареи теста креативности П. Торренса «Завершение картинок» для выявления невербальной креативности (Матюшкин, 1990).

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00087).

Исходя из накопленных в научной литературе данных о корреляции интеллекта и креативности анализировалась связь (r Спирмена) общего интеллекта с вербальной, невербальной креативностью. Анализ показал связь между общим IQ и вербальной креативностью на уровне $r=0,24$ ($p=0,02$). IQ и невербальная креативность имеют незначительную связь $r=0,15$ ($p=0,13$).

Был проведен факторный анализ шкал теста «TSI» Амтхауэра. Компоненты интеллекта объединились в четыре фактора: 1) исключение слова, аналогии, обобщение (факторные нагрузки – 0,67; 0,72; 0,83) – вербальное понимание; 2) арифметические задачи, числовые ряды (факторные нагрузки – 0,83; 0,88) – математические способности; 3) пространственное воображение и пространственное обобщение (факторные нагрузки – 0,55; 0,87) – пространственная организация; 4) дополнение предложений и память (факторные нагрузки – 0,64; 0,77) – долговременная семантическая память.

Корреляционный анализ связей вербальной и невербальной креативности с четырьмя полученными факторами показал следующее: вербальное понимание связано с вербальной ($r=0,21$; $p<0,05$) и невербальной креативностью ($r=0,21$; $p<0,05$); математические способности оказались связаны с вербальной креативностью ($r=0,21$; $p<0,05$).

Выборка с помощью кластерного анализа разбивалась на три группы (с высоким, средним и низким уровнем признака) по каждому из четырех выделенных факторов. Между собой сравнивались группы с высоким уровнем признака и низким уровнем признака по U -критерию Мана – Уитни. Три компонента интеллекта (математические способности, пространственная организация, долговременная семантическая память) оказались не связаны с показателями вербальной (беглость, гибкость, оригинальность) и невербальной креативности (беглость, гибкость, оригинальность, разработанность). Фактор вербальное понимание оказался связанным с показателем невербальной креативности – разработанностью ($p=0,001$).

Факторный анализ шкал теста Амтхауэра и параметров вербальной и невербальной креативности объединил следующие показатели: 1) все три показателя вербальной креативности (факторные нагрузки – 0,98; 0,98; 0,95); 2) три вербальных интеллектуальных способности (дополнение предложений, аналогии, обобщение) вместе с показателем невербальной креативности разработанностью (факторные нагрузки – 0,56; 0,79; 0,76; 0,53); 3) три показателя невербальной креативности – беглость, гибкость, оригинальность (факторные нагрузки – 0,88; 0,88; 0,71); также в отдельные факторы были выделены математические и пространственные способности.

Полученные коэффициенты корреляции общего интеллекта и креативности соответствуют данным смежных исследований ($r<0,3$). Отношения между интеллектом и креативностью объясняются связью

отдельных вербальных интеллектуальных способностей с вербальной и невербальной креативностью. Такими интеллектуальными способностями оказались вербальное понимание (понятийная способность) и математические способности. При этом вербальное понимание связано как с вербальной, так и с невербальной креативностью, математические – с невербальной.

Факторный анализ и сравнение групп по U-критерию Манна-Уитни показали, что параметр невербальной креативности «разработанность» связан с тремя вербальными субтестами (дополнение, аналогии, обобщение), диагностирующими понятийные способности. Д. Б. Керролл утверждает, что параметры креативности: беглость, гибкость, разработанность – могли бы также отражать элементы интеллекта. А оригинальность, по мнению автора, и есть сама суть креативности (Carroll, 1993).

Исходя из полученных данных, можно предположить, что вербальная, невербальная креативность и отдельные интеллектуальные способности входят в общую структуру интеллекта и их разделение неправомерно. М. А. Холодная в своей модели ментального опыта включает креативность в структуру интеллекта (Холодная, 2002). Западные авторы отмечают, что понятийные способности и база знаний неразрывно связаны с творческим процессом и являются необходимым основанием для продуцирования творческого решения, так как новое знание всегда основывается на уже имеющейся информации.

Литература

- Аверина И. С., Щербанова Е. И. Вербальный тест творческого мышления «Необычное использование». М.: Соборъ, 1996.
- Матюшкин А. М. Фигурная форма А теста творческого мышления Э. Торранса, адаптированного сотрудниками Общесоюзного центра «Творческая одаренность» НИИ ОПП АПН СССР. М.: НИИ ОПП АПН СССР, 1990.
- Намазов В. Н., Жмыриков А. Н. Психолого-педагогические методы исследования индивидуально-личностных особенностей. М.: Б. И., 1988.
- Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002.
- Carroll J. B. Human cognitive abilities: A survey of factor-analytic studies. N. Y.: Cambridge University Press, 1993.

СОСТОЯНИЕ ФРУСТРАЦИИ В ИНСАЙТНЫХ ЗАДАЧАХ*

С. С. Емельянова, С. Ю. Коровкин (Ярославль)

В последние годы в области исследования инсайтного решения задач ученые часто обнаруживали взаимосвязь инсайтного решения и эмоций (как позитивно, так и негативно окрашенных) (Isen, Daubman, Nowicki, 1987; Kaufmann, Vosburg, 1997; Люсин, 2011). Однако, несмотря на активные исследования по данной тематике, такой вид негативных эмоций, как фрустрация, остался малоисследованным в контексте решения задач. Между тем фрустрация может оказывать большое влияние на решение задач: зафиксированы случаи, когда отрицательные эмоции помогают в решении задач «выйти за рамки» структуры заранее заданного решения, что является важной частью решения творческой задачи (Нюттен, 2004). Также фрустрация может быть одним из этапов в решении задачи: как отрицательная эмоция, она может «отсеивать» неверные решения. Такая функция фрустрации может помочь не только в «забывании» непродуктивного решения, но и в поиске более подходящего варианта (по контрасту с положительными эмоциями от более удачного ответа).

В инсайтных задачах одним из ключевых этапов в решении является состояние «тупика». На этом этапе происходит осознание неправильности стандартных подходов к решению задачи, но функционального решения еще нет. «Тупик», таким образом, способствует возникновению состояния фрустрации.

Но эмоции в процессе решения есть не только в момент «тупика». Весь процесс решения сопровождается интеллектуальными эмоциями (Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980). В стадии первичного обследования задачи эмоции связаны с процессами целеобразования (подцели). На стадии формирования конкретных попыток эмоции взаимодействуют с реализацией способов решения, здесь активны интеллектуальные эмоции успеха/неудачи. После того как решатель попал в состояние «тупика», появляется состояние фрустрации. В момент нахождения функционального решения – эмоция предвосхищения и инсайт, после – эмоции связаны с реализацией функционального решения.

Исходя из этой идеи, нами были выдвинуты две гипотезы.

Гипотеза № 1: В инсайтных задачах в момент тупика присутствует состояние фрустрации.

Гипотеза № 2: Чем ярче выражено состояние фрустрации, тем ярче будет выражена эмоция инсайта после нахождения верного решения задачи.

В нашем исследовании приняли участие 30 чел. ($M=20,27$; $\sigma=0,89$), студенты разных учебных заведений. В ходе эксперимента испытуемым

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 15-06-07899, и гранта Президента РФ МК-3877.2015.6.

было необходимо решать инсайтные и алгоритмизированные задачи (по 4 задачи от каждого вида), оценивая свои шансы на успешное решение на разных этапах эксперимента (сразу после прочтения задачи, до момента взятия подсказки (т. е. в момент «тупика») и после решения задачи). Таким образом, независимыми переменными у нас были инсайтные и алгоритмизированные задачи. Зависимыми переменными были оценки успешности своего решения по 10-балльной шкале на всех выделенных нами этапах решения (от 1 – «не решаю точно» до 10 – «задача легкая, точно решаю»); оценки после решения задачи по критериям внезапности решения, неожиданности, эмоциональности решения (также по 10-балльной шкале – «сложная–легкая задача», «внезапное–поэтапное решение», «неожиданное–ожидаемое решение»). Данные были обработаны с помощью двухфакторного дисперсионного анализа (ANOVA), коэффициента корреляции Спирмена, Т-критерия Вилкоксона.

По данным дисперсионного анализа, было получено, что фактор задачи ($F(1,120)=27,18, p<0,001, \eta_p^2=0,056$) и фактор оценок сложности задачи до и после решения ($F(1,120)=27,18, p<0,001, \eta_p^2=0,053$) по отдельности значимы, однако их взаимодействия не было обнаружено, что может говорить о том, что эти два типа задач были качественно разными для испытуемых ($F(1,120)=0,056, p=0,813, \eta_p^2=0,0001$).

Были обнаружены качественные различия в оценках до решения и «в тупике» (т. е. до подсказки) ($T(70)=291, p<0,001$) и «в тупике» и после решения ($T(76)=177, p<0,001$) в инсайтных задачах; также оценки до подсказки оказались более низкими, по сравнению с оценками до и после решения. Этот факт подтверждает нашу гипотезу о том, что в инсайтных задачах в момент тупика есть состояние фрустрации. Состояние фрустрации в качестве эмоции неуспеха может выполнять регулирующую функцию в решении задач. В начале решения инсайтной задачи испытуемый пытается действовать по определенному шаблону и для этого ему необходимо постоянно осознанно контролировать и отслеживать свои действия. Как только наступает состояние тупика, человек испытывает фрустрацию, которая указывает ему, что он решает неверным способом. Решатель уже не может осознанно полностью отслеживать ход решения, как, например, в алгоритмизированных задачах, поскольку он испытывает сильные негативные эмоции. С этого момента, возможно, главную роль в последующем решении задачи играет эмоциональный контроль, т. е. контроль, опирающийся на те эмоции, которые испытывает испытуемый при дальнейшем генерировании попыток в решении задачи. Эмоциональный контроль в таком случае направлен на то, чтобы решатель нашел верное «направление» в решении задачи.

В алгоритмизированных задачах не выявлено значимых различий между оценками задачи до решения и в «тупике» ($T(20)=64,5, p=0,131$), в «тупике» и после решения ($T(28)=145, p=0,187$). Возможно, это бы-

ло вызвано тем, что решатель действовал по определенному алгоритму решения, который успешно сработал практически с первого раза.

Была обнаружена обратная корреляция неожиданности решения с оценками задачи в «тупике» ($r_s(89) = -0,301$, $p = 0,004$) и после решения ($r_s(120) = -0,234$, $p = 0,01$) в инсайтных задачах. Мы не обнаружили значимой корреляции между оценкой задачи «в тупике» и эмоциональностью ($r_s(119) = -0,634$; $p = 0,448$). Эти данные опровергают нашу вторую гипотезу. Возможно, несмотря на эмоциональный контроль решения в стадии инкубации, решатель после нахождения функционального решения может перейти к осознанному контролю своих действий и решить задачу как алгоритмизированную.

Таким образом, можно заключить, что в момент тупика в инсайтных задачах выражено состояние фрустрации, и оно оказывает существенное влияние на ход решения задачи. Наша первая гипотеза подтвердилась. В то же время наша вторая гипотеза, согласно которой чем сильнее выражено состояние фрустрации, тем более выражена эмоция инсайта, не подтвердилась.

Литература

- Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К. Эмоции и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Люсин Д. В. Влияние эмоций на креативность // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 372–389.
- Нюттен Ж. Препятствие и фрустрация // Общая психология. Тексты. В 3 т. Т. 2. Субъект деятельности. Кн. 1. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 561–564.
- Isen A. M., Daubman K. A., Nowicki G. P. Positive affect facilitates creative problem solving // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. V. 52. № 6. P. 1122–1131.
- Kaufmann G., Vosburg S. K. «Paradoxical» mood effects on creative problem-solving // Cognition and Emotion. 1997. V. 11. № 2. P. 151–170.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК РЕАЛЬНОГО СУБЪЕКТА В СИТУАЦИИ ПРИНЯТИЯ ГРУППОВЫХ МОРАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

В. А. Заикин (Москва)

Одной из основных проблем практического приложения когнитивного и эволюционного подходов к исследованию морального функционирования групп является их абсолютная центрированность на индивидуальном, причем изолированном субъекте. Для любой науки о человеке такая выхоленная позиция недопустима и может критически ска-

заться на эмпирических фактах, получаемых на ее основе (Андреева, 2005). Но, какими бы острыми ни были критические замечания в адрес когнитивного подхода, следует помнить, что именно в его рамках была разработана самая распространенная и валидная методика оценки уровня развития индивидуального морального сознания – тест моральных дилемм Л. Колберга (Lapsley, 1996).

В своей работе Дж. Хайдт (J. Haidt) намечает основные предпосылки для переоценки модели субъекта, указывая на противоречия между когнитивным подходом и исследованиями социальных эффектов и группового влияния, которые предпринимались в рамках социальной психологии (Haidt, 2007). Однако Дж. Хайдт (J. Haidt) не делает значимых выводов по данному вопросу, и нам представляется важным обобщить эти данные с целью их эмпирической проверки.

Одну из попыток определить, с каким же субъектом мы имеем дело в социальных науках, предложил отечественный экономист А. Аузан. С его точки зрения, человек обладает множеством черт и особенностей, не позволяющих ему соответствовать тем требованиям, которые предъявляют к нему общество и экономические законы нормативного поведения (Аузан, 2011). Рассмотрим значимые для нашего исследования черты реального субъекта.

Первой чертой субъекта является его ограниченная рациональность. В когнитивном подходе к морали субъект, напротив, представляется абсолютно рациональным. Так, исследователи данного направления считают, что, если человек, находящийся на более низкой стадии морального развития, выслушает все доводы и рациональные аргументы, он переосмыслит основания своих моральных суждений, и его уровень морального развития повысится. Заметим, что данное утверждение может быть критически переосмыслено с позиций психологии социального познания. Из основных положений данной области социальной психологии хорошо известно, что человек не может быть абсолютно рациональным. Наибольшую погрешность в процесс социального познания вносит влияние социального контекста и группы (Андреева, 2005).

Второй чертой реального субъекта является склонность к оппортунизму. В когнитивном подходе утверждается, что человек не может регрессировать от более высокой стадии морального сознания к более низкой. Однако в социальной психологии существуют примеры, когда групповое решение оказывало значимое влияние на характер индивидуального решения и при этом как повышало его качество, так и, наоборот, снижало его (Зимбардо, 2011). Однако, как правило, изучение этих фактов не затрагивало моральных решений группы, а также их влияния на индивидуальный уровень морального функционирования субъекта.

Третьей чертой является пассивность реального субъекта. В когнитивном подходе к моральному функционированию утверждается,

что человек направлен на поиск новой информации с целью повышения уровня своего морального сознания и формулировку всеобщих принципов нравственности. Однако в психологии социального познания существует противоположенный этому тезис. Г. М. Андреева приводит обобщенный анализ мета-исследования К. Гергена на эту тему. Он проанализировал основные стратегии познавательной активности субъектов, описанные в литературе, и провел ряд собственных исследований, в результате чего делает вывод о том, что люди вообще не склонны к поиску новых данных, а, скорее, стремятся к подтверждению своих исходных убеждений. Особенно выделяется тип «когнитивный скряга», который вообще не склонен к познавательной активности после того, как его представления достигли когнитивного баланса (Андреева, 2005).

Выдвинутые выше характеристики субъекта не претендуют на опровержение существующих взглядов или концепций в психологии морали. Но мы считаем, что они свидетельствуют о возможности альтернативных подходов к моделированию и интерпретации реального поведения субъекта, тем более что собственно групповое решение моральных дилемм слишком редко становилось предметом социально-психологических исследований. В целом, данные характеристики субъекта не являются принципиальным нововведением для социальной психологии, они имплицитно представлены во многих социально-психологических концепциях, и наша цель – это акцентировать на них внимание как на возможных интерпретациях и объяснительных механизмах поведения человека.

Цель исследования: изучить феноменологию процесса принятия группового морального решения, поведение индивидуальных субъектов в контексте группы.

Объект исследования: моральное сознание, моральные суждения и решения.

Предмет исследования: процесс принятия группового морального решения.

Выборку основной части исследования составили 86 чел., которые были разделены на шесть групп. В выборке основной части исследования было 35% мужчин и 65% женщин, возраст респондентов находился в диапазоне от 18 до 24 лет, средний возраст респондентов составил 21,9 года. Как мы видим, выборка в достаточной степени уравнена по полу, средний возраст респондентов соответствует цели исследования и методикам сбора эмпирических данных. Экспериментальные и контрольные группы также уравнены между собой по возрасту, полу и количеству респондентов.

Гипотеза исследования: поведение субъекта в рамках групповой дискуссии более согласуется с реальной моделью субъекта, чем с моделью, предложенной в рамках когнитивного подхода.

Результаты процесса принятия группового морального решения были крайне интересны и неоднозначны. В группах 1, 2, 5 и 6 было достигнуто единое групповое моральное решение, соответствующее третьему уровню развития морального сознания, что можно оценить по структурным элементам решения: *Хайнц должен украсть лекарство, только если любит свою жену, и не должен понести наказание за этот поступок.* Группы 3 и 4 не смогли принять единое групповое моральное решение, поскольку активные участники группы отстаивали решение, соответствующее второму уровню развития морального сознания: *Хайнц не должен украсть лекарство, поскольку это ему навредит, и каждый должен заботиться о своем благополучии, не нарушая закон.*

Ограниченная рациональность проявлялась в том, что участники более низких уровней не могли в полной мере ориентироваться в аргументах и позициях участников более высокого уровня. В целом их познавательная активность была направлена на сохранение баланса, а не на поиск новой информации. В совокупности с феноменом моральной регрессии данная характеристика подтверждает, что моральное сознание не является исключительно когнитивной структурой.

Характеристика склонности к оппортунизму проявила себя в том, что участники более высокого уровня с удивительной легкостью отказывались от своих аргументов при принятии группового решения. Причины этого могли быть различны: одним было важно сохранить отношения в группе, другим повысить свой статус. Но подобное положение вещей явно противоречит когнитивным теориям морали и позволяет с уверенностью сказать, что ситуация может быть значимым фактором, влияющим на уровень развития морального сознания и его проявления.

Характеристика пассивности проявилась в том, что участники дискуссии были не склонны искать дополнительные причины и основания своей позиции. Их удовлетворял более доступный, а не более верный тип аргументации. Несмотря на то, что дискуссии протекали достаточно оживленно, участники очень редко выделяли в аргументах позицию оппонента, критически оценивали ее и возвращали суждения более высокого уровня, тем самым повышая когнитивную сложность суждений.

Таким образом, основой интерпретации поведения и суждений субъекта в ситуации принятия группового морального решения могут быть такие характеристики, как ограниченная рациональность, склонность к оппортунизму и пассивность. Данные характеристики проявляют себя только на групповом уровне взаимодействия субъекта и позволяют более точно описывать групповые процессы и моделировать поведение людей на групповом уровне принятия моральных решений.

Безусловно, предложенные нами интерпретации могут быть специфичными для нашей выборки и дизайна исследования, но этот и многие другие вопросы должны найти свое продолжение в нашей исследовательской работе в дальнейшем.

Литература

- Андреева Г. М. Психология социального познания. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2005.
- Аузан А. Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория. М.: Инфра-М, 2011.
- Зимбардо Ф., Ляйне М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2011.
- Haidt J. The New Synthesis in Moral Psychology // Science. 18 May 2007. V. 316. № 5827. P. 998–1002.
- Lapsley D. K. Moral psychology. Boulder, CO: Westview Press, 1996.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЛА, ПОТЕНЦИАЛЬНО КОМПРОМЕТИРУЮЩИХ ИНФОРМАЦИОННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА

Ю. С. Зарубин (Калининград)

Можно предположить, что постоянно возрастающая сложность информационных систем в современном мире должна приводить к повышению требований к профессиональным навыкам как компьютерных преступников, так и специалистов в области информационной безопасности, углублению их специализации и разделению труда, возникновению профессиональных групп как с одной, так и с другой стороны. Но сейчас мы можем наблюдать картину, когда ведущие компании в сфере обеспечения компьютерной безопасности заявляют о том, что на данный момент, наоборот, снижается уровень технических знаний и навыков злоумышленников, специализирующихся на информационных преступлениях (Zecurion, 2013). Эта тенденция наблюдается на фоне увеличения доли атак, направленных не на техническую инфраструктуру, а на использование человеческого фактора. С другой стороны, можно отметить рост доли целенаправленных нападений на различные организации, связанный со стремительным развитием информационных технологий, их внедрением и монетизацией и, соответственно, повышением потенциального ущерба от осуществления успешного промышленного шпионажа или диверсии (Zecurion, 2015).

Цель данного исследования: выявить наличие или отсутствие факторов уязвимости у сотрудников организации при имитации таргетированной атаки и предложить методы противодействия ей.

Гипотеза исследования: психологические особенности пользователей как субъектов деятельности, а именно: склонность к азартным играм, употреблению алкоголя, наличие выраженных стереотипов и предрассудков (этнических, гендерных, политических, классовых),

а также конфликтность и алчность могут выступать факторами уязвимости информационных систем и актива организации в целом.

Аудит информационной безопасности проводился в двух калининградских группах компаний, основным видом деятельности которых является разработка и внедрение программно-технических решений и информационных услуг, а также имеющих в своей организационной структуре федеральные и международные филиалы. Наличие последних, с точки зрения злоумышленника, значительно упрощает осуществление таргетированной кибератаки на предприятие за счет растянутости линий связи и наличия малознакомого персонала в различных, разнесенных локально офисах организации. Таким образом, выборку составили 82 сотрудника компании «Один» и 39 сотрудников компании «Локи». Весь постоянный персонал обеих компаний (подпадающий под скрининг) имеет высшее образование и находится в возрастном диапазоне от 22 до 45 лет, что, вероятно, обусловлено деятельностью компаний.

В ходе текущего эксперимента мы проанализировали порталы исследуемых компаний и выявили ключевой персонал организации. Это в значительной степени было упрощено в обоих случаях самими организациями, содержащими список контактов ключевого персонала на своих корпоративных порталах. На следующем этапе мы выделили аккаунты выявленных пользователей в социальной сети «ВКонтакте».

Последующий этап представлял собой выявление единиц контент-анализа, применяемого нами для изучения продуктов деятельности сотрудников организаций, а именно: фотографий, рисунков, собственных записей, а также материалов, отмеченных и выделенных пользователями из множества других. На этом этапе было необходимо учитывать смену воспринимающего лица, действующего лица или категории. С учетом всего вышеописанного нами были определены тематические категории и подкатегории, выступившие единицами счета. Дальнейшая обработка полученных данных проводилась методом факторного анализа при помощи специализированного статистического программного обеспечения.

Единицами контент-анализа стали: темы сообщений, фотографии, репосты сообщений аффилированных и публичных лиц, видео- и аудиозаписи, созданные пользователем в различных социальных сетях, на форумах и в иных сообществах.

Единицы счета представляют собой тематические категории, обобщенные по изучаемым по предмету нашего исследования, а именно: склонность к азартным играм; склонность к употреблению алкоголя; конфликтность, алчность; выраженные этнические, классовые, политические или гендерные стереотипы. В связи с тем, что при анализе социальных сетей достаточно трудно достоверно разделить изображение и текст, сохранив смысловое содержание сообщения, мы обозначили

за единицу частоту возникновения категории как продукта деятельности индивида.

В результате первого этапа контент-анализа нами было выявлено 77599 тематических сообщений, из них 27106 сообщений в виде фотографий и 50629 сообщений в виде записей в аккаунтах социальной сети «ВКонтакте». Подавляющая часть из них представляют собой сообщения, скопированные на «стену» своего аккаунта чужие сообщения – «репосты». Исключение составляет тематическая подкатегория «Гендер» во второй выборке, представленной сотрудниками группы компаний «Локи». Эта картина объясняется наличием выраженных гендерных стереотипов у нескольких сотрудников, которые суммарно образуют данный показатель.

В результате факторного анализа подкатегорий наблюдения персонала группы компаний «Один» методом главных компонент было выявлено четыре агрегированных фактора, описывающие 42,29%, 59,71%, 74,07%, 85,94% выборки соответственно. Первый фактор в три раза превышает порог выделения компонента, остальные три имеют значение, близкое к пороговому. Первый и наиболее выраженный фактор включает в себя тематическую категорию «алчность» целиком. Полагаем, что именно так его и возможно определить. Второй фактор можно определить как комплексные «классово-этнические стереотипы», «политические стереотипы» и «гендерные стереотипы», однако вес последних трех указанных факторов не столь велик.

Для того чтобы было возможно проведение факторного анализа, нами были исключены подкатегории с нулевой дисперсией. После чего был выявлен единственный значимый компонент, описывающий 83,78% дисперсии.

Этот фактор влияет на две из трех подкатегорий, связанных со склонностью к употреблению алкоголя (собственные фотографии и мотивирующие картинки), выделение (репост) записей, связанных с этническими, классовыми и гендерными стереотипами, а также публикацию собственных суждений, содержащих политические предрассудки. Мы полагаем, что это сложный комплексный фактор и для его более точного определения требуются дальнейшие исследования.

В ходе эксперимента также были выявлены два тематических сообщения, соответствующие категориям «конфликтность», и дополнительный аккаунт одного из пользователей, предназначенный для участия в различных лотереях и иных призовых играх, что свидетельствует о выраженной склонности к азартным играм. При использовании номотетического подхода этот факт не имеет достаточного веса для влияния на результат эксперимента.

В двух из семи случаев углубленный анализ собственных сообщений сотрудников показал наличие выраженных стереотипов и предрассудков: гендерных, классовых и политических. В трех случаях можно

говорить о выраженности у пользователя категории «алчность» в той или иной мере.

Полученные, а затем уточненные данные позволили построить 13 уточненных персонализированных векторов атаки на сотрудников компаний, пользователей информационных систем.

В ходе экспериментального исследования методом структурного контент-анализа был обработан значительный объем данных, который в дальнейшем был распределен на тематические категории и подкатегории. Результаты были обработаны с помощью факторного анализа методом выделения главных компонент. Было выделено четыре компонента для данных сотрудников ГК «Один»: «склонность к употреблению алкоголя», «классово-этнические стереотипы», «политические стереотипы» и «гендерные стереотипы» – и один выраженный экономический компонент для персонала ГК «Локи».

Было составлено 13 (5 и 8 по организациям соответственно) уточненных векторов атаки. Мы полагаем, что необходимо проведение дальнейших исследований с фокусом на анализе непосредственно продуктов деятельности пользователей и более широком применении идеографического подхода.

Литература

Zecurion Analytics и Ассоциация российских банков: Информационная безопасность в российских банках 2013 // Zecurion. 2013. URL: http://www.zecurion.ru/upload/iblock/115/Zecurion_ARB_Banks_research_2013.pdf.

Zecurion Analytics: Отчет об утечках конфиденциальной информации в 2014 году // Zecurion. 2015. URL: http://www.zecurion.ru/upload/iblock/80e/Zecurion_Data_Leaks_2015_full.pdf.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМИДЖА г. ИРКУТСКА

Т. В. Зверева (Иркутск)

Исследования имиджа приобретают все большую актуальность в современной науке. В научной литературе довольно много внимания уделяется имиджу человека (в частности, в работах И. М. Кыштымовой, А. Ю. Панасюка). В настоящее время ряд ученых и исследователей (С. А. Киреева, К. А. Кузина и др.) обратили свое внимание на изучение таких вопросов, как имидж города, региона, страны, его влияние на социально-экономическое развитие в целом и на отдельные его составляющие. Однако представленные в научной литературе подходы неоднозначны, некоторые положения противоречат друг другу, отсутствуют строгие структурные модели имиджа, слабо изучена взаимосвязь

имиджа с динамикой психологических свойств человека. Все это делает проблему имиджа актуальной и значимой.

Проблема имиджа города носит междисциплинарный характер, находит свое отражение в психологии, социологии, философии. В данной статье представлены результаты анализ имиджа города (на примере г. Иркутска), с позиции особенностей психосемантики. Семантический подход к анализу имиджа ранее использовался в работах И. М. Кыштымовой (Кыштымова, 2006).

Под имиджем мы понимаем мнение, впечатление об объекте, обладающее чертами стереотипности и характерное для группы людей (Кыштымова, 2006). Исследование имиджа г. Иркутска у студенческой молодежи важно в связи с усилением трудовой миграции получившей образование молодежи. Мы предполагаем, что выявление имиджевой семантики города может помочь пониманию процессов профессионального самоопределения молодежи в пространственном дискурсе.

Целью исследования является выявление семантических особенностей имиджа города, *объектом* – имидж города, *предметом* – семантические особенности имиджа г. Иркутска. Гипотетическое предположение, верифицируемое в процессе исследования: «особенности имиджа города проявляются в его семантической структуре».

В качестве метода исследования особенностей семантики образа города определен классический вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда (Серкин, 2008). Слабо осознаваемая оценка индексируемого в процессе диагностики объекта позволяет выявить глубинные оценочные категории как структурные составляющие имиджа оцениваемого стимула.

Исследование проводилось в феврале 2015 г. среди студентов 1–3 курсов университета. Опрошено 94 студента, им предлагалось оценить 4 стимула: «г. Иркутск», «город, в котором я хочу жить и работать», «город, в котором я ни за что не хочу жить и работать», «моя будущая работа».

Обработка результатов проводилась с применением факторного анализа, который позволил выделить комплексные факторы, наиболее полно объясняющие имеющиеся особенности имиджа города. В результате было выявлено, что 70,12% дисперсии объясняются 4 факторами.

Первый фактор объясняет 44,24% дисперсии и включает шкалы (в порядке убывания факторной нагрузки): плохой/хороший (– 0,911), противный/приятный (– 0,901), свежий/гнилой (0,878), глупый/умный (– 0,870), жизнерадостный/унылый (0,869), любимый/ненавистный (0,868), злой/добрый (– 0,863), слабый/сильный (– 0,862), чистый/грязный (0,873), темный/светлый (– 0,831), радостный/печальный (0,831), активный/пассивный (0,773), родной/чужой (0,750).

Отношение к выделенным стимулам характеризуется такими понятиями, как: хороший, приятный, свежий, умный, жизнерадостный,

любимый, добрый, сильный, чистый, светлый, радостный, активный, родной, что позволяет первый фактор обозначить как фактор «любовь».

Второй выделенный фактор объясняет 12,58% дисперсии, состоит из следующих шкал семантического дифференциала: простой/сложный (0,822), расслабленный/напряженный (0,727), мягкий/твердый (0,662). Общая тенденция в оценке по представленным шкалам выражена в ориентации на простоту, расслабленность и мягкость, поэтому данный фактор обозначим как фактор «расслабленности».

Третий фактор определяет 8,75% дисперсии и включает следующие шкалы: большой/маленький (0,731), дорогой/дешевый (0,652), быстрый/медленный (0,611). Данный фактор характеризуется понятиями дорогой, большой, быстрый, обозначим его как фактор «величины».

Четвертый из выделенных факторов объясняет 4,62% дисперсии, состоит из 2 шкал, назовем его фактор «хаотичности»: влажный/сухой (0,657), хаотичный/упорядоченный (0,560).

Таким образом, исследование показало, что имиджевая оценка студенческой молодежью города производится, прежде всего, по критериям соответствия факторам любви, расслабленности, величины и хаотичности. Т.е. выбор будущего места проживания, отношение к нему, выбор будущей работы обусловлен, в первую очередь, тем, насколько комфортные ощущения и приятные чувства они вызывают, затем имеет значение размер города и порядок. Молодежь, в первую очередь, руководствуется чувствами, эмоциями, внутренними ощущениями (любовь, расслабленность), и только после подключаются рациональные характеристики, такие как размер, масштабы, логика (упорядоченность/хаотичность). Полученные выводы согласуются и с теоретическими положениями о том, что образ какого-либо объекта воспринимается в большей мере чувствами, ощущениями, нежели осмысливается и осознается (Панасюк, 2001).

Среди предложенных для оценки стимулов только один является реально существующим объектом («г. Иркутск»), а три других – это воображаемые образы. Для проверки эмпирической гипотезы о наличии семантических особенностей оцениваемых объектов сформулирована статистическая гипотеза (H_0) о сходстве между выборками (сравнивались 4 выборки: каждая соответствует одному из предложенных стимулов). Проверка гипотезы (H_0) была проведена по всем 25 шкалам семантического дифференциала и по 4 факторам. Статистический анализ показал (определение критерия Краскала – Уоллиса), что по всем факторам и шкалам, кроме шкалы «простота/сложность», нулевая гипотеза отклоняется, подтверждается альтернативная гипотеза (H_1 – о различии), что говорит о различии показателей, и это различие статистически значимо ($p=0,05$). Полученные данные свидетельствуют о том, что выдвинутая эмпирическая гипотеза «особенности имиджа города проявляются в его семантической структуре» – подтверждается.

Следует отметить, что в отношении реального объекта (г. Иркутск) средние значения по шкалам и факторам изменяются в меньшем диапазоне (от -1,170 до 1,117) и в некоторых случаях близки к нулю, тогда как средние значения в отношении вымышленных объектов колеблются в диапазоне от -2,426 до 2,436. Эти данные иллюстрируют, что студенческая молодежь в отношении вымышленных объектов обладает более определенными и четкими представлениями, тогда как о реальном объекте она не может дать столь же однозначных и определенных оценок.

Для проверки гипотезы о сходстве семантики выделенных стимулов у мужчин и женщин была выдвинута статистическая гипотеза (H_0) об отсутствии различий между выборками. В результате определения критерия U Манна-Уитни для независимых выборок выявили, что гипотеза (H_0) принимается по всем факторам и шкалам, кроме двух шкал: «дорогой/дешевый» и «жизнерадостный/унылый». Гендерные различия по данным шкалам заключаются в том, что мужчины склонны оценивать все предложенные стимулы как менее дорогие (среднее значение по шкале - 0,728 против 1,171 у женщин), тогда как женщины воспринимают указанные стимулы более жизнерадостно, по сравнению с мужчинами (0,867 против 0,478). Это можно считать проявлением рациональности, присущей мужчинам в целом, и эмоциональности, свойственной женщинам.

Основные выводы

1. Имиджевая оценка городов (реальных и воображаемых) определяется в значительной степени факторами любви, расслабленности, величины и хаотичности.
2. Описание имиджевых характеристик реально существующего города значимо отличается от описания имиджевых характеристик вымышленных объектов, при этом наблюдается стремление к сближению реального объекта с желаемым вымышленным (в данном исследовании г. Иркутск и город-мечта), особенно по эмоционально окрашенному фактору «любовь».
3. В отношении реального объекта суждения не столь определенны и четки, тогда как воображаемые объекты оцениваются более категорично и однозначно.
4. Значимых гендерных различий в оценке предложенных стимулов не обнаружено, выявленные различия объясняются естественными различиями в восприятии мира мужчинами и женщинами.
5. Восприятие каждого из предложенных стимулов обладает особенностями, проявляющимися в семантических свойствах его структуры.

Литература

Киреева С. А., Кузина К. А. Имидж региона: теоретический аспект // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2007. № 1 (36). С. 233–235.

Кыштымова И. М. Индивидуальный образ: введение в психосемиотику имиджа: Монография. Иркутск: ИГУ, 2006.

Панасюк А. Ю. Вам нужен имиджмейкер? Или о том, как создавать свой имидж. М.: Дело, 2001.

Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: Учеб. пособ. для вузов. М.: Пчела, 2008.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ И РАБОТАЮЩИХ ВЗРОСЛЫХ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О БЛАГОПОЛУЧНОМ СТАРЕНИИ*

А. А. Зинина (Москва)

Сегодня российское общество переживает глубокие трансформационные преобразования, при которых именно социальная сфера оказывается наиболее уязвимой (Емельянова, 2006). Характерное для России и мира увеличение численности старшего населения вкупе с растущим межпоколенческим разрывом обуславливают ряд социальных проблем. Общество не проявляет должного внимания к престарелым людям (старше 75 лет). С каждым годом укореняется практика дискриминации по возрасту, называемая эйджизмом. Подобную тенденцию подкрепляет характерное для современного общества пуэрилистическое сознание, при котором молодость становится социально престижной характеристикой, а старость воспринимается исключительно как время утрат и угасания (Петрова, 2008). Можно сказать, что престарелые люди в настоящее время оцениваются как маргинальная группа (Смолюкин, 2004), а в менталитете всего населения, включая самих представителей «третьего» возраста, превалируют геронтофобные тенденции.

Подобное восприятие престарелого возраста в обществе наносит ущерб не только старикам, которые сами поддерживают право быть беспомощными и безынициативными (Пряхина, 2006), теряют самоуважение, не могут достичь психологического благополучия, но и всем остальным возрастным группам. Негативная общественная установка по отношению к старческому возрасту и неизбежное его наступление позволяют назвать старость парадоксальным экземпляром социальных представлений (Jesuino, 2014).

Цель нашего исследования состоит в изучении представлений о психологическом благополучии людей престарелого возраста. Мы предположили, что представители разных социальных групп (студенты и работающие взрослые) отличаются друг от друга выраженностью элементов социального представления (СП), а также такими социально-

---

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 14-06-00434).

психологическими особенностями, как психологическое благополучие и готовность к освоению возрастно-временных изменений. На основном этапе в исследовании приняли участие 125 чел.: студенты (средний возраст – 20,1 год; 41 девушек, 24 юноши), работающие взрослые (средний возраст – 40,3 года; 40 женщин, 20 мужчин). Среди опрошенных в студенческой группе 70,6% на момент исследования имели престарелых родственников, в группе работающих взрослых – 54,6%. В качестве методик использовались разработанный автором опросник для определения структуры СП, «Шкалы психологического благополучия» (К. Рифф в адаптации Т. Шевеленковой, П. П. Фесенко), опросник «Готовность к возрастным изменениям» (Н. С. Глуханюк, Н. С. Гершкович). Математическая обработка осуществлялась в программе «Statistica.10» с использованием коэффициента корреляции Спирмена и непараметрического критерия для несвязанных выборок Манна–Уитни.

Результаты. Для определения структуры СП подсчитывался математический коэффициент позитивных ответов, предложенный Ж.-К. Абриком. В двух группах в качестве ядерных элементов определяются следующие: «Психологически благополучный престарелый человек находится в гармонии с собой и с окружающим миром» (коэффициент Абрика в группе студентов (С.) – 83, в группе работающих взрослых (Р.В.) – 90), «Психологическое благополучие для престарелого человека ощущается через внимание и заботу со стороны родных и близких» (С. – 88, Р.В. – 82), «Гармоничность отношений престарелого человека с окружающим миром зависит от личности человека» (С. – 89, Р.В. – 85). Наименее выражен элемент «Большинство престарелых людей психологически благополучны» (С. – 16, Р.В. – 18). Вместе с этим студенты и работающие взрослые значительно отличаются по выраженности других элементов. Например, в студенческой группе высокий коэффициент Абрика определяется у элемента «Семья ответственна за психологическое благополучие престарелых людей» (С. – 90, Р.В. – 70), а у работающих взрослых – «Психологически благополучный престарелый человек имеет цель и смысл жизни» (С. – 63, Р.В. – 85). Также значимые ($p < 0,05$) различия определяются по элементу «Смыслообразующим занятием для престарелого человека является помощь семье (уход за внуками, помощь по дому)» (С. – 63, Р.В. – 51).

Различия между группами определяются не только в структуре СП, но и при анализе социально-психологических особенностей. Несмотря на то, что студенты и работающие взрослые в среднем достаточно благополучны (индекс общего психологического благополучия у С. – 357, у Р.В. – 366), можно отметить существенные ($p < 0,05$) различия по шкалам «Управление средой» (С. – 54, Р.В. – 59), «Самопринятие» (С. – 49, Р.В. – 57), «Осмысленность жизни» (С. – 90, Р.В. – 97) и «Баланс аффекта» (С. – 94, Р.В. – 82). В связи с этим можно отметить, что работающие взрослые сами выбирают и создают условия, удовлетворяющие

личностным потребностям и ценностям, принимают свое личностное многообразие, включающее как хорошие, так и плохие качества, поддерживают общее позитивное отношение к себе, а также имеют осмысленные цели в жизни. Студенты же в большей степени недовольны собой, обеспокоены некоторыми чертами собственной личности, по большей части не способны справляться с повседневными делами, воспринимают свое прошлое и настоящее как бессмысленное.

Сформированность готовности к освоению возрастно-временных изменений также по-разному представлена в исследуемых группах: в молодежной выборке 48% опрошенных имеют среднюю сформированность, у 38,5% совершенно не выражена готовность, и лишь 13,5% респондентов обладают хорошо развитой готовностью. У 77,1% респондентов старшей возрастной группы готовность представлена на среднем уровне, у 14,7% – на высоком и лишь у 8,2% – на низком.

Общая готовность к освоению возрастно-временных изменений раскрывается через уровни и компоненты. Так, в студенческой группе плохо сформирован когнитивный уровень (42% – низкий уровень), а аффективный и мотивационный имеют среднюю степень развитости (66% и 48,5%). У работающих взрослых также плохо выражен когнитивный уровень (52% – низкий) и средне – аффективный (68%). Однако старшая возрастная группа значимо ($p < 0,05$) отличается от студентов представленностью мотивационного уровня (34% – высокий, 52% – средний). Можно сказать, что обе группы плохо представляют будущие изменения, но стараются относиться к ним толерантно. Вместе с этим работающие взрослые активно ищут адаптационные стратегии, пытаются справиться с возрастом.

Анализируя представленность компонентов готовности, стоит отметить, что в двух группах практически не выражен социальный компонент (высокий уровень у 5% С. и 8% Р. В.). Обе группы не готовы к изменению характера отношений с окружающими, приобретению нового социального статуса. Кроме этого, обе группы плохо представляют личностно-психологические изменения (высокий уровень у 5% С. и 6% Р. В.). Важно отметить, что работающие взрослые значимо ($p < 0,05$) отличаются от студентов выраженностью физиологического компонента (высокий уровень у 13% Р. В. и 6% С.). Старшая возрастная группа хорошо представляет сопутствующие старости физиологические изменения, при этом именно молодежь обеспокоена потерей внешней привлекательности, сексуальности, физической подвижности.

Помимо различий между группами, в ходе исследования также были выявлены многочисленные корреляционные зависимости между элементами СП и социально-психологическими особенностями респондентов. Важно отметить, что выявленные закономерности опосредованы групповой принадлежностью респондентов.

Выводы

- СП о психологическом благополучии различны у студентов и работающих взрослых. Если представления первых сосредоточены вокруг личности и семьи престарелого человека, то вторые особое значение придают наличию целей в жизни.
- Старшая возрастная группа определяется как более благополучная. Группы значительно отличаются друг от друга представленностью разных шкал психологического благополучия.
- Респонденты плохо представляют будущие возрастные изменения. Вместе с этим работающие взрослые активно ищут адаптационные стратегии, пытаются справиться с возрастом, а молодежь обеспокоена потерей внешней привлекательности, что отражается в интолерантном отношении к старости.
- Представления о благополучном старении связаны с психологическим благополучием и с готовностью респондентов к освоению возрастнo-временных изменений, причем данная взаимосвязь опосредована включением в социальную группу.

Литература

- Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Петрова Т. А.* Динамика отношения к старости у молодежи в процессе практики межпоколенного взаимодействия: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2008.
- Пряхина С. Б.* Проблема эйджизма в современной России // Актуальные проблемы психологического знания: Сб. науч. тр. 2006. № 1. С. 95–121.
- Смолякин А. А.* Социокультурная динамика отношения к старости: Автореф. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004.
- Jesuino J. C.* Images of old age // Papers on Social Representations. 2014. V. 23. P. 15.1–15. 22.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ У НОНКОМБАТАНОВ, ПОБЫВАВШИХ В УСЛОВИЯХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

К. В. Иванова, Д. В. Гартфельдер (Чебоксары)

Исторические аспекты изучения проблемы посттравматического стресса указывают на то, что для описания комплекса симптомов, объединенных в современное понятие «посттравматическое стрессовое расстройство» (ПТСР), одним из первых был использован термин «травматический невроз», достаточно точно характеризующий этиологию

и характер данного состояния. Хотя изначально исследования преимущественно акцентировались на различных аспектах психики у военнослужащих, в дальнейшем выяснилось, что похожая симптоматика обнаруживаются и у других лиц, пострадавших в других ситуациях, близких по тяжести психогенного воздействия (Тарабрина, 1996). В частности, многие симптомы ПТСР можно выявить у участников боевых действий, не являющихся комбатантами: мирного населения и беженцев (Портнова, 2010). В последнем случае к числу стрессогенных факторов добавляются также трудности адаптации в новой культурной среде (Дмитриева, Положий, 2004).

Тем не менее, ПТСР предполагает достаточно четкий набор симптомов и хронологию их возникновения и проявления, тогда как во многих случаях за счет недавности произошедшего травматического события подобная клиническая картина не успевает сформироваться с точки зрения формальных показателей (Коханов, 2004). В связи с этим при изучении лиц, подвергшихся в недавнем прошлом психотравмирующему воздействию, на наш взгляд, более корректно придерживаться узкой трактовки понятия ПТСР как комплекса психологических посттравматических явлений, симптоматика которых отчасти схожа с ПТСР. Недостатком подобного подхода является невозможность разделения преморбидных и обусловленных вышеуказанным воздействием особенностей личности и реакций индивида (Дмитриева, Кекелидзе, Демонова, 2004). Психологическое посттравматическое явление в нашей работе будет пониматься как отсроченная реакция на травматический стресс.

Целью исследования стало определение гендерной специфики психологических посттравматических явлений у лиц, переживших психологическую травму.

Гипотеза исследования предполагала, что проявление психологических посттравматических явлений имеет место в повседневной деятельности, причем различия их форм обуславливаются в числе прочих и гендерным фактором.

В качестве *материала исследования* выступили 58 граждан юго-восточных областей Украины (32 женщины и 26 мужчин в возрасте от 25 до 45 лет, средний возраст – $35,2 \pm 6,7$ лет), покинувших постоянное место жительства в связи с напряженной социально-политической ситуацией в стране и на момент проведения исследования (август – октябрь 2014 г.) находившихся на территории Российской Федерации в неопределенном статусе.

В перечень экспериментально-психологических *методов исследования* вошли: клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний К. К. Яхина и Д. М. Менделевича; шкала оценки влияния травматического события ЮES-R М. Горовица; опросник травматического стресса для диагностики психологических последствий И. О. Котенева; опросник САН.

Математико-статистическая обработка данных проводилась при помощи Microsoft Office Excel 2003 со встроенным пакетом анализа данных и статистического пакета R 2.15.6 в базовой комплектации. Для оценки выраженности различий между выделенными подгруппами мужчин и женщин-испытуемых вычислялся двухвыборочный *t*-критерий Стьюдента для предварительно приведенных к нормальному распределению данных.

Результаты и их обсуждение. Результаты оценки невротических состояний по опроснику Яхина–Менделевича выявили наибольшую выраженность показателей испытуемых по шкалам тревоги ($M^- = 0,0481$), астении ($M^- = -0,6017$) и вегетативных нарушений ($M^- = -0,7756$). Наиболее выраженные отличия между мужчинами и женщинами наблюдались в отношении показателей тревоги ($M^-_{\text{м}} = 0,9946$, $M^-_{\text{ж}} = -0,7209$ соответственно; $t = 2,0056$; $p = 0,0497$) и вегетативных нарушений ($M^-_{\text{м}} = 0,2314$, $M^-_{\text{ж}} = -1,5938$; различия статистически незначимы).

Оценка влияния травматического события по опроснику IoES-R выявила преобладание показателей шкалы вторжения ($M^- = 50,45\%$) над шкалами избегания ($M^- = 47,31\%$) и возбуждения ($M^- = 38,38\%$). Показатели мужчин и женщин находились на сопоставимом уровне и не отличались более чем на 7%, статистически значимых различий выявлено не было.

Результаты, полученные с помощью опросника травматического стресса, продемонстрировали преобладание показателей базовых шкал сверхбдительности ($M^- = 3,0569$), нарушений памяти и внимания ($M^- = 2,8309$), оптимизма ($M^- = 2,8753$) при низких показателях шкал проблемы со сном ($M^- = 0,0388$) и притупления эмоций ($M^- = 1,0041$). Статистически значимые различия по полу наблюдаются в отношении показателей шкал агрессивности ($M^-_{\text{м}} = 3,0342$, $M^-_{\text{ж}} = 2,4216$; $t = 8,7738$; $p = 0,0000$) и приступов ярости ($M^-_{\text{м}} = 1,3715$, $M^-_{\text{ж}} = 0,9166$; $t = 3,0322$; $p = 0,0037$), а также по вспомогательной шкале лжи ($M^-_{\text{м}} = 8,5769$, $M^-_{\text{ж}} = 12,403$; $t = 5,3081$; $p = 0,0000$). Показатели интегральных шкал ПТСР и ОСР находились на уровне 121,4655 и 120,2759 соответственно; статистически значимых различий по полу выявлено не было.

Средние значения шкал по опроснику САН составили $M^-_{\text{с}} = 3,89$, $M^-_{\text{а}} = 4,21$ и $M^-_{\text{н}} = 3,98$ соответственно, при этом были отмечены статистически значимые различия по шкале самочувствия ($M^-_{\text{м}} = 3,41$, $M^-_{\text{ж}} = 4,29$; $t = 3,1393$; $p = 0,0027$).

На основании полученных результатов можно сделать выводы о том, что, несмотря на относительно благополучную внешнюю картину, у испытуемых выявлен выраженный уровень психофизиологического возбуждения, который может быть обусловлен воспоминаниями о пережитом психотравмирующем событии и сопровождается соответствующими проявлениями в аффективной сфере (ярость, тревожность и депрессия). При этом у женщин отмечается в целом более

выраженная интрапсихическая направленность, сопровождающаяся самоизоляцией, субдепрессивным состоянием, высоким риском злоупотребления ПАВ как способом ухода от реальности и нарушениями сна, тогда как для мужчин более характерны проявления тревожности на физиологическом уровне, формирование навязчивых состояний, снижение уровня функционирования познавательных процессов и эмоциональные переживания в форме чувства страха, неуверенности в себе, комплекса вины.

Исходя из вышеизложенного можно утверждать, что гендерный фактор влияет на психофизиологическое и эмоциональное состояние испытуемых. Следовательно, выдвинутая исследовательская гипотеза об обусловленности психологических посттравматических явлений и гендерным фактором может считаться доказанной. На основании выявленной специфики психологических посттравматических явлений у мужчин и женщин становится возможным разработка конкретных практических рекомендаций по работе с лицами, недавно пережившими психотравмирующую ситуацию, направленных на предотвращение возникновения негативных проявлений в долгосрочной перспективе и уменьшение влияния наличных негативных состояний и особенностей поведения на повседневное функционирование с целью более эффективной адаптации к новым условиям.

Литература

- Дмитриева Т. Б., Кекелидзе З. И., Демонова Д. П.* Психические расстройства, возникающие у беженцев и вынужденных переселенцев // Психиатрия чрезвычайных ситуаций: руководство для врачей / Под ред. Т. Б. Дмитриевой. М., 2004. Т. 2. С. 143–163.
- Дмитриева Т. Б., Положий Б. С.* Расстройства адаптации, обусловленные стрессом // Психиатрия чрезвычайных ситуаций: руководство для врачей / Под ред. Т. Б. Дмитриевой. М., 2004. Т. 1. С. 227–244.
- Коханов В. П.* Особенности психических реакций у населения, пострадавшего при чрезвычайных ситуациях мирного времени и в результате локального вооруженного конфликта // Психиатрия чрезвычайных ситуаций: руководство для врачей / Под ред. Т. Б. Дмитриевой. М., 2004. Т. 2. С. 164–189.
- Портнова А. А., Дерябина О. М., Сперанская О. И.* Острые психические нарушения у беженцев из зоны грузино-югоосетинского конфликта // Охрана психического здоровья в периоды социальных кризисов / Под ред. Т. Б. Дмитриевой. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2010. Вып. 5. С. 143–147.
- Тарабрина Н. В., Соколова Е. Д., Лазебная Е. О., Зеленова М. Е.* Посттравматическое стрессовое расстройство: психологические и клинические особенности, вопросы терапии // *Materia Medica*. 1996. № 1. С. 57–69.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ТЕОРИИ КРЕАТИВНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РЕГУЛЯЦИИ РЕШЕНИЙ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАЧ СТУДЕНТАМИ (НА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ВЫБОРКЕ)

А. М. Исмаилова (Баку, Азербайджан)

Все мы в повседневной жизни часто сталкиваемся с ситуациями неопределенности. Некоторые из нас вполне хорошо относятся к неопределенности, других же людей она беспокоит. Какие же личные качества стоят за различиями в отношении к неопределенности? Можно предположить, что люди с высоким уровнем креативности лучше справляются с неопределенностью и с выходом из сложных ситуаций. Получены данные о связи креативности с выбором личности на выборках лиц творческих профессий (Павлова, Корнилова, 2012). Нами в регуляции креативных решений (на материале *малых творческих задач*) выделены такие ее личностные составляющие, как отношение к неопределенности и имплицитные теории креативности.

Цель исследования: выявление связи толерантности к неопределенности с имплицитными теориями креативности, а также с успешностью решения малых творческих задач азербайджанскими студентами.

Гипотеза: имплицитные теории приращаемого интеллекта и развивающейся личности, интолерантность к неопределенности и имплицитные теории креативности связаны с продуктивными решениями малых творческих задач.

Методы

Участники исследования: 29 студентов Бакинского филиала Московского государственного университета. Возраст – $M=19,4$ лет, $SD=1,05$. Все участвовали в индивидуальном решении малой творческой задачи и тестировании психодиагностическими методиками.

Психодиагностические методики:

- 1) Опросник Баднера в апробации Т. Корниловой и М. Чумаковой (2014); толерантность и интолерантность к неопределенности (ТН и ИТН) – полюса одной шкалы. В апробации на русскоязычных выборках это разные шкалы.
- 2) Опросник имплицитных теорий креативности (КИТ). Разработан Е. М Павловой (2014) и включает шкалы ИТ: связывание креативности с «новизной», с использованием всего интеллектуально-личностного потенциала, с активностью – «деятельность», а также с «оригинальностью».

Применялась *творческая задача* из книги Эдварда де Боно «Латеральное мышление» про девушку, ростовщика и камушки.

Результаты

Всех испытуемых по личностным характеристикам разделили по 50-му процентилю на группы с высокими и низкими значениями – отдельно по каждой переменной. Далее сравнили качественные различия в решениях задачи между двумя группами.

У группы с высокой ИТН в ответах часто отмечалась агрессивная реакция и она была не мимолетной от безвыходности, как у испытуемых с низкой ИТН (например: «А может убить?»), а доминирующей идеей; и на ней делался акцент («Пусть выбьет этим камушком ему глаз»; «Как бы на ее месте поступила я, я бы вот ему в глаз бросила камень. Потом второй камень в другой глаз. Он ослепнет, и они подсунут ему другую дуру»). В этих примерах – ярко выраженная вербальная агрессивность.

Практически все испытуемые в группе с более низкой ИТН предлагали «честные» варианты решения. Особенно ярко это проявилось у 2-х студенток, которые вначале отказывались даже понимать, зачем хитрить, если можно вытащить камень и выйти замуж. Дальше они раз за разом возвращались к серии честных поступков, таких как доказать, что ростовщик обманул.

Можно сказать, что для интолерантных людей лучше негативный исход, чем неопределенность. Но негативный исход может быть связан с вредом себе или другому (последнее – при повышенной ИТН).

Среди тех, кто предложил использовать возможные подручные средства, такие как невысохший лак для ногтей, бриллиант, ноготь, зуб и т. д., больше лиц с высокой ИТН и всего один – с низкой.

Студентами с высокой ТН также высказывалась идея «убить ростовщика», которую можно трактовать как агрессивную, но они не сосредоточивались на ней, а просто выдавали ее как один из всевозможных вариантов выхода из ситуации. Среди испытуемых было больше студентов с низкой ТН, которые проявили желание «поступить честно», т. е. вытянуть камень и выйти замуж. Можно предположить, что таким образом они быстрее пытаются избавиться от неопределенности, а другая ситуация кажется им еще больше неопределенной. Почти все студенты с высокой ТН (кроме одного) предлагали использовать возможные подручные средства, такие как невысохший лак для ногтей, бриллиант, ноготь, зуб и т. д. В случае ИТН, наоборот, предложившие подручные средства относились к группе с высокой ИТН. Это вновь свидетельствует об автономности шкал ТН и ИТН.

Среди студентов больше тех, чей уровень «оригинальности» по опроснику КИТ высокий. Они предлагали интересные идеи, даже если они не приближали их к решению. Данная часть выборки гибко переходила с одного решения на другое. Только у группы с высокими значениями по КИТ были идеи, связанные с воображением и образ-

ным мышлением, такие как «Пусть вытащит черный и скажет, что это белый» (исп. Сш); «Камни все матовые, да? Свет не отражается? Она могла бы так его повернуть, чтобы свет падал так и он думал, что камень белый» (исп. Ю); «Скажет, что у нее СПИД, и ростовщик откажется» и т. д. (исп. Гус).

Все, кто предложил менять структуру камня, были из группы с высокой оригинальностью по КИТ. Они предлагали: обмазать камень мелом (исп. Кат.); заточить до белизны (исп. Ази.); перетереть (исп. Тбз); замазкой покрасить (исп. Гй); растворить белый лак для ногтей, чтобы ногти не покрасились, и покрасить черный камень в белый (исп. Рмз).

Испытуемые, которые связывали креативность с «оригинальностью», проявляли «инфантилизм» – отказ от взятия ответственности на себя. Они предлагали решения, в которых отец являлся сообщником либо помогал им. Это можно трактовать как перенос ответственности на «старшего». Проявившие инфантильность испытуемые, кроме одного, были из группы с высокими показателями ИТ «деятельности». Остается вспомнить, что в житейском представлении все творческие люди в душе немного дети.

По шкалам «новизны» и «деятельности» испытуемые оказались в одних и тех же группах. Многие из группы с высокими показателями хотели в своих решениях поступать честным образом, т. е. вытащить черный камень. Важно отметить, что поступить честно не было их единственным и устойчивым решением, оно было включено в множество других. Все, за исключением одного, кто пытался изменить структуру камня (например, изменить цвет, или разбить его, или посмотреть на отражение солнца на камне, в результате чего черный будет казаться белым, и т. д.), входят в группу с показателями высокой новизны. Эти идеи действительно носят креативный характер в ситуации неопределенности, они нестандартны.

Студенты, в ИТ которых проявлялся высокий уровень использования всего «интеллектуально-личностного потенциала», больше прибегали к честным решениям и хотели изменить структуру и свойства камня.

Выводы

Решение творческой задачи включает регуляцию со стороны личностных свойств, таких как толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности и имплицитным теориям креативности.

Литература

- Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 24–36.
- Павлова Е. М., Корнилова Т. В. Креативность и толерантность к неопределенности как предикторы актуализации эмоционального интеллекта

та в личностном выборе // Психологический журнал. 2012. Т. 33. №5. С. 39–49.

Павлова Е. М. ИмPLICITные теории и самооценка креативности в структуре самосознания личности // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. №4. С. 75–95.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПРАКТИКОЙ ВЫХОДА В ОСОЗНАННЫЕ СНОВИДЕНИЯ*

К. А. Казакова, Л. А. Дикая (Ростов-на-Дону)

Вопросы, затрагивающие такой феномен измененного состояния сознания, как осознанное сновидение (ОС), глубокими корнями уходят в историю человечества. ОС (англ. Lucid Dreaming), как одна из фундаментальных проблем психофизиологии, является измененным состоянием сознания, при котором человек осознает, что видит сон, и может, в той или иной мере, управлять его содержанием (Лаберж, 1996). Термин был введен голландским психиатром и писателем Фредериком ван Эденом (Eeden, 1913). Стивен Лаберж, психофизиолог, лидер в области исследования явления осознанного сновидения, впервые занялся его научным обоснованием (Лаберж, 1996).

На данный момент изучение данного явления, особенно после оформления его как научного факта (Лаберж, 1996), признается исследователями крайне важным и интересным (Гарфилд, 1996; Дублев, 2003), однако попыток раскрытия самой сущности данного состояния предпринято относительно немного. С нашей точки зрения, на сегодняшний день необходимо рассмотреть ОС неразрывно с личностью. Актуальность исследования связана со значимостью целостного изучения феномена для решения практических проблем, встающих перед современным миром.

Цель: исследование психофизиологических и психологических характеристик лиц, занимающихся практикой выхода в осознанные сновидения.

Объект: лица, использующие и не использующие на практике ОС. Эмпирическое исследование было разделено на несколько этапов. На первых этапах в качестве основной группы выступили лица, практикующие ОС (всего 22 чел., из них 12 мужчин и 10 женщин, в возрасте от 20 до 34 лет). В качестве сравнительной группы были привлечены лица, не занимающиеся практикой ОС (всего 24 чел., из них 16 мужчин и 8 женщин, в возрасте от 22 до 29 лет). На последующих этапах в ка-

* Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (проект № 25.2141.2014/К).

честве испытуемых выступили субъекты, практикующие выход в ОС в возрасте от 19 до 35 лет (24 мужчины и 10 женщин). Всего в исследовании приняло участие 80 чел., из которых 56 являются практиками ОС, а 24 не связаны с данным феноменом.

Предметом исследования являются психофизиологические и психологические характеристики лиц, занимающихся практикой выхода в осознанные сновидения.

Нами были выдвинуты следующие *гипотезы*.

1. Субъекты, практикующие (СПОС) и не практикующие осознанные сновидения (СНПОС), могут характеризоваться как схожими, так и специфическими психологическими и психофизиологическими особенностями.
2. У СПОС, по сравнению с СНПОС, взаимосвязи между психофизиологическими характеристиками более сильные и определяются спецификой практической деятельности вхождения в ОС.
3. Тип мышления, основанный на доминировании мозговых полушарий, может опосредовать выбор определенных техник вхождения в ОС.

Методы: 1. Анализ литературы; 2. Психологическое тестирование (Методика способность самоуправления Н. М. Пейсахова, Тест на уровень интуиции, Диагностика личностной креативности Е. Е. Туник, Тест Г. Ю. Айзенка на определение типа темперамента, Методика диагностики темперамента Я. Стреляу, Опросник выявления структуры темперамента В. М. Русалова, Методика «Диагностика мотивационной структуры личности» В. Э. Мильмана, Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, Методика «Выбор стороны» Е. Торренса); 3. Статистическая обработка данных (сравнительный анализ по t-критерию Стьюдента, корреляционный анализ по критерию Спирмена).

Полученные результаты. Статистически подтверждены все выдвинутые гипотезы ($p \leq 0,05$), вследствие чего нами были сформулированы следующие выводы.

1. Получены значимые различия ($p \leq 0,05$) между психологическими и психофизиологическими характеристиками у СПОС и СНПОС.

СПОС имеют менее выраженный уровень экстраверсии, по сравнению с СНПОС, и более высокий уровень нейротизма, по сравнению с контрольной группой. Уровень торможения со стороны нервных процессов выше, чем у СНПОС.

Также у СПОС выявлен высокий уровень предметной эргичности, что указывает на потребность к освоению предметного мира и жажду деятельности, что, с нашей точки зрения, является залогом к активности, направленной на приобретение осознанности во сне.

Уровень социального темпа у СПОС высокий и значительно отличается от представителей группы не практикующих ОС. Также у СПОС уро-

вень интуиции и любознательности более высокий, чем у представителей контрольной группы.

Значимые различия ($p \leq 0,05$) были получены между когнитивными особенностями у СПОС и СНПОС. СПОС имеют более высокий уровень организации системы самоуправления, что подтверждает способность к самоконтролю, который необходим для вызова ОС.

Что касается личностных особенностей, то представители разных типов мышления, практикующие ОС, имеют схожие эмоциональный (смешанный стенический) и мотивационный (регрессивный) профили. Однако представители разных типов мышления, практикующие ОС, имеют различия в ценностных ориентациях. Соответственно, нами был выявлен набор ценностных установок, из которых мы выделили самые основные: творческие, эстетические, саморазвивающие ценности и ценности дела. Потребность в самопознании подталкивает к раскрытию в себе новых способностей и их изучению, что, с нашей точки зрения, вызывает интерес к данному феномену.

2. Выявлены тесные достоверные взаимосвязи между следующими шкалами ($p \leq 0,05$): уровни экстраверсии и пластичности, уровни нейротизма и уравновешенности по силе, уровни нейротизма и социальной пластичности, уровни пластичности и темпа, уровни социальной эмоциональности и социальной пластичности, уровни эмоциональности и темпа, уровни эмоциональности и пластичности.

3. На основе зависимости определенного типа мышления от эффективности используемых техник вхождения в ОС, можно рекомендовать ту или иную технику представителям различных типов мышления (Казакова, 2013).

4. Опираясь на полученные данные, нами был составлен психологический портрет лиц, занимающихся практикой выхода в ОС. Прежде всего, стоит подчеркнуть интровертированную направленность и высокий уровень нейротизма. Это говорит об обращенности субъектов на самих себя и остроте ответных реакций. Высокая любознательность и воображение помогают творчески подходить к решению проблем, что, в свою очередь, является предпосылкой появления интереса к осознанности во сне. Высокий уровень самоконтроля помогает не только ориентироваться в повседневной жизни, но и приобретать и удерживать осознанность в ходе сновидения. Высокие интуитивные показатели помогают в концентрации на своих ощущениях. Можно говорить об особенностях познавательной мотивации и потребности в самосовершенствовании и раскрытии своего личностного потенциала лиц, практикующих ОС. Также нами была разработана классификация методов и условий для выхода в ОС (Казакова, 2013).

Получив определенные знания о субъектах, способных приобрести осознанность во сне, мы еще на один шаг приблизились к раскрытию сущности самого феномена осознанного сновидения. Данный путь,

на наш взгляд, направляет к самопознанию и раскрытию своего внутреннего потенциала, что напрямую ведет за собой как саморазвитие личности, так и рост научного знания о психике человека.

Литература

- Гарфилд П.* Творческое сновидение, М.: Изд-во Трансперсонального института. СПб: Евразия, 1996.
- Дублев А. К.* Курс осознанного сновидения // Школа осознанного сновидения. 2003.
- Казакова К. А.* Способы вхождения в осознанное сновидение у представителей различных типов мышления // Актуальные проблемы психологической теории и практики. Донецк: Донецкий национальный университет, 2013. С. 119–124.
- Лаберж С.* Осознанное сновидение. К.: София Ltd. М.: Из-во Трансперсонального института, 1996.
- Frederik van Eeden* THE BRIDE OF DREAMS New York and London 1913 & A STUDY OF DREAMS // Proceedings of the Society for Psychical Research. 1913. № 26.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ УГРОЗЕ И ОПАСНОСТИ У ЛИЦ СТУДЕНЧЕСКОГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА*

Н. Н. Казьмова, Ю. В. Быховец, М. М. Орлова (Москва)

Актуальным научным направлением исследований психологии последних лет стала проблема психологической безопасности (ПБ). Под ПБ понимают интегративную характеристику субъекта, отражающую степень удовлетворенности его базисной потребности в безопасности и определяемую по интенсивности переживания психологического благополучия/неблагополучия (Журавлев, Тарабрина, 2012). Эта развивающаяся область научного знания ставит вопросы, которые относятся к определению границ семантических полей используемых понятий.

Понятие «угроза» является одним из ключевых при рассмотрении концепции ПБ. Категории, составляющие семантическое поле конструкта ПБ, не всегда имеют четкое определение и часто используются как взаимозаменяемые. В частности, понятия угрозы и опасности, с одной стороны, могут подменяться понятием «тревожность», а с другой, сами часто используются как синонимы. Некоторые авторы предлагают рассматривать смежные понятия опасности, угрозы, рисков, ущерба и др. с точки зрения их иерархии. Угроза понимается как «потенциально возможное или реальное действие или явление, способное нанести

---

* Государственное задание ФАНО РФ № 0159-2015-0010.

моральный или материальный ущерб». В военной политологии все шире утверждается мнение, что угроза – это крайняя степень опасности (непосредственная опасность), а опасность есть возможная (потенциальная) угроза, в ограниченных масштабах (Гацко, 1997). Кроме того, подчеркивается персонифицированный, адресный характер угрозы. Опасность же носит гипотетический, часто безадресный характер, ее субъект и объект явно не выражены (там же).

Изучение имплицитных представлений людей об угрозе и опасности важно в связи с проблемой реальной и воспринимаемой (переживаемой) угрозы. Современные психологи все чаще обращаются к анализу имплицитных теорий как своеобразных систем миропонимания, лежащих в основе восприятия действительности, себя и других людей, интерпретации событий. Так, например, в исследовании переживания террористической угрозы показано, что для возникновения негативных переживаний угрозы необязательно наличие реальной угрозы в местах проживания. Восприятие опасности терактов, формируемое СМИ и другими средствами коммуникации, становится источником интенсивных негативных переживаний террористической угрозы (Быховец, Тарабина, 2013).

Разработка теоретической модели психологической безопасности должна включать в себя определение и сравнение имплицитных и эксплицитных концепций основных понятий. В данной работе представлены результаты первого из двух этапов исследования имплицитных представлений об угрозе и опасности. В задачи первого этапа входило: 1) разработка анкеты, позволяющей эмпирически зафиксировать представления респондентов об угрозе и опасности; 2) описание структуры семантических полей понятий «угроза» и «опасность».

Целью первого этапа исследования является определение основных признаков (дескрипторов) понятий «угроза» и «опасность». Для этого респондентам было предложено написать свои ассоциации, приходящие им на ум в связи с этими понятиями. Также им предлагалось ответить на несколько открытых вопросов об угрозах и опасностях в их жизни.

В исследовании приняли участие 59 чел. (50 женщин и 9 мужчин) в возрасте от 17 до 40 лет (средний возраст – 23,05 года).

Первый этап обработки данных показал, что семантические поля понятий угрозы и опасности пересекаются и накладываются друг на друга (Быховец, Казымова, 2015). В обыденном представлении людей эти понятия слабо дифференцируются и используются как синонимы. Полученные ассоциации были объединены в подгруппы: источники угрозы/опасности, характеристики, эмоциональные реакции, последствия, способы преодоления. Показано, что наиболее представленной группой ассоциаций к понятию угрозы является группа «Источники» (28% ответов), в которую вошли определения различных угрожающих ситуаций. Для понятия опасности эта категория представлена вдвое

меньше (14,09%). Категория «Характеристики» включает в себя слова, характеризующие угрозу или опасность (неопределенность, реальность, вероятность, тотальность и др.). Ее представленность составила 25% и 20,13% для угрозы и опасности соответственно.

На втором этапе обработки данных в анализ были включены не только свободные ассоциации респондентов, но и указанные ими в дополнительных вопросах анкеты примеры опасных/угрожающих ситуаций. Был получен список определения понятий «угроза» и «опасность», состоящий из 1244 ситуации самого разного рода.

В основу дальнейшего анализа данных была положена наиболее распространенная классификация угроз на антропогенные (А), природные (П) и техногенные (Т). Дополнительно к этим типам угроз мы выделили аутогенные (АУ), физиологические (Ф) и экзистенциальные (Э). В группу АУ были включены ситуации, в которых респонденты описывают различного рода собственное «опасное» поведение («гулять одной ночью», «несоблюдение правил ПДД», «ковырять розетку» и др.). В ответах такого типа респонденты видят свои собственные действия как причину дальнейших негативных последствий. В группу Ф входили ответы, когда источником угрозы выступают нарушения в организме человека (боль, тяжелая болезнь и пр.). К группе Э относились ответы, описывающие экзистенциальные категории (смерть, потеря близкого, зло и пр.). Таким образом, анализ ответов каждого респондента проводился как подсчет количества указанных им событий или ситуаций каждой из 6 категорий.

Результаты показали, что наиболее часто (32%) при определении понятия «угроза» и «опасность» респонденты давали ответы, относящиеся к антропогенной категории опасных/угрожающих ситуаций (А). Сюда относятся ситуации, так или иначе связанные с действиями людей (теракты, войны, насилие, маньяки, грабители, социальные процессы (финансовый кризис, моральное разложение и т. д.).

Далее категория антропогенных угроз/опасностей была разделена на 3 подкатегории: А1 – события, происходящие с крупных масштабах (на уровне государства); А2 – локальные ситуации, связанные с небольшими группами людей или одним человеком; А3 – события или ситуации, связанные с действиями людей, масштабность которых невозможно установить (например, насилие, причинение вреда). Наиболее частотной подкатегорией для определения «угрозы» являются события, происходящие в крупных масштабах. Т. е. респонденты сообщают о высокой тревоге в связи с массовыми трагическими событиями, происходящими в нашем обществе (теракты, войны и т. п.). Локальные ситуации, связанные с небольшими группами людей или одним человеком (А2), являются наиболее представленной подкатегорией ассоциаций на понятие опасности.

Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что современный человек видит в качестве основной угрозы своему

существованию другого человека. Представления о том, что другой человек является носителем разных по виду угроз и опасностей, погружает человека в состояние внутреннего конфликта. Человек становится личностью благодаря тому, что живет в обществе и взаимодействует с другими людьми. Одними из важных потребностей человека являются потребности в общении, социальных связях, внимании со стороны других людей и т. п. Внутренний конфликт порождает ситуация невозможности выбора между стремлением к взаимодействию с другими людьми и потребностью в самосохранении (избегании угрожающих ситуаций). Внутренние конфликты часто способствуют развитию тревоги и депрессии.

Второй по частоте категорией ответов для определения «угрозы» и «опасности» является категория природных ситуаций (П, 13,91%). Респонденты указывали различные стихийные бедствия, эпидемии, угрозы и опасности, исходящие от животных, экологические проблемы. Также часто респонденты указывали техногенные угрозы/опасности (Т, 12,14%). Последние три категории – АУ (6,11%), Ф (2,17%), Э (1,69%) – представлены в меньшей степени, но имеют свое особое значение и не могут быть отнесены к категориям, традиционно выделяемых в различных классификациях угроз и опасностей.

Следует отметить, что большое значение в ответах респондентов могут играть языковые клише. Так, в список угроз попадают устоявшиеся словосочетания типа «террористическая угроза», «угроза ядерного взрыва», «угроза войны» и т. п. Для списка опасностей такими клише могут быть «несоблюдение правил безопасности» (пожарной, технической, дорожного движения).

Литература

- Быховец Ю. В., Казымова Н. Н.* Исследование имплицитных представлений об угрозе и опасности // Психология психических состояний: Сборник материалов по итогам IX Международной зимней школы по психологии состояний. 26–27 февраля 2015. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. Вып. 5. С. 41–44.
- Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В.* Понятие угрозы: объективная и субъективная опасность // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. 2013. Т. 19. № 4.
- Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–21.
- Гацко М. О.* Соотношение понятий «угроза» и «опасность» // Обозреватель. 1997. № 7.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕЛЕСНОГО Я ПРИ НАРУШЕНИИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ*

Е. В. Каменецкая, Т. А. Ребеко (Москва)

В статье исследуется взаимосвязь между нарушением пищевого поведения (НПП) по типу переедания и когнитивно-личностными переменными. Приводятся результаты исследования женщин с помощью методик, позволяющих оценить взаимосвязь между нарушением пищевого поведения (по типу переедание), ПЗ/ПНЗ, отношением к своему телу и агрессивностью.

Биологические потребности с учетом индивидуального опыта и конкретных условий относятся к физиологическим потребностям. Именно к их числу относятся привычки, сформированные в процессе онтогенеза, стереотипные действия очень высокой степени прочности и автоматизации (Шостак, Лытаев, 1999). Пищевые привычки определяются традициями семьи и общества, религиозными представлениями, жизненным опытом, советами врачей, модой, экономическими и личностными причинами.

Под пищевым поведением понимается ценностное отношение человека к пище и к ее приему, стереотип питания в различных условиях, поведение, ориентированное на образ собственного тела, деятельность по формированию этого образа.

Пищевое поведение человека направлено на удовлетворение не только биологических и физиологических, но также психологических и социальных потребностей, таких как разрядка психоэмоционального напряжения; чувственное наслаждение, выступающее как самоцель; общение, когда еда связана с пребыванием в коллективе; поддержание определенных ритуалов или привычек (религиозные, национальные, семейные традиции); компенсация неудовлетворенных потребностей (потребность в общении, родительской заботе и т. д.); награда или поощрение за счет вкусовых качеств пищи; удовлетворение эстетической потребности (Савенков, 1985).

Стиль питания отражает эмоциональные потребности и душевное состояние человека. Ребенок впервые испытывает избавление от телесного дискомфорта во время грудного кормления; таким образом, удовлетворение голода обретает крепкую связь с ощущением комфорта и защищенности. Для ребенка ситуация насыщения эквивалентна ситуации «меня любят»; фактически чувство защищенности, связанное с насыщением, основано на этом тождестве (оральная чувствительность) (Александр, 2002).

Любой человек в процессе формирования Эго испытывает гнев и агрессию. Агрессия – это нормальное аффективное состояние, направленное на фрустрирующий внешний объект.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-28-00087.

Дж. Винер различает гнев и ярость. Гнев возникает, если фрустрированы желаемые цели (связанные с Эго). Ярость, в отличие от гнева, отщеплена от Эго и его защит. Ярость является результатом нарциссической раны. Ярость обходит Эго и идет прямо из Самости. Ярость угрожает самой сущности наших представлений о самих себе и связана с опытом аннигиляции (Wiener, 1998).

В эмоции ярости утрачивается связь с внешним миром и усиливается динамика самообвинения. Ребенок чувствует себя виноватым за переживание таких сильных и запрещенных эмоций. Нормальная эмоция гнева превращается в ненависть к себе и в самообвинение. И, как следствие, ребенок пытается искупить свои гневные эмоции путем формирования соответствующего комплекса поступков, призванных доказать всем, включая самого себя, что он действительно хороший и заслуживает любви, а еще, самое главное, что он не сердится. В последующем эта модель совладания с гневом, сформированная в детстве, переносится во взрослую жизнь.

Расстройства пищевого поведения – это комплексы симптомов, которые возникают из-за длительного воздействия поведенческих, эмоциональных, психологических, межличностных и социальных факторов (Вознесенская 1990; Вахмистров 2001; Минабутдинов 1996; Гаврилов 1998). В научной литературе обсуждаются разные гипотезы, объясняющие НПП. Например, имеются неоспоримые данные о том, что люди с нарушением пищевого поведения часто используют еду и контроль над едой как попытку компенсировать неосознаваемые негативные чувства и эмоции, как способ восстановить контакт со своей самостью.

В некотором роде, диеты, переедание и очищение могут использоваться либо как способ справиться с тяжелыми чувствами, либо как способ чувствовать контроль над собственной жизнью. Но, в конечном счете, такое поведение вредит эмоциональному и физическому здоровью человека, снижает его самоуважение и заменяет истинное чувство компетентности и способности самоконтроля (Аныкина, Ребеко, 2009).

Мы полагаем, что подавленная ярость (агрессия) может являться одной из причин нарушений пищевого поведения.

Наша *теоретическая гипотеза* состоит в предположении взаимосвязи между особенностями выражения агрессии, когнитивным стилем (ПЗ/ПНЗ) и репрезентацией своего тела.

Эмпирическая гипотеза исследования: хронически переедающие женщины имеют *фиксированный ПЗ или ПНЗ* когнитивный стиль, не могут конструктивно выражать свою агрессию и не имеют дифференцированной репрезентации своего телесного образа.

Наша задача состояла в том, чтобы найти операциональный инструмент, позволяющий оценить всю совокупность переменных – личностных и когнитивных, – участвующих в патогенезе НПП.

Целью настоящего исследования является изучение ПЗ/ПНЗ, агрессии и отношения к собственному телу у женщин с проблемами НПП (по типу переедания). Полученные результаты могут использоваться в психокоррекционной работе и в программах помощи женщинам, озбоченным снижением веса.

Объектом настоящего исследования являются женщины с избыточным весом, не страдающие органическими заболеваниями (не имеющие диагнозы, связанные с НПП), а также женщины с нормальной массой тела, обеспокоенные по поводу лишних килограммов.

Предметом исследования являются личностные особенности и психологические корреляты ПЗ/ПНЗ у женщин с проблемами переедания.

Участники исследования: 75 женщин, которые, по результатам предварительного опроса, высказывали недовольство по поводу собственного веса и систематически занимались его коррекцией.

В исследовании использовались следующие методики:

1. Опросник: «Мысли и паттерны поведения» для лиц, страдающих лишним весом.
2. Методика «Включенные фигуры» (Witkin, Oltman, Raskin, Karp, 1971), представляющая разновидность перцептивных тестов.
3. Опросник «Диагностика телесного Я».
4. Я-структурный тест Г. Аммона (ISTA).

В соответствии с целью исследования мы использовали только некоторые из шкал опросников.

Исследования проводились индивидуально. Полученные данные обрабатывались с помощью программы Statistica, версия 8.0.

Выводы. Мы выявили закономерности связей между стилевыми характеристиками, разными видами агрессии и репрезентацией тела в зависимости от параметра «Переедание».

Обобщая полученные результаты, можно сказать, что переедание сопряжено с недифференцированностью как разных видов агрессии, так и репрезентаций тела (Сам–Другой). Этот факт позволяет рассматривать переедание как личностную защиту, при которой происходит регресс в ранее инфантильное состояние. Тогда утрачивается различие между Я и Другой, между конструктивным способом преодоления фрустраций и яростью.

Литература

Аммон Г. Динамическая психиатрия. СПб., 1995.

Анькина А. В., Ребеко Т. А. Адаптация на русскоязычной выборке опросника «Мысли и паттерны поведения» М. Купер, Г. Тодда, Р. Вулрича // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 106–118.

Вахмистров А. В., Вознесенская Т. Г., Посохов С. И. Клиникопсихологический анализ нарушений пищевого поведения при ожирении // Жур-

нал Института неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2001. № 12. С. 19–24.

Каменецкая Е. В., Ребеко Т. А. Телесный образ Я у лиц с нарушением пищевого поведения // Вестник Костромского университета. 2014. № 4.

Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума.: Учеб. пособ. М.: Пер Сэ, 2002.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОДИТЕЛЕЙ И ПОДРОСТКОВ

В. В. Кикилашвили (Магнитогорск)

Одна из основных проблем, возникающая у подростков, – это проблема взаимоотношений с родителями. Даже в самых благополучных семьях в этот возрастной период возникают определенные сложности.

Многие ученые отечественной и зарубежной психологии обращались к данной теме исследования, среди них А. Адлер, А. Болдуин, Д. Баумринд, А. Я. Варга, А. И. Захаров, Ю. Гиппенрейтер, В. И. Гарбузов, А. С. Спиваковская, В. В. Столин, Р. Снайдер, Э. Г. Эйдемиллер и др.

Впервые проблемы родительского воспитания были исследованы А. Адлером, который описывал неблагоприятные ситуации детства, связанные с родительским воспитанием.

Д. Баумринд выделила четыре параметра изменения родительского поведения: 1) родительский контроль; 2) родительские требования, побуждающие к развитию у детей зрелости; 3) способы общения с детьми в ходе воспитательных воздействий: убеждения, обоснования и готовность выслушать аргументацию детей; 4) эмоциональная поддержка – выражение сочувствия, любви теплых отношений (Либин, 1999).

А. Я. Варга и В. В. Столин рассматривают четыре типа родительского отношения: принимающе-авторитарный; отвергающий с элементами инфантилизации и социальной инвалидизации; симбиотический и симбиотическо-авторитарный (Захаров, 2009).

В рамках данной проблемы нами было проведено эмпирическое исследование, направленное на изучение взаимоотношений родителей и подростков.

В качестве гипотез были выдвинуты следующие положения: 1) отношения отца с подростком строятся на принципах равенства и партнерства, а матери на основе требовательности и контроля; 2) подросток оценивает свои отношения с отцом как отношения сотрудничества, в то время как отношение матери воспринимается как контролирующее, которое проявляется в опеке, ограничениях; 3) существует связь между отношением требовательности родителя и личностными особенностями подростка.

Выборку исследования составили 90 чел. (30 матерей, 30 отцов и 30 подростков). Матери – в возрастном диапазоне от 30 до 35 лет, отцы – от 38 до 48 лет, подростки – от 12 до 14 лет.

Методики исследования: опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» (И. М. Марковская) (взрослый вариант), опросник «Взаимодействие родитель–ребенок» (подростковый вариант), опросник «Значимость другого человека» (В. Н. Куницына), опросник «Подростки о родителях» (Л. И. Вассерман, И. А. Горьковая, Е. Е. Ромицына), опросник «Стиль родительского воспитания» (Э. Г. Эйдемиллер и В. В. Юстицкис), 16-факторный опросник Р. Кеттелла, тест-опросник Р. Кеттелла для подростков (методика 14 PF).

Для статистического анализа результатов исследования применялся пакет статистических программ Excel 2007, SPSS 22. Были использованы методы, позволяющие вычислить меры общей статистики, непараметрический метод, используемый для сравнения двух выборок (U-критерий Манна–Уитни), выполнить корреляционный анализ (ранговая корреляция Спирмена).

Согласно полученным данным, матери оказывают определенное давление на ребенка, ожидают от детей высокого уровня ответственности, они очень требовательны по отношению к своему ребенку. Также выражено контролирующее поведение по отношению к ребенку, что может проявляться в опеке, навязчивости, ограничениях. Характер взаимодействия между матерью и ребенком отражается в различиях разногласий на воспитательную ситуацию в семье.

Воспитательная стратегия матери в глазах ребенка выглядит следующим образом: мать видится ему требовательной, ожидающей от него высокого уровня ответственности. Представления матери о себе как о последовательной и постоянной в своих требованиях, в применении наказаний и поощрений, оценивающей свои отношения с ребенком как отношения сотрудничества, в которых учитываются интересы, права и обязанности, не совпадают с мнением ребенка.

Описывая директивность своих матерей, подростки отмечают жесткий контроль с их стороны, тенденцию к легкому применению своей власти, основанной на амбициях и неприветствии при этом выражения собственного мнения. У отцов же доминирует уверенность в себе и отсутствие жесткости, авторитарности в отношениях с ребенком, что исключает воспитание посредством силового давления.

Подросток оценивает свои отношения с отцом как отношения сотрудничества, что позволяет предположить включенность подростка во взаимодействие с отцом, признание отцом прав и достоинств ребенка. Отношения между отцом и подростком строятся на принципах равенства и партнерства. Отец является авторитетным взрослым для подростка, отношения с отцом полностью удовлетворяют подростка. Представления отца о себе как о последовательном и постоянном

в своих требованиях, в своем отношении, в применении наказаний и поощрений, оценивающим свои отношения с подростком как отношения сотрудничества, в которых учитывались бы интересы, права и обязанности, совпадают с мнением ребенка.

При психологическом принятии родителями ребенка у отцов, по сравнению с матерями, доминирует отсутствие тенденции к лидерству, поскольку они стремятся достичь расположения и почитания их авторитета, не прибегая к силе, в отличие от матерей, которые в исключительных случаях позволяют себе авторитаризм в межличностных отношениях «ради блага» ребенка.

Матери крайне непоследовательны в проведении своих воспитательных мероприятий. Под непоследовательностью воспитательной практики со стороны матери подростки понимают резкую смену стиля воспитания от очень строгого к либеральному.

Также в нашем исследовании была рассмотрена значимость матери и сверстника. Для большинства подростков мать оказывается более значима в следующих категориях: «является для меня образцом, примером для подражания, люблю, чувствую близость, обеспечивает мое благополучие, чувствую от нее свою зависимость, влияет на мои решения и поведение, ее советам всегда следую». Многие подростки отмечали, что именно мать временами сильно давит на них. В то же время сверстник более значим в связи с тем, что всегда защищает и поддерживает, а также понимает, и ему всегда можно полностью довериться. Разной оказалась оценка влияния на нежелательное поведение испытуемых: так, в основном подростки считают, что именно под влиянием матери часто делают то, что не собирались. Таким образом, подросток отражает неуверенность, подчинение, зависимость от матери («Временами сильно давит на меня; под ее влиянием делаю то, что не собирался делать; обеспечивает мое благополучие»).

Сравнение стилей семейного воспитания матери и отца показало, что матери придерживаются таких стилей семейного воспитания, как гиперпротекция, чрезмерность требований-запретов, отцы, в свою очередь, стремятся к максимальному и некритическому удовлетворению любых потребностей ребенка, придерживаясь стилей семейного воспитания потворствование и недостаточность требований-запретов.

В целях более детального изучения заявленной нами проблемы, нами получены данные о личностных особенностях матерей, отцов и подростков.

По результатам исследования личностных черт, у матерей проявляются такие личностные качества, как несентиментальность, самоуверенность, иногда некоторая жесткость по отношению к окружающим, у отцов же проявляется склонность к сочувствию и пониманию других людей. Для матерей характерна внутренняя тревожность, обеспокоенность, сильное чувство долга, скрупулезность, суетливость, характерны

симптомы страха. Отцы беспечны, самоуверенны, спокойны, нечувствительны к одобрению или порицанию окружающих.

В свою очередь, подростки сдержанны, обособленны, чувствительны, эмоционально менее устойчивы. Легко расстраиваются. Изменчивы в поведении, в эмоциях. Избегают требований окружающей действительности. Раздражительны, эмоционально возбудимы. Активно реагируют на удовлетворение или неудовлетворение своих потребностей. Требуют немедленного решения проблем, удовлетворения потребностей. В поведении уступчивы, навязчивы. Неустойчивости в достижении цели. Избегают правил, мало чувствуют обязанности.

Был проведен корреляционный анализ между взаимоотношением родителей и личностными особенностями подростков. Существует взаимосвязь между отношением требовательности родителей и личностными особенностями подростков. Требовательность матери связана с такими личностными чертами подростка, как эмоциональная устойчивость, проявляющаяся в спокойствии, выдержанности и эмоциональной чувствительности, которая проявляется в сочувствие и сопереживание другим, уверенности в себе, отсутствие раскаяния и чувства вины.

В свою очередь, требовательность отца связана с такой личностной чертой подростка, как доминирование, проявляющееся в склонности к самоутверждению по отношению к другим, руководстве ими, отстаивании своих взглядов, установок, ожидании самостоятельности от других.

Таким образом, проведенное нами исследование позволило установить характер взаимоотношений подростков и их родителей, а также личные особенности и стили семейного воспитания.

В дальнейшем представляется актуальным исследование половых различий в отношении подростков к родителям.

Литература

- Захарова Г. И. Психология семейных отношений. Челябинск: ЮУрГУ, 2009.
Либин А. В. Системная психотерапия Д. Баумринда. СПб.: Питер, 1999.

СРАВНЕНИЕ РОЛИ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО И СУБЪЕКТИВНОГО ВОЗРАСТА В ВОСПРИЯТИИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Ю. Д. Киреева (Москва)

Проблеме восприятия своего возраста самим человеком посвящен целый ряд современных исследований. Исследования показали, что оценка возраста человеком далеко не всегда соответствует его биологическому возрасту. Восприятие собственного возраста определяется как субъективный возраст.

Р. Кастенбаумом (Kastenbaum) с коллегами была предложена модель субъективного возраста «Age-of-Me» как многомерного, состоящего из различных «внутренних возрастов», т. е. они предлагали субъективно оценивать возраст по 4 параметрам: эмоциональный (*feel-age*); биологический возраст (*look-age*); социальный возраст (*do-age*); интеллектуальный возраст (*interest-age*), или на сколько лет индивиды воспринимают себя: чувствуют, выглядят, действуют, и какому возрасту соответствуют их интересы (Monterpare, 2009).

Первоначально исследования фокусировались исключительно на пожилых людях, и предполагалось, что их более молодая идентичность просто отражает протест негативным представлениям, связанными со старением. Однако была показана универсальность модели *идеальный возраст < субъективный возраст < хронологический возраст* в 18 культурно разнообразных странах (Barak, 2009). Исследования подростков выявили тенденцию завышать свой возраст примерно до 23 лет, при этом пик этого завышения приходится на 18 лет. Также было показано, что субъективный возраст человека тесно связан с его физическим и психологическим здоровьем, удовлетворенностью жизнью, временной перспективой и индивидуально-психологической организацией.

Дж. М. Монтепар (Monterpare) предложила структуру, которая отражает изменения в субъективном возрасте индивидов. Главный принцип этой структуры заключается в том, что субъективный возраст формируется из процесса закрепления и корректировки своего возраста по отношению к отдаленным стабильным (якорным) и ближайшим лабильным (проксимальным) ориентирам возраста. Ближайшие ориентиры определяются как изменяющиеся возрастные показатели, состоящие из исторических (знаменательные даты), физических (связанных со здоровьем), нормативных или межличностных (взаимоотношения с людьми разных возрастов) событий, которые делают возраст заметным. Отдаленные ориентиры характеризуются как относительно стабильные персональные модели развития, состоящие из объединенного ряда показателей прошлого, настоящего и будущего, через которые индивидуумы оценивают себя и свой возраст. Предлагаемая структура постулирует, что индивидуумы обращаются к этим моделям для идентификации своего возраста в отсутствии других (ближайших) показателей (Monterpare, 2009).

Таким образом, субъективный возраст проявляется как особый конструкт, имеющий значение на протяжении всей жизни, и, возможно, играющий большую роль для возрастной идентичности личности, чем хронологический возраст.

Цель данной работы – проанализировать взаимосвязь субъективного возраста и его компонентов с временной перспективой и качеством жизни, в сравнении с взаимосвязями хронологического возраста с данными характеристиками.

Гипотеза заключалась в том, что компоненты субъективного возраста в большей степени, чем хронологический возраст, взаимосвязаны с факторами временной перспективы, физическими и психологическими компонентами здоровья в разных возрастных группах.

Были использованы следующие *методики*: 1) тест на определение субъективного возраста, модифицированный вариант опросника «Age-of-Me» (Barak, 2009), содержит 4 компонента: биологический, эмоциональный, социальный и интеллектуальный возраста; 2) адаптированный опросник Ф. Зимбардо по временной перспективе (Сырцова и др., 2008), имеет пять факторов: Негативное и Позитивное прошлое, Гедонистическое и Фаталистическое настоящее, Будущее; 3) опросник SF-36 – методика оценки качества жизни (Гуревич, Фабрикант, 2008); 4) анкета с вопросами общего характера.

В исследовании принял участие 301 чел. в возрасте от 20 до 70 лет, из них 104 мужчины и 197 женщин. Все *участники* были разделены на три возрастные группы: 1) от 20 до 30 лет – 41 чел. (19 мужчин и 22 женщины, *Med*=23, *Min*=20, *Max*=30); 2) от 40 до 50 лет – 137 чел. (44 мужчины и 93 женщины, *Med*=45, *Min*=40, *Max*=50); 3) от 60 до 70 лет – 123 чел. (41 мужчина и 82 женщины, *Med*=65, *Min*=60, *Max*=70).

Использовались методы статистической обработки и анализа данных (описательная статистика, корреляционный анализ, сравнительный анализ) с помощью программы STATISTICA 8.0.

Результаты показали, что чем старше человек, тем в большей степени он занижает свой субъективный возраст. Так, если субъективный возраст 20–30-летних практически соответствует хронологическому, то к 60–70 годам субъективная оценка своего возраста в среднем отстает на 10–11 лет от реального (Сергиенко, Киреева, 2015).

Корреляционный анализ переменных субъективного и хронологического возрастов с факторами временной перспективы показал: отсутствие каких-либо взаимосвязей в возрастной группе 20–30 лет; отрицательную взаимосвязь всех компонентов субъективного возраста с направленностью на Гедонистическое настоящее в возрастной группе 40–50 лет; аналогичную, а также положительную взаимосвязь всех компонентов субъективного возраста с фактором Негативное прошлое в возрастной группе 60–70 лет. Получается, что чем старше люди себя оценивают, тем сложнее им получать удовольствие от настоящего. Наличие же положительного прошлого опыта в возрасте 60–70 лет способствует снижению самооценки возраста.

В возрастной группе 20–30 лет показаны положительные связи хронологического и субъективного возрастов с уровнем образования, а также компонентов субъективного возраста с частотой курения. Так, чем младше человек и/или чем младше он себя оценивает, тем ниже его уровень образования, также чем моложе человек себя воспринимает, тем больше он курит.

При рассмотрении физических и психических компонентов здоровья было обнаружено множество взаимосвязей с компонентами субъективного возраста, при этом количество связей увеличивается с возрастом. Так, люди в возрасте 60–70 и 40–50 лет при проблемах со здоровьем в основном чувствуют себя старше и ближе к своему хронологическому возрасту, тогда как молодые люди, если состояние здоровья ограничивает их жизнь, наоборот, оценивают себя младше. Отрицательная взаимосвязь хронологического возраста и общего состояния здоровья показана в возрастной группе 40–50 лет, т. е. чем старше люди в этой возрастной группе, тем ниже они оценивают свое состояние здоровья.

В возрастной группе 20–30 лет показаны значимые различия в хронологическом и субъективном возрастах между еще получающими образование и уже работающими и между имеющими и еще не имеющими семью. Аналогичные различия обнаруживаются в возрастной группе 60–70 лет между еще работающими и уже вышедшими на пенсию. Также в этих двух возрастных группах есть различия в компонентах субъективного возраста между довольными и недовольными своим материальным положением. В возрастной группе 40–50 лет по хронологическому возрасту различаются имеющие и еще не имеющие внуков, а по компонентам субъективного возраста работающие и неработающие по разным причинам люди, а также имеющие и не имеющие к этому возрасту детей. Данные различия показывают, что хронологический возраст сам выступает предиктором субъективного. Человек, вышедший на пенсию или закончивший учебу в силу возраста, начинает оценивать себя по-другому.

Таким образом, можно заключить, что отношение к временной перспективе, т. е. к своему прошлому, настоящему и будущему, оценка собственного физического и психического здоровья в большей степени связаны с самооценкой возраста и его аспектов: биологического, эмоционального, социального и интеллектуального. Хронологический возраст больше связан с так называемыми нормативными событиями: окончание учебы, женитьба, уход с работы на пенсию. Некоторые из этих событий происходят как раз из-за наступления определенного возраста и часто влекут за собой переоценку многих жизненных ценностей и ориентиров.

Литература

Гуревич К. Г., Фабрикант Е. Г. Методические рекомендации по организации программ профилактики хронических неинфекционных заболеваний // ГОУ ВПО Московский государственный медико-стоматологический университет, 2008. URL: <http://bonoesse.ru/blizzard/RPP/M/ORGZDRAV/Orgproga/p1.html>.

Сергиенко Е. А., Киреева Ю. Д. Индивидуальные варианты субъективного возраста и их взаимосвязи с факторами временной перспективы и качеством здоровья // Психологический журнал. 2015. № 3. С. 39–51.

- Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В.* Адаптация опросника по временной перспективе Ф. Зимбардо на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2008. №3. С. 101–109.
- Barak B.* Age identity: A cross-cultural global approach // International Journal of Behavioral Development. 2009. V. 33. № 1. P. 2–11.
- Montepare Joann M.* Subjective age: Toward a guiding lifespan framework // International Journal of Behavioral Development, 2009. V. 33 № 1. P. 42–46.

САМОСОЗНАНИЕ СТУДЕНТОВ В АСПЕКТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВУЗА

А. С. Кирсанова (Барнаул)

В психологической науке в современный период ее бурного развития появляется большое количество теоретических конструкторов, которые не имеют однозначной трактовки. Одним из примеров такого явления представляется понятие психологической безопасности. На данный момент представлены несколько точек зрения для рассмотрения данного феномена. Например, предлагается анализировать психологическую безопасность с точки зрения среды, деятельности или личности (Эксакусто, Лызь, 2010). Но в основном психологическая безопасность раскрывается именно через представление о человеке и его окружающей среде (Баева, 2002; Еремеев, 2006). На наш взгляд, термин «психологическая безопасность» требует разработки как на теоретическом, так и на практическом уровне. Учитывая неоднозначность и масштабность данного конструкта, мы предприняли попытку рассмотреть психологическую безопасность в контексте образовательной среды вуза и конкретно через самосознание студентов. Мы выдвинули гипотезу о том, что студент, обладающий развитым самосознанием, будет воспринимать среду как психологически безопасную.

Для теоретического анализа понятия «психологическая безопасность» мы рассмотрели работы И. А. Бaeвой, Б. А. Еремеева, В. П. Соломина и др. Интегрировав точки зрения различных авторов по данному вопросу, мы определили, что психологическая безопасность – это субъективное переживание личностью условий среды как несуущих в себе угроз психологическому здоровью человека, а также способствующих его гармоничному развитию (Баева, 2002; Еремеев, 2006). Одним из главных факторов психологического здоровья Л. Д. Демина и И. А. Ральникова называют субъектность личности (Демина, Ральникова, 2000). А. К. Осницкий считает, что субъектность – это целостная характеристика активности человека, обнаруживаемая в деятельности и поведении человека (Осницкий, 1995). Субъектность детерминирует активность, позволяя личности ставить цели и добиваться их. Про-

являя субъектность, человек свободно изъявляет собственную волю и принимает на себя ответственность за свое поведение. Также проблеме субъектности рассматривал С. Л. Рубинштейн, который понимал под данным феноменом позицию человека как творца собственного жизненного пути. Субъектность, по его мнению, инициирует все виды человеческой активности, способствует ее результативности (Рубинштейн, 1946). В. А. Петровский под субъектностью понимает конституирующую характеристику личности и предлагает изучать ее посредством метода отраженной субъектности, имея в виду, что человек может почувствовать собственную субъектность через «отражение» в других людях (Петровский, 1993).

Субъектность будет неотъемлемой частью сознания, проявляющейся в отношении к ситуации и среде, т. е. в личном переживании человеком чего-либо. Л. С. Выготский говорит, что переживание есть динамическая единица сознания, из которой складывается сознание и где основные свойства сознания даны как таковые (Выготский, 1984). Переживание имеет биосоциальную ориентировку, оно есть что-то, находящееся между личностью и средой, означающее отношение личности к среде, показывающее, чем данный момент среды является для личности. Как было указано выше, студент (предполагаемая психологически здоровая личность) есть часть социальной ситуации (психологически безопасной образовательной среды). Силы среды приобретают направляющее значение благодаря переживанию человека. Т. е. появляется необходимость в глубоком внутреннем анализе переживаний: изучение среды, которое переносится в значительной степени внутрь самого человека, а не сводится к изучению внешней обстановки его жизни. На наш взгляд, анализ внутренних переживаний возможен посредством изучения самосознания человека. Для анализа феномена самосознания мы обратились к работам В. В. Столина, А. А. Реана, Т. Н. Овчинниковой и др. В представлении В. В. Столина, например, самосознание – это результат сложной психической активности, представляет собой единство познавательной, эмоционально-ценностной и действенно-волевой сфер (Столин, 1983).

Для выявления взаимосвязи между психологической безопасностью и самосознанием студентов было проведено эмпирическое исследование. В ходе работы применялся анализ научной литературы по данной теме, а также психологическая диагностика с помощью психологических тестов. В исследовании принимало участие 40 чел., студенты первого и второго курса факультета психологии и педагогики АлтГУ в возрасте от 18 до 23 лет, выборка была случайная.

Использовалась методика «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера (адаптация Е. Ф. Бажин, С. А. Голынкина, А. М. Эткинд) (Елисеев, 2003). Настоящая методика направлена на исследование парциальных шкал локуса контроля. Данная методика имеет 6 шкал: общая

интернальность, интернальность достижений, интернальность неудач, интернальность в производственных отношениях, интернальность в межличностных отношениях и интернальность здоровья. С помощью такого психологического инструмента мы хотели выяснить, насколько студенты контролируют события собственной жизни, готовы ли они брать на себя ответственность как за успехи, так и за неудачи.

Вторая методика называлась «Построй свою Вселенную», автором которой является Е. Е. Вахромов (Вахромов, 2001). Он предложил данную методику, опираясь на проективную методику исследования личности Б. Лонга, Р. Циллера и Р. Хендерсона «Рисование кругов». Данная методика позволяет рассмотреть самосознание человека через проекцию на рисунок. Также преимуществом такой методики было ощущение безопасности опрашиваемых, возможность перенесения внимания непосредственно с проблемы самосознания на рисунок.

После обработки данных с помощью методов математической статистики была обнаружена положительная корреляция шкал общей интернальности и шкалы Сила Я ($r=0,354$; $p<0,05$), т. е. человек, обладающий силой Я, готов брать на себя ответственность в делах, он более уверен в том, что достигнет поставленной цели. Анализ рисунков по проективной методике показал, что большинство студентов (55%) ощущают некоторую психологическую угрозу от других объектов и только 20% обозначали эти объекты как структуры университета. Предположительно, это говорит о предании большей значимости университету, чем себе, или чувстве некоторой беспомощности относительно учебного процесса, следовательно, образовательная среда частично или полностью воспринимается данными студентами не как психологически безопасная.

В ходе исследования нам удалось выявить, что самосознание (Сила Я) связано с психологической безопасностью (локус контроля) на когнитивном уровне, что позволяет в дальнейшем проводить работу со студентами, способствующую развитию самосознания. Развитое самосознание позволит студентам повысить уровень осознанности при построении жизненной перспективы в будущем, понять свои желания, стремления и цели, которых они хотят достичь. Конечно, студенты смогут предвосхищать события на основе осознания выбора в ту или иную сторону в ситуации неопределенности.

Литература

- Баева И. А.* Тренинги психологической безопасности в школе. СПб.: Речь, 2002.
- Еремеев Б. А.* Психология безопасности, психологическая безопасность и уровни развития человека. URL: <http://humanpsy.ru/yeremeyew/bezopasnost> (дата обращения: 03.03.2015).
- Вахромов Е. Е.* Построй свою Вселенную. URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200104807> (дата обращения: 26.05.15).

Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Эксакусто Т. В., Лызь Н. А. Психологическая безопасность в проблемном поле психологии. URL: <http://journals.tsu.ru/engine/download.php?area=files&id=20661> (дата обращения: 19.05.15).

СВЯЗЬ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ С СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКИМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ, БЕЛОРУСОВ И РУССКИХ*

Ю. В. Ковалева (Смоленск)

Просоциальное поведение (от *лат.* pro – действующий в интересах кого-то, *socialis* – общественный) – это поведение индивида, ориентированное на благо отдельного человека или социальных групп (Кондаков, 2003).

Просоциальное поведение осуществляется в социуме, и на особенности его протекания в каждом конкретном случае будет оказывать влияние ряд факторов как обусловленных личностью оказывающего помощь, так и ситуацией оказания помощи, ее объектом. Для анализа содержательной стороны просоциального поведения следует выделить такие его особенности, как мера, избирательность и парциальность, отражающие кому (какому субъекту), что (какая помощь) и как часто оказывается.

Одним из основных факторов, влияющих на поведение человека в обществе, является культура. В современной этнической и кросс-культурной психологии культура рассматривается как независимая переменная, влияющая на поведение человека, как общий контекст, на фоне которого осуществляется поведение личности, как фактор, опосредующий и определяющий взаимосвязи между другими переменными (Комарова, 2011). Важнейшей функцией культуры является регуляция социального поведения личности, выполняемая на основе ценностей, составляющих ядро любой культуры. Ценности, в свою очередь, рассматриваются как одна из главных психологических и культурно обусловленных характеристик, определяющих отношение человека к окружающим людям (Шварц, 2008).

В науке накоплен богатый материал, отражающий взаимосвязи ценностей культуры с различными психологическими феноменами. Однако существует недостаточность исследований, направленных на изучение связи культурных ценностей и характеристик просоциального

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-26-04000а(м)).

поведения в условиях межкультурного взаимодействия у представителей этносов как с далекой, так и с близкой культурной дистанцией.

В связи с этим целью исследования стало: изучить характер связей индивидуальных ценностей азербайджанцев, белорусов и русских, как представителей этносов с близкой и далекой культурной дистанцией, с содержательными характеристиками просоциального поведения.

Теоретическая гипотеза: существует общее и специфичное во взаимосвязи ценностей культуры и содержательных характеристик просоциального поведения азербайджанцев, белорусов и русских.

В исследовании приняли участие 348 студентов вузов г. Смоленска, составивших три группы испытуемых. Первая группа включала в себя 63 человека азербайджанской национальности, проживающих на территории Смоленской области от 1 года 5 лет, среди них 33 женщин и 30 мужчин. Средний возраст – 23,8. Вторая группа состояла из 67 чел. белорусской национальности, среди них 36 женщин и 31 мужчина. Средний возраст – 24,7. И 218 студентов русской национальности, постоянно проживающих на территории Смоленской области, из них 118 женщин и 100 мужчин. Средний возраст – 23,4.

Методический инструментарий исследования

1. Опросник Ш. Шварца для изучения ценностей культуры на индивидуальном уровне, состоящий из 40 описаний человека, которые характеризуют 10 мотивационных типов ценностей: *Самостоятельность, Стимулирование, Гедонизм, Достижение, Власть, Безопасность, Конформность, Традиция, Благожелательность, Универсализм*. Для оценки описаний используется шкала из шести баллов (от –1 до 4). На основе индивидуальных показателей вычислялись среднегрупповые значения. Чем выше балл, тем более важной является та или иная ценность для испытуемого и для группы в целом.
2. Анкета на изучение просоциального поведения, разработанная автором и включающая блок вопросов на рассмотрение содержательно-динамических характеристик оказания помощи. Предложенные утверждения оценивались по шкале из пяти баллов (от 1 до 5).

По каждой методике на основе индивидуальных показателей вычислялись среднегрупповые значения.

Математическая обработка данных осуществлялась в программе Statistica 6.0 с использованием критерия Колмогорова–Смирнова, U-критерия Манна–Уитни, множественного регрессионного анализа (метод Forward stepwise).

Результаты и их обсуждение

1. *Сравнительный анализ структуры ценностей по Ш. Шварцу* выявил сходства и различия у представителей азербайджанской, белорусской

и русской национальностей. Так, для азербайджанцев тройку наиболее значимых ценностей составили – *Саморегуляция, Достижения, Безопасность*, для белорусов – *Безопасность, Саморегуляция, Благожелательность* и для русских – *Саморегуляция, Благожелательность, Гедонизм*. Значимость ценности *Безопасность* для азербайджанцев (Гриценко, Смотров, 2008), ценностей *Благожелательность* и *Саморегуляция* для белорусов и русских и ценности *Безопасность* для белорусов (Бражник, 2012) уже отмечалась исследователями.

Наименее предпочитаемыми ценностями у азербайджанцев являются *Власть, Традиции* и *Благожелательность*, а у белорусов и русских – *Власть, Традиции* и *Конформность*.

2. *Анализ содержательно-динамических характеристик просоциального поведения азербайджанцев, белорусов и русских* выделил сходства и отличия. Среди универсальных черт – стремление наиболее часто оказывать помощь родным и близким людям, а также пожилым (что связано с желанием обезопасить, в первую очередь, близких себе людей и традиционным восприятием пожилых людей как менее защищенных и нуждающихся в поддержке), а наименее редко – лицам из категории БОМЖ, «выпившим лишнего» (так как они, в силу субъективных причин, оказались в затруднительном положении).

Среди отличий – наиболее частое оказание помощи именно родным и близким у русских, по сравнению с другими этносами (объясняется большим индивидуализмом русских и коллективизмом азербайджанцев и белорусов), и наоборот, наименее частое – представителям других национальностей (так как русские в данном случае выступают как принимающее население и могут иметь негативное отношение к мигрантам). Наиболее частое, по сравнению с представителями других этносов, оказание помощи у белорусов тем, кто выше по социальному статусу, а у русских – равным (по сравнению с азербайджанцами), что связано со снижением у белорусов индекса «дистанция власти» и традиционно высоким его уровнем у азербайджанцев. Азербайджанцы, по сравнению с остальными, более трепетно относятся к женщине-матери и оказывают помощь беременным женщинам и женщинам с ребенком, что заложено в их национальных традициях.

По типам помощи, азербайджанцы, чаще других оказывают помощь нуждающимся в ней в виде услуги, материальной помощи, социально-бытовой услуги, а русские и белорусы (в чем имеют сходство) – психологическую помощь нуждающимся. Эти объясняются маскулинностью азербайджанской и фемининностью – русской и белорусской культур.

3. *Анализ связи индивидуальных ценностей и содержательно-динамических характеристик просоциального поведения азербайджанцев, белорусов и русских.*

- Ценности Самопреодоления у азербайджанцев, белорусов и русских способствуют оказанию помощи нуждающимся

в ней. Для азербайджанцев круг получателей и набор видов помощи более широк, по сравнению с остальными, что обусловлено наличием большого числа традиций и норм помощи в азербайджанском обществе. Сходство влияния ценностей Самопреодоления у азербайджанцев и русских на оказание помощи родным и близким, для русских, обусловлено большим индивидуализмом и приоритетом интересов себя и своей семьи, для азербайджанцев семья есть главная ценность в жизни.

- Ценности Сохранения у азербайджанцев, белорусов и русских регулируют оказание помощи незащищенным категориям нуждающихся в ней в различных ситуациях. Противостояние ценности Традиция и оказание помощи у белорусов связано с низкой ранговой значимостью для них данной ценности.
- Ценности Изменения у азербайджанцев и белорусов определяют ее роль в трудо- и материально затратных сферах и в отношении нетрадиционных ее получателей (молодежь, мужчины, люди выше себя по социальному статусу). Что связано с личностными особенностями азербайджанцев и белорусов, покинувших «родные стены» и нацеленных на перемены в жизни. У русских ценности блока Изменения не связаны с оказанием помощи.
- Ориентация на ценности Самовозвышения у белорусов противоречит осуществлению просоциального поведения. Ценность Гедонизм также не способствует просоциальному поведению у азербайджанцев и русских.

Литература

- Бражник Ю. В.* Связь психологических характеристик культур и социальных представлений русских и белорусов о мужских ролях. Смоленск, 2012.
- Гриценко В. В., Смотрова Т. Н.* Ценностно-нормативные основы интеграции этнических мигрантов в российском обществе. Смоленск, 2008.
- Комарова А. И.* Культурные различия взаимосвязи ценностей и эмоционального интеллекта. Волгоград, 2011.
- Кондаков И. М.* Психологический иллюстрированный словарь. М.: Прайм-Еврознак, 2003.
- Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 37–67.

ЗНАЧЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И СЕМЕЙНЫХ ФАКТОРОВ В МЛАДЕНЧЕСТВЕ И РАННЕМ ДЕТСТВЕ ДЛЯ ПОСЛЕДУЮЩЕГО ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ*

Е. А. Козлова (Новосибирск)

Одна из важнейших составляющих социального капитала общества – благополучие людей, основой которого является психическое здоровье. Большинство нарушений психического здоровья закладывается на ранних этапах развития, в периоде формирования личности и здоровья ребенка.

Психическое здоровье и его нарушения определяются множеством социальных, психологических и биологических факторов, среди которых наибольшее значение имеют индивидуальные и семейные. К индивидуальным факторам относятся особенности темперамента. Семейные факторы разделяются на дистальные, включающие структуру семьи и социально-экономический статус, и проксимальные, включающие методы воспитания и семейную атмосферу.

В работах Чесс и Томаса (1994) предположено, что индивидуальные и семейные факторы взаимодействуют друг с другом, поэтому развитие детей со сходным темпераментом может идти разными путями, как и развитие детей в сходных обстоятельствах; а возникновение многих психических нарушений может быть обусловлено неблагоприятным сочетанием индивидуальных особенностей ребенка и социальных условий.

Цель настоящей работы – изучение прогностического значения раннего темперамента для последующего психического здоровья детей с учетом семейных факторов.

Гипотеза: психическое здоровье детей дошкольного и школьного возраста и его нарушения в форме интернальных и экстернальных проблем обусловлены устойчивыми индивидуальными особенностями поведения и эмоционального реагирования в младенчестве и раннем детстве, а также определенными социально-экономическими характеристиками семьи.

Характеристики выборки и процедура исследования. На первом этапе исследование охватило родителей 567 детей, около 50% составили девочки; возраст детей варьировал от 3 до 43 месяцев ($M=16,4$; $SD=10,3$). При подготовке ко второму этапу исследования из выборки были исключены анонимные данные и данные без контактной информации; в результате окончательное число потенциальных участников составили 134 родителя или основных воспитателя (24% от первоначально собранных данных), которым был предложен для заполнения

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-06-00139) и РФФИ (проект № 13-06-00156).

комплект опросников. Процент возврата заполненных опросников был равен 75%, таким образом, второй этап исследования охватил 100 детей. Интервал между двумя этапами исследования составил от полутора до десяти лет ($M=6,9$, $SD=2,3$). Возраст детей при повторном исследовании составил от 2 до 11 лет ($M=7,8$; $SD=2,1$); 54% выборки составили девочки.

Инструменты. В исследовании применяли международно признанные родительские опросники, адаптированные и валидизированные в России. На первом этапе исследования родители заполняли краткую социально-демографическую анкету и Модифицированный опросник поведения младенцев (IBQ-R) или Опросник поведения в раннем детстве (ECBQ). На втором этапе родители заполняли опросник «Сильные Стороны и Трудности» (SDQ).

Статистический анализ. Для выявления прогностических взаимосвязей между отдельными чертами и факторами темперамента, семейными характеристиками и показателями психического здоровья детей в последующем использовали коэффициент корреляций Пирсона. Вклад раннего темперамента в последующее психическое здоровье с учетом пола и возраста детей и семейных характеристик, а также интервала времени между этапами исследования изучали с помощью двух серий множественных линейных регрессий.

Результаты. Анализ прогностических корреляций между семейными характеристиками и показателями психического здоровья детей показал, что чем старше были родители, тем меньше симптомов гиперактивности/невнимательности отмечалось у детей в последующем (мать: $r=-0,29$; отец: $r=-0,32$; $p<0,01$). Помимо этого, фактором защиты в отношении гиперактивности/невнимательности был также профессиональный статус отца ($r=-0,30$; $p<0,05$). В отношении экстернализации отмечена сходная картина. Кроме того, более зрелый возраст матери был фактором риска в отношении последующих проблем со сверстниками ($r=0,21$; $p<0,05$).

Анализ показателей психического здоровья с учетом пола и возраста детей, интервала времени, а также семейных характеристик позволил выявить значимый вклад раннего темперамента детей. Наибольший вклад в последующее психическое здоровье детей вносила входящая в состав волевой регуляции черта удовольствия низкой интенсивности, являвшаяся фактором защиты в отношении гиперактивности/невнимательности ($\beta=-0,27$; $p<0,01$), эмоциональных симптомов ($\beta=-0,29$; $p<0,01$), экстернализации ($\beta=-0,25$; $p<0,01$) и интернализации проблем ($\beta=-0,26$; $p<0,01$) и их общего числа ($\beta=-0,31$; $p<0,01$). Помимо этого, черта, характеризующая уровень двигательной активности ребенка в младенчестве и раннем детстве, позволяла прогнозировать гиперактивность/невнимательность ($\beta=0,20$; $p<0,05$); в результате модель, включающая удовольствие низкой интенсивности, активность и ин-

тервал времени, объясняла более 15% разнообразия последующей гиперактивности.

Среди факторов темперамента наибольший вклад в последующее психическое здоровье детей вносил фактор волевой регуляции: он являлся фактором защиты в отношении проблем с поведением ($\beta = -0,24$; $p < 0,05$), гиперактивности ($\beta = -0,22$; $p < 0,05$), экстернализации ($\beta = -0,22$; $p < 0,05$), интернализации ($\beta = -0,23$; $p < 0,05$), общего числа проблем ($\beta = -0,27$; $p < 0,01$) и их влияния на жизнь в дальнейшем ($\beta = -0,21$; $p < 0,05$). Помимо этого, отрицательная эмоциональность в младенчестве и раннем детстве позволяла прогнозировать влияние последующих проблем на жизнь ребенка ($\beta = 0,24$; $p < 0,05$); в результате модель, включающая пол, возраст, волевую регуляцию и отрицательную эмоциональность, объясняла более 20% разнообразия влияния проблем на жизнь.

Социально-экономические показатели семьи при учете индивидуально-психологических особенностей детей не были значимыми предикторами последующего психического здоровья.

Обсуждение результатов. Проведенное продолжительное исследование позволило выявить значение раннего темперамента и семейных факторов для последующего психического здоровья детей. В отношении темперамента полученные результаты подтверждают имеющиеся данные о значимости волевой регуляции для развития детей. По данным других исследований, высокий уровень волевой регуляции и его компонентов обладают защитной функцией в отношении проблем интернального и экстернального спектра, могут прогнозировать школьную успеваемость, социальную адаптацию и компетентность (Lengua, 2003), а в случае нестабильной семейной ситуации снижают риск нарушения правил и агрессивного поведения в последующем (Bakker et al., 2011).

Полученная в нашем исследовании связь уровня активности с последующей гиперактивностью/невнимательностью подтверждается многочисленными данными. Дети с необычно высоким уровнем активности и интенсивности эмоций отличались повышенной отвлекаемостью и импульсивностью – ключевыми признаками синдрома дефицита внимания с гиперактивностью. Прямая связь отрицательной эмоциональности с последующим влиянием проблем на жизнь ребенка может объясняться тем, что отрицательная эмоциональность увеличивает риск нарушений интернального спектра, который наиболее тесно связан с влиянием проблем на жизнь ребенка.

Семейные факторы в настоящем исследовании не были значимыми предикторами последующего психического здоровья. Есть данные о том, что общий уровень проблем у российских детей выше, чем в стабильных западных и восточных культурах, в то время как влияние социально-экономических характеристик семьи – ниже (Goodman et al., 2005).

Возможно, что на психическое здоровье российских детей в большей степени действуют факторы ближайшего окружения, такие как методы воспитания и семейная атмосфера.

Литература

- Чесс С., Томас А. Значение темперамента для психиатрической практики // *Детство идеальное и настоящее: Сборник работ современных западных ученых* / Под ред. Е. Р. Слободской. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. С. 131–144.
- Bakker M. P., Ormel J., Verhulst F. C., Oldehinkel A. J. Adolescent family adversity and mental health problems: the role of adaptive self-regulation capacities. The TRAILS study // *Journal of abnormal child psychology*. 2011. V. 39. №3. P. 341–350.
- Goodman R., Slobodskaya H., Knyazev G. Russian child mental health A cross-sectional study of prevalence and risk factors // *European child and adolescent psychiatry*. 2005. V. 14. № 1. P. 28–33.
- Lengua L. J. Associations among emotionality, self-regulation, adjustment problems and positive adjustment in middle childhood // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2003. V. 24. №5. P. 595–618.

КОГНИТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ В ДОМАХ РЕБЕНКА С РАЗЛИЧНЫМ СОЦИАЛЬНЫМ ОКРУЖЕНИЕМ*

М. А. Колесникова, М. Ю. Солодунова (Санкт-Петербург)

В последние десятилетия было проведено значительное количество исследований, которые показали, что опыт ранней депривации оказывает негативное влияние на развитие и психическое здоровье человека. Когнитивное функционирование является одной из областей, изучаемых в контексте ранней депривации, – так, в многочисленных работах было обнаружено, что дети, проживающие в учреждениях, имеют значительные отставания в области развития когнитивных функций (см., например: Pomerleau et al., 2005; van Ijzendoorn et al., 2008). Однако даже внутри депривационных условий сиротских учреждений существует вариабельность уровня когнитивного развития детей, что определяется показателями их социально-эмоционального окружения.

Одним из направлений работы по снижению негативных эффектов ранней институализации являются программы вмешательства, направленные на улучшение условий детских сиротских учреждений. В частности, в 2000–2005 гг. в одном из домов ребенка г. Санкт-Петербурга

* Исследование проводится при финансовой поддержке Правительства РФ (мегагрант № 14.Z50.31.0027).

в рамках лонгитюдного научно-исследовательского проекта была внедрена программа организации семейно ориентированной модели социального окружения детей. Результатом проведенного вмешательства стало улучшение социально-эмоциональных отношений между детьми и ухаживающими взрослыми и повышение уровня развития детей, включая область когнитивного функционирования (St. Petersburg – USA Orphanage Research Team, 2008).

В настоящем исследовании, которое было проведено в рамках лонгитюдного проекта по изучению влияния ранней депривации на биоповеденческие показатели развития ребенка, изучалось когнитивное развитие детей в доме ребенка с семейным социальным окружением. Мы ставили вопрос о том, как связан актуальный социально-эмоциональный опыт и когнитивное развитие детей раннего возраста и сохранился ли в доме ребенка эффект вмешательства, проведенного 14 лет назад.

Целью данного исследования было изучить уровень когнитивного развития детей младенческого и раннего возраста, проживающих в домах ребенка с различным социальным окружением.

Гипотеза исследования: уровень когнитивного развития у детей в доме ребенка с семейным социальным окружением выше уровня когнитивного развития у детей, проживающих в традиционном учреждении.

Выборка. В исследовании приняли участие 38 типично развивающихся детей в возрасте от 5 до 42 месяцев, проживающих в двух домах ребенка г. Санкт-Петербурга. Один из домов ребенка – с традиционно организованной системой заботы о детях (с высокими требованиями к содержанию и организации каждодневных процедур ухода, но игнорирующий социально-эмоциональные потребности ребенка), второй – с измененными условиями, предполагающими не только качественное обеспечение биологических потребностей, но и проживание детей в стабильном, эмоционально чувствительном и отзывчивом окружении. В экспериментальную группу вошли 20 детей в возрасте от 6 до 42 месяцев ($21,05 \pm 11,74$), проживающих в доме ребенка с семейным окружением. Контрольную группу составили 18 детей в возрасте от 5 до 41 месяца ($19,56 \pm 9,55$) из традиционного дома ребенка.

Методы. Для измерения уровня когнитивного развития детей были использованы три невербальные шкалы (зрительное восприятие, крупная моторика, мелкая моторика) методики Маллен (MSEL: The Mullen Scales of Early Learning, 1995) и две коммуникативные шкалы (рецептивная и экспрессивная коммуникация) методики Вайнленд (VABS: The Vineland Behavior Adaptive Scales, 2005). Общая оценка уровня когнитивного развития была получена для каждого ребенка путем суммирования баллов по 4 шкалам оценки развития (зрительное восприятие, мелкая моторика, рецептивная коммуникация, экспрессивная коммуникация), переведенных в единую Z-шкалу.

При анализе данных применялись следующие математико-статистические методы: корреляционный анализ, однофакторный ковариационный анализ ANCOVA, регрессионный анализ, t-тест для сравнения углов наклона регрессионных прямых. Математическая обработка проводилась на базе программного пакета SPSS 21.0 при участии Е. А. Вершининой – ведущего научного сотрудника лаборатории информационных технологий и математического моделирования института физиологии им. И. П. Павлова.

Результаты. По итогам сравнения групп детей по общей шкале когнитивного развития с учетом ковариаты возраста, было обнаружено наличие статистически значимых различий в экспериментальной и контрольной группах ($F=7,79$, $p=0,01$). Дети в экспериментальной группе демонстрируют более высокий уровень когнитивного развития, по сравнению с детьми в контрольной группе.

Результаты сравнения углов наклона регрессионных прямых, отражающих скорость когнитивного развития детей в домах ребенка, показали различия у детей в двух группах на уровне тенденции ($t=1,79$; $p=0,08$). Таким образом, было выявлено, что скорость когнитивного развития у детей в традиционном учреждении ниже, чем у детей в доме ребенка с семейным окружением.

Обсуждение. В нашем исследовании было показано, что дети в доме ребенка с семейным социальным окружением имеют более высокие показатели развития по общей шкале когнитивного развития, по сравнению с детьми в традиционном учреждении. Данный результат, на наш взгляд, отражает значимость стабильного и чувствительного окружения для детей, лишенных родительской заботы. Присутствие близкого взрослого, который демонстрирует отзывчивое поведение и устанавливает с ребенком доверительные отношения, способствует развитию эмоциональной сферы, восприятия и коммуникации. Развитие отношений между взрослым и ребенком, на которое была направлена программа раннего вмешательства в доме ребенка с семейным социальным окружением, ведет к увеличению времени и качества индивидуально-взаимодействия взрослого с ребенком и возможностей когнитивной стимуляции, что является условием повышения уровня когнитивного развития. Таким образом, полученный нами результат демонстрирует положительный эффект раннего вмешательства, что соотносится с данными проекта по изменению раннего социально-эмоционального опыта на развитие детей в домах ребенка, а также с теориями и исследованиями, подчеркивающими важность социально-эмоционального опыта для психического развития ребенка (St Petersburg–USA Orphanage Research Team, 2008). Данный результат также демонстрирует продолжительное воздействие вмешательства, которое было проведено в доме ребенка 14 лет назад, на когнитивное развитие детей, что имеет безусловную практическую значимость. С теоретической точки зрения,

проведенное эмпирическое исследование вносит вклад в понимание взаимодействия познавательной и эмоциональной сфер человека, поддерживая представление о взаимосвязи когнитивного и аффективного уровней в становлении субъектности детей младенческого и раннего возраста (Сергиенко, 2012).

Полученные в исследовании результаты подтверждают нашу гипотезу о том, что уровень когнитивного развития у детей в доме ребенка с семейным окружением выше уровня когнитивного развития у детей, проживающих в традиционном доме ребенка.

Таким образом, сравнительное исследование когнитивного развития детей, проживающих в домах ребенка с различным социальным окружением, вносит вклад в понимание связей между социально-эмоциональным окружением детей и уровнем их когнитивного развития. Данная тема является особенно актуальной в современной социально-экономической ситуации Российской Федерации, где к 1 сентября 2015 г. вступает в силу Постановление правительства № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей», предписывающее создание семейного окружения во всех сиротских учреждениях для детей, оставшихся без попечения родителей. В нашем исследовании были получены статистические данные, подтверждающие значимость организации семейно ориентированной системы заботы о детях, имеющих травматический ранний опыт, как для сохранения их психического здоровья, так и для полноценного, гармоничного развития, включая область когнитивного функционирования.

Литература

- Сергиенко Е. А. Принципы психологии развития: современный взгляд // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. С. 1.
- Ijzendoorn M. H. van, Luijk M. P., Juffer F. IQ of children growing up in children's homes: A meta-analysis on IQ delays in orphanage // Merrill-Palmer Quarterly. 2008. № 54. P. 341–366.
- Pomerleau A., Malcuit G., Chicoine J., Se'guin R., Belhumeur C., Germain P. et al. Health status, cognitive and motor development of young children adopted from China, East Asia, and Russia across the first 6 months after adoption // International Journal of Behavioral Development. 2005. № 29. P. 445–457.
- St Petersburg–USA Orphanage Research Team. The Effects of Early Social-Emotional and Relationship Experience on the development of Young Orphanage Children // Monographs of the Society for Research in Child Development. 2008.

РАЗВИТИЕ САМОРЕГУЛЯЦИИ У СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА – БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

А. С. Колобанов (Шуя)

Вопрос о развитии саморегуляции у студентов университета – будущих педагогов тесно связан с вопросом о достижении успехов в профессиональной деятельности. Высокий уровень развития саморегуляции способствует продуктивному достижению личностно значимых успехов, а также целостному развитию личности. Ряд исследователей (Н. В. Кузьмина, Л. М. Митина, А. К. Маркова и др.), рассматривая вопрос о педагогической деятельности и профессионально значимых качествах педагога, прямо или косвенно указывают на значимость развитой саморегуляции личности педагога. Учебная деятельность студентов, а также их будущая педагогическая деятельность напрямую связаны с постановкой целей и их достижением, поэтому саморегуляция неразрывно связана как с учебной деятельностью студентов, так и с их будущей профессиональной деятельностью, а также со всей жизнедеятельностью в целом. Современные стандарты подготовки студентов предполагают наличие у них самостоятельности, которая непосредственно связана с саморегуляцией. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что развитие саморегуляции у студентов университета – будущих педагогов является актуальной задачей, так как саморегуляция связана со многими аспектами педагогической деятельности, а высокий уровень развития саморегуляции у студентов университета будет способствовать достижению успехов как в учебной деятельности, так и в будущей профессиональной, педагогической, деятельности.

Исследованием саморегуляции занимались такие ученые, как А. О. Конопкин, Н. М. Пейсахов, В. И. Моросанова и др. Начало исследований саморегуляции положено учеными Казанского университета под руководством Н. М. Пейсахова, который употребляет термин «самоуправление», «способность к самоуправлению», а А. О. Конопкин – «саморегуляция», но, по сути, А. О. Конопкин вкладывает в понятие «саморегуляция» то же самое, что и Н. М. Пейсахов в понятие «самоуправление». Под самоуправлением Н. М. Пейсахов понимает способность личности ставить перед собой дальние цели, прогнозировать будущие результаты, выдвигать критерии оценки качества, самостоятельно планировать свои поступки и действия, а также извлекать необходимую информацию о ходе процесса управления и вносить в него поправки (Ишков, 2002). В обобщенном же виде самоуправление Н. М. Пейсахов определяет как целенаправленное изменение, где цель себе ставит сам человек, управляющий своими формами активности (общение, поведение, деятельность и переживания) (Пейсахов, 1991).

Самоуправление как процесс, по Н. М. Пейсахову, состоит из восьми звеньев: 1) анализ противоречий – психический процесс, который на-

правлен на поиск, обнаружение противоречий во внешних (средовых) условиях и создание субъективной модели сложившейся ситуации; 2) прогнозирование – деятельность умственного характера, направленная на формирование моделей возможного будущего, где осуществляется построение предположений по поводу того, каким будет исход при тех или иных действиях субъекта; 3) целеполагание – мыслительная деятельность субъекта, ориентированная на формирование моделей необходимого, желаемого будущего, где вкрапляются личностно-значимые цели. Здесь предполагается, что субъект создает иерархически организованную модель, предполагающую существование структуры целей (стратегических, тактических и оперативных); 4) планирование – мыслительная деятельность, результатом которой является план в виде последовательности шагов к достижению каждой из поставленных целей и учет необходимых ресурсов на пути достижения цели (материальных, временных, физических и др.); 5) критерии оценки – здесь субъект определяет, какие явления объективной реальности могут стать признаками того, что движение направлено к сформированной цели, а не в сторону от нее; 6) принятие решения – этап перехода от внутреннего плана деятельности к внешнему; 7) самоконтроль – процесс получения информации об объективных изменениях во внешних условиях (среде) с целью сопоставления со сформированными критериями успешности; 8) коррекция – этап, обуславливающий изменения внешней активности субъекта и самих звеньев системы самоуправления в тех случаях, когда реальные результаты не совпадают с ожидаемыми (Пейсахов, 1991).

А. О. Конопкин, занимаясь исследованием саморегуляции с позиции структурно-функционального подхода, представил модель саморегуляции, отличающуюся от модели, представленной Н. М. Пейсаховым. Данные модели отличаются друг от друга по ряду параметров, но по ключевым моментам они схожи. Также А. О. Конопкин отмечает, что цель в модели саморегуляции выполняет системообразующую функцию (Конопкин, 1995)

С целью развития саморегуляции у студентов университета – будущих педагогов нами разработана авторская программа развития саморегуляции, которую образует ряд содержательных компонентов: когнитивный, операциональный, ценностно-смысловой, рефлексивный, волевой, мотивационный. Программа включает в себя элементы, направленные на развитие каждого из компонентов. Общий объем программы составил 72 аудиторных часа. Правомерность включения в программу каждого из компонентов обоснована в ряде наших публикаций (Колобанов, 2013, 2015).

С целью выявления эффективности развивающей программы нами проведен эксперимент. В эксперименте приняли участие студенты Шуйского филиала ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», обучающиеся по направлению подготовки «Педагогическое об-

разование». Численность выборочной совокупности составила 90 чел., из которых 50 студентов вошли в экспериментальную группу (ЭГ), а 40 студентов – в контрольную группу (КГ). В экспериментальную группу вошли три студенческие группы.

Для исследования уровня развития саморегуляции нами использована методика «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ), разработанная В. И. Моросановой. Шкала «Общий уровень саморегуляции» (ОУ) позволяет оценивать уровень развития саморегуляции.

Эффективность реализации развивающей программы определялась при помощи t-критерия Стьюдента, посредством которого было произведено сравнение результатов первичной и итоговой диагностики. Также необходимо указать, что до применения вышеупомянутого критерия полученные данные были проверены на соответствие нормальному распределению. Показатели уровня развития саморегуляции у студентов, входящих в экспериментальную группу, полученные в результате первичной и итоговой диагностики студентов, обработаны с помощью t-критерия Стьюдента для парных (зависимых) выборок. Полученное значение t-критерия, равное $-2,96$ (при уровне значимости $p \leq 0,01$), свидетельствует о достоверности различий между показателями развития саморегуляции, полученных в результате первичной и итоговой диагностики студентов, вошедших в экспериментальную группу. Отрицательное значение критерия свидетельствует об увеличении показателей развития способности к самоуправлению в большую сторону, что также свидетельствует о положительном эффекте реализации развивающей программы.

Показатели уровня развития саморегуляции у студентов, входящих в контрольную группу, полученные в результате первичной и итоговой диагностики студентов, также обработаны с помощью t-критерия Стьюдента для парных (зависимых) выборок. Полученное значение t-критерия, равное $-1,75$ (при уровне значимости $p \geq 0,05$), свидетельствует о недостоверности различий между показателями развития саморегуляции, полученными в результате первичной и итоговой диагностики студентов, вошедших в контрольную группу.

Расчеты t-критерия Стьюдента произведены при помощи программы SPSS Statistics 17.0.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод об эффективности разработанной программы, направленной на развитие саморегуляции у студентов университета – будущих педагогов.

Литература

- Ишков А. Д. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности: Монография. М.: АСВ, 2004.
- Колобанов А. С. Исследование взаимосвязи способности к самоуправлению, мотивации достижения и самооценки силы воли студентов первого

курса университета – будущих педагогов // Научный журнал «Научный поиск». Специальный выпуск. Материалы VI Международной научной конференции студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых «Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых „Университет – новой школе“». 2013. № 2.1. С. 70–71.

Колобанов А. С. Исследование взаимосвязи способности к самоуправлению и ценностей личности у студентов университета – будущих педагогов // Психология третьего тысячелетия: II Международная научно-практическая конференция: Сборник материалов / Под общ. ред. Б. Г. Мещерякова. Дубна: Гос. ун-т «Дубна», 2015. С. 173–176.

Конопкин А. О. Психическая регуляция произвольной активности человека. (Структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.

Пейсахов Н. М. Практическая психология / Н. М. Пейсахов, М. Н. Шевцов. Казань: КГУ, 1991.

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ УЧАСТИЯ В ШКОЛЬНОМ БУЛЛИНГЕ У ПОДРОСТКОВ*

А. В. Колодина (Омск)

В настоящее время одной из актуальнейших социальных проблем российской действительности является проблема жестокости и насилия детей по отношению друг к другу. Практически еженедельно в СМИ обсуждаются случаи проявления детской жестокости по отношению к сверстникам или младшим детям, которая привела к тяжелым, а часто и необратимым физическим и психическим последствиям. Все это стимулирует острую необходимость проведения комплексных психологических исследований, направленных на выявление личностных и социальных предикторов проявления буллинга.

Согласно определению М. В. Сорокиной, «буллинг – это агрессивное преследование одного из членов коллектива со стороны остальных членов коллектива или его части» (Сорокина, 2012). Наиболее остро проблема буллинга проявляет себя в подростковой среде.

Опираясь на исследования Д. Олевуса, А. Пикаса, Е. Д. Роланда, Д. Лейна, Э. Миллера, Д. П. Таттума, А. М. Хорна, Б. Глейзера, Т. В. Сейджера, а также И. С. Кона, И. А. Фурманова, Н. О. Зиновьевой, И. С. Бердышева, В. Р. Петросянца, И. А. Баевой и др., мы выделили факторы, которые могут стимулировать проявление буллинга у подростков. К ним относятся следующие: детско-родительские отношения в семьях подрост-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-16-55011).

ков, самооценка и самоотношение подростка, уровень эмпатии, а также уровень агрессивности и враждебности подростка (Фурманов, 2007).

Исследование данных факторов как предикторов проявления буллинга в школьной среде стало целью нашего исследования. Выборку исследования составили 83 подростка, которые на основе результатов опросника «Шкала виктимизации сверстников» (Х. Менард (H. Mynard), С. Джозеф (S. Joseph), в адаптации И.А. Фурманова) были разделены на три группы: 1 – активно участвующие в буллинге (30 чел.), редко участвующие (23 чел.) и не участвующие в буллинге (30 чел.). Возраст испытуемых – 13–15 лет. Все испытуемые являются учащимися общеобразовательных учреждений г. Омска.

Диагностический комплекс исследования составили следующие методики: опросник «Шкала виктимизации сверстников» (Х. Менард (H. Mynard), С. Джозеф (S. Joseph), в адаптации И.А. Фурманова); анкета для изучения особенностей взаимодействия в семье (Л.И. Деметий, А.В. Колодина); опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» (И.М. Марковской); тест-опросник самоотношения (В.В. Столина, С.Р. Пантилеева); методика «Диагностики уровня эмпатии» И.М. Юсупова; опросник для определения склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел). Для статистической обработки полученных данных применялись: первичные описательные статистики, сравнительный (критерий U Манна-Уитни) и множественный регрессионный анализ (обратный пошаговый метод).

Результаты исследования. В рамках изучения форм буллинга, применяемых подростками в школьной среде, нами было установлено, что наиболее распространенной является вербальная агрессия, проявляющаяся в унижении достоинства другого человека в словесной форме. При этом подростки отмечают, что такая форма взаимодействия является привычной для них и имеет распространение не только в кругу сверстников, но и при взаимодействии с учителями. При этом источником агрессии в последнем случае выступает учитель. Второй по степени распространенности подростки назвали физическую агрессию, проявляющуюся в драках и нанесении ударов по различным частям тела. Подростки указывают и на то, что довольно часто вербальная агрессия, становясь взаимной, перерастает в физическую. При этом значимо чаще в реализации физической агрессии участвуют мальчики, нежели девочки ($U=606, p \leq 0,05$). Сравнивая группы между собой, можно отметить, что у подростков, активно и редко участвующих в буллинге, нет статистически значимых различий по критериям виктимизации, т. е. и те, и другие приблизительно в равной степени подвергаются различным видам агрессии со стороны своих одноклассников и учителей, тогда как подростки, не участвующие в буллинге, гораздо реже подвергаются агрессии со стороны сверстников и учителей как в вербальном ($U=158, p \leq 0,01$), так и в физическом ($U=216, p \leq 0,05$) плане.

Изучение детско-родительских отношений в семьях подростков показало, что подростки, активно участвующие в буллинге, имеют низкую степень удовлетворенности отношений с матерью и отцом ($U=209$, $p \leq 0,05$), их родители более требовательны и строги ($U=329$, $p \leq 0,05$), но при этом дистанцированы от ребенка ($U=330$, $p \leq 0,05$), склонны применять физическое и психологическое насилие по отношению к нему при реализации воспитательных действий. Безусловно, такая форма взаимодействия в семье зачастую приводит к копированию форм поведения родителя (например, физические воздействия или оскорбления) для достижения результатов, ожидаемых от сверстников.

Подростки, активно участвующие в буллинге, уверены в том, что они интересны для себя и других, принимают себя такими, какие они есть, однако имеют низкий уровень самопонимания. Следовательно, им сложно понять, почему они поступают так, а не иначе, сложно понять свои чувства и эмоции, возможно, что проявления агрессии в адрес других также плохо осознаются ими. Важно отметить, что различия между группами наблюдаются только по критерию аутосимпатии ($U=351$, $p \leq 0,05$), следовательно, активно участвующие в буллинге подростки чаще одобряют собственные действия и имеют более позитивную самооценку, чем редко участвующие и не участвующие в буллинге подростки, что, безусловно, подкрепляет их поведенческие стратегии.

Для подростков – активных участников буллинга характерен: низкий уровень эмпатии ($U=92$, $p \leq 0,001$), а также ориентация на агрессивное ($U=277$, $p \leq 0,01$) и деликветное поведение ($U=625$, $p \leq 0,05$), склонность к аддикциям ($U=199$, $p \leq 0,05$), неспособность контролировать эмоциональные реакции ($U=195$, $p \leq 0,05$).

На заключительном этапе нашего исследования мы построили регрессионное уравнение личностных предикторов вербальной агрессии (как наиболее распространенной формы буллинга в школьной среде) у подростков – активных участников буллинга.

Вербальная агрессия подростков как форма проявления буллинга по отношению к сверстникам предопределена строгостью и требовательностью родителей ($\beta=0,345$; $p \leq 0,01$), отсутствием близости с матерью ($\beta=-0,336$; $p \leq 0,05$), низким уровнем самопонимания ($\beta=0,308$; $p \leq 0,01$), отсутствием ожидаемого одобрения со стороны других ($\beta=-0,324$; $p \leq 0,05$), следовательно, чем меньше внимания и понимания получает ребенок в семье и ближайшем окружении, тем меньше он стремится разобраться в себе, своих эмоциях и поступках и тем с большей вероятностью он будет причинять боль и вред своим сверстникам.

Следует подчеркнуть и то, что формы взаимодействия, которые используются родителями при воспитании собственных детей, довольно часто становятся основой для формирования личностных особенностей ребенка, его уверенности в себе, самоотношения, способности понимать и сопереживать другому человеку, которые предопределяют его поведенческие стратегии в отношении других людей.

Литература

- Сорокина М. В. Психологическая помощь жертве буллинга. Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Тула. URL: <http://rae.ru/forum2012/pdf/0559.pdf> (дата обращения: 21.06.20015).
- Фурманов И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция: к изучению дисциплины. СПб.: Речь, 2007.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ С АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕВАЕМОСТЬЮ В ВУЗЕ

М. В. Комкова (Саратов)

Проблема исследования взаимосвязи ценностных ориентаций с академической успеваемостью является актуальной, так как ценностные ориентации влияют на интересы людей, на их взаимодействие с другими людьми в различных сферах жизни.

Ценности и ценностные ориентации формируются в раннем детстве, выступая регулятором человеческого поведения на протяжении всей его жизни вместе с установками, общественными нормами поведения, принципами морали.

Исследователи отмечают, что юношеский возраст сензитивен для формирования ценностных ориентаций как устойчивых свойств личности, способствует становлению мировоззрения личности.

В. Франкл утверждал, что вопросы о смысле жизни характерны более всего для юности. Определение своей цели и своего места в жизни является показателем социальной зрелости (Франкл, 2004).

Ценностные ориентации человека всегда представляли научный интерес для психологии, социологии, философии. Ценностные ориентации личности изучали Н. А. Бердяев, В. Дильтей, Ф. Знанецкий, Р. Г. Лотц, Н. О. Лосский, К. Роджерс, У. Томас, Э. Фрейд, В. Франкл, Э. Шпрангер, В. Я. Ядов.

Ценностные ориентации – это отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров (Карпенко, 2006).

Для студенческой молодежи основным видом деятельности является обучение в вузе. Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн рассматривали процесс учения как деятельность по приобретению знаний, умений, навыков. Успешность обучения определяется главным критерием – успешностью овладения новыми умениями, знаниями, навыками, эффективным их применением в практической или профессиональной деятельности. Учение представляет собой специфическую деятельность, причем оно возможно лишь на той ступени развития психики человека, когда он способен регулировать свои действия сознательной целью.

Несмотря на то, что взаимосвязь академической успеваемости с личностными характеристиками представлена в работах отечественных и зарубежных исследователей: О. Л. Андреевой, Г. Айзенка, М. Бокартс, Л. В. Бороздиной, В. В. Давыдова, А. Гейла, П. Клайна, Мервильда, Л. Ю. Образцовой, В. С. Рожиной, А. В. Смирновой, А. Фернхема, Д. Б. Эльконина, Н. Энтвистла, остается открытым вопрос о взаимосвязи ценностных ориентаций студентов с их успеваемостью в вузе.

Цель: выявить специфику взаимосвязи ценностных ориентаций студентов с их академической успеваемостью в вузе.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между академической успеваемостью студентов в вузе и их ценностными ориентациями.

В нашем исследовании была использована методика «Ценностные ориентации» М. Рокича. Эта диагностика основана на прямом ранжировании испытуемых двух списков ценностей: терминальных и инструментальных. Терминальные ценности, в трактовке М. Рокича, рассматриваются как цель существования индивида, к которой он стремится. Инструментальные ценности – это убеждения, образ действий.

Методика М. Рокича направлена на изучение индивидуальных представлений о системе ценностей человека, которые выполняют функцию ориентиров жизнедеятельности человека. В исследовании предполагается, что результаты исследования будут отражать реальное соотношение различных ценностей для каждого индивида (Новиков, 2010).

В своей работе мы будем руководствоваться определением Е. В. Кочергиной, Дж. В. К. Най и Е. А. Орёл: «академическая успеваемость» – средний балл студента за все время обучения (Кон, 2009).

В качестве академической успеваемости в работе взяли средний балл студентов по учебным дисциплинам за два года обучения. В исследовании приняли участие 50 студентов четвертого курса СГУ им. Н. Г. Чернышевского, две учебные группы одного факультета. Возрастной состав групп – 20–23 года.

Статистические методы в программе SPSS: T-test для сравнения двух групп, корреляционный анализ для описания связи ценностных ориентаций и академической успеваемости.

Для исследования уровня академической успеваемости был определен средний балл успеваемости у 50 студентов 4 курса, а также сравнение этого балла у двух академических групп. Можно утверждать, что обе группы являются однородными по показателю «средний балл успеваемости».

Исследование переменной «ценностные ориентации» позволило получить результаты, которые свидетельствуют о том, что главными терминальными ценностями молодых людей являются следующие: любовь, здоровье, наличие хороших и верных друзей, материально обеспеченная жизнь, счастливая семейная жизнь.

Расчеты инструментальных ценностей позволили проранжировать их и получить результаты, демонстрирующие, что наибольшее значе-

ние для студентов имеют следующие инструментальные ценности: жизнерадостность, воспитанность, образованность, независимость, честность, твердая воля.

Для выявления взаимосвязи между ценностными ориентациями и академической успеваемостью был проведен корреляционный анализ по коэффициенту ранговой корреляции Спирмена и позволил установить, что существует положительная корреляционная зависимость между академической успеваемостью студентов и такими терминальными ценностными ориентациями, как жизненная мудрость, здоровье, красота природы и искусства, наличие хороших и верных друзей, счастье других.

Корреляционный анализ академической успеваемости и инструментальных ценностей позволил выявить положительную связь между академической успеваемостью и аккуратностью, исполнительностью, непримиримостью к недостаткам в себе и других, образованностью, рационализмом, честностью.

Статистически достоверная корреляционная связь академической успеваемости с другими терминальными и инструментальными ценностями не установлена.

Проведенный корреляционный анализ ранговой корреляции Спирмена позволил получить интересные результаты.

Первая группа (средний балл – 3,0–4,0). Положительная корреляционная связь между низким рангом успеваемости и терминальными ценностями: установлена положительная корреляционная связь между низким рангом успеваемости и терминальными ценностями – активной деятельной жизнью, любовью, материально обеспеченной жизнью, наличием хороших и верных друзей, общественным признанием, продуктивной жизнью, развитием, свободой, уверенностью в себе.

Для этих студентов обучение в вузе не является главной целью в жизни. Для них имеет значение активная деятельная жизнь, постоянное физическое и духовное совершенствование, независимость в поступках и суждениях, внутренняя гармония с собой. Отрицательная корреляция установлена между жизненной мудростью, здоровьем, интересной работой, красотой природы и искусства, творчеством. Для этого ранга студентов установлено, что работа является средством достижения материального благополучия.

Положительная корреляционная связь между низким рангом успеваемости и инструментальными ценностями. Для этих студентов характерна положительная корреляция между успеваемостью и инструментальными ценностями: жизнерадостность, непримиримость к недостаткам других и в себе, ответственностью, рационализмом, широтой взглядов. Это означает, что чем ниже успеваемость студентов, тем больше они жизнерадостны, непримиримы к недостаткам в себе и других, умеют понять чужую точку зрения, уважают вкусы других.

Установлена отрицательная корреляция между успеваемостью студентов 3,0–4,0 и самоконтролем, чуткостью. Это означает, что чем ниже успеваемость студентов, тем ниже самоконтроль, сдержанность и самодисциплина.

Вторая группа (средний балл – 4,1–5,0). Положительная корреляционная связь между высоким рангом успеваемости и терминальными ценностями: у студентов с высокой академической успеваемостью (средний балл – 4,1–5,0) установлена положительная корреляционная связь с такими терминальными ценностями, как интересная работа, творчество, познание, продуктивная жизнь: для этих студентов обучение в высшем учебном заведении является интересной работой, творчеством, возможностью расширения своего кругозора, образования, общей культуры, интеллектуального развития.

Положительная корреляционная связь между высоким рангом успеваемости и инструментальными ценностями не установлена.

Литература

Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 2009.

Новиков А. М. Основания педагогики. М.: Эгвес, 2010.

Психологический лексикон: Энциклопедический словарь. В 6 т. // Под общ. ред. А. В. Петровского. М.: Пер Сэ, 2006.

Франкл В. Психотерапия на практике. М.: Аспект-Пресс, 2004.

ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ РАБОТНИКОВ СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

М. В. Корехова, А. Г. Соловьев, И. А. Новикова (Архангельск)

Профессиональная деятельность медицинских работников осуществляется в условиях воздействия целого комплекса неблагоприятных производственных факторов различной природы, нервно-эмоционального напряжения, высокой ответственности. Предъявляются повышенные требования к профессиональной компетентности, и они часто сталкиваются с экстремальными ситуациями в своей деятельности (Водопьянова, 2009). Особенно это касается деятельности медицинских работников скорой медицинской помощи (СМП), которая сопряжена с огромным количеством эмоционально насыщенных стресс-факторов, связанных с большой ответственностью за здоровье пациентов в самых критических ситуациях, зачастую в условиях жесточайшего дефицита времени.

Исходя из этого, работники СМП относятся к группе риска развития профессионального стресса. Однако стрессовые события сами по себе очень редко становятся причиной развития каких-либо негативных последствий. Важным фактором при этом выступают индивидуально-

психологические особенности личности, в том числе копинг-стратегии (Журавлев, 2008; Корехова, 2014). Способность преодолевать стресс в большинстве случаев более важна, чем природа, величина и частота стрессового воздействия (Вассерман, 2010).

С целью изучения копинг-стратегий работников СМП нами было проведено обследование 44 фельдшеров, работающих в различных подразделениях СМП Архангельской области, средний возраст – $38,1 \pm 10,8$ года ($M \pm \sigma$).

Использовался экспериментально-психологический метод исследования: анкетирование, шкала организационного стресса Мак-Лина, копинг-тест Р. Лазаруса и С. Фолькман. Для обработки результатов исследования применялся пакет прикладных статистических программ SPSS (версия 15.0) и стандартные расчетные методы.

По результатам анкетирования, было выявлено, что в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей 75,0% работников СМП часто и практически ежедневно сталкивались со стрессовыми ситуациями, 38,6% отмечали, что в их работе нередко бывают события, при воспоминании о которых они испытывают тревогу, неприятные переживания. Каждый третий сотрудник подвергался угрозе жизни и опасности серьезного ранения или травмы.

В обследуемой группе по методике Мак-Лина по показателю организационного стресса отмечалась высокая вероятность развития стресса ($49,5 \pm 8,2$ балла) ($M \pm \sigma$). У 54,4% обследуемых был выявлен поведенческий тип А (высокий уровень организационного стресса), у 12,3% – тип В (низкий уровень организационного стресса), и у 33,3% – тип АВ (средний уровень организационного стресса), т. е. каждый второй работник скорой медицинской помощи предрасположен к различным стресс-синдромам, имеет высокую предрасположенность к возникновению профессионального выгорания и сердечно-сосудистых заболеваний, а также низкую устойчивость к стрессам.

По методике Р. Лазаруса, были выявлены три копинг-стратегии, имеющие наибольший уровень напряженности: дистанцирование ($53,0 \pm 10,5$ балла), поиск социальной поддержки ($51,0 \pm 8,5$ балла), планирование ($50,8 \pm 10,4$ балла), т. е. в стрессовой ситуации работники СМП снижают ее субъективную значимость и степень эмоциональной вовлеченности в нее, фокусируются на проблеме, анализируя то, как можно изменить ситуацию, а также усиливают поиск информационной, действенной и эмоциональной поддержки. Наименьший уровень напряженности копинга отмечался у стратегии самоконтроля ($43,8 \pm 9,6$ балла), что означает редкое использование попыток преодоления негативных переживаний в связи с проблемой за счет намеренного подавления или сдерживания эмоций, высокого контроля поведения.

У 23,8% обследованных преобладающей копинг-стратегией было дистанцирование, 23,8% □ планирование решения проблемы, 19,1% –

поиск социальной поддержки, 11,9% – бегство-избегание, 7,1% – положительная переоценка, 7,1% – принятие ответственности, 4,8% – конфронтация и у 2,4% – самоконтроль. Исходя из этого, можно сказать, что каждый второй работник СМП использует неадаптивные копинг-стратегии в борьбе с возникшими трудноразрешимыми ситуациями, обесценивает собственные переживания, недооценивает значимость и возможность действительного преодоления проблемных ситуаций, может наблюдаться импульсивность в поведении, иногда с элементами конфликтности и враждебности, или встречаются реакции по типу уклонения: отрицание проблемы, фантазирование, уклонение от ответственности и т. д.

По результатам корреляционного анализа, было выявлено, что с увеличением показателя организационного стресса усиливается напряжение таких копинг-стратегий, как бегство ($r=0,534$; $p=0,000$) и самоконтроль ($r=0,376$; $p=0,014$). Также были выявлены взаимосвязи между следующими копинг-стратегиями: бегство и конфронтация ($r=0,339$; $p=0,028$), бегство и дистанцирование ($r=0,480$; $p=0,001$), дистанцирование и самоконтроль ($r=0,452$; $p=0,003$), ответственность и положительная переоценка ($r=0,335$; $p=0,030$), положительная переоценка и планирование ($r=0,344$; $p=0,026$). Следовательно, при увеличении организационного стресса усиливается напряжение неадаптивных копинг-стратегий, могут наблюдаться неконструктивные формы поведения в стрессовых ситуациях, отрицание или полное игнорирование проблемы, пассивность, чрезмерное сдерживание эмоций, обесценивание собственных переживаний или, наоборот, вспышки раздражения, импульсивное поведение. Неадаптивные копинг-стратегии не помогают разрешить сложившуюся ситуацию, а только лишь усиливают стресс, повышая степень конфронтации и способствуя, в целом, снижению качества жизни (Новикова, 2002). Адаптивные же копинг-стратегии нацелены на признание своей роли в возникновении проблемы и ответственности за ее решение, предполагают выработку плана своих действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов, создают возможность положительного переосмысления проблемной ситуации.

Таким образом, у каждого второго работника СМП отмечается низкая толерантность к стрессу и высокая предрасположенность к развитию профессионального выгорания. Наиболее часто используемыми копинг-стратегиями являются дистанцирование, поиск социальной поддержки и планирование решения проблемы. Неадаптивные копинг-стратегии свойственны половине обследованных фельдшеров. В связи с этим необходимо своевременное и целенаправленное проведение профилактических мероприятий, направленных на минимизацию негативных последствий профессионального стресса. Профилактические мероприятия должны включать, в первую очередь, обучение

способам эмоционально-волевой саморегуляции в обычных, а также экстремальных ситуациях, релаксационные занятия, обучение эффективным способам совладания со стрессом, развитие профессионально важных качеств и др.

Литература

- Вассерман Л. И.* Совладание со стрессом: теория и психодиагностика: Учеб.-метод. пособ. СПб.: Речь, 2010.
- Водопьянова Н. Е.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. СПб.: Питер, 2009.
- Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Корехова М. В.* Психическая дезадаптация специалистов в экстремальных условиях деятельности: Монография / М. В. Корехова, А. Г. Соловьев, И. А. Новикова. Архангельск: Изд-во СГМУ, 2014.
- Новикова И. А.* Качество жизни при соматических заболеваниях / И. А. Новикова, П. И. Сидоров, А. Г. Соловьев // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2002. № 5. С. 7–11.

КРЕАТИВНОСТЬ И ЧУВСТВО ЮМОРА В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ*

А. С. Косовская, Л. А. Дикая (Ростов-на-Дону)

Проблема адаптации к обучению в вузе обретает актуальность именно в юношеском возрасте, поскольку этот период жизни человека относится к начальному этапу профессионализации. Под адаптацией к обучению в вузе понимается процесс вхождения личности в совокупность новых ролей и форм деятельности, определяющих выработку оптимального режима функционирования личности в учебной среде (Яницкий и др., 2013). В структуре вузовской адаптации особое место занимает социально-психологическая адаптация (СПА), которая отражает изменение социальной роли студента, усвоение норм и традиций вуза.

С точки зрения оптимизации процесса СПА, для этой цели может быть использована идея юмора и креативности. И если работы, в которых в качестве факторов СПА рассматривается креативность, представлены в современной психологии (Дикая, Карпова, 2014; Дикий, 2014; Ушаков, 2011), то работы, посвященные изучению роли юмора в СПА

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (проект № 25.2141.2014/К).

участников учебного процесса, пока еще только в замыслах исследователей. Между тем проведенные теоретические и эмпирические исследования чувства юмора показали его мощный ресурс в сфере межличностной коммуникации (Иванова, Ениколопов, 2006).

Цель исследования – изучение креативности и чувства юмора в структуре СПА студентов.

Нами были выдвинуты следующие *гипотезы*:

1. Уровень СПА у студентов может определяться уровнем развития креативности и чувства юмора.
2. У студентов могут быть выявлены взаимосвязи показателей креативности, чувства юмора и СПА с другими психологическими и психофизиологическими характеристиками.
3. Студенты с высоким и низким уровнем СПА могут характеризоваться как схожими, так и специфическими психологическими и психофизиологическими характеристиками.

Объектом исследования выступили студенты первого курса Южного федерального университета в количестве 52 чел.

Предмет исследования – психологические и психофизиологические характеристики студентов с разным уровнем СПА.

Методы: 1. Анализ литературы; 2. Психологическое тестирование (методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, тест вербальной креативности (RAT) С. Медника (адаптация А. Н. Воронина, взрослый вариант), методика «Уровень и тип чувства юмора» И. С. Домбровской; многофакторный личностный опросник FPI; 3. Психологическое моделирование, заключающееся в создании исследовательской процедуры, состоявшей из двух серий. В первой серии всем студентам предлагалось придумать нестандартное окончание 3 пословиц и придумать 2 предложения, так чтобы все слова начинались с одной и той же буквы, не меньше 5 слов в предложении. Испытуемые должны были назвать способ создания пословицы или предложения (инсайт или аналитический путь). Все пословицы и предложения были оценены 10 экспертами (по шкале от 0 до 10) и по двум критериям: оригинальность и эффективность, т. е. наличие смысла в пословице или предложении. Затем, сразу после выполнения этих заданий, при помощи гаплогоскопа мы исследовали глазодоминирование, что позволило нам по количественному показателю асимметрии ведущего глаза, диагностируемому методом бинокулярной конкуренции с применением матриц цифровых стимулов, сделать выводы о доминирующем контрлатеральном полушарии. Вторая серия проходила по такой же схеме: всем испытуемым предлагалось создать пословицы и предложения, но они обязательно должны были быть смешными.- 4. Статистическая обработка данных (t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ Спирмена).

Полученные результаты

1. Установлено, что уровень вербальной креативности достоверно выше у студентов с низким уровнем СПА, чем с высоким ($p \leq 0,05$), что может указывать на наличие у студентов с низким уровнем СПА актуальной потребности в реализации творческого потенциала как компенсации их низкой адаптированности или необходимости использования вербальной креативности как инструмента адаптации для повышения ее уровня.
2. Достоверно выявлено, что студенты с низким уровнем СПА в большей степени характеризуются невротичностью, раздражительностью, эмоциональной лабильностью, чем студенты с высоким уровнем ($p \leq 0,05$). Это указывает на повышенную невротизацию, неустойчивое эмоциональное состояние со склонностью к аффективному реагированию, частые колебания настроения, повышенную возбудимость, что может являться причиной или следствием низкой адаптированности студентов. В то же время студенты с высоким уровнем СПА характеризуются общительностью, уравновешенностью, им больше присущи экстравертированность и маскулинизм ($p \leq 0,05$). Исходя из этих результатов, можно заключить, что направленность человека на внешний мир и протекание психической деятельности преимущественно по мужскому типу являются благоприятными факторами для СПА.
3. В результате проведенного корреляционного анализа выявлены следующие взаимосвязи. Чем выше уровень вербальной креативности у студентов, тем более выражена обращенность юмора на себя и тем ниже стремление к доминированию ($p \leq 0,05$). Высококреативные студенты не стремятся занимать лидирующие позиции, проявлять инициативу и, вероятно, предпочитают самоиронию в качестве основного юмористического приема.

Чем выше уровень эскапизма (уход от проблем), тем больше выражена склонность к производству юмора и направленность юмора на других ($p \leq 0,05$), что может выражаться в стремлении отшутиться в сложной ситуации или в форме юмора переложить какую-либо неприятную работу на другого человека.

4. Общей для всех испытуемых, независимо от их уровня СПА, является следующая достоверная взаимосвязь. Чем сильнее выражена активность левого полушария, тем больше снижались показатели оригинальности и эффективности в серии, направленной на изучение чувства юмора ($p \leq 0,05$).
5. Специфичными для студентов с высоким уровнем СПА являются следующие взаимосвязи.

Чем выше показатель эффективности при создании юмористических предложений, тем выше активация левого полушария ($p \leq 0,05$).

Чем выше показатель эффективности при создании креативных пословиц, тем активнее протекала деятельность полушарий в данных сериях ($p \leq 0,05$).

Независимо от типа решаемых когнитивных задач, инсайт как один из этапов творческого процесса был наиболее часто встречающимся способом решения, что свидетельствует о проявлении у студентов творческой активности ($p \leq 0,05$).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о важной роли креативности и чувства юмора в СПА. В структуре социально-психологической адаптации креативность и чувство юмора занимают важное место и выступают мощным ресурсом для ее успешного протекания.

Литература

- Дикая Л. А., Карпова В. В.* Влияние профессиональной художественной подготовки на особенности формирования функциональных связей коры головного мозга при выполнении образной творческой деятельности // Российский психологический журнал. 2014. Т. 11. № 4. С. 80–90.
- Дикий И. С.* Особенности функциональной организации коры головного мозга у одаренных учащихся различных возрастных групп при выполнении когнитивной деятельности // Естественно-научный подход в современной психологии / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 260–265.
- Иванова Е. М., Ениколопов С. Н.* Психологические исследования чувства юмора // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 122–133.
- Ушаков Д. В.* Психология интеллекта и одаренности М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Яницкий М. С., Серый А. В., Пелех Ю. В.* Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии // Философия образования. 2013. № 1. С. 175–186.

БОГОСЛОВ И ПСИХОЛОГ В. А. СНЕГИРЕВ О СУБСТАНЦИАЛЬНОСТИ ДУШИ

А. А. Костригин (Нижний Новгород)

Конец XIX века – это бурное развитие всех направлений психологической науки. В. А. Кольцова выделяет 3 направления в психологии, сложившиеся к началу XX века: экспериментальная, эмпирическая и религиозно-философская психология (Кольцова, 1997).

Основной религиозно-философской психологии являются русские богословские и религиозно-философские мысли. Это направление психологии характеризуется следующими положениями (Кольцова, 1997, с. 39–41):

- 1) душа – сфера внутренней реальности человека, которая представлена в личностных переживаниях самому субъекту;
- 2) психика человека – самостоятельная сущность;
- 3) идеалистический взгляд на душу, которая имеет собственные законы существования, отличающиеся от материальных законов;
- 4) непрерывность процесса сознания;
- 5) тождество веры и знания;
- 6) обладание человеком свободой воли.

К религиозно-философскому направлению можно отнести таких мыслителей, как митрополит Антоний (Храповицкий), С. С. Гогоцкий, В. С. Сребренников, Н. О. Лосский, В. А. Снегирев, В. И. Несмелов, Л. М. Лопатин и др.

В данной статье ставится задача анализа религиозно-философского подхода В. А. Снегирева к душевным явлениям, психологические взгляды которого изучались нами в других работах (Стояхина, Костригин, 2013).

В статье используются следующие историко-психологические методы: метод анализа продуктов деятельности и метод анализа категориально-понятийного аппарата.

Снегирев Вениамин Алексеевич (1842–1889) – психолог, философ, профессор Казанской духовной академии. Преподавал психологию, метафизику и логику.

В своих психологических и философских работах В. А. Снегирев тяготеет к персоналистическому взгляду на душу человека. Он определяет задачу психологии следующим образом: «Психология имеет своим предметом явления внутренней духовной жизни человека, как явления данные в опыте, доступные наблюдению внутреннему и отчасти внешнему, доступные в известной мере даже экспериментации, т. е. искусственному намеренному измерению со стороны исследователя, явления, подчиняющиеся неизменным законам в своем происхождении и бытии, подобно всем другим явлениям доступного человеческого наблюдению мира» (Снегирев, 1876, с. 427). По мнению В. А. Снегирева, психология занимается исследованием таких психических явлений, которыми обладают все люди. Это необходимо для того, чтобы можно было объяснить явления частного характера, индивидуальные изменения «душевной жизни».

Подход В. А. Снегирева выражается в признании самостоятельности существования душевных явлений и субстанциальности души. «Истина бытия особого, самостоятельного начала, лежащего в основе явлений внутренней жизни человека, иначе – бытия душевной субстанции, относится к разряду небольшого количества необходимых истин, которые, будучи ясно и отчетливо поняты, становятся очевидными, несомненными без всяких доказательств» (Снегирев, 2008, с. 70).

Ученый предлагает два способа осознания истины бытия души: здравый смысл и философская мысль. Первый путь (здравый смысл) – это «обыкновенное общечеловеческое мышление». Мы легко можем удостовериться, что в самом себе мы имеем некую мыслящую, чувствующую и проявляющую волю силы. Человек понимает, что его чувства – страдание или наслаждение – это не «призраки», что он страдает в самом деле! «Это простое, непосредственное самооткрытие души самой себя» (Снегирев, 2008, с. 71).

Второй путь – философское осмысление – показывает нам, что при познании внешнего мира мы имеем дело не с внешними предметами, а с нашими ощущениями и образами. В.А. Снегирев при философском обосновании субстанциальности души ссылается на таких великих мыслителей, как Платон, Декарт и Кант. Внешний объект – это идея в нашей душе; человек не может познать сами внешние предметы, но познает их образы, идеи в себе; и если принимать положение, что души не существует, то и внешнего мира также не может существовать, ибо как тогда материальный мир был бы представлен человеку.

Выступая против крайнего материализма, ученый пишет следующее: «Только не было в истории народа, который бы положил эту односторонность (материализм. – А.А.) в основу своего мирозерцания и своей жизни. Такого народа и не будет никогда, вероятно, потому, что момент всеобщего утверждения материалистического мирозерцания неизбежно будет началом падения и гибели, разложения общества» (Снегирев, 2008, с. 80).

Однако В.А. Снегирев не является и сторонником крайнего идеализма, согласно которому отрицается весь внешний материальный мир. «...и материализм, как и крайний идеализм, есть метафизическая греза, чистое отвлечение» (Снегирев, 2008, с. 80).

Таким образом, В.А. Снегирев избирает позицию, находящуюся между материализмом и идеализмом. С одной стороны, он обосновывает действительность существования души, самостоятельности душевных явлений. С другой – ученый не отвергает физиологические механизмы, соответствующие душевным процессам. Это являлось достаточно прогрессивной позицией для того времени.

Тем не менее, В.А. Снегирев считает душевные явления самой высшей формой бытия. Он перечисляет свойства душевных явлений: сознательность; идеальность; сверхчувствительность; субъективность; неделимость; непространственность.

Им выделяются 3 класса или 3 формы душевных явлений (Снегирев, 2008, с. 92–93):

- а) душевные явления, присущие неразумным животным и существующие у человека как низшая сторона его духовной природы;
- б) душевные явления, свойственные исключительно человеку;

- в) душевные явления, составляющие результат взаимодействия индивидуальных душ человеческих и их коллективной, совместной деятельности.

В. А. Снегирев предлагает классифицировать душевные явления следующим образом. Как и многие другие психологи XIX в., ученый считает самым первичным и основным душевным явлением ощущение. Он определяет ощущение как «особого рода внутреннее возбуждение, являющееся под непосредственным влиянием физических деятелей, вне организма и внутри его находящихся» (Снегирев, 2008, с. 125). Также ощущение может продолжаться в слабой форме уже после воздействия со стороны физического стимула, и тогда ощущение предстает перед нами в форме идеи.

Наравне с ощущением есть еще два простейших состояния души, которые не сводятся к ощущению, но его включают. Во-первых, это волнение, или чувствование, которое есть «внутреннее возбуждение» и которое в элементарной форме является нам в форме удовольствия и неудовольствия. Снегирев говорит о чувствовании как о впечатлении, которое производится на душу ее же состояниями. И, во-вторых, это стремление, или двигательный импульс, которое является внутренним в «возбуждением к действию» (Снегирев, 2008, с. 126). Чувствования и стремления также имеют способность оставаться в слабой форме уже после актуального состояния, и поэтому они тоже становятся идеями.

Из ощущений, волнений и стремлений и их идей получают три сложных процесса, три группы сложных явлений. Это умственная деятельность, или ум, интеллект; это сердечная деятельность, или сердце; и это волевой процесс, или воля.

Таким образом, можно говорить о душе как о некотором роде «круговороте внутренних состояний», как об организованной ткани ощущений, чувствований, стремлений и их идей в самых разнообразных формах и отношениях.

Психологические взгляды В. А. Снегирева отвечают духу своего времени. В его творчестве рассматриваются актуальные для XIX в. проблемы души и тела, соотношение душевных явлений и физиологических механизмов, классификации душевных процессов, а также обоснование необходимости изучения личности конкретного, а не обобщенного человека.

Литература

Кольцова В. А. Психология в России начала XX века (предреволюционный период) // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 10–48.

Снегирев В. А. Психология. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008.

- Снегирев В. А. Психология и логика как философские науки // Православный собеседник. 1876. № 2 С. 427–451.
- Стоухина Н. Ю., Костригин А. А. Методологические аспекты психологии в работах В. А. Снегирева // APRIORI. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 11.

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ СО СВЕРСТНИКАМИ И ИХ КОРРЕКЦИИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ С ДЕСТРУКТИВНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РОДИТЕЛЯМИ*

А. И. Кошель (Ростов-на-Дону)

Ожидания и требования современного общества, предъявляемые к старшекласснику как субъекту межличностного взаимодействия, самостоятельному члену общества, не соответствуют реальной ситуации его развития. Карьерные установки родителей и, как следствие, недостаточность эмоционального тепла и внимания формируют неуверенность и беспомощность школьников, при этом высокий уровень контроля жизни старшеклассника и опеки мешают развитию его самостоятельности и самодостаточности (Истратова, 2013; Ковалева, 2011; Мымрикова, 2010). Особенности семейной сепарации определяют характер детско-родительских отношений старшеклассника, стратегию его взаимодействия с родителями – совокупность доминирующих особенностей поведения в отношениях с родителями, обусловленных социальной ситуацией: сотрудничество, подчинение и противодействие (Нартова-Бочавер, 2014).

Старшеклассники со стратегией взаимодействия с родителями по типу сотрудничества характеризуются стремлением к самоактуализации, высокой степенью развития субъектных качеств, четкими границами, отделяющими их личность от родительской. Стратегия подчинения характеризуется выраженной потребностью в поддержке, опоре и руководстве, в поведении школьники стремятся избегать конфликтов, занимают пассивную позицию в ситуациях жизненного выбора, руководствуясь мнениями, указаниями со стороны родителей. Стратегия противодействия выражается в бунтарстве, когда все поступки индивида диктуются стремлением действовать наоборот, чем от него ожидают, выбор старшеклассника также обусловлен мнениями окружающих. Стратегии подчинения и противодействия являются деструктивными, в их основе лежит фрустрированная потребность в самоактуализации,

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-36-01006.

что затрудняет процесс перестройки межличностных отношений старшего школьника: достижение определенного уровня автономии от родителей и построения качественно новых, зрелых отношений со сверстниками (Истратова, 2013; Виленская, 2012).

Проблема несоответствия ожиданий и требований общества, предъявляемых к старшекласснику, и его реальной ситуации развития актуализирует цель исследования: изучение особенностей отношений со сверстниками старшеклассников с разными стратегиями взаимодействия с родителями и разработка мероприятий по коррекции этих отношений.

Гипотезы исследования

1. Деструктивные стратегии взаимодействия обуславливают у старшеклассников деформацию отношений со сверстниками, выражающуюся в нерешенности возрастных задач общения.
2. Возможно разработать эффективную программу комплексной психолого-педагогической работы по коррекции отношений со сверстниками у старшеклассников с деструктивными стратегиями взаимодействия с родителями.

Математико-статистические процедуры: критерий φ^* – угловое преобразование Фишера; критерий Q Розенбаума; T-критерий Вилкоксона. Качественный анализ данных: контент-анализ.

Характеристика выборки: 237 старшеклассников (101 девушка, 136 юношей), из них 60 чел. (28 девушек, 32 юношей) участвовали в психолого-педагогической работе, а также 144 родителя и 15 педагогов (г. Таганрог).

Эмпирическое исследование показало, что деструктивные стратегии взаимодействия обуславливает у старшеклассников деформацию отношений со сверстниками, выражающуюся в нерешенности возрастных задач общения. Старшеклассники со стратегией подчинения и со стратегией противодействия имеют жесткую эмоциональную связь со взрослыми, чем юноши и девушки со стратегией сотрудничества ($\varphi_{\text{эмп}} = 3,16$, $p \leq 0,05$, $\varphi_{\text{эмп}} = 3,65$, $p \leq 0,01$), и это приводит к трудностям в установлении удовлетворительных отношений со сверстниками, что сопровождается негативными эмоциональными переживаниями. Подростки со стратегией подчинения испытывают внутреннюю напряженность (тревожность, обиду, волнение), а подростки со стратегией противодействия импульсивны и несдержанны (не стараются контролировать себя) в своих эмоциональных проявлениях (презрение, раздражительность, злость, желание ударить). Кроме того, старшеклассники с деструктивными стратегиями взаимодействия более низко оценивают свои отношения со сверстниками противоположного пола, чем подростки со стратегией сотрудничества относительно неконфликтности, успешности выполнения совместной деятельности (противодействия) и уме-

нии устанавливать контакты (подчинения). Деструктивные стратегии взаимодействия с родителями обуславливают проблемы в отношениях со сверстниками, связанные с избирательностью, эмоциональной близостью и дистанцией, умением и желанием устанавливать контакты. У старшеклассников со стратегией подчинения это проявляется в узком круге общения со сверстниками ($Q_{эмп}=12, p \leq 0,01$), они нерешительны в отношениях, имеют потребность в зависимости от сверстников. У школьников со стратегией противодействия широкий круг общения со сверстниками, но мало близких отношений ($Q_{эмп}=16, p \leq 0,01$).

Старшеклассники с деструктивными стратегиями взаимодействия со сверстниками нуждаются в психологической помощи, поэтому нами была разработана программа психолого-педагогической работы по коррекции их отношений со сверстниками, основанная на комплексной организации работы со всеми субъектами образовательного процесса: старшеклассниками, их родителями и педагогами:

- просветительская работа с родителями и педагогами направлена на повышение психолого-педагогической компетентности по вопросам задач развития в старшем школьном возрасте и искажения детско-родительских отношений, изменение деструктивных установок в воспитании старших школьников;
- психокоррекционная работа со старшеклассниками предполагает решение задач по формированию стремления к самоактуализации, личностной автономии и самостоятельности; решению актуальных проблем в детско-родительских отношениях путем осознания и изменения своего положения в отношениях с родителями; формирование оптимальной модели взаимодействия со сверстниками через решение возрастных задач общения.

Данный комплекс психолого-педагогических мероприятий обеспечил устойчивую динамику в положительных изменениях в сфере отношений со сверстниками у старшеклассников с деструктивными стратегиями взаимодействия с родителями. Увеличилась значимость отношений со сверстниками, по сравнению со взрослыми ($\varphi_{эмп}=2,13, p \leq 0,05$). Появились положительные тенденции в расширении круга общения со сверстниками у подростков со стратегией подчинения ($T_{эмп}=6,5, T_{эмп}=5, p \leq 0,01$) и в увеличении близких контактов у подростков со стратегией противодействия ($T_{эмп}=3, p \leq 0,01$). Стабилизировались эмоциональные переживания: у подростков со стратегией подчинения снизилась внутренняя напряженность ($\varphi_{эмп}=1,68, p \leq 0,05$), а школьники со стратегией противодействия стали более сдержанными, научились контролировать свои эмоции ($\varphi_{эмп}=1,72, p \leq 0,05$). Повысилась удовлетворенность отношениями со сверстниками противоположного пола относительно понимания ($T_{эмп}=7, T_{эмп}=3, p \leq 0,05$), неконфликтности ($T_{эмп}=2, T_{эмп}=0, p \leq 0,01$), контактности ($T_{эмп}=0,5, p \leq 0,01$), знания для об-

щения и успешности выполнения совместной деятельности ($T_{\text{эмп}}=1,5$, $T_{\text{эмп}}=4,5$, $p \leq 0,05$). Также эффективность проведенной работы подчеркивает анализ обратной связи старшеклассников, которые отмечают улучшение своих отношений со сверстниками и родителями.

Таким образом, цель исследования достигнута: гипотезы подтверждены.

Литература

- Истратова О. Н.* Семейное неблагополучие как социально-психологическая проблема // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 10 С. 242–249.
- Ковалева Ю. В.* Родительское отношение и регуляция поведения в юношеском возрасте // Знание. Понимание. Умение: Научный журнал Московского гуманитарного университета. 2011. № 4. С. 200–206.
- Мыршикова А. И., Истратова О. Н.* Психологическая зависимость от родителей в старшем подростковом возрасте, причины и следствия ее возникновения // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2010. № 10 (111). С. 209–214.
- Нартова-Бочавер С. К., Силина О. В.* Динамика развития психологических границ на протяжении детства // Актуальные проблемы психологического знания. М.: НОУ ВПО «Московский психолого-социальный университет», 2014. № 3 (32). С. 13–28.
- Виленская Г. А.* Семейные стратегии поведения и становление индивидуальности ребенка // Психологические проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 480–508.

ОТНОШЕНИЕ К РИСКУ У ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ РАЗНЫЙ ОПЫТ ЗАНЯТИЙ ДАЙВИНГОМ

А. И. Краснорядцева (Москва)

Занятие экстремальными видами спорта сопряжено с повышенным риском для жизни и здоровья, который, однако, не следует трактовать только как наличие некой внешней, объективной опасности для индивида. Риск появляется там, где субъект активно взаимодействует со средой и принимает решения в условиях неопределенности, в актах выбора опираясь на единство функционирования собственного интеллектуально-личностного потенциала.

Целью работы являлось исследование взаимосвязей между личностными особенностями и когнитивными репрезентациями риска для жизни и здоровья у представителей экстремальных видов спорта (на примере подводного плавания с аквалангом) с позиций модели

мультипликативной и многоуровневой регуляции принятия решений в условиях неопределенности (Корнилова, 2003; Корнилова и др., 2010).

Основной *гипотезой* выступило предположение о том, что у лиц, занимающихся подводным плаванием с аквалангом, могут быть выявлены особенности взаимосвязей личностных свойств (таких как готовность к риску, рациональность, толерантность к неопределенности, самооффективность, стили совладания при принятии трудных решений и др.) и когнитивных репрезентаций риска, по сравнению с лицами, не вовлеченными в занятие данным видом спорта. А также, что, в зависимости от опыта занятия дайвингом, характер связей между личностными свойствами и когнитивными репрезентациями риска будет различным.

Участники исследования. В исследовании приняли участие 156 мужчин. В экспериментальную группу вошли 95 чел., занимающихся подводным плаванием с аквалангом ($M_{\text{возр.}} = 39,1, \sigma = 7,55$); контрольную группу составили сотрудники различных организаций г. Москвы, Казани, Екатеринбурга и Хабаровска, не занимающиеся дайвингом: 61 чел. ($M_{\text{возр.}} = 32,26, \sigma = 6,88$). Экспериментальная группа была разделена на три подгруппы в зависимости от количества подводных погружений испытуемых: «Новички» (30 чел., $M_{\text{возр.}} = 33,97, \sigma = 6,42$) – лица с опытом не более 50 погружений; «Опытные» (32 чел., $M_{\text{возр.}} = 39,78, \sigma = 6,63$) – не менее 90 погружений; «Инструкторы» (33 чел., $M_{\text{возр.}} = 43,12, \sigma = 6,78$) – группа лиц, обладающих необходимым для обучения дайвингу уровнем сертификации и занимающихся профессиональной деятельностью в этой сфере.

Гендерный состав выборки был обусловлен большей распространенностью данного вида спорта среди мужчин, чем среди женщин, поэтому в экспериментальную и контрольную группы вошли только мужчины.

Методики. Для выявления личностных свойств рациональности и готовности к риску использовался опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-21) (Корнилова и др., 2010). Для определения личностной толерантности и интолерантности к неопределенности применялся опросник Баднера в русскоязычной версии (Корнилова, Чумакова, 2014). Для оценки стилей совладания при принятии сложных решений использовался Мельбурнский опросник принятия решений (МОПР) в русскоязычной версии Т. В. Корниловой (Корнилова, 2013). Для определения уровня уверенности в своей способности успешно справляться со специфическими задачами применялся опросник общей самооффективности (Шварцер, Ромек, Ерусалем, 1996). Для выявления самооценок склонности к риску применялась модифицированная методика Прямой самооценки А. Фернхема. С целью исследования когнитивных репрезентаций риска для жизни и здоровья использовался психометрический подход. На основе методики П. Словика была составлена анкета для оценивания различных рисков. Для характеристики когнитивных репрезентаций риска испытуемых использовались

оценки, полученные по шкалам «степень катастрофичности последствий риска» и «степень предсказуемости последствий риска».

Статистическая обработка. В процессе обработки данных и проверки статистических гипотез использовался корреляционный анализ, методы описательной статистики и непараметрические критерии для сравнения независимых выборок (Манна–Уитни, Краскела–Уоллиса), реализованные средствами пакета SPSS Statistics 20.0 и MS Excel.

Результаты. По критерию Манна–Уитни для независимых выборок значимые различия между экспериментальной (ЭГ) и контрольной группой (КГ) по личностным опросникам были выявлены только по шкалам Мельбурнского опросника принятия решений: избегание ($p < 0,009$; $M_{ЭГ} < M_{КГ}$), сверхбдительность ($p < 0,045$; $M_{ЭГ} < M_{КГ}$). Также были получены различия в оценках предсказуемости последствий как специфических рисков: занятия дайвингом ($p < 0,002$; $M_{ЭГ} > M_{КГ}$) и погружений в подводные пещеры ($p < 0,002$; $M_{ЭГ} > M_{КГ}$), так и неспецифических рисков: использование электричества ($p < 0,048$; $M_{ЭГ} > M_{КГ}$), употребление генетически модифицированных продуктов ($p < 0,049$; $M_{ЭГ} < M_{КГ}$).

Различия между однородными по возрасту КГ и группой «новичков» и неоднородными по этой переменной КГ и группой «инструкторов» были выявлены в когнитивных репрезентациях общих и специфических рисков, при этом по личностным опросникам различия зафиксированы не были. Новички оценивали последствия занятия дайвингом ($p < 0,019$; $M_{ЭГ} > M_{КГ}$), дайвингом в подводные пещеры ($p < 0,025$; $M_{ЭГ} > M_{КГ}$) и курения ($p < 0,037$; $M_{ЭГ} > M_{КГ}$) как более предсказуемые, а катастрофичность последствий от использования пестицидов ($p < 0,016$; $M_{ЭГ} > M_{КГ}$) как более высокую. Группа «инструкторов» оценивала последствия от занятия дайвингом ($p < 0,001$), дайвингом в подводные пещеры ($p < 0,001$), использования железнодорожного транспорта ($p < 0,022$) и катания на горных лыжах ($p < 0,023$) как более предсказуемые, по сравнению с контрольной группой, последствия от применения пищевых красителей ($p < 0,033$) как менее предсказуемые, а от дайвинга с акулами как менее катастрофичные ($p < 0,036$).

Группа опытных дайверов показала меньшие, по сравнению с контрольной группой, оценки по шкалам, характеризующим непродуктивные копинг-стратегии: избегание ($p < 0,012$; $M_{ЭГ} < M_{КГ}$), и прокрастинация ($p < 0,027$; $M_{ЭГ} < M_{КГ}$), тогда как различий в когнитивных репрезентациях риска, по сравнению с контрольной группой, выявлено не было.

Корреляционный анализ показал, что, в зависимости от опыта занятия подводным плаванием, когнитивные репрезентации общих рисков различным образом связаны с личностными свойствами толерантности к неопределенности, рациональности, готовности к риску, самооценкой склонности к риску и стилями совладания, тогда как у не занимающихся подводным плаванием когнитивные репрезентации общих рисков не связаны с личностными особенностями.

У новичков, опытных дайверов и инструкторов восприятие риска связано с разными личностными свойствами: готовностью к риску, толерантностью к неопределенности, стилями совладания при принятии решений и прямой самооценкой склонности к риску. Связи между личностными свойствами готовности к риску, рациональности, толерантности и интолерантности, самоэффективности и стилями совладания различаются в группах с разным опытом в подводном плавании.

Таким образом, в рамках исследования показано, что восприятие риска для жизни и здоровья опосредуется интеллектуально-личностным свойствами субъекта: когнитивными репрезентациями риска и личностными особенностями, а представители экстремальных видов спорта обладают специфической структурой этих свойств.

За восприятием одних и тех же рисков у лиц с различным опытом занятия подводным плаванием с аквалангом стоят разные системы связей между свойствами интеллектуальной и личностной сферы. А самосознание как высший уровень регуляции и самооценивание как его компонент оказываются по-разному включены в эти процессы. С позиции функционально-уровневой концепции несистематический характер обнаруженных связей может быть объяснен посредством гипотетического конструкта динамической регулятивной системы, в которой интеллектуально-личностное усилие субъекта по принятию неопределенности характеризуется шкалой новообразований. Различия, выявленные в структуре связей интеллектуально-личностных свойств, таким образом, могут быть интерпретированы как различия в уровне новообразований, складывающихся в актуалгенезе личностного выбора.

Литература

- Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2003.
- Корнилова Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 31. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.11.2014).
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 92–110.
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новицова М. А. Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
- Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–77.

ВОСПРИЯТИЕ РАЗЛИЧНЫХ ПЕРИОДОВ ВРЕМЕНИ В СВЯЗИ С ОСОБЕННОСТЯМИ ЛИЧНОСТИ В ПОЗДНЕМ ВОЗРАСТЕ

А. В. Крцулина (Санкт-Петербург)

Время рассматривается в контексте жизненных событий личности (Е. И. Головаха А. А. Кроник, Е. Ю. Коржова), существуют типологии, раскрывающие механизмы психологического времени (К. А. Альбуханова-Славская, Н. Ю. Григоровская). Время не только является частью образа мира личности, но и связывает его компоненты в единое целое (Ю. К. Стрелков, Т. Н. Денисова, Л. А. Головей, О. Ю. Стрижицкая). Структура времени выражается триадой прошлое–настоящее–будущее, в разные периоды жизни человека их соотношение может изменяться. В исследованиях Н. Н. Толстых показана доминирующая роль будущего времени в подростковый и юношеский период (Толстых, 2010). Е. А. Сергиенко обнаружен феномен увеличивающегося расхождения между хронологическим и субъективным возрастом человека по мере старения (Сергиенко, 2013). Можно предположить, что в поздние периоды жизни роль временных характеристик в картине мира и адаптивных процессах личности возрастает. Однако, при наличии большого количества исследований, посвященных восприятию времени и отношения к нему, очень мало сравнительно-возрастных исследований, особенно касающихся периода поздней зрелости. В соответствии с этим мы поставили перед собой задачи исследовать особенности восприятия разных временных периодов пожилыми людьми; изучить взаимосвязи различных темпоральных периодов между собой, исследовать взаимосвязи характеристик восприятия времени с факторами личности.

Гипотезы исследования: восприятие разных периодов жизни имеет свои особенности в периоды поздней зрелости и старения, которые могут проявляться как в идеализации отдельных периодов, так и в изменении степени их активности и ощущаемости. Полагаем также, что особенности восприятия времени тесно взаимосвязаны с личностными характеристиками пожилого человека, а возможно, и обусловлены ими.

В выборку вошли 126 женщин в возрасте от 51 до 81 года (средний возраст – 64 года), 90% – неработающие пенсионеры, в том числе 58% имеют высшее образование, 8% – среднее, 32,6% – среднее профессиональное.

Методы. Для исследования восприятия временных показателей использовался «Семантический дифференциал времени» (СДВ, Л. И. Вассерман и др., 2009), личностные свойства изучались при помощи Пятифакторного личностного опросника в адаптации А. Б. Хромова (Хромов, 2000), для исследования понятий образа мира использовалась психо-семантическая методика «Цветовые метафоры» (Соломин, 2008), модифицированная нами. Обработка данных включала в себя анализ описательных статистик, корреляционный и регрессионный анализ.

Статистическая обработка выполнялась с помощью программы SPSS 20.0.

Вербальный семантический анализ выявил, что прошедшее время пожилыми людьми воспринимается наиболее положительно. Оценки факторов чрезмерно преувеличены, средние значения превышают нормативы, полученные на выборках взрослых авторами методики СДВ, в 3 раза. Прошлое воспринимается как более активный, насыщенный положительными эмоциями, более структурированный и более ощущаемый период. Восприятие настоящего времени также более оптимистичное, по сравнению с нормативными данными, полученными на взрослых, но при этом несколько снижена его активность и ощущаемость, что может проявляться в отстраненности, в недостатке сил, некоторой статичности внутренней жизни. Восприятие будущего времени оптимистичное и положительное, соответствующее нормативным значениям периода средней зрелости, пожилые люди достаточно структурированно и взаимосвязанно воспринимают события будущего. Наряду с этим несколько снижена активность, ощущаемость и величина будущего, что может проявляться в пассивности, созерцательности по отношению к будущему, сниженной интеллектуальной и эмоциональной вовлеченности, сужении смысловой наполненности и личностной значимости происходящего в будущем.

Корреляционный анализ показателей отношения к различным временным периодам выявил большое количество взаимосвязей между ними. Так, отношение к настоящему связано с отношением к прошлому и будущему (5 связей, $p < 0,01$). Отношение к будущему образовало положительные связи с позитивной эмоциональной окраской и структурированностью прошлого и настоящего (4 связи, $p < 0,01$). Выявленные связи свидетельствуют о том, что отношения к различным периодам жизни взаимосвязаны между собой и, возможно, обуславливают друг друга. Так, основой позитивного отношения к будущему являются эмоциональное принятие настоящего и прошлого, структурированность этих периодов. Наряду с этим выявлены взаимосвязи отношений к различным временным периодам с отношениями в системе Я и самоуважением (всего 7 связей при $p < 0,05$; $0,01$). Эти связи свидетельствуют о существенной роли принятия себя, реального и идеального Я, самоуважения в восприятии временных периодов жизни, что подтверждено результатами регрессионного анализа. Однако роль Я-реального и Я-идеального неоднозначна. Согласно результатам регрессионного анализа принятие Я-идеального выступает в качестве предиктора эмоциональной окраски прошлого ($B(SE) = -0,743 (0,268)$; $\beta = -0,213$; $p = 0,006$) и будущего ($B(SE) = -0,770 (0,306)$; $\beta = -0,178$; $p = 0,013$), ощущаемости прошлого ($B(SE) = -0,669 (0,234)$; $\beta = -0,224$; $p = 0,005$), величины будущего ($B(SE) = -0,740 (0,271)$; $\beta = -0,183$; $p = 0,007$), причем с обратным знаком. Принятие Я-реального способствует пережива-

нию будущего как активного ($B(SE)=0,483 (0,144)$; $\beta=0,227$; $p=0,001$), а прошлого как объемного и насыщенного ($B(SE)=0,682$). Это позволяет заключить, что наличие завышенных представлений об идеальном Я способствует возникновению чувства неудовлетворенности различными периодами жизни, в особенности прошлого, и отрицательные ожидания в отношении будущего. В то время как принятие себя, образа реального Я выступает в качестве предиктора позитивного восприятия прошлого и активности в отношении будущего. Среди других характеристик личности наибольшая роль выявлена в отношении фактора «Привязанность–обособленность», который образовал положительные связи с величиной настоящего, прошлого и будущего, ощущаемостью настоящего и структурой прошлого (всего 5 связей при $p<0,05$; $0,01$). Это свидетельствует о значении качества и глубины отношений с людьми для восприятия всех временных периодов как наполненных смыслом, их важности для переработки и упорядочивания прошлого и вовлеченности в события настоящего.

Выводы. Проведенное исследование выявило особенности восприятия различных темпоральных периодов в пожилом возрасте. Эти особенности заключаются в максимально высоких показателях позитивности восприятия прошлого, его идеализации; снижении активности и ощущаемости настоящего, а также в снижении активности, ощущаемости и величины будущего.

Исследование ассоциативных и корреляционных связей показало, что отношение и восприятие разных временных периодов взаимосвязаны между собой и образуют единую структуру темпоральных характеристик личности.

Выявлена роль личностных особенностей в восприятии и отношении к темпоральным периодам. Показано, что завышенные показатели Я-идеального выступают в качестве предикторов, снижающих позитивность восприятия прошлого и будущего. Принятие Я-реального и самоуважение способствуют позитивности восприятия прошлого и проявлениям субъектности в отношении будущего. Выявлена ведущая роль в восприятии времени личностного фактора «Привязанность–обособленность», заключающаяся в том, что направленность на социальные отношения обуславливают позитивность восприятия временных периодов жизни и насыщение их смыслом.

Литература

- Головей Л. А., Стрижицкая О. Ю., Криулина А. В. Позитивное функционирование личности в пожилом возрасте: комплексный подход // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.06.2015).
- Денисова Т. Н. Время в образе мира человека: норма и патология. Вологда: ВГПУ, 2008.

- Сергиенко Е. А. Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 1–11.
- Соломин И. Л. Современные методы психологической экспресс-диагностики и профессионального консультирования. СПб.: Речь, 2006.
- Толстых Н. Н. Хронотоп: культура и онтогенез. Смоленск–М.: Универсум, 2010.

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛЯЦИИ ВЫБОРА У ЛИЦ С ВЫРАЖЕННЫМИ ПСИХОПАТИЧЕСКИМИ ЧЕРТАМИ

Е. А. Крюкова (Москва)

Согласно современным психологическим представлениям, человек в процессе своей жизнедеятельности постоянно сталкивается с объективной и субъективной неопределенностью ситуации при принятии решений (Асмолов, 2002; Корнилова, 2005; Тихомиров, 1976), которую старается преодолеть, применяя весь свой интеллектуально-личностный потенциал в осмыслении и разрешении этих ситуаций неопределенности целенаправленным выбором (Корнилова, 2003; Леонтьев, 2002). Можно сказать, что «человек разумный непрерывно занят процессами целеобразования» (Корнилова, 2010).

Умение принимать решения в условиях неопределенности современного общества «постмодерна» является ключевым фактором в построении личностной и социальной идентичности, формируя устойчивость к клиническим расстройствам, огромное количество которых прогрессирует в условиях глобальных социальных изменений. (Соколова, 2014), и «суть человеческого бытия сводится к постоянному преодолению неопределенности, незаданности любых форм и оснований его решений и действий» (Корнилова, 2010).

В настоящее время существует множество подходов к процессу принятия решений (ПР), где данная проблема изучается со стороны многочисленного числа наук, в том числе экономической теории, искусственного интеллекта, психологии. Психологическую науку, в первую очередь, интересуют описательные и объяснительные модели принятия решений человеком. В концепции функционально-уровневой регуляции решений Т. В. Корниловой выбор, или ПР, понимается как опосредованный мышлением и мотивационно-смысловой регуляцией акт или процесс (Корнилова, Тихомиров, 1990; Корнилова, 2003; Чумакова, 2010). В концепции Д. А. Леонтьева ПР понимается как стадия выбора в рамках внутренней деятельности (Леонтьев, 2014). Взгляды А. В. Карпова противоположны, и он предлагает искать жесткие структуры «регулятивные кольца» в процессе принятия решений (Карпов, 2000). Существуют теории рационального выбора (Rational Choice) и ПР (Decision

Making), где выбор описывается как предпочтение одной из нескольких альтернатив в результате когнитивных усилий субъекта и включен в интеллектуальную стратегию субъекта. Сюда относятся теория ограниченной рациональности Г. Саймона, «проспективная» теория А. Тверски и Д. Канемана, экологическая теория Г. Гигеренцера. В своих исследованиях Д. Дернер вводит понятие «оперативный интеллект» и определяет его как «нечто, что способствует использованию человеком своих интеллектуальных способностей и навыков наилучшим образом» (Дернер, 1997).

В психологии выделяются когнитивные и мотивационно-личностные детерминанты выбора, которые в контексте идеи «единства интеллекта и аффекта» (Л. С. Выготский, О. К. Тихомиров) необходимо рассматривать в их динамическом взаимодействии. В настоящее время остается актуальной разработка вопросов, касающихся изучения мотивационно-личностных компонентов ПР, механизмов целеполагания и личностных свойств, связанных с предпочтением выбора, а также выявления предпочтений выбора у лиц, профессиональная деятельность которых связана с повышенным риском и ответственностью за принимаемые решения.

Данная работа посвящена исследованию личностных особенностей лиц, в деятельности которых присутствуют факторы неопределенности и риска.

Мы поставили задачу исследовать у представителей таких профессий черты личности, входящие в так называемую «Темную триаду» и отрицательно оцениваемые в обществе свойства: макиавеллизм, неклинический нарциссизм и неклиническая психопатия (Корнилова и др., 2015). На наш взгляд, изучение данных свойств, в особенности неклинической психопатии, имеет огромную важность, так как все они связаны с нарушением регуляции и самоконтроля и выявление их у людей, профессии которых связаны с риском и высокой ответственностью в принятии решений, необходимо.

Цель исследования. Установление связи между свойствами «Темной триады» и индивидуально-личностными особенностями и стратегиями принятия решений у лиц, для которых способность принимать решения является профессионально важным качеством.

Основными *гипотезами* нашего исследования выступили:

1. Гипотеза о конвергентной валидности шкал Психопатии, которые измеряются опросниками М. Левинсона и «Темная Дюжина» (адаптация Т. В. Корниловой и др.).
2. Гипотеза о связи шкал Психопатии с индивидуальными особенностями ПР (Бдительность, Сверхбдительность, Прокарстинация, Избегание), которые измеряются Мельбрунским Опросником принятия решений (адаптация Т. В. Корниловой и др.) для выбранной группы лиц.

3. Гипотеза о положительной связи шкалы Психопатия, измеренной опросником Левинсона, со шкалами Нарциссизм и Макиавеллизм по опроснику «Темной дюжины».

Характеристики выборки. В исследовании приняли участие 35 чел.: 10 сотрудников частных охранных предприятий (ЧОП), 15 сотрудников ГИБДД, 10 топ-менеджеров – 4 женщины, 31 мужчина; средний возраст опрашиваемых – 40 лет, стандартное отклонение – 8 лет. Способ отбора – добровольное участие. Данные лица были выбраны в связи с высоким фактором риска в их профессиональной деятельности.

Математические методы. При обработке данных и проверки эмпирических гипотез использовались методы описательной статистики, корреляционного анализа, реализованные программой SPSS 21.

Результаты и их интерпретация

1. На выборке лиц, в деятельности которых выражены этапы принятия решений (сотрудников ГИБДД, ЧОП и менеджеров-управленцев) установлена конвергентная валидность шкал Первичная психопатия по опроснику Левинсона и Психопатия по опроснику Темная Дюжина. Таким образом, обе шкалы измеряют одно и то же свойство Психопатии.
2. Индивидуальные особенности, представленные в опроснике МОПР как стили Принятия решений – Прокрастинация и Сверхбдительность, – характеризуют лиц со Вторичной психопатией. Эти лица характеризуются тем, что импульсивно мечтают при принятии решений между разными альтернативами (сверхбдительность) и склонны откладывать решения до последнего (прокрастинация).
3. Переменная Первичная психопатия (по Левинсону) коррелирует с Макиавеллизмом и Нарциссизмом. Это значит, что лица со сниженной эмоциональностью (эгоизм, холодность, низкая тревожность, бесстрашие, безжалостное использование других, склонность к манипулятивному поведению) склонны к манипулятивному поведению и Грандиозному «Я», измеряемым в шкалах Темной дюжины.

Литература

- Асмолов А. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Братусь Б. О механизмах целеполагания // Вопросы психологии. 1977. № 2. С. 121.
- Канеман Д. Думай медленно, решай быстро. М.: АСТ, 2014.
- Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект-Пресс, 2003.
- Корнилова Т. В. Корнилов С. А., Чумакова М. А., Талмач М. С. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника Темная Дюжина // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 99–112.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ОБВИНЯЕМОГО, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СОСТАВЕ ГРУППЫ

Д. А. Кужель (Саратов)

Практика составления социально-психологического портрета за последние двадцать лет значительно укрепила свои позиции в уголовной и психологической сферах. Началом развития данной области послужило достаточное количество исследований личности в юридической психологии. Благодаря появившемуся практическому интересу к личности обвиняемого, значительно облегчились раскрытия уголовных дел, а именно с помощью составленного социально-психологического портрета уменьшается круг подозреваемых, реализуется возможность прогнозирования действий личности с типичными особенностями характера в комплексе с анализом социального окружения, подбирается пенитенциарная программа.

Касаясь темы групповых преступлений, следует отметить: в наше время они приняли массовый характер. М. И. Еникеев подчеркивает, что преступная группа отличается системой устойчивых антисоциальных норм и поведенческих шаблонов. Межличностные отношения в преступной группе основаны на соперничестве, эгоистическом расчете, утверждении превосходства лидеров посредством грубой физической силы (Еникеев, 2005). Именно всепоглощающее влияние группы на личность участника привлекло наш исследовательский интерес. Личность полностью принимает преступные цели и мотивы группы, разделяет ее направленность, действует по диктуемым законам и зачастую не имеет осознанности в совершаемых деяниях. В преступной группе у личности понижается чувство ответственности, доминирует безнаказанность, вседозволенность и групповая защищенность.

В юридической психологии группа рассматривается в качестве реально существующего образования, в котором люди находятся вместе, в идентичных условиях, объединены общей, совместной деятельностью и осознают свою принадлежность к этому образованию (Романов, 1998).

На основании теоретических данных нами составлена программа исследования, подобрана выборка в составе 120 чел. Испытуемые – лица, отбывающие наказание за совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы и преступного сообщества (преступной организации) в различных учреждениях Федеральной службы наказаний (ФСИН) по Саратовской и Волгоградской областям.

Цель исследовательской работы – составление социально-психологического портрета обвиняемого, совершившего преступление в группе.

Объектом исследования является личность преступника, совершившего преступление в группе.

Предметом исследования являются социально-психологические особенности личности преступника, совершившего преступление в группе.

Гипотеза: обвиняемый, совершивший преступление в группе, обладает типичными личностными особенностями.

Для проверки гипотезы используются следующие *методы исследования:*

1. Теоретические методы анализа данных:
  - изучение научно-психологической литературы, монографий и периодики по данной теме;
  - анализ информации, полученной из научно-психологической литературы, монографий и периодики.
2. Для исследования социально-психологических характеристик и особенностей лиц, совершивших преступление в группе, используются следующие методики:
  - анкета «Вовлечение в криминальную деятельность» (Н. М. Романова). Анкета направлена на выявление у обвиняемого уровня вовлеченности в преступную деятельность. Представляет собой 192 вопроса, цель которых – получить данные о социальной среде преступника, его намерениях, мотивах;
  - методика «Незаконченные предложения» (Н. М. Романова). Проективная психологическая методика. Состоит из 34 вопросов, характеризующих систему отношений к совершенному преступлению;
  - методика «Сортировка» (Н. М. Романова). Состоит из 55 высказываний на тему личностного отношения к преступлению и группе. Утверждения ранжируются испытуемым по уровню значимости;
  - методы математической обработки данных.

Таким образом, при изучении конкретной личности необходимо детально подходить к исследованию различных областей ее формирования.

Литература

Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005.

Романов В. В. Юридическая психология: Учебник. М.: Юрист, 1998.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СПЕЦИФИКИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ У ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ

Н. О. Кузьмина (Иваново)

Глобальные преобразования в обществе, происходящие в области культуры, политики государства, экономического состояния в стране, неуклонно сказываются на ценностях общества. Параллельно создаются новые эталоны и стандарты. Влияние рекламы и СМИ на стандарты красоты, приоритеты в области питания задает тон течению жизни и образу мыслей подрастающего поколения.

В настоящее время доступно очень большое количество литературных источников, посвященных проблемам пищевого поведения. История данного вопроса берет свое начало от трудов Сократа, Платона, Аристотеля и находит свое продолжение у современных авторов как научно-популярной, так и художественной литературы. Множество ученых и научных деятелей в области психологии и педагогики, а также практикующих специалистов в области психологии, психотерапии и психиатрии имеют заслуженный авторитет в вопросах пищевого поведения подростков, дают советы в своих работах и поясняют особенности данных отклонений в поведении и личностном развитии, например: Т. Г. Вознесенская, В. Д. Менделевич, А. Н. Дорожевец, Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, И. С. Кон и др. (Вознесенская, 2004, с. 2–6; Дорожевец, 1986; Менделевич, 2007; Петровский, 1973).

Участились случаи нарушения пищевого поведения у девочек школьного возраста, которые зачастую несут негативные последствия для здоровья, даже могут закончиться летальным исходом. Исходя из этого, нами было принято решение выявить психологические факторы, оказывающие влияние на специфику пищевого поведения девочек-подростков (*цель*). *Гипотезы* были выдвинуты следующие:

1. Девочки, склонные к изменению собственного внешнего вида, отличаются дисгармоничным самоотношением. Склонность к нарушениям пищевого поведения наблюдается при высоких показателях по следующим компонентам самоотношения – закрытости, внутренней конфликтности и самообвинению; и низким – по самопривязанности, самопринятию.
2. Низкая вероятность того, что девочка прибегнет к изменению собственного вида, отмечается при высоких показателях самоуверенности, саморукководству, отраженному самоотношению, самоценности.

База исследования: 30 девочек из 5–7 классов г. Иваново в возрасте от 12 до 14 лет. *Методологической основой* нашего исследования являются основные общенаучные методологические принципы: единства сознания деятельности и общения С. Л. Рубинштейна, системности Б. Ф. Ломова.

В своей работе мы использовали *методы* тестирования и анкетирования. Тестирование проводилось по методике самоотношения С. Р. Пантелеева (МИС) с целью изучения эмоционально-ценностного компонента самосознания (Посохова, Соловьева, 2008 с. 141–157). Анкетирование – по составленной нами анкете, состоящей из 37 вопросов, выявляющих аспекты пищевого поведения и основные психологические детерминанты, задействованные в процессе изменения веса. Все виды описательной и аналитической статистики были проведены с использованием автоматизированного пакета обработки статистических данных программы SPSS 13, был произведен подсчет суммарных и средних значений, использовался корреляционный анализ по Пирсону, Т-критерий Стьюдента для сравнения средних значений, чем и обеспечивалась достоверность результатов.

Результаты исследования и их интерпретация. Проведенный нами анализ научной литературы по вопросам специфики пищевого поведения девочек-подростков, а также проделанная нами исследовательская работа, посвященная данной проблеме, позволяют нам сделать ряд значимых выводов.

Начнем с того, что питание – неотъемлемая часть жизни и деятельности, сбой в котором приводит к нарушению всех процессов в организме, что влечет напряженность социального взаимодействия; критичность самого подросткового периода, обусловленная сменой не только физического облика, но и смены ценностных, мотивационных, личностных ориентиров; девочки физиологически раньше мальчиков взрослеют как физически, так и психологически, именно поэтому они быстрее попадают в «группу риска» людей, озабоченных собственным внешним видом; пропаганда в обществе с помощью СМИ «нежизнеспособных» идеалов красоты и их некритическое усвоение подростками; важность внешнего облика для подростков как критерия самопрезентации и идентификации.

В ходе исследования нашли подтверждение обе гипотезы. Действительно, девочки, склонные к изменению собственного внешнего вида и нарушению пищевого поведения, отличаются дисгармоничным самоотношением, а именно: данное явление наблюдается при высоких показателях по закрытости, внутренней конфликтности и самообвинению; и низким – по самопривязанности, самопринятию. Это отражается в стремлении контролировать свой вес, используя диеты, ограничение или исключение определенных продуктов питания.

Низкая вероятность того, что девочка станет прибегать к изменению собственного вида при высоких показателях по саморучководству, отраженному самоотношению, самооценности. Очевидно, что девушка, довольная собой, руководствуется собственными взглядами и адекватной системой оценок. Такой компонент самоотношения, как самоуверенность, не оказывает влияния на пищевое поведение девочек-подростков.

Такие социально-психологические характеристики, как: успеваемость и возраст, также вносят ряд особенностей в пищевое поведение девочек-подростков. Хорошая успеваемость школьниц адекватно сказывается на питании, не привнося лишних «стрессовых» ситуаций, формируя средний уровень притязаний во внешности, благоприятствует гармоничному развитию. Допускаем, что крайние оценки успеваемости скажутся на самооценке и стремлении к изменению веса, скорее, негативно.

Возрастной особенностью данного периода является наличие «крайностей» во всем: как в низкой оценке своего внешнего вида (отсутствие самопринятия), так и в снижении веса – исключение продуктов питания, применение диет, исключение спорта (пассивное похудение) или его чрезмерное применение. Авторитетом в вопросах питания считают общественное мнение и СМИ, а не советы родителей. Данный факт объясняется сменой авторитетов подростков с переориентацией с семьи на одноклассников и референтных лиц социума. Также девочки стремятся к достижению определенных идеалов в большей части не из-за того, что не удовлетворены собственным внешним видом, а вследствие общественных тенденций и популярности диет и похудения в целом.

Чем старше выглядит девочка в период полового созревания, тем ниже у нее самопринятие и связанные с этим оценки своего внешнего вида, что сказывается в резких ограничениях своего питания, снижении авторитета родителей в вопросе здорового питания. В случае если девочка выглядит младше либо ее возраст соответствует внешним данным, авторитет родителей больше, ограничений в еде меньше, оценки своего вида выше.

Наблюдается некоторая противоречивость мотивационной составляющей и потребностей девочек – желая кушать вкусно, что угодно, в любом количестве, в любой ситуации, оставаться привлекательными и стройными. Сниженный волевой контроль способствует возрастанию лжи о количестве съеденных продуктов.

Отмечено, что в школе на уроках девочки не получают сведений о правилах питания, что, по нашему мнению, является достаточно негативным показателем образования и требует внесения корректив в образовательный процесс, следует уделить особое внимание повышению информированности подростков о правильном питании, критериях здорового веса/роста/возраста.

Позитивным, на наш взгляд, является неприемлемость использования медицинских препаратов и хирургической пластики в работе над внешним видом у девочек данного возраста, хотя опыт применения медицинских препаратов у некоторых девочек уже имеется. Отмечено снижение привлекательности «худощавого» телосложения среди девочек, переориентация на идеализацию «спортивной» фигуры. Считаем, что это связано с меньшим вредом спортивных упражнений

для молодого организма, распространением здорового образа жизни, меньшим ущербом.

Также нами были выделены пять тенденций пищевого поведения девочек подросткового возраста, отличающихся по следующим критериям: значимостью похудения, уровнем знаний о правильном питании, самостоятельностью принимаемых решений, получением удовольствия от пищи и использованием еды как выхода из-под контроля родителей.

Считаем, что рассмотренная нами тема является актуальной в наши дни и полученные нами в ходе исследования результаты станут вкладом в общую «копилку» научных знаний, посвященных психологическим основам специфики пищевого поведения девочек-подростков.

Литература

- Вознесенская Т. Г.* Расстройства пищевого поведения при ожирении и их коррекция // Ожирение и метаболизм. 2004. Т. 2. С. 2–6.
- Дорожевец А. Н.* Искажение образа физического «Я» у больных ожирением и нервной анорексией: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1986.
- Менделевич В. Д.* Пищевые зависимости, аддикции – нервная анорексия, нервная булимия // Руководство по аддиктологии. СПб., 2007. URL: <http://psyjournals.ru/psyedu/2011/n5/48707.shtml> (дата обращения: 27.04.2015).
- Настольная книга практического психолога / Под ред. С. Т. Посохова, С. Л. Соловьева. М.: Хранитель, 2008. URL: <http://testoteka.narod.ru/lichn/1/41.html> (дата обращения: 24.04.2015).
- Психологические особенности подростка // Возрастная и педагогическая психология / Под ред. А. В. Петровского. М.: Просвещение, 1973. URL: http://www.ido.rudn.ru/psychology/age_psychology/ch9_3.html (дата обращения: 21.04.2015).

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

А. И. Кулакова (Ярославль)

В современном обществе одной из ключевых проблем является сложность профессионального самоопределения личности. Актуальность этой проблемы рассматривается в различных психологических исследованиях как среди отечественных авторов, так и среди зарубежных. Большой вклад в решение данного вопроса внес Д. Сьюпер (Поваренков, 2013), который рассматривает профессиональное становление человека как длительный жизненный процесс, представляющий собой один из аспектов общего развития личности.

Н. С. Пряжников (Пряжников, 1996) пришел к выводу о том, что сущность профессионального самоопределения заключается в поиске и нахождении личностного смысла в выбираемой, а затем осваиваемой трудовой деятельности, а также в нахождении смысла в процессе самоопределения.

Выбор профессии – это процесс, состоящий из ряда этапов, каждому из которых соответствуют своя социальная ситуация, среда и атмосфера, продолжительность которых зависит от внешних условий и индивидуальных особенностей субъекта выбора профессии. Профессиональное самоопределение охватывает весь период профессиональных намерений личности: от возникновения профессиональных намерений до выхода из трудовой деятельности, и пиком этого процесса является акт принятия решения о дальнейшей профессии (Климов, 2004; Карпов, 2003). Зачастую личности сложно оценить свои склонности и интересы, осознать имеющиеся возможности и способности, поэтому необходимо правильно, осознанно подходить к решению данного вопроса.

Целью нашей работы явилось определение факторов, оказывающих влияние на профессиональное самоопределение личности. Для реализации этой цели было проведено комплексное исследование, в рамках которого изучались различные психологические составляющие профессионального самоопределения личности, такие как мотивы выбора профессии, профессиональные типы и профессиональные склонности, профессиональные установки и осознанность выбора профессии, самооценка и уровень рефлексивности индивида.

Перед нами стоял ряд задач:

- 1) провести теоретический анализ подходов к изучению проблемы профессионального становления личности;
- 2) определить доминирующие мотивы выбора профессии на различных этапах общего и профессионального обучения;
- 3) выявить динамику изменения мотивов профессионального самоопределения в процессе перехода от общего к профессиональному обучению;
- 4) определить внешние и внутренние факторы выбора профессии на момент окончания общего образования;
- 5) определить взаимосвязь между профессиональными типами и профессиональными склонностями личности у выпускников школы;
- 6) выявить особенности структурной организации профессиональных установок и профессиональной осознанности на этапе общего обучения и при поступлении в высшее учебное заведение;
- 7) определить личностные факторы, влияющие на формирование профессиональной осознанности у выпускников 11 классов.

Объектом исследования явилось профессиональное самоопределение личности, *предметом исследования* – психологические составляющие

профессионального самоопределения личности. В качестве *гипотезы* мы предположили, что в процессе профессионального самоопределения личности происходит изменение ее отдельных психологических составляющих, оказывающих влияние на последующий выбор профессионального пути.

В исследовании приняли участие 439 чел. в возрасте от 16 до 22 лет (одиннадцатиклассники, абитуриенты, первокурсники и четверокурсники).

На *диагностическом этапе работы* была использована методика определения основных мотивов выбора профессии Е. М. Павлютенкова, методика диагностики профессионального типа личности Дж. Холланда, дифференциально-диагностический опросник Е. А. Климова, опросник профессиональных установок И. М. Кондакова, авторская методика диагностики степени профессиональной осознанности, методика определения уровня развития рефлексивности А. В. Карпова, В. В. Пономаревой, методика Т. Дембо–С. Я. Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан на выявление самооценки.

На этапе *математико-статистической обработки данных* использовался непараметрический критерий Н Краскела–Уоллиса, метод корреляционного анализа (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), непараметрический критерий U Манна–Уитни, метод однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA, F-критерий Фишера).

В ходе комплексного исследования нами была разработана и апробирована авторская методика диагностики степени профессиональной осознанности личности, а также введен новый конструкт «профессиональная осознанность» – это черта, которая включает в себя три компонента:

- 1) я знаю, кем я хочу быть;
- 2) я достаточно информирован о будущей профессии (знаю требования, необходимые ПВК);
- 3) я знаю свои способности, склонности, интересы и то, насколько они соответствуют моему выбору профессии.

В ходе нашего исследования мы получили следующие *результаты*.

1. При профессиональном самоопределении для выпускников старшей школы важным является одобрение профессионального выбора со стороны близких и родственников, соответствие профессии склонностям и интересам, возможности самореализации и саморазвития, а также пользы от продукта труда. Среди выпускников школы выделяется несколько групп: те, кто видит свою профессиональную цель в помощи другим людям, улучшении жизни общества; те, кто в работе видит средство удовлетворения своих потребностей, желаний и достижение поставленных целей; те, кто рассматрива-

ет, в первую очередь, материальную сторону профессиональной деятельности, и те, кто в выбранной профессии видит источник для саморазвития и самосовершенствования.

2. Существует связь между профессиональными склонностями и профессиональным типом личности, а нарушение связи между ними связано с наличием затруднений в процессе выбора профессии.
3. Процесс профессионального самоопределения личности сопровождается изменением мотивационных оснований профессионального выбора. Результаты проведенного исследования продемонстрировали наличие статистически достоверных изменений в значимости отдельных мотивов выбора профессии при переходе от общего к профессиональному образованию, таких как познавательный, творческий, материальный, престижный и утилитарный мотивы. При переходе от общего к профессиональному обучению происходит снижение значимости познавательного, материального, престижного и утилитарного мотивов, значимость творческого мотива повышается на ранних этапах профессионального обучения и снижается в момент окончания общего и профессионального обучения.
4. Результаты проведенного исследования продемонстрировали статистически достоверный рост степени общей профессиональной осознанности и снижение рационализма профессионального выбора при переходе от общего к профессиональному образованию.
5. В процессе перехода от общего к профессиональному образованию изменяются профессиональные установки и профессиональная осознанность личности, что проявляется на уровне выраженности отдельных характеристик, а также на уровне их структурной организации. Структурная организация профессиональных установок снижается в момент непосредственного осуществления профессионального выбора при поступлении в вуз. Важным базовым качеством в структурной организации профессиональных установок как одиннадцатиклассников, так и абитуриентов выступает профессиональная осознанность, стремление найти и реализовать свой профессиональный путь. Профессиональная осознанность играет важную и определяющую роль при структурировании всей системы профессиональных установок личности, является интегрирующим и системным качеством.
6. Уровень сформированности рефлексивности и самооценки влияет на осознанность профессионального выбора личности на момент окончания общего образования.

Литература

Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2004.

Поваренков Ю. П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2013.

Пряжников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.

Психология труда / Под ред. проф. А. В. Карпова. М.: Владос-пресс, 2003.

САМООЦЕНКА ЛИДЕРСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО И СТАРШЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

Е. А. Куминская (Москва)

Проблема лидерских способностей является довольно популярной в психологии, но, несмотря на это, в данной области все еще больше вопросов, чем ответов. Это обусловлено тем, что исследования лидерства обычно имеют узконаправленный характер, связанный с практическим применением: политическое лидерство, менеджмент. В то время как общие теории лидерства зачастую противоречат друг другу, и на данный момент нет общего взгляда на этот феномен (Кричевский, 2007).

Кроме того, само словосочетание «лидерские способности», несмотря на то, что является интуитивно понятным, не имеет четкого, однозначного определения в литературе. В нашей работе для определения термина «способности» мы берем уточненное Е. В. Волковой определение Б. М. Теплова: «Способности – это мера соответствия индивидуально-психологических особенностей субъекта объекту жизнедеятельности» (Волкова, 2011).

Одним из малоисследованных аспектов лидерства является его возрастная специфика. В данной статье рассматривается вопрос о том, как дети подросткового возраста воспринимают свои лидерские способности, а также возрастные различия их проявления у учащихся младшего и старшего подросткового возраста.

В нашем исследовании ставились следующие задачи:

- 1) выяснить, как оценивают лидерские способности учащиеся разных возрастных групп: старшего и младшего подросткового возраста;
- 2) выяснить, есть ли различия между лидерами (высокостатусными), среднестатусными и низкостатусными учащимися по показателю «самооценка лидерских способностей»;
- 3) выяснить, есть ли межвозрастные различия по показателю «самооценка лидерских способностей».

Методы исследования. Нами было проведено исследование самооценки лидерских способностей у учащихся подросткового возраста из раз-

личных школ г. Москвы. В исследовании участвовало 129 испытуемых, из них 90 учащихся младшего подросткового возраста и 39 – старшего.

При помощи методики диагностики функционального лидерства (Фетискин и др., 2002) учащиеся были разделены на группы по социальному статусу в группе: высокостатусная (лидеры, 27 чел.), среднестатусная (62 чел.) и низкостатусная (40 чел.) группы. Далее при помощи методики «самооценка лидерства» (Фетискин и др., 2002) было определено, как сами дети оценивают свои собственные лидерские способности.

Затем полученные данные были проанализированы при помощи статистического пакета SPSS. Для анализа были использованы критерии t Стьюдента и U Манна–Уитни. Оценка различий осуществлялась на уровне значимости $p < 0,05$.

Результаты. Проанализировав полученные данные, мы обнаружили, что статистически значимых различий по показателю «самооценка лидерских способностей» нет. Это значит, что дети, занимающие различное социальное положение в классе, одинаково оценивают уровень своих лидерских способностей (2,4 у высокостатусных, 2,3 у среднестатусных и низкостатусных подростков). И этот уровень выше среднего. Таким образом, получается, что все дети, независимо от того места, которое они занимают в социальной иерархии класса, считают, что их лидерские способности высокие.

При рассмотрении возрастных особенностей самооценки лидерских способностей были выявлены статистически значимые различия. Несмотря на то, что обе группы оценивают свои лидерские способности выше среднего, старшие подростки склонны оценивать эти способности ниже, чем младшие (2,2 у старших подростков и 2,5 у младших подростков).

Обсуждение. Самым интересным результатом данного исследования мы считаем то, что низкостатусные учащиеся оценивают свои способности к лидерству выше среднего. Полученные результаты показывают, что то, как дети оценивают свои лидерские способности, не влияет на распределение социальных ролей в детском коллективе. Таким образом, получается, что высокая самооценка своих лидерских способностей является, скорее, характеристикой подросткового возраста в целом, чем индивидуальным различием.

Эти результаты дают основания для последующих исследований. В первую очередь, наиболее интересным будет сравнить лидерские способности детей с их самооценкой лидерских способностей, чтобы узнать, насколько объективны их представления о себе.

Кроме того, различия в самооценке лидерских способностей между старшими и младшими подростками показывают изменение отношения к себе у детей разных возрастов.

Эти результаты также дают возможность для последующих исследований, например для проведения лонгитюдного исследования детей

от младшего до старшего подросткового возраста с целью узнать, являются ли эти изменения результатом взросления.

Выводы. Нами было проведено исследование самооценки лидерских способностей в двух возрастных группах: младшего и старшего подросткового возраста.

Было установлено, что все дети, независимо от того, являются ли они лидерами в группе или нет, оценивают свои способности к лидерству как высокие.

Кроме того, мы выявили, что есть различия в оценке своих способностей к лидерству в группах разного возраста: младшие подростки считают, что их лидерские способности выше, чем старшие.

Литература

- Волкова Е. В. Психология специальных способностей: дифференционно-интеграционный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Кричевский Р. Л. Психология лидерства. М.: Статут, 2007.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.

ДЕТЕРМИНАЦИИ РАЗВИТИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ТЕЧЕНИЯ В СССР

М. В. Курбатова (Иркутск)

Современное состояние психологической науки требует качественного переосмысления ее исторического пути. Наряду с постоянной сменой идей и именитых ученых, следует учитывать определенные социальные условия, в которых это происходит. Политические режимы, философские веяния, культурные революции или даже личность отдельного человека способны сыграть решающую роль в становлении или крахе того или иного научного течения. На примере истории психоанализа в России первой половины XX в. проявляется логика развития отечественной научной психологии данного исторического периода. При проведении анализа историографических источников, описывающих путь психоанализа в России, возникает вопрос о причинах его постепенного вытеснения с «арены» советской науки.

Целью исследования является выявление основных детерминант развития и ликвидации психоаналитического течения из научной психологии СССР. Гипотеза исследования заключается в том, что причины развития и ликвидации психоанализа можно объяснить с позиций трех аспектов развития науки, предложенных М. Г. Ярошевским.

В качестве методов исследования использованы структурно-аналитический метод и метод историко-психологической реконструкции.

Несмотря на то, что существующие исследования в области истории отечественной психологии первой половины XX в. позволяют рассматривать психоанализ в качестве самостоятельного практико-ориентированного направления, его становление в России определилось именно попытками интеграции психоаналитических идей в единую советскую психологию. Для определения статуса психоаналитического течения в современной научной психологии требуется системное рассмотрение его исторического пути.

Вплоть до 30-х годов прошлого века психоанализ был одной из важных составляющих русской интеллектуальной жизни. Представители русской элиты имели возможность жить и обучаться за рубежом, у непосредственных создателей психоаналитической школы. Буквально из «первых рук» привозились на родину идеи и методы психоанализа. Внимание интеллигенции было обращено на личность человека, которая выражалась в активной политической деятельности. Набиравшие обороты психология масс и психология толпы нуждались в объяснении бессознательных процессов психики. Общественная мысль того времени требовала разделения самих уровней существования человека: очевидного, подлинного, т. е. сознательного, и бессознательного, но тривиального и глубинного. В результате чего идеи З. Фрейда получили в России даже большее распространение, чем в ряде европейских стран (Лейбин, 1994).

Кроме того, материалистические основы психоанализа принимались некоторыми высокопоставленными политическими деятелями молодого Советского Союза (Н. К. Крупская, Л. Д. Троцкий). Психоаналитические идеи получали творческое развитие в научной практике невропатологии, психологии и педагогики. А. Б. Залкинд и Н. А. Бернштейн испытывали особый интерес, скорее, к идеям А. Адлера, которые объясняли механизмы влечения к власти (Эткинд, 1993). Также А. Б. Залкинд разделял фрейдовский подход к лечению неврозов.

Сторонниками психоанализа стали и такие видные деятели отечественной науки, как В. М. Бехтерев и А. Р. Лурия. Последний написал несколько обзоров психоаналитической теории («Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии», 1923, «Психология и марксизм», 1925 и др.). А. Р. Лурия подчеркивал заслуги теории в изучении личности как целостности и системности, с учетом динамики человеческого поведения (Лейбин, 1994). Вместе с Л. С. Выготским они говорят о З. Фрейде как об одном из «самых бесстрашных умов нашего века» и высоко ценят идеи поиска физиологических детерминант психики (Артемьева, 2012, с. 133). Однако впоследствии А. Р. Лурия и Л. С. Выготский публикуют опровержения методологического сходства психоанализа и марксизма.

В сборнике «Психология и марксизм», изданном в 1925 г. под редакцией нового директора Института психологии К. Н. Корнилова, психо-

аналитические или, скорее, фрейдомарксистские идеи определенно доминировали над другими подходами. Началось сопоставление идей психоанализа с марксизмом. В данном контексте стоит выделить доклад А. Адлера, согласно которому, классовое сознание пролетариата имеет в истоке невротические агрессивные инстинкты, а социализм – это новый вид религии, или особый вид невроза (Эткинд, 1993). К слову, Фрейд в вопросах политики всегда был очень сдержан.

Попытки установить сходство и преемственность советской идеологии и фрейдизма основывались на том, что обе эти концепции насквозь аналитичны, изучают бессознательное человека и роль личности в социально-исторической детерминации, учитывая динамику ее развития. Л. Д. Троцкий собственноручно предлагал И. П. Павлову объединить физиологию условных рефлексов с фрейдовским психоанализом, приводя известную метафору колодца, отражающую единство их исследовательских интересов (Эткинд, 1993, с. 228).

Постепенно популярный психоанализ начинает «выходить из моды». Ликвидируется единственный в мире детский дом-лаборатория «Международная солидарность», практикующий принципы психоанализа в воспитании детей (1925), а постоянные «распоряжения» о работе Русского психоаналитического общества приводят к его закрытию (1930). Как и в руководстве страной, так и в советской науке данного периода плюрализм существовать не может. К этому времени претендентов на место единственной материалистической концепции человека было предостаточно (рефлексология Бехтерева, физиология условных рефлексов Павлова и зарождавшаяся культурно-историческая концепция Выготского). Однако фрейдизм все еще мог остаться в России как частный случай «материалистической концепции человека» либо как дополнение к марксизму. Но, по словам М. В. Вульфа, психоанализ был обречен, так как в стране отсутствовала свобода слова и творческой научной мысли (Лейбин, 1994).

Таким образом, психоаналитическое течение утратило свое место среди ведущих научно-практических течений советской психологии. Основные причины его ликвидации можно рассмотреть в контексте трех аспектов социального развития научного знания, предложенных М. Г. Ярошевским (Артемьева, 2012).

1. С позиций личностного аспекта развития науки: психоанализ, возможно, стал «случайной жертвой» политического соперничества Сталина и Троцкого. В результате того, что Троцкий открыто заявлял себя как сторонник психоанализа, потерпев политическое поражение, цитирующие его ученые, были вынуждены отказаться от своих научных пристрастий в данной области.
2. С позиции социального аспекта: с одной стороны, психоанализ объяснял «потаенную» природу человеческой личности. Общественные

идеи предполагали существование бессознательного и нуждались в его наукообразном объяснении и изучении. Кроме того, Фрейд поднимал вопросы сексуальности и взаимоотношений между полами, что делало его идеи захватывающими внимание широкой публики, отвечавшими веянию времени. Также концепция бессознательного была весьма полезной в объяснении массовых политических процессов, включая вопросы стремления к власти и подчинения. С другой стороны, психоанализ декларировал идеи индивидуалистичности, что шло вразрез с формированием коллективного сознания и построением коммунизма. К тому же вероятность раскрытия «истинных» мотивов вождей социализма было недопустимым. В конечном счете, психоанализ с 1930-х годов стал ассоциироваться с «буржуазной идеологией», и этот ярлык сохранился за ним в России на долгие годы (Эткинд, 1993). Психоанализ воспринимался как продукт капиталистического строя.

3. С позиций предметно-логического аспекта: психоанализ не соответствовал идейно и методологически требованиям господствующей материалистической идеологии. Попытки обнаружения идейного единства между Фрейдом и Марксом были подвергнуты критике. Л. С. Выготский писал: «При не критическом подходе каждый видит то, что он хочет видеть, а не то, что есть: марксист находит в психоанализе монизм, материализм, диалектику, которых там нет» (Выготский, 1982, с. 328). Психоанализ оказался неспособным обеспечить системность изучения личности в целях формирования нового коллективистского общественного строя.

Перспективой данного исследования является характеристика системной детерминации развития и ликвидации психоаналитического течения в России, конкретизация ее социального, личного, предметно-логического и процессуального аспектов (Кольцова, 2004).

Литература

- Артёмьева О. А. Отечественная психология на переломе: уровневая субъектная концепция социально-психологической детерминации развития психологии. Иркутск: ИГУ, 2012.
- Богданчиков С. А. Лурия и психоанализ // Вопросы Психологии. 2002. № 4. С. 84–93.
- Кольцова В. А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Лейбин В. М. История психоанализа в России // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М.: Республика, 1994. С. 3–15.
- Эткинд А. М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. М.: Гнозис–Прогресс-Комплекс, 1994.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭФФЕКТА СЕРИИ ВСЛЕДСТВИЕ СОХРАНЕНИЯ СХЕМЫ ПРЕДЫДУЩЕГО РЕШЕНИЯ В РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ

Н. Ю. Лазарева (Ярославль)

В реальном мире люди обычно предпочитают не затрачивать много усилий на проверку и поиск новой информации в достаточно известных контекстах. На сегодняшний день выделен многочисленный ряд феноменов и экспериментальных эффектов, связанных с сужением зоны поиска решения, изучение механизмов которых является актуальной проблемой современной психологии мышления.

В свою очередь Х. Хелсон (Хелсон, 1975) предложил теорию о том, что при оценке величины любого свойства стимула используется определенный вид субъективной или личной шкалы. Субъективный эталон зависит как от недавних проб, так и от жизненного опыта оценивания, складывающегося на протяжении долгого периода времени. Согласно положениям данной теории, все эффекты фиксированности можно поделить на две группы: эффекты, в которых фиксированность вызвана общей структурой опыта, и эффекты, возникающие в самой ситуации решения, – эффекты серии.

Нас интересуют эффекты второго типа и их возможная связь с переработкой информации в рабочей памяти (РП).

Само возникновение эффекта фиксированности возможно благодаря механизму серии (Ollinger, Jones, Knoblich, 2008). Механизм серии – тенденция решать проблемы фиксированным образом на основе предыдущих решений подобных проблем.

До сих пор остается неясным, какая же именно часть рабочей памяти связана с возникновением эффекта серии и каков его механизм.

Если верить Бэддели (Бэддели, 2011), то РП имеет блоковую специфику, на наш взгляд, фиксированность может храниться в разных блоках, поэтому оказывать на нее воздействие имеет смысл также по блокам.

Таким образом, по нашему мнению, путем воздействия на определенные блоки рабочей памяти мы можем воздействовать на способ решения задачи и образование фиксированной схемы решения путем ввода дополнительной задачи, которая будет загружать либо тот же блок РП.

Цель исследования: рассмотреть роль РП в эффекте фиксированности короткой серии.

Основной гипотезой является предположение о том, причиной эффекта серии является хранящаяся в специфическом блоке РП схема предыдущего успешного решения, которая мешает отойти от шаблона и найти новый вариант, адекватный изменившимся условиям.

Частные гипотезы исследования

1. Эффект серии не будет формироваться при параллельной загрузке специфического блока РП.

2. Эффект серии будет формироваться при параллельной загруженности неспецифического блока РП.
3. Устойчивость и формирование эффекта будет зависеть от сложности специфической загрузки РП.

Экспериментальные гипотезы

По типу загрузки:

1. Если мы параллельно загружаем типичный блок РП для данной задачи, то время решения 7-й критической задачи будет примерно совпадать со временем решения 6-й установочной задачи, если ($t_7=t_6$).
2. Решение критической 7-й задачи будет значимо больше времени 6-й критической задачи, когда мы загружаем нетипичный блок РП для данного типа задач ($t_7>t_6$).

По сложности загрузки (типичным способом):

1. Если степень загрузки РП высокая, то $t_7=t_6$.
2. Если мы снижаем степень загрузки РП, то $t_7 \geq t_6$.

Экспериментальная выборка

40 испытуемых в возрасте от 18 до 22 лет (6 мужчин и 36 женщин) Средний возраст выборки – 20,7.

Процедура

Независимые переменные:

1. Тип загрузки специфического блока РП:
  - специфическая параллельная загрузка для задач Лачинсов (работа с числами);
  - нетипичная для задач Лачинсов параллельная загрузка (оценка вертикальности/горизонтальности фигур).
2. Сложность загрузки специфического блока РП:
  - простая специфическая параллельная загрузка для задач Лачинсов (оценка четности/нечетности чисел – 8 возможных вариантов);
  - сложная специфическая параллельная загрузка для задач Лачинсов (сравнение пары чисел больше/меньше – 57 возможных вариантов).

Зависимые переменные:

1. Время решения.

Для решения задач исследования был проведен следующий эксперимент. В качестве задач, моделирующих эффект серии, нами использу-

ются видоизмененные и адаптированные задачи Лачинсов. Каждому испытуемому предлагалось решить 6 установочных задач, решение всегда находилось по одному принципу (в 4 действия); во время решения установочных задач вводился один из трех вариантов параллельной задачи. После решения 6 установочных задач испытуемому нужно было решить 7-ю критическую задачу, которая решалась более простым способом (в 2 действия), чем предыдущие шесть.

Особенность данного эксперимента заключается в том, что в нем мы пытаемся не дать сформироваться установочной схеме решения. Для этого во время решения как установочных, так и критической задач испытуемые должны были выполнять параллельную задачу. Испытуемый должен был нажимать одну из двух клавиш на клавиатуре компьютера (стрелка влево или стрелка вправо), соответствующую выбранной альтернативе. В качестве параллельных задач были выбраны три варианта вариации условий, которые, по нашему предположению, способны мешать формированию эффекта серии путем загрузки специфического блока РП.

Таким образом, вот возможные варианты вариация условий, параллельно загружающих специфический блок РП:

1. *Специфическая для задач Лачинсов простая загрузка:* определение четности или нечетности числа.
2. *Специфическая для задач Лачинсов сложная загрузка:* задания на сравнение двух чисел.
3. *Нетипичная для задач Лачинсов загрузка:* выбор на вертикальность/горизонтальность фигуры.

Все 40 испытуемых были поделены на 8 групп, каждый из которых решал задачи Лачинсов в двух условиях – фиксированности (первые 6 установочных задач, 7-я критическая) и в условиях нефиксированности (установка не формировалась, все задачи решались по-разному).

Перед каждой серией осуществлялась тренировочная серия на решение основной и параллельных задач.

Результаты

1. Частные гипотезы 1 и 2, в которой мы предположили, что фиксированность не будет формироваться под воздействием типичной параллельной задачи и будет формироваться под воздействием атипичной параллельной задачи, не подтвердились. На формирование фиксированности оказывает влияние как атипичная, так и типичная загрузка $F(2,74)=4,9, p=0,009$.

Вследствие полученных результатов мы можем сделать вывод о том, что положения основной гипотезы о том, что причиной эффекта серии является хранящаяся в РП схема предыдущего успешного решения, а формированию фиксированности будет мешать

параллельная загрузка РП, подтвердились, хотя мы и не нашли экспериментального подтверждения блоковой специфики хранения схемы предыдущего успешного решения.

2. Результаты, которые были получены при сравнении двух несвязанных выборок (одни решали критическую 7-ю задачу в условиях фиксированности, а другие нет), также показывают нам, что как сложная типичная загрузка, так и атипичная загрузка выравнивают время решения 6-й установочной и 7-й критической задач.

В свою очередь, простая типичная загрузка, напротив, сохраняет «после фиксированный» длинный путь решения 7-й критической задачи ($F(1,18)=4,9002, p=0,04$).

Таким образом, частная гипотеза 3 также получила свое частичное подтверждение: на устойчивость и силу эффекта серии оказывает степень и сложность загрузки РП.

Выводы

1. Наши результаты свидетельствуют о том, что достаточно сложная вторичная задача может оказать значительное влияние на формирования эффекта серии.
2. Нами не была обнаружена специфичность формирования схемы успешного решения, по всей видимости, конкуренция происходит за общий ресурс.

Литература

- Бэддели А. Д. Работает ли еще рабочая память? // Когнитивная психология: история и современность / Под ред. М. В. Великан, В. Ф. Спиридонова. М.: Ломоносов, 2011. С. 312–322.
- Хелсон Х. Уровень адаптации // Хрестоматия по ощущению и восприятию / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. Б. Михалевской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 270–272.
- Öllinger M., Jones G., Knoblich G. Investigating the effect of mental set on insight problem solving // *Experimental psychology*. 2008. V. 55 (4). P. 269–282.

СООТНОШЕНИЕ СМЫСЛОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Д. А. Ларина (Красноярск)

Актуальность выбранной нами темы обусловлена тем, что на сегодняшний день существует проблема текучести кадров в организациях разной направленности: опытные работники уходят из профессии, а молодые специалисты после завершения обучения не идут работать по специальности. При этом специалисты, осуществляя профессиональ-

ную деятельность, не всегда проявляют готовность профессионально развиваться и достигать более высоких целей. Для понимания особенностей профессионального самоопределения, как отметил М. Р. Гинзбург, необходимо рассматривать смысловые образования с ориентацией на будущее (Гинзбург, 1994). Сущность профессионального самоопределения заключается в поиске и нахождении личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности. Способность личности находить личностный смысл в профессиональном труде, самостоятельно проектировать, творить свою профессиональную жизнь являются важнейшими критерием профессионального становления личности.

В связи с этим *целью* нашей работы является изучение соотношения смысловых образований и профессионального самоопределения на разных его этапах.

Гипотезой нашего исследования является следующее предположение: между смысловыми структурами и профессиональным самоопределением личности существует определенное соотношение, а именно: чем у человека выше показатели осмысленности жизни и представленности профессии во временной перспективе, чем выше значимость для человека профессии, тем успешнее происходит его профессиональное самоопределение, развитие в профессии и его профессиональная деятельность.

Изучение особенностей профессионального самоопределения проходило через выделение групп респондентов, которым приходится решать различные типы задач профессионального самоопределения: выбора профессии, выбора дальнейшего обучения или будущего места работы после прохождения обучения, прохождения испытательного срока на первом своем месте работы, построение карьеры в организации.

Для этого были привлечены студенты первых курсов колледжа и университета, студенты последних курсов колледжа и университета, а также работающие люди. Общий объем выборки – 73 чел. В исследовании участвовали 17 студентов первого курса медицинского колледжа; 10 студентов первого курса медицинского университета; 13 студентов третьего курса колледжа; 14 студентов шестого курса вуза; 29 сотрудников федеральной аптечной сети. Сотрудники организации также были разделены по типам профессиональных задач. Проведение аттестации сотрудников позволяет определить дальнейший путь в организации сотрудника: в случае аттестации сотрудник продолжает работу, может быть зачислен в кадровый резерв, а не прошедшие аттестацию повторно ее проходят через три месяца и могут быть уволены, если повторно аттестация не пройдена. По результатам аттестации было выделено 8 сотрудников, зачисленных в кадровый резерв, 11 – успешно прошедших аттестацию и 10 условно аттестованных, которым предстоит пройти повторно аттестацию.

Для выявления смысловых образований, мотивов, ценностей и значимости профессии в событиях жизнями были выбраны следующие методики: Тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева, «Психологическая автобиография» Е. Ю. Коржовой, метод мотивационной индукции (ММИ) Ж. Ньютона.

Обработка и анализ полученных данных проводилось с помощью критерия H Краскела–Уоллиса. Для обработки данных была использована программа Statistica v6.0.

В результате сравнения было выявлено, что различия у групп респондентов на разных этапах профессионального самоопределения наблюдаются в таких показателях, как «осмысленности жизни» ($H=11,05$; $p=0,026$), управляемость жизнью ($H=11,05$; $p=0,045$), количество событий, связанных с профессией в субъективной картине жизненного пути ($H=19,79$; $p=0,0006$), направленности на настоящее во временной перспективе ($H=24,62$; $p=0,0001$), значимости профессиональной деятельности ($H=16,66$; $p=0,002$) и рассмотрением себя как причины происходящих событий ($H=15,32$; $p=0,004$).

У студентов первого курса слабо представлены цели в жизни, направленность на будущее, нет четких убеждений в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь, мечтать и планировать, они больше живут сегодняшним днем и не в достаточной мере контролируют события собственной жизни. Свою дальнейшую профессиональную деятельность студенты первого курса еще не выделяют как значимую в событиях собственной жизни.

Студенты выпускных курсов имеют цели в будущем, которые придают жизни осмысленность, достаточно целеустремленны. Однако контролируют свою жизнь слабо, в большей степени полагаются на обстоятельства, что связано с неопределенностью дальнейшего профессионального и жизненного пути. Студенты выпускных курсов придают большую значимость своей будущей профессиональной деятельности, они выделяют события, связанные с профессиональной деятельностью, как значимые в своей жизни, строят планы на будущее, связанные с профессией, у них есть желание работать.

Сотрудники кадрового резерва целеустремленны, нацелены на дальнейший карьерный рост и развитие в своей профессиональной деятельности. Строят планы на будущее, связанные с профессиональной деятельностью. Хотя работать и развиваться в профессии, планируют профессиональные задачи. У данной группы событий, связанных с профессией, представлено больше всего как в прошлом, так и в настоящем.

Аттестованные работники менее целеустремленны, не ставят перед собой целей, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Общая осмысленность жизни у них ниже, чем у всех остальных групп работающих респондентов.

Условно аттестованные сотрудники более целеустремленны, чем аттестованные сотрудники, что, возможно, связано с тем, что они не прошли аттестацию и являются кандидатами на увольнение. Однако респонденты данной группы в меньшей степени выделяют значимость событий, связанных с профессиональной деятельностью как в прошлом, так и в настоящем, и в будущем. Не видят своего дальнейшего карьерного роста и профессионального развития.

Соотнося характеристики респондентов разных групп и те задачи, которые перед ними стоят в профессиональном самоопределении, мы выделили особенности жизненных планов, смысложизненных ориентаций и тенденций профессионального развития у респондентов на разных этапах профессионального самоопределения, что позволило нам увидеть соотношение между профессиональным самоопределением и смысловыми образованиями.

В ситуации, когда перед человеком в его профессиональном самоопределении еще не стоит остро проблема выбора дальнейшего профессионального пути, наблюдается низкая целеустремленность, отсутствие жизненных целей и перспектив, направленных в будущее, низкий уровень умения контролировать свою жизнь, нацеленность на настоящее и неспособность принимать решения. В такой ситуации человек не придает большого значения своему дальнейшему профессиональному развитию, он может работать, но при этом не имеет желания развиваться в своей профессии. Для него профессия как место самореализации, самосощественства незначима.

Когда перед человеком возникает необходимость делать выбор и принимать решения о своем дальнейшем профессиональном пути, мы наблюдаем осмысленность жизни, целеустремленность и направленность в будущее. Люди, оказывающиеся в ситуации выбора дальнейшего профессионального самоопределения, в большей мере убеждены в том, что им дано контролировать свою жизнь, они моделируют свое будущее, выделяют профессиональную деятельность как значимую в своей жизни, видят свое развитие в профессиональной деятельности и стремятся к нему. В ситуации выбора своего дальнейшего профессионального пути люди развивают способность находить личностный смысл в профессиональном труде.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что существует соотношение того, на каком этапе профессионального самоопределения находится человек и какие задачи профессионального самоопределения перед ним стоят, и особенностей его смысложизненных ориентаций. Данные результаты позволяют говорить о том, что наша гипотеза подтвердилась.

Мы можем наметить перспективы дальнейшего исследования по данной теме: изучение особенностей смысложизненных ориентаций людей, ушедших из профессии; студентов, не идущих работать по про-

фессии; разработка, проверка эффективности и адаптация программ психологического сопровождения студентов, молодых специалистов, новых сотрудников на период адаптации в организации; программ психологического сопровождения сотрудников организаций, направленных на придание новых смыслов профессиональной деятельности.

Литература

Гинзбург М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. 1994. № 3. С. 43–52.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ АДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ДОШКОЛЬНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

А. П. Лебедев, А. А. Реунова (Кострома)

Психологическое здоровья является относительно новым понятием в психологической науке, однако оно уже успело стать важной составляющей в осознании проблемы личностного потенциала и улучшения всех аспектов здоровья человека. Обобщая взгляды исследователей (И. В. Дубровина, О. В. Хухлаева, В. Э. Пахальян и др.), следует отметить, что психологическое здоровье рассматривается как интегративное понятие, включающее три основных компонента: социальную адаптацию, эмоциональное благополучие и адаптивное поведение (Хухлаева, 2013). В настоящем исследовании психологического здоровья дошкольников мы опирались на изучение данных компонентов.

В этой статье остановимся на изучении механизмов адаптивного поведения. В настоящее время большинство российских исследователей связывают психологическую защиту и совладающее поведение в единую систему адаптационных механизмов личности, направленных на преодоление стрессовых ситуаций. Данное положение проверяется рядом эмпирических исследований различных психологических направлений России и зарубежья (Е. А. Сергиенко, И. И. Ветрова, И. М. Никольская). Механизмы психологической защиты и совладающее поведение включены в процесс, который приводит к адаптивным реакциям индивида. Психологическая защита и совладающее поведение составляют единую систему адаптационных реакций, включающую осознаваемые и неосознаваемые компоненты, различающиеся особенностями динамики и закономерностями протекания. В своем исследовании механизмов психологической защиты и стратегий совладающего поведения мы опирались на работы И. М. Никольской, Р. М. Грановской, Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, Б. Д. Карвасарского, А. В. Либины и др.

В настоящем исследовании мы рассмотрели соотношение психологического здоровья и используемых механизмов психологической защиты и стратегий совладания, предполагая, что основой психологического здоровья служит использование определенных стратегий совладания и психологических защит. Также в ходе исследования была предпринята попытка выявить, является ли нарушение зрения фактором риска для нарушений психологического здоровья.

Гипотеза. Выбор стратегий совладающего поведения и механизмов психологической защиты соотносится с уровнем психологического здоровья.

Организация исследования. Исследование проводилось на базе детских дошкольных учреждений г. Костромы. В исследовании принимали участие 33 ребенка подготовительной группы, из них 22 ребенка из общеобразовательной группы и 11 детей из группы компенсирующей направленности для детей с нарушением зрения. В общей выборке участвовали 13 мальчиков и 20 девочек. В ходе исследования использовались: для изучения социальной адаптации модифицированная «Карта наблюдений Д. Стотта» (Т. В. Дорожевец), методика «Дерево» (автор Д. Лампен, в адаптации Л. Д. Пономаренко); изучение эмоционального благополучия проводилось с использованием методики «Домики» (автор О. А. Орехова); адаптивное поведение изучалось с использованием методики «Шкала рейтинга» Стреляу. Для оценки состояния психологического здоровья использовались опросник «Лист оценивания психологического здоровья ребенка педагогом», наблюдение и беседы с детьми. Изучение стратегий совладающего поведения и механизмов психологической защиты проводилось с использованием «Карты оценки детских защитных механизмов» (Р. Плутчика и К. Пери, в модификации Е. В. Чумаковой), «Опросник копинг-стратегий детей младшего возраста» И. М. Никольской и Р. М. Грановской (модификация Е. В. Куфтяк).

Результаты исследования. На основе результатов опросника «Лист оценивания психологического здоровья ребенка педагогом» и карты наблюдений Д. Стотта, общая выборка была разделена на две группы: группу риска (низкие показатели психологического здоровья) и «благополучную» группу (высокие и приемлемые показатели психологического здоровья). Большинство детей группы риска составили дети с нарушением зрения (в эту группу попала почти половина всех детей с нарушением зрения).

Результаты по листу оценивания психологического здоровья в группе риска у детей с нарушением зрения были в целом ниже, чем у их сверстников, не имеющих нарушения зрения. У них были замечены проблемы с осознанием причин и последствий своего поведения, умением ставить цели и добиваться их, умением преодолевать трудности, используя весь свой внутренний потенциал, и стремлением к тому, чтобы становиться умнее и лучше.

Также в группе риска отмечены: высокий уровень асоциальности, активности и инфантильности (согласно шкалам карты Д. Стотта); преобладает установка на преодоление препятствий, отстраненность и уход в себя, что может говорить о наличии препятствий и трудностей в социальной адаптации детей и о том, что дети склонны избегать трудности, нежели стараться их разрешать. В эмоциональной сфере для детей из группы риска характерно преобладание отрицательных эмоций (иногда, наоборот, подчеркнуты положительные эмоции, что, скорее всего, является проявлением защиты у эмоционально чувствительных детей). Низкая дифференциация социальных эмоций характерна лишь для половины детей группы риска. Установлено, что для детей данной группы характерно несильно выраженное отрицательное отношение к себе (особенно у детей с нарушением зрения); положительное отношение к семье; противоречивая оценка отношений с друзьями (дети из общеобразовательной группы оценивали положительно, дети с нарушением зрения отрицательно); положительное отношение к дефициту развития у детей с нарушением зрения, что можно интерпретировать как ассоциацию болезни с уходом от проблем и трудностей и с увеличением внимания и заботы в свой адрес.

Исследование показало, что у детей из группы риска, имеющих нарушение зрения, значительно больше проблем с адаптивным поведением, чем у детей из группы риска, не имеющих нарушение зрения.

Результаты исследования «благополучной» группы оказались следующими: у детей данной группы развито умение принимать окружающих людей, т. е. видеть в каждом человеке что-то хорошее. Также дети «благополучной» группы стремятся к тому, чтобы становиться умнее и лучше. При этом зафиксированы незначительные проблемы с инициативностью и уверенностью в себе у части детей.

У детей из благополучной группы зафиксирован достаточно высокий уровень подчиняемости, при благоприятных показателях по остальным шкалам карты наблюдений Д. Стотта; зафиксировано преобладание установки на преодоление препятствий. Для детей данной группы характерно нормальное эмоциональное состояние, оптимальная работоспособность и высокие показатели базового комфорта. Также зафиксированы высокие показатели в блоке межличностного взаимодействия (по методике «Домики»). Это говорит о том, что дети испытывают положительные эмоции в результате межличностного взаимодействия, общения с людьми. При этом зафиксированы высокие показатели потенциальной агрессии. Также для данной группы характерно положительное отношение к себе и к своей семье. Оценка отношений с друзьями несколько ниже. У детей данной группы в целом положительное отношение к детскому саду, к труду и игре, что говорит об успешной адаптации в дошкольном учреждении, и о нормальном протекании продуктивной и игровой деятельности дошкольников.

Исследование совладающего поведения дало следующие результаты. Так, испытуемые из «благополучной» группы в трудных и стрессовых ситуациях прибегают к стратегиям категории «активно-деятельностное отвлечение» и «социальные контакты (общение) с целью получения поддержки». Это может говорить о том, что детям важно получить поддержку от значимых взрослых, не оставаться в одиночестве в трудных ситуациях. Наряду с этим для детей характерно использование механизма «интеллектуализация».

Дети из группы риска прибегают к использованию копинг-стратегий категории «рефлексивный уход», также используют некоторые стратегии категории «деструктивная эмоциональная экспрессия». Выявленные особенности свидетельствуют о том, что для них свойственно использование эмоционально-поведенческих способов совладания с трудностями.

Среди механизмов психологической защиты дети «благополучной» группы наиболее часто используют «замещение», «проекцию» и «формирование реакции». Дети из группы риска наиболее часто используют механизмы «регрессия», «отрицание», «вытеснение».

Выводы

1. Дошкольники с нарушением зрения более подвержены риску нарушения психологического здоровья.
2. Установлено соотношение между состоянием психологического здоровья дошкольников и выбором механизмов психологической защиты и копинг-стратегий. Объясняя установленные зависимости психологического здоровья и используемых механизмов психологической защиты и копинг-стратегий, можно предположить, что дети с высокими и приемлемыми показателями психологического здоровья используют механизмы психологической защиты и копинг-стратегии, которые позитивно сказываются на их состоянии психологического здоровья. Так, дети с низкими показателями психологического здоровья, в стрессовых ситуациях менее уверенно себя чувствуют, используют иные способы совладания, что поддерживает негативное состояние психологического здоровья либо способствует его ухудшению.

Литература

Хухлаева О. В. Классификация нарушений психологического здоровья дошкольников и младших школьников // Психологическая наука и образование. 2013. № 5.

ПОНИМАНИЕ МЕНТАЛЬНОГО МИРА В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ*

Е. И. Лебедева (Москва)

Развитие понимания детьми ментальности рассматривается как основа социального понимания. Начиная свое развитие с рождения, модель психического является той способностью, которая определяет понимание ребенком своего социального окружения. Мы говорим о модели психического как о способности приписывать другим людям различные психические состояния (отличающиеся от наших собственных) и рассматривать эти состояния как причину поведения. По мнению большинства исследователей, такое понимание отличия собственного психического мира от мира других людей начинает развиваться у детей около четырех лет (Сергиенко и др., 2009).

Развитие модели психического не может быть изучено в отрыве от развития понимания психических состояний других людей в повседневной жизни. Для того чтобы понимать коммуникативные намерения говорящего и эффективно участвовать в процессе общения, очень важно уметь понимать психические состояния, такие как намерения, эмоции, мнения других людей. Совместное изучение развития понимания психических состояний людей (их намерений, эмоций, желаний и т. д.) в ситуациях, максимально приближенных к естественным, и развития способности приписывать психические состояния другим поможет полнее раскрыть картину понимания детьми своего социального окружения и причины возможных ограничений социализации.

В настоящий момент существует очень мало исследований, фиксирующих, как новые приобретения в этой области приводят к изменениям в повседневном социальном функционировании детей. Наряду с тем, что большинство исследователей признает, что модель психического является способностью, без которой невозможно эффективное функционирование в социальном мире, связь между пониманием неверных мнений (как одного из ключевых конструктов, определяющих становление модели психического) и собственно способностью распознавать ментальные состояния в повседневной жизни практически не исследовалась.

Данное исследование является логическим продолжением нашего предыдущего исследования поиска предикторов развития модели психического в дошкольном возрасте. Результаты исследования показали возрастную динамику в развитии понимания ментального мира с трех до пяти лет. Между тремя и четырьмя годами значимые различия были обнаружены в развитии способностей, предшествующих становлению модели психического – понимание визуальной перспективы, понима-

---

* Государственное задание ФАНО РФ №0159-2015-0006.

ние желаний и понимание источника знаний, в то время как между четырьмя и пятью годами достоверно возрастает понимание неверных мнений и обмана как маркеров модели психического как в «лабораторных» задачах, так и в ситуациях, приближенных к естественным (понимание неверных мнений в сказке «Красная Шапочка» и понимание обмана в сказке «Маша и медведь»). Если между тремя и четырьмя годами развитие модели психического ограничено пониманием отдельных аспектов ментального мира, то с четырех до пяти лет происходит качественный скачок в развитии модели психического, позволяющий детям понимать, что другие люди имеют собственные мнения, желания, представления, которые лежат в основе их поведения, что демонстрирует достоверное улучшение решения задач на понимание неверных мнений в этом возрасте.

Нами было показано, что понимание визуальной перспективы, понимание желаний и источника знаний, по всей видимости, действительно являются предикторами для развития модели психического, которая в полной мере проявляется только при прогнозировании и объяснении поведения, в основе которого лежит неверное представление о ситуации (задачи на понимание неверных мнений и обмана) (Виленская, Лебедева, 2014).

К концу дошкольного возраста дети более ясно оценивают сложные ментальные состояния, такие как убеждения, представления и знания, что позволяет им не только прогнозировать и объяснять поведения других людей, но и манипулировать их поведением, влияя на представления о реальности. Исследователи, работающие в рамках этой парадигмы, предполагают, что усложнение «модели психического» приводит детей к более глубокому пониманию коммуникативных сигналов (невербальных и вербальных), осмыслению внутренних причин, стоящих за поведением других людей, пониманию переносного смысла языковых высказываний и контекста. Развитие модели психического является необходимым условием для эффективного функционирования в социальном мире. Исследование различных аспектов модели психического в ситуациях, максимально приближенных к естественным, представляется особенно важным, поскольку непонятно, насколько результаты «лабораторных» исследований отражают действительное понимание детьми ментального мира других людей и насколько способность к пониманию ментальных состояний проявляется у ребенка в ситуациях распознавания намерений других людей, их эмоций, желаний, неверных мнений.

Целью нашего пилотажного исследования стало не только изучение развития модели психического в младшем школьном возрасте, но и сопоставление понимания ментальных состояний в ситуациях, максимально приближенных к естественным, и понимания неверных мнений в задачах.

Исследование взаимосвязи распознавания ментальных состояний, понимания коммуникативных намерений говорящего в естественных ситуациях, в процессе общения и развития понимания неверных мнений (как ключевых аспектов модели психического) поможет понять, насколько действительно когнитивные способности детей к пониманию ментального мира связаны с их пониманием внутреннего мира людей в повседневной жизни.

В исследовании принимали участие 18 детей, в возрасте от 7 лет 5 мес. до 8 лет 10 мес. (Me=7 лет 10 мес.), 14 мальчиков и 4 девочки, учащиеся 1-х классов ГБОУ № 1474 г. Москвы.

Для оценки уровня интеллектуального развития как необходимого условия изучения модели психического мы использовали тест «Цветные прогрессивные матрицы Равена», поскольку он хорошо отвечал задачам пилотажного исследования.

Оценка развития собственно модели психического проводилась с использованием задач на понимание визуальной перспективы (2-го уровня) и задач на понимание неверных мнений 1-го и 2-го порядка.

Для оценки развития понимания ментальных состояний других людей в ситуациях, максимально приближенных к естественным, мы использовали методики, направленные на изучение развития понимания коммуникативных намерений в ситуации обмана и «белой» лжи детьми, которые были адаптированы в наших предыдущих исследованиях из теста Франчески Аппе «Удивительные истории» (Harpe, 1994) для оценки понимания ментальных состояний в коммуникации. Также мы использовали тест «Понимание ментальных состояний человека по выражению его глаз» («Reading the Mind in the Eyes») (версия для детей), разработанный Симоном Бароном-Коемом (Baron-Cohen et al., 2001). Выбор именно этого теста обусловлен его приближенностью к естественной ситуации восприятия и оценки внутренних ментальных состояний другого человека. Тест представляет собой буклет с 29 фотографиями глаз людей (17 мужских и 12 женских). Около каждой фотографии представлено четыре описания ментальных состояний человека (эмоций, намерений, убеждений и т. п.); необходимо выбрать одно из них.

Уровень интеллектуального развития детей, участвовавших в исследовании, характеризуется как «средний» и выше, по результатам теста «Цветные прогрессивные матрицы Равена», что соответствует задачам исследования.

Результаты исследования показали, что большинство детей 7–8 лет справляются с задачами на понимание неверных мнений 1-го порядка (когда нужно понять различие между своим собственным мнением о ситуации и мнением Другого), но еще не могут приписать неверное мнение одному персонажу о ментальных состояниях другого персонажа (задачи на понимание неверных мнений 2-го порядка).

При сопоставлении результатов понимания детьми неверных мнений и понимании коммуникативных намерений говорящего в ситуации обмана и «белой» лжи и понимании ментальных состояний по выражению глаз мы не получили значимых корреляций. Однако как и понимание неверных мнений в задачах, так и понимание ментальных состояний, в ситуациях, максимально приближенных к естественным, достоверно связаны с уровнем невербального интеллекта ($r=0,482$, $p=0,43$ и $r=0,505$, $p=0,32$ соответственно). Этот результат может быть как следствием недостаточности испытуемых, участвовавших в пилотажном исследовании, так и следствием того, что понимание неверных мнений и понимание ментальных состояний другого по мимике (выражению глаз), а также понимание коммуникативных намерений могут быть иметь два разных основания под собой и быть связаны опосредованно через общие когнитивные способности (психометрический интеллект).

В дальнейшем мы планируем расширить выборку исследования и проверить гипотезу об опосредующем влиянии интеллектуального уровня на понимание ментального мира как в тестовых задачах, так и в ситуациях, приближенных к естественным.

Литература

- Виленская Г. А., Лебедева Е. И. Развитие понимания ментального мира и контроля поведения в дошкольном возрасте // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 30.06.2015).
- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Baron-Cohen S., Wheelwright S., Spong A., Schill V., Lawson J.. Are intuitive physics and intuitive psychology independent? A test with children with Asperger Syndrome // Journal of Developmental and Learning Disorders. 2001. Т. 5. №. 1. С. 47–78.
- Happé F. G. E. An advanced test of theory of mind: Understanding of story characters' thoughts and feelings by able autistic, mentally handicapped, and normal children and adults // Journal of autism and Developmental disorders. 1994. Т. 24. №. 2. С. 129–154.

**«ЭФФЕКТ ДРУГОЙ РАСЫ»:
ИЗОБРАЖЕНИЕ И ТЕКСТ В ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЦ***

А. В. Леконцев, К. И. Ананьева, А. Н. Харитонов (Москва)

Лицо человека является особым объектом восприятия (Барабанщиков, 2009). Важную роль в восприятии, оценке и идентификации лиц играет «эффект другой расы» (Харитонов, Ананьева, 2012), который проявляется как при решении индивидуальных задач идентификации лиц, так и в ходе совместного принятия решения. Данная работа базируется на исследовании совместной идентификации лиц разных рас (Ананьева, Харитонов, 2011), где исследователями была предпринята попытка связать зрительное внимание испытуемых в ходе совместного решения ими задачи на совместную идентификацию лиц разных расовых типов со способами их описания в общении. Одновременно регистрируя характеристики окуломоторной активности и диалоги участников эксперимента, авторы этой работы продемонстрировали удовлетворительное совпадение объемов направленности зрительного внимания и вербальной референции к различным зонам и деталям предъявлявшихся изображений лиц.

Настоящее экспериментальное исследование является развитием некоторых сторон этой работы, в котором мы пытались найти ответы на некоторые вопросы относительно связи направленности взгляда с характером вербальной референции к конкретным зонам наблюдаемых испытуемыми лиц.

Цель данного исследования – изучить особенности идентификации лиц людей, принадлежащих к разным расовым группам, по фотоизображениям лиц и их вербальному описанию. Также оценивалась роль избыточного описания и акцентирования на второстепенных деталях.

Были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Увеличение объема текста за счет вербализации малозначимых деталей лица приводит к ошибкам в идентификации расы изображенного реального лица и к разбросу оценок морфированных лиц.
2. Увеличение объема текста по-разному сказывается на идентификации лиц своей и другой расы («эффект другой расы»).

В эксперименте приняли участие 29 чел. в возрасте от 16 до 67 лет (12 мужчин и 17 женщин), сотрудники и студенты московских вузов.

В качестве стимульного материала использовались фотоизображения мужчин европеоидного и монголоидного расовых типов и шесть изображений, полученных с помощью техники морфинга с шагом 20% (см.: Ананьева, 2009).

---

* Исследование выполнено по теме НИР ИП РАН «Познавательные процессы в деятельности и общении» (0159-2015-0004).

По материалам ранее выполненного исследования (Ананьева, Харитонов, 2011) были выделены наиболее и наименее часто употребляемые в диалоге словесные отсылки к зонам лиц двух реальных фотоизображений лиц мужчин (европейца и азиата). Были составлены три текста для каждого лица, различного вербального объема (короткий, средний и полный), которые потом были начитаны и записаны.

Было создано 36 видеофайлов: 6 фотоизображений и 6 звуковых файлов, попеременно совмещенных друг с другом.

Исследование проводилось индивидуально. Участнику исследования, размещенному за установкой видеорегистрации движений глаз (Hi-Speed 1250), последовательно предъявлялись видео, содержащие фотоизображения лиц разных рас и вербальные описания. Задачей испытуемого было определить, соответствует ли описание предъявленному изображению. Ответы испытуемыми давались устно. Экспериментатор фиксировал ответы в таблицу. Был выполнен частотный анализ идентификации типа лица по вербальному описанию. Получено, что при прослушивании вербального описания портрета мужчины-европейца любого объема (малого, среднего и большого) опознание лиц с преобладанием европеоидных черт происходит 86% случаев. По критерию Фридмана, значимых различий ответов в зависимости от длины текста обнаружено не было ($p=0,05$).

В то же время обнаружены значимые (на уровне тенденции) различия отнесения лиц с преобладающими азиатскими чертами к описаниям портрета мужчины-монголоида разного вербального объема ($p=0,057$). Таким образом, появление в тексте избыточной информации затрудняет распознавание лиц другой расовой группы. Полученный результат подтверждает гипотезу о том, что увеличение объема текста по-разному сказывается на идентификации лиц своей и другой расы.

Анализ данных о направленности взора при решении исследовательской задачи осуществлялся с помощью программы BeGaze 3.8. Использовался алгоритм детекции фиксации Low speed, с параметрами: минимальное время фиксации – 20 мс и дисперсией 50 пх.

С помощью функции Area Of Interest (AOI) производилась разметка зон, в соответствии с категориями, указанными в тексте, для каждого изображения лица: волосы, глаза, челка, нос, левая сторона лица, правая сторона лица, левое ухо, правое ухо, рот.

С помощью функции Key Performance Indicators (KPI) был выполнен расчет числа зрительных фиксаций в каждой из указанных зон. Статистический анализ различий числа фиксаций по зонам был выполнен с помощью дисперсионного анализа ANOVA.

Для всех ситуаций рассматривания изображений лиц значимо большее число фиксаций (зрительного внимания) локализуется в зоне глаз и носа, а также левой от наблюдателя половине лица ($F=1336,564$, $p<0,001$).

Зрительные фиксации по зонам лица, при прослушивании вербальных описаний лиц разных рас, распределились следующим образом:

- при звучании текста, описывающего мужчину-европейца, большее число фиксаций приходилось на область челки ($F=18,901$, $p<0,001$), по сравнению с описанием мужчины-монголоида;
- при прослушивании текста, описывающего мужчину-монголоида, большее число фиксаций приходилось на область носа ($F=18,196$, $p<0,001$), левого уха ($F=4,922$, $p=0,033$), правого уха ($F=11,149$, $p=0,002$), в сравнении с описанием мужчины-европейца.

Вероятно, что это обусловлено тем, что в описании мужчины-монголоида присутствовало упоминание этих деталей лица.

Многофакторный дисперсионный анализ ANOVA показал взаимодействие влияния следующих факторов:

- совместное влияние типа предъявляемого лица и зон интереса на распределение фиксаций по зонам интереса ($F=6,969$, $p<0,001$);
- совместное влияние длины предъявляемого текста и зон интереса на распределение фиксаций ($F=6,696$, $p=0,002$);
- совместное влияние предъявляемого лица и длины предъявляемых текстов на распределение фиксаций ($F=1,826$, $p=0,029$);
- совместное влияние текстов, описывающих мужчин разных рас и зон интереса, на распределение фиксаций ($F=7,916$, $p<0,001$);
- совместное влияние типа экспериментальной ситуации (тип лица, описание портрета европеоида/монголоида, длины текста) на распределение фиксаций по зонам интереса ($F=4,334$, $p=0,014$).

Литература

- Ананьева К. И.* Идентификация и оценка лиц людей разной расовой принадлежности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.
- Ананьева К. И., Харитонов А. Н.* Совместная идентификация лиц разных рас: согласование познавательных процессов // Познание в деятельности и общении: от теории и практики к эксперименту / Под ред. В. А. Барabanщикова, В. Н. Носуленко, Е. С. Самойленко, М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 17–25.
- Барabanщиков В. А.* Восприятие выражений лица. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Харитонов А. Н., Ананьева К. И.* Распознавание лица и эффект «другой расы» // Лицо человека как средство общения: междисциплинарный подход / Отв. ред. В. А. Барabanщиков, А. А. Демидов, Д. А. Дивеев. М.: Когито-Центр; Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 145–160.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИМПЛИЦИТНЫХ ТЕОРИЙ ИНТЕЛЛЕКТА И ЛИЧНОСТИ С ЛИЧНОСТНЫМ И КОММУНИКАТИВНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ СТУДЕНТОВ*

С. Б. Лещинская (Томск)

В настоящее время в образовательной среде акцент начинает смещаться с формальных аспектов обучения, таких как успеваемость, на личностные особенности обучающихся (Корнилова и др., 2008). Одним из активно изучающихся конструктов, который затрагивает субъективные представления человека о природе интеллекта и личности, являются имплицитные теории. Имплицитные теории, как неосознаваемые представления человека об окружающей действительности, изучались еще с 50-х годов XX в. Дж. Келли, Р. Стернбергом, Л. Кронбахом и др. Однако к образовательной сфере эту идею применила К. Двек (С. Dweck) в конце XX в., положив начало многочисленным исследованиям за рубежом (Dweck, 1986). В нашей стране изучение этого конструкта еще только начинается, что подчеркивает актуальность подобных исследований.

Имплицитные теории – это неосознаваемые представления человека о том, являются ли интеллект или личностные особенности фиксированными, или же существует возможность их изменения (Dweck, 1986). Имплицитная теория интеллекта и имплицитная теория личности являются независимыми – человек может считать, что интеллект стабилен, но личностные черты можно изменить, и наоборот. Более того, один человек может менять свое убеждение в стабильности или приращаемости интеллекта и личности в зависимости от ситуации или под влиянием специальных психологических интервенций, направленных на их изменение (Blackwell и др., 2007).

Эти убеждения, по результатам зарубежных исследований, не зависят от интеллекта, но влияют на то, какие цели выбирают учащиеся в процессе освоения знаний: тем из них, кто верит в стабильность интеллекта, присуща ориентация на результат, а тем, кто верит в его изменимость, – ориентация на процесс. Теории влияют также на стойкость перед затруднениями в учебном процессе и межличностном общении, а также на их восприятие (Корнилова, 2008).

Учитывая тесную связь имплицитных теорий как с процессом обучения, так и с личностными особенностями, интересным представляется выявление их взаимосвязи с другими личностными особенностями, а именно личностным потенциалом, являющимся интегральной характеристикой, определяющей устойчивость и стойкость человека (Д. А. Леонтьев, цит. по: Богомаз, Мацута, 2010) и коммуникативным потенциалом, являющимся системой коммуникативных свойств, на ос-

---

* Исследование выполнено при поддержке Программы Научный фонд им. Д. И. Менделеева Томского государственного университета в 2015 г.

нове которой формируются способности человека к общению (Богомаз, Каракулова, 2011).

Выборку составили 48 студентов ТГУ гуманитарных специальностей.

Методы

1. Модификация опросника К. Двек (Корнилова, Смирнов, 2008) для диагностики имплицитных теорий. Шкалы: принятие имплицитной теории наращиваемого интеллекта, принятие имплицитной теории обогащаемой личности, самооценка обучения (оценка усилий, вкладываемых в учебу), принятие целей обучения (ориентация на процесс обучения и мастерство).
2. Шкала удовлетворенности жизнью (Э. Динер, в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина), оценивающая удовлетворенность жизнью.
3. Модифицированный С. А. Богомазом опросник карьерных ориентаций («Якоря карьеры» Э. Шейн, в адаптации В. А. Чикера, В. Э. Винокуровой), Шкалы: ориентация на служение, ориентация на вызов, ориентация на предпринимательство, ориентация на «свободу от», ориентация на «свободу для»).
4. Шкала самодетерминации (Б. Шелдон, в адаптации и модификации Е. Н. Осина) с параметром «индекс самодетерминации».
5. Шкала «Открытость» опросника «Большая пятерка» (Осин, Рассказова, Неяскина, Дорфман, Александрова, 2013).
6. Методика «Диагностика особенностей общения» (В. Н. Недашковский) для определения четырех коммуникативных свойств личности: «понимание собеседника в процессе коммуникации», «понимание себя в процессе коммуникации», «способность выстроить межличностные границы в общении» и «конгруэнтность в коммуникации».

Статистическая обработка данных с использованием описательной статистики и корреляционного анализа из пакета программ Statistica 6.0 позволила выявить следующие взаимосвязи.

Имплицитная теория наращиваемого интеллекта у студентов-гуманитариев положительно связана с открытостью знаниям ($r=0,397$; $p=0,011$) и открытостью опыту ($r=0,438$, $p=0,005$) из «Большой пятерки» ($n=40$). Имплицитные теории наращиваемого интеллекта и обогащаемой личности положительно связаны с удовлетворенностью жизнью ($r=0,430$; $p=0,006$ и $r=0,455$; $p=0,004$ соответственно, $n=39$). Принятие целей обучения у студентов-гуманитариев положительно связано с их склонностью к самодетерминации ($r=0,5018$, $p=0,000$, $n=48$), а также с ориентацией на служение другим людям ($r=0,4902$, $p=0,005$) и преобладанием ориентации на «свободу для» над «свободой от» ($r=0,430$, $p=0,016$, $n=31$).

Кроме того, выявлены корреляции с особенностями коммуникативного потенциала ($n=30$): имплицитная теория наращиваемого интеллекта положительно связана с пониманием собеседника ($r=0,503$, $p=0,005$) и рефлексией в процессе общения ($r=0,432$; $p=0,017$). Имплицитная теория обогащаемой личности также связана с рефлексией ($r=0,365$; $p=0,047$).

Т.е. студенты, уверенные в том, что уровень интеллекта поддается изменению, стремятся узнавать новое, более любознательны. В процессе общения эти студенты стремятся понять и себя, и своего собеседника. Они, как и сторонники теории обогащаемой личности, испытывают большее удовлетворение от жизни. Учащиеся, которые ориентируются на овладение мастерством, имеют более выраженную склонность делать собственный выбор, ориентированы на помощь людям (что объясняется специфичностью выборки), а также на обретение свободы для реализации своих целей.

Таким образом, были выявлены взаимосвязи между некоторыми аспектами личностного потенциала (удовлетворенность жизнью, карьерные ориентации, самодетерминация), коммуникативного потенциала и имплицитными теориями студентов. Обнаружено, что в целом у студентов, считающих интеллект изменяемой характеристикой, наблюдается более позитивный личностный профиль, что заключается как в общей удовлетворенности жизнью, так и в более активном, субъектном отношении к учебной деятельности. Это может служить основанием для проведения тренинговых мероприятий, направленных на трансформацию имплицитных теорий, присущих студентам.

Литература

- Богомаз С. А., Каракулова О. В. Типологические особенности коммуникативного потенциала // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 347. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-osobennosti-kommunikativnogo-potentsiala> (дата обращения: 23.06.2015).
- Богомаз С. А., Мацута В. В. Оценка личностного потенциала и выявление основных типов ориентации на профессиональную деятельность студентов // Психология обучения. 2010. № 12. С. 77–88.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новотоцкая Власова Е. В. Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 106–120.
- Blackwell L., Trzesniewski K., Dweck C. Implicit Theories of Intelligence Predict Achievement Across an Adolescent Transition: A Longitudinal Study and an Intervention // Child Development. 2007. Т. 78. № 1. С. 246–263.
- Dweck C. S. Motivational processes affecting learning // American Psychologist. 1986. № 41. С. 1040–1046.

СИСТЕМА ЗАДАНИЙ ОТКРЫТОГО ТИПА КАК МЕТОД ОЦЕНКИ ПОНИМАНИЯ

К. В. Линкевич (Санкт-Петербург)

В современной науке понимание трактуется как процедура осмысления. Это означает, что изучение феномена понимания требует разработки процедур экспликации смысла.

Зачастую процедуры оценки выявленного человеком смысла весьма громоздки. Поскольку осмысление человеком чего бы то ни было всегда уникально, стандартизированные опросники не подходят для этих целей. Поэтому, как правило, требуется процедура длительного интервью, чтобы выявить понятое субъектом. Однако следующим шагом в развитии психологии понимания мы видим разработку системы простых заданий, решение которых привело бы к формированию адекватного представления о том, что человек понял.

Поскольку вопрос о составлении заданий, коротко и полно выявляющих результаты понимания, ранее в научной литературе отчетливо не ставился, предлагаемое эмпирическое исследование носит поисковый, описательный характер.

Задача исследования заключается в оценке связей, существующих между результатами осмысления ситуации, измеренными разными способами, а также между результатами понимания и развитием способности интерпретировать невербальное поведение.

Гипотеза состоит в том, что между результатами решения разных задач на выявление смысла одной и той же ситуации, а также оценками уровня развития способности интерпретировать невербальное поведение должны существовать устойчивые связи. Можно предположить, что, во-первых, способность верно оценивать невербальное поведение людей должна коррелировать с результатами понимания ситуаций межличностного контакта и, во-вторых, что предложенные ниже задания выявляют разные аспекты осмысления человеком ситуации, а значит, корреляционная картина сможет дать информацию о том, какие задачи направлены на близкие аспекты понимания.

Предлагаемая процедура исследования состоит из двух этапов. На первом испытуемые проходят методику «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» (Лабунская, 2009). Данная методика интересна тем, что она построена по принципу, сходному с тем, который мы хотим реализовать при выявлении результата понимания. В ней испытуемому предлагается выполнить 9 заданий, связанных с необходимостью интерпретировать фотографии или рисунки невербального поведения людей. Ряд вопросов носит открытый характер (испытуемый должен развернуто написать свою интерпретацию картинки), несколько заданий тестового типа (например, испытуемый должен сопоставить нарисованную позу с фотографией выражающего эмоцию лица).

На втором этапе испытуемым предлагается один раз просмотреть видеозапись, на которой запечатлено взаимодействие двух людей в некоторых обстоятельствах. Например, это может быть отрывок из фильма Йоса Стеллинга «Иллюзионист», в котором разыгрывается ситуация невербального взаимодействия мужчины и женщины. Данный фильм удобен тем, что он целиком построен на невербальном взаимодействии, в нем не звучит ни единого слова. В середине отрывка просмотр останавливается и испытуемые выполняют первые два задания из приведенных ниже. После чего, досмотрев отрывок до конца, испытуемые должны будут выполнить оставшиеся три задания.

Свои ответы испытуемым предлагается записывать на специальном бланке.

Описанные ниже предлагаемые испытуемым задания опираются на разные представления о сути смысла как психического феномена, что обеспечивает полноту эксплицируемых испытуемыми смыслов.

Типы заданий:

- 1) придумать варианты продолжения ситуации, дальнейших действий героев (выбрать из них наиболее вероятный).

Данная задача базируется на представлении о том, что коммуникативная ситуация – это набор возможностей, потенциальных вариантов поведения, из которых человек выбирает наиболее для него приемлемый. Таким образом, понять коммуникативную ситуацию означает выявить ситуационную логику, выявить ту причину, по которой человек ведет себя так, а не иначе (Гусев, 2008). Предложенное задание, во-первых, выявляет то поле вариантов, которые видит человек для персонажей коммуникативной ситуации, а во-вторых, позволяет оценить, насколько точен субъект в выборе способа поведения для наблюдаемого им персонажа;

- 2) написать 7 ключевых слов, отражающих понимание ситуации.

Такая задача базируется на представлении о том, что любая ситуация – это сложная система, имеющая как основные, так и второстепенные элементы (Брудный, 2005). Выполняя данную задачу, человек эксплицирует те базовые понятия ситуации, из которых складывается для него смысл объекта понимания;

- 3) напишите те вопросы (не меньше трех), на которые отвечает ситуация.

Многие исследователи придерживаются мнения, что смысл рождается только из ответа на вопрос. Наиболее лаконично эту мысль выразил М. М. Бахтин: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» (Бахтин, 1979, с. 350). Т. е. можно сказать, что объект понимания только тогда приобретает для субъекта смысл, когда вплетается в контекст определенных вопросов, которые мы и просим испытуемого сформулировать;

4) одной фразой выразите суть ситуации.

Ряд исследователей, в том числе А. А. Брудный (Брудный, 2005), утверждают, что в результате понимания текста у человека появляется общий смысл объекта понимания, т. е. происходит концептуализация смысла. Происходит «сворачивание» всех возможных смыслов в одну главную мысль. Данная задача направлена на экспликацию этой мысли;

5) напишите те вопросы к просмотренному отрывку, на которые вы затрудняетесь ответить.

Последняя задача принципиально важна для того, чтобы составить целостное представление о том, каков результат осмысления субъектом ситуации. В. В. Знаков выделяет три формы понимания – понимание-узнавание, понимание-гипотезу или понимание-объединение (Знаков, 1991). В зависимости от того, сколько вопросов, отражающих каждую из этих форм, остались для субъекта не разрешенными, можно судить о том, на каком этапе в понимании ситуации остановился человек.

Анализ результатов ответов испытуемых предполагает этапы качественного и количественного анализа. На этапе качественного анализа предлагается классифицировать ответы испытуемых на эти задания по разным основаниям (операционализировать смысл до тех категорий, которые люди используют в своих ответах).

Для задачи 1 это может быть использование в описании возможных вариантов развития ситуации предметов, являющихся частью ситуации, или собственно действий героев. Для задачи 2 это, безусловно, должна быть классификация ключевых слов по группам использованных смысловых категорий. Для задачи 3 должна производиться качественная оценка глубины (уровня обобщенности) сформулированных испытуемым вопросов. Для задания 4 также могут выявляться использованные в описании сути ситуации смысловые категории, а также отмечаться упоминания наиболее значимых элементов ситуации (персонажи, предметы, цели и т. д.). Для задания 5 вызывающие затруднения вопросы должны разделяться на несколько смысловых типов, в зависимости от того, какую информацию о ситуации, по мнению испытуемого, ему не удалось считать.

На этапе количественного анализа, во-первых, будет проводиться оценка уровня развития способности испытуемых к интерпретации невербального поведения (по стандартному ключу, предложенному автором методики). Во-вторых, будут подсчитываться все количественные показатели выполнения заданий на понимание ситуации (количество предложенных вариантов поведения и степень точности выбранного варианта в задаче 1, число использованных смысловых категорий во всех 5 задачах, средняя глубина сформулированных испытуемым вопросов в задаче 3, количество слов в сформулированном предложении в задаче 4, количество неотвеченных вопросов в задаче 5). В-третьих, должен

быть проведен статистический корреляционный анализ всех полученных количественных показателей.

Мы предполагаем, что проведение такого исследования позволит прояснить феномен понимания ситуаций межличностного взаимодействия. Полученные данные о корреляционных связях дадут нам представление о структуре смысла как результате процесса понимания ситуаций.

Кроме того, развитие идеи о создании системы заданий открытого типа с целью выявления результатов понимания, на наш взгляд, будет полезно как с точки зрения исследования феномена понимания, так и с точки зрения практических задач, решаемых и психологами, и педагогами.

Литература

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 2005.

Гусев С. С. Метафизика текста. Коммуникативная логика. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008.

Знаков В. В. Понимание как проблема психологии мышления // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 18–26.

Лабунская В. А. Теоретико-эмпирические основания создания методики «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» и ее модификаций // Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 228–263.

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕЛОСТНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВОЕМ ДЕТСТВЕ С ЭКСПЛИКАЦИЕЙ КУЛЬТУРНЫХ И ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

А. Д. Лямзенко (Ташкент, Узбекистан)

Воспоминания детства – это важный источник формирования личности человека. Они необходимы для формирования самоидентичности, осознания себя как часть окружающего мира. Характер воспоминаний о детстве влияет на устойчивость и сформированность когнитивных процессов человека.

Воспоминания детства человеку важны не только для развития себя как личности, но и для формирования представлений о том, как окружающие относятся к нам. По данным исследований (Нуркова, Масолова, 2009), люди, чьи воспоминания о детстве в большей степени содержат позитивные события, уверены в хорошем отношении окружающих,

эмоционально устойчивы и отличаются высоким самоконтролем. Так и наоборот, негативная окраска воспоминаний связана с низким уровнем самопринятия.

Описаны и культурные влияния среды развития ребенка. Так, представители индивидуалистических культур характеризуются воспоминаниями, «сфокусированными на себе», а представители коллективистических культур как «сфокусированные на других» (Wang, 2011).

Однако до сих пор не описаны закономерности автобиографической памяти о детстве с экспликацией особенностей для различных возрастных и культурных групп.

В проведенном исследовании приняли участие 129 чел. в возрасте от 19 до 24 (средний возраст – 21,06 (1,5)) и от 40 до 60 (средний возраст – 47,4 (5,2)) лет. Из них 69 относятся к группе этнических узбеков, плохо говорящих на русском языке, и 60 представителей русской национальности, проживающих в г. Ташкенте.

В качестве методического инструментария была использована модификация методики «Линия жизни» в форме «Мое детство». Испытуемым предлагалось отметить на оси наиболее значимые события, относящиеся к периоду детства: ниже оси – негативные, а выше – позитивные, с указанием возраста.

Для анализа статистически значимых различий использовались методы: однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), критерий Манна–Уитни и кросс-табуляции. Получены следующие результаты.

Количество воспоминаний. Почти 70% респондентов нанесли на линию жизни от 3 до 8 событий, а почти 30% – 6–7. Установлено, что в среднем на Линию жизни наносится около 16 событий. Из недавно проведенной серии исследований (Алюшева, 2015) известно, что при применении стандартной методики ЛЖ воспоминания о детстве составляют 12%, т. е. около 2; при модификации методики в форме «Мое детство и юность» – 40%, т. е. 4. Таким образом, при изменении масштаба, фокусировании на отдельных жизненных этапах их событийность повышается.

Соотношение позитивных и негативных воспоминаний. В ранних исследованиях установлено, что нормальное соотношение позитивных и негативных воспоминаний 70/30% соответственно (Нуркова, 2011). В нашем исследовании 26 респондентов (20%) не указывали негативных воспоминаний вообще. Чаще всего указывают 5 позитивных (23,3%) и 2 (24,8%) негативных воспоминания. В процентном соотношении выделяются: 50/50%, 66/34% и 71/28%.

При сравнении групп по этнической принадлежности обнаружены различия ($p=0,041$; $t=2,072$) в количестве позитивных воспоминаний. У русских респондентов количество позитивных воспоминаний в среднем 5,8, а у узбеков – 4,7. В среднем у русских респондентов соотношение позитивных и негативных воспоминаний 69,5/30,4%, у уз-

беков – 72,2/27,7%. Данные показатели согласуются со стандартным вариантом ЛЖ (Нуркова, 2011).

Субъективные границы детства. Первое воспоминание 85% респондентов относят к периоду 3–7 лет. Различия обнаружены при сравнении всех респондентов юношеского и зрелого возраста ($p=0,00$; $U=1069$). Возраст первого воспоминания у респондентов юношеского возраста примерно равен 4 и 6 у зрелого возраста. Полученные данные согласуются с данными для стандартного варианта ЛЖ.

Период детства, согласно последнему нанесенному событию, в большинстве случаев (52%) представлен 14–17 годами жизни респондентов, при этом 16,3% указали возраст 16 лет. В целом возраст последнего воспоминания варьируется от 4 до 22 лет. Различия выявлены при сравнении респондентов юношеского и зрелого возраста ($p=0,004$; $F=8,558$). Возраст последнего воспоминания в юношеском возрасте 13,1, а в зрелом возрасте – 14,9. Из респондентов юношеского возраста 15% обозначили последнее воспоминание, датированное возрастом 16 лет. Для 34,4% респондентов зрелого возраста последнее воспоминание детства датировано 16–17 годами, а для 15,6% – 14 годами.

Согласно классификациям возрастной психологии, к детству относят период до 12 лет (Карабанова, 2005). В случае субъективного представления респондентами данная граница увеличивается. Однако если учитывать возраст первого воспоминания, то период в течение 12 лет в целом сдвигается относительно классификаций, рассматривающих биологический возраст. Соответственно, период детства начинается примерно с 4–6 лет и продолжается до 14–16 лет.

Событие «Мое рождение». Событие «мое рождение» указали всего 8 респондентов, что составляет 6,2%. Данный результат не согласуется с полученными ранее с применением стандартной методики ЛД, так как показано, что около 30% респондентов разных возрастов и социальных групп включают событие «мое рождение» в субъективную картину личного прошлого (Нуркова, 2011). Можно выделить данный результат как особенность ташкентской выборки. В собранных нами стандартных вариантах ЛЖ событие «Мое рождение» было указано у 10% респондентов.

Фотографические воспоминания. В исследовании фотографические воспоминания представлены у 21% респондентов. Максимальное количество воспоминаний на одной линии представлено 4 событиями, что составляет 80% от количества воспоминаний. Чаще всего указывают 1 фотографическое воспоминание, что составляет 10–20% от всех воспоминаний.

Способ представления. Большинство респондентов (84%) используют дискретный способ репрезентации своего прошлого, а этапный – меньшинство (3,8%). Используют как этапный, так и дискретный способ заполнения методики 16 респондентов, что составляет 12%.

Данная характеристика является универсальной и не зависит от возрастных характеристик и этнической принадлежности, а зависит исключительно от внутренних характеристик функционирования АП респондента.

Количество тем. В основном респондентами использовалось около 6 тем при заполнении методики. У одного респондента детство представлено монотематическими воспоминаниями. Максимальное количество представленных тем на одной линии 15.

У представителей русской национальности количество тем больше, чем у узбекской (рус=6,2/узб=5,28; $t=1,962$). А именно: у респондентов юношеского возраста узбекской национальности представленных тем меньше, чем у русской (узб=4,8/рус=5,7; $F=3,290$). Респонденты зрелого возраста обеих национальностей указывают 5 тем. Предполагается, что в русских семьях (чаще нуклеарных) дети общаются с другими детьми больше, чем со своими родственниками. В узбекских же семьях более типично общаться в кругу своих братьев и сестер.

Графическая эмоциональная оценка воспоминаний. В среднем эмоциональная амплитуда позитивных воспоминаний составляет 42,2 мм, а негативных – 24,5 мм (если они указывались). Средняя эмоциональная амплитуда составляет 33,4 мм. Полученные данные не согласуются с данными для стандартной ЛЖ. Так, в нашем исследовании мы можем говорить о том, что для респондентов период детства переживается как менее негативный в сравнении со всей жизнью.

Эмоциональная амплитуда негативных воспоминаний различна при сравнении по *возрасту и национальности* ($p=0,005$; $F=8,087$). Русские юношеского возраста указывают большую эмоциональную амплитуду негативных воспоминаний, чем русские зрелого возраста (юнош=30,6/зрел=18,38 мм).

Узбеки юношеского возраста, наоборот, указывают меньшую эмоциональную амплитуду негативных воспоминаний, чем узбеки зрелого возраста (юнош=22,3/зрел=28,6 мм).

Средняя эмоциональная амплитуда различна ($p=0,002$; $F=9,602$) для русских и узбеков, так же как и амплитуда негативных воспоминаний. Что в целом говорит о большей эмоциональной насыщенности воспоминаний у юношеского возраста, в рамках сравнения русской национальности, и большей насыщенности воспоминаний у зрелого возраста, в рамках узбекской.

Литература

Алюшева А. Р. Стилевые особенности фиксации истории жизни в автобиографической памяти личности как результат внутрисемейной трансмиссии (в печати).

Карабанова О. А. Возрастная психология. М.: Айрис-пресс, 2005.

- Нуркова В. В. Автобиографическая память с позиций культурно-деятельностной психологии: результаты и перспективы исследования // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2011. № 1. С. 79–91.
- Нуркова В. В., Масолова Г. Ю. Характеристики воспоминаний о детстве и психологический облик взрослого // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2009/n4/Nurkova_Masolova.shtml (дата обращения: 12.01.2015).
- Wang Q. Autobiographical Memory and Culture // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. URL: <http://dx.doi.org/10.97.07/2307-0919.1047> (дата обращения: 12.01.2015).

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ МОЛОДЕЖИ

Е. А. Магазева, А. Г. Братухин (Омск)

В современных, быстро изменяющихся условиях, характеризующихся неопределенностью, динамичностью, расширением информационного пространства, личности достаточно трудно выбирать значимые цели, планировать их достижение и оценивать вероятность потенциальных результатов. Вследствие этого многие молодые люди осуществляют стихийный, часто не соответствующий их возможностям выбор жизненных целей, приводящий в ряде случаев к кризисным явлениям и зачастую оказывающий негативное влияние на всю дальнейшую жизнь.

Умения определять долгосрочные цели, самостоятельно планировать свое время, строить профессиональную и жизненную стратегию связаны с тем, каким представляется человеку его будущее. Тем самым временная перспектива может выступать ресурсом в многочисленных ситуациях неопределенности и предпосылкой благополучия личности.

Существуют различия в методологических позициях авторов при изучении понятия «временная перспектива», и подобное разнообразие как теоретических разработок данного феномена, так и полученных результатов исследований только подчеркивает его сложность.

Понятие временной перспективы рассматривалось в теории К. Левина, и он подчеркнул, что для объяснения поведения личности необходимо учитывать субъективный момент восприятия настоящей и будущей ситуации. Именно категория временной перспективы включает в себя рассмотрение личности во временном континууме, и чем более обширными и уходящими в отдаленное будущее целями живет человек, тем более интегрированы его личностные свойства. По мнению К. Левина, человек, живущий во имя отдаленных целей, которые имеют для него жизненный смысл, экстраполирует свои потребности, возможности и наличные качества на предполагаемые, ожидающие его ситуации и ближайших целей достигает с учетом предстоящих (Левин, 2001).

Экзистенциальный психолог и психотерапевт Л. Бинсвангер также уделял особое внимание пониманию временных аспектов организации субъективного опыта. В рамках метода экзистенциального анализа временная перспектива личности, представляющая собой систему смыслов как способов трансценденции личности в прошлое, настоящее и будущее, формирует так называемый горизонт возможностей, определяющий широту и глубину смыслового пространства личностного выбора (Бинсвангер, 1999).

К. А. Абульханова-Славская отмечает, что формой компенсации «необратимости» времени является способность личности к прогнозированию и предвосхищению будущего. Планирование времени выступает как начальный личностный уровень достижения целей, соотношенный с их определенным размещением во временном пространстве (Абульханова-Славская, 2001).

По мнению Ж. Нюттена, в реальной жизненной ситуации мотивационное поле субъекта представляет собой иерархическую структуру со множеством целей и проектов, виртуально присутствующих в его перспективе будущего (Нюттен, 2004). При определении временной перспективы учитывается субъективное видение индивида и организация последовательности объектов. С точки зрения субъекта, временная перспектива – это темпоральная зона, которую он виртуально имеет в виду, думая об объектах и осознаваемых детерминантах своего поведения.

Особое отношение к проектированию своей жизни, восприятие времени как невозможного ресурса и осознание его необратимости диктуют необходимость осознанного планирования действий, связанных с будущим благополучием.

Целью исследования являлось выявление различий во временной перспективе респондентов двух возрастных групп (юношеский возраст и период ранней зрелости).

Испытуемым предлагалась для заполнения методика мотивационной индукции Ж. Нюттена – русскоязычный перевод и адаптация Д. А. Леонтьева.

Темпоральная шкала включала анализируемые периоды социальной жизни: возраст до начала обучения в школе (0–6 лет); обучение в начальной школе (6–10 лет); обучение в средней и старшей школе (11–17 лет); период послешкольного образования, включая профессиональное образование (18–23 года); переходный период, когда человек приступает к работе или создает собственную семью (18–25 лет); первая половина взрослой жизни (25–45 лет); вторая половина взрослой жизни, до возраста ухода на пенсию (45–65 лет); старость – с 65 лет; обращение к оставшемуся периоду жизни неопределенно, и показатели «открытого настоящего», когда мотивационный объект является модальностью, качеством или способностью, которыми субъект хотел бы

обладать не только на данный момент, но и в более или менее отдаленном будущем. По перечисленным показателям выполнялся профиль временной перспективы испытуемого.

С целью статистической обработки данных применялся критерий t Стьюдента для независимых выборок.

При интерпретации результатов мы рассматривали следующие характеристики временной перспективы: протяженность, как наличие объектов в долговременной перспективе, степень структурированности объектов, связывающая прошлое, настоящее, будущее и уровень реалистичности. Протяженная, реалистичная и структурированная перспектива будущего важна для планирования значимых жизненных ситуаций и сохранения психологического благополучия личности.

При анализе данных исследования выявлены значимые различия в характеристиках временной перспективы испытуемых двух возрастных групп.

Перспектива будущего испытуемых юношеского возраста ($n=78$) не протяженная, поскольку целей на ближайшие периоды обозначено больше, чем у испытуемых периода ранней взрослости ($n=89$): в настоящий момент, в течение дня ($t=2,1$ при $p \leq 0,05$), в течение недели ($t=3,9$ при $p \leq 0,01$), в течение месяца ($t=3,9$ при $p \leq 0,01$), в течение года ($t=2,9$ при $p \leq 0,01$), в период получения образования ($t=2,4$ при $p \leq 0,01$), в период первой половины взрослой жизни ($t=2,2$ при $p \leq 0,05$).

При анализе описаний испытуемых юношеского возраста не прослеживается взаимосвязь между планированием ближайшего и отдаленного будущего, события, происходящие в настоящем времени, не выступают способом достижения ситуаций в будущем. Время в настоящем тоже не структурировано, происходящие события определяются ситуативными факторами.

Практически не обозначены дальние цели на период жизни, относящийся ко второй половине взрослости ($t=2,1$ при $p \leq 0,05$). Зафиксировано меньшее количество описаний, по сравнению с описаниями испытуемых периода ранней взрослости, относящихся к «открытому настоящему» ($t=2,5$ при $p \leq 0,01$) и описаний, затрагивающих общую продолжительность жизни ($t=2,6$ при $p \leq 0,01$).

Как свидетельствуют эти результаты, планы испытуемых юношеского возраста не конкретные, отсутствует установление иерархии целей, а описания, касающиеся будущего, в основном, неопределенные.

Временная перспектива испытуемых юношеского возраста в различных темпоральных периодах мало «насыщена» задачами как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. И хотя поставлены краткосрочные задачи, но они не предполагаются в качестве промежуточных результатов при достижении более долгосрочных целей. Это может обуславливать низкую субъективную реалистичность временной перспективы.

У испытуемых периода ранней зрелости прослеживается некоторая непрерывность в планировании, демонстрирующая, в основном, связь прошлого и будущего. События планируются в жесткой последовательности, что может снижать реалистичность планов, поскольку испытуемые не ориентированы на переструктурирование временного содержания при наличии препятствий, возникающих на пути достижения цели.

Несмотря на протяженность временной перспективы испытуемых периода ранней зрелости, они практически не обозначают краткосрочные задачи, не учитывают ближайшие ситуации, являющиеся основной для достижения долгосрочных планов, не конкретизируют цели, оставляя их в качестве неопределенных, которые нельзя отнести ни к одному темпоральному периоду. Испытуемые живут только долгосрочными планами, и эта тенденция, на наш взгляд, демонстрирует их неспособность практически реализовать поставленные цели и действовать согласно своим долгосрочным планам «здесь и сейчас», в реальной социальной ситуации.

Литература

- Абульханова К. А., Березина Т. Н. *Время личности и время жизни*. СПб.: Алетейя, 2001.
- Бинсвангер Л. *Бытие-в-мире*. М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1999.
- Левин К. *Динамическая психология*. М.: Смысл, 2001.
- Нюттен Ж. *Мотивация, действия и перспектива будущего*. М.: Смысл, 2004.

ТРАНСЛЯЦИЯ ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА ВИДЕОРЕГИСТРАЦИИ ОПЕРАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

И. Н. Макаров, И. Ю. Владимиров (Ярославль)

Обучение профессионала высокого класса или эксперта в терминологии С. Скрибнер (Scribner, 1986) является одной из важнейших задач прикладной психологии. В то же время организация экспертного знания – это фундаментальный вопрос общей психологии. Существует два основных подхода к природе «экспертности». Первый – дифференциально-психологическое изучение способностей. Второй – изучение организации экспертного знания. С помощью первого можно отобрать тех, кто может стать экспертом, однако профессионалов, прошедших отбор, все равно необходимо обучать. При использовании второго можно именно обучить профессионала.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-06-00295а).

Но на данном пути возникает трудность: экспертное знание является сложно объективируемым. Однако в последнее время в области изучения экспертного знания произошла революция, связанная с появлением новых методов и технологий, позволяющих фиксировать микропаттерны профессиональной деятельности. Такие технологии особенно важны для развертывания профессионального содержания поведенческого акта, позволяя объективно пронаблюдать деятельность экспертов в естественных для них условиях с помощью метода видеорегистрации (Лалу, 2009).

Однако одной регистрации недостаточно для глубокого понимания организации экспертного знания, поэтому вместе с ней используют процедуру «кооперативного дебрифинга». Она заключается в анализе записанных видеоматериалов совместно с экспертом, где эксперт раскрывает содержание своей деятельности, а также мотивы, цели и задачи.

В нашем исследовании мы осуществили проверку эффективности обучающих программ, построенных на использовании видеорегистрации с добавлением технологии айтрекинга в классическую процедуру, так как считаем получаемые с помощью его данные особенно полезными для операторской деятельности. Проанализировав полученные данные, мы создали первое обучающее видео. Затем применили процедуру «кооперативного дебрифинга» и создали второе обучающее видео, содержащее эксплицированное знание эксперта.

Гипотезы исследования

1. Результаты полетов испытуемых, просмотревших обучающее видео, содержащее эксплицированное знание эксперта, будут лучше, по сравнению с испытуемыми, просмотревшими обучающее видео, не содержащее такого знания.
2. Результаты полетов испытуемых из экспериментальных групп, смотревших обучающие видео, будут лучше, по сравнению с контрольной группой, не смотревшей такого видео.

Процедура. Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе происходила запись процесса овладения пилотированием радиоуправляемого вертолета в условиях прохождения полосы препятствий одним участником с использованием айтрекера, анализ записанных видео, создание обучающего видео, на основе первичного анализа (нами выделялись качественные этапы процесса пилотирования, типичные ошибки и успешные стратегии). А также с участником проходил кооперативный дебрифинг, который состоял в совместном просмотре с ним записанных видео и получении информации о содержании его деятельности, мотивах, целях и задачах, которые он перед собой ставил. На основе этой информации было создано второе обучающее видео. Участник первого этапа в дальнейшем считается экспертом относительно остальных испытуемых. Каждому испытуемому давалось 5

попыток на прохождение трассы, перед выполнением экспериментального задания осуществлялась тренировка.

Выборка. На первом этапе – один участник (мужчина; возраст – 22 года). Всего было сделано 50 записей общей продолжительностью 1 ч и 23 с.

На втором этапе – 30 чел. (24 – женского и 6 – мужского пола, в возрасте от 18 до 26 лет). Всего испытуемые было выполнено 150 экспериментальных проб.

Результаты. Для определения эффективности воздействия обучающих видео были выделены 14 критериев успешности пилотирования вертолетом. Из них только по двум: «Общее время пробы», которое отражало время до совершения критической ошибки, и «Время до первого прикосновения к полу», которое отражало время до первого падения, – есть статистически значимые различия. Таким образом, обучающие видео являются эффективным способом передачи экспертных знаний. Данные различия выявлены только между обучающими видео и контрольной группой. Между группами с разными типами обучающего видео значимых различий нет.

Интерпретация результатов. Однако отсутствие различия между двумя типами обучающих видео могут объясняться тем, что процедура дебрифинга не дала много информации из-за относительного равенства знаний эксперта и экспериментатора.

А также данные айтрекера не помогли испытуемым в обучении по двум причинам:

- 1) создается дополнительный шум на видео, так как размер точки, отмечающей фиксацию взгляда, сопоставим с размером вертолета;
- 2) кроме зрительной важна и другая информация:
  - а) зрительно-моторная;
  - б) информация о схеме тела;
  - с) информация о звуке.

Эта дополнительная информация не отражена в обучающих видео. И поэтому в дальнейшей работе мы сосредоточимся на объективации данной информации. Наиболее эффективным способом для этого представляется вербализация данных компонентов знания.

Литература

Лалу С., Носуленко В. Н., Самойленко Е. С. SUBCAM как инструмент психологического исследования // Экспериментальная психология. Т. 2. №1. М.: Московский городской психолого-педагогический университет, 2009. С. 72–80.

Scribner S. Thinking in action: some characteristics of practical thought / R. J. Sternberg, R. K. Wagner (Eds) // Practical intelligence: nature and origins of competence in the everyday world. N. Y.: Cambridge University Press, 1986. P. 13–30.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ МЕНЕДЖЕРОВ ПО ПОДБОРУ ПЕРСОНАЛА И СОТРУДНИКОВ КАДРОВОГО АГЕНТСТВА

Ю. О. Максимова, Е. Н. Дубиненкова (Ярославль)

Проблема мотивации и мотивирования очень остро стоит для многих специальностей. Ее разработкой занимаются в рамках таких специальностей, как государственное и муниципальное управление, менеджмент, юриспруденция, реклама и связи с общественностью, управление персоналом, педагогика, международные отношения и др.

Актуальность этой темы заключается в том, что понимание особенностей трудовой мотивации работников способствует привлечению необходимых человеческих ресурсов, эффективному управлению персоналом для достижения корпоративных целей и получению работниками удовлетворения от своего труда. Также важно отметить, что все больше внимания уделяется качеству персонала. Растет количество кадровых агентств, повышается конкуренция на этом рынке труда и, соответственно, вопросы мотивации сотрудников кадровых агентств становятся более интересными и значимыми.

Цель работы: изучение особенностей мотивации менеджеров по подбору персонала и сотрудников кадрового агентства.

Гипотезы нашей работы:

1. Тип трудовой мотивации менеджеров по подбору персонала отличается от типа мотивации сотрудников кадрового агентства: менеджеры по подбору персонала имеют патриотический тип мотивации, а сотрудники кадрового агентства – профессиональный.
2. Мотивы трудовой деятельности у менеджеров по подбору персонала отличаются от мотивов сотрудников кадрового агентства: у менеджеров по подбору персонала выражен мотив стабильности работы, у сотрудников кадровых агентств – мотив автономии (независимости).

Характеристики выборки. Наше исследование проводилось на выборке, состоящей из 40 чел. В нее входили 20 сотрудников кадровых агентств разных городов России и стран ближнего зарубежья и 20 менеджеров, занимающихся подбором персонала в организациях г. Ярославля и Ярославской области. Выборку составили женщины в возрасте от 20 до 45 лет.

Методы исследования

1. Выявление типа трудовой мотивации – методика В. И. Герчикова.
2. Определение трудовых мотивов – методика «Якоря карьеры» Э. Шейна.
3. Определение особенностей деятельности – метод интервью.
4. Математический метод сравнения двух независимых выборок – критерий Манна–Уитни.

5. Метод структурно-психологического анализа.

Для сбора информации нами было составлено интервью. В него вошли 7 вопросов, которые составлялись для уточнения:

- количества времени, затрачиваемого непосредственно на подбор персонала;
- методов поиска и подбора персонала;
- гибкости методов работы;
- критериев оценки деятельности;
- критериев эффективности деятельности;
- личностных качеств;
- отличий от деятельности менеджеров по подбору персонала/сотрудников кадровых агентств.

Данное интервью было полностью стандартизированным, т. е. со строго определенными вопросами и планом. Так как оно использовалось для сбора данных, оно было основным и индивидуальным (Никандров, 2002).

Интервью позволило нам выделить основные отличия и общие моменты их профессиональной деятельности. Общим для менеджеров по подбору персонала и сотрудников кадровых агентств являются их цели и методы работы. В деятельности менеджера по подбору персонала очень большое значение имеет взаимодействие с другими подразделениями. У сотрудников кадрового агентства необходимо наличие коммуникационных навыков.

Отличия также присутствуют в выполняемых функциях, у менеджеров в организации их на порядок больше. Сотрудники кадровых агентств выполняют первые этапы работы с персоналом: поиск и отбор, а менеджеры проводят адаптацию, сопровождают карьерное продвижение, совершают увольнения. Сотрудники кадрового агентства более осведомлены в области подбора, они больше изучают информации и о рынке труда, и о новых методах, и о новых базах.

Для определения типа трудовой мотивации мы выбрали методику В. И. Герчикова, который описал пять типов трудовой мотивации: профессиональную, инструментальную, хозяйскую, патриотическую и избегательную (Герчиков, 2004).

Математический анализ показал, что значимых различий по типам трудовой мотивации у менеджеров по подбору персонала и сотрудников кадрового агентства не обнаружено. Это может быть связано с тем, что специфические особенности в обоих случаях не являются ведущими и не влияют на тип трудовой мотивации. Возможно, люди с профессиональным и инструментальным типом трудовой мотивации выбирают работу очень схожего характера, а должность менеджера по подбору персонала и сотрудника кадрового агентства имеет одинаковые цели и тип работы.

Но при этом у менеджеров по подбору персонала наиболее ярко выражен профессиональный тип трудовой мотивации, а у сотрудников кадровых агентств – профессиональный и инструментальный типы. Сотрудники кадровых агентств, так же как и менеджеры по персоналу, уделяют много внимания развитию своих профессиональных компетенций, но с большим уклоном на извлечение из этого материальной выгоды.

Чтобы сравнить трудовые мотивы профессиональной деятельности менеджеров по подбору персонала и сотрудников кадрового агентства, мы выбрали методику «Якоря карьеры» Э. Шейна. Трудовые мотивы, по Э. Шейну, – это карьерные установки, отражающие ценности карьеры и способ достижения успеха при ее построении; это система оценки личностью этих способов достижения успеха в карьере; это регулятор поведения личности в социальных условиях. Мотивы, которые выделяет Э. Шейн: профессиональная компетентность, менеджмент, стабильность работы, стабильность места жительства, вызов, служение, интеграция стилей жизни, автономия и предпринимательство (Schein, 1978).

Математический анализ показал, что значимые различия у менеджеров по персоналу и сотрудников агентств существуют по мотивам автономии и стабильности места жительства. Это связано с самостоятельным стилем работы сотрудников кадрового агентства.

У внешних и внутренних рекрутеров различная структура трудовых мотивов. У менеджеров по подбору самые высокие показатели взаимосвязи между мотивами менеджмента, предпринимательства и вызова. Это объясняется тем, что трудности в работе внутреннего рекрутера в основном связаны с взаимодействием с другими отделами в организации. Так как существует много противоречивой информации, поступающей от разных подразделений, создается ситуация напряжения и неопределенности. У сотрудников кадрового агентства высокие показатели взаимосвязи между мотивами вызова, автономии и предпринимательства. Здесь также велика вероятность возникновения напряжения и неопределенности, но в основном это связано с фактором самостоятельности. Взаимосвязи вызова с такими мотивами, как профессиональная компетентность и служение, говорят о том, что через качественное преодоление препятствий, неопределенности, трудностей взаимодействия и проявляется профессионализм и смысл работы сотрудников кадрового агентства.

У менеджеров по подбору персонала и сотрудников кадрового агентства одинаково выражены мотивы стабильности работы и интеграции стилей жизни. Это связано с тем, что в данной отрасли навыки формируются не сразу, а с течением времени. Также это можно объяснить тем, что наша выборка в основном состоит из женщин, а женщины больше, чем мужчины, склонны испытывать потребность в безопасности, стабильности и уверенности.

Результаты исследования мотивационной структуры можно использовать при подборе и обучении сотрудников в кадровых агентствах и организациях. Это позволит уделить больше внимания специфическим трудностям, возникающим у внешних и внутренних рекрутеров.

Литература

- Герчиков В. И. Мотивация, стимулирование и оплата труда: Учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2004.
- Никандров В. В. Вербально-коммуникативные методы в психологии. СПб.: Речь, 2002.
- Schein E. H. Career Dynamics: Matching Individual and Organizational Needs. Reading, MA: Addison-Westley, 1978.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Е. Д. Максимук (Курск)

Обеспечение успешного процесса межкультурной адаптации иностранных студентов при получении ими высшего образования в России является одним из неотъемлемых условий развития международного сотрудничества в системе образования, что, в свою очередь, может способствовать формированию позитивного имиджа нашей страны на международной арене, укреплению ее позиций в мировом образовательном пространстве, развитию межкультурного диалога.

Многоаспектный психологический анализ процесса межкультурной адаптации невозможен без учета особенностей становления и трансформации этнической идентичности (далее ЭИ) визитеров в условиях новой социокультурной среды. Как отмечает А. В. Сухарев, отношение к этничности (или ее признакам) является смыслообразующим фактором культурно-исторического развития и может играть существенную роль в адаптации человека к его внутренней и внешней среде (Сухарев, 1999).

Приезжая получать высшее образование в России, иностранные студенты попадают в ситуацию, в которой происходит трансформация их идентичности, в которой они испытывают так называемый культурный шок. Трансформация идентичности актуализируется через процесс социального сравнения, за которым нередко лежит конфликт. Для решения этого конфликта между различными сферами своей принадлежности человек начинает активно оценивать свою группу и сравнивать ее с некоторыми другими. В итоге, если отличия своей группы от другой благоприятны, идентичность оказывается позитивной, что, в свою

очередь, приводит к развитию толерантности личности иностранного студента (Маслова, 2008).

Адекватность реагирования визитеров на новые социокультурные условия будет отражаться в успешном изменении условий их жизнедеятельности, внутреннем психологическом состоянии и во «внутренней реорганизации» (Южанин, с. 71).

Именно поэтому ЭИ не является статичным образованием, она подвижна и своевременно реагирует на новые социокультурные условия. В свою очередь, толерантность личности является инструментом адаптации в условиях трансформации или кризиса идентичности, тем условием, при котором личность развивается и проявляет себя как «оптимально функционирующая личность» (Маслова, 2008).

Исходя из всего вышесказанного, следует отметить, что исследование ЭИ иностранных студентов необходимо вести в неразрывной связи с изучением особенностей становления и проявления их толерантных установок.

Цель: изучение ЭИ и толерантности иностранных студентов как социально-психологических особенностей межкультурной адаптации.

Гипотеза: существует взаимосвязь между ЭИ и толерантностью как основными социально-психологическими особенностями межкультурной адаптации иностранных студентов, природа этой связи носит криволинейный характер: при очень высоком уровне ЭИ (гиперидентичность) будет наблюдаться тенденция интолерантных установок личности; на всех остальных уровнях ЭИ будет выявлена прямолинейная положительная взаимосвязь с этнической толерантностью.

Экспериментальную базу исследования составили иностранные студенты Курского государственного медицинского университета. Всего в исследовании приняло участие 161 чел., среди которых 78 женского пола и 83 мужского пола. Среди участников экспериментального исследования были представители Африки (Нигерия, Зимбабве), Азии (Малайзия, Шри-Ланка, Таиланд, Индия), Южной Америки (Бразилия).

Основанием выбора методов статистической обработки данных являлась возможность исследования с их помощью характеристик, относящихся к разным психологическим сферам (взаимосвязь характеристик, оценка различий по степени выраженности анализируемого признака в двух и более группах): r коэффициент ранговой корреляции Спирмена; T -критерий Стьюдента, H -критерий Краскела–Уоллиса.

Для достижения поставленной цели в экспериментальном исследовании нами были использованы: Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова); Методика Дж. Финни, измеряющая выраженность этнической идентичности.

По результатам исследования ЭИ иностранных студентов, очень высокий уровень идентичности (гиперидентичность) выявлен у 59,6%; высокий – у 28%, средний – 11,2%, низкий – лишь у 1,2%. Среднегруп-

повое значение изучаемого показателя – 26,4 балла, что соответствует высокому уровню выраженности ЭИ.

Также данная методика позволяет выявить когнитивный и аффективный компоненты ЭИ у иностранных студентов. Под когнитивным компонентом понимаем сформированность знаний, представлений об особенностях собственной группы; осознание себя членом своей этнической группы на основе этнодифференцирующих признаков (среднегрупповой показатель составил 10,3 балла, что соответствует высокому уровню выраженности). Под аффективным – чувство принадлежности к группе, оценку ее качеств, отношение к членству в ней у иностранных студентов (среднегрупповой показатель составил 16,1 балла, что также соответствует высокому уровню выраженности компонента).

При сравнении результатов исследования ЭИ и ее компонентов, в зависимости от половой принадлежности испытуемых (Т-критерий Стьюдента), не было установлено статистически значимых различий по всем показателям ($t_{эмп} = 0,4$). Сравнение результатов диагностики ЭИ, в зависимости от географического расположения родной страны респондентов (Н-критерий Краскела–Уоллиса), также не обнаружило статистически значимых различий в проявлении ЭИ (N=5,529).

С помощью экспресс-опросника «Индекс толерантности» были выявлены такие показатели, как общий уровень толерантности, этническая толерантность, социальная толерантность и толерантность как черта личности. По результатам опросника, среднегрупповое значение уровня общего уровня толерантности составило 85,35 балла, что соответствует среднему уровню толерантности. Высокий уровень толерантности выявлен у 11,8% испытуемых, средний – у 87%, низкий – у 1,2%. В результате анализа экспериментальных данных по шкалам опросника было получено, что наивысший показатель выявлен по шкале «Социальная толерантность» (29,74 балла), наименьший показатель – по шкале «Этническая толерантность» (26,34 балла). По шкале «Толерантность как черта личности» среднегрупповое значение составило 29,28 балла.

С помощью Т-критерия Стьюдента нами также было проведено сравнение результатов исследования при распределении испытуемых по половому признаку, было выявлено, что $t_{эмп}$ находится в зоне незначимости по всем трем шкалам, а также общему показателю толерантности («общий уровень толерантности» – $t_{эмп} = 0,1$; «этническая толерантность» – $t_{эмп} = 0,2$; «социальная толерантность» – $t_{эмп} = 0,2$; «толерантность как черта личности» – $t_{эмп} = 0,2$), что может говорить об отсутствии существенных различий в толерантных установках между представителями разных полов.

На основе анализа литературных источников мы предположили, что существует взаимосвязь между полученными показателями этнической толерантности и этнической идентичности иностранных студентов, для выявления этой взаимосвязи нами был использован коэф-

фициент ранговой корреляции Спирмена. По итогам корреляционного анализа были получены следующие результаты:

- этническая гиперидентичность и этническая толерантность: $rs_{\text{эмп}} = -0,317$ ($N=96$, $rs_{\text{эмп}} > rs_{\text{кр}}$ ($\rho \leq 0,01$). Статистически значимая корреляционная взаимосвязь между данными показателями, в зависимости от половой принадлежности испытуемых, была установлена только у женщин ($rs_{\text{эмп}} = -0,461$); у мужчин данный показатель составил $rs_{\text{эмп}} = -0,139$;
- этническая идентичность и этническая толерантность: $rs_{\text{эмп}} = 0,395$ ($N=65$, $rs_{\text{эмп}} > rs_{\text{кр}}$ ($\rho \leq 0,01$). Статистически значимая корреляционная взаимосвязь между данными показателями, в зависимости от половой принадлежности испытуемых, была установлена как у мужчин, так и у женщин ($rs_{\text{эмп}} = 0,347$ и $rs_{\text{эмп}} = 0,470$ соответственно).

Таким образом, нами была выявлена положительная (прямая) взаимосвязь между уровнем этнической толерантности и выраженностью ЭИ и отрицательная (обратная) взаимосвязь между уровнем этнической толерантности и этнической гиперидентичности, что соответствует гипотезе нашего исследования.

Полученные данные дают основание утверждать, что наличие положительного отношения к другим культурам и сохранение положительного восприятия своей в условиях новой социокультурной среды может являться одним из условий успешной межкультурной адаптации иностранных студентов.

Литература

- Маслова Г. Г. Воспитание толерантности и идентичность // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2008. № 5. С. 164–175.
- Сухарев А. В. Психологический этнофункциональный подход к психической адаптации человека: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1998.
- Южанин М. А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования (Социс). 2006. № 5 (277). С. 70–77.

ОБРАЗ ГЕРОЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕБЕНКА

О. С. Марзоев (Владикавказ)

В связи с серьезными изменениями, произошедшими в России с конца XX в. и продолжающимися изменениями в социальной жизни страны, и, в частности, в системе образования, важной задачей становится ду-

ховно-нравственное воспитание детей, создание условий для формирования привлекательных и социально значимых образцов для подражания. Такая задача является сложной, многоуровневой, но вполне может осуществляться с опорой на представления о героическом. Поэтому изучение имеющихся представлений о герое и героическом у детей в самом начале систематического обучения является актуальной задачей современной психологической и педагогической науки.

Переход к систематическому обучению в школе является важным фактом, влияющим на формирование личности младшего школьника и ведущим к постепенной перестройке его познавательных процессов, а также оказывающим влияние на эмоционально-личностную сферу. В этих новых условиях важное значение приобретает психологическая безопасность младшего школьника в образовательной среде (Гогицаева, 2014).

В этом ключе особое место занимают представления ребенка о «герое» и «героическом», которые могут некоторыми моделями, дающими опору.

В научной литературе можно встретить различные подходы к пониманию психологической безопасности (Беяева, 2011; Еремеев, 2006; Еремина, 2007; Соснин, 1995; Шлыкова, 2004). На наш взгляд, психологическая безопасность должна рассматриваться с точки зрения двух аспектов: психологической безопасности среды и психологической безопасности личности (Баева, 2007).

Основными психологическими механизмами действия героического примера можно назвать подражание, идентификацию, рефлексию, эмпатию и субъектификацию.

Следует также отметить, что образ героя постоянно трансформируется (Аникеев, 2004; Бобурова, 2008; Крахмалева, 2007). При этом «героическое» может рассматриваться как своеобразная точка отсчета, фиксирующая социальную идентификацию школьников, позволяющую ориентироваться и развиваться в соответствии с тем или иным сценарием (Воловикова, 2012). Цель нашего исследования – изучение представлений о «герое» и «героическом» у детей младшего школьного возраста, выявление наиболее общих и характерных признаков и свойств этих представлений и их взаимосвязь с уровнем психологической безопасности образовательной среды. В исследовании применялись анкета на определение психологической безопасности младших школьников, рисуночная методика, ассоциативный эксперимент на тему «герой», методика незаконченных предложений, пилотажная методика со стимульным материалом. Исследование проводилось на базе СОШ №3 г. Владикавказа. В исследовании приняли участие 48 учеников младших классов (25 мальчиков и 23 девочки).

Анализируя ответы учащихся на отдельные вопросы анкеты о психологической безопасности, следует отметить, что большинство детей

субъективно оценивают психологическую безопасность как высокую и среднюю. Среди мальчиков и девочек примерно с одинаковой частотой встречаются ученики с высоким уровнем психологической безопасности и со средним уровнем. Ученики, продемонстрировавшие низкий уровень психологической безопасности, встретились в единичных случаях и оказались девочками. Наименее благоприятная картина обнаружена в отношении психологической защищенности. Также было отмечено, что психологическая удовлетворенность в одном из классов существенно выше, что подтверждается статистически на уровне значимости $p < 0,05$. Другие компоненты психологической безопасности достоверно не различаются.

По результатам выполнения блока методик, направленных на выявления представлений о «герое» и «героическом» у младших школьников, показали, что в ассоциативном эксперименте (слово-стимул «кто?») было обнаружено доминирование функциональных названий, отражающих основные героические действия (спасать, защищать, помогать), а также эпизодическое включение образов конкретных персонажей вымышленного мира, популярных в современной культуре. Гораздо реже герои ассоциировались с реальными людьми – представителями профессий и ближайшего социального окружения.

В другой части ассоциативного эксперимента (слово-стимул «какой?») удалось выявить «триаду качеств героя»: сильный, смелый и добрый. Кроме того, практически все ассоциации укладывались в рамки четырех категорий (физические качества, «смелость», моральные качества, эмоционально-коммуникативные характеристики). Наиболее распространенными среди опрошенных младших школьников оказались физические и личностные характеристики (смелость) героя.

В третьей части ассоциативного эксперимента (слова-стимулы «что делает?») было обнаружено, что наиболее характерным ответом о поведении героя (у половины опрошенных) является «спасает...» с уточнением тех, кого именно он спасает. Реже встречаются такие действия героя, как «помогает» и «защищает от злодеев». Другие ответы оказались единичными, что позволило сделать вывод, что наиболее важными действиями героя в представлениях младших школьников является спасение, помощь и защита.

В результате исследования визуальных представлений о герое был сделан вывод о том, что эти представления учеников младших классов отличаются большим разнообразием. Обобщение полученных результатов позволило заметить, что наиболее распространенной оказывается категория «вымышленных героев», реже встречалась категория «богатыри» (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович). Изображение реальных персонажей встречалось крайне редко.

Анализ результатов изучения представлений о «герое» и «героическом» с использованием пилотажной методики со стимульным ма-

териалом показал, что из предложенных изображений стимульного материала, в котором вымышленные и реальные персонажи были представлены в одинаковых пропорциях, младшие школьники гораздо чаще выбирали придуманных героев, нежели реальных. Основные предпочтения концентрировались вокруг реальной ситуации спасения утопающего, а также вымышленных персонажей – Человека-Паука, Гарри Поттера и Маугли. На вопрос о том, что делает выбранный персонаж, подавляющее большинство опрошенных учеников сообщало о спасении. В основном благодаря тому, что выбранный персонаж спасает людей и помогает другим (людям, животным), его можно назвать героем. В описаниях характера героя приводятся различные качества, которые концентрируются вокруг уже описанных ранее – доброта, смелость. Все опрошенные учащиеся младших классов выразили согласие с тем, что действия героев важны для других людей, имеют для них значимость и ценность. Относительно того, нужно ли рассказывать о героических поступках другим людям, подавляющее большинство детей высказались утвердительно.

Особо было замечено, что большинство ответов опрошенных учащихся младших классов носили односложный характер, были сильно упрощены, стереотипны (Кочисов, 2009). Это, в свою очередь, свидетельствует о бедности вербальных репрезентаций представлений о героическом, что прослеживается во всех вербальных заданиях.

Результаты исследования показали, что в представлениях о «герое» и «героическом» младших школьников есть следующие особенности:

1. В определениях героя основным смысловым ядром являются функции героя – спасать, защищать, помогать. Эти же понятия доминируют при описании главных действий героя.
2. В описаниях героя наиболее яркими оказываются физические качества героя (сила, ловкость, скорость), его личностные характеристики (смелость, отвага) и моральные качества (доброта, отзывчивость). Интеллектуальные, эмоционально-коммуникативные, эстетические качества актуализируются крайне редко. Это позволило сформулировать основную «триаду качеств героя» – сила, смелость, доброта.
3. В представлениях о современных героях преобладают вымышленные герои. Редко младшие школьники ссылаются на представителей реальных профессий – пожарного, полицейского, военного, спасателя.
4. Более благополучные в отношении психологической безопасности учащиеся младших классов описывают героя преимущественно через его основные функции (спасение, защита, помощь), реже, приводя в пример различных вымышленных персонажей. Менее благополучные учащиеся младших классов чаще упоминают вы-

мышленных героев мультфильмов и сказок, чем дают функциональные названия, а также вспоминают представителей разных профессий (полицейский, пожарный, военный).

Литература

- Гогицаева О. У., Кочисов В. К. Условия развития личностной саморегуляции у младших школьников // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 57.
- Воловикова М. И. Личность в пространстве современного мира: духовно-нравственные проблемы // Нравственность современного российского общества. Психологический анализ. Сер. Психология социальных явлений. М., 2012. С. 42–59.
- Кочисов В. К., Гогицаева О. У. Современное состояние проблемы психолого-педагогического сопровождения семьи // Семья в зеркале социальной сферы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году семьи в России. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. С. 204–209.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНТОВ-ВЫПУСКНИКОВ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Л. В. Марищук, Т. И. Юхновец (Минск, Республика Беларусь)

Введение. Процесс профессионализации, профессионального обучения в современных условиях претерпевает значительные изменения, что находит отражение в научных концепциях, моделях, разработках (Е. П. Ермолаева, Ю. П. Поваренков, Ф. Э. Зеер, В. Д. Шадриков, В. А. Якунин).

Снижение доли стабильных факторов и условий, устойчивой согласованности внешних и внутренних компонентов деятельности, активности личности приводит к нарушению баланса многих механизмов, в том числе идентификации-индивидуализации. Субъективно это приводит к переживанию человеком проблем своего развития. Под проблемой психического развития Л. А. Регуш предлагает понимать «существующие в пределах нормы возрастного развития противоречия между актуальным уровнем развития психики и вызовами жизни относительно необходимости появления новых психических качеств» (Регуш, 2006, с. 9). В случае негативного прогноза жизненные невзгоды меняют образ жизни людей в худшую сторону, их сознание и личность, снижая самооценку, жизнестойкость, нарушая качество межличностных отношений, производительность труда.

Анализ научных работ показывает, что давлению неблагоприятных факторов на человека может противостоять развитая субъектность

личности (К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферова, В. Д. Шадриков, В. А. Волочков). Субъектность представляет собой макрохарактеристику личности (по Б. Г. Ананьеву), содержание которой по-разному раскрывается в работах отечественных психологов. Под субъектностью мы понимаем осмысленную активность личности, направленную на развитие себя (в случае необходимости – самопреобразование); готовность адекватно ответить на вызовы жизни, принятие ответственности за результаты собственной деятельности.

Субъектность личности проявляется в активности, особенно «сверхнормативной», инициативе, самостоятельности, адекватной рефлексии «образовательного маршрута», осознанном построении перспективы собственного развития в избранной сфере деятельности и жизни в целом, принятии на себя ответственности за его результат, познавательном отношении к миру, отношении к людям, способности осознанно, самостоятельно, целенаправленно, на основе саморегуляции преобразовывать и конструировать возможности и свойства в социально и профессионально значимые качества.

Л. И. Анцыферова отмечает, что изучение такого рода феноменов психики человека необходимо осуществлять с позиций когнитивно-феноменологической психологии, существенными характеристиками которой являются: апелляция к смыслам и значениям для самого субъекта, опосредующим реальность; понимание вместо каузального объяснения; учет интенциональных объяснений.

Понять, как человек строит, перестраивает и достраивает глубоко личностную «теорию» мира, включая и его самоконцепцию, помогают имплицитные представления самих испытуемых.

Имплицитные (от *англ.* *implicit* – невыраженный, скрытый) знания, представления существуют на уровне сознания, хранятся в опыте, систематизированы относительно структуры и механизмов существования и функционирования человека, природы и общества до уровня концепций (Иванченко, 2012). Понятие «имплицитная теория личности» («наивная концепция личности», «теория личности здравого смысла») было введено в 1954 г. Дж. Брунером и Р. Тагиури. В разработку этого понятия внесли вклад такие зарубежные ученые, как М. Полани, Р. Стернберг, С. Московичи, Г. Келли, и отечественные – Е. Ю. Артемьева, Е. Л. Доценко, В. Н. Дружинин, В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев.

Изучению имплицитных представлений студентов о возможности развития интеллекта, личности в процессе учебной деятельности, их влияния на эффективность последней посвящены работы К. Двек, а также Т. В. Корниловой, С. Д. Смирнова, экстраполировавших предложенную схему анализа этих представлений к решению социальных задач, академической самооэффективности.

Цель исследования состояла в том, чтобы содержательно охарактеризовать имплицитные представления о субъектности студентов-пя-

тикурсников с разным уровнем подготовленности к профессиональной деятельности.

Объектом исследования выступило содержание обыденного сознания применительно к субъектности; *предметом* – имплицитные представления о субъектности студентов-выпускников с низким и высоким уровнем профессиональной обученности. В результате исследования предполагалось выявить различия в имплицитных представлениях заявленных групп студентов.

Исследование проведено в 2014–2015 учебном году на базе факультета специального образования БГПУ им. М. Танка. Пятикурсникам (51 чел.) было предложено написать сочинение на тему «Я – автор своей судьбы, жизни». В процессе анализа данных учитывался средний балл академической успеваемости. Эмпирика обрабатывалась качественным контент-анализом с использованием индуктивных категорий, математическими методами χ^2 Пирсона для анализа номинативных данных (таблиц сопряжения 2×2), непараметрического метода сравнения двух независимых выборок.

Контент-анализ осуществлялся в рамках подхода обоснованной теории в три этапа: открытого, осевого и избирательного кодирования.

На этапе открытого кодирования были выделены 25 категорий, таких, например, как: модус жизни (хочу, могу, должна); время, на которое ориентирован студент; структура отношений; характеристики общения; актуальные и потенциальные трудности; ориентация на профессиональную деятельность; имеющийся опыт работы; поддержка; самостоятельность; ответственность; саморазвитие, самореализация, самоизменение; семья, друзья; перспективы роста; аргументированность мысли и др.

В результате применения схемы Страусса (Страусс, 2007) была дана гипотетическая формулировка связей между категориями: в условиях задачи, осложненной внешним принуждением, экстремальными факторами, студенты рефлексируют свои ресурсы, активно включаются в систему межличностной поддержки для того, чтобы успешно отвечать на вызовы, которые ставит перед ними жизнь. Контексты существования феномена «активного деятеля» раскрываются с точки зрения уровня осознанности (развития рефлексивных способностей, проявляющихся в качестве аргументации) и степени сензитивности к принуждению выполнения задания. Возможные комбинации этих категорий задают 4 контекста: сниженная рефлексия в ситуации остро переживаемого принуждения, сниженная рефлексия в автономной деятельности, высокий уровень рефлексии в ситуации принуждения и высокий уровень рефлексии в автономном режиме деятельности.

Выделенные в свободных описаниях категории сравнивались методом анализа таблиц сопряжения. Оказалось, что высоко и низко субъектные студенты отличаются по следующим категориям: переживание

нужды в поддержке себя ($\chi^2=6,25$; $p=0,012$), опыт работы в настоящем ($\chi^2=4,06$; $p=0,044$), опыт конструктивного общения ($\chi^2=3,99$; $p=0,047$), переживание долженствования ($\chi^2=3,89$; $p=0,05$), вера/оптимизм ($\chi^2=3,87$; $p=0,05$), опека Других ($\chi^2=3,78$; $p=0,05$); структура отношений ($\chi^2=3,89$; $p=0,05$). Высокосубъектные студенты уже имеют опыт работы по специальности, коммуникативны, они выстраивают значимые отношения в разных сферах своей жизни, при этом они в значительно меньшей степени, чем низкосубъектные, переживают долженствование, нуждаются в поддержке, опекают Других, с оптимизмом смотрят в будущее. Таким образом, высокосубъектные студенты выстраивают партнерские отношения с Другими в деловой и неформальной сферах и дорожат ими.

Сравнение низко- и высокосубъектных студенток по успеваемости при помощи U-критерия Манна–Уитни показало их различие, при котором высокосубъектные девушки имеют более высокую успеваемость ($U=0,00$; $p=0,024$).

Заключение. Анализ имплицитных представлений о субъектности студентов пятого курса с разным уровнем профессиональной подготовленности показал, что выпускники достаточно осознанно, четко, целостно, адекватно осмысливают авторство своей жизни, судьбы и профессионального развития, силу своего Я. Этот факт может выступать дополнительным мотивирующим стимулом для повышения качества профессионального образования.

Литература

- Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–17.
- Иванченко Г. В.* Творчество, профессионализм, духовность: имплицитные концепции / Г. В. Иванченко, М. Ю. Казарян, Н. В. Кошелева. М.: Смысл, 2012.
- Корнилова Т. В.* Модификация опросников К. Двек в контексте изучения академических достижений студентов / Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов, М. В. Чумакова, С. А. Корнилов, Е. В. Новотоцкая-Власова // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 86–100.
- Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
- Регуш Л. А.* Проблемы психического развития и их предупреждение (от рождения до пожилого возраста). СПб.: Речь, 2006.

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ АДАПТАЦИИ ОПРОСНИКА «ACTIVE PROCRASTINATION SCALE»

Г. И. Марусанова, В. В. Барабанщикова (Москва)

Современное состояние экономической сферы общества характеризуется стойкой тенденцией ориентирования на переход к инновационному пути развития. Для успешного внедрения нововведений и поддержания оптимального темпа модернизации экономики необходимо максимально полное включение конкурентных сил государства, одним из основных преимуществ России в данном вопросе выступает область науки, с исторических времен во многом определяющая народнохозяйственный прогресс и безопасность страны (Миндели, Медведева, 2012).

В эпоху инноваций в целях повышения эффективности функционирования отечественных предприятий необходимо обращение к концептуальному подходу в организации кадрового обеспечения производственного процесса. В вопросах достижения высокой производительности труда специалистов и образцового исполнения ими предписанных должностных обязанностей колоссальную актуальность приобретает изучение специфики феномена прокрастинации в профессиональной деятельности, своеобразной психологической стратегии отсрочивания сотрудником выполнения поставленных руководством задач (Барабанщикова, Каминская, 2013).

В последнее десятилетие в психологической науке наблюдается значительный прогресс в области изучения особенностей поведенческой стратегии откладывания «на потом» реализации намеченных планов. В частности, были опубликованы результаты исследований, обосновывающие необходимость разграничения двух типов прокрастинации: «пассивной» и «активной» (Chu, Choi, 2005). Пассивная прокрастинация является «традиционной» и заключается в затягивании момента начала деятельности из-за неспособности принимать решения (при этом желание отложить дело изначально отсутствует), активная прокрастинация, напротив, характеризуется намерением оттянуть реализацию тех или иных действий в целях фокусировки на первоочередных задачах, наряду с осознанием возможности вовремя приступить к делу (Chu, Choi, 2005; Choi, Moran, 2009).

Целью работы является проведение русскоязычной адаптации опросника «The New Active Procrastination Scale» («APS») – «Новая шкала активной прокрастинации» (Choi, Moran, 2009). Особенностью настоящего исследования станет то, что разработка отечественной модификации методики будет осуществляться на российской выборке трудоустроенных профессионалов, в то время как первоначальная версия шкалы создавалась на материале канадских студентов и описывала особенности академической прокрастинации.

В качестве *гипотезы* исследования выступает предположение о том, что в прокрастинации, свойственной профессиональной деятельности российских специалистов, будут присутствовать факторы, выделенные в оригинальном варианте методики, а именно: «неудача при выполнении задания», «удовлетворенность результатом», «осознанное откладывание выполнения заданий» и «предпочтение выполнения заданий в условиях дефицита времени».

Подготовка к исследованию прошла при информационной поддержке автора-разработчика опросника «APS» – Й. Н. Чои (J.N. Choi), профессора кафедры организационного поведения и управления персоналом Сеульского национального университета (Seoul National University).

На сегодняшний день идет процесс создания русскоязычного варианта текста опросника, включающий в себя ряд этапов.

1. Разработка симметричных (предполагающих сохранение изначального смысла утверждений в совокупности с приданием изложению привычного для русской культуры стиля) переводов текста методики с языка оригинала (английский). В качестве переводчиков выступают лица, в совершенстве владеющие английским языком и имеющие высшее психологическое образование (4 эксперта).
2. Экспертная оценка полученных переводов и выбор версии, наиболее оптимальной в плане соответствия тексту оригинала с учетом культурных особенностей отечественного специалиста и специфики условий профессиональной деятельности в России. Оценка согласованности экспертных мнений. В качестве экспертов выступают лица, имеющие ученую степень по специальности 19.00.03 – «Психология труда, инженерная психология, эргономика» (5 экспертов).
3. Обратный перевод итогового русскоязычного проекта на английский язык с целью проверки и подтверждения соответствия разработанного варианта тексту оригинальной методики. В качестве переводчиков приглашаются лица с высшим психологическим образованием и свободным владением английским языком, которые ранее не были задействованы в разработке.

Дальнейшая программа исследования в наиболее общем виде включает следующие этапы (в ходе работы возможно внесение корректив в предварительно составленную программу):

- анализ внутренней валидности и внутренней согласованности пунктов опросника;
- определение критериальной валидности путем корреляционного анализа тестовых результатов с внешним критерием. При этом к выбору релевантной методики следует подойти особо тщательно, поскольку различные психодиагностические инструменты могут выявлять различающиеся психологические

конструкты, объединяемые общим понятием «прокрастинация» (Барабанщикова, Каминская, 2013);

- определение ретестовой надежности (проверка устойчивости опросника к повторному тестированию) в совокупности с изучением информативности отдельных пунктов опросника;
- проверка конструктивной валидности методики;
- проверка воспроизводимости структуры опросника (в том числе воспроизводимости связей между факторами);
- сбор новых нормативных данных на выборке российских специалистов.

Проведение математического анализа данных планируется с использованием статистического пакета SPSS (Statistical Package for the Social Sciences). Дополнительная информация будет получена с помощью программы анализа результатов тестирования TAP (Test Analysis Program). Для проверки соответствия факторных структур англоязычного и русскоязычного опросников предполагается применение структурного моделирования в программе EQS (Structural Equations Program).

В результате данного исследования ожидается получение принципиально нового для отечественной психологической науки валидного психодиагностического инструмента, направленного на определение особенностей феномена активной прокрастинации в профессиональной деятельности.

Литература

- Барабанщикова В. В., Каминская Е. О. Феномен прокрастинации в деятельности членов виртуальных проектных групп // Национальный психологический Журн. 2013. № 2 (10). С. 43–51.
- Миндели Л. Э., Медведева Т. Ю. Модернизация российской экономики: научный потенциал организаций РАН. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Choi J. N., Moran S. V. Why not procrastinate? Development and validation of a new active procrastination scale // The Journal of Social Psychology. 2009. № 149 (2). P. 195–211.
- Chu A. H. C., Choi J. N. Rethinking procrastination: positive effects of “active” procrastination behavior on attitudes and performance // The Journal of Social Psychology. 2005. № 145 (3). P. 245–264.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЛОНТЕРОВ, РАБОТАЮЩИХ С ЛЮДЬМИ, ИМЕЮЩИМИ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Е. Е. Марченко (Брест, Республика Беларусь)

Волонтерство как социальный феномен не только набирает популярность в обществе, но все больше привлекает внимание исследователей. В то же время практика работы общественных объединений обнаруживает немало проблем, связанных с личностной готовностью людей к волонтерской деятельности.

Цель нашей работы заключалась в изучении особенностей мотивации (с помощью специально разработанной клинической беседы) и эмпатии (с помощью методики «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна в модификации Н. Эпштейна) как важнейших личностных характеристик, определяющих эффективность выполнения человеком волонтерской деятельности. В исследовании приняли участие действующие волонтеры различных общественных объединений и волонтерских отрядов учреждений образования г. Бреста (Республика Беларусь). Выборка составила 33 чел. в возрасте от 17 лет до 28 лет.

При изучении эмпатии было установлено, что большинство волонтеров (81%) характеризуется высокими показателями эмпатии. Средний уровень эмпатии обнаружен у 16%. И только у 3% респондентов был обнаружен низкий уровень эмпатии. С учетом специфики добровольческой работы можно говорить о том, что по данному аспекту характеристики наших волонтеров в своем большинстве соответствуют теоретической модели эффективного волонтера.

При изучении мотивации мы отталкивались от типологии волонтеров по соотношению направленности ведущих мотивов на себя и на других, разработанной Е. Е. Марченко и Т. В. Тхоревой (Марченко, Тхорева, 2011). По данному основанию авторы предлагают различать четыре основных типа волонтеров: «случайный волонтер» (внешняя неустойчивая мотивация), «волонтер-звезда» (доминирование эгоистических мотивов), «волонтер-подвижник» (направленность на другого в сочетании с отказом от удовлетворения собственных потребностей), «эффективный волонтер» (преобладание ориентации на другого при наличии мотивов саморазвития и самореализации).

Отдельно были проанализированы особенности представлений респондентов о *должной* мотивации волонтерства, о *типичных* мотивах современных волонтеров и особенностях их *собственной* мотивации.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что представления о *должной* мотивации у волонтеров основаны на адекватных мотивах (бескорыстная помощь и забота об инвалидах в сочетании с возможностью быть активным, приобрести новый опыт, знания и умения), что соответствует типу «эффективный волонтер».

В свою очередь «неподходящими» для волонтерства респонденты считали следующие причины: «за компанию», возможность выбраться из дому, получение какой-либо выгоды, следование семейной традиции, возможность заслужить положительную оценку со стороны окружающих.

При изучении *типичной* (реальной) мотивации волонтерства было установлено существенное отличие от нормативной модели. Наиболее распространенными мотивами оказались: возможность путешествовать, быть лидером, влиять на других людей, действие «за компанию», получение студенческой выгоды. В то время как мотивы бескорыстной помощи другим и саморазвитие оказались наименее упоминаемыми.

В содержании реальной мотивации типичного волонтера выявлены следующие устойчивые сочетания: «помощь и забота – желание воодушевлять других – возможность общаться с единомышленниками» при отсутствии указаний на мотив «возможность выбраться из дома» или «заслужить репутацию у окружающих». Еще одним специфическим комплексом в представлениях волонтеров выступало сочетание «получение студенческой выгоды – возможность выбраться из дому – желание быть более взрослым», которое отражало внешнюю, т. е. неадекватную мотивацию волонтерства. Данное сочетание оказалось типичным для членов студенческих волонтерских отрядов ($r=0,381$, при $p \leq 0,05$).

Также было установлено, что при доминирующей ориентации на себя у волонтеров наиболее типичным сочетанием мотивов являются пары «применение своих талантов – возможность стать лидером» ($r=0,510$, при $p \leq 0,01$), а также «возможность быть лидером – заслужить репутацию» ($r=0,485$, при $p < 0,05$).

Другими словами, те люди, которые работают с инвалидами, отмечают, что наиболее распространенным среди волонтеров является тип «волонтер-звезда», ориентированный на реализацию собственных амбиций и получение определенных выгод от волонтерской деятельности.

Обобщив полученные результаты, можно отметить, что образы должной мотивации и реальная мотивация этой деятельности у самих волонтеров и их близкого окружения существенно различаются.

Полученные нами данные не только подчеркивают актуальность проведения специальной психологической подготовки людей, желающих заниматься волонтерской деятельностью с людьми, имеющими особенности психофизического развития. Они также обнаруживают конкретные проблемы, без решения которых невозможно обеспечение эффективной реализации волонтерской деятельности.

Литература

Марченко Е. Е., Тхорева Т. В. Рекомендации по работе с волонтерами // Мир «особого» театра: Пособие для педагогов, работающих с детьми и молодыми людьми с ограниченными возможностями / Сост. Е. В. Господарик и др.. Брест: Альтернатива, 2011. С. 36–41.

ЗАВИСИМОСТЬ АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЮНОШЕЙ ОТ ОТЦОВСКОГО ОТНОШЕНИЯ

Г. М. Махмудов, Г. Г. Семенова-Полях (Казань)

Современный ритм общественной жизни предъявляет серьезные требования к адаптационным ресурсам молодого поколения. Однако их формирование обусловлено обилием разноуровневых и разносторонних факторов (Леонтьев, 2013), в числе которых особое значение приобретает детско-родительское отношение. Психологи утверждают, что отцовское отношение, в отличие от материнского, – основа социальных ориентиров ребенка, умения постоять за себя, уверенности в собственных силах (Овчарова, 2005), что особенно важно для будущих мужчин-подростков и юношей. Именно в процессе этих отношений закладываются и оттачиваются специфические защитно-адаптационные механизмы личности, которые в последующем в форме неосознаваемых автоматизированных операций запускаются в ситуации необходимости совладания со стрессом (А. Н. Леонтьев). Поэтому целью нашего пилотажного исследования стало выявить влияние отцовского отношения на адаптационные ресурсы юношей 16–18 лет.

Объект исследования: адаптационный потенциал личности.

Предмет исследования: зависимость адаптационного потенциала юношей 16–18 лет от восприятия ими отцовского отношения.

Мы предположили, что существует зависимость адаптационного потенциала личности юношей от отцовского отношения. Для этого было обследовано 30 юношей г. Казани в возрасте от 16 до 18 лет.

В качестве методов эмпирического исследования применялось тестирование. Для оценки адаптационных ресурсов юношей была выбрана методика «Юношеская копинг-шкала» Фрайденберг и Льюис (в адаптации Т. Л. Крюковой, 2002) и многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина (1993). Поскольку для понимания влияния на ребенка важно не столько само родительское отношение, сколько то, как оно преломляется в сознании воспринимающего, для оценки отцовского отношения была выбрана методика «Подростки о родителях» (ADOR) Л. И. Вассерман, И. А. Горьковой и Е. Е. Ромицыной (1995). Результаты психодиагностики подверглись статистической проверке с помощью U-критерия Манна–Уитни и корреляционного анализа Спирмена.

Для достижения цели исследования с помощью методики ADOR испытуемые были поделены на две выборки: первую составили юноши с отрицательным отцовским отношением, вторую – с положительным.

В результате сравнения адаптационных показателей этих групп (по шкалам МЛО), были обнаружены значимые различия. Юноши первой группы демонстрируют черты сниженной адаптации с пограничным психическим состоянием и вероятными нервно-психическими срывами.

Тогда как респонденты второй группы имеют удовлетворительную адаптацию. Их акцентуации частично компенсированы, но эмоциональная устойчивость невысока, что требует постоянного самоконтроля.

Здоровые отношения с отцом положительно отражаются на поведенческой саморегуляции юношей ($U_{\text{эм.}}=28,5$ при $p<0,01$), а также на их умении строить коммуникативные связи и меньшей конфликтности ($U_{\text{эм.}}=28,5$ при $p<0,01$).

У юношей с отрицательным восприятием отцовского отношения наблюдается тенденция к дезадаптационным нарушениям ($U_{\text{эм.}}=37$ при $p<0,05$). Им свойственны астенические реакции ($U_{\text{эм.}}=28,5$ при $p<0,01$), что выражается в склонности к ситуационной тревожности, ипохондрии, повышенной утомляемости и низкой толерантности к неблагоприятным факторам среды, наличию суицидальных тенденций.

В целом, у юношей с позитивным восприятием отцовского отношения адаптационный потенциал личности гораздо выше, чем у тех, чье восприятие отцовского отношения негативно ($U_{\text{эм.}}=28$ при $p<0,01$).

В арсенале стратегий преодолевающего поведения у юношей обеих групп в сложных жизненных ситуациях обнаруживается стремление использовать копинги «Решение проблемы», «Работа и достижения», «Активный отдых» и «Отвлечение». При этом респонденты с позитивным отцовским отношением чаще склонны обращаться к социальным стилям совладания: обращению к близким, друзьям или поиску новых контактов (копинг «Друзья»: $U_{\text{эм.}}=34$ при $p<0,01$) и нацеленность на получение одобрения от других (копинг «Принадлежность» $U_{\text{эм.}}=37,5$ при $p<0,05$). Однако среди негативных стратегий они выбирают «ожидание чуда», в то время как юноши с отрицательным отцовским отношением не склонны к надеждам на случайное урегулирование ситуации (копинг «Чудо»: $U_{\text{эм.}}=45,5$ при $p<0,05$). Т. е. при выборе средств самозащиты они опираются на собственные силы, следуя жизненным принципам «не верь – не проси».

В процессе исследования также были обнаружены значимые корреляты показателей восприятия отцовского отношения с параметрами адаптационного потенциала личности на полной выборке ($n=30$).

Подтверждено, что личностный адаптивный потенциал юношей положительно связан с «фактором отцовской близости» ($r=0,51$ при $p<0,01$) и отрицательно коррелирует с непоследовательностью отца ($r=-0,48$ при $p<0,01$). Близкие отношения с отцом, взаимное принятие и проявление теплых чувств увеличивают формирование коммуникативного потенциала юношей ($r=0,56$ при $p<0,01$) и снижают вероятность астенических форм реагирования на стресс ($r=0,5$ при $p<0,01$). Тогда как враждебность отца ведет к росту дезадаптационных нарушений юношей ($r=-0,47$ при $p<0,01$).

При выраженной отцовской директивности ($r=0,65$, при $p<0,001$) и непоследовательности ($r=0,56$ при $p<0,01$) закладывается непродук-

тивный стиль совладания в форме «разрядки» с помощью вымещения своих неудач на других, агрессии и употреблении психоактивных веществ. При этом директивность провоцирует к обращению в трудной жизненной ситуации к друзьям и иным социальным связям ($r=0,47$ при $p<0,01$), что, очевидно, компенсирует доминантный стиль общения с отцом. В то время как неумение юношами использовать копинг «общественные действия» напрямую связано с родительской автономностью ($r=-0,8$ при $p<0,001$).

Демонстрация позитивного интереса отца в адрес юноши и отсутствие конформизма во взаимоотношениях ведет к ослаблению негативного копинга «уход в себя» ($r=-0,52$ при $p<0,01$), что уменьшает риск самоизоляции в трудных ситуациях.

Таким образом, эмпирически подтверждено, что умением строить близкие и эффективные взаимоотношения отца с ребенком позволяет формировать личность с высоким адаптационным потенциалом. Непродуктивные формы совладания закладываются при проявлениях директивности и непоследовательности отца и снижаются при позитивном отношении.

Литература

- Вассерман Л. И., Горьковая И. А., Ромицына Е. Е. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение. М.: Фолиум, 1995.
- Крюкова Т. Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, Авантитул, 2010.
- Леонтьев Д. А. Многоуровневая модель взаимодействия с неблагоприятными обстоятельствами: от защиты к изменению // Психология стресса и совладающего поведения: Материалы III Международной научно-практической конференции. Кострома, 26–28 сент. 2013 г. В 2 т. / Отв. ред. Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. Т. 1. С. 258–260.
- Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / Под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. СПб., 2001. С. 127–129, 138–141.
- Овчарова Р. В. Психология родительства: Учеб. пособие. М.: Академия, 2005.
- Психология совладающего поведения // Материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, Т. Л. Крюкова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007.

СУБЪЕКТИВНЫЙ ВОЗРАСТ КАК ПРЕДИКТОР УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СТАРОСТЬЮ В ПОЗДНИХ ВОЗРАСТАХ*

А. И. Мелехин (Москва)

За последние несколько десятилетий в геронтологии наблюдается процветающий интерес к изучению *субъективного благополучия* (subjective well-being) и *эмоционального здоровья* (emotional health) в пожилом и старческом возрасте. Данный интерес связан с тем что более 20% пожилых людей в возрасте 60 лет страдают психическими и неврологическими расстройствами, 7% из них имеют инвалидность в связи с этими заболеваниями (Westerhof, Barrett, 2005). В связи с этим проблема здоровья, актуальная для любого возраста человека, приобретает особую значимость в поздних возрастах (в пожилом – 55–74 и старческом возрасте – 75–90 лет).

С одной стороны, старение связано с ухудшением здоровья и некоторыми психосоциальными потерями, что в некоторой степени объективно влияет на качество жизни. Хотя пожилые люди могут быть «старыми», в соответствии с культурными стандартами. Однако многие пожилые люди сопротивляются ярлыкам «пожилой», «старый», «пенсионер» и говорят, что чувствуют себя моложе своего возраста (Barak, 2009). Сопротивление пожилых людей стереотипам старения можно считать стратегией, направленной на *самоэффективность*. Применительно к пожилым людям все более актуальной является возможность успешного, продуктивного старения, в основе которого лежит обучение гибкому выбору копинг-стратегий в проблемных ситуациях, актуализация и амплификация внутренних ресурсов. Исследователи сосредоточились на выявлении стратегий, с помощью которых пожилые люди адаптируются к возрастным изменениям, с тем чтобы поддерживать субъективное благополучие. Пожилые люди, которые чувствуют себя моложе, чем они есть на самом деле, отмечают положительное субъективное благополучие (Montepare, 2009). В целом идентификация с молодым возрастом позволяет выработать *положительную когнитивную иллюзию*, которая позволяет оценить себя более благосклонно и служит объективным показателем субъективного благополучия (Сергиенко, 2014). Способность поддерживать положительное самовосприятие, такое как ощущение себя моложе, по-видимому, является центральным механизмом психологической перестройки в поздних возрастах (Stephan, Sutin, 2015). В связи с этим, наряду с хронологическим возрастом, выделяют понятие *субъективного возраста*, также известного как *возрастная идентичность* (age identity), *когнитивный возраст* (cognitive age) или *самовосприятие собственного возраста*

* Исследование выполнено под научным руководством Е. А. Сергиенко – д. п. н., профессора, зав. лабораторией психологии развития ИП РАН (Москва).

(perceived age). Субъективный возраст – это репрезентации человека о собственном возрасте, который формируется под влиянием раннего опыта, глубинных убеждений и ожиданий (Сергиенко, 2015). Если хронологический возраст отражает, сколько лет прожито, то субъективный возраст показывает, как субъективно себя ощущает человек. Пожилые люди субъективно могут оценивать себя старше своего возраста, что носит название *негативной когнитивной иллюзии возраста*. Такие люди оценивают себя менее счастливыми и сообщают о более низкой удовлетворенности старостью. Р. Ибач и С. Мок показали, что оценка себя старше в пожилом и старческом возрасте связана с различными формами возрастных изменений и психосоциальных проблем, таких как снижение зрения, разрыв связей между поколениями, невозможность воспринимать новую информацию и использовать ее. Пожилые люди, которые, наоборот, оценивали себя моложе, как правило, чувствовали себя счастливыми и востребованными (Bergland, Nicolaisen, 2014). Идентификация с молодым возрастом, с одной стороны, является копинг-стратегией, а с другой стороны, ресурсом. Пожилые люди, которые могут гибко компенсировать дискомфортные последствия старения (болевого компонент, снижение работоспособности, изменения во внешности и др.), чувствуют себя моложе. Д. Коттер-Гран и Т. Хесс описали эту копинг-стратегию как подталкивание себя чувствовать моложе, чтобы испытывать более высокую самооффективность, чтобы вкладывать больше усилий в значимые дела. Идентификация себя с молодым возрастом защищает от деструктивного эффекта негативных стереотипов о старении (Stephan, Sutin, 2015). Пожилые люди произвольно вызывают у себя чувство молодости, чтобы отклонять эти стереотипы и выработать новые формы поведения в поздних возрастах (Infurna, Gerstorf, 2010). Желание пожилого человека компенсировать слабые стороны и *идентифицировать* себя с молодым возрастом можно рассматривать как специальные механизмы психологической защиты. Стратегия идентификации с молодым возрастом может способствовать увеличению субъективного благополучия и относится к *положительной когнитивной иллюзии возраста* (positive illusions), т. е. расхождению между хронологическим возрастом и субъективным возрастом (Сергиенко, 2014). Феномен *нарастания когнитивной иллюзии* с возрастом подтвердился в сравнительных исследованиях в 18 странах и подтвержден на русскоязычной выборке. Несмотря на то, что исследование указывает на сопряженность субъективного благополучия с субъективным возрастом в процессе старения, однако необходимо более детальное и широкое изучение роли возрастной идентичности в процессе старения и ее определяющих факторов. В связи с этим целью данного исследования является анализ взаимосвязей когнитивного статуса, наличия аффективных расстройств, оценки качества жизни и субъективного возраста. Всего в исследовании приняли участие

193 чел. пожилого (55–74) и старческого (75–90) возраста. Для анализа возрастных различий было сформировано три группы респондентов: 55–60 лет – 40; 61–74 года – 117; 75–90 лет – 36 чел. Респонденты амбулаторно наблюдались у психолога-психотерапевта в ГБУЗ Консультативно-диагностическом центре № 2 ДЗМ. С целью оценки наличия и степени когнитивного дефицита респондентов использовалась краткая шкала оценки когнитивных функций (Mini Mental State Examination – MMSE). Наличие и степень депрессии у пожилых респондентов оценивались с помощью полной гериатрической шкалы депрессии (Geriatric Depression Scale – 30). В связи с тем, что депрессия в поздних возрастах часто сопровождается субъективным переживанием одиночества, была использована калифорнийская шкала одиночества (UCLA Loneliness scale). Также использовалась короткая форма опросника качества жизни Всемирной организации здравоохранения (WHOQOL-BREF). На качество жизни и состояние здоровья влияет количество и тяжесть заболеваний, в связи с этим использовалась шкала оценки коморбидности Cumulative Illness Rating Scale for Geriatrics (CIRS-G). Субъективный возраст оценивался с помощью когнитивной шкалы оценки возраста (Cognitive age-decade scale, B. Barak).

Были получены следующие *результаты*.

1. Наблюдается общая тенденция к увеличению разницы между хронологическим и субъективным возрастом в поздних этапах онтогенеза, которая в то же время сопровождается неравномерностью степени выраженности компонентов субъективного возраста: биологического (на сколько лет человек себя чувствует), эмоционального (на сколько лет, как он думает, выглядит), социального (на сколько лет он действует) и интеллектуального (к какому возрасту относятся его интересы).
2. Люди пожилого и старческого возраста ощущают себя в целом моложе по возрастной идентичности, но среди них есть люди, которые ощущают себя на свой возраст, более моложе и даже старше.
3. Изменения в субъективном возрасте в сторону занижения или завышения в пожилом и старческом возрасте связаны с удовлетворенностью собственной внешностью, здоровьем, социальным благополучием, микросоциальной поддержкой, отсутствием выраженной депрессии и чувства одиночества.
4. Наличие семьи и работы в пожилом и старческом возрасте можно рассматривать как предиктор положительного изменения качества жизни и минимизации рисков развития аффективных расстройств.
5. В пожилом и старческом возрасте наблюдается мультикоморбидность болезней, присутствуют изменения в эмоциональном здоровье с преобладанием субдепрессивного и депрессивного состояния легкой степени. Эти особенности являются предикторами изменений субъективного возраста и его компонентов в поздних возрастах.

6. Произвольная идентификация пожилого человека с более молодым возрастом статистически значимо благоприятно влияет на показатели когнитивной, аффективной сферы, качества жизни. Данный факт с одной стороны, является копинг-стратегией, а с другой стороны – ресурсом, т. е. защищает от деструктивного эффекта негативных стереотипов о старении и способствует формированию новых, гибких форм поведения.

Литература

- Barak B.* Age identity: A cross-cultural global approach // *International Journal of Behavioral Development*. 2009. V. 33. № 1. P. 2–11.
- Bergland A., Nicolaisen M.* Predictors of subjective age in people aged 40–79 years: a five-year follow-up study. The impact of mastery, mental and physical health // *Aging & Mental Health*. 2014. V. 18. № 5. P. 653–661.
- Infurna F. J., Gerstorf D.* The nature and cross-domain correlates of subjective age in the oldest-old: Evidence from the OCTO study // *Psychology and Aging*. 2010. V. 25. P. 470–476.
- Stephan Y., Sutin A. R.* How Old Do You Feel? The Role of Age Discrimination and Biological Aging in Subjective Age // *PLoS ONE*. 2015. V. 10. № 3. P. 1–12.
- Westerhof G. J., Barrett A. E.* Age identity and subjective well-being: A comparison of the United States and Germany // *The Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2005. V. 60. P. 129–136.

ПСИХОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ ПОНИМАНИЯ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ПОДРОСТКАМИ С ПОМОЩЬЮ УЧЕБНЫХ КНИГ НОВОГО ТИПА

К. В. Миронова (Москва)

Важнейшей целью изучения лирической поэзии в школе является развитие художественной компетентности учащихся: их психоэмоциональной сферы, образного мышления, способности оценить произведение искусства, «вычлывать» содержащиеся в нем смысловые слои. Кроме того, лирическая поэзия путем передачи тончайших оттенков чувств и переживаний направляет читателя на путь самоуглубления, рефлексии. Л. С. Выготский называл искусство, в том числе искусство лирической поэзии, «способом уравнивания человека с миром в самые критические и ответственные минуты жизни» (Выготский, 1986, с. 329). В. В. Знаков также подчеркивает важность эстетических переживаний, благодаря которым происходит преобразование «нередко мучительных житейских чувств»: они «становятся более контролируемы, обобщенными», что «помогает человеку овладеть значимыми для развития личности ценностями» (Знаков, 2005, с. 161). В таком

«уравновешивании» и обретении контроля над своими чувствами остро нуждаются подростки, и вдумчивое чтение и осмысление лирики может оказать им неоценимую помощь в сложный период взросления, поиска себя и своего места в мире.

Однако реализация ценностно-смыслового потенциала лирики возможна только при условии ее полноценного восприятия, что представляет значительные трудности для читателей любого возраста. Традиционные школьные учебники, как правило, содержат лишь краткий анализ входящих в программу стихотворений. Основная же нагрузка по развитию понимания лирики учащимися ложится на учителей-словесников, но далеко не каждый из них может с ней справиться. Проведенные нами исследования показали, что, сталкиваясь с трудным для понимания произведением, современные подростки нередко прибегают к поверхностному чтению, при котором стихотворение остается непрочувствованным и непродуманным.

В связи с этим мы предположили, что для решения данной проблемы требуется создать учебные книги нового – психодидактического – типа, которые могли бы взять на себя ряд функций педагога и занять полноправное место в учебном процессе. *Гипотеза* нашего исследования состоит в том, что развитие понимания лирической поэзии подростками происходит эффективнее, если: 1) выявлены психодидактические принципы развития понимания лирики посредством учебных книг и разработан аппарат их практической реализации; 2) созданы разделы в учебных книгах, посвященные лирике, в которых реализуются выявленные принципы, и проведена апробация этих разделов в ходе экспериментального обучения.

Работа проводится в рамках нового направления в педагогической психологии – «Школьного литературоведения на психологической основе» и опирается на концепцию курса «Русская филология», разрабатываемого авторским коллективом под руководством Г. Г. Граник (Граник, 2007). В ходе экспериментального исследования процесса становления понимания лирики подростками мы выделили шесть ключевых принципов развития понимания лирики с помощью учебных книг нового типа. Рассмотрим их кратко.

Принцип полилогического обсуждения учебного материала предполагает организацию на страницах учебной книги психологически комфортного пространства полилога, в котором каждый из участников имеет равноценное право голоса. Этот принцип основан на смыслооткрывающем и смыслообразующем взаимодействии субъектов, реализуемом в чередовании – соприсутствии равноправных «речей»: поэта, критиков, учителя, учеников; объединяющим же началом – «общей речью» – становится совместный поиск, стремление к истине (Миронова, 2010, с. 40).

Принцип стимулирования эмоциональной включенности предполагает способствование средствами представленных в учебной книге

полилогических бесед возникновению у подростков непосредственного переживания разворачивающегося в произведении лирического действия, расширение средствами учебной книги сферы доступных подростку эстетических переживаний.

Принцип активизации личностно значимого взаимодействия с текстом предполагает инициирование средствами текста учебной книги заинтересованного размышления над заложенными в произведении глубинными смыслами и рассмотрения их в контексте личностных и общекультурных смыслов.

Принцип многомерного исследования поэтического текста предполагает изучение на страницах учебной книги многослойной структуры стихотворения, рассмотрение его с разных ракурсов. В процессе этого исследования выявляются заложенные в произведении смысловые пласты, стихотворение анализируется на различных уровнях: слова, строки, предложения, строфы, всего текста. Тем самым читатель вовлекается в процесс «наращивания» смысла, приучается вдумываться, всматриваться, вслушиваться в лирическое произведение.

Принцип расширения интеллектуального опыта предполагает пополнение мировоззренческих знаний, интеллектуального фонда подростков. Центральную роль в реализации данного принципа (как, впрочем, и всех остальных принципов) играет возбуждение и поддержание познавательного интереса подростков. Этот интерес может стать прочным только в том случае, если опирается не на поверхностную занимательность, а на ценностно-смысловую сферу подростка. Поэтому на страницах учебной книги следует обращаться к поднимаемым в лирике и актуальным для ученика вопросам, связанным с поиском смысла (смысла жизни, познания, дружбы, любви и т. д.).

Принцип формирования навыков оценки лирического произведения предполагает развитие средствами текстов учебной книги художественного вкуса подростков, их способности адекватно воспринимать и оценивать эстетические достоинства лирического стихотворения. Учебная книга должна направлять юного читателя не на достижение заранее известного результата в виде усвоенного набора почерпнутых о произведении знаний, а на сам процесс размышления и исследования.

Перечисленные принципы тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они основаны на личностно-центрированной парадигме образования, ориентированной на становление человека, раскрытие его потенциала (Н. А. Алексеев, В. В. Сериков, И. С. Якиманская и др.). Разработав аппарат практической реализации выделенных принципов, мы создали посвященные лирике разделы в учебной книге по литературе. Для проверки их эффективности мы провели констатирующий и формирующий эксперименты, в которых приняли участие 255 школьников 6-х (n=72), 7-х (n=102) и 8-х (n=81) классов трех московских общеобразовательных школ.

Констатирующий эксперимент был направлен на выявление актуального уровня понимания поэтического текста подростками, а формирующий – на повышение этого уровня. На первом этапе формирующего эксперимента учащиеся самостоятельно читали посвященные лирике фрагменты учебной книги нового типа, затем письменно отвечали на вопросы по стихам. На втором этапе экспериментатор, опираясь на учебную книгу, проводил с учащимися устные обсуждения биографии А. С. Пушкина и нескольких других его стихотворений, после чего учащиеся выполняли итоговое письменное задание.

Базовыми критериями оценки работ учащихся были: 1) эмоциональная отзывчивость (процесс переживания тех чувств, которые возникли в результате эмоционального отклика на художественное произведение, что обуславливает понимание его эмоционального содержания); 2) вычитывание двух видов текстовой информации (термины И. Р. Гальперина): фактуальной (описание событий, героев, места и времени действия и т. д.) и концептуальной (система отраженных в тексте взглядов, мыслей и чувств автора). Было выделено четыре уровня понимания: высокий, относительно высокий, средний, низкий.

Контент-анализ работ учащихся показал высокую эффективность проведенного формирующего эксперимента в развитии понимания лирики. Так, если до обучения (по итогам констатирующего эксперимента) у 25,8% учащихся отсутствовало понимание фактуальной информации, а у 48,0% оно было на низком уровне, то после формирующего эксперимента эти показатели составили 1,6% и 11,3%. Соответственно, возросло число понимающих этот вид информации на среднем (40,2%) и относительно высоком (42,6%) уровнях. Более чем в 4 раза сократилось число учащихся, не понимающих концептуальную информацию (с 68,8% до 16,4%). Также значительно возрос уровень эмоциональной отзывчивости: если до обучения высокий уровень был выявлен у 0,4% подростков, а относительно высокий у 10,2%, то после обучения – уже у 5,9% и 46,1% соответственно.

Как показал проведенный эксперимент, в учебной книге нового типа, основанной на психодидактических принципах, заложены богатые возможности для успешной реализации задачи повышения уровня понимания подростками поэтического текста. Посвященные лирике разделы направлены на воспитание личностно значимого – глубокого и при этом «домашнего» – отношения к поэзии, что способствует формированию у подростков потребности в чтении лирики, прививает устойчивый интерес к ней и к собственному внутреннему миру.

Литература

- Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986.
Граник Г. Г. Концепция курса «Русская филология». Почему нужны учебники нового типа. М.: Мой учебник, 2007.

- Знаков В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Миронова К. В. Психолого-дидактическое исследование проблемы восприятия лирической поэзии учащимися подросткового возраста // Теоретическая и экспериментальная психология. 2010. Т. 3. № 2. С. 37–43.
- Панов В. И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. СПб.: Питер, 2007.

СТАРЕНИЕ. ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ОБРАЗА ЖИЗНИ

Ю. В. Мишина (Казань)

Население России стареет. Число лиц пожилого возраста с каждым десятилетием растет. Подавляющее большинство в возрасте старше 60 лет составляют женщины. Работодатели стремятся омолаживать кадры, и далеко не всякий раз это делается в пользу качества выполняемой ими работы. В то же время квалифицированные работницы помимо своей воли оказываются за порогом активной жизни. Будучи еще дееспособными, свои нерастроченные жизненные ресурсы они могли бы не ограничивать заботами о внуках, а оставаться востребованными в привычной им сфере деятельности. В профессиях интеллектуальной направленности осложнения для них возникают там, где когнитивные ресурсы женщин пенсионного возраста затрудняют освоение инноваций и не соответствуют современным требованиям к исполнению служебных обязанностей.

Психологическая проблема заключается в выявлении когнитивного ресурса, подверженного у женщин естественному психофизиологическому снижению в пенсионном возрасте.

Физическое, физиологическое и психомоторное старение связаны у пожилых работающих с биологическим процессом, так же как и восприимчивость к физическим, экзогенным и организационным факторам на предприятии. Под влиянием естественных возрастных изменений, снижающих функциональные возможности организма, наступает период снижения работоспособности, а затем и ее утрата. Изучению старения организма посвящено немало работ, к фундаментальным из которых в русскоязычной научной литературе следует отнести исследования Т. И. Безденежной, Н. Ф. Шахматова, Яна Стьюарт-Гамильтона и др. Все они в разных аспектах освещают проблему сохранения здоровья и дееспособности в поздний период жизни. Изменение когнитивных функций в этот период жизни остается не конкретизированным в зависимости от рода занятий и образа жизни, потому актуализируется проблема сохранения работоспособности пожилых людей на сегодняшний день.

Цель исследования – установить изменения когнитивных функций в пожилом возрасте.

Методы исследования – метод возрастных срезов когнитивных функций, корреляционный анализ.

Стандартизованные методики психодиагностики – тесты: произвольного внимания (корректирующая проба), объема произвольной слуховой и зрительной памяти, вербального и невербального мышления («анalogии», «исключение лишнего», тест Равена). Обследовались 94 женщины в возрасте от 55 до 85 лет. Очевидно, что кризисным для женщин является возраст 60 лет, по достижении которого начинаются изменения когнитивных функций памяти и мышления. При этом произвольное внимание остается сохранным на уровне допенсионного возраста. Его угасание сдвигается к 65 годам жизни.

Для сравнительного анализа была взята группа женщин, проживших свою жизнь в сельской местности и трудившихся в аграрной сфере экономики.

При сравнении продуктивности аттенционной функции у городских и сельских женщин обращают на себя внимание их количественные показатели и характер изменений. У городских женщин угасание продуктивности этой функции с возрастом происходит почти вдвое по линейной зависимости, в то время как у сельских женщин она снижается в пять раз по отношению к уровню предпенсионного возраста.

Изменение произвольной памяти в обеих популяциях протекает в единой закономерности с резким снижением в семидесятилетнем возрасте, а диапазон количественных изменений сохраняется одинаковым.

Характерным отличием изменения невербального мышления сельских женщин выступает смещение пика его продуктивности на возраст 65 лет при сопоставлении с этим же показателем у городских женщин. Этот факт мы объясняем резкой переменой образа жизни горожанок при их отстранении от служебной деятельности. Диапазон же количественных изменений жизненно важной функции в обеих популяциях остается относительно неизменным.

Снижение продуктивности вербального мышления у городских женщин начинается с календарного возраста 60 лет, протекает монотонно и описывается линейным уравнением. Для сельских женщин позднего периода жизни изменение этой познавательной функции не выявляется до 65 лет. При этом в обеих выборках, как было установлено, он не связан ни с образованием, ни с видом профессиональной деятельности, предшествовавшей выходу на пенсию.

Выводы. Угасание высших психических функций совершенно не связано со степенью образованности. Их изменение в пенсионном возрасте предопределяется образом и длительностью позднего периода жизни.

На сохранность логического мышления со способностью к обобщениям в пенсионном возрасте положительно влияет предшествующая продуктивная деятельность в сфере профессий «человек–человек».

Закон гетерохронности в изменении высших психических функций в поздний период жизни проявляется так же, как и в периоды взросления. Их угасание в норме начинается около 60-летнего календарного возраста со снижения продуктивности мышления, чему сопутствует снижение объема памяти. Снижение объема внимания проявляется пятью годами позже.

В Российской Федерации закон о трудовых пенсиях регламентирует выход женщин на заслуженный отдых по достижении ими 55-летнего возраста, чем охотно руководствуются работодатели для омоложения кадрового состава. Наше исследование установило, что продуктивность высших психических функций, требуемых для выполнения умственной работы, имеет временной резерв до 60–65-летнего возраста, в котором сохраняется дееспособность работника.

Литература

- Безденежная Т. И.* Психология старения. Путь к долголетию. Ростов-н/Д.: Феникс, 2004.
- Стюарт-Гамильтон Я.* Психология старения. 4-е изд. СПб.: Питер, 2010.
- Шахматов Н. Ф.* Психическое старение: счастливое и болезненное. М.: Медицина, 1996.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СПОНТАННОЙ И ПОДГОТОВЛЕННОЙ РЕЧИ В РАЗЛИЧНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЯХ

И. Г. Моисеева, О. А. Куклина (Калуга)

Исследования спонтанной и подготовленной речи происходят преимущественно в области лингвистики. И хотя речь как психический процесс изучается психологами уже более 100 лет, в настоящее время отсутствуют четко сформулированные психологические признаки спонтанной и подготовленной речи. Выявление этих признаков позволит решить ряд важнейших задач в прикладных отраслях психологии (педагогической, юридической и др.).

Психологический компонент подготовленности речи отражен в публикациях по психолингвистике (Белянин, 2009; Жабин, 2006). Подготовленность речи нами понимается как заранее сформулированный текст, в котором определены цель, средства (речевые обороты), а также план его изложения. Спонтанная же речь ситуативна и зависит от контекста, в котором находится говорящий, она лишена четкого плана из-

ложения информации, а формулировка речевых высказываний ограничена временным фактором. Наивысшей степенью подготовленности речи является заученность текста.

Целью исследования является разработка механизма исследования, выявление и описание психологических признаков спонтанной и подготовленной речи в различных психических состояниях.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- осуществить диагностику психического состояния испытуемых;
- выявить психологические признаки спонтанной и подготовленной речи;
- определить количественные характеристики каждого признака;
- установить взаимосвязь между психическим состоянием и выраженностью тех или иных признаков спонтанной и подготовленной речи.

Гипотеза исследования заключается в том, что в разных психических состояниях наблюдаются различные психологические признаки спонтанной и подготовленной речи.

Выборку составят студенты-психологи начальных курсов в количестве 26 чел.

Основные *методы и методики* исследования: аудитивный анализ, контент-анализ, методика диагностики оперативной оценки самочувствия, активности настроения (САН), методика диагностики самооценки психических состояний (по г. Айзенку), корреляционный анализ (критерий Спирмена).

Исследование состоит из нескольких этапов.

I этап. Демонстрация 16-минутного фрагмента кинофильма «Переговорщик» (The Negotiator) 1998 г., режиссер Ф. Гэри Грея. В данном фрагменте демонстрируется захват заложников главным героем фильма, а также ведение переговоров с сотрудниками правоохранительных органов. Этот фрагмент характеризуется наличием драмы, юмора и заканчивается действием героя, которое не имеет однозначной интерпретации, что вызывает у воспринимающего эффект неоконченного действия. Таким образом, видеофильм является запоминающимся и в определенной степени значимым для испытуемого.

II этап. На этом этапе испытуемому предлагается изложить в устной форме увиденный сюжет в видеофильме. До рассказа осуществляется диагностика психического состояния испытуемого посредством указанных методик. Ведется аудиозапись речи испытуемого для дальнейшего анализа (проба 1).

III этап. Испытуемому предлагается изложить в письменной форме содержание увиденного, после чего ему необходимо прочесть получившийся текст несколько раз с целью запоминания. Затем повторно

диагностируется психическое состояние, а после испытуемого просят повторно воспроизвести содержание видеозаписи в устной форме. Ведется аудиозапись речи испытуемого для дальнейшего анализа (проба 2).

IV этап. По истечении 2–3 дней, в течение которых испытуемый тщательно запоминает содержание видеозаписи, ему предлагается снова воспроизвести в устной форме содержание увиденного, предварительно определив его психическое состояние. Ведется аудиозапись речи испытуемого для дальнейшего анализа (проба 3).

Аудитивный анализ речи пробы 1 позволяет определить признаки спонтанной речи, пробы 2 и 3 – подготовленной. С помощью корреляционного анализа предполагается установить взаимосвязь психического состояния с выраженностью тех или иных признаков спонтанной и подготовленной речи.

Литература

Белянин В. П. Психолингвистика: Учебник. М.: Флинта–МПСИ, 2009.

Жабин Д. В. Формальные признаки спонтанной речи говорящего в ситуации стресса: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ

Г. А. Молохина, А. В. Косяк (Ростов-на-Дону)

В условиях повсеместного использования информационно-коммуникативных технологий, позволяющих передавать значительные объемы информации без временных затрат и учета расстояния и соответственно ускоряющих темп жизни, что привело к появлению дистанционных форм занятости, дистанционная работа как новый вид деятельности получает все большее распространение.

В основе дистанционной работы лежит предоставляемая современными технологиями возможность выполнять задания работодателя, разнообразные операции на определенном расстоянии от того места, где необходим результат или где данные операции обычно выполняются (Гебриаль, 2008).

В экономической науке проблеме дистанционной работы уделяется большее внимание (Кветной, 2011). За рубежом данная проблематика представлена в работах В. Бриджес, М. Кастельс, Х. Мюрлис, А. Причард, Д. Тапскотт, Дж. Ховард, Дж. Ван дер Шпигель и др. В российской литературе можно отметить работы В. А. Бондаренко, А. А. Бельшкина, В. Н. Гебриаль, Л. М. Кветной, А. А. Леоновой, Т. П. Николаевой, С. И. Парина, Т. И. Яковлевой и др.

Феномен дистанционного труда постепенно трансформирует характер трудовых отношений, внося изменения в социальную сферу жизни работников и работодателей, модифицируя управленческие процессы в целом. На сегодняшний день слабо разработаны управленческие вопросы, связанные с феноменом дистанционного труда и проблемами успешного функционирования дистанционных работников (Гебриаль, 2008).

Решение ряда вопросов, связанных с особенностями дистанционной работы, ее компетентным внедрением и развитием системы дистанционного управления, административно-социальным контролем над деятельностью и поведением персонала, представляет значительный теоретический и практический интерес.

В теоретической части работы мы рассмотрели вопросы, связанные с историей развития концепции дистанционной занятости, раскрыли понятие и содержание явления «дистанционная работа», рассмотрели группы дистанционных работников, сравнили «плюсы» и «минусы» дистанционной работы с позиций работодателя и работника, а также проанализировали социально-психологические особенности личности дистанционного работника.

В процессе теоретического анализа мы пришли к следующим выводам.

Дистанционная работа, как новый вид деятельности, получает все большее распространение в современных экономических условиях (Гебриаль, 2008). В основе дистанционной работы лежит возможность выполнять задания работодателя, разнообразные операции в любое время в любом месте, на определенном расстоянии от того места, где необходим результат, или от рабочих мест, где данные операции обычно выполняются, при обязательном использовании современных технологий связи и возможностью совмещения с другими видами деятельности.

Массовое применение дистанционной работы приносит социально-экономические выгоды обществу (Кветной, 2011). Дистанционная работа дает новые возможности организации труда для компаний, а для уже занятых людей – особый способ выполнения работы. Использование дистанционной работы организациями имеет положительные и отрицательные стороны, которые нужно учитывать, чтобы понять, подходит ли такой тип работы конкретной компании.

Дистанционный работник – это человек, зачисленный в штат компании и выполняющий свои должностные обязанности в любом удобном для него месте, успешно работающий по гибкому графику в режиме домашнего офиса (home office), благодаря современным технологиям связи, отработанной системе мотивации и эффективному контролю со стороны работодателя. Идеальный дистанционный работник – это менеджер по продажам среднего звена, сангвиник или холерик, с общей направленностью на дело, уверенный в себе человек, с чувством собственного достоинства, внутренним источником контроля и высоким уровнем

потребности в достижениях, способный к самоорганизации, самомотивации и самоконтролю; обладающий коммуникабельностью, эмпатией, смелостью, дипломатичностью. Такой активный и амбициозный дистанционный сотрудник, обладая высокой скоростью реакции и принятия решений, готовый пойти на разумный риск, подходит для выполнения работ, требующих инициативы и независимости действий.

Целью эмпирического исследования явилось изучение социально-психологических особенностей дистанционных работников (менеджеров по продажам, работающих дистанционно). *Предметом* исследования стали особенности качеств личности, определяющие эффективность дистанционного работника.

В исследовании приняли участие 30 менеджеров по продажам в возрасте от 20 до 40 лет, работающих дистанционно (дистанционные работники ИП А. В. Косяк, дистанционный персонал зарубежных и отечественных компаний ООО «Руссланд-Хохланд», ООО «Барилла»), и 30 офисных работников.

Гипотезы исследования: 1) существуют социально-психологические особенности людей, выбирающих и успешно применяющих дистанционные формы работы; 2) существуют различия личностных качеств у дистанционных и офисных работников.

При проведении эмпирического исследования для изучения факторов, повлиявших на выбор дистанционной формы занятости работниками, использовалось анкетирование. Психологические особенности личности работников изучались с помощью психодиагностических методик: 1) Методика исследования уровня субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера в адаптации Е. Ф. Бажина, Е. А. Гольнкиной, Л. М. Эткинда; 2) Методика определения организаторских и коммуникативных качеств Л. П. Калининского; 3) Методика диагностики ценностных ориентаций в карьере «Якоря карьеры» Э. Шейна в адаптации В. А. Чикер, В. Э. Винокурова; 4) Методика «Способность самоуправления» (тест ССУ) Н. М. Пейсахова.

Для математической обработки полученных данных использовалась компьютерная программа SPSS 13.0, с помощью которой были рассчитаны описательные статистики и статистический U-критерий Манна-Уитни, показавший значимость существующих различий.

Проведенное эмпирическое исследование позволило сделать следующие выводы.

1. По результатам анкетирования выбраны пять характеристик дистанционной работы, самых важных и ценных для респондентов:
  - самостоятельность в выполнении работ: возможность самому определять методы и способы решения рабочих заданий, самостоятельно планировать время и усилия на их выполнение;
  - высокая заработная плата;

- перспективы собственного развития, возможность личного и профессионального роста, карьеры;
  - благоприятные условия труда, приемлемый или гибкий график рабочего времени;
  - гарантия стабильности, постоянной занятости, социальной защищенности и уверенности в будущем.
2. У дистанционных работников показатели по шкалам общей интернальности, интернальности в области достижений, интернальности в области производственных отношений значительно выше, чем у офисных работников. По шкале интернальности в области семейных отношений показатель значительно выше у офисных работников.
  3. Анализ выраженности организаторских и коммуникативных качеств показал, что направленность, деловитость, требовательность ярче выражены у дистанционных работников; уступчивость, зависимость, отзывчивость, психологический такт преобладают у офисных работников. Данные различия значимы.
  4. По результатам диагностики ценностных ориентаций в карьере можно сделать вывод, что ведущими карьерными ориентациями для дистанционных работников являются: автономия, предпринимательство, интеграция стилей жизни, менеджмент, стабильность работы. Для офисных работников ведущие карьерные ориентации: профессиональная компетентность, стабильность места жительства, стабильность работы, интеграция стилей жизни.
  5. У дистанционных работников уровень способности к самоуправлению значительно выше, чем у офисных работников (это отражается в более высоких показателях по шкалам принятия решения, самоконтроля и коррекции).

Таким образом, гипотезы подтвердились. По результатам исследования была разработана программа внедрения дистанционной формы работы менеджеров по продажам в деятельность организации, направленная на успешное внедрение инновационных форм работы в организацию с целью увеличения продаж и развития бизнеса.

Литература

- Гебриаль В. Н.* Социальные аспекты феномена дистанционной работы как нового вида трудовых отношений // Государственное управление. Электронный вестник. 2008. Вып. № 17. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/vipusk/17_2008.htm (дата обращения: 15.06.2015).
- Кветной Л. М.* Развитие дистанционных форм занятости в современной мировой экономике: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011.
- Косяк А. В.* Разработка программы внедрения дистанционной формы работы менеджеров по продажам с учетом их личностных особенностей. Выпускная квалификационная работа. Ростов-н/Д: НОУ ВПО «ИУБиП», 2014.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЯ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ БРЕНДА С УРОВНЕМ ПРИВЕРЖЕННОСТИ К НЕМУ*

В. Д. Морозова (Москва)

Данное исследование проводилось в контексте относительно новой для российской психологии научной области, которая в зарубежной науке получила название «Consumer–Brand Relationship». В качестве русскоязычной альтернативы мы будем использовать термин «Отношения Бренд–Потребитель». Работа выполнена в рамках междисциплинарного подхода с использованием психологической теории идентичности личности и психологических аспектов восприятия бренда потребителем.

За последние два десятилетия возрос интерес к исследованию отношений между брендом и потребителем. Начиная с 1998 г., когда С. Фоурнер написала статью с теоретическим и эмпирическим обоснованием области ОБП (Fournier, 1998), исследователи начали изучать различные аспекты этих отношений (Fetscherin, 2014). Особенности такого взаимодействия объяснялись с точки зрения самых разных подходов (Бровкина, 2009).

Исследователи, работающие в области Отношений Бренд–Потребитель, пришли к следующим основным выводам:

1. Потребитель идентифицирует себя с брендом, который выбирает.
2. Индивидуальность бренда обеспечивает ему приверженных потребителей. Чем ярче идентичность бренда, тем больше вероятность успешно конкурировать с сильными брендами.
3. Отношение к бренду связано с личностными особенностями потребителя.
4. При взаимодействии бренда и личности происходит коммуникация, причем эта коммуникация носит двусторонний характер (Fetscherin, 2014).

Лояльность, или приверженность потребителя конкретному бренду, является фактически обязательным условием долгосрочных отношений, которые так необходимо изучить для понимания места бренда в жизни личности. Необходимость изучения идентичности потребителя в рамках Отношений Бренд–Потребитель объясняется глубинными процессами, которые влияют на жизнь и поведение потребителя (Антонова, 2013).

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 15-05-0052) в рамках Программы «Научный фонд» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2015 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Теоретическими основаниями нашего исследования являются следующие положения.

Исходя из результатов психологических исследований (Fournier, 1998), коммуникация между брендом и личностью включает ряд специфических механизмов, таких как механизм персонификации, идентификации и др., что означает значительное влияние бренд-коммуникации на личность потребителя. Однако характер таких взаимоотношений по-прежнему остается не совсем ясным, в том числе и из-за продолжительности воздействия.

Эмпирические исследования, посвященные изучению отношений бренд–личность, показывают неоднозначные данные, которые зачастую расходятся с теоретическими гипотезами (Антонова, 2013). Некоторые теории предлагают модель, включающую различные типы идентичности, например идеальную и реальную идентичность. В таком случае бренд помогает нам выстраивать образ идеального себя. Однако другие исследования показывают, что чаще мы выбираем бренд все же по сходству со своими собственными ценностями.

Исследования, направленные на изучение персонификации бренда, зачастую упускают важный аспект – личность самого потребителя (Aaker, 1997). Кроме того, англоязычные статьи, которые являются частью ОБП, не раскрывают механизмы взаимодействия Бренд–Потребитель в целом.

Цель исследования: выявить взаимосвязь между идентичностью потребителя и индивидуальностью бренда, а также установить связь этих переменных с уровнем приверженности к этому бренду.

Объект исследования: приверженность как механизм поведения потребителя.

Предмет исследования: взаимосвязь между идентичностью и особенностями бренда как фактор приверженности. Мы считаем, что приверженность является основой долгих отношений, которые в большей степени могли бы воздействовать на идентичность личности.

В связи с поставленной проблемой и целью, мы выдвинули две основные гипотезы.

1. Существует связь между идентичностью личности и индивидуальностью бренда.
2. Чем сильнее сходство между идентичностью и индивидуальностью бренда, тем выше привязанность личности к этому бренду.

Методы. Эмпирическое исследование проводилось с использованием двух основных методик.

1. Для выявления индивидуальности бренда и идентичности потребителя использовалась методика Дж. Аакер (Aaker, 1997). Методика Аакер изначально была разработана для исследования индивидуальности бренда. Но при детальном анализе методики мы обна-

ружили те же механизмы, которые задействуются при изучении идентичности личности, поэтому было решено использовать 5 измерений при оценке испытуемым самого себя. Респонденты могли не осознавать свой выбор бренда, но методика Дж. Аакер позволяет интуитивно понять, относится ли указанная характеристика к бренду или нет (Aaker, 1997). Поскольку идентичность потребителя во многом не осознается, методика, построенная на механизме ассоциаций, позволяет выявить даже бессознательную сторону личности.

2. Для выявления уровня приверженности использовалась методика Ю.Ю. Бровкиной (Бровкина, 2009).

В качестве математического метода обработки полученных результатов использовался корреляционный критерий Спирмена.

Выборка состояла из 100 чел., в возрасте от 18 до 25 лет с различным уровнем образования.

Результаты. Методика Дж. Аакер содержит в себе 5 шкал. Для проверки гипотез мы сравнивали значения по шкалам, измеряющим идентичность потребителя, со значениями шкалам, измеряющими индивидуальность бренда. Самые высокие коэффициенты корреляции ($p < 0,01$) наблюдались по шкалам Мужественность ($r = 0,78$), Изысканность ($r = 0,64$), Эмоциональная яркость ($r = 0,54$). Корреляция по шкалам Компетентность ($r = 0,33$), Искренность ($r = 0,26$) оказалась значительно ниже. Поскольку корреляция везде была положительная и значимая, мы пришли к выводу, что наша первая гипотеза подтвердилась: существует взаимосвязь идентичности потребителя и индивидуальности предпочитаемого им бренда.

Для проверки второй гипотезы мы сначала высчитали разницу (дельту) между значениями шкал, измерявших идентичность потребителя и индивидуальность бренда. Чем меньше дельта, тем выше сходство идентичности потребителя и индивидуальности бренда. Далее мы провели корреляционный анализ значений дельты с уровнем приверженности. Сравнивались дельты по каждому шкалам с уровнем приверженности. Таким образом, при уровне значимости $p < 0,001$, были выявлены следующие коэффициенты корреляции: Искренность и Приверженность ($r = -0,33$), Эмоциональная яркость и Приверженность ($r = -0,71$), Компетентность и Приверженность ($r = -0,47$), Изысканность и Приверженность ($r = -0,69$), Мужественность и Приверженность ($r = -0,83$). Таким образом, вторая гипотеза подтвердилась: чем выше значение дельты, т. е. разницы между идентичностью потребителя и индивидуальности бренда, тем ниже приверженность бренду, и наоборот.

Выводы. Гипотезы подтвердились, а именно:

1. Существует связь между аспектами идентичности потребителя и индивидуальностью предпочитаемого им бренда.

2. Связь между шкалами Искренность и Компетентность при сравнении идентичности личности и индивидуальности бренда была наименьшей, что связано со спецификой данных измерений. И искренность, и компетентность сложнее реализовать с помощью определенного бренда.
3. Чем сильнее связь идентичности потребителя с индивидуальностью предпочитаемого им бренда, тем сильнее приверженность к данному бренду.

Литература

- Антонова Н. В.* Идентичность личности в контексте новой коммуникативной реальности // Ученые записки ИМЭИ. 2013. Т. 3. № 1. С. 35–45.
- Бровкина Ю.* Социальная психология бренд–коммуникации: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2009.
- Aaker J.* Dimensions of Brand Personality // Journal of Marketing Research. 1997. № 8. P. 3472356.
- Fetscherin M., Heinrich D.* Consumer brand relationships research: A bibliometric citation meta-analysis // Journal of Brand Management. 2014. № 21. P. 366–371.
- Fournier S.* Consumers and Their Brands: Developing Relationship Theory in Consumer Research // Journal of Consumer Research. 1998. № 24. P. 343–373.

РОЛЬ НАРОДНОГО ФОЛЬКЛОРА В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ*

Н. В. Муращенко, Ю. В. Бражник (Смоленск)

Тема формирования этнической идентичности как компонента социальной идентичности личности актуальна во все времена. Особенно значима в данном контексте проблема выявления факторов, способствующих формированию зрелой позитивной этнической идентичности личности. Одним из таких факторов является народный фольклор как хранилище опыта и культуры поколений. Устное народное творчество несет в себе потенциал доброты, совести, порядочности, традиций народа и, становясь интериоризированной частью личности, может рассматриваться в числе других описываемых отечественными психологами (Бобнева, 1978; Воловикова, 2010) духовно-нравственных регуляторов социального поведения. Сформированная позитивная этническая идентичность

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-26-04001 «Русский и белорусский фольклор как фактор формирования этнической идентичности детей младшего школьного возраста в поликультурном социуме»).

способствует развитию патриотизма, толерантности и готовности к продуктивному межэтническому взаимодействию.

Этническая идентичность характеризуется этапностью своего формирования в процессе онтогенеза. Особо значимым является младший школьный возраст, в котором идет активный процесс идентификации, у ребенка проявляются чувства, связанные со своей этнической принадлежностью, происходит четкое отождествление с собственной этнической группой. Е. В. Беляева отмечает следующие эмпирически выявленные особенности становления этнической идентичности в младшем школьном возрасте: эмоционально-оценочное осознание своей этнической принадлежности; этническая осведомленность, включающая знания о собственной этнической группе; формирование навыков поведения, соответствующих национально-культурным нормам и стандартам (Беляева, 2005). Однако психологи, изучающие особенности этноидентичности в младшем школьном возрасте, отмечают необходимость целенаправленной, систематической работы по ее формированию в условиях школьного обучения (Беляева, 2005; Дагбаева, 2013).

Проведенный теоретический анализ позволил нам сделать вывод о том, что в психологии проблема выявления потенциала народного фольклора как фактора формирования этнической идентичности младших школьников изучена недостаточно. Тем не менее, существуют отдельные работы, как, например, диссертационное исследование Е. В. Беляевой (Беляева, 2005), обосновывающие роль фольклора в формировании положительного отношения младших школьников к себе как представителям этноса.

Закономерным в данном исследовательском поле является интерес к школьным учебникам. В. Н. Павленко и С. А. Таглин подчеркивают, что школьный учебник может являться источником как позитивных, так и негативных этнических стереотипов (Павленко, Таглин, 2005), т. е. как способствовать, так и препятствовать формированию позитивной этнической идентичности личности.

В связи с этим целью нашего исследования стало выявление с помощью контент-анализа специфики и степени представленности народного фольклора в учебниках по литературному чтению для школьников 1–3-го классов, обучающихся по образовательным системам «Перспектива» и «Гармония».

В данной статье будут представлены результаты частотного контент-анализа. Объектом контент-анализа стали учебники О. В. Кубасовой (Литературное чтение: Учебник для 1-го класса общеобразовательных учреждений. Смоленск: Ассоциация XXI век, 2014; Литературное чтение: Учебник для 2-го класса общеобразовательных учреждений. В 3 ч. Смоленск: Ассоциация XXI век, 2012; Литературное чтение: Учебник для 3-го класса общеобразовательных учреждений. В 4 ч. Смоленск: Ассоциация XXI век, 2013) и Л. Ф. Климановой, В. Г. Горецкого и Л. А. Ви-

ноградской (Литературное чтение. 1 класс: Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 ч. М.: Просвещение, 2013; Литературное чтение. 2-й класс: Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 ч. М.: Просвещение, 2011; Литературное чтение. 3-й класс: Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 ч. М.: Просвещение, 2014). Единицами счета выступали представленные в учебниках произведения устного народного творчества (сказки, пословицы и поговорки, загадки, побасенки, потешки, песенки), имеющие в тексте ссылки на их принадлежность к культуре того или иного народа.

Обратимся к анализу полученных результатов. Рассмотрим содержание учебников для первого класса. Выявлено, что в учебник О. В. Кубасовой включены народные сказки (2 русские, американская, армянская и ингушская), загадки (4 русские), потешки (2 русские), побасенки (6 русских). В учебнике же Л. Ф. Климановой, В. Г. Горецкого и Л. А. Виноградской, наряду с народными сказками (2 русские, 2 татарские и ингушская), представлены песенки (4 английских, голландская, мордовская, русская, удмуртская, украинская, французская, чувашская, шведская), пословицы и поговорки (3 русских, калмыцкая, мордовская, татарская, чечено-ингушская). Таким образом, представленность элементов русского фольклора выше в учебнике системы «Гармония», однако элементы фольклора других народов многообразнее представлены в учебнике системы «Перспектива».

Анализ содержания учебников для 2-го класса свидетельствует о том, что народные сказки изучаются как на занятиях образовательной системы «Гармония» (белорусская, дагестанская, индийская и 6 русских сказок), так и на занятиях по системе «Перспектива» (белорусская, корякская, нанайская, ненецкая, 5 русских и хантыйская сказки). В учебнике О. В. Кубасовой есть также одна шотландская народная песенка. А в содержание учебника Л. Ф. Климановой, В. Г. Горецкого и Л. А. Виноградской включены народные пословицы и поговорки (армянская, 5 русских, таджикская и узбекская). Таким образом, показатели представленности как русского народного фольклора, так и фольклора других народов выше в учебнике для 2-го класса образовательной системы «Перспектива», нежели в учебнике системы «Гармония».

В учебниках для третьего класса народный фольклор представлен сказками. При этом в данном случае показатели представленности русских сказок и сказок других народов выше в учебнике О. В. Кубасовой (адыгейская, английская, армянская, африканская, испанская, итальянская, 8 русских, узбекская, чешская, шведская сказки), нежели в учебнике Л. Ф. Климановой, В. Г. Горецкого и Л. А. Виноградской (5 русских сказок).

Общая тенденция изменения содержания народного фольклора в учебниках от первого к третьему классу сводится к переходу от изучения небольших произведений устного народного творчества (потешки,

загадки и т. п.) к довольно объемным народным сказкам, преимущественно к бытовым и волшебным, главными героями которых становятся уже не животные, а люди или человекоподобные сказочные существа. При этом в содержании учебников 3-го класса представлены задания, связанные именно с формированием этнической идентичности. Так, например, после прочтения сказок в учебнике О. В. Кубасовой предлагается ответить на вопросы о том, какими лучшими чертами русского характера наделяет народ главного героя сказки, какие человеческие качества ценит или, напротив, высмеивает народ в сказке, какие человеческие качества одобряются народом, а какие осуждаются и т. д. Однако стоит отметить, что такого рода вопросы предъявляются не ко всем сказкам, выборочно и фрагментарно.

В целом, проведенный контент-анализ содержания учебников по литературному чтению для школьников 1–3-го классов общеобразовательных учреждений, обучающихся по образовательным системам «Перспектива» и «Гармония», позволяет сказать, что в школьных учебниках содержатся произведения устного народного творчества, однако частота представленности и содержательная наполненность элементов фольклора разных народов в указанных учебниках различна. Это позволяет сформулировать гипотезу о существовании особенностей в формировании когнитивных и эмоциональных компонентов этнической идентичности, обусловленных подэтапами начального обучения и системой образования (используемыми учебными материалами), по которой обучаются младшие школьники. Данная гипотеза будет проверена в дальнейшем в рамках основного научного исследования, предполагающего проведение поперечных срезов, интервьюирования учителей, наблюдение за уроками, опрос школьников, проведение естественного эксперимента.

Литература

- Беляева Е. В. Психолого-педагогическое воздействие сказки на формирование этнической идентичности младших школьников: Дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2005.
- Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978.
- Воловикова М. И. Духовно-нравственная регуляция социального поведения личности // Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 29–51.
- Дагбаева С. Б. Этническая идентичность младших школьников в изменяющихся социокультурных условиях // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (21). С. 20–26.
- Павленко В. Н., Таглин С. А. Общая и прикладная этнопсихология. М.: Т-во научных изданий КМК, 2005.

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОВЕСТИ У СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ МОСКВЫ*

Л. Ш. Мустафина (Москва)

О неблагополучии в нравственной сфере говорят сейчас многие исследователи (Юревич, 2012; Семенов, 2011; Воловикова, 2011; и др.). Проблема, которая стоит перед психологической наукой, касается перспектив нравственного развития современного российского общества. А эти перспективы отражаются в тех представлениях о нравственности и, прежде всего, о совести, которые разделяют современные молодые люди.

Феномен совести – сложный объект научного исследования и в психологической науке изучен мало, возможно, по причине того, что проявления совести скрыты как от внешнего наблюдателя, так иногда не осознаются и самим человеком. Однако исследование социальных представлений (СП) о совести открывает новые возможности и для изучения самого феномена совести, и для прогнозирования процессов, происходящих в нравственной сфере.

Теория социальных представлений, разработанная С. Московичи, предполагает, что социальные представления – это любые формы убеждений, идеологических взглядов, знаний членов социальной группы по отношению к изменяющейся жизни. Социальные представления являются потенциально осознаваемыми, широко разделяются членами определенной социально-культурной группы, выполняют особую роль в поддержании и регуляции внутригрупповых отношений.

Структурный подход к изучению СП (Ж.-К. Абрик, П. Вержес, Т. П. Емельянова, Е. Пашенко-де Превиль др.) предполагает выделение структуры, т. е. ядра и периферии СП. Константное ядро связано с коллективной памятью, с историей группы, ее ценностями и нормами, а изменчивая периферия отражает тенденции развития СП. Структурный подход к СП позволяет выявить тенденции развития нравственных предпочтений в обществе, а именно: что в российском менталитете в понимании совести осталось неизменным, а что претерпевает изменения.

Цель исследования: выявить структуру социальных представлений современных студентов Москвы о совести.

Мы выдвинули *гипотезу*, что ядро социальных представлений московских студентов о совести содержит преимущественно элементы, отражающие положительное влияние совести на жизнедеятельность человека и общества.

Методы исследования и обработки полученных данных включали метод словесных ассоциаций, метод пиктограммы, контент-анализ, авторскую анкету для исследования структуры социальных пред-

---

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-36-01228).

ставлений о совести, использовалась оценочная шкала, составленная Т. П. Емельяновой с учетом рекомендаций Ж.-К. Абрика, в которой предлагается вычислять при анализе структуры СП коэффициент позитивных ответов ТСП (Taux categorique positif) (Емельянова, 2006, с. 243). Вычисление коэффициента позитивных ответов дает возможность построить предположение об особенностях структуры СП и выявить элементы, принадлежащие к ядру и периферии этих представлений.

Выборку составили 34 студента очной формы обучения московских вузов в возрасте 19–26 лет.

В ядро социальных представлений студентов о совести вошли 10 элементов, отражающих как врожденный, так и приобретенный характер совести («В человеке совесть закладывается воспитанием», «Совесть есть у всех людей, только не все ее слушают»), независимость совести от внешних оценок («Совесть – это форма самосознания и самоконтроля человека», «Совесть – это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать») и 6 утверждений наиболее полно и глубоко отражающих содержание феномена совести. В центральной части ядра социальных представлений находятся 2 утверждения: «Совесть связана с осознанием своих поступков, ответственностью и нравственным долгом перед другими» и «У разных людей совесть развита в разной степени».

С помощью метода П. Вержеса были проанализированы собранные ассоциации со словом «совесть». Этот метод помогает приблизиться к глубинным, мало осознаваемым слоям социальных представлений, и делается это на основе анализа частоты и ранга ассоциаций. Самыми часто встречающимися ассоциациями со словом «совесть» у студентов Москвы является «честность» и «честь». Совесть ассоциируется с высоконравственными качествами человека (честность, честь, ответственность, достоинство), и это является центральной частью (ядром) их представлений о совести. Также в ядро входит ассоциация «стыд», что может говорить об отождествлении современными студентами понятий «совесть» и «стыд» и размытости феномена совести в их сознании. В зону скорого попадания в ядро СП входят ассоциации «справедливость», «правда», «внутренние рамки», «чистая совесть», «порядочность».

Респондентов мы также просили нарисовать символ (образ), с которым у них ассоциируется феномен совести. Чаще всего встречались образы с положительным значением (ангел, чистое сердце, чистая душа, улыбающееся лицо и т. п.), всего один респондент указал острый предмет в качестве символа – шпагу. Также встречались нейтральные образы (чаша весов, спираль, мозг человека и др.). Можно заключить, что в сознании опрошенных молодых людей феномен совести чаще всего ассоциируется с чем-то положительным, чистым, правильным.

Получается, что гипотеза исследования подтвердилась частично, т. е. выявился позитивный характер элементов ядра СП московских

студентов о совести, но содержательная наполненность оказалась значимо выше ожидаемой (в ядре СП студентов содержатся 6 элементов, наиболее полно и глубоко отражающих сущностные свойства феномена совести), что подтвердилось с помощью других методов исследования. Планируется в дальнейших исследованиях расширить выборку респондентов для уточнения полученных результатов.

Литература

- Воловикова М. И. Нравственная психология: задачи, методы и современное состояние // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 21–39.
- Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Семенов В. Е. Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия развития России // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Юревич А. В. Развязно-агрессивный тип личности как проявление нравственного состояния современного российского общества // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Verges P. L'Evocation de l'argente: Unemethode pour la definition du noyau central d'une representation // Bulletin de Psychologie. 1992. V. XLV. P. 203–209.

ОСОБЕННОСТИ КОНСПИРАТИВИСТСКОГО МЕНТАЛИТЕТА ПОКОЛЕНИЙ

С. Ш. Муталимова (Ростов-на-Дону)

При большом интересе к проблеме (Abalakina-Раар, 1999; Пищик, 2003, 2014; Ross, 2006; Энтин, 2000) до конца неясны механизмы конспиративистского менталитета и выраженность его у представителей различных поколений. Актуальность темы определила цель нашего исследования: изучить конспиративистский менталитет поколений X, Y, Z.

Конспиративистский менталитет мы понимаем как систему верований во внешнюю угрозу. При этом понимаем, что во многом эти верования связаны с культурой, с этносом людей (Пищик, 2003; Ross, 2006), обладающих конспиративистским менталитетом. В зарубежных источниках уже существует много исследований о связи конспиративистского менталитета и определенных личностных особенностей насе-

ления (Abalakina-Paap, 1999). И лишь отдельные исследования посвящены выраженности этого вида менталитета у поколений (Пищик, 2014).

Общая выборка исследования составила 75 чел. (старшие подростки, студенты, работающие зрелые жители г. Ростова-на-Дону):

- поколение 1963–1984 гг. рождения, 25 чел. (X);
- поколение 1985–2000 гг. рождения, 25 чел. (Y);
- поколение с 2000 г. рождения, 25 чел. (Z).

Мы исходили из предположения, что испытуемые, относящиеся к разным поколениям, будут привержены к различным видам заговоров. Также мы полагали, что у различных поколений будут выражены различные ценностно-смысловые ориентации, связанные с различными типами конспиративистского менталитета и модальными стереотипами нормативных установок социального поведения.

Обработка данных велась с применением пакета статистических программ SPSS 10.0.

Были применены следующие методики исследования:

1. Методика «Культурно-ценностный дифференциал» Г. У. Солдатов, И. М. Кузнецова, С. В. Рыжова.
2. Методика З. В. Сикевич на определение модальных стереотипов нормативных установок социального поведения.
3. Фрайбургский личностный опросник FPI (модифицированная форма В).
4. Авторский опросник по страхам и угрозам (В. И. Пищик, С. Ш. Муталимова).
5. Методика выявления видов заговора CMQ (М. Брудер, П. Хаффке).

На первом этапе обработки полученных тестовых данных были выделены типы заговоров, в которые верят представители различных поколений.

По результатам методики определения типов заговора, выявлены следующие результаты: у поколения Z и у поколения X преобладает вера в общественные заговоры. Этот вид заговора представляет собой недоверие к людям. Таким людям порой трудно найти друзей, они, как правило, с опаской относятся ко всему происходящему вокруг; также у поколения X преобладает вера в существование тайных организаций; у поколения Y – вера в политические заговоры. Это показывает, что молодые верят в существование политической интриги, отличающейся максимально возможной конспиративностью и негативной, деструктивной, а не созидательной направленностью.

По результатам авторского опросника выявления страхов и угроз, у представителей поколения X выявлен страх стихийных бедствий; у представителей поколения Z – страх нападения бандитов; у представителей поколения Y – тоже страх нападения бандитов. Однако было

выявлено, что различий в их реакциях нет. Все три поколения при угрозе наступления какой-либо опасности, реагируют эмоционально.

По методике FPI, наиболее выражены у поколения X показатели по следующим шкалам: открытость, невротичность, уравновешенность. У представителей поколений Y преобладают показатели: феминность, спонтанная агрессия, застенчивость и открытость. У представителей поколения Z преобладают показатели по шкалам открытости, уравновешенности, феминности.

По методике культурно-ценностный дифференциал, преобладали показатели по следующим шкалам: у поколения X – ориентация на группу (такие люди, как правило, подчинены группам, следуют традициям и устоям, оказывают внутригрупповую поддержку; у поколения Y – ориентация друг на друга (им присуща толерантность, уступчивость, эмоциональность); у представителей поколения Z преобладает ориентация на социальные изменения (склонны к риску, открыты, ориентированы на будущее).

Исследуя социальное поведение по методике определения модальных стереотипов нормативных установок социального поведения З. В. Сикевича, мы выявили следующие шкалы: у поколения X, по методике определения модальных стереотипов нормативных установок социального поведения, преобладает шкала уважение к старшим; толерантность и честность.

Поколению Y присущи индивидуальная ответственность; стратегия «малых групп»; коллективизм; вера в правосудие и правдивость; уважение к старшим.

У поколения Z преобладают шкала коллективизм; индивидуальная ответственность; вера в справедливость; решительность.

При этом спонтанная агрессия коррелирует с реактивной агрессией ($r=0,530$; $p=0,008$), с толерантностью ($r=0,587$; $p=0,003$) и с уважением к старшим ($r=0,587$; $p=0,003$).

Страх стихийных бедствий коррелирует с эмоциональным ($r=0,526$; $p=0,008$) поведенческим компонентами веры в заговоры ($r=0,592$; $p=0,002$).

В группе поколение Y обнаружены корреляционные.

Невротичность коррелирует с ориентацией на социальные изменения ($r=0,542$; $p=0,005$) и с эмоциональной лабильностью ($r=0,572$; $p=0,003$).

Спонтанная агрессия коррелирует с верой в политические заговоры ($r=0,567$; $p=0,003$) и с эмоциональной лабильностью ($r=0,547$; $p=0,005$).

Страх других национальных групп коррелирует с эмоциональным компонентом веры с заговоры ($r=0,511$; $p=0,009$).

Страх нападения бандитов коррелирует с верой в тайные действия ($r=0,646$; $p=0,000$), с политическими заговорами ($r=0,559$; $p=0,27$), с раздражительностью ($r=0,559$; $p=0,004$).

В группе поколение Z обнаружены следующие корреляционные связи.

Невротичность коррелирует со страхом политических угроз ($r=0,523$; $p=0,006$), общительностью ($r=0,651$; $p=0,000$).

Страх нападения бандитов коррелирует с поведенческим компонентом ($r=0,541$; $p=0,004$) и ориентацией на группы ($r=0,534$; $p=0,005$).

Ориентация друг на друга коррелирует со страхом стихийных бедствий ($r=0,541$; $p=0,004$) и с застенчивостью ($r=0,527$; $p=0,006$).

Результаты расчета t-критерий Стьюдента для независимых выборок:

- между поколениями Z и Y значимых различий не выявлено;
- между поколениями Y и X были обнаружены значимые различия по шкалам: раздражительность ($t=3,141$; при $p=0,003$); страх нападения бандитов ($t=3,443$; при $p=0,001$); спонтанная агрессия ($t=2,976$; при $p=0,005$);
- между поколениями Z и X была обнаружена значимость различий по шкале общительность ($t=3,546$; при $p=0,001$).

Заключение. Проведя эмпирическое исследование, можно наблюдать личностные, межпоколенные и ситуативные различия в выраженности конспиративистского менталитета. Межпоколенные различия наблюдаются в видах заговоров, в существование которых верят опрошенное население, также различия наблюдается в социальных установках, страхах и ценностных ориентациях.

На основе всех полученных данных мы можем сделать вывод и подтвердить выдвинутые нами гипотезы о наличии у представителей различных поколений разных типов заговоров, а также о выраженности у разных поколений различных ценностно-смысловых ориентаций, связанных с различными типами конспиративистского менталитета и модальными стереотипами нормативных установок социального поведения.

Литература

Пищик В. И. Основы этнопсихологии: Учеб. пособие. Ростов-н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2003.

Пищик В. И. Социально-психологические объяснительные схемы конспиративистской теории // European Social Science Journal. 2014. №7 (46). Т. 3. С. 350–356.

Энтин Д. Теория заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история. 2000. №1.

Abalakina-Paap M., Stephan W. G. Beliefs // Conspiracies Political Psychology. 1999. V. 20. №3.

Ross M. W., Essien E. J., Torres I. Conspiracy beliefs about the origin of HIV/AIDS in four racial/ethnic groups // Journal of Acquired Immune Deficiency. 2006. №41. P.342–344.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ИНТЕРНАТНОГО ТИПА

А. А. Никитина (Москва)

Подростковый возраст сопровождается психофизиологическим развитием, эмоциональной нестабильностью и импульсивностью и характеризуется активным развитием интеллекта, личностной и эмоциональной сфер, направленной на себя и на свои переживания рефлексией; ведущей деятельностью становится интимно-личностное общение. Все это позволяет рассматривать эмоциональный интеллект на данной возрастной ступени. Воспитание в учреждениях интернатного типа обуславливает особенности интеллектуальной, личностной и эмоциональной сфер подростки, что, в свою очередь, ведет к специфике эмоционального интеллекта.

Воспитанники школ-интернатов демонстрируют отсутствие познавательной потребности. Они не используют имеющиеся знания ни в учебе, ни в жизни, что является следствием отсутствия мотивации и оторванности интеллектуальной сферы от личности детей (Прихожан, Толстых, 2007).

Проживание в условиях детских домов или учреждений интернатного типа вынуждает детей приспособляться к большому числу ровесников. Постоянное пребывание в группе детей и их многочисленность вызывают эмоциональное напряжение, тревожность, усиливается агрессия подростка (Мухина, 1989). Тесный и вынужденный контакт подростков внутри закрытых учреждений «всех со всеми» сводит до минимума возможность формирования ровных, устойчивых, спокойных отношений между воспитанниками (Кондратьев, 2005).

Мы поставили перед собой *цель* выявить особенности эмоционального интеллекта подростков, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа. *Гипотезой* нашего исследования послужило предположение, что эмоциональный интеллект подростков, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа, отличается от эмоционального интеллекта подростков из общеобразовательных школ.

В соответствии с целью и гипотезой нами была сформирована выборка, включающая подростков из общеобразовательных школ и подростков из школ-интернатов. В исследовании участвовало 97 подростков в возрасте 14–15 лет: 59 подростков из общеобразовательных школ, из которых 31 девочка и 28 мальчиков, и 38 подростков из школ-интернатов, из которых 18 девочек и 20 мальчиков. Для измерения эмоционального интеллекта были использованы методика «ЭМИн» (Люсин, 2009), Психосемантический тест Е. Ю. Артемьевой.

В результате исследования были получены статистически значимые различия между показателями общего эмоционального интеллекта

та подростков из общеобразовательных школ и подростков из школ-интернатов (критерий Манна–Уитни $U=690,5$, $p\text{-value}=0,0015$). Общий эмоциональный интеллект подростков из школ-интернатов ниже, чем у школьников. Статистически значимые различия были обнаружены в субшкалах МП – понимание чужих эмоций ($U=710,0$, $p\text{-value}=0,0024$), МУ – управление чужими эмоциями ($U=700,0$, $p\text{-value}=0,0019$) и шкалах МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект ($U=613,0$, $p\text{-value}=0,00018$), УЭ – управление эмоциями ($U=694,0$, $p\text{-value}=0,0016$). Подростки из общеобразовательных школ демонстрируют более высокие показатели по шкалам, отвечающим за межличностный эмоциональный интеллект и за управление эмоциями, чем подростки из школ-интернатов. Вероятно, низкие показатели эмоционального интеллекта подростков из школ-интернатов обусловлены поверхностным характером контактов, отсутствием достаточного внимания к интимно-личностной стороне общения со сверстниками, малой значимостью представлений о себе, обедненной эмоциональной сферой. В отличие от воспитанников школ-интернатов школьники имеют возможность опираться на примеры понимания эмоций, языка невербального общения, использования этой информации для прогнозирования и управления эмоциональными реакциями.

У всех опрошенных подростков не было обнаружено очень высоких значений по шкале понимание эмоций. Также не было выявлено статистически значимых различий по шкалам, которые связаны со способностями понимать свои эмоции и управлять ими. Возможно, это обусловлено активным психофизиологическим развитием, эмоциональной нестабильностью и импульсивностью.

В группе подростков-школьников обнаружены статистически значимые половые различия показателей шкалы МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект ($U=260,0$, $p\text{-value}=0,0085$). Девочки-подростки из общеобразовательных школ лучше понимают чужие эмоции и способны более эффективно управлять ими, нежели мальчики-подростки.

В группе подростков из школ-интернатов обнаружены статистически значимые половые различия показателей субшкалы МУ – управление чужими эмоциями ($U=62,0$, $p\text{-value}=0,0006$), шкалы МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект ($U=69,5$, $p\text{-value}=0,001$) и общий эмоциональный интеллект ($U=89,0$, $p\text{-value}=0,008$). Половые различия у подростков из школ-интернатов наблюдаются в способности понимать эмоции других людей и управлять ими, а также в показателе общего эмоционального интеллекта: у девочек эти показатели выше, чем у мальчиков.

Показатели эмоционального интеллекта подростков-девочек из общеобразовательных школ и школ-интернатов статистически не различаются.

Более высокие показатели способностей понимать чужие эмоции и управлять ими, продемонстрированные девочками-подростка-

ми из общеобразовательных школ и школ-интернатов, по сравнению с мальчиками-подростками, могут быть объяснены тем, что данные признаки эмоционального интеллекта имеют социальную обусловленность и их наличие связано с женскими социальными ролями. Девочки-подростки раньше узнают про свои и чужие эмоции, больше склонны к проявлению и управлению эмоциями. Отсутствие различий между показателями эмоционального интеллекта девочек-подростков из общеобразовательных школ и школ-интернатов может быть объяснено тем, что общение со сверстниками для девочек – воспитанниц школ-интернатов выступает в качестве компенсаторного механизма, что было продемонстрировано в работе А. Фрейд (Freud, 1951).

Показатели мальчиков-подростков статистически значимо различаются по субшкалам МП – понимание чужих эмоций ($U=139,5$, $p\text{-value}=0,0034$), МУ – управление чужими эмоциями ($U=104,5$, $p\text{-value}=0,0003$) и шкалах МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект ($U=96,5$, $p\text{-value}=0,0001$), УЭ – управление эмоциями ($U=141,5$, $p\text{-value}=0,004$). Мальчики-подростки из школ-интернатов демонстрируют более низкие показатели по шкалам, отвечающим за межличностный эмоциональный интеллект и за управление эмоциями, чем подростки из общеобразовательных школ. За счет низких показателей эмоционального интеллекта подростков-мальчиков из школ-интернатов показатели эмоционального интеллекта подростков, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа, оказываются статистически значимо ниже, чем у подростков из общеобразовательных школ. Таким образом, мы можем сделать вывод, что поверхностный характер контактов, отсутствие достаточного внимания к интимно-личностной стороне общения со сверстниками, малая значимость представлений о себе, обедненная эмоциональная сфера в большей степени характерны для мальчиков-подростков из школ-интернатов.

Психосемантический тест Е. Ю. Артемьевой дал следующие результаты: школьники проявляют наиболее позитивное эмоциональное отношение к самим себе («Я») и к своему дому («Дом, в котором я живу») и наименее позитивное – к своим сверстникам («Мои сверстники»). Воспитанники школ-интернатов проявляют наиболее позитивное эмоциональное отношение к месту проживания («Дом, в котором я живу») и к сверстникам («Мои сверстники»), наименее позитивное эмоциональное отношение к самим себе («Я»). Статистически значимых различий между эмоциональным отношением школьников и воспитанников школ-интернатов к данным категориям выявлено не было.

На основе полученных результатов нами были сформулированы следующие *выводы*.

1. Эмоциональный интеллект подростков, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа, ниже, чем у подростков из общеобразо-

вательных школ. Воспитанники школ-интернатов хуже понимают эмоции других людей и управляют ими.

2. Эмоциональный интеллект девочек-подростков из учреждений интернатного типа не отличается от эмоционального интеллекта девочек-подростков из общеобразовательных школ.
3. Мальчики-подростки, воспитывающиеся в учреждениях интернатного типа, хуже понимают эмоции чужих людей и хуже управляют ими, чем мальчики-подростки из общеобразовательных школ.
4. Подростки в целом испытывают трудности в понимании своих эмоций и в управлении ими.

Литература

Кондратьев М. Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб.: Питер, 2005.

Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к измерениям: Сборник статей / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Мухина В. С. Психологическая помощь детям, воспитывающимся в учреждениях интернатного типа // Вопросы психологии. 1989. № 1.

Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. СПб.: Питер, 2007.

Freud A., Dann S. An experiment in group upbringing. The psychoanalytic study of the child. 1951.

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СТРЕСС У БОЛЬНЫХ С ДИАГНОЗОМ «МЕНИНГИОМА»*

Д. А. Никитина (Москва)

В 1994 г. при последнем пересмотре критериев DSM для ПТСР была изменена формулировка ведущего критерия, который направлен на выявление травматического события в жизни обследуемого человека. В результате данный критерий стал применим к психологическим последствиям более широкого регистра травматических стрессоров, в перечень травматических стрессоров, способных вызвать развитие ПТСР были внесены болезни, угрожающие жизни человека, в частности и онкологические заболевания (Тарабрина, 2010). На сегодняшний день созданы валидные инструменты для изучения психологического состояния пациентов, для психосоциальных работников написаны стандартные руководства, создана широкая исследовательская база, в которую входят специалис-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 14-06-00236).

ты различных дисциплин из разных стран мира. Наблюдается рост исследований, выполненных отечественными психологами (Тарабрина, 2010; Падун, 2003; Ворона, 2005; Харламенкова, 2015). В мировой науке и практике значительное внимание уделяется проблеме реабилитации больных с опухолями головного мозга. Так, в НИИ нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко осуществляется психологическая реабилитация и частичная адаптация больных к жизни вне клиники. Реабилитационные мероприятия способствуют восполнению эмоционального и когнитивного дефицита, что, в свою очередь, препятствует развитию комплексного состояния, проявляющегося в реакциях посттравматического стресса (Максакова, 1997). Данное исследование посвящено анализу фундаментальной психологической проблемы – влиянию стрессора высокой интенсивности – онкозаболевания, на физическое и психологическое здоровье человека. Исследование является междисциплинарным, так как, с одной стороны, рассматриваются особенности болезни, а с другой стороны, проводится психологический анализ переживания человеком опасного для жизни заболевания. Оно позволило выявить общие признаки травматизации, а также специфические особенности для данного заболевания. Анализ психологических последствий влияния стрессора, прежде всего интенсивности и признаков посттравматического стресса подвел к решению об изучении частных зависимостей, на основе деления выборки по разным показателям. При этом выявлены закономерности, которые невозможно проследить на большой выборке респондентов. В силу того, что набираемая выборка не является гомогенной и многие феномены сложно контролировать, вклад данного исследования представляется значимым. Выявленные механизмы позволяют уточнить и индивидуализировать направление психологических реабилитационных мероприятий, в которых будет учитываться такие дополнительные факторы, как: возраст, тяжесть заболевания, физические и психологические последствия, страх рецидива, страх перед стигматизацией со стороны общества.

Теоретическая гипотеза: стресс высокой интенсивности оказывает влияние на психологические характеристики больных с диагнозом «менингиома» в постоперационном периоде, вызывая симптомы посттравматического стресса. *Эмпирическая гипотеза:* Одним из психологических последствий влияния на человека стрессора высокой интенсивности – постановки диагноза «менингиома» – является посттравматический стресс, который проявляется в таких симптомах, как: вторжение, избегание, физиологическая возбудимость.

Предмет исследования: посттравматический стресс, симптомы посттравматического стресса.

Объект исследования: психологические последствия воздействия на человека психотравмирующего стрессора высокой интенсивности, заболевания «менингиома».

Цель исследования: изучить последствия влияния стресса высокой интенсивности на психологические характеристики больных с диагнозом «менингиома» в постоперационном периоде, изучить субъективную оценку переживания травматичного опыта у пациентов.

Описание выборки. Все респонденты – женщины в возрасте от 30 до 60 лет с диагнозом «менингиома» различной локализации. Исследовательская база: НИИ нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко.

Используемые методики: 1. Полуструктурированное интервью. Составителями являются Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова, М. А. Падун, Л. Х. Ароян; 2. ШОВТС (ImpactofEventScale – IES-R) в адаптации Н. В. Тарабриной и соавт. (2001).

Используемые методы математической обработки: U-критерий Манна–Уитни.

Результаты

1. Анализ субъективной оценки пережитого опыта. По результатам полуструктурированного интервью было выявлено, что практически всем пациентам диагноз был поставлен менее года, при постановке диагноза пациенты чаще испытывали чувство страха, а также стресс. Для данной группы пациентов является актуальным поддержка со стороны родственников, врачей. Было выявлено, что пациенты часто прибегают к поиску дополнительной информации о своем заболевании. В качестве ресурсов, которые помогают пациентам справиться с данным стресс-фактором, в роли которого выступает заболевание менингиома, можно выделить: стратегию ухода от происходящего, положительную интерпретацию происходящего, контроль ситуации, стратегию смирения с ситуацией, ощущение нужности другим, религию. В качестве причины заболевания пациенты чаще всего указывали травму головы. Анализ субъективной жизненной перспективы позволил обнаружить две тенденции: часть пациентов выделяют желание найти новое увлечение, часть – вернуться к прошлому распорядку.
2. Оценка признаков посттравматического стресса и степени их выраженности с помощью методики «ШОВТС». Анализируя общую картину у пациентов с диагнозом «менингиома», можно отметить, что для всех субшкал есть такие показатели посттравматического стресса, которые, при сопоставлении с группой женщин с диагнозом рак молочной железы (РМЖ) (Тарабрина, Ворона и др., 2010, с. 82–83), можно отнести к группам: «Нет ПТСР», «Частичное ПТСР», «ПТСР». Причем следует отметить, что у пациентов могут наблюдаться следующие тенденции: когда все показатели могут численно соответствовать одной из групп – «Нет ПТСР», «Частичное ПТСР», «ПТСР», и когда показатели разных шкал соответствуют разным группам. В связи с тем что одной из задач данного исследования,

является анализ особенностей психологического состояния пациентов, у которых может наблюдаться определенная симптоматика ПТСР, далее были выделены две группы пациентов. Деление производилось на основе интегрального показателя ПТСР по методике ШОВТС. В первую группу вошли пациенты, у которых интегральный показатель можно соотнести с группами: РМЖ «Частичное ПТСР», РМЖ «ПТСР», во вторую группу вошли пациенты, показатели которых можно соотнести с группой РМЖ «Нет ПТСР». Таким образом, в первую группу, названную условно «группа ПТС», вошли пациенты, у которых значение, по данной шкале, варьируется от 32 до 58 и выше, $n=9$. Было использовано обозначение ПТС – посттравматический стресс, с тем чтобы подчеркнуть предметную направленность исследования, а именно изучение психологической картины ПТСР. Во вторую группу, условно названную «группа без ПТС», вошли пациенты, у которых значение, по данной шкале, варьируется от 25 и ниже до 31, $n=7$. Для пациентов «группа ПТС» значения по всем шкалам можно соотнести с группами: РМЖ «Частичное ПТСР», РМЖ «ПТСР». Значения по всем шкалам для пациентов «группа без ПТС» можно соотнести с группой РМЖ «Нет ПТСР». При этом, при сравнении степени интенсивности симптомов, измеряемых с помощью методики ШОВТС, были получены значимые различия между пациентами «группа ПТС» и «группа без ПТС». Проверка на значимость различий производилась с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни, $p<0,05$. Были получены следующие результаты: «Вторжение» $U_{Эмп}=8$ ($p=0,013$); «Избегание» $U_{Эмп}=3$ ($p=0,002$); «Физиологическая возбудимость» $U_{Эмп}=9,5$ ($p=0,019$). Следует подчеркнуть, что степень выраженности симптомов по ШОВТС, у пациентов «группа без ПТС» ниже, чем у пациентов «группа ПТС», в свою очередь, по шкале «Избегание» были найдены более выраженные различия.

Выводы

1. Пациенты с диагнозом «менингиома» при постановке диагноза испытывают чувство страха, а также стресс, вместе с этим большинство из них, для совладания со стресс-фактором, выбирают стратегию ухода от проблемы или положительную интерпретацию случившегося. Построение жизненной перспективы не нарушено, но имеет свои особенности, так часть пациентов стремится найти новые увлечения, другая часть пациентов испытывает желание вернуться к прошлому распорядку (восстановиться, чтобы не стать обузой; восстановиться, чтобы скрыть внешние последствия).
2. Постановка онкологического заболевания «менингиома» у части пациентов сопровождается посттравматическим стрессом в виде симптомов избегания, вторжения и физиологической возбудимости.

Литература

- Любан-Плоцца Б., Пельдингер В., Крегер Ф. Психосоматический больной на приеме у врача. СПб.: Психоневрологический институт, 1996.
- Тарабрина Н. В., Ворона О. А. Посттравматический стресс у больных угрожающими жизни (онкологическими) заболеваниями // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 1. С. 40–63.
- Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
- Харламенкова Н. Е., Никитина Д. А. Психологические последствия влияния на человека опасного для жизни заболевания: анализ случая // Естественно-научный подход в современной психологии / Отв. ред. В. А. Барбанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 873–879.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е. Ф. Новгородова (Комсомольск-на-Амуре)

Показатель удовлетворенности жизнью демонстрирует соответствие жизнедеятельности ожиданиям личности. Особую актуальность представляет изучение субъективного благополучия молодежи, поскольку именно данная категория населения является ресурсом национального развития и предопределяет Россию будущего. Исследования того, насколько молодежь довольствуется своей жизнью, имеют перспективой оптимизацию качества жизни наших соотечественников.

Замечено, что для русского народа характерно достижение счастья через страдание, доброжелательная тональность при восприятии бед и несчастья, а также печально-страдательная доминанта в своей судьбе (Джидарьян, 2013). Для нашего менталитета свойственно приращение высокого значения негативному опыту и фиксация на нем. Разумеется, это оказывает негативное влияние на оценку жизненного пути. Результаты многочисленных эмпирических исследований подтверждают, что удовлетворенность жизнью респондентов из российских выборок значительно ниже, чем из иностранных (Джидарьян, 2013; Яремчук, 2012). Это свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения факторов, определяющих субъективное благополучие русского человека, и включения их в соответствующие коррекционные программы.

На сегодняшний день известно, что весомый вклад в объяснение удовлетворенности жизнью вносят субъективные переменные (И. А. Джидарьян, А. В. Кужильная, С. В. Яремчук, J. Blore, E. Diener, D. Nettle, H. Kehr и др.). В качестве таковых мы проанализируем самопринятие и перфекционизм. Выбор именно этих проблемных зон определяется их явной взаимозависимостью (Я. О. Жебрун, М. В. Ларских,

И. Г. Малкиной-Пых, G. Flett, H. Hall, A. Hill, M. Jong, L. Lundh, J. Scott, A. Smith). При этом самопринятие рассматривается как основа самоактуализации в логике А. Маслоу (Maslow), а перфекционизм как форма самоотчуждения в связи с тем, что данное явление пронизано социальными искажениями (претензии к себе и другим, ожидание предвзятого отношения со стороны окружающих). К тому же ряд отечественных ученых (Н. Г. Гаранян, В. В. Парамонова, Е. Т. Соколова, П. М. Тарханова, А. Б. Холмогорова, Т. Ю. Юдеева и др.) отмечают, что перфекционный стиль личности является неотъемлемой характеристикой и культом современного человечества, он стал болезнью культуры нашего времени. Это обстоятельство выступает в пользу широкомасштабных исследований перфекционистского целеполагания в процессе жизнедеятельности россиян.

Мы полагаем, что в процессе управления качеством своей жизни имеет место дихотомия «самоактуализация–самоотчуждение». Итак, основной гипотезой исследования стало предположение о том, что самопринятие способствует переживанию удовольствия от своей жизнедеятельности, в то время как перфекционизм провоцирует дискомфорт.

С целью выявления удовлетворенности жизнью учащейся молодежи и ее детерминированности внутриличностными факторами было проведено эмпирическое исследование на выборке из 657 чел. Возрастной диапазон респондентов колеблется от 16 до 22 лет. Среди них 326 юношей и 331 девушка. Были обследованы российские молодые люди, обучающиеся в школах, училищах, коллежах, техникумах и университетах.

Для сбора данных использовались методики психодиагностики, основанные на вербальном стандартизованном самоотчете («Опросник перфекционизма» Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмогоровой, «Опросник самоотношения» В. В. Столина). Анализу были подвергнуты шкалы самопринятия (Колышко, 2004) и общий уровень перфекционизма (Юдеева, 2007). Также респондентам предлагалось оценить глобальную удовлетворенность своей жизнью по 10-балльной шкале (Яремчук, 2012).

Материалы исследования обрабатывались посредством корреляционного и регрессионного анализов с использованием пакета статистических программ Statistica 6.0.

Оптимальным для личностного развития является умеренная удовлетворенность жизнью (Л. И. Галиахметова, С. В. Яремчук, E. Diener, S. Oishi, R. Lucas и др.). Принимая во внимание этот факт, большая часть обследованных лиц (64% от выборки) характеризуется сбалансированным стимулом к преобразованию своей жизни, поскольку демонстрирует средний уровень выраженности признака.

Коэффициент корреляции Спирмена позволил установить значимую взаимосвязь между всеми переменными ($p \leq 0,0001$). В частности, удовлетворенность жизнью отталкивается от перфекционизма, но притягивается к самопринятию респондентов. Полученные данные

подтверждают нашу гипотезу о бифуркационной роли центрального феномена в альянсе с самопринятием и перфекционизмом. Т. е. чем негативней оценка своей жизни, тем ниже вероятность предоставления себе права быть самим собой и тем выше эталоны деятельности. Возможен и обратный, более оптимистичный алгоритм: чем позитивней субъект воспринимает свой жизненный путь, тем проще ему принимать себя таким, какой он есть, и рациональней выстраивать процесс целеполагания.

Регрессионный анализ данных продемонстрировал, что заявленные переменные являются мощными предикторами удовлетворенности жизнью, свидетельствуя в пользу выдвинутого предположения. При этом самопринятие ($p \leq 0,005$) позволяет предсказать высокую константу, а перфекционизм ($p \leq 0,0001$), напротив, прогнозируют низкую степень переживания удовольствия от жизни. Следовательно, предъявление завышенных требований к себе приводит к снижению субъективного благополучия, в то время как безоценочное принятие собственного Я повышает качество жизни индивида. Анализ конструкта медитации показал, что самопринятие является частичным посредником связи между перфекционизмом и удовлетворенностью жизнью. Таким образом, отстранение от своей истинной сущности блокирует возможность позитивного восприятия окружающего мира для лиц, обладающих выраженными перфекционными тенденциями.

В заключение отметим, что на сегодняшний день есть мнение о том, что перфекционизм представляет собой компенсаторную попытку личности преодолеть болезненные переживания из-за отсутствия уважения и любви к себе (Smith, 2013). Автор этой идеи утверждает, что чувство достоинства современного человека напрямую зависит от достигнутых им успехов и для устранения этой проблемы необходимо выявить и принять свою сущность. Итак, принятие своего несовершенства позволит молодым россиянам толерантно относиться к своим и чужим изъянам, что повысит переживание удовольствия от своей жизни.

Литература

- Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Колышко А. М. Психология самоотношения: Учеб. пособие. Гродно: ГрГУ, 2004.
- Юдеева Т. Ю. Перфекционизм как личностный фактор депрессивных и тревожных расстройств: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Яремчук С. В. Факторы субъективного благополучия личности: Объективные и субъективные переменные. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012.
- Smith A. W. Overcoming Perfectionism: Finding the Key to Balance and Self-Acceptance. Florida: Health Communications, 2013.

ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ И ПРОГРАММА ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭСКАПИЗМА В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

О. И. Олькина (Москва)

Современная психологическая наука прошла длинный путь: от изучения элементарных психических актов до сложнейших процессов, свойств и состояний. Сейчас она имеет дело с феноменами, выходящими за пределы психологического знания и требующими комплексного анализа. К ним можно отнести эскапизм (англ. «to escape») – уход от реальности, различные аспекты которого изучаются в целом ряде гуманитарных наук: философии, политологии, социологии, социальной педагогике, литературоведении. В них эскапизм зачастую применяется для описания и объяснения широкого круга явлений, которые, на первый взгляд, совершенно отличны друг от друга: от погружения в миры, создаваемые произведениями искусства, литературы, живописи средствами современных информационных технологий, до ухода в различные субкультурные объединения, секты и употребления веществ, изменяющих сознание. Именно поэтому крайне важной целью современных гуманитарных наук является синтез и углубление накопленных знаний по данной проблеме, а в психологии личности на первый план выходят такие задачи, как выделение ухода от реальности в качестве самостоятельного предмета, разработка непротиворечивой модели эскапизма, изучение его функций, разработка и валидизация методов его измерения.

Сам термин «эскапизм» ассоциируется с дезадаптацией, девиациями, личностными расстройствами. В частности, последнее широкомасштабное польское исследование на выборке онлайн-игроков (N=1056) показало, что игроки с эскапистской мотивацией проводят за играми в сети больше времени, имеют низкую удовлетворенностью жизнью, получают преимущественную долю социальной поддержки онлайн при одновременно низком ее уровне в реальной жизни (Kaczmarek, Drażkowski, 2014). Однако научные взгляды на уход от реальности далеко не столь однозначны. Междисциплинарный анализ подходов к эскапизму показал, что на сегодняшний день прослеживаются следующие тенденции его изучения:

- *нейтральная* (философский) – эскапизм как неотъемлемое, универсальное свойство, выполняющее функцию адаптации;
- *негативная* (социологический) – эскапизм как отклонение от нормы, стремление убежать из социума из-за невозможности адаптироваться;
- *позитивная* (литературоведческий) – эскапизм как способ восстановить психический ресурс, источник покоя и вдохновения;
- *амбивалентная* (отечественная психология) – уход от реальности тождественен фантазии, необходимой для творчества;

в то же время она может вести к «застреванию» в мире грез и последующей деградации личности (Олькина, 2015). Попытка интеграции двух полярных граней ухода от реальности в форме мечтания впервые предпринята Б. И. Додоновым: он показал, что процесс мечтания диалектичен и динамичен: помогает легче перенести потерю, а затем становится внутренней потребностью личности и закрепляет цель в сознании (Додонов, 1978).

В настоящее время в психологии эскапизм изучается в качестве фактора, обуславливающего участие личности в различных видах активности, которые предполагают погружение в альтернативную реальность. В частности, Т. Н. Савченко и О. И. Олькина изучали эскапизм в контексте ролевой игры, который, по их мнению, осуществляется с целью изменения образа «Я» в сторону более субъективно привлекательного. По результатам пилотажного исследования молодежи (N=40), было показано, что у половины игроков по итогам игры наблюдались значимые изменения по факторам личностного дифференциала – оценке и силе. Резкое снижение оценки может указывать на критическое отношение человека к себе как к игроку либо отражать влияние того, что образ его игрового персонажа отрицателен с точки зрения социально желательных характеристик, и это сказывается на его оценке себя. В то же время отмечалось повышение по фактору силы: игроки видели себя более решительными и смелыми. По мнению ученых, это связано с тем, что некоторые участники в игре обладают гораздо большим ресурсом (информацию, магические способности), с помощью которого они могут влиять на ситуацию, нежели в обычной жизни, и это повышает их уверенность (Савченко, Олькина, 2011).

Данная работа являлась пилотажной и не ставила задачу построения интегральной теории эскапизма, однако дала импульс к дальнейшему исследованию и позволила определить его выборку. Уход от реальности осуществляется и как внутренняя, интрапсихическая активность сознания по созданию образов воображения, и как внешняя, интерпсихическая активность по погружению в альтернативную реальность. Активность представителей ролевого движения служит наиболее яркой иллюстрацией данного сочетания. В отличие от фильма или книги, где читатель моделирует мир автора исключительно в собственном сознании, ролевая игра позволяет эксплицировать субъективно альтернативную реальность на определенную, физически существующую территорию, а игрок получает возможность на время стать героем любимого произведения. Иными словами, эскапизм разворачивается одновременно во внешнем и внутреннем плане. По мнению Б. В. Куприянова и О. В. Миновской, сама ситуация ролевой игры характеризуется дискретностью, существует как бы два пространства

и два времени: пространство–время, изображаемое игрой, и пространство-время, где разворачивается игровое взаимодействие (Куприянов, Миновская, 2003). Таким образом, постоянное стремление к участию в ролевых играх, предполагающих смену игрового образа и погружение в фантастические миры, является ярким индикатором наличия эскапистских тенденций, поэтому именно на выборке представителей ролевого движения можно получить наиболее «рельефный» эскапистский профиль и «высветить» его характерные особенности.

Предварительная программа эмпирического исследования включает следующие этапы:

- 1) апробация методики измерения склонности к эскапизму;
- 2) интернет-анкетирование представителей ролевого движения в тематических сообществах в социальных сетях;
- 3) анкетирование участников ежегодного фестиваля фантастики и ролевых игр «Зиланткон – 2015» при поддержке организаторов;
- 4) сбор данных на контрольной группе для возможности сравнения результатов с выборкой представителей ролевого движения;
- 5) обработка и анализ результатов исследования.

Рабочие гипотезы исследования

1. Представители ролевого движения больше склонны к эскапизму, по сравнению с лицами, не увлекающимися данным видом деятельности.
2. Имеется взаимосвязь склонности к эскапизму с личностными качествами, смысло-жизненными ориентациями, уровнем удовлетворенности и субъективным качеством жизни; особенностями образа «Я».

Предполагаемые методики исследования: 5-факторный личностный опросник (5PFQ, Р. МакКрае, П. Коста); тест СЖО (адаптация Д. А. Леонтьева); опросник «Субъективное качество жизни» (СКЖ, Т. Н. Савченко, Г. М. Головина); тест на определение склонности к эскапизму; семантический дифференциал.

Первый этап исследования состоялся в мае – июне 2015 г. Группой авторов (Т. Н. Савченко, Е. В. Беловол, О. И. Олькина, А. А. Кардапольцева) было дано операциональное определение эскапизма – активности личности, которая возникает вследствие внутриличностного конфликта с целью его минимизации и реализуется в форме погружения в субъективно альтернативную реальность. Определены компоненты эскапизма: наличие внутриличностного конфликта; склонность к восприятию жизненного мира как системы относительно автономных субъективных реальностей, интегрированных в единую целостность; склонность к смещению вектора активности с субъективно актуальной реальности на субъективно альтернативную; интенсивность погружения в субъ-

ективно альтернативную реальность. Также разработана методика измерения склонности личности к эскапизму, содержащая субшкалы, соответствующие компонентам эскапизма. В настоящий момент исследователями проводятся процедуры по ее стандартизации, валидации и модернизации (в частности, сокращение перечня вопросов и улучшение формулировок).

Литература

Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978.

Олькина О. И. Проблема эскапизма: междисциплинарный анализ теоретических подходов и пути исследования в психологии // Современная психология: теория и практика: Материалы XVI Международной научно-практической конференции. Москва, 13–14 апреля 2015 г. М.: Институт стратегических исследований, 2015. С. 220–225.

Куприянов Б. В., Миновская О. В. Ситуационно-ролевая игра как средство развития у подростков субъектности во взаимодействии: Монография / Под ред. И. И. Фришман. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2002.

Савченко Т. Н., Олькина О. И. Исследование образа «Я» в ролевых играх в подростковом и юношеском возрасте: Сборник статей / Под ред. В. А. Барбанщикова, В. Н. Носуленко, Е. С. Самойленко. Сер. «Интеграция академической и университетской психологии». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 173–180.

Kaczmarek L. D., Drążkowski D. MMORPG escapism predicts decreased well-being: examination of gaming time, game realism beliefs and online social support for offline problems // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 2014. № 17 (5). P. 298–302.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

О. В. Павлова, А. М. Шапоров, Е. Р. Исаева, О. В. Тюсова
(Санкт-Петербург)

Психолого-педагогическое сопровождение студентов вуза, изучение их личностных ресурсов и формирование профессиональных интересов являются актуальными задачами в условиях современного учебного и воспитательного процесса. Разработка программ профессионального развития на основе индивидуального психологического и профориентационного профиля студентов помогает сегодняшнему новому поколению молодежи быстрее адаптироваться к обучению в вузе, осознать свои профессиональные цели и возможности, а преподавателям облегчает решение задач обучения, воспитания и социализации студентов.

Целью настоящего исследования являлось изучение личностных свойств и особенностей профессиональной направленности студентов медицинского вуза для разработки программы комплексного психолого-педагогического сопровождения и профориентации студентов.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучить типы профессиональной направленности у студентов медицинского вуза.
2. Выявить различия по типам профессиональной направленности у юношей и девушек.
3. Выявить уровень тревожности и особенности саморегуляции студентов.

В исследовании приняли участие 366 студентов 4-го курса лечебного факультета Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета, из них 266 респондентов – девушки и 100 – юноши. Для изучения личностных особенностей нами были использованы Шкала личностной и ситуативной тревожности Спилбергера – Ханина и методика В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения»; для исследования профессиональной направленности применялась методика Д. Холланда.

Статистические методы: сравнение средних значений по t-критерию Стьюдента. Программа обработки – SPSS Статистика 17.0.

Результаты исследования

Профессиональная направленность. Анализ типов профессиональной направленности студентов-медиков показал, что у юношей и девушек лечебного факультета наиболее выражен исследовательский тип профессиональной направленности (среднее значение: девушки – 20,61; юноши – 22,17). Им интересно решать задачи, требующие абстрактно-логического мышления, разбираться в чем-то новом. Им свойственны критичность, любознательность, независимость, предусмотрительность, точность. Выраженность исследовательского типа профессиональной направленности может быть обусловлена не только интересом студентов к данной деятельности, но и следствием формирования профессионального мышления в процессе обучения в вузе. Им приходится сопоставлять факты, ставить диагнозы, решать задачи, опираясь на абстрактно-логическое мышление.

У девушек далее по выраженности следует художественный (18,51) тип и социальный (16,72) тип. В их структуре интеллекта вербальные способности преобладают над невербальными, развито творческое мышление. В отношении с окружающими девушки нередко действуют с позиции эмоций. Отмечается высокая гибкость мышления. Социальный тип ориентирован на общение с людьми, в отношениях с людьми проявляется дружелюбие, доброжелательность, общительность, от-

ветственность, отзывчивость, готовность прийти на помощь. Реалистический (7,02) и конвенциональный (9,89) типы профессиональной направленности у девушек находятся ниже среднего уровня. Девушкам сложнее дается работа, где необходимо применение практических моторных навыков, а также монотонная работа, особенно с бумагами. Реалистический тип считается больше «мужским» типом.

У юношей выражены предпринимательский (15,83) и социальный (15,68) типы направленности. Для них характерны доминантность, оптимистичность, общительность, самоуверенность, энергичность, предприимчивость; умеют найти общий язык с разными людьми, развиты организаторские способности, для них важен результат деятельности. Художественный (13,71), реалистический (13,61) и конвенциональный (11,24) типы профессиональной направленности у юношей выражены на среднем уровне.

Анализ различий между юношами и девушками по типам профессиональной направленности показал, что у юношей статистически достоверно выше реалистический ($t=8,68$, $p<0,01$) и конвенциональный ($t=2,00$, $p<0,05$) типы профессиональной направленности, по сравнению с девушками. Юноши в большей степени ориентированы на применение практических навыков, на получение конкретного результата, у них уровень технических и математических способностей выше, предпочитают структурированную деятельность.

У девушек статистически достоверно выше художественный тип направленности ($t=4,70$, $p<0,01$), по сравнению с юношами. Девушки более общительны, но чаще полагаются на эмоции и чувства, чем на логику, в том числе и в общении с людьми. У них развиты способности к творчеству, дивергентное мышление.

Выраженность типов профессиональной направленности соответствует возрастной норме.

Личностные свойства. Анализ тревожности у студентов-медиков показал, что ситуативная тревожность у юношей (36,17) и у девушек (37,32) находится на среднем уровне. В некоторых, в основном новых ситуациях студенты непоследовательны, проявляют беспокойство и неуверенность. Чаще это ситуации, связанные с учебной деятельностью и межличностным общением. Личностная тревожность также находится на среднем уровне выраженности (девушки – 44,62, юноши – 40,58). Умеренный уровень личностной тревожности способствует успешному обучению в вузе, поскольку студенты стараются вовремя выполнять задания, проявляют ответственность и добросовестность. Личностная тревожность актуализируется в социально-значимых ситуациях, таких как учебная деятельность, общение с одногруппниками и преподавателями.

У девушек уровень личностной тревожности статистически достоверно выше, чем у юношей ($t=3,26$, $p<0,01$). Девушки воспринимают

более широкий круг ситуаций как угрожающие, по сравнению с юношами. В связи с этим девушки более ответственно относятся к учебе, больше переживают из-за неудач в учебе, более тревожны на зачетах и экзаменах.

Анализируя особенности стиля саморегуляции поведения студентов, можно отметить средний уровень саморегуляции у юношей (30,92) и девушек (30,58) с тенденцией к высокому. Студенты проявляют самостоятельность, гибко и адекватно реагируют на изменение условий, выдвигают и достижение цели у них в значительной степени осознанно. У юношей и девушек отмечается средний уровень способности к планированию деятельности (6,09; 6,40 соответственно), цели ставятся осознанно, но их достижение не всегда реалистично. Моделирование у студентов развито на среднем уровне (5,08 – девушки, 5,39 – юноши). Они способны к оценке ресурсов для достижения поставленной цели. Средний уровень программирования (у юношей и девушек – 6,15) позволяет студентам продумывать способы действий и поведения для достижения целей, самостоятельно разрабатывать программы действий, которые гибко изменяются в новых обстоятельствах и устойчивы в ситуации помех. Оценивание результатов (юноши – 5,79, девушки – 6,11) у студентов также развито на среднем уровне. Это свидетельствует об адекватности самооценки, о сформированности и устойчивости субъективных критериев оценки результатов своей деятельности. Также отмечается средний уровень самостоятельности планирования деятельности у студентов (юноши – 5,97, девушки – 5,44). Они способны самостоятельно ставить цели и выполнять действия по их достижению, но необходим контроль со стороны и помощь в поэтапном планировании, установление сроков. Средний уровень гибкости (юноши – 6,14, девушки – 6,03) позволяет студентам гибко перестраивать планы и изменять поведение при изменении внешних обстоятельств. Статистически значимые различия между юношами и девушками обнаружены по показателю самостоятельности ($t=2,13$, $p<0,05$). У юношей в большей степени развита способность самостоятельно планировать деятельность и поведение, контролировать ход выполнения деятельности и оценивать результаты.

Заключение

В профиле профессиональной направленности студентов 4 курса медицинского вуза проявились гендерные различия и свои особенности. У девушек преобладают исследовательский, художественный и социальный типы. У юношей выражены исследовательский, социальный и предпринимательский типы.

Личностная и ситуативная тревожность у студентов-медиков находятся на среднем уровне, однако у девушек уровень личностной тревожности статистически выше, чем у юношей. У юношей выше показатели самостоятельности и контроля в поведении и деятельности.

Литература

- Исаева Е. Р. Новое поколение студентов: новые проблемы и новые подходы к обучению // Материалы XIX Международной научно-методической конференции «Современное образование: содержание, технологии, качество», 24 апреля 2013 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), 2013. С. 15–17.
- Тюсова О. В., Лебедева Г. Г., Исаева Е. Р. Психолого-педагогические технологии обучения в формировании профессиональных компетенций будущего врача // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Инновации в здоровье нации». СПб., 2013.

ПРИЗНАКИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ ПРИЕМНЫХ РОДИТЕЛЕЙ*

Е. С. Пакулова (Москва)

Цель исследования – на основе теоретического анализа описать основные признаки социально-психологической зрелости приемных родителей.

Гипотеза исследования заключается в том что, признаками социально-психологической зрелости приемного родителя являются: долгосрочная перспектива будущего – образ совместной деятельности с ребенком; ответственность; готовность; умение выстраивать доверительные отношения.

Объектом исследования являются теоретические исследования социально-психологической зрелости приемных родителей.

Государство и общественные организации заинтересованы в развитии института приемного родительства и выделяют большие ресурсы для обучения и помощи в ежедневном труде приемных родителей.

В современных реалиях особое значение приобретают оценка, подготовка и отбор замещающих семей. Усиление профессиональной подготовки замещающей семьи – актуальный вопрос на сегодняшний день. Сфера труда приемных родителей не может предполагать жесткого профессионального отбора, однако определенные требования к субъектам данного вида труда формируются, необходимость профессиональной «родительской подготовки» обществом признается рядом авторов (Багирова, Шубат, Пшеничникова, 2013).

Следуя идеям С. Л. Рубинштейна и Б. Ф. Ломова в аспекте приемного родительства, мы рассматриваем совместную деятельность приемного родителя и ребенка, принятого в семью в ракурсе субъект-субъектного взаимодействия (Ломов, 1984; Журавлев, 2002).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-06-10508).

А. А. Алдашева считает, что одна из задач деятельности приемного родителя направлена на раскрытие потенциала ребенка, его активности во всех видах взаимодействия с миром, на содействие в освоении социальных норм и духовных ценностей, знаний, умений и навыков (Алдашева, 2012). Основываясь на компетентностном подходе, взаимодействие в диаде «приемные родители–приемный ребенок» подразумевает наличие определенных профессионально важных качеств, мотивации и ценностных ориентаций приемных родителей. Мы полагаем, что основным показателем успешности приемных родителей выступает критерий социально-психологической зрелости (Журавлев, 2007).

Проблема континуума зрелости/незрелости личности до сих пор не имеет однозначного понимания; как пишет А. Л. Журавлев, критерии зрелости и незрелости принципиально различны, «несоответствие какому-то конкретному признаку зрелости еще совсем не означает ее соответствие признаку незрелости, и наоборот» (Журавлев, 2007, с. 218). Одной из главных характеристик зрелой личности является рациональное использование времени жизни, широкая и разносторонняя жизненная перспектива, формирование которой должно быть основано на познанных закономерностях и механизмах психологического времени в масштабе, включающем основные жизненные цели человека (Головаха, Кроник, 2008).

Р. В. Овчарова связывает феномен родительства, его социально-психологическую зрелость с такими понятиями, как: ответственность, готовность, доверие.

Ответственность – жизненная способность личности удерживать контроль над собой и всем происходящим, видеть скрытые стороны жизни, обнаруживающие себя в «последствиях», быть субъектом своей жизни и организатором жизни других людей (Абульханова, Березина, 2001, с. 209). Ответственность также определяется мерой владения своими ресурсами, возможностями – ограничениями, отношением ко времени и способом реализации этой меры в реальности (Ермаков, Лабунская, 2007). Можно говорить, что, развивая перспективу будущего у ребенка, мы развиваем его ответственное отношение к своим поступкам.

Продуктивное развитие ребенка и его интеграция в более широкий социум напрямую зависят от умения приемного родителя формировать доверительные отношения. А. П. Растигеев считает, что одна из фундаментальных характеристик доверия заключается в том, что оно выступает исходным условием межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношений. Доверие является условием формирования всех видов отношений людей и, одновременно, входит в качестве компонента во все виды и формы отношений человека к миру и к самому себе (Ермаков, Лабунская, 2007). Данный тезис позволяет определить еще одну задачу профессиональной деятельности приемных родителей как содействие

в формировании доверия у ребенка к окружающему миру (Алдашева, Иноземцева, 2014).

Оценка готовности стать приемным родителем связана с мотивацией и определяется готовностью брать на себя ответственность за жизнь другого. Мотивация, как неотделимый компонент готовности приемного родителя в исследованиях, посвященных вопросам отбора замещающих семей, изучается достаточно широко (Е. В. Куфтяк, Е. И. Япарова, А. Г. Рудов). Показана взаимосвязь внутренней мотивации с другими компонентами психолого-педагогической компетенции приемных родителей, среди которых личная ответственность за будущее ребенка, умение взаимодействовать с детьми, сопереживать, передавать социальные навыки и жизненный опыт (Алдашева, Махнач, 2010).

Развитая перспектива будущего – важное условие социальной зрелости, успешной жизни и профессионализма личности. Ориентация на будущее связана с планированием, разумным распределением времени, предвидением различных путей достижения цели. Ж. А. Захарова подчеркивает важность ознакомления замещающих родителей с теми проблемами или трудностями воспитания, с которыми они могут столкнуться в процессе адаптации приемного ребенка в семье; вооружение их знаниями и умениями по вопросам теории и методики воспитания, коррекционно-воспитательной деятельности и основам бесконфликтного общения (Захарова, 2009).

Беря на воспитание детей, приемные родители должны быть готовы к формированию новых психологических образований, успешность функционирования которых сопряжена с признаками социально-психологической зрелости и мотивацией на создание условий освоения социума приемных детей. Создание безопасной воспитательной среды во многом определяется степенью развитости профессионально важных качеств как «мотивированных способностей» (Равен, 2002). Содействие приемной семье в создании безопасной среды институционально закреплено за системой сопровождения замещающих семей. Однако важным предиктором минимизации рисков несложившихся отношений в системе замещающей семьи является профессиональная подготовка приемных родителей, формирование их компетентности в области воспитания приемных детей.

Литература

- Алдашева А. А., Махнач А. В. Социально-психологические предпосылки изучения профессии «приемный родитель» // Социальная психология труда: Теория и практика. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 232–251
- Алдашева А. А., Иноземцева В. Е. Опыт психологической подготовки к деятельности замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии разви-

тия ментальных ресурсов человек / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Алдашева А. А. Признаки социально-психологической зрелости приемных родителей // Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», С. 221–232.

Журавлев А. Л. Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия // Психологический журн. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–55.

Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.

СМЕНА ОБЛАСТЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ ЛИЧНОСТИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ЗРЕЛОСТИ

Р. А. Панин (Гродно, Республика Беларусь)

Стремительность жизни современного человека, высокая динамичность социальных, политических, экономических и технических преобразований на сегодняшний день являются основными характеристиками жизни общества.

В этой связи особую актуальность приобретает научное изучение психических механизмов регуляции жизнедеятельности, качественное функционирование которых служит основополагающим фактором построения человеком собственного жизненного пути.

Одним из важнейших структурно-функциональных элементов психической регуляции жизнедеятельности выступают жизненные цели личности. В качестве системообразующего звена их признает множество авторов (Ломов, 1984; Мартынюк, 1990; Сохань, 1987; Эммонс, 2004), поскольку они выступают теми жизненными ориентирами, которые инициируют, направляют и оформляют активность человека (Салихова, 2012).

Малоизученным аспектом в этой области остается возрастная динамика жизненных целей личности. Актуальность ее исследования продиктована необходимостью ответа на вопрос о том, почему при прохождении человеком ряда жизненных стадий, сопровождающихся сменой смыслов существования, динамикой биологической и социальной ситуаций развития, человек не утрачивает способности эффективного функционирования в обществе.

Для реализации исследований в данном направлении возникает задача выделения основных характеристик жизненных целей личности, способных выступить параметрами, отражающими специфику системы жизненных целей человека того или иного возраста.

В рамках данного эмпирического исследования в качестве такой характеристики был выделен параметр области реализации жизненных целей, позволяющий дифференцировать жизненные цели в зависимости от сферы жизнедеятельности, в рамках которой субъект стремится к их реализации (Сохань, 1987).

Основываясь на анализе литературы, в качестве возможных областей реализации жизненных целей нами были выделены: сфера профессиональной занятости, семейная сфера, хозяйственно-бытовая сфера, учебно-образовательная сфера, общественно-политическая сфера и сфера досуга, отдыха, общения и хобби (Сохань, 1987).

Согласно нашим теоретическим предположениям, прохождение человеком ряда возрастных стадий ведет к смене предъявляемых ему обществом задач развития, идеальных форм, адекватных возрасту жизненных целей, объективных требования и т. д. Все это происходит наряду с эволюционными и инволюционными преобразованиями психики и организма, что находит свое отражение в тех или иных преобразованиях системы жизненных целей личности.

В соответствии с вышесказанным, нами была предпринята попытка эмпирического изучения возрастной изменчивости соотношения жизненных целей личности, полагаемых в разных сферах жизнедеятельности.

В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что возрастные преобразования являются фактором, обуславливающим изменения в соотношении жизненных целей, имеющих разные области реализации.

Выборка, направленная на проверку выдвинутой гипотезы, формировалась путем случайного отбора взрослых людей от 23 до 55 лет и составила: от 23 до 30 лет – 142 чел. (54 мужчины, 88 женщин), в возрасте 31–40 лет – 80 чел. (26 мужчин, 54 женщины), в возрасте 40–55 лет – 70 чел. (25 мужчин, 45 женщин). Всего в выборку вошли 292 чел., включая 105 мужчин и 187 женщин.

Сбор эмпирического материала осуществлялся с помощью модифицированного пакета оценки личностных стремлений Р. Эммонса (Эммонс, 2004). Испытуемым предлагалось подумать и составить список собственных жизненных целей, имеющихся у них на момент исследования. Затем следовала просьба отнести собственные жизненные цели к той или иной категории в зависимости от сферы жизнедеятельности, где они могут быть реализованы.

Доля жизненных целей личности той или иной категории определялась путем выявления отношения количества жизненных целей каждой категории к общему количеству жизненных целей, перечисленных испытуемым.

Для математико-статистической проверки заявленной гипотезы нами использовался метод однофакторного дисперсионного анализа. Набор зависимых переменных был представлен долями жизненных

целей той или иной категории. В качестве независимой переменной выступил возраст испытуемых.

Обработка выборки методом однофакторного дисперсионного анализа осуществлялась индивидуально по отношению к каждой изучаемой категории. Кроме того, определялась тенденция, в направлении которой изменяется данная переменная под влиянием возраста, а также выявлялись те возрастные группы, между которыми существуют достоверные различия в системе жизненных целей личности.

В результате проведения однофакторного дисперсионного анализа было выявлено, что возраст является значимым фактором динамики жизненных целей, полагаемых в хозяйственно-бытовой ($F=6,51844$, $p=0,001702$) и учебно-образовательной ($F=9,36050$, $p=0,000115$) областях. Однако не оказывает какого-либо серьезного воздействия на изменение количества жизненных целей, областью реализации которых служат иные сферы жизни.

При определении направлений, в которых изменяются данные переменные, было выявлено, что на протяжении зрелости под влиянием фактора возраста доля целей, ориентированных на решение хозяйственно-бытовых вопросов, увеличивается.

При выявлении возрастных периодов зрелости, между которыми происходят достоверные изменения по указанному параметру, было обнаружено, что статистически значимые различия наблюдаются между первой (молодость: 23–30) и третьей (собственно зрелость: 40–55) возрастными группами ($p=0,003407$), а также между второй (период расцвета: 31–40) и третьей (собственно зрелость: 40–55) возрастными группами ($p=0,017360$).

Увеличение количества целей, областью реализации которых является хозяйственно-бытовая сфера, с одной стороны, может свидетельствовать о желании наладить качественное, комфортное повседневное существование, стремление к которому могло отсутствовать на более ранних этапах зрелости. А с другой стороны, может выступать показателем невозможности, вследствие возрастных ограничений, полноценной реализации в иных сферах, например профессиональной.

Вместе с этим уменьшается доля целей, ориентированных на решение учебных и образовательных вопросов.

При выявлении возрастных периодов зрелости, между которыми происходят достоверные изменения, по указанному параметру, было обнаружено, что статистически значимые различия наблюдаются между первой (молодость: 23–30) и третьей (собственно зрелость: 40–55) возрастными группами ($p=0,000119$).

Постепенное уменьшение полагания жизненных целей в области учебно-образовательной деятельности объясняется, по-видимому, наличием определенных возрастных ограничений: ухудшение здоровья, снижение качества функционирования ряда психических процессов

и т. п. Отчасти это может выступать результатом многих достижений, которые уже были осуществлены на ранних этапах взрослости.

В процессе эмпирической проверки был опровергнут ряд гипотез о наличии связи между возрастом и целями, областью реализации которых выступают профессиональная, семейная, общественно-политическая сферы, а также сфера отдыха, досуга, общения и хобби. По-видимому, объем целей, реализуемых в данных областях жизнедеятельности, не зависит от каких-либо возрастных изменений, а является следствием неких иных предикторов. Например, личностных качеств, характерологических черт, специфических социальных ситуаций, ценностных ориентаций, потребностей и т. д.

Таким образом, результаты исследования частично подтверждают нашу гипотезу о возрастных преобразованиях как факторе, обуславливающем изменения в соотношении жизненных целей, имеющих разные области реализации. А также обосновывают наши теоретические предположения о существовании возрастной динамики системы жизненных целей личности, находящейся в зависимости от тех возрастных стадий, в рамках которых осуществляет свою жизнедеятельность человек.

Литература

- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Мартынюк И. О.* Жизненные цели личности: понятие, структура, механизмы формирования. Киев: Наукова думка, 1990.
- Салихова Н. Р.* Жизненный путь в контексте проблемы субъективной регуляции жизни // Психология жизненного пути личности: методологические, теоретические, методические и прикладные проблемы: Сборник научных статей / Науч. ред. Н. А. Логинова, К. В. Карпинский. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. С. 101–118.
- Сохань Л. В.* Жизненный путь личности: вопросы теории и методологии социально-психологического исследования. Киев: Наукова думка, 1987.
- Эммонс Р.* Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М.: Смысл, 2004.

КАТЕГОРИИ КАЧЕСТВА ОТНОШЕНИЙ В НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННОМ БРАКЕ

Ю. М. Панфилова (Москва)

Термин «гражданский брак» в настоящее время закрепился за феноменом сожительства, не зарегистрированного в государственных органах, однако изначально он возник как обозначение брачного союза, зарегистрированного в государственных органах, но не прошедшего церковный ритуал (Богданова, Щукина, 2003).

Основная сложность в исследовании незарегистрированных браков – мониторинг количества подобных союзов, доступный в настоящий момент только через подсчет количества внебрачных детей, зарегистрированных по совместному заявлению родителей.

Тем не менее, в настоящее время наблюдается рост подобных союзов, что, в свою очередь, вызывает исследовательский интерес к качеству подобных отношений в сравнении с романтическими отношениями, в которых пары не сожительствуют, и зарегистрированными брачными отношениями.

В исследовании, проведенном Институтом психологии Ополе Университета Ополе (Польша), на примере молодых зарегистрированных и незарегистрированных сожительствующих пар от 20 до 30 лет было проведено сравнение качества отношений по категориям: интимность, наполненность отношений, схожесть взглядов, способность переносить совместные трудности (категории взяты из методики Плопа «Опросник Хорошо Совместимых Отношений»). В рамках данных категорий существенных различий в качестве отношений в зарегистрированных и незарегистрированных браках обнаружено не было (Кручевиц, Покорски, 2012).

В другом исследовании, выполненном в Университете Бригама Янга (США), выделены два основных типа незарегистрированных союзов, где партнеры сожительствуют друг с другом: сожительство, в которых партнеры имеют четкую нацеленность на регистрацию союза, и сожительство, в котором партнеры имеют двойственное отношение к регистрации союза. Во втором типе сожительства наблюдается высокий риск распада отношений, в сравнении с типом сожительства, где партнеры имеют нацеленность на заключение брака (Виллоуби, Кэрол, Басби, 2012).

Таким образом, незарегистрированный брак, или сожительство, с одной стороны, имеет структуру отношений, схожую с отношениями в зарегистрированном браке, но в то же время не обладает устойчивостью отношений, характерной для зарегистрированных отношений, что, в свою очередь, повышает риск распада отношений.

Другие факторы, существенно влияющие на качество отношений, – доверие и ответственность партнеров по незарегистрированному браку по отношению друг к другу. Партнерские отношения в незарегистрированном браке ограничиваются моральной ответственностью, в отличие от зарегистрированного брака, где кроме моральной ответственности добавляется юридическая. В связи с этим качество незарегистрированных отношений во многом зависит от уровня доверия партнеров друг к другу и от способности нести ответственность за свои действия по отношению к партнеру по сожительству в незарегистрированном союзе.

Вопрос ответственности в отношениях рассматривался в исследовании В. П. Познякова и Е. А. Никуло (Груздевой) на примере изучения

отношения предпринимателей к другим участникам делового взаимодействия, в результате чего были выделены типы ответственного отношения предпринимателей к участникам делового взаимодействия (Позняков, Никуло, 2014).

Многими авторами подчеркивается, что способность нести ответственность за свои поступки во многом зависит от ценностных ориентаций, которые разделяет личность. В связи с этим представляется важным учитывать значение ценностных ориентаций личности в исследовании партнерских взаимоотношений в незарегистрированном браке, где роль моральной ответственности особенно велика и не подкреплена юридической силой.

В подобном типе отношений, особенно при ведении совместного хозяйства, велика роль материального и психологического обмена между партнерами, развернутого в рамках ресурсно-ценностного подхода В. П. Познякова и Т. С. Вавакиной. По мнению авторов, материальный обмен предполагает обмен теми или иными ресурсами, имеющими какой-либо экономический эквивалент (деньги, золото и т. п.), а обмен психологическими отношениями не подразумевает экономического эквивалента, а включает в себя обмен оценками, мнениями, переживаниями, основная цель которого – установление, поддержание и укрепление связей между людьми (Позняков, Вавакина, 2014).

Представляется важным рассмотреть качество отношений в незарегистрированном браке с точки зрения ресурсно-ценностного подхода. Есть вероятность, что качество отношений во многом зависит от согласованности потребностей партнеров по данному типу отношений в психологическом и экономическом обмене и способности удовлетворить потребности друг друга в рамках данного обмена. При этом представляется существенной роль доверия и ответственности в обмене материальными ресурсами для качества отношений, так как партнеры в незарегистрированном браке не имеют формальных прав и обязанностей по отношению друг к другу и могут полагаться только на свой личный уровень доверия и ответственности и уровень доверия и ответственности партнера.

В связи с этим качество отношений в незарегистрированном браке, с точки зрения ресурсно-ценностного подхода, опосредованного ценностными ориентациями личности, а также личным уровнем доверия и ответственности, представляет собой новое поле для гипотез, обсуждений и исследований.

Литература

- Богданова Л. П., Шукина А. С.* Гражданский брак в современной демографической ситуации // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 100–104.
- Позняков В. П., Никуло Е. А.* Ценностные ориентации как фактор ответственного отношения предпринимателей к участникам делового взаимо-

действия // Человеческий фактор проблемы психологии и эргономики. 2014. № 4 (71). С. 22–31.

Позняков В. П., Вавакина Т. С. Ресурсно-ценностный подход к анализу социального взаимодействия субъектов совместной жизнедеятельности // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 257–268.

Brian J. Willoughby, Jason S. Carroll, Dean M. Busby. The different effects of “living together”. Determining and comparing types of cohabiting couples // Journal of Social and Personal Relationships. 2012. №. 29. P. 397–419.

Kuchciewicz A., Pokorski M. Quality of Cohabiting and Marital Relationships among Young Couples // International Journal of Humanities and Social Science. 2012. V. 2 (24). P. 191–196.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ФИКСИРОВАННОСТИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В. А. Пелевина (Ярославль)

Одним из факторов, влияющих на скорость и качество решения задачи, является функциональная фиксированность (Дункер, 1965). Дункер писал о том, что функциональная фиксированность является результатом различия между той функцией, которую видит решающий, и той, которая требуется для решения. В своих работах он использовал задачи, в которых могла наблюдаться функциональная фиксированность реальных объектов, выполняющих роль средств решения.

В современных исследованиях выявлен такой феномен, как иммунитет к функциональной фиксированности у детей (German, Defeuter, 2000). В экспериментах детям предъявляли предметы и демонстрировали их прямые функции. После знакомства с предметами предлагалось выполнить задание, в котором нужно было использовать предмет, на который вырабатывалась фиксированность. Результаты показали, что предварительная установочная серия не влияет на время решения задач детьми в возрасте 5 лет. А результаты поиска решения 6-летних и 7-летних детей значительно ухудшаются.

При этом в установочных сериях сами дети не взаимодействуют с предметами. Экспериментатор демонстрирует их назначение или показывает, как эти действия выполняет кукла (German, Defeuter, 2003).

Мы предполагаем, что причиной отсутствия фиксированности у младших дошкольников является эгоцентризм. Детям данного возраста трудно поставить себя на место другого человека. (Пиаже, 1997). Возможно, именно поэтому функции, продемонстрированные экспериментатором, не закрепляются у детей.

Интересно пронаблюдать, сохранится ли иммунитет к фиксированности, если в установочной серии дети сами будут работать с предметами.

Можно предположить, что эффект функциональной фиксированности у младших дошкольников будет проявляться только в случае предварительной работы ребенка с предметом.

Цель: на материале проявления фиксированности в раннем онтогенезе вскрыть механизмы ее функционирования. Изучить роль включения в ситуацию в предварительной серии.

Задачи

1. Проверить воспроизводимость данных German, Defeuter.
2. Проверить наличие эффекта в условиях самостоятельного использования предмета.

Гипотезы

1. Эффект иммунитета к фиксированности должен наблюдаться у детей в возрасте 5 лет при условиях применения предмета экспериментатором.
2. В условиях собственной активности эффект иммунитета к функциональной фиксированности отсутствует у детей 5 лет.
3. У детей 6–7 лет эффект иммунитета не проявляется вообще.

Выборка

В эксперименте принимало участие три группы:

1. Младшая группа: 23 ребенка 2010 г. рождения (5 лет).
2. Средняя группа: 21 ребенок 2009 г. рождения (6 лет).
3. Старшая группа: 22 ребенка 2008 г. рождения (7 лет).

Описание методики: за основу мы взяли одну из методик German, Defeuter. В предварительных сериях использовалась игрушка (лампа), для включения которой необходимо приложить магнит. Сам магнит крепится на конец палки («волшебная палочка»). Этот предмет использовался в решении, и на него вырабатывалась фиксированность в установочных сериях. Задача заключается в том, что необходимо из пластиковой трубы достать «застрявшую» игрушку. Из всех имеющихся предметов подходит только палка с магнитным концом (для решения нужно протолкнуть ей игрушку).

Предметы, которые находились на столе: пластиковая труба, «застрявший» в ней маленький плюшевый заяц, плюшевый заяц большего размера, книга, мяч, ленточка, лампа.

Детям давалась инструкция: «Маленький зайчик застрял в трубе. Помоги ему оттуда выбраться. Для этого ты можешь использовать его игрушки».

Мы выбрали эту методику, так как в данном случае предметы детям незнакомы и это исключает возможное влияние схожих эффектов, основанных на длительном использовании предмета.

Экспериментальный план

Каждая возрастная категория делится на три подгруппы. Первая подгруппа решает задачу после установочной серии, в которой дети непосредственно взаимодействуют с предметами. В установочной серии второй подгруппы экспериментатор сам демонстрирует функции предметов. Третья подгруппа (контрольная) решает задачи без предварительной серии знакомства с предметами.

Всего получилось 9 подгрупп: 3 контрольные и 6 экспериментальных (предварительная серия «1» и предварительная серия «2» для каждой возрастной категории).

Каждому ребенку сначала показывались все предметы на столе. Затем, в зависимости от типа серии, экспериментатор либо демонстрировал функцию «волшебной палочки», либо предлагал ребенку самому с помощью нее зажечь лампу.

Если ребенок не мог выполнить задание, то через минуту ему давалась подсказка: «Попробуй использовать ее игрушки».

Показатель эффективности – время, необходимое для поиска решения. Время засекается от момента, когда ребенку озвучена задача, и до момента, когда ребенок находит решение.

Влияние типа предварительной серии на решение задачи. Для обработки данных исследования использовался однофакторный дисперсионный анализ.

Статистически значимые различия данных выявлены только у группы детей 6 лет ($p < 0,05$ для экспериментальной подгруппы «1», $p < 0,10$ для экспериментальной подгруппы «2»). В остальных возрастных категориях между контрольными и экспериментальными подгруппами значимых различий мы не наблюдаем.

Мы ожидали, что время решения задачи у всех возрастных категорий после предварительной серии, которая предполагает прямое взаимодействие с предметом, будет больше, чем время контрольных групп. Однако, дети 5-летнего возраста не проявляют фиксированность ни в одной из экспериментальных серий. Дети младшей группы демонстрируют иммунитет к функциональной фиксированности, следовательно, наше предположение о влиянии собственной активности в предварительной серии неверно.

В группе 6 лет наблюдается фиксированность в обеих экспериментальных группах. Так же как в экспериментах German, Defeyter предварительные серии знакомства с предметом влияют на скорость решения задачи, в которой используется данный предмет.

Мы предполагаем, что для детей 7 лет демонстрация предмета выступила в качестве подсказки, и это повлияло на скорость решения в экспериментальных подгруппах, поэтому значимых различий между подгруппами не обнаружено.

В нашем исследовании удалось воспроизвести данные, полученные в экспериментах German, Defeyter. Однако, в условиях собственной активности дети 5-летнего возраста не проявляли фиксированности, как это предполагалось в начале исследования. В дальнейшем необходимо скорректировать методику, добавив в условие задачи еще один предмет, который можно использовать в решении (дети будут выбирать из двух предметов один). Таким образом, мы добьемся наглядности результатов и исключим влияние некоторых факторов, связанных с особенностями мышления каждого ребенка. Интересно было бы исследовать, насколько сильно влияет знание функции предмета на применение его детьми разного возраста в ситуации, когда предмет должен выполнять схожую функцию. А также изучить, как дети разного возраста воспринимают дизайн предмета и могут ли предугадать функциональное назначение предмета, не имея сведений о нем и опыта работы с ним.

Выводы

Эффект иммунитета к фиксированности наблюдается у детей в возрасте 5 лет в условиях собственной активности и в условиях применения предмета экспериментатором.

У детей 6 лет проявляется эффект функциональной фиксированности.

Литература

- Дункер К.* Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965. С. 86–234.
- Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. СПб.: Союз, 1997.
- German T. P., Defeyter M. A.* Acquiring an understanding of design: evidence from children's insight problem solving // *Cognition*. 2003. Т. 89. №2. P. 133–155.
- German T. P., Defeyter M. A.* Immunity to functional fixedness in young children // *Psychonomic Bulletin and Review*. 2000. №7. P. 707–712.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ЦЕЛИТЕЛЬНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ

А. М. Пенькова (Москва)

Проблема здоровья всегда актуальна для общества, а вопрос, «какой метод лечения лучше», значим для любого человека. Возможности современной медицины соответствуют научно-техническому прогрессу. Однако часто качество профессиональной медицинской помощи ставится под сомнение (Аронсон, 2006). Наблюдается ошеломляющий рост интереса и доверия к «окультурной» медицине – хиромантии, целительству, снятию порчи, услуги которой широко транслируются

СМИ. Общественная проблема заключается в том, что лица, оказывающие такие услуги, в результате своей деятельности часто наносят людям моральный и физический ущерб. В социально-психологическом плане проблема видится в следующем: люди конструируют представления о целительстве и магической силе целительских практик, опираясь на актуальное информационное поле, которое носит противоречивый характер и тем самым может ставить под угрозу здоровье и благополучие людей. Эти убеждения строятся на основании личного опыта взаимодействия со специалистами, личностных характеристик, склонности к вере в магическое, эмоциональной установки по отношению к целительским практикам.

В обыденном представлении целительство – это своеобразный магический обряд, помощь, которую оказывает человек, обладающий особыми экстрасенсорными способностями, другим людям. Также существует практика, названная в сектоведении псевдоцелительством, которая имеет своей целью обогащение за счет манипулирования сознанием людей. Конструируя представления о целительстве, люди придерживаются как внутренних факторов функционирования референтных групп, так и оценки внешних факторов. Опираясь на предшествующий исторический опыт, дискурсивную практику, люди облекают неизвестные, пугающие явления в доступную ясную форму, конструируя стабильный и предсказуемый мир из набора различных феноменов (Емельянова, 2001; Емельянова, Дробышева, 2015). Теория социальных представлений, как инструмент изучения пространства обыденного сознания, позволяет исследовать, какие смыслы вкладываются в убеждения людей, какие «комфортные» объяснения магических реалий бытуют в их повседневной жизни, сопровождающейся информацией из СМИ, Интернета, общением и обменом практическим опытом.

Целью эмпирического исследования является изучить факторы конструирования социальных представлений о целительстве в различных социальных группах.

Объект исследования – представители следующих социальных групп: студенческая молодежь, работающие взрослые люди (зрелый возраст – 22–55 лет) и неработающие пенсионеры. По данным исследований Института социологии РАН (www.isrgas.ru), вера в научно не обоснованные, магические явления характерна для людей различного пола, возраста, социального статуса. При этом представления о магическом, о целительстве конструируются на предположительно различных основаниях, исходя из актуального информационного пространства каждой из групп, эмоциональной нагрузки явления целительства и практического опыта.

Предмет исследования – факторы и механизмы конструирования социальных представлений в различных социальных группах.

Предполагается, что люди, которые обращаются к целителям, обладают высокой степенью тревожности, подвержены иррациональным установкам по типу «катастрофизация». При этом они открыты мистическому опыту и верят в существование целительского дара.

Задачи эмпирического исследования:

- 1) изучить содержание представлений о целительстве в различных социальных когортах;
- 2) выделить типы респондентов-носителей социальных представлений о целительстве.

В данном исследовании респондентам будет предложен следующий блок методик. С целью изучения социальных представлений о целительстве используются шкалы для выявления содержания и структуры социальных представлений. Шкалы содержат 25 утверждений с оценкой по 5-балльной шкале Лайкерта, сформированных на основе пилотажного исследования и дополнительных опросов. Кроме того, используется опросник «Личностная шкала проявления тревоги» Дж. Тэйлора в адаптации Т. А. Немчинова и В. Г. Норакидзе, методика диагностики иррациональных установок А. Элписа, ассоциативный метод, тест цветовых отношений А. М. Эткинда и Е. Ф. Бажина, методика «незаконченные предложения», сведения респондента о себе.

Изучение социальных представлений в контексте заданного явления имеет значение для расширения проблематики исследований механизмов и форм обыденного сознания, понимания современных социально-культурных процессов в обществе.

Литература

- Аронсон П. Утрата институционального доверия в Российском здравоохранении // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 2.
- Белоусова Е. В. Магия как форма жизни и способ «приручения» мира в культуре: Автореф. дис. ... канд. культурол. наук. Екатеринбург, 2011.
- Емельянова Т. П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39–47.
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. Конструирование социальных проблем в СМИ и в представлениях граждан (на примере бедности) // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1085-emelyanova39.html> (дата обращения: 22.06.2015).
- Строгальщикова М. Ю. Социально-психологические особенности феномена суеверия: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИГРОВОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Е. А. Петренко, И. В. Шалабаева (Ростов-на-Дону)

Актуальность аддиктивной проблематики очевидна в силу стремительного увеличения количества людей с различными видами зависимого поведения. Последние десятилетия XX и начала XXI в. породили как особую проблему игроманию, когда этот феномен приобрел формы и широту, значимые для общественной и научной его оценки (Егоров, 2007). Игромания оказалась настолько сильным социально-психологическим феноменом, что вызвала целую систему изменений в жизни людей: заполненные игровые залы возникают на фоне опустевших кинотеатров, залы с автоматами стали в ряде случаев градообразующими объектами (Шиянов, 2009), пристрастие к игре породило целое направление в психотерапии и сделало необходимым психологические исследования по данной проблеме. Термин «компьютерная зависимость» определяет патологическое пристрастие человека к работе или проведению времени за компьютером (Дрепа, 2010).

Нами было проведено эмпирическое исследование на базе Колледжа рационального обучения ЧОУ ВО «ЮУ (ИУБиП)». Предметом нашего исследования стала игровая компьютерная зависимость в юношеском возрасте. Мы предположили, что игровая компьютерная зависимость может быть связана с набором определенных личностных характеристик; могут существовать значимые различия в определенных личностных особенностях у зависимых и независимых от компьютерных игр юношей и девушек. Нами были использованы следующие методики исследования: тест на определение компьютерной зависимости Л. Н. Юрьевой и Т. Ю. Больбот; тест Кимберли Янга на интернет-зависимость; методика диагностики акцентуаций характера (Опросник К. Леонгарда–Г. Шмишека); индивидуально-типологический опросник (ИТО, Л. Н. Собчик); тест смысловых ориентаций (методика СЖО) Д. А. Леонтьева.

В исследовании приняли участие 50 чел. в возрасте от 16 до 20 лет (студенты колледжа рационального обучения ЧОУ ВО ЮУ (ИУБиП), 25 юношей и 25 девушек).

В результате диагностики компьютерной зависимости при помощи методики Л. Н. Юрьевой и Т. Ю. Больбот мы получили следующие данные: из 50 опрошенных у 39 чел. (78%) нет ярко выраженных симптомов компьютерной зависимости, 8 чел. (16%), возможно, зависимы и 3 чел. (6%), скорее всего, являются игроманами. Таким образом, мы выделили 2 группы испытуемых: зависимые от компьютерных игр юноши и девушки (11 чел.) и не являющиеся зависимыми от компьютерных игр (39 чел.) юноши и девушки.

В результате проведения теста Кимберли Янга на интернет-зависимость мы получили следующие данные: в группе независимых –

из 39 чел. 38 чел. (97%) являются учебными пользователями интернета и 1 чел. (3%) чрезмерно увлечен Интернетом; в группе зависимых – из 11 чел. 8 чел. (72%) являются учебными пользователями Интернета и 3 чел. (2%) чрезмерно увлечены Интернетом.

В результате диагностики акцентуаций характера (Опросник К. Леонгарда – Г. Шмишека) нами были получены следующие данные: в группе зависимых – из 11 чел. у 3 чел. (27%) ярко выражен экзальтированный тип акцентуации, другие типы акцентуации имеют среднюю степень выраженности, либо свойство не выражено; в группе независимых – из 39 чел. у 2 чел. (5%) ярко выражен застревающий тип акцентуации, у 6 чел. (15%) гипертимический тип акцентуации и у 18 чел. (46%) экзальтированный тип акцентуации. Другие типы акцентуации имеют среднюю степень выраженности, либо свойство вообще не выражено.

В результате проведения Индивидуально-Типологического Опросника (ИТО, Л. Н. Собчик) нами были получены следующие данные: в группе зависимых – наиболее выражены шкалы агрессивности (активная самореализация, упрямство и своеволие в отстаивании своих интересов) у 3 чел. (27%) и интроверсии (обращенность в мир субъективных представлений и переживаний, тенденция к уходу в мир иллюзий, фантазий и субъективных идеальных ценностей, сдержанность) у 4 чел. (36%); в группе независимых – наиболее выражены шкалы агрессивности (активная самореализация, упрямство и своеволие в отстаивании своих интересов) у 6 чел. (15%), спонтанности (непродуманность в высказываниях и поступках) у 6 чел. (15%) и ригидности (инертность установок, субъективизм, повышенное стремление к отстаиванию своих взглядов и принципов, критичность в отношении иных мнений) у 4 чел. (10%).

В результате исследования смысложизненных ориентаций при помощи методики СЖО Д. А. Леонтьева нами были получены следующие данные: в группе зависимых преобладает субшкала 5, т. е. испытуемые ориентированы на управляемость жизнью, им присуще убеждение, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. В группе независимых преобладает субшкала 1 – цели в жизни, высокие баллы по этой шкале характеризуют только целеустремленного человека, строящего планы и делающего попытки их реализовать.

По результатам корреляционного анализа при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена, обнаружена статистически значимая прямая связь между показателями «ригидности» и «застревающим типом акцентуации» ($r=0,417$). Вероятно, выявленная закономерность обусловлена тем, что чем больше у респондентов выражена ригидность, а именно повышенное стремление к отстаиванию своих взглядов и принципов, критичность в отношении иных мнений, тем более вероятно, что в конфликтах они будут выступать в качестве активной

стороны, предъявлять чрезмерные требования к близким, но при этом предъявлять столь же высокие требования и к себе.

Также было обнаружено наличие обратной взаимосвязи между компьютерной зависимостью и осмысленностью жизни, что говорит об отсутствии в жизни целей, неудовлетворенности своей жизнью в настоящем, неверии в свои силы и способность контролировать события собственной жизни. Соответственно, чем ниже у юношей и девушек осмысленность жизни, тем больше вероятно формирование компьютерной зависимости.

Обнаружена статистически значимая прямая связь между показателями лабильности и гипертимическим типом акцентуации ($r=0,388$). Вероятно, выявленная закономерность обусловлена тем, что чем более выражена лабильность, изменчивость настроения, мотивационная неустойчивость, стремление к эмоциональной вовлеченности, тем более вероятно, что они будут чрезвычайно контактны, энергичны, инициативны, обладать чувством нового, оптимизмом. В то же время таких людей может отличать легкомысленность, недостаточно серьезное отношение к служебным и семейным обязанностям, раздражительность в кругу близких, повышенная конфликтность в условиях жесткой дисциплины.

Также было выявлено наличие обратной взаимосвязи между шкалой аггравации и показателями субшкалы 3 «Результат жизни» ($r=-0,417$). Выявленная корреляционная связь говорит о том, что стремление человека подчеркнуть имеющиеся проблемы и сложность собственного характера напрямую связана с результативностью жизни или удовлетворенностью самореализацией. Важным моментом является ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть.

Сильная прямая взаимосвязь наблюдается между показателями по шкале «Экстраверсия» и показателями шкал осмысленности жизни. Выявленная закономерность обусловлена тем, что чем больше и интенсивнее выражена экстраверсия, а именно открытость, стремление к расширению круга контактов, общительность, тем ярче интерес и эмоциональная насыщенность жизни человека, выше результативность жизни и удовлетворенность самореализацией, человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь.

Статистический анализ результатов исследования подтвердил нашу гипотезу о взаимосвязи игровой компьютерной зависимости с набором определенных личностных характеристик. У респондентов, имеющих признаки компьютерной зависимости, в большей степени проявляется субъективизм, повышенное стремление к отстаиванию своих взглядов и принципов, критичность в отношении иных мнений; отсутствие целей в настоящем и в будущем, неудовлетворенность своей жизнью в настоящем, неверие в свои силы и способность контролировать события собственной жизни. Чем ниже у юношей и девушек осмысленность жизни, тем больше вероятно формирование компьютерной зависимости.

Литература

- Егоров А. Ю. Нехимические зависимости. СПб.: Речь, 2007.
- Шиянов Е. Н. Интернет-зависимость и ее профилактика у студентов. Ставрополь: Графа, 2009.
- Дрепа М. И. Психологическая профилактика интернет-зависимости у студентов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2010.

РОЛЕВЫЕ УСТАНОВКИ СУПРУГОВ С РАЗНЫМ СТАЖЕМ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ И СОВМЕСТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ*

А. С. Плужников, Ю. В. Ковалева (Москва)

Ранее было показано, что на разных этапах жизненного цикла семьи структуры согласования переменных, связанных с регуляцией поведения, различаются (Ковалева, 2012, 2013). Также показано, что гендерно-стереотипное поведение супругов определяет согласованность их ожиданий и поведения (Памфилова, 2012). Это дает возможность предположить, что переменные, связанные с регуляцией поведения супругов, соотносятся с их ролевыми установками как с социальными регуляторами, которые, в свою очередь, определяются стажем семейной жизни.

Было сформировано две группы участников исследования. В первую группу вошли супруги со стажем брака до 5 лет (Гр. 1; 20 диад; средний возраст мужа – 25 лет, жены – 23 года; средний стаж семейной жизни – 2,3 года). Во вторую группу попали супруги со стажем более 28 лет (Гр. 2; 11 диад; средний возраст мужа – 58 лет, жены – 57; средний стаж семейной жизни – 33,6 года).

Для оценки стилевых особенностей саморегуляции использовался опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения, ССП» «ССП-98». Опросник состоит из шести шкал, выделенных в соответствии с основными регуляторными процессами *Планирования, Моделирования, Программирования, Оценки результатов*, а также и регуляторно-личностными свойствами: *Гибкости и Самостоятельности*. Волевая регуляция диагностировалась опросником «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (Шапкин, 1997). Опросник включает три шкалы: *Контроль за действиями при планировании, Контроль за действиями при реализации, Контроль за действиями при неудаче*. Высокие оценки по каждой из шкал означают ориентировку на действие; низкие – ориентировку на состояние. Для оценки личностной и реактивной тревожности использовалась «Шкала диагностики самооценки» (Ч. Д. Спил-

* В сборе и статистической обработке данных принимала участие выпускница ГАУГН А. С. Шилкина, работа поддержана РГНФ, проект 13-06-00009(а).

бергер, Ю.Л. Ханин). Она дает возможность измерения тревожности как состояния (*Реактивная тревожность*) и как личностного свойства (*Личностная тревожность*) (Практическая психодиагностика, 1998). Для оценки ролевой структуры семьи использовался опросник «Распределение ролей в семье» (Алешина и др., 1987). Он включает 7 шкал, чем выше балл по каждой из переменных, тем в большей степени роль реализуется женщиной, чем ниже – тем больше мужчиной, при среднем показателе роль исполняется супругами примерно в равной степени. Переменные: *Ответственный за материальное обеспечение семьи, Хозяин-хозяйка, Воспитатель детей, Сексуальный партнер, Организатор развлечений, Организатор семейной субкультуры и роль Организатора эмоционального климата в семье.*

Использовался корреляционный анализ Спирмена, для оценки различий между использовался критерий Манна–Уитни.

При анализе уровней переменных ролевых установок видно, что в обеих группах роли реализуются супругами в равной степени. Исключением является переменная *Материальное обеспечение семьи*, показатель которой в Гр. 1 значимо меньше, чем в Гр. 2 ($U=292, p \leq 0,03$), т. е. в группе с меньшим стажем семейной жизни обязанности, связанные с обеспечением семьи, реализует муж. Проверка различий по переменным, связанным с регуляцией поведения, показала, что у супругов Гр. 1 значимо выше уровни таких переменных, как *Реактивная тревожность* и *Программирование*. Причем различие по переменной тревожности «обеспечивается» мужской половиной группы, а по переменной *Программирование* женской.

Корреляционный анализ переменных регуляции поведения супругов показал различия в количестве и характере корреляций. В Гр. 1 по сравнению с Гр. 2 число связей больше. В Гр. 2 не выявлены значимые взаимосвязи переменных ролевых установок. В Гр. 1 были найдены как прямые, так и обратные связи. Корреляционный анализ переменных регуляции поведения и переменных ролевой структуры выявил большее количество связей в Гр. 1.

Структура совместной регуляции в Гр. 1 отражает компенсаторные отношения между переменными регуляции поведения, это касается волевой и эмоциональной сфер. У супругов, по всей видимости, еще не скоординированы процессы когнитивной оценки и планирования ситуации, в то время как эмоциональные состояния и усилия по реализации активности уже согласованы. Высокий уровень тревожности сопряжен с низким уровнем волевых процессов, и наоборот. Эти корреляции говорят, скорее, о достаточной степени взаимосвязанности супругов на этой стадии брака.

В структуре совместной регуляции поведения Гр. 2 наблюдается другая картина. Минимально представлены связи, имеющие компенсаторный характер, а связи, имеющие прямой характер, отсутствуют.

Все связи касаются переменных, связанных с когнитивной регуляцией поведения. В данном случае речь идет о связи *Планирования* у мужчины с *Оценкой результата* и *Гибкостью* супруги. При самостоятельности выдвижения целей мужем, у жены отмечается низкая гибкость для внесения коррекций в систему регуляции. Это может быть обусловлено опытом совместной жизни, большим доверием к планам супруга, а также нежеланием конфронтации по каким-либо вопросам.

Наибольшая трансформация социально-психологического уровня супружеских отношений происходит на 4–5-ом году супружества. В начале брака роли не определены и многие функции молодые супруги стараются выполнять вместе. Второй период супружества – время большей формализации в распределении ролей. Это подтверждается и результатами исследования. В Гр. 1 роли еще не дифференцированы и исполняются совместно. В то время как в Гр. 2 не было найдено значимых корреляций. Это можно объяснить тем, что на протяжении совместной жизни семейные роли дифференцировались.

Получены данные согласования переменных регуляции поведения и переменных ролевой структуры семьи в Гр. 1. Они показывают связь *Самостоятельности* со стороны супруги с переменной *Организатор субкультуры семьи* и *Материального обеспечения* мужа, связь компенсаторная. Это может говорить о том, что в молодых семьях супруг отвечает не только за финансовые вопросы, но и за планирования досуга, культурной активности и отдыха. Переменные эмоциональной регуляции супруги, в свою очередь, коррелируют с переменными ролевых установок мужа, связанных с финансовой сферой. Роль *Хозяина* мужчины связана прямой связью с тревожностью жены. Как известно, эта роль, т. е. покупка продуктов, приготовление пищи и поддержание уюта в доме, в большей степени реализуется женщиной, т. е. можно говорить о появлении эмоционального дискомфорта у женщины, если ее функции в семье начинает реализовывать муж. Также можно отметить компенсаторную связь между переменной *Материальное обеспечение семьи* супруги и *Личностной тревожностью* мужчины, которая может говорить о том, что реализация материального обеспечения семьи женщиной значимо влияет на самооценку мужчины, который, в соответствии с гендерными социальными стереотипами, считается кормильцем семьи (Памфилова, 2012).

Полученные данные согласования переменных, связанных с регуляцией поведения, и переменных ролевой структуры семьи в Гр. 2 показали связь между переменной *Планирование* супруга и ролевыми установками супруги *Воспитатель детей* и *Хозяйка*. Мужчина лидирует в принятии решений по ведению хозяйства, давая тем самым супруге больше времени уделить, например, внукам или заниматься решением бытовых вопросов. Получены связи между переменными волевой регуляции жен и ролевой установкой *Материальное обеспечение семьи*

их мужей. При повышении значения этой установки *Контроль за действиями со стороны* жены снижается, она в большей степени становится ориентированной на собственное состояние. Также присутствует обратная связь между *Тревожностью* супруги и *Материальным обеспечением семьи* мужа, что говорит о снижении ситуативной тревожности при материальном обеспечении семьи мужем.

По результатам работы можно сделать следующие *выводы*.

1. Уровневые различия по переменным, связанным с регуляцией поведения, у супругов с различным стажем семейной жизни свидетельствуют о более активной регуляции поведения у супругов молодого возраста.
2. Различия в степени согласования регуляторных переменных и ролевых установок также показывают роль семейного опыта и стажа. Это больше выражено в начале семейной жизни, что может свидетельствовать о недифференцированности различий в поведении.
3. Полученные результаты в целом позволяют говорить о связи социальных характеристик семьи, в качестве которых в нашем исследовании рассматривались ролевые установки супругов, с их индивидуально-психологическими характеристиками, связанными с регуляцией поведения.

Литература

- Алешина Ю. Е., Волович А. С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 74–82.
- Ковалева Ю. В. Совместная регуляция поведения супругов в семье в различных актуальных жизненных ситуациях // Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 417–437.
- Ковалева Ю. В. Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 50–70.
- Памфилова С. А. Согласованность семейных ценностей и ролевых установок супругов (гендерный аспект) // Известия Пензенского педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 1311–1315.
- Шапкин Е. А. Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл, 1997.

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ДОМАШНЕЙ СРЕДЫ КАК РЕСУРС ПОДДЕРЖАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В МОЛОДОМ ВОЗРАСТЕ*

С. И. Резниченко, М. Б. Подлипняк (Москва)

Одним из основных факторов окружающей среды, влияющих на эмоциональное состояние человека, является домашняя среда. Изучение домашней среды как значимого экосоциального ресурса, позволяющего поддерживать психическое здоровье, преодолевать жизненные трудности и справляться со стрессом, содействует профилактике невротизации и девиантного поведения личности, а также обособанному средообразованию (Бочавер, 2015; Харламенкова, 2012). Несмотря на относительно высокую заинтересованность исследователей в проблеме изучения домашней среды, методический инструментарий развит слабо. При таком скудном арсенале исследовательских приемов невозможно оценить, насколько домашняя среда соответствует потребностям человека, и спрогнозировать, будет ли она служить психологическим ресурсом и источником развития.

Нами был создан экологически валидный и надежный метод, учитывающий объективные функции, которыми должна или уже обладает реальная домашняя среда (Нартова-Бочавер и др., 2015).

Разработку концептуальной модели опросника предварял тщательный анализ имеющихся теоретических данных о возможностях изучения домашней среды и о качественном содержании дружественной и недружественной среды. Домашняя среда представляется человеку качественной, дружественной, если она в полной мере удовлетворяет его потребности. Компенсаторная и стимулирующая среда, дающая возможность реализовать цели и желания человека, поддерживает психологическое благополучие человека и повышает степень его удовлетворенности жизнью.

Эмпирическая модель опросника основана на данных, полученных при помощи интервью в технике лестницы (laddering interview), метода минимального контекста Дж. Келли, неоконченных предложений и эссе, позволивших изучить объективные и разноуровневые функции жилой среды, в которых нуждается человек (например, возможность хранить вещи, возможность динамической активности, возможность уединения и т. п.). Опросник содержит 55 конструкторов-утверждений, оцениваемых по 7-балльной порядковой шкале. Факторная структура опросника содержит 4 шкалы: 1) шкала Прагматичность (25 пунктов) описывает базовые функции дома, которые облегчают повседневную деятельность человека; 2) шкала Развитие (12 пунктов) отражает ха-

---

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-02163).

рактические характеристики дома, отвечающие за развитие человека и поддержание групповой и личной идентичностей жильца; 3) шкала Стабильность (7 пунктов); 4) шкала Защищенность (11 утверждений) (Нартова-Бочавер и др., 2015).

Существенным преимуществом опросника является возможность его применения в реальной и идеальной модальностях, что обеспечивается альтернативными установками, предлагаемыми в инструкции. Модальность, описывающая функции реального дома, может применяться для экспертизы наличествующей домашней среды. Модальность, предполагающая функциональность идеального домашнего пространства, важна для выяснения потребностей и предпочтений респондента, которые должны актуализироваться в доме. Реальная и идеальная модальности обладают системообразующими связями и охватывают одновременно объективный и субъективный уровни изучения отношения человека к дому; их анализ способен раскрыть, какие актуальные потребности обитателя остаются неудовлетворенными из-за сниженного уровня функциональности домашней среды, и в то же время, в каких имеющихся допущениях среды человек не нуждается.

Гипотеза исследования состояла в том, что функциональность домашней среды положительно связана с изучаемыми аспектами психологического благополучия – собственно психологическим благополучием как позитивным мироотношением и хорошим функционированием, аутентичной жизнью, отсутствием подверженности влияниям среды и самоотчужденности.

Для исследования связи качества домашней среды и психического здоровья, помимо вышеописанного авторского опросника, были использованы однофакторная Шкала психологического благополучия Варвик – Эдинбург и трехфакторная Шкала аутентичности (Tennant et al., 2007; Wood et al., 2008). В структуру последней входят: 1) субшкала аутентичной жизни, т. е. степень соответствия стиля жизни и поведения человека его ценностям и стремлениям; 2) субшкала подверженности средовому влиянию (преимущественно социальному); 3) субшкала самоотчуждения, определяющая дистанцию по отношению к самому себе (Wood et al., 2008). Измеряемые переменные, на наш взгляд, адекватно, хотя и не исчерпывающе, раскрывают понятие психического здоровья.

В исследовании участвовало 66 респондентов-добровольцев, студенты московских университетов (48 девушек и 18 молодых людей; $M_{возр} = 19,9$, $SD = 1,7$). Результаты регрессионного анализа данных показали, что вклад реального образа дома в психологическое благополучие значительно шире и более вариативен, чем представления респондентов об идеальном по своей функциональности жилище. Наиболее значимыми предикторами психологического благополучия оказываются качества реального дома, стимулирующие человека к развитию и саморазвитию ($\beta = 0,527$, $p < 0,05$), обеспечивающие стабильность и пред-

сказуемость жизни ($\beta=0,539$, $p<0,05$), легкость прагматического использования дома ($\beta=0,424$, $p<0,05$) и удовлетворение потребности в защищенности ($\beta=0,436$, $p<0,05$). Среди функций идеальной модели дома таким контрибутором является только возможность развиваться ($\beta=0,365$, $p<0,05$). Эти данные логично встраиваются в мотивационно-ценностную структуру личности: потребность в безопасности и стабильности бытия базовая и, конечно, поддерживает целостность личности и его жизнестойкость. Аутентичность личности находится под более скромным влиянием функциональности домашней среды: такие функции среды, как развитие и стабильность, являются антипредикторами самоотчужденности ($\beta=-0,300$ для обоих факторов, $p<0,05$) как показателя психического здоровья.

Полученные данные подтверждают исходное предположение о том, что качественно организованная и функциональная реальная домашняя среда вносит существенный вклад в поддержание психического здоровья и душевного благополучия личности в молодом возрасте, а экспертиза жилой среды человека, постоянной или замещающей, представляет собой актуальную задачу прикладной психологии.

Литература

- Бочавер А. А. Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4 (в печати).
- Нартова-Бочавер С. К., Дмитриева Н. С., Резниченко С. И., Кузнецова В. Б., Брагинец Е. И. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «функциональность домашней среды» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 60–72.
- Харламенкова Н. Е. Личностная безопасность и стратегии ее достижения // Проблемы психологической безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 133–159.
- Tennant R., Hiller L., Fishwick R., Platt S., Joseph S., Weich S., Parkinson J., Secker J., Stewart-Brown S. The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS): development and UK validation // Health and Quality of Life Outcomes. 2007. V. 5. № 63.
- Wood A., Linley A., Maltby J., Baliousis M., Joseph S. The Authentic Personality: A Theoretical and Empirical Conceptualization and the Development of the Authenticity Scale // Journal of Counseling Psychology. 2008. V. 55. № 3. P. 385–389.

ТЕХНИКА РЕГУЛЯЦИИ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ ПОДРОСТКОВ

О. В. Захарова (Москва), А. М. Полунина (Тольятти)

Согласно исследованиям многих современных педагогов, психологов, социологов, философов, культурологов и историков, человечество перешло в исторически новое состояние, которое некоторые исследователи определяют как «цивилизационный слом» (Фельдштейн, 2001, с. 46), когда особую роль в жизнедеятельности человека играет информация и технологические системы, изменяя потребности и возможности человека, воздействуя на его сознание. И на этом переходном этапе общество оказалось в неустойчивой социальной, экономической и идеологической обстановке с дискредитированными (во многом) нравственными ориентирами.

По данным научных исследований Института возрастной физиологии РАО, в настоящее время количество детей дошкольного и младшего школьного возраста с нарушениями в поведении, психическом и личностном развитии не имеет тенденции к снижению. Так, у 70–90% школьников за время обучения ухудшается физическое и психическое здоровье, около 20% шестилеток имеют психические отклонения пограничного характера, причем к концу первого класса их число возрастает до 60–70%. В сложившейся ситуации, по мнению многих известных ученых, у школ и учреждений дополнительного образования, наряду с традиционными, появилась объективная необходимость в реализации новых функций: экспериментально-исследовательской, а также социальной реабилитации, коррекции и помощи.

В настоящее время такое явление, как медитация, становится все более популярным в обществе и имеет неуклонную тенденцию к распространению среди различных возрастных групп населения нашей страны. На сегодняшний день доказана клиническая эффективность медитации в области неврологии, психиатрии, терапии, кардиологии.

Существуют различные виды медитации. Одни понимают медитацию как ментальную концентрацию на чем-либо, другие думают, что медитируют, когда представляют в уме что-либо, дающее покой и удовлетворение. Целью всех этих методов является снижение и, в конечном итоге, прекращение непрерывной активности ума. В данном исследовании мы придерживаемся концепции, что медитация – это то состояние, когда медитирующий сознательно останавливает мыслительный процесс, при этом осознавая все, что происходит как вокруг него, так и в нем самом. Таким образом, данный метод медитации – это не транс, не сон, не аутотренинг, не потеря сознания.

Остановка мыслительной активности прерывает поток постоянно циркулирующей в сознании аверсивной информации, что приводит к ликвидации очагов застойного эмоционального возбуждения.

Проведенными исследованиями в Австралии, США, Индии, а также в России в Сибирском отделении РАМН было доказано, что благодаря тому, что снижается активность префронтальной и теменной зон коры головного мозга, таламуса, снижается вторичная информационная нагрузка, что позволяет человеку более объективно воспринимать и анализировать действительность, концентрировать внимание, лучше осуществлять когнитивный контроль поведенческих и эмоциональных реакций.

Термин «безмысленное осознание» («thoughtless awareness») был введен доктором философии и науки Н. Шривастава в 1970 г. (Шривастава, 2007, с. 193). Понятие «осознание», в философском плане, означает «душевно-духовное состояние, в котором Я дано как содержание сознания» (Новая философская энциклопедия, 2010). Психологи определяют сознание как «субъективное состояние, пребывая в котором, мы осознаем что-либо» (Кордуэлл, 2000). Таким образом, речь идет о встрече со своим внутренним Я, о познании себя, в то же время без потери связи с окружающей реальностью. Но осознание без ментальной активности. В термине, введенном доктором Н. Шривастава, «безмысленное» не является синонимом «бессознательного». «Безмысленное» означает момент остановки мыслительной активности, что достаточно тяжело осуществить вначале, но регулярной тренировкой можно достичь длительных промежутков между мыслями. Другой термин, который мог бы описать подобное состояние, – «состояние внутренней тишины», которым оперируют представители различных духовных практик, не всегда подразумевая под этим именно ментальную тишину. Поэтому в рамках нашего исследования мы опираемся на понятие «безмысленное осознание», рассматривая применяемый метод медитации.

Данный вид медитации уже получил значительное исследование за рубежом в области неврологии и психиатрии, детской неврологии, нейрофизиологии, кардиологии, пульманологии, гинекологии и профилактической медицине. В России исследования были пока что немногочисленны (Т. В. Састамойнен, А. С. Солодянкин, А. Л. Буцык).

В последние два года нашей рабочей группой активно проводился комплекс экспериментальных психодиагностических исследований, направленный на использование медитации как метода совершенствования и оптимизации состояния психологического состояния подростков, с тем чтобы изучить возможность применения техники данного метода в сфере педагогики для снятия напряжения у школьников.

Целью исследования стала апробация данного вида медитации для подростков как эффективного средства гармонизации внутреннего состояния человека и, как следствие, формирования эмоционально сбалансированной личности. Участниками исследования были подростки в возрасте 10–14 лет, находящиеся в летнем тематическом лагере (ежедневная программа лагеря включала в себя утреннюю и вечер-

ную медитацию – родители детей были заранее осведомлены об этом, они также дали письменное согласие на работу психолога с детьми).

В июне 2014 г. в рамках лагеря в Самарской области, через опыт ежедневной медитации прошли 44 здоровых ребенка (только правши) в возрасте от 10 до 14 лет. Из них 23 (11 мальчиков, 9 девочек) составили группу контрольных испытуемых, не практикующих медитацию либо другие техники психической саморегуляции, а 21 (10 мальчиков, 11 девочек) – экспериментальную группу ежедневно практикующих медитацию утром и вечером. Все дети проживают в одном городе, и их семьи можно отнести к разряду благополучных.

Перед началом исследования у испытуемых обеих групп оценивали уровни личностной тревожности (STAI-t), алекситимии (TAS-20), депрессии (BDI), а также экстраверсии/интроверсии, нейротизма и психотизма (EPQ).

Для проведения статистического анализа значений психометрии использовался t-тест Стьюдента для независимых выборок.

По данным психометрии, медитирующие подростки, по сравнению с контрольной группой, характеризовались более низкими значениями экстраверсии (контроль $M=14,12$, медитирующие $M=11,77$, $p<0,029$), нейротизма (контроль $M=7,820$, медитирующие $M=3,070$, $p<0,001$), психотизма (контроль $M=4,780$, медитирующие $M=3,230$, $p<0,014$), личностной тревожности (контроль $M=41,72$, медитирующие $M=35,10$, $p<0,001$), депрессивности (контроль $M=8,000$, медитирующие $M=2,230$, $p<0,001$), а также меньшим количеством баллов в субшкалах трудности в идентификации чувств (контроль $M=8,000$, медитирующие $M=2,230$, $p<0,001$) и выражения эмоций (контроль $M=12,96$, медитирующие $M=10,59$, $p<0,032$), по данным опросника на алекситимию.

В ходе исследования было выявлено, что уже через неделю практики медитации изменяется мироощущение подростков на более позитивное, а также более гармоничной становится их эмоциональная сфера (опросник Кеттела, цветовой тест Люшера, рисунки детей). Проведенные месячные диагностические исследования позволяют предположить, что регулярная практика медитации позволит подросткам также быть более стрессоустойчивыми вследствие того, что поддерживается баланс их эмоциональной и ментальной сфер.

Данная практика медитации является простым и общедоступным методом, который мог бы быть использован в течение учебного года для снятия стресса и балансировки эмоциональной сферы у детей и подростков в рамках учебного процесса.

Литература

- Кордуэлл М. Психология. А–Я. Словарь-справочник / Пер. с англ. К. С. Ткаченко. М.: Фаир-Пресс, 2000.
Новая философская энциклопедия. М.: Мысль. 2010.

Фельдштейн Д. И. Глубинные изменения современного Детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Материалы VI Конференции «Психология образования». М., 2001. №1 (26). С. 45–54.

Шривастава Н. Метасовременная эпоха. М.: Известия, 2007.

ОСОБЕННОСТИ СФОРМИРОВАННОСТИ ГУМАННЫХ ЧУВСТВ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

А. М. Полунина (Тольятти)

Воспитание человека, обладающего гуманными ценностями, – важная задача для российского общества. В современное время во многих случаях на первый план выходят материальные отношения и конкурентная борьба, ведь один из основных кризисов, переживаемых гражданами нашей страны, связан не только с экономическими проблемами, но и с крушением прежних ценностей и идеалов (Воловикова, 2005). Следствием этого стало то, что совокупность ценностных установок, присущих в данный момент массовому сознанию (в том числе детям и молодежи), во многих аспектах деструктивна, с точки зрения развития личности, института семьи и государства. Это привело к росту цинизма, грубости, жестокости, агрессивности и примитивизации сознания детей, причиной которых являются внутренние переживания ребенка: неуверенность, одиночество, страх, а также инфантилизм, эгоизм, духовная опустошенность. В представлениях детей о главных человеческих ценностях духовные ценности вытесняются материальными, и, соответственно, среди желаний детей преобладают узколичностные, «продовольственно-вещевые» по характеру. Ребенок приходит в школу, чтобы получить образование, но образование само по себе не гарантирует высокого уровня гуманистических ценностей и нравственной воспитанности, ибо «воспитанность в широком смысле означает не только соблюдение правил поведения и общения, принятых в данном обществе, но и внутреннюю культуру человека, отражающуюся в его мировоззрении» (Бим-Бад, 2002, с. 43).

В соответствии с разработанным российскими учеными Федеральным государственным образовательным стандартом общего образования второго поколения (2009), впервые включившим в себя «Концепцию духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России», формирование гуманных чувств является одним из приоритетных направлений современной концепции воспитания. Совершенствование высших эмоций и чувств означает личностное развитие человека. Наиболее сензитивным периодом для воспитания гуманности является младший школьный возраст.

Целью исследования явилось выявление представлений учащихся младшего школьного возраста о гуманности, их эмоционального отношения к нравственным нормам поведения, принятым в обществе, и установление уровня реального проявления гуманных чувств детьми. Гипотезой исследования стало то, что современная школа лишь отчасти справляется с воспитанием гуманности и ее составляющих в детях, недостаточно корректируя сознательное вырабатывание детьми нравственных норм. Исследование проводилось на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях в одной из школ г. Тольятти в 3-м классе с 30 учащимися (18 мальчиков и 12 девочек).

Для оценки уровня сформированности гуманных чувств у младших школьников в качестве критерия оценки нами была разработана собственная 3-балльная система, в основу которой были положены критерии методики для оценки нравственности и воспитанности М. Г. Яновской (Яновская, 2003, с. 110) и критерии, выведенные для оценки гуманности младших школьников С. С. Быковой (Быкова, 2004, с. 101–103). Когнитивный компонент сформированности гуманных чувств включает в себя знания о том, что основу гуманности составляет отношение к человеку как к высшей ценности, четкое разграничение добра и зла, а также осознание необходимости гуманных взаимоотношений между людьми. Эмоциональный компонент подразумевает ощущение радости и симпатии по отношению к гуманным поступкам и гуманным людям, чувства любви, сострадания, эмпатии к близким и малознакомым людям, чувство справедливости, а также стремление действовать гуманно. Поведенческий компонент содержит в себе волевые усилия, прилагаемые в сложных ситуациях для совершения правильного выбора, а также умение проявлять сострадание, сочувствие, чуткость, внимание к другим людям, взаимопомощь. Уровни сформированности компонентов оценивались по шкале от 0 до +3.

В ходе диагностики использовался целый комплекс методик, общепринятых в педагогических исследованиях: анкетирование, беседа, интервью – для определения интеллектуального и мотивационного компонентов; сформированность практического компонента определялась на основе наблюдения, а также методом экспертной оценки (в качестве экспертов выступали учителя и родители учащихся 3-го класса).

Исследование выявило, что сформированность трех компонентов гуманных чувств у учащихся находится на различных уровнях. Так, у значительной части учащихся третьего класса когнитивный компонент – на среднем (37%) или низком (44%) уровне сформированности (учащиеся показывают хорошие знания о том, как нужно вести себя в той или иной ситуации, но затрудняются при определении понятий «отзывчивость», «чуткость», «справедливость»). Эмоциональный компонент гуманных чувств у большинства учащихся находится на достаточно высоком уровне (и в целом он значительно выше, чем интеллектуаль-

ный), так как их желание поступать гуманно велико (44% на высоком уровне и 30% на среднем). Поведенческий компонент в рамках школы у разных детей проявляется по-разному, от стабильных положительных поступков у ряда детей до эпизодических негативных действий у некоторых младших школьников (48% на высоком уровне и 44% на среднем).

Несмотря на знание норм поведения в различных ситуациях, многие дети отметили, что в жизни вне школы и они сами, и их сверстники не всегда поступают именно так, как, согласно общепринятым нормам, считается правильным. В открытом письменном опросе, содержащем проблемные ситуации, 13% учащихся показали, что несмотря на то, что в большинстве случаев они стремятся проявить себя гуманно, в ситуациях, когда кто-то наносит обиду им либо более слабому или младшему, они могут ответить тем же – проявлением агрессии. 8% детей показали, что они теряются при попадании в проблемные ситуации, не зная, как себя вести.

Отвечая на вопрос, что нужно иметь, чтобы быть счастливым в жизни, 4% учащихся рассматривают ценности, направленные на обеспечение благосостояния других людей, как основные, 4% учащихся эти ценности указывают в числе прочих, остальные опрошенные (92%) всецело ориентированы, в первую очередь, на обеспечение личного благосостояния за счет любви, денег, здоровья, развлечений, уважения окружающих. Анализируя качества, необходимые для того, чтобы быть счастливыми в жизни, приоритетным внимательное отношение к другим посчитало 4% учащихся, чуткое отношение к другим в качестве важной жизненной составляющей отметили 15%, остальные учащиеся выделили только индивидуальные инструментальные ценности (образованность, ответственность, умение не отступать перед трудностями, умение содержать вещи в порядке, трудолюбие, воспитанность и т. п.).

Художественные работы детей (проективный тест) показали, что многие из них проявлением гуманности по отношению к людям считают некое материальное выражение своей заботы: 35% учащихся, имея возможность сделать все что угодно, обеспечили бы других людей определенными материальными благами. Тем не менее, многие дети также отразили в своих работах высшие ценности: обеспечение мира счастьем, радостью, нравственностью, красотой (45%). Некоторые дети отметили, что они вели бы научные разработки для улучшения мира (7%).

В ходе исследования не было выявлено различий в отношении осмысления гуманных чувств и желания действовать гуманно среди мальчиков и девочек. Эмоциональный компонент сформированности гуманных чувств находится на высоком уровне как у многих мальчиков (20%), так и у многих девочек (24%). У некоторых девочек (7%) и мальчиков (4%) наблюдается слишком большая склонность к эмпатии на эмоциональном уровне, что может вести к формированию эмоциональной зависимости от других людей, болезненной ранимости, обидчивости,

что, в крайней степени, затрудняет процесс социализации и может приводить к различным психосоматическим заболеваниям.

Таким образом, можно сделать вывод, что современная школа лишь отчасти справляется с воспитанием гуманности и ее составляющих (доброты, отзывчивости, порядочности, сострадания), больше внимания, согласно исследованию С. С. Быковой, уделяя воспитанию настойчивости и дисциплинированности (Быкова, 2004) – качеств, необходимых для осуществления успешного образовательного процесса.

Исследование также выявило, что дети понимают необходимость проявления гуманных чувств и готовы работать в этом направлении (на вопрос, почему нужно быть доброжелательным и чутким, многие дети отвечали: «потому что это дает тебе радость», «потому что добро возвращается», «тогда у тебя будут друзья» и т. п.). Так как ключевым моментом любой деятельности является мотивация как комплекс или система мотивов, факт желания детей развивать в себе гуманные чувства можно рассматривать как хорошую предпосылку для работы над дальнейшим формированием у учащихся гуманных чувств.

Литература

Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002.

Быкова С. С. Воспитание гуманности как интегрального качества личности младшего школьника: Дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2004.

Воловикова М. И Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2005.

Яновская М. Г. Нравственное воспитание и эмоциональная сфера личности. СПб., 2003.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФОРМ И ВИДОВ ПОДАЧИ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ С НАПРАВЛЕННОСТЬЮ ЛИЧНОСТИ В ОБЩЕНИИ

Ю. А. Попова (Ростов-на-Дону)

Как известно в социальной психологии, обратная связь играет огромную роль в межличностном общении. Многие исследователи, такие как Л. А. Петровская (Петровская, 1982), О. В. Соловьева (Соловьева, 1992), А. А. Бодалев (Бодалев, 1994) и др. указывают на взаимосвязь форм и видов подачи обратной связи и эффективности–неэффективности общения. Также известно, что направленность личности в общении влияет на его результат. Однако данная область недостаточно изучена.

Поэтому целью нашей работы является изучение взаимосвязи форм и видов подачи обратной связи и направленности личности в общении. Предмет исследования: формы и виды обратной связи, вид направленности личности в общении.

В качестве *гипотезы* исследования выступает предположение о взаимосвязи между показателями частоты использования форм и видов обратной связи и видами направленности личности в общении. Мы предполагаем, что лица с различным видом направленности в общении используют различные формы и виды обратной связи.

Для достижения цели и проверки гипотезы были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить виды и формы используемой обратной связи;
- 2) определить виды направленности в общении у исследуемой выборки;
- 3) выявить различия в использовании форм и видов обратной связи у студентов с различным видом направленности личности в общении;
- 4) выявить взаимосвязь форм и видов подачи обратной связи с различным видом направленности в общении.

Исследование было проведено с использованием двух *методик*:

- 1) методика «Направленность личности в общении» (Братченко, 1995);
- 2) созданная нами анкета, направленная на выявление видов и форм подачи обратной связи.

В разработанной нами анкете представлены 10 ситуаций предконфликтного взаимодействия. Основное содержание которых составлено в обвинительной форме, в форме Ты-высказываний. Респондентам предлагалось ответить на данные высказывания, написав не менее 3 предложений.

Первичная обработка результатов нашей анкеты проводилась при помощи контент-анализа. Нами были выделены следующие диагностические критерии: Я-высказывания и Ты-высказывания; наличие выражения чувств; модальность обратной связи: положительная, отрицательная; принятие ответственности на себя или перекладывание ее на других; стратегии поведения в конфликтных ситуациях: избегание, приспособление, соперничество, компромисс, сотрудничество.

В исследовании приняли участие 40 студентов ЮФУ Академии психологии и педагогики в возрасте от 19 до 22 лет.

Для обработки данных использовались методы статистического анализа: корреляционный анализ Спирмена и непараметрический U-критерий Манна–Уитни. Корреляционный анализ по критерию Спирмена показал наличие прямой значимой связи ($r=0,31$ при $p<0,05$) между частотой использования формы обратной связи «Я-высказывания» и авторитарным видом направленности в общении, а также ($r=0,30$ при $p<0,05$) между частотой применения стратегии поведения «соперничество» и авторитарным видом направленности. Это означает, что чем больше преобладает авторитарный вид направленности у человека, тем чаще он

использует форму «Я-высказывания» и применяет стратегию «соперничество». Также выявлена прямая значимая связь между частотой подачи положительной обратной связи и конформным видом направленности ($r=0,32$ при $p<0,05$) и обратная значимая связь между частотой подачи отрицательной обратной связи и конформным видом направленности в общении ($r=-0,33$ при $p<0,05$). Это свидетельствует о том, что для людей с конформным видом направленности более свойственна подача положительной обратной связи. И обнаружена прямая значимая связь между частотой применения стратегии «приспособления» и конформным видом направленности ($r=0,55$ при $p<0,05$), обратная значимая связь между частотой применения стратегии «соперничество» и конформным видом направленности ($r=0,4$ при $p<0,05$). Это указывает на то, что для людей с конформным видом направленности в общении более характерно применение стратегии «приспособление» в конфликте.

Статистический анализ по критерию Манна–Уитни выявил наличие значимых различий ($Z=-2,09$, при $p\text{-level}<0,04$) в использовании стратегии «соперничество» у студентов с диалогическим и авторитарным видом направленности. Т. е. лица с авторитарным видом направленности в общении чаще используют стратегию «соперничество», чем студенты с диалогическим видом направленности. Также были выявлены показатели, близкие к значимым в использовании формы обратной связи «Я-высказывания» ($Z=-1,86$ при $p\text{-level}<0,06$), «Ты-высказывания» ($Z=-1,92$ при $p\text{-level}<0,05$), стратегии «приспособления» ($Z=1,56$ при $p\text{-level}<0,11$), у лиц с диалогическим и авторитарным видом направленности в общении. Это означает, что студенты с авторитарным видом направленности в общении используют форму обратной связи «Я-высказывания» и «Ты-высказывания» чаще, чем студенты с диалогической направленностью в общении. А студенты с диалогическим видом направленности чаще применяют стратегию «приспособление», чем студенты с авторитарной направленностью.

Таким образом, проведенное нами исследование подтверждает предположение о взаимосвязи между показателями частоты использования форм и видов обратной связи и видами направленности личности в общении.

Литература

- Бодалев А. А. Психология межличностного общения. Рязань: РВШ МВД РФ, 1994.
- Братченко С. Л. Диагностика личностно-развивающегося потенциала. Метод. пособие для школьных психологов. Псков, 1997.
- Петровская Л. А. Теоретические и методические проблемы социально психологического тренинга. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Соловьева О. В. Обратная связь в межличностном общении. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ВАХТОВЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРИ РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНИ ГРУППОВОЙ ИЗОЛЯЦИИ В УСЛОВИЯХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

И. А. Порохина, Н. Н. Симонова (Архангельск)

Вахтовая организация труда, широко распространенная в нефтяной, газовой и лесной промышленности, строительстве, геологоразведке и в других отраслях, задает особые условия жизнедеятельности профессионалов. Данный метод организации труда заключается в выполнении профессиональной деятельности вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено ежедневное их возвращение к месту постоянного проживания. Помимо климато-географических и производственных факторов, вызывающих такие неблагоприятные функциональные состояния, как стресс, психическое напряжение, снижение работоспособности, утомление и др. (Громова, Алексеенко, Дегтева, 2009; Гудков, Лабутин, 2000), на вахтовых работников воздействует комплекс неблагоприятных социально-бытовых условий (Симонова, 2010).

Наиболее существенным социально-психологическим фактором, оказывающим влияние на работников в условиях вахты на Крайнем Севере, является групповая изоляция. В. И. Лебедев под групповой изоляцией понимает вынужденное пребывание группы людей в условиях ограниченного пространства, скудости сенсорных раздражителей и постоянного общения с одними и теми же людьми (Лебедев, 2000).

Сужение зоны личностного пространства, отсутствие возможности уединиться, вынужденный характер взаимодействия с коллегами как в рабочее, так и нерабочее время, независимо от предпочтений, интересов и личностных характеристик, в связи с ограничением в свободе выбора круга общения, – все перечисленные особенности социального взаимодействия в условиях вахты могут оказывать ряд негативных влияний на вахтовый персонал. Раздражительность, агрессивность, нетерпимость, конфликтность вахтовых работников, сужение сферы контактов и др. могут быть опасными в условиях групповой изоляции на вахте. В данных условиях наблюдается ярко выраженное смещение формальной и неформальной структуры вахтовой бригады. Негативное развитие неформальных отношений может привести к разрушению формальной структуры и трудностям в управлении коллективом. Данные обстоятельства способствуют формированию неблагоприятных функциональных состояний, что, в свою очередь, приводит к снижению производительности труда, эффективности деятельности и способствует снижению уровня психического здоровья вахтовых работников.

Целью данного исследования является изучение функциональных состояний вахтовых работников при различной степени групповой изоляции в условиях Крайнего Севера.

Для реализации поставленной цели использовались данные, полученные в исследовательских экспедициях по изучению специфики вахтового труда в нефтяной (территория около г. Нарьян-Мар, 18 чел.; о. Колгуев, 48 чел.; пос. Варандей, 24 чел.) и алмазодобывающей (Приморский район Архангельской области, 14 чел.) отрасли за период с 1993 по 2010 г. Изучаемые группы дифференцированы по степени их изоляции: 1) работники, трудящиеся и проживающие в вахтовом поселке (около 200 чел.) – слабая степень изоляции (71 чел.); 2) участок нефтедобычи (30–40 чел.) – средняя степень изоляции (18 чел.); 3) работники, занятые на отдаленных буровых вышках (около 15 чел.) – сильная степень изоляции (15 чел.).

В исследовании приняли участие 104 профессионала, работающих вахтовым методом на предприятиях Крайнего Севера. Это специалисты различных профессий (26 специальностей). Средний возраст – $34,00 \pm 9,876$.

Методический инструментарий: Опросник самооценки состояния «Самочувствие, активность, настроение» (авторы В. А. Доскин, Н. А. Лаврентьева, В. Б. Шарай, М. П. Мирошников), Метод цветочных выборов (модификация восьмицветового теста М. Люшера). При анализе полученных данных использовались статистические методы обработки информации: описательные статистики, дисперсионный анализ однофакторный, критерий критерий Т-Стьюдента для независимых выборок, реализуемые с применением пакета SPSS 20.00.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования у каждого респондента были получены значения по следующим шкалам: гетерономность/автономность, концентричность/эксцентричность, дисбаланс личностных свойств/баланс личностных свойств, вегетативный баланс: симпатическая н.с./парасимпатическая н.с., работоспособность, стресс, суммарное отклонение от аутогенной нормы, вегетативный коэффициент Шипоша, самочувствие, активность, настроение. Для выявления различий функциональных состояний вахтовых работников, в зависимости от степени групповой изоляции, характеризующей их пребывание на вахте, был проведен дисперсионный анализ. В качестве независимой переменной выступает отнесенность к одной из трех групп, в зависимости от степени групповой изоляции. Зависимые переменные – перечисленные выше шкалы, характеризующие функциональные состояния вахтовых работников.

Были выявлены различия между вахтовыми специалистами, разделенными на группы, в зависимости от степени групповой изоляции, характеризующей их жизнедеятельность в период вахты, по параметрам уровень стресса ($p=0,038$) и суммарное отклонение от аутогенной нормы ($p=0,049$), характеризующее степень нервно-психического напряжения.

Наиболее высокий показатель стресса у группы специалистов, проживающих и работающих в условиях средней степени групповой изо-

ляции ($\text{mean}=12,24\pm 6,903$), в то время как наиболее низкий – у группы в условиях сильной степени групповой изоляции ($\text{mean}=5,89\pm 6,446$).

Вахтовые специалисты, функционирующие в условиях слабой групповой изоляции, имеют более высокий уровень нервно-психического напряжения ($\text{mean}=16,86\pm 5,779$), в то время как специалисты, отнесенные к группе проживающих и работающих в условиях сильной групповой изоляции, имеют более низкие значения по параметру суммарное отклонение от аутогенной нормы ($\text{mean}=13,63\pm 6,249$).

Таким образом, выявлены различия в уровне выраженности таких неблагоприятных функциональных состояний, как стресс и нервно-психическое напряжение, между вахтовыми работниками, проживающими и работающими в условиях различной степени групповой изоляции. В условиях групповой изоляции сильной степени обнаружены более благоприятные функциональные состояния, в сравнении с условиями изоляции слабой степени.

На наш взгляд, это может быть обусловлено выявленными с помощью факторного опросника Р. Кеттелла тенденциями социального взаимодействия и социально-психологическими характеристиками специалистов вахтового труда. В условиях слабой групповой изоляции специалисты проявляют конформные реакции, зависимость от мнений и требований группы, они более экспрессивны и направлены на общение с коллегами. В то время как в условиях сильной групповой изоляции проявляется большая сдержанность в межличностных контактах, замкнутость, направленность на свой внутренний мир, настороженность по отношению к людям, стремление держать людей на расстоянии, «отгородиться» эмоционально от других. Таким образом, работники в условиях групповой изоляции слабой степени прибегают к использованию авральная адаптационной стратегии, а в условиях групповой изоляции сильной степени – экономной, что, в свою очередь, может приводить к различиям в выраженности неблагоприятных функциональных состояний.

Литература

- Громова Л. Е., Алексеев В. Д., Дегтева Г. Н. Краткая характеристика санитарно-гигиенических условий труда нефтяников в условиях заполярья // Экология человека. 2009. № 11. С. 16–19.
- Гудков А. Б., Лабутин Н. Ю. Влияние специфических факторов заполярья на функциональное состояние организма человека // Экология человека. 2000. № 2. С. 18–20.
- Лебедев В. И. Групповая изоляция // Психические состояния / Сост. и общ. ред. Л. В. Куликова. СПб.: Питер, 2000.
- Симонова Н. Н. Психология вахтового труда на Севере: Монография. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2010.

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К СИТУАЦИИ СЕПАРАЦИИ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С РАЗНЫМИ СИБЛИНГОВЫМИ ПОЗИЦИЯМИ

Ю. В. Потапова (Омск)

Изучение проблем юношеского возраста – одна из актуальных задач психологии развития, однако не только эта наука призвана изучать проблемы данного возрастного периода. В условиях возрастающего количества исследований, с разных сторон подходящих к изучению определенного объекта, существует необходимость привлекать знания из смежных областей психологии во избежание формулирования поспешных и некорректных выводов. Междисциплинарный подход может реализовываться за счет привлечения данных из общей психологии (для изучения психических процессов, свойств и состояний), психологии личности (при рассмотрении особенностей ее динамического развития в юношеском периоде), семейной психологии (для изучения воздействия семьи как значимого элемента в жизни юноши или девушки). С точки зрения многих ученых, одной из важнейших задач юношеского возраста становится обретение независимости от родителей. Независимость часто соотносят с такими понятиями, как самостоятельность, автономия, суверенность. И правильно было бы говорить не об одномоментном возникновении этого качества, а о планомерном развитии разных его сторон в течение жизни. Так, к примеру С. К. Нартова-Бочавер, рассматривая понятие суверенности, говорит о возникновении сначала суверенности физического тела, потом вещей и пространства, далее привычек, связей и ценностей (Нартова-Бочавер, 2008). Конечно, процесс обретения независимости начинается еще в раннем детстве, через переживание кризиса собственного «Я», обостряется в подростковом возрасте, выражаясь в критическом отношении к тем правилам и нормам, что устанавливают взрослые, но именно в юности он достигает своего закономерного апогея: человек отделяется от родительской семьи, проходя ситуацию сепарации от родителей, и сталкивается с реальными жизненными вызовами. Многие авторы, изучающие сепарацию в своих работах, говорят о высокой значимости особенностей отделения молодого человека от родительской семьи. Произшедшая под воздействием конфликта сепарация молодого человека с родителями (своего рода «эмоциональный разрыв») может негативно подействовать на его будущие отношения в репродуктивной семье, поскольку патологический семейный сценарий имеет свойство «возрождаться» в новых поколениях (Бейкер, Варга, 2005). Однако и слишком сильная, «симбиотическая», привязанность может стать фактором замедления личностного развития человека: не в силах отделиться от своей семьи, он может прямо или косвенно искать поводы, чтобы в нее вернуться. Дж. Хейли (Haley) описывает разные варианты подсознательного

стремления объединиться с родительской семьей, чаще выражающиеся образцах физического или психического нездоровья.

Факторы, воздействующие на отношение к данной ситуации и переживания непосредственно в процессе ее прохождения, весьма многочисленны. В данном исследовании мы определили сиблинговую позицию как один из значимых аспектов. Предложенная А. Адлером (Adler) идея о порядке рождения человека и о его воздействии на личность человека будет для нас опорой в объяснении найденных закономерностей.

Объектом исследования является ситуация сепарации, предметом – сиблинговая позиция молодого человека как фактор формирования когнитивного и эмоционального компонентов отношения к ситуации сепарации. Цель исследования: изучение особенностей отношения к ситуации сепарации в зависимости от сиблинговой позиции в юношеском возрасте. Задачи исследования: изучить когнитивную и эмоциональную оценку ситуации сепарации; сравнить отношение к данной ситуации у юношей и девушек, находящихся в разных сиблинговых позициях. Для реализации поставленных задач использовались методы анкетирования и тестирования. Гипотеза исследования заключается в том, что молодые люди с разными сиблинговыми позициями по-разному проходят ситуацию сепарации и относятся к ней. Была применена анкета «Оценки трудных ситуаций» А. Ю. Маленовой (Маленова, 2007) и авторская анкета, в которой респонденты оценивали уровень выраженности определенных эмоций в ситуации сепарации. Методы математической статистики: тест Колмогорова – Смирнова, тест Крускала – Уолеса.

Выборка составила 273 чел., критерии включения в выборку были следующими: 1. Социальный статус: студенты; 2. Национальность: русские. 3. Возраст: от 18 до 21 года. Были исключены студенты старшего возраста по причине малой представленности их в выборке и для нивелирования воздействия возрастных процессов на оценку ситуации сепарации. 4. Сепарационный статус: живущие отдельно от родителей по причине переезда на новое место жительства в связи с обучением в вузе. На момент проведения исследования стаж самостоятельной жизни составляет в среднем 18 мес.

В своем отношении к ситуации сепарации молодые люди с разной сиблинговой позицией различались в степени контроля над ней ($K=7,8$; $p \leq 0,05$). При этом наименее контролируемой данная ситуация была для младших детей, наибольший субъективный контроль испытывали старшие. Единственные дети значимо чаще в ситуации сепарации испытывали страх ($K=8,3$; $p \leq 0,05$), менее всего боялись ее младшие. Однако единственные дети чаще других чувствовали независимость при уходе ($K=9,3$; $p \leq 0,05$), для старших же это было не так актуально. Названия чувств, которые были предложены респондентам в виде шкалы, были взяты из предыдущих исследований, которые направлены на изучение

эмоций в ситуации сепарации. В данных исследованиях молодые люди в свободной форме описывали то, что чувствовали при уходе из родительского дома, потому названия состояний не всегда соотносятся с традиционными классификациями психологии эмоций, но они были оставлены в таком виде, как их употребляли молодые люди. Именно поэтому «независимость», в психологии описываемая скорее как психическое свойство, оказалась в списке состояний, которые испытывали юноши и девушки. Скорее всего, ближе это состояние к позитивным чувствам, связанным с оценкой себя как свободного, полноценного человека, умеющего принимать собственные решения.

Итак, опишем отличительные особенности отношения к ситуации сепарации у молодых людей каждой sibлингвой позиции.

- Единственные дети чувствуют контроль в средней степени, больше всего боятся сепарации, но и чувствуют большую независимость в ней.
- Младшие (в нашем исследовании чаще всего это вторые дети из семьи из двоих детей) чувствуют наименьший контроль над ситуацией, зато менее всего страшатся ее и чувствуют среднюю степень независимости.
- Старшие дети – «хорошо контролирующиеся» происходящее, в средней степени испытывают страх, менее всего испытывают независимость при уходе.

Особенности переживания ситуации сепарации можно объяснить с точки зрения теории А. Адлера о порядке рождения. Единственных детей А. Адлер называл уникальными в том смысле, что им не приходится соперничать ни с кем в родительской семье, им достается все внимание. Такие люди достаточно хорошо развиты интеллектуально, но страдает у них сфера коммуникации, особенно со сверстниками. Вероятно, именно поэтому отделение от родителей вызывает у них страх (большая часть изучаемых нами молодых людей переезжала от родителей в общежитие), поскольку декомпенсированная сфера в данном случае является затронутой непосредственно. Сильное «чувство независимости» можно объяснить тем, что единственные дети подвержены в высокой степени опеке со стороны родителей, так как являются уникальным объектом любви и заботы и при уходе они особенно остро чувствуют, что обрели долгожданную свободу действий.

Младшие дети, по А. Адлеру, очень любят конкуренцию и везде стремятся одерживать верх. Однако эта sibлингвая позиция предполагает и большую зависимость от родителей, исходя из этого, можно предположить, что именно поэтому они менее других чувствуют контроль над ситуацией. Зато в силу присущей им соревновательности они воспринимают сепарацию как очередной повод продемонстрировать свои способности и реже других испытывают страх.

Старшие дети находятся в самой благоприятной ситуации: они не испытывают сильной потери контроля (возможно, из-за высокой самостоятельности и ответственности – именно эти качества приписывал им А. Адлер), умеют справляться со своим страхом. В меньшей степени у них проявляется и чувство независимости при уходе, поскольку в своей семье они занимали лидерское положение среди сиблингов. Возможно, поэтому этих молодых людей можно считать группой, имеющей наибольший потенциал для преодоления сложностей сепарации.

Таким образом, идея о сиблинговой позиции и ее роли в жизни человека подтверждается полученными нами данными. Исследования в этой области имеют множество перспектив. И возможно, знание сильных и слабых сторон сиблинговых позиций позволит молодым людям прийти к более глубокому пониманию процессов, происходящих с ними в сложный период отделения от родительской семьи.

Литература

- Адлер А. Понять природу человека. СПб.: Академический проект, 1997.
- Бейкер К., Варга А. Я. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. М.: Когито-Центр, 2005.
- Маленова А. Ю. Экзамен как модель формирования копинг-поведения личности в ситуациях оценивания // Материалы Международной научно-практической конференции «Социальная психология в образовании: проблемы и перспективы». Саратов, 2007. С. 239–243
- Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: опыт психологического исследования субъекта в его бытии. М.: Питер, 2008.
- Эрикссон М., Хейли Дж. Стратегии семейной терапии / Перевод с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕКСУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ЖЕНЩИН С ГОМОСЕКСУАЛЬНОЙ И БИСЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ

Е. О. Пугачева (Санкт-Петербург)

Несмотря на то, что Американская психиатрическая организация исключила гомосексуальность из списка психических расстройств еще в 1973–1974 гг., а Всемирная Организация Здравоохранения – в 1990 г., многие продолжают относиться к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией с предубеждением. Так, в 2013 г. Pew Research Center провел глобальное социологическое исследование отношения к гомосексуальности в разных странах. В России гомосексуальную ориентацию готовы были принять лишь 16% респондентов, что меньше на 4% с аналогичными данными 2007 г. (Kohut, 2013). Интернализация

гомосексуалами нетерпимого отношения к гомосексуальности приводит к внутренней гомофобии. «Под воздействием внешних условий гомо- и бисексуалы усваивают отрицательное отношение к гомосексуальности и бисексуальности и, как следствие, открывая в себе „инаковую“ сексуальность, трансформируют внешнее знание в соответствующее самоотношение» (Черныш, 2010). Проявляется это в негативном отношении к себе и заниженной самооценке и ведет к формированию выраженных психологических защит, которые как защищают индивида от стресса, так и ведут к отчуждению от самого себя (Дейвис, Нил, 2001).

Целью данной работы было выявление особенностей формирования сексуальной идентичности и влияния обнаруженных особенностей на выраженность невротической симптоматики женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией.

В качестве *гипотез исследования* были выдвинуты следующие.

1. Выраженность внутренней гомофобии в процессе формирования сексуальной идентичности у женщин с гомосексуальной ориентацией сильнее, нежели у женщин с бисексуальной ориентацией.
2. Переживание внутренней гомофобии в процессе становления сексуальной идентичности повышает вероятность формирования выраженности невротической симптоматики.

Выборку исследования составили 38 женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией в возрасте от 19 до 31 года, являющиеся волонтерами Санкт-Петербургской организации «Выход». Средний возраст испытуемых составил 24,16 лет. Из них 20 чел. составляют группу женщин с гомосексуальной ориентацией, 18 – с бисексуальной ориентацией. Средний возраст испытуемых с гомосексуальной ориентацией – 24,35 года, бисексуальной – 23,94 года.

В качестве методов исследования были использованы:

1. Биографическое нарративное интервью. В ходе интервью испытуемым был задан вопрос: «Расскажите, пожалуйста, про период становления вашей сексуальной идентичности», а также ряд вопросов, касающихся определенных фактов биографии испытуемых.
2. Опросник невротических расстройств – симптоматический (Е. Александрович) в адаптации НИПНИ им. В. М. Бехтерева.

Полученные данные были обработаны с помощью таких математических методов, как коэффициент α Кронбаха, χ^2 Пирсона и U Манна–Уитни.

Результаты исследования. В ходе исследования была обнаружена внутренняя согласованность ряда характеристик биографии испытуемых: наличие опыта непринятия собственных гомосексуальных чувств, подверженность гетеронормативности и попытки под нее подстроиться, несерьезное отношение значимых других респондента к его сексуальной идентичности, переживание эмоционального насилия, связан-

ного с сексуальной ориентацией, наличие страха совершения насилия над респондентом в связи с его сексуальной идентичностью, желание обладать менее фемининным телосложением (включая как желание иметь мужские половые признаки, так и не иметь половых признаков вовсе) (коэффициент α Кронбаха=0,602). Данная согласованность позволила выделить указанные характеристики в отдельную шкалу – опыт переживания внутренней гомофобии. Выявлено, что гомосексуальные женщины сильнее испытывали внутреннюю гомофобию, чем бисексуальные женщины (уровень статистической значимости $p < 0,05$). Затруднительно сказать, связано ли это с меньшей подверженностью социальной стигматизации бисексуальных женщин или же с действием их психологических защит или копинг-стратегий.

Обнаружено, что гомосексуальные женщины раньше задумываются о своей сексуальной ориентации (15,18 лет, $\sigma=3,61$), нежели бисексуальные (18,53 года, $\sigma=4,39$). Однако бисексуальные женщины тратят меньше времени на раздумья о своей сексуальной ориентации и окончательно в ней утверждают в течение 1,19 года ($\sigma=2,11$), тогда как для гомосексуальных женщин период размышлений составляет 3,13 года ($\sigma=2,34$). Можно сделать вывод о том, что наличие чувств по отношению к лицам противоположного пола в ситуации гетеронормативности позволяла бисексуальным испытуемым дольше не задумываться над чувствами к лицам своего пола и собственной сексуальной ориентацией. Помимо этого, меньшая подверженность внутренней гомофобии позволила бисексуальным женщинам быстрее, а значит, легче утвердиться в своей сексуальной ориентации, испытывая меньше внутренних конфликтов.

Других различий в процессе формирования сексуальной идентичности у гомосексуальных и бисексуальных женщин обнаружено не было.

Формирование своей сексуальной идентичности испытуемые связывали в большей степени с романтическими чувствами и взаимоотношениями с девушками, опытом романтических взаимоотношений с молодыми людьми и чувствами к ним, переживанием гетеронормативности и внутренней гомофобии, ощущением своей непохожести на сверстников в детстве, мужским гендерным поведением. Также испытуемые поднимали темы осознания и принятия своей гомосексуальности. Мы можем сделать вывод, что именно перечисленные биографические эпизоды субъективно оказывают наибольшее влияние на формирование сексуальной идентичности у гомосексуальных и бисексуальных женщин. Обращает на себя внимание относительно редкое упоминание открытия своей сексуальной ориентации перед близкими и их отношение к этой информации. Можно сделать вывод о субъективной незначительности данного явления для испытуемых.

Также в ходе интервью были выявлены следующие данные:

- у 89,5% испытуемых были романтические отношения с партнером своего пола;

- 76,3% испытуемых имели опыт сексуальных отношений с партнером противоположного пола;
- у 69,64 испытуемых родители не приняли их сексуальную ориентацию;
- 57,9% испытуемых в детском возрасте воспитывались в неполной семье;
- 50% испытуемых подтверждают наличие опыта романтических взаимоотношений с партнером противоположного пола;
- 50% испытуемых испытывают страх возможного проявления насилия по отношению к ним в связи с сексуальной ориентацией;
- родители 39,5% испытуемых не знают об их сексуальной ориентации, из них 18,4%, по словам испытуемых, догадываются;
- 36,8% испытуемых испытали влияние гетеронормативности;
- 36,8% испытуемых подверглись эмоциональному насилию (оскорбления, угрозы, насмешки и прочие вербальные и невербальные проявления негативного отношения) в связи с их сексуальной ориентацией;
- 28,9% испытуемых переживали опыт непринятия своей сексуальной ориентации;
- 28,9% испытуемых встретили несерьезное отношение к их гомосексуальной идентичности со стороны значимых других;
- 26,3% испытуемых озвучили желание (в онтогенезе) обладать менее фемининным телосложением (включая как желание иметь мужские половые признаки, так и не иметь половых признаков вовсе);
- 5,3% испытуемых высказали желание сменить сексуальную ориентацию, и все они связали данное желание с социальной ситуацией, сложившейся в России в последние годы.

Обнаружено, что гомосексуальные и бисексуальные испытуемые не отличаются по уровню проявления невротической симптоматики. Переживание внутренней гомофобии не оказало влияния на уровень проявления невротической симптоматики. Наиболее характерными для обеих групп испытуемых являются депрессивные и астенические расстройства.

Полученные в ходе исследования данные имеют важное значение для психотерапии лиц соответствующей сексуальной ориентации. Однако вопрос уровня социальной стигматизации и переживания внутренней гомофобии требует дальнейшего уточнения.

Литература

Дейвис Д., Нил Ч. «Розовая психотерапия»: Руководство по работе с сексуальными меньшинствами / Под ред. Д. Дейвиса и Ч. Нила. СПб.: Питер, 2001.

Черныш К. Гомофобия, самоотношение и квир-идентичность // Возможен ли «квир» по-русски? ЛГБТК-исследования: Междисциплинарный сборник / Сост. и ред. В. В. Созаев. СПб: Интан, 2010. С. 134–136.

Kohut A. The global divide on homosexuality: Greater acceptance in more secular and affluent countries // Washington, DC: Pew research center. 2013. URL: <http://www.pewglobal.org/2013/06/04/the-global-divide-on-homosexuality/> (дата обращения: 05.01.2015).

СТРАТЕГИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ИГРОВОЙ ЗАДАЧЕ АЙОВА-ТЕСТ*

А. Ю. Разваляева (Москва)

В данном сообщении обсуждается проблема принятия решений на материале прогностической задачи. Принятие решений рассматривается как выбор из альтернатив в условиях неопределенности (Д. Канеман, Ю. Козелецкий, Т. В. Корнилова и др.). Согласно концепции множественной и многоуровневой регуляции выбора, принятие решений связано с риском и необходимостью прикладывать усилия по снижению неопределенности путем прогнозирования последствий, что включает опору на целостный интеллектуально-личностный потенциал человека (Корнилова, 2013, 2015). Прогнозирование, как путь снижения неопределенности, является неотъемлемым компонентом в решении прогностических задач.

В качестве прогностической задачи в данном исследовании выступила игровая задача Айова (Iowa Gambling Task), разработанная Антуаном Бешара (Bechara) в 1994 г. Предложенная в качестве нейropsychологического теста, эта методика позволяет выявить больных с нарушениями социального и межличностного принятия решений при сохранном интеллекте (в психофизиологической картине это связано с повреждениями вентролатеральной префронтальной коры). Данные нарушения также связываются с импульсивностью, нечувствительностью к последствиям своих выборов, отсутствием обучения на собственных ошибках и уменьшающейся ориентировкой на моральные нормы при принятии решений. По замыслу Бешара, задача является лабораторной моделью личностного принятия решений в реальной жизни.

В ходе задачи испытуемым предоставляется на выбор четыре одинаковые колоды карт и перед ними ставится цель получить максимальный выигрыш. Количество выборов ограничено. В инструкции подчеркивается, что некоторые колоды являются более прибыльными,

---

* Благодарим С. А. Корнилова за помощь в построении индексов для анализа индивидуальных данных кривых прогнозирования в Айова-тесте.

чем другие. Каждый выбор карты дает определенный выигрыш, некоторые выборы также дают определенный проигрыш. Колоды А и В являются «плохими», т. е. рискованными: они дают больший выигрыш, по сравнению с «безопасными» колодами С и D, но проигрыш в них намного превышает выигрыш.

В качестве факторов принятия решения рассматривались эмоциональный интеллект, толерантность к неопределенности и психологическая разумность (показатель доступности внутреннего мира и интереса к нему). Два первых показателя широко используются в исследованиях принятия решений. Психологическая разумность теоретически и эмпирически связывается с эмоциональным интеллектом и толерантностью к неопределенности.

Гипотеза исследования: принятие решений в игровой задаче опосредствуется процессами и когнитивной, и личностной регуляции. В качестве единицы анализа принятия решений можно рассматривать стратегию как проявляющую склонность испытуемого к безопасным или рискованным решениям.

Методика. В исследовании принял участие 81 чел.: студенты дневного и специального отделения факультета психологии МГУ, магистранты, преподаватели. Девушек ($N=46$) было несколько больше, чем юношей ($N=35$). Возраст испытуемых – от 17 до 46 лет ($M=26,23$; $SD=7,51$). Игровая задача проводилась с испытуемыми индивидуально, опросники заполнялись индивидуально или в группах.

Использовались следующие опросники: «Эмоциональный интеллект» Д. В. Люсина, опросник С. Баднера в модификации Т. В. Корниловой и М. А. Чумаковой и «Шкалы психологической разумности» в адаптации Т. В. Корниловой и М. А. Новиковой.

Результаты. При обработке данных выборов испытуемых в игровой задаче высчитывались коэффициенты предпочтения испытуемыми «безопасных» колод для каждых 20 проб путем вычитания количества выборов рискованных колод из количества выборов безопасных колод. Положительные значения характеризуют предпочтение безопасных колод на данном этапе задания.

По полученным коэффициентам предпочтения испытуемым безопасных колод на каждом условно выделенном этапе решения были вычислены коэффициенты склонности испытуемого к безопасной или рискованной стратегии принятия решений по мере выполнения задания. Для определения показателей предпочтения безопасных колод каждого испытуемого строилась аппроксимирующая прямая, в которой интересующей нас переменной был коэффициент k (угловой наклон данной прямой).

Показатель склонности к безопасной стратегии не был связан с толерантностью и интолерантностью к неопределенности и эмоциональным интеллектом (ЭИ). Значимые положительные связи были выявлены

со шкалами «психологической разумности»: безопасную прибыльную стратегию выбирали испытуемые, более заинтересованные во внутреннем мире (0,57, $p < 0,001$) и более открытые изменениям, даже сопряженным с риском (0,46, $p < 0,05$).

По результатам сравнения групп по критерию Манна–Уитни, были получены следующие значимые различия. Интолерантность к неопределенности выше в группе предпочитающих рискованную стратегию, по сравнению с теми, кто выбирал хаотическую стратегию ($p < 0,05$). Предпочитающие прибыльную стратегию участники более открыты изменениям, по сравнению с теми, кто выбирает рискованную, и обладают более высоким внутриличностным ЭИ, по сравнению с теми, кто выбирает хаотическую стратегию ($p < 0,05$).

Анализ результатов. Стратегию принятия решений в игровой задаче можно рассматривать как показатель образа задачи, складывающегося у испытуемого, его когнитивного (в рамках построения гипотез и прогнозов) и личностного (эмоционального, опосредствованного ситуацией взаимодействия с исследователем) отношения к данной неопределенной ситуации. В данном контексте реализация испытуемым рискованной или хаотической стратегии необязательно рассматриваются как нарушение ориентировки на собственные эмоциональные состояния, согласно гипотезе соматических маркеров А. Дамасио (Damasio). За выбором рискованных колод может стоять и исследовательская активность, проявляющаяся в стремлении испытуемого понять закономерности, лежащие в основе задачи, и желание максимизировать выигрыш на последних пробах. Постоянная смена колод, характеризующая хаотическую стратегию, может быть индикатором постоянных усилий испытуемого по преодолению неопределенности, выдвижения и проверки им гипотез о закономерностях выигрышей и проигрышей в зависимости от последовательности открытия колод.

Следует также отметить разное значение каждого этапа решения игровой задачи. Так, согласно исследованию К. Вебба и др., испытуемые находят выгодные колоды только к третьей двадцатке проб, после чего продолжают придерживаться безопасной стратегии (Webb et al., 2014). Мы предполагаем, что третья двадцатка проб может выступать переломным моментом в решении задания: к этому моменту испытуемые понимают, что ожидать от каждой колоды, и способны определить дальнейшую стратегию выбора. На последней двадцатке проб происходит небольшое увеличение предпочтения рискованных колод, что может быть связано с указанной выше стратегией максимизации выигрыша, с принятием испытуемым ответственности за риск.

Отметим также, что в данном исследовании испытуемых, придерживавшихся прибыльной стратегии, было больше, чем рискующих. Некоторые испытуемые достаточно резко переходили к безопасной стратегии после рискованных проб, но не наоборот (максимальное

значение углового наклона аппроксимирующей прямой больше модуля минимального).

Компоненты «психологической разумности» (заинтересованность во внутреннем мире и открытость изменениям) и внутриличностный ЭИ, связанные с безопасной стратегией, можно интерпретировать как установку испытуемого на собственные переживания, его принятие цели задачи и следование ей. Можно предположить повышенную чувствительность данных испытуемых к крупному проигрышу в рискованных колодах.

Интолерантность к неопределенности может опосредствовать предпочтение рискованной стратегии, по сравнению с хаотической из-за стремления данных испытуемых к порядку и их нежеланием продолжать тестировать новые гипотезы на поздних этапах решения.

Итак, лица с определенными когнитивно-личностными характеристиками демонстрируют особые стратегии решения, особенно на среднем и конечном этапе тестирования, когда большую роль играет исследовательская установка испытуемого и его отношение к задаче.

Выводы. В результате исследования выделены три стратегии выборов в игровой задаче: прибыльная («безопасная»), рискованная и хаотическая. Их предпочтение связано с когнитивно-эмоциональными факторами и прогнозами, основывающимися на разных ориентирах в понимании неопределенной ситуации.

Литература

- Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. Т. 34. №3. С. 89–100.
- Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. №40. С. 3.
- Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2003.
- Webb C., DelDonno S., Killgore W. The role of cognitive versus emotional intelligence // Iowa Gambling Task performance: What's emotion got to do with it? Intelligence. 2014. V. 44. P. 112–119.

ТИПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ТАБАКОКУРЕНИЮ НА ПРИМЕРЕ НЕКУРЯЩИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛОДЕЖИ (РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)*

С. А. Решетко (Москва)

В последнее время проблема табакокурения становится все более актуальной. Изначально рассматриваемая в медицинском контексте, сейчас эта проблема носит междисциплинарный характер, а ее изучение характеризуется свойствами, которые типичны для междисциплинарного исследования в психологии (Журавлев, 2002). Однако в большинстве исследований, посвященных этой проблеме, внимание уделяется причинам курения и личности курящего человека. Представляется интересным рассмотреть группы некурящих молодых людей и их отношение к табакокурению с целью понять возможные причины отказа от табака, а также составить психологический портрет некурящего человека (Позняков, Хромова, 2010).

Важным представляется изучение психологического отношения к табакокурению. В структуре психологических отношений выделяют такие компоненты, как познавательный (знание об объекте), эмоциональный (эмоциональная оценка объекта), ценностный (соотнесение объекта оценивания с субъективной системой ценностей) и поведенческий (готовность к поведению) (Журавлев, Позняков, 2012; Позняков, 2012).

Теоретико-методологические основания исследования: положения системного и субъектного подходов (Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, С. Рубинштейн, К. А. Абульханова, В. Г. Асеев, А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев и др.), положения теории психологических отношений (А. Ф. Лазурский, Б. Ф. Ломов, В. Н. Мясищев, В. П. Позняков, И. Р. Сушков и др.).

Цель исследования: выявить и описать типы психологического отношения некурящих представителей молодежи к табакокурению.

Объект исследования: студенческая молодежь в возрасте от 18 до 22 лет (г. Москва и Московская область).

Предмет исследования: типы психологического отношения некурящих представителей молодежи к табакокурению.

Основная гипотеза: существуют различные типы психологического отношения некурящих представителей молодежи к табакокурению, обусловленные различной выраженностью компонентов отношения.

В исследовании запланировано несколько этапов: предварительный этап (теоретический анализ социально-психологических исследований проблемы табакокурения и понятия «отношение»), пилотажное исследование (корректировка вопросов авторской анкеты, выделение

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-06-10231).

оптимальной совокупности методик, получение предварительных результатов исследования) и основное исследование с последующим анализом и интерпретацией результатов.

Пилотажное исследование было проведено на базе факультета педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета в декабре 2014 г. В нем приняли участие 40 студентов очного отделения. Для сбора эмпирических данных были использованы следующие методики:

1. Авторская анкета «Исследование психологического отношения к табакокурению»;
2. Методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (Е. Б. Фанталова);
3. Цветовой тест отношений применительно к табакокурению;
4. Семантический дифференциал;
5. 16-факторный личностный опросник Кеттелла, позволяющий рассмотреть личностные характеристики некурящего человека.

Статистическая обработка результатов проводилась в программах MS Excel и Statistica 10. Кластерный анализ был применен для выделения типов психологического отношения к табакокурению. В итоге проведенного кластерного анализа были получены четыре группы. Статистически значимых различий в когнитивном и поведенческом компонентах психологического отношения к табакокурению между представителями данных групп получено не было, однако данные группы различны по эмоциональному и ценностному компонентам.

Первая группа характеризует табакокурение как «темное», «противное», «унулое» и «ненавистное». У респондентов данной группы наблюдается внутренний «вакуум» относительно таких ценностей, как интересная работа и любовь (ощущение ненужности, когда объект доступен, но не является ценным для человека).

Вторая группа для описания своего отношения к табакокурению использует такие прилагательные, как «противный», «ненавистный», «гнилой» и «глупый». У респондентов данной группы отмечается внутренний «вакуум» для таких ценностей, как активная жизнь и красота природы. Также у данной группы выявлен внутренний конфликт (ситуация, когда значимые ценности малодоступны) относительно таких ценностей, как свобода, независимость и счастливая семейная жизнь.

Третья группа респондентов при оценивании понятия табакокурение использует нейтральные прилагательные, без негативной или позитивной окраски. У респондентов данной группы наблюдается внутренний конфликт относительно таких ценностей, как «любовь», «наличие хороших и верных друзей» и «счастливая семейная жизнь». Внутренний «вакуум» обнаружен относительно ценностей «активная жизнь», «уверенность в себе» и «свобода как независимость».

Четвертая группа респондентов применительно к табакокурению использует такие прилагательные, как «тяжелый», «темный», «противный», «напряженный», «чужой», «злой». У данной группы внутренний «вакуум» имеет место относительно таких ценностей, как «интересная работа», «активная жизнь», «уверенность в себе» и «свобода как независимость». Внутренний конфликт проявляется относительно ценностей «здоровье», «любовь» и «счастливая семейная жизнь».

Полученные в пилотажном исследовании результаты дали основания для корректировки задач исследования, для выбора наиболее оптимальной совокупности методик и для внесения изменений в вопросы авторской анкеты «Исследование психологического отношения к табакокурению».

Литература

- Журавлев А. Л. Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П. Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 480.
- Позняков В. П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 5–15.
- Позняков В. П., Хромова В. Л. Социально-психологическое исследование отношения к табакокурению. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 190.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСПЕШНОГО ОПЫТА ОБУЧЕНИЯ РЕБЕНКА-АУТИСТА ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

А. А. Родионова, Е. Ю. Бекасова (Москва)

Аутизм – это нарушение психического развития, когда в первую очередь страдает способность к социальному взаимодействию и общению. Уровень интеллектуального развития при аутизме может быть самым различным: от исключительной одаренности в какой-то области знаний или искусства до глубокой умственной отсталости.

Данные 2000 г. показывали, что распространение аутизма составляет от 5 до 26 случаев на 10000 детского населения. А в 2005 г. один ребенок аутист приходился на 250–300 новорожденных. Это чаще, чем вместе взятые изолированные глухота и слепота, синдром Дауна, сахарный диабет или онкология в детском возрасте. В 2008 г., по данным Всемирной организации аутизма, один случай аутизма приходился на 150 детей. В связи с чем Организация Объединенных Наций (ООН),

осознавая глубину и тяжесть проблемы, провозгласила 2 апреля «Всемирным Днем распространения информации об аутизме». В 2012 г., по данным американского Центра по контролю заболеваемости, один случай аутизма приходится на каждые 88 детей. Таким образом, можно говорить о том, что всего за десять лет количество детей с синдромом аутизма увеличилось в десять раз. Вероятно, эта тенденция может сохраниться и в будущем.

В настоящее время аутистические расстройства обозначаются аббревиатурой РАС (расстройства аутистического спектра). Среди аутистических расстройств есть строго аутизм (Каннера, Аспергера, Ретта, атипичный), а также аутистическое поведение.

Цель данного исследования включала в себя изучение возможности эффективного обучения аутичных детей. Были поставлены задачи – выявить способы успешного педагогического взаимодействия с аутичным ребенком и, проанализировав полученный опыт, определить основные направления и методические подходы к обучению детей с синдромом аутизма.

Предметом исследования явился опыт автора статьи А. А. Родионовой обучения немецкому языку русскоязычного мальчика 10 лет с синдромом аутизма. Диагноз аутизм был поставлен ему в возрасте 4-х лет. До семи лет ребенок почти не разговаривал, словарный запас его был не более 15 слов, фразовая речь почти отсутствовала, была стереотипной, запрограммированной и ограничивалась элементарными предложениями типа «мама дай», «дай пить», «иди туда». После 7 лет произошел резкий скачок, в том числе и благодаря активному вмешательству таких специалистов, как дефектолог, психолог и логопед, и на момент начала занятий немецким языком ребенок достаточно хорошо изъяснялся на русском языке, хотя некоторая дислексия все же присутствовала. И родители, и специалисты, работающие с ребенком, пришли к выводу, что дополнительные посильные занятия иностранным языком могут помочь ребенку стимулировать речь, способность к коммуникации, а также поднять его самооценку и уверенность в себе.

На момент начала занятий ребенок знал три слова на немецком языке: Mutter (мама) и Guten Tag (здравствуйте) и умел читать по-немецки с небольшими ошибками при прочтении буквосочетаний sch, ch, st, sp, pf, au, ei и некоторых букв. По прошествии полутора лет занятий Саша отлично читает по-немецки, в его словарном запасе более 30 слов (это для него – огромный прогресс). Он также может составить элементарное предложение на немецком языке: *я иду гулять, я хочу кушать, ты пишешь* и т. д.

Анализ проведенной работы позволил сформулировать выводы, позволяющие определить основные сложности при обучении аутичного ребенка иностранному языку и пути их решения.

1. Быстрая утомляемость

Заниматься с ребенком 45 мин без перерыва оказалось совершенно невозможным. Внимание удерживалось не более чем на 10 мин, потом ребенок «потухал» и уходил в себя.

Путь решения проблемы. Единственно возможный способ избегания быстрой утомляемости – выработка методик, действительно интересующих ребенка и дающих ему возможность не только писать или читать, постоянно находясь в одном положении, но и двигаться, заниматься поисковой деятельностью, подключать воображение, которое у Саши на тот момент было слабо развито. Ребенку тяжело давались ролевые игры, вполне характерные для детей его возраста. Более того, зачастую предложение «Давай представим, что стол – это волшебный замок» воспринималось с большим негативизмом. Вероятно, это связано с тем, что такие игры нарушают привычный порядок вещей, важный для аутичного ребенка. Схемы действий, распорядок дня, представления о вещах и предметах для него должны были быть четко закреплены и не должны были подвергаться каким-либо изменениям. Из этого следовало, что наиболее подходящим и комфортным для него типом деятельности была деятельность предметная, не задействующая воображение, фантазию.

Поэтому важной задачей стала не только необходимость научить ребенка читать, но и необходимость вывести его мышление на новый уровень, позволяющий иначе взглянуть на окружающую его действительность. Для обучения чтению была создана «карта букв» – рисунок, похожий на обычную топографическую карту, где вместо населенных пунктов были изображены «домики», в которых жили буквы. По мотивам этой карты вместе с ребенком создавались истории о том, как эти буквы живут, какие поют песни (например, буква А поет «а-а-а-а», а букве Б это не нравится, поэтому она «бубнит», и так далее). Самое интересное для ребенка началось тогда, когда буквы стали ходить друг к другу в гости. Когда они по сюжету садились рядом на диван, получались слоги, слова, предложения. Ребенком этот процесс воспринимался как настоящее волшебство, и проблемы с чтением быстро удалось решить. Занятие превратилось для ребенка не в скучное монотонное зазубривание материала, а в познание чужого для него языка, в возможность проявить свое воображение, которое с помощью занятий начало активно развиваться.

2. Особенности памяти

Сесть и выучить 5–10 слов – это не про ребенка с аутичным поведением.

Путь решения проблемы. Для запоминания слов использовалась известная китайская методика – коробочка с карточками. Из бумаги или картона вырезаются карточки, на которых с одной стороны пишется слово на иностранном языке, а с другой – на родном. В дополнение

можно приклеить на карточку картинку с изображением предмета, которое обозначает слово. Из урока в урок повторялись одни и те же слова до тех пор, пока ребенок не мог назвать слово, не глядя на карточку.

Ребенку сложнее запомнить слово, обозначающее понятие или действие, чем предмет. Для запоминания глаголов приходилось снова прибегать к физическим нагрузкам. Так глагол *springen* (прыгать) ребенок запомнил только после того, как ему предложили встать из-за стола и попрыгать, одновременно повторяя это слово.

Изучение лексики иностранного языка должно быть связано с непосредственной наглядностью того, о чем говорится. Скажем, если учитель с ребенком выучивает слово «*Liebe*» (любовь), стоит поговорить о том, как заботится о нем мама, о том, как ребенок скучает, когда мама уезжает. Тогда абстрактное понятие любви станет для ребенка более материальным.

3. Спряжение глаголов

Спряжение глаголов тяжело дается многим детям даже в обычных школах. Однако в нашем случае проблема была преодолена довольно быстро с помощью игры: местоимения и слова – это короли, у которых есть свои подчиненные – окончания глаголов. Продумывать детали истории нужно долго и тщательно, особое внимание уделяя тому, что «короли» и «подчиненные» дружат только между собой и не меняются местами. Когда ребенок запомнил этот принцип, в отношении между «королем-местоимением» и «подчиненным-окончанием» можно добавлять смысловой глагол, который «выполняет приказы короля-местоимения вместе с окончанием». Возможно, эта схема выглядит несколько сложной и мудреной для восприятия, однако в работе с детьми, которые мыслят образами, она действует безотказно.

4. Негативизм

Любому педагогу хотя бы раз в своей педагогической практике приходилось сталкиваться с негативным отношением ребенка... не к учителю лично, не к предмету, а к необходимости заниматься, к невозможности по той или иной причине выбирать, чем заниматься в данную минуту. Это свойственно абсолютно всем детям.

Занимаясь с аутичным ребенком, учителю нужно быть готовым к тому, что ситуация негативизма, отторжения будет барьером вставать на пути вдвое чаще, чем на занятиях с ребенком здоровым. Такое поведение связано и с быстрой утомляемостью, и с трудностями в учебе. Все мы, и взрослые, и дети, делаем то, что нам нравится, а главное – то, что у нас получается делать.

Для аутичного ребенка очень важно создать хотя бы иллюзию того, что у него все получается. Неудачи воспринимаются им крайне болезненно, и это сразу не только останавливает процесс, но и отбрасывает ребенка далеко назад.

В заключение, хочется сказать, что знакомство с особенностями восприятия и познания мира аутичными детьми может дать педагогу бесценную информацию к размышлению.

Литература

- Аппе Ф.* Введение в психологическую теорию аутизма. М.: Теревинф, 2012.
- Блейлер Е.* Аутистическое мышление // Хрестоматия по общей психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 112–125.
- Мамайчук И. И.* Помощь психолога детям с аутизмом. М.: Речь, 2007.
- Никольская О. С.* Аутичный ребенок. Пути помощи. М.: Теревинф, 2005.
- Сансон П.* Психопедагогика и аутизм. Опыт работы с детьми и взрослыми. М.: Теревинф, 2008.

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ СТАРШЕКЛАССНИКОВ*

В. В. Рябухина (Таганрог)

Современное общество предъявляет особые требования к выпускникам школы. На сегодняшний день успешными как в профессиональном, так и в личностном плане называют людей, умеющих самостоятельно ставить перед собой цели, самостоятельно принимать решения и оценивать их результаты.

В возрасте ранней юности происходит определение личностью своей жизненной позиции и на ее основе – жизненной стратегии. Старшеклассник, находясь на своеобразном распутье, может выбрать для себя либо принятие ответственности за свою жизнь и самостоятельность жизненных выборов, либо пассивное следование жизненным обстоятельствам и отказ от управления течением своей жизни. Важным условием адекватного выбора является высокий уровень жизнеспособности как способности человека к самостоятельному существованию, развитию и выживанию, способности человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами, в контексте социальных культурных норм и средовых условий (Лактионова, Махнач, 2010). По мнению А. И. Лактионовой, жизнеспособность включает в себя способность рационально планировать и эффективно, успешно совершать действия в определенных условиях (Лактионова, 2010). Однако, наряду со стремлением к взрослости и самостоятельности, в юности приобретает актуальность проблема разного

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-36-01006.

рода зависимостей, в том числе и в сфере межличностных отношений, что проявляется в безволии, отсутствии планов на будущее, неопределенности в сфере личностного и профессионального самоопределения у многих современных старшеклассников (Истратова и др., 2013).

Профессиональное самоопределение связано с сильными, эмоциональными переживаниями развивающегося человека, так как в жизни большинства людей это первый нормативный выбор, т. е. обязательный, вынужденный выбор, от которого нельзя уйти (хотя можно отложить). Этот момент жизни является переломным для социальной позиции. Изменения в экономической, политической и социально-культурной сферах привели к появлению в стране новых для отечественной культуры профессий, что привело к ломке стереотипов и привычных форм профессионализации (Ажнина, 2005). Профессиональный выбор сегодня требует от молодого человека хорошей ориентированности в мире профессий, рынке труда, зрелой личностной позиции.

Проблема в том, что необходимо, завершая определенный этап своей жизни, определить дальнейший путь, причем ответственность ложится на собственные плечи. Более или менее сознательный первичный профессиональный выбор осуществляется в подростковом и юношеском возрасте, для которых характерен недостаток жизненного опыта, знаний об окружающем человеке мире и самом себе. Проблема обостряется кризисными явлениями, наблюдающимися в современной семье, где, наряду со снижением родительской включенности и ответственности, с одной стороны, наблюдается сверхопека, приводящая к инфантильности современных молодых людей, с другой (Истратова, 2013).

Таким образом, особую актуальность приобретает проблема оказания психологической поддержки старшеклассникам с низким уровнем самостоятельности в их профессиональном выборе.

Исходя из актуальности темы, целью работы стало развитие готовности к профессиональному самоопределению старшеклассников в условиях тренинга самостоятельности.

В исследовании принимали участие 150 учащихся 10–11 классов.

В ходе исследования были применены следующие методики: «Экспертная оценка самостоятельности учащихся» (А. К. Осницкого), «Стиль саморегуляции поведения», «Оценка учащихся своей самостоятельности» (А. К. Осницкого), «Мотивы выбора профессии», «Профессиональная готовность» (А. П. Чернявской), опросник профессиональной готовности (Л. Н. Кабардовой). Для статистического анализа были применены критерии: φ^* – угловое преобразование Фишера, критерий U Манна–Уитни, T-критерий Вилкоксона.

Результаты изучения уровня самостоятельности и готовности к профессиональному самоопределению старшеклассников показали следующее. Половина старшеклассников характеризуются высоким уровнем самостоятельности и готовности к профессиональному самоопределению.

нию, что выражается в способности самостоятельно планировать деятельность и поведение, гибко и адекватно реагировать на изменение условий, соответствием склонностей выбранной профессии, внутренней мотивацией выбора. Остальных старшеклассников можно охарактеризовать как несамостоятельных и неготовых к профессиональному самоопределению. Такие старшеклассники зависимы от мнений и оценок окружающих, конформны, выбирают профессию под влиянием внешних стимулов, не осознают свои склонности и не соотносят их с выбранной профессией.

Противоречие между задачами возраста, которые стоят перед старшеклассниками, и реально достигнутым уровнем готовности к профессиональному самоопределению и самостоятельности старшеклассников, привело к необходимости проведения коррекционно-развивающей работы с несамостоятельными старшеклассниками.

Программа предназначена для социально-психологической работы со старшеклассниками с использованием групповой формы занятий. В работе со старшеклассниками наиболее значимой становится работа в лично-ориентированном направлении: через осознание собственных возможностей – к осознанию личных перспектив. Самостоятельность является особым условием развития готовности к профессиональному самоопределению.

Программа направлена на решение следующих задач:

- 1) способствовать развитию у старшеклассников знаний о себе, о мире профессий, о своих возможностях и перспективах;
- 2) способствовать установлению открытости в общении, адекватного взаимодействия с позиций сотрудничества.

Программа включает в себя реализацию трех этапов. Движение от этапа к этапу будет отражать развитие тех или иных качеств участников группы.

На первом этапе – ориентировочном – происходит эмоциональное объединение участников группы, снятие напряжения, сплочение группы, развитие образа-Я участников группы путем самоанализа и получения обратной связи и, соответственно, познание самого себя.

Второй этап – конструктивно-формирующий – ставит следующие задачи: развить сотрудничество, способность самостоятельно планировать деятельность и поведение; способствовать развитию гибкости и адекватности реагирования на изменение условий; расширить представления учащихся о мире профессий. Данный этап позволяет участникам группы осознать, какими ресурсами они обладают, где находятся.

На третьем этапе, закрепляющем, происходит осознание своих перспектив. Задачи данного этапа: развить самостоятельность в выдвижении и достижении цели, способствовать выполнению поставленных задач без посторонней помощи и контроля; способствовать соотносению

собственных личностных качеств участников группы с различными профессиями в целях профессионального самоопределения.

В ходе реализации программы большинство старшеклассников научились самостоятельно планировать и организовывать свою деятельность, ставить цели и достигать их, контролировать результаты своей деятельности, в результате чего увеличилось количество старшеклассников с высоким уровнем самостоятельности. Они расширили свои представления относительно мира профессий и повысили знания в области источников информации об интересующей профессиональной деятельности. Старшеклассникам удалось приобрести навыки самостоятельного планирования деятельности и поведения, принятия решения относительно профессионального выбора, что проявляется в увеличении количества старшеклассников с высоким уровнем автономности выбора профессии. Обратная связь от участников показала, что выбор профессии стал восприниматься ими не как проблема, а как важная жизненная задача, которую старшеклассник способен решать сам.

Полученные в эмпирическом исследовании результаты подтверждают предположение о том, что психокоррекционная работа, основанная на задачах возраста, способствует положительным изменениям в уровне самостоятельности и готовности к профессиональному самоопределению старшеклассников.

Литература

- Ажнина О. С.* Психологическая поддержка профессионального самоопределения детей-сирот // Воспитание школьников: теоретический и научно-методический журнал. 2005. № 7. С. 41–47.
- Истратова О. Н.* Семейное неблагополучие как социально-психологическая проблема // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 10 С. 242–249.
- Истратова О. Н., Кошель А. И., Рябухина В. В.* Самостоятельность современных старшеклассников в учебной деятельности, отношениях с родителями и сверстниками // Известия ЮФУ. Педагогические науки. 2013. № 7. С. 68–76.
- Лактионова А. И.* «Жизнеспособность» в структуре психологических понятий // Вестник МГОУ. 2010. № 3. С. 11–15.
- Лактионова А. И., Махнач А. В.* Жизнеспособность как фактор адекватного профессионального самоопределения и социализации // Социальная психология труда: теория и практика / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 457–474.

ВЛИЯНИЕ ДЕТЕКЦИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА ПРОЦЕСС ИНСАЙТНОГО РЕШЕНИЯ*

А. Д. Савинова, С. Ю. Коровкин (Ярославль)

При изучении инсайта возникает множество трудностей, начиная с необходимости дать полное и точное определение данного процесса и заканчивая пониманием механизмов, лежащих в его основе. Необходимость исследования механизмов инсайтного решения во многом связана с тем, что их раскрытие приведет к более полному пониманию функционирования творчества и мышления. Общей целью нашей работы является нахождение и описание специфических механизмов инсайтного решения, отличающих инсайт от репродуктивных мыслительных процессов. В наших предыдущих работах удалось выяснить, что инсайтное решение имеет специфические отличия в динамике выполнения, в отличие от неинсайтных задач. Инсайт в большей степени связан с блоками рабочей памяти, а не с исполнительскими функциями (Чистопольская, 2013). Кроме того, инсайтное решение сопряжено с низкоуровневыми, перцептивными процессами, а на этапе репрезентации важны синтетические операции, видение поля задачи в целом (Коровкин, Савинова, 2015).

Целью данного исследования является выяснение влияния активности передней цингулярной коры (ПЦК) на динамику решения инсайтных задач. Такая цель была выдвинута нами в связи с тем, что было выяснено, что при возникновении инсайта происходит активность в зоне ПЦК (Subramaniam et al., 2009). Мы предполагаем, что введение условия активности ПЦК на всем протяжении решения задач изменит динамические характеристики инсайтного решения, благодаря чему появится возможность качественного описания особенностей инсайта.

Выдвигаемые гипотезы исследования:

1. Существуют различия в динамике загруженности рабочей памяти при решении инсайтных и алгоритмизированных задач.
2. Динамика инсайтного решения связана с процессами детекции противоречий.

Методика. В связи с тем что процесс решения мыслительной задачи быстротечен и свернут, мы используем методику мониторинга динамики рабочей памяти с помощью заданий-зондов. Данная методика представляет собой решение мыслительной задачи и одновременное выполнение второстепенного задания (задание-зонд) выбора одной из двух возможных альтернатив. Ответ осуществляется на предъявленный на мониторе компьютера стимул, форма ответа – нажатие определенной клавиши на клавиатуре компьютера.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-07899) и гранта Президента (МК-3877.2015.6).

Задание-зонд необходимо, так как, согласно теории Д. Канемана (Канеман, 2006), существует единый когнитивный ресурс, который расходуется на выполнение различных задач в зависимости от их субъективной важности. Значит, когда испытуемый осуществляет решение задачи и выполняет дополнительное задание, то эффективность решения второго зависит от того, какая часть когнитивного ресурса требуется для решения мыслительной задачи. Соответственно, по времени реакции на стимулы второстепенного задания мы можем оценить степень загрузки ресурса основной задачей, а также проследить динамику выполнения.

Процедура. Испытуемым предлагалось решить мыслительную задачу, а также выполнить задание-зонд. В качестве задания-зонда были выбраны фланговые задачи Эриксона. Зондовая задача имеет 2 условия – неконфликтное и конфликтное. В неконфликтном условии испытуемому давалось 5 однонаправленных стрелок, необходимо было делать выбор между стрелками, направленными влево, и стрелками, направленными в правую сторону, нажимая соответствующие направлению стрелок клавиши. В конфликтном условии выполнялось то же задание, но центральная стрелка была развернута в противоположную от периферийных стрелок сторону. Испытуемому необходимо было определять направление центральной стрелки. Данное условие активирует ПЦК.

Задачи делились на 2 типа – инсайтные (не имеющие очевидного функционального решения, например: «Как от 29 отнять единицу и получить 30?») и неинсайтные (основанные на применении ранее известных правил и алгоритмов, например: « $(48 : 3) * 5 - 12 + 37 = ?$ »).

Выборка. Участие в эксперименте приняли 32 чел., каждый из которых решал 16 задач. Из выборки были исключены нерешенные задачи; задачи с временем ответа на задание-зонд более 20 с; а также задачи, решенные менее чем за 50 с. В итоге, выборку составили 317 экспериментальных ситуаций.

Результаты. Данные, полученные по времени реакции (далее ВР) на зондовое задание, были поделены нами на 10 равных по времени отрезков. Такое деление было необходимо по 2 причинам: 1) суммарное время решения задач отличается друг от друга, а разбиение времени на отрезки или этапы позволяет усреднять внутри них данные, сравнивая испытуемых между собой; 2) по 10 этапам можно построить кривую динамики выполнения задания.

Согласно полученным результатам, на решение инсайтных задач оказывает влияние тип зондового задания ($F=2,28931$; $p=0,02$), влияние же зонда на решение неинсайтных задач не обнаружено ($F=1,64961$; $p=0,1$). Динамика выполнения неинсайтной задачи представляет собой постепенный рост загрузки ресурса выполнением решения мыслительной задачи. Вероятно, от этапа к этапу растет количество промежуточных подсчетов, удерживаемых результатов вычислений, а также

планирование будущих математических действий. Нами также было обнаружено, что нет статистически значимых отличий в динамике решения инсайтных и неинсайтных задач на протяжении первых трех этапов. Данный факт интерпретируется нами как выполнение сходных операций решения – чтение и понимание условий задачи, понимание вопроса, построение первичной репрезентации и попытки решения обоих типов задач репродуктивным способом. После 3 этапа начинается расхождение во ВР на зонд, динамика инсайтных и неинсайтных задач становится различной.

Применение конфликтного зонда, активирующего ПЦК, оказало влияние на характер динамики решения инсайтных задач. Данного эффекта не было отмечено в решении неинсайтных задач и в решении инсайтных задач с неконфликтным заданием. Динамика инсайтных задач при выполнении разных зондовых заданий имеет статистически значимые различия. Таким образом, инсайтное решение связано с процессами детекции противоречий.

Исходя из имеющихся данных по решению инсайтной задачи с конфликтным зондом, мы делаем вывод о том, что пятый из десяти этапов является периодом «тупика» в решении. Его ВР значительно меньше ($ВР=1,1 с$), чем ВР на 1 ($T=1086; p=0,02$), 2 ($T=880; p=0,001$), 3 ($T=982; p=0,005$), 7 ($T=1147; p=0,05$) и 10 ($T=829; p=0,00$) этапах.

Интерпретация результатов. Как уже было описано выше, динамика решения инсайтных задач имеет статистически значимые отличия от решения неинсайтных задач, что говорит в пользу специфичности данного процесса и наличия у него особых механизмов.

На основе данных, полученных по динамике выполнения инсайтной задачи с конфликтным зондовым заданием, мы выделили 3 основных периода в инсайте: начальный (1–4 этапы), инкубационный (4–8 этапы), инсайтный (9–10). Стоит отметить, что в данном эксперименте запись ВР прекращалась, когда испытуемый испытывал сильное эмоциональное возбуждение, оцениваемое как момент инсайта. Подобная процедура была необходима для точного определения инсайтного переживания без вмешательства такого фактора, как вербализация ответа. Начальный период решения не отличается по динамике и степени загрузки от решения алгоритмизированной задачи. Этот период представляет собой чтение и понимание условий, первичную репрезентацию данных, а также выдвижение первичных гипотез, не соответствующих инсайтному решению задачи. Второй период решения, выделяемый нами как инкубационный, не имеет статистически значимой динамики выполнения зонда, кроме падения ВР на пятом этапе. В этом периоде происходит неосознанная работа над задачей, хотя испытуемый субъективно уверен, что решение задачи им отложено. Пятый этап интерпретируется нами как этап «тупика», где испытуемый вынужден для успешного решения задачи отказаться от старого спосо-

ба решения и перейти к иному варианту. Данный этап представляется критическим для решения, но само инсайтное переживание происходит на 10 этапе. Такие данные говорят нам о том, что инсайтное решение носит немгновенный характер и представляет собой субъективно неосознаваемую переработку информации, которая длится большую часть времени.

Литература

Канеман Д. Внимание и усилие. М.: Смысл, 2006.

Коровкин С. Ю., Савинова А. Д. Аналитические и синтетические процессы в инкубации инсайтного решения // Когнитивная наука в Москве: новые исследования / Под ред. Е. В. Печенковой, М. В. Фаликман. М.: ООО «Буки Веди»–ИППиП, 2015. С. 197–203.

Чистопольская А. В. Загруженность подсистем рабочей памяти как динамический показатель специфики инсайтного решения // Психология – наука будущего: Материалы V международной конференции молодых ученых / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. А. Харламенкова, К. В. Зуев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 680–682.

Subramaniam K., Kounios J., Parrish T. B., Jung-Beeman M. A Brain mechanism for facilitation of insight by positive affect // Journal of Cognitive Neuroscience. 2009. V.21 (3). P. 415–432.

ИССЛЕДОВАНИЕ СПОСОБНОСТИ СЕРЫХ ВОРОН К ОБОБЩЕНИЮ, ФОРМИРОВАНИЮ ПОНЯТИЙ И СИМВОЛИЗАЦИИ*

М. В. Самулева (Нижний Новгород)

К настоящему времени показано, что высокоорганизованные животные способны выполнять основные операции мышления (обобщение и абстрагирование, сравнение, основанное на оценке сходства и различия; анализ и синтез), оперировать понятиями и использовать знаки-символы для их обозначения (например, Wasserman, 2008). Подобные исследования вносят вклад в изучение биологических предпосылок возникновения языка человека.

Ранее было показано (Зорина, Смирнова, 2008), что серые вороны, птицы с высокоорганизованным мозгом, обладают элементами абстрактного мышления и способны решать целый ряд сложных когнитивных задач. В частности, они способны оперировать понятиями «больше/меньше», «сходство/различие».

Целью нашей работы было определить, способны ли серые вороны без предварительного экспериментального опыта к пониманию сим-

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 13-04-00747.

метричности отношений между «знаком» и «обозначаемым». Данные литературных источников о такой способности у животных неоднозначны (Lionello-DeNolf, 2009).

Для этого серых ворон без предшествующего экспериментально-го опыта обучали задаче выбора по условному соответствию образцу: если образцом было изображение буквы «S», птицу подкрепляли за выбор изображения пары фигур одинакового размера, а если образцом было изображение буквы «V», то за выбор пары фигур разного размера. В качестве стимулов выбора использовали изображения пар геометрических фигур одной формы (были использованы круги, эллипсы, квадраты, прямоугольники, равносторонние и равнобедренные треугольники) одинакового либо разного размера (6 одинаковых изображений и 6 разных по размеру изображений пар фигур). Суммарные площади пар фигур на стимулах разного типа были выровнены.

При обучении двух ворон использовали все 12 стимулов для выбора. С одной из этих птиц обучение было прервано после 1776 проб из-за усиления у нее невротических реакций. Вторая ворона погибла после того, как с ней было сделано 3600 проб. Стабильной положительной динамики не отмечено ни у одной из птиц. Поэтому при обучении двух других птиц задачу упростили и использовали только четыре стимула для выбора (пары кругов и пары эллипсов одинакового или разного размера). За 2000 проб ни одна из птиц не достигла критерия обученности (не менее 80% правильных выборов в 96 пробах подряд, $p < 0,0001$). Поэтому далее задачу еще больше упростили и использовали при обучении этих же ворон только два стимула для выбора: пары кругов одинакового и разного размера. Этому варианту задачи ворон удалось обучить за 2248 и 2328 проб.

После этого провели первый тест на понимание симметричности отношений между знаком и обозначаемым. В тестовых пробах образцы и стимулы для выбора меняли местами. Этот и последующие тесты организовали таким образом, чтобы избежать возможности обучения в тестовых пробах. Для этого тестовые пробы чередовали с привычными фоновыми, в которых, как и при обучении, образцом служило изображение букв S и V). Одна тестовая проба следовала после трех фоновых. Всего было сделано 48 тестовые и 144 фоновые пробы. В тестовых пробах птица получала подкрепление независимо от того, правильный или неправильный выбор она сделала. В фоновых пробах ворона получала подкрепление только в том случае, если совершала правильный выбор. У обеих ворон доля правильных решений в тестовых пробах не отличалась от случайного уровня (54,2%, $p > 0,05$ и 43,8%, $p > 0,05$). В то же время в фоновых пробах они продолжали успешно решать задачу (81,3%, $p < 0,0001$ и 79,9%, $p < 0,0001$). Таким образом, после обучения выбору по условному соответствию образцу с одной парой стимулов отношения между знаком и обозначаемым не стали симметричными.

Затем этих же птиц обучили выбору по условному соответствию образцу с каждой из оставшихся пяти пар стимулов: эллипсами, квадратами, прямоугольниками, равносторонними и равнобедренными треугольниками. С каждой из этих пар стимулов птицы достигали критерия обученности (не менее 80% правильных выборов в 96 пробах подряд, $p < 0,0001$) почти за минимальное число проб (от 96 до 144). В значительной степени это связано с тем, что при обучении с первой парой стимулов вороны усвоили особую роль образца как знака, указывающего на подкрепляемый стимул для выбора. Согласно ранее полученным в лаборатории данным, вороны без предварительного экспериментального опыта обучались другой задаче – выбору по сходству с образцом за сходное число проб (около двух тысяч; Смирнова и др., 1998). Полученные результаты свидетельствуют о том, что на начальных этапах механизмы обучения двум разным задачам – выбору по сходству с образцом и выбору по условному соответствию с образцом, вероятно, совпадают: вначале идет длительный процесс усвоения роли образца, а затем заучивание нескольких правил «если..., то...».

Затем провели второй тест на понимание симметричности отношений. В нем использовали все шесть пар стимулов. Результаты оказались противоречивыми. Одна из ворон с тестом вновь не справилась (правильные решения в 24 пробах из 48 – 50,0%, $p > 0,05$). Однако у второй птицы доля правильных решений в тестовых пробах, в которых образцом были изображения фигур, составила 64,6% (31 из 48), что достоверно отличается от случайного уровня ($p = 0,02$).

Затем, чтобы выяснить, с чем именно птицы связали буквы S и V (с использованными при обучении стимулами или с понятиями «сходство» и «различие»), далее провели тесты на перенос правила выбора на новые стимулы. В первом тесте использовали новые стимулы знаковой категории (24 тестовые пробы с новыми стимулами, отличающимися по размеру фигур), а во втором – новые стимулы новой категории (24 тестовые пробы с новыми стимулами, отличающимися по форме фигур). Птицы успешно справились с обоими тестами (в первом доля правильных решений в тестовых пробах у обеих птиц составила 79,2%, $p < 0,001$; а во втором – 75,0%, $p < 0,01$ и 66,7%, $p = 0,03$), а следовательно, связали буквы S и V с понятиями «сходство» и «различие». Возможно, тот факт, что птицы сформировали понятия «сходство» и «различие», оказал влияние на скорость обучения выбору по условному соответствию образцу с пятью парами стимулов, проведенного после первого теста на симметрию.

После этого провели третий, заключительный тест на понимание симметричности отношений. Обе птицы с ним справились: доли правильных решений в 24 тестовых пробах составили 79,2% ($p < 0,001$) и 66,7% ($p = 0,03$). Таким образом, в третьем тесте обе вороны продемонстрировали понимание симметричности отношений. Это могло быть

следствием того, что во время двух предыдущих аналогичных тестов птицы уже сталкивалась с ситуацией, в которой образец и стимулы для выбора меняли местами. Хотя в тестовых пробах, в которых образцы стимулы для выбора поменяли местами, подкрепляли любой выбор, и намеренного обучения происходить не могло, подобный опыт мог оказать влияние на результат теста. Но на результат теста мог оказать влияние и тот факт, что птицы связали буквы «S» и «V» не только с конкретными использованными при обучении стимулами, а с понятиями.

Согласно данным, описанным в литературе, на успешность решения теста на понимание симметричности отношений оказывает положительное влияние использование в процессе обучения предъявления, которые заранее приучают животное к тому, что месторасположение образца и стимулов для выбора, а также их роль может меняться: не только A@B, но и A@A и B@B (Frank, Wasserman, 2005).

Возможно, для успешного решения теста на симметричность отношений птицы должны были усвоить, что между стимулом в роли образца и этим же стимулом в роли стимула для выбора существуют отношения рефлексивности $A=A$.

Для проверки этой гипотезы нужно провести тест, в котором этим птицам будет предложена задача выбора по сходству с образцом ($A=A$). Если наше предположение верно, то птицы справятся с этой задачей без предварительного обучения.

Литература

- Зорина З. А., Смирнова А. А. Обобщение, умозаключение по аналогии и другие когнитивные способности врановых птиц // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов / Ред. В. Д. Соловьев, Т. В. Черниговская. 2008. С. 148–165.
- Смирнова А. А., Зорина З. А., Лазарева О. Ф. Обучение серых ворон (*Corvus cornix* L.) отвлеченному правилу выбора по соответствию/несоответствию с образцом // Журнал высшей нервной деятельности. 1998. Т. 48. № 5. С. 855–867.
- Frank A. J., Wasserman E. A. Associative symmetry in the pigeon after successive matching-to-sample training // Journal of experimental analysis of behaviour. 2005. № 84. P. 147–165.
- Lionello-DeNolf K. M. The search for symmetry: 25 years in review // Learning Behavior. 2009. V. 37 № 2. P. 188–203.
- Wasserman E. Categories and Concepts in Animals / R. Menzel (Ed.) // Learning Theory and Behavior. 2008 V. 1. Oxford: Elsevier. P. 197–226.

ДЕТЕРМИНАЦИОННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГОВ

Е. И. Сапего (Минск, Республика Беларусь)

Исследования явления деформаций личности в профессиональной сфере представлены в психологической литературе С. П. Безносовым, Э. Ф. Зеером, Н. Б. Москвиной, Е. И. Роговым, О. С. Ноженкиной, О. Б. Поляковой.

По мнению А. К. Марковой (Маркова, 1996), деформации представляют собой регресс профессионального развития специалиста, когда соотношение личностных черт становится неадекватным личностному профилю профессии. К примеру, у учителя уменьшается эмпатия к ученику. Сначала заостряются пограничные психические качества (эмоциональное истощение), а затем появляются негативные признаки деформации – эмоциональное равнодушие, педагогическая индифферентность.

Можно дать определение *профессиональной деформации педагога* – это искажение, заострение, трансформация личностных свойств, проявляющаяся в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфере в процессе профессионального развития под влиянием окружающей образовательной среды, выражающееся в возникновении и закреплении абсолютизации правоты собственных взглядов, снижении гибкости, инертности способов познания, значительно затрудняющих взаимодействие и взаимоотношения в социуме.

В результате анализа литературы не обнаружено исчерпывающей информации о влиянии пола, семейного положения и стажа на степень выраженности элементов деформаций у педагогов: авторитарности, не критичности, ригидности и педагогической индифферентности. Мы предположили, что данные детерминанты могут оказывать влияние на развитие и проявление указанных деформаций.

Поэтому целью исследования явилось определение влияния половых, семейных и стажевых характеристик педагогов на уровень их деформации.

Нами были выделены наиболее *типичные элементы деформаций личности педагогов* (Зеер, Сыманюк, 2005; Орёл, 2007).

1. Авторитарность – единоличное управление педагогическим процессом, подавление инициативы со стороны учеников.
2. Некритичность – неспособность педагога к адекватному оцениванию своих действий, неготовность исправлять ошибки, принимать компромиссные и новаторские решения.
3. Ригидность – предубеждение против нововведений, приверженность устоявшимся технологиям и педагогическим приемам.
4. Педагогическая индифферентность – эмоциональная сухость, низкий уровень эмпатии, безразличие по отношению к ученикам.

В исследовании приняло участие 275 педагогов (средний возраст – $40,5 \pm 11$ лет) из шести средних общеобразовательных (школ и гимназий) учреждений Беларуси, из них 240 женского пола (87% испытуемых) и 35 – мужского (13% испытуемых). Для выявления уровня проявления деформаций были отобраны две методики.

1. Методика диагностики профессиональной деформации личности учителя (Орел, Андреев, 2002), включающая 69 утверждений и три шкалы – «авторитарность», «ригидность», «некритичность», выявляющие степень выраженности соответствующих деформаций.
2. Методика «Диагностика стилей педагогического общения» И. М. Юсупова (Демиденко, Ключева, 2004), включающая 25 вопросов и выбранные шкалы – модель неконтактная «Китайская стена» и модель гипорефлексивная «Тетерев», диагностирующие деформацию «педагогическая индифферентность».

С целью обработки полученных данных применялись статистические методы с использованием компьютерной программы Statistica v.6.0: описательная статистика и однофакторный дисперсионный анализ для несвязных выборок. Предварительно педагоги были дифференцированы по полу, семейному положению (не замужем/холост, состоит в браке, разведен/разведена) и по стажу (1–5 лет, 5–10, 10–15, 15–20 лет, 20–30, свыше 30 лет).

Проведенный дисперсионный анализ показал, что семейное положение и стажевые характеристики педагогов существенно не влияют на уровень выраженности профессиональных деформаций. Показатель по всем элементам деформаций показал незначимый уровень ($p > 0,05$).

Поскольку степень выраженности деформаций может зависеть от погруженности в профессию и наличия у педагога других сфер участия, досуговой деятельности, мы предполагали, что деформации зависят от семейного положения педагога, однако данная гипотеза не подтвердилась: семейное положение значимых взаимосвязей с уровнем деформаций не обнаружило. Это говорит о том, что проявления деформаций могут не зависеть от того, имеет ли педагог семью или нет, живет один либо ведет совместное хозяйство в паре.

Исходя из результатов описательной статистики по стажу педагогов, у 15% педагогов со стажем 10–15 лет выявлен высокий средний показатель (30 баллов) по общему значению деформации методики диагностики профессиональной деформации личности учителя, и превалирование показателя шкалы «некритичность» (9,7 баллов), по сравнению с другими категориями педагогов.

У педагогов со стажем 15–20 лет (19% испытуемых) обнаружен также высокий общий балл деформаций (30), из шкал наибольший уровень среди других категорий педагогов показала шкала «авторитарность» (11,3 баллов).

Педагоги со стажем 30 лет и более (8% испытуемых) характеризуются наиболее высоким значением общего уровня деформаций – 30,7 балла и самым высоким по шкале «ригидность» (10,2 балла).

Исходя из дисперсионного анализа по полу педагогов, выявлены статистически значимые различия: у педагогов мужского пола более выраженными оказались показатели по шкале «ригидность»: $t(273)=-1,98$ при $p=0,048$, $M=10,57$ балла, и педагогической индифферентности по шкале модель неконтактная «Китайская стена»: $t(273)=-2,19$ при $p=0,029$, $M=9,42$ балла.

Описательная статистика показала более высокие показатели по шкале «авторитарность» ($M=11,6$ балла) у педагогов мужского пола, чем у педагогов женского пола ($M=10,64$ балла); общий балл деформаций у мужчин $M=30,51$ балла, а у педагогов женского пола – 29,2 балла; показатель по шкале модель гипорефлексивная «Тетерев» $M=7,83$ балла, а у женщин $M=6,74$ балла. Однако элемент деформаций «некритичность» у педагогов женского пола обнаружен на большем уровне ($M=9,25$ балла), чем у педагогов мужского ($M=8,34$ балла).

Таким образом, среди исследуемых детерминант, согласно нашей гипотезе, обуславливающих формирование профессиональных деформаций, наиболее выраженным на уровне статистической значимости оказалось влияние пола педагога. Так, у педагогов мужского пола отмечается более высокий уровень выраженности профессиональных деформаций по элементам «ригидность» и «педагогическая индифферентность», чем у педагогов женского пола.

По данным описательной статистики, мужчины оказались более критичными, чем женщины, и более негибкими и равнодушными по отношению к ученикам и к педагогическому процессу.

Описательная статистика по стажу педагогов выявила, что чем большим стажем обладают педагоги, тем более выраженные проявления деформаций у них наблюдаются. Так, если у категорий педагогов со стажем до 10 лет деформации показывают средний уровень, то у категорий свыше 10–20 лет – уже высокий показатель. Что интересно, у группы со стажем 20–30 лет заметно снижение среднего уровня деформаций (29,6 балла), в то время как у педагогов со стажем свыше 30 лет опять происходит нарастание уровня, который показывает самый высокий среди всех других категорий педагогов средний балл – 30,7.

По шкалам методики диагностики профессиональной деформации личности учителя у педагогов с меньшим стажем (10–15 лет) выявлен бо льший уровень не критичности, а по мере увеличения стажа 15–20 лет обнаруживается самый высокий уровень авторитарности, а у педагогов со стажем более 30 лет уже превалирует ригидность. Это может объясняться тем, что элементы профессиональных деформаций «авторитарность» и «ригидность» по своему содержанию требуют большего времени для формирования и закрепления, чем некри-

тичность, проявления которой свойственны для педагогов с меньшим стажем.

Поскольку трудность в преодолении профессиональной деформации заключается в том, что она, как правило, не осознается самим педагогом, а ее проявления обнаруживаются окружающими людьми, поэтому представляется важным своевременная диагностика и информирование педагогов о возможных последствиях этого явления, овладение методами по выявлению происходящих личностных изменений, что позволит педагогам более объективно относиться к собственному мышлению и поведению, проявлениям своих психологических особенностей в процессе взаимодействия с учащимися, администрацией, с другими педагогами и окружающими людьми в профессиональной и повседневной жизни.

Литература

- Андреев С. П., Орел В. Е.* Разработка методики диагностики профессиональной деформации учителя // Научный поиск. Вып. 3. Ярославль: ЯрГУ, 2002. С. 165–173.
- Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э.* Психология профессиональных деструкций. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005.
- Маркова А. К.* Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.
- Демиденко М. В., Клюева А. И.* Педагогическая психология: Методы и тесты. Самара: Бахрах-М, 2004. С. 137–139.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО ТРУДНЫХ СИТУАЦИЯХ

Ю. А. Сапрыкина (Москва)

Взаимосвязь эмоций и профессиональной деятельности представляет интерес в связи с возрастанием понимания роли эмоциональной регуляции профессиональной деятельности. В психологической науке вопросы эмоций изучались в русле концепции профессионального стресса. На данный момент хорошо исследованы вопросы источников стресса, стратегий совладания, саморегуляции в экстремальных ситуациях, личностных особенностей специалистов с разной степенью подверженности профессиональному стрессу. Несмотря на значительное количество исследований, небольшое число работ посвящено характеру эмоциональных переживаний в профессиональной деятельности. Вместе с тем доказано, что эмоции в профессиональной деятельности оказывают влияние на процессы мотивации, когнитивные функции, формирование психических состояний, эффективность деятельности в целом (Леонова, 1984; Дикая, 1999; Бодров, 2001).

В рамках когнитивных теорий эмоции понимаются как результат интерпретации определенной ситуации (Lazarus, 1991). Восприятие смысла конкретной ситуации для субъекта деятельности будет выражаться в форме переживания. Для каждой конкретной ситуации будет характерен определенный спектр эмоциональных переживаний в зависимости от индивидуальной интерпретации смысла данных ситуаций. Таким образом, каждая профессионально значимая ситуация характеризуется эмоциональными переживаниями определенного спектра и интенсивности.

В любой профессиональной деятельности можно выделить ряд ситуаций, которые воспринимаются специалистами в качестве субъективно сложных и вызывающих негативные переживания. Такие ситуации получили название «профессионально трудные ситуации» (Водопьянова, 2009). В проведенном исследовании изучались характеристики эмоциональных переживаний у специалистов страховой отрасли (страховых агентов) в профессионально трудных ситуациях.

Цель исследования заключалась в изучении особенностей переживаний у специалистов страховой отрасли в профессионально трудных ситуациях.

Гипотеза заключалась в том, что существуют типичные эмоциональные переживания у страховых агентов в профессионально трудных ситуациях. Данные эмоциональные переживания взаимосвязаны с профессионально-демографическими характеристиками (возрастом, стажем, успешностью деятельности).

В исследовании приняли участие 100 страховых агентов г. Волгограда и г. Липецка в возрасте от 21 до 60 лет, имеющих стаж работы в страховании от 3 мес. до 32 лет.

Для анализа результатов применялся метод частотного анализа результатов, анализ средних значений, кластерный анализ (метод K-means), дискриминантный анализ, критерий U Манна–Уитни для межгруппового сравнения.

На первом этапе исследования в результате опроса были выделены 7 профессионально трудных ситуаций в деятельности страховых агентов: 1) клиент избегает контакта; 2) недоверие клиента; 3) конфликтное поведение клиента; 4) организационные сложности в работе; 5) клиент высказывает возражения; 6) клиент недоволен обслуживанием; 7) сложности в расчетах страхового тарифа.

На втором этапе исследования респонденты оценивали эмоциональные переживания в каждой профессионально трудной ситуации по 4-балльной шкале, для оценки использовалась анкета Е. Борисовой, Е. Старченковой «Эмоционально-напряженные ситуации» (Водопьянова, 2009).

В результате исследования были получены данные о характере эмоциональных переживаний в выборке страховых агентов. К наиболее

лее выраженным переживаниям относятся: «огорчение» (частота 40%; $M=10,24$; $SD=2,80$); «возмущение» (частота 31%; $M=9,92$; $SD=2,44$); «волнение» (частота 31%; $M=9,42$; $SD=2,61$), «разочарование» (частота 26%; $M=9,52$; $SD=2,26$). Средне выраженные переживания: «обида» (частота 20%; $M=8,57$; $SD=1,78$); «тревога» (частота 19%; $M=8,48$; $SD=2,32$), «досада» (частота 18%; $M=8,72$; $SD=2,45$), «раздражение» (частота 17%; $M=8,57$; $SD=2,23$), «печаль» (17%). В группу слабо выраженных переживаний вошли: «растерянность» (частота 9%; $M=7,70$; $SD=1,21$), «гнев» (частота 9%; $M=7,95$; $SD=1,47$), «подавленность» (частота 9%; $M=7,68$; $SD=1,12$), «бессилие» (частота 7%; $M=7,70$; $SD=1,43$), «испуг» (частота 6%; $M=7,47$; $SD=0,91$), «отчаяние» (частота 4%; $M=7,29$; $SD=0,76$). Как показал анализ, можно выделить типичные переживания страховых агентов в профессионально трудных ситуациях. Данные переживания различаются по качеству эмоций и их интенсивности.

Для дальнейшего исследования выборка была поделена на группы, в зависимости от уровня выраженности наиболее частых и интенсивных переживаний: «огорчение», «возмущение», «волнение», «разочарование». Разбиение на группы было проведено методом кластерного анализа (метод средних K-means). Достоверность разбиения выборки на группы была подтверждена методом дискриминантного анализа.

В результате были получены 3 группы специалистов – с низкой, средней и высокой выраженностью эмоциональных переживаний.

Группа с низкой выраженностью эмоциональных переживаний («огорчение» $M=1,25$; $SD=0,47$, «возмущение» $M=1,24$; $SD=0,53$, «волнение» $M=1,11$; $SD=0,34$; «разочарование» $M=1,21$; $SD=0,48$) составила половину выборки специалистов ($N=52$). Группа со средней степенью выраженности эмоциональных переживаний («огорчение» $M=1,34$; $SD=0,41$, «возмущение» $M=1,62$; $SD=0,72$, «волнение» $M=1,45$; $SD=0,55$; «разочарование» $M=1,36$; $SD=0,58$) составила 14 чел. и группа с высокой степенью выраженности переживаний («огорчение» $M=1,94$; $SD=0,59$, «возмущение» $M=1,69$; $SD=0,66$, «волнение» $M=1,76$; $SD=0,62$; «разочарование» $M=1,64$; $SD=0,61$) составила 26 чел.

Для проверки гипотезы было проведено межгрупповое сравнение различий в выраженности профессионально-демографических характеристик: возраста, стажа и показателя эффективности деятельности агента – показателей финансового результата. Межгрупповое сравнение проводилось с помощью критерия У Манна–Уитни.

В результате сравнения групп было обнаружено, что показатели возраста, стажа и эффективности деятельности имеют значимые различия в степени выраженности в разных группах.

Обнаружены значимые межгрупповые различия между 1-й и 2-й группами по показателям возраста ($U=136,50$; $p=0,000$), стажа ($U=181,00$; $p=0,004$), эффективности ($U=203,00$; $p=0,011$). В первой группе с низкой выраженностью эмоциональных переживаний показатель возраста

выше, по сравнению со второй группой со средней степенью выраженности переживаний (в первой группе $M=48,77$; $SD=12,77$; во второй группе $M=33,43$; $SD=10,84$), стаж работы также выше в первой группе (в первой группе $M=12,47$; $SD=10,81$; во второй группе $M=5,04$; $SD=9,11$), эффективность деятельности выше в два раза в первой группе по сравнению со второй группой (в первой группе $M=80913$; $SD=65883$, во второй группе $M=38750$; $SD=39762$).

Обнаружены значимые межгрупповые различия между 1-й и 3-й группами по показателям возраста ($U=492,00$; $p=0,051$). В группе с низкими значениями переживаний показатель возраста выше, по сравнению с показателем возраста в группе с высокими значениями переживаний (в первой группе $M=48,77$; $SD=12,77$, в третьей группе $M=43,65$; $SD=11,03$).

Обнаружены значимые межгрупповые различия между 2-й и 3-й группами по показателям возраста ($U=87,00$; $p=0,006$), стажа ($U=92,50$; $p=0,010$), эффективности деятельности ($U=112,00$; $p=0,047$). В группе со средней выраженностью переживаний все показатели ниже (возраст $M=33,43$; $SD=10,84$; стаж $M=5,04$; $SD=9,11$; эффективность $M=38750$; $SD=39762$), по сравнению с группой с высокой выраженностью переживаний (возраст $M=43,65$; $SD=11,03$; стаж $M=8,68$; $SD=7,27$; эффективность $M=76488$; $SD=57637$).

Результаты показывают, что существует взаимосвязь между профессионально-демографическими характеристиками (возраст, стаж, эффективность деятельности) и уровнем выраженности эмоциональных переживаний в профессионально трудных ситуациях. Различия по всем профессионально-демографическим характеристикам обнаружены для групп со средним и высоким, средним и низким уровнями проявления переживаний. Тогда как для крайних групп с высокой и низкой выраженностью переживаний обнаружены различия только по показателю возраста. Наибольшую эффективность деятельности демонстрируют специалисты как с низкими, так и высокими показателями переживания эмоций. Показатели эффективности значительно ниже в группе со средним уровнем переживания эмоций в профессионально трудных ситуациях. Стаж также не является дифференцирующим признаком между высоким и низким уровнем переживаний. Высокие и низкие оценки переживаний связаны с возрастом специалистов. Полученные данные могут быть использованы для прогнозирования и коррекции эмоциональных переживаний в профессионально трудных ситуациях.

Литература

- Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности: Учеб. пособие для вузов. М.: Пер Сэ, 2001.
- Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009.

Дикая Л. Г. Проблемность в профессиональной деятельности: теория и методы психологического анализа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.

Леонова А. Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Lazarus R. S. Emotion and adaptation. New York: Oxford University Press, 1991.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОРИЕНТАЦИОННОГО СТИЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ У СОТРУДНИКОВ ДОБРОВОЛЬНЫХ ПОЖАРНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

Э. А. Сахабутдинова (Ростов-на-Дону)

Пожары, происходящие в результате стихийных бедствий, техногенных катастроф, межнациональных конфликтов и прочих происшествий, все чаще становятся реалиями современной жизни. Общество ощущает потребность в росте числа специалистов, способных работать в экстремальных условиях. Ответом на этот социальный заказ стало, наряду с деятельностью пожарно-спасательных отрядов МЧС, возникновение команд добровольных пожарных формирований (ДПФ).

Деятельность специалистов ДПФ весьма специфична. Во многом ее успешность зависит от умения участников ликвидации пожара эффективно взаимодействовать в команде. Под взаимодействием в психологии понимают процесс непосредственного или опосредованного влияния объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь (Коломинский, 2000, с. 102). Существенное влияние на эффективность совместной деятельности оказывают особенности профессионально-делового взаимодействия, которые в значительной мере определяются деятельностной взаимосвязанностью членов ДПФ, своеобразием комбинирования их психологических характеристик, а также уровнем подготовки сотрудников данных формирований (Коломинский, 2000).

Интенсивные исследования деятельности человека в трудных ситуациях начались во второй половине 50-х годов XX столетия. Объектом исследования становятся особенности проявления психики в экстремальных или проблемных ситуациях, ситуациях стресса (В. Л. Марищук, В. С. Мерлин, М. Б. Шведин и др.). Наряду с разработкой этого вопроса шла разработка тем, связанных с различными аспектами проблемы межличностных отношений. Изученность этого вопроса на данный момент позволяет выделить совокупность общепринятых представлений о структуре общения, выступающих общеметодологическим ориентиром организации исследований (Знаков, 1994). В. В. Знаков пишет:

чтобы установить необходимые условия развития отношений, человеку любой профессии необходимы индивидуальные навыки, умения, способности идти на контакт и находить общий язык с людьми. И здесь считаются существенными такие психологические механизмы, как: легкость и контактность общения, доверие и понимание, эмоциональное притяжение и принятие, осуществляемые в процессе непосредственного общения (Знаков, 2000).

Итак, целью нашего исследования было изучить особенности межличностных отношений и ориентационного стиля профессионально-деятельностного общения у сотрудников добровольных пожарных формирований. В качестве респондентов были выбраны: команда добровольных пожарных-спасателей ДГТУ (г. Ростов-на-Дону) в количестве 16 чел. в возрасте от 19 до 22 лет со стажем работы в отряде от 3–3,5 года. И группа студентов инженерно-технических специальностей ДГТУ (г. Ростов-на-Дону), не имевших опыта работы в отряде пожарных-спасателей (16 чел.). Всего в исследовании приняло участие 32 чел.

Эмпирическая часть исследования была проведена с использованием следующего диагностического инструментария: Опросник Т. Лيري «Диагностика межличностных отношений» (ДМО), адаптация Л. Н. Собчик, и опросник «Ориентационные стили профессионально-деятельностного общения» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов). Для более детального анализа результатов был проведен количественный анализ с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни для двух несвязанных выборок.

Таким образом, были получены следующие результаты. В определении особенностей межличностных отношений у сотрудников добровольных пожарных формирований: высокая выраженность «властно-лидирующего», «независимо-доминирующего» и «прямолинейно-агрессивного» октантов. Это характеризует испытуемых как людей уверенных в себе.

Низкие показатели по октантам «недоверчивый – скептический» и «покорный – застенчивый» характеризуют членов команды ДПФ как неконформных, реалистичных в суждениях и поступках людей, несклонных брать на себя чужие обязательства.

Умеренные показатели по октантам «зависимый – послушный», «сотрудничающий – конвенциональный» и «ответственный – великодушный» характеризуют респондентов как людей с развитым чувством ответственности.

Качественный анализ межличностных отношений у студентов без опыта работы в ДПФ показал, что в этой группе наблюдается умеренная выраженность «властно-лидирующего», «независимо-доминирующего», «прямолинейно-агрессивного», «недоверчиво-скептического», «покорно-застенчивого», «сотрудничающе-конвенционального» октантов.

Высокие показатели по октантам «зависимый – послушный» и «ответственный – великодушный» характеризует данную выборку студен-

тов как сверхконформных и полностью зависимых от мнения окружающих людей.

Далее методика «Ориентационные стили профессионально-деятельностного общения» позволила установить, что в группе пожарных-спасателей:

- 56% сотрудников ориентированы на процесс, т. е. для них характерно стремление обсуждать факты, процедурные вопросы, планирование и организацию деятельности, контролирование деталей;
- 25% сотрудников ориентированы на людей, и для них характерно обсуждение человеческих нужд, мотивов, чувств, «духа работы в команде», сотрудничества;
- 6% сотрудников ориентированы «на действие». Для них характерно обсуждение результатов, поведения, ответственности, опыта, достижения;
- у 13% сотрудников имеет место смешанный стиль профессионально-деятельностного общения. Половина из них ориентирована одновременно на действие» и «на людей». Другая половина – одновременно «на людей» и «на процесс».

Ориентационный стиль «на перспективу» в профессионально-деятельностном общении пожарных-спасателей обнаружить не удалось.

Результаты анализа эмпирических данных по тесту «Ориентационные стили профессионально-деятельностного общения» в группе студентов без опыта работы в ДПО показали, что:

- 63% студентов, не имеющих опыта работы в отряде пожарных-спасателей, в профессионально-деятельностном общении ориентированы «на перспективу»;
- 25% студентов этой группы ориентированы «на процесс»;
- 12% студентов проявляют смешанный стиль профессионально-деятельностного общения с одновременной ориентацией «на действие» и «на перспективу».

Ориентационный стиль «на людей» в профессионально-деятельностном общении среди группы студентов, не работающих в ДПО, выявлен не был.

Далее мы провели качественный и количественный анализ полученных результатов. И на основании U-критерия Манна–Уитни были выявлены достоверные различия между выборкой пожарных-спасателей и группой студентов, не имеющих опыта работы в ДПФ, по следующим показателям: ориентация «на людей» ($U=36,00$ при $p=0,00$) и «на перспективу» ($U=41,50$ при $p=0,001$) в стиле профессионально-деятельностного общения; «недоверчиво-скептическому» ($U=10,00$ при $p=0,00$), «зависимо-послушному» ($U=20,00$ при $p=0,00$), «ответст-

венно-великодушному» ($U=34,00$ при $p=0,00$) октантам межличностного взаимодействия (при $U-Kp=66$, $p \leq 0,01$; $U-Kp=83$, $p \leq 0,05$). По другим показателям значимых различий обнаружено не было.

Таким образом, результаты эмпирического исследования подтвердили, что существуют особенности межличностных отношений и ориентационного стиля профессионально-деятельностного общения, характерные для сотрудников добровольных пожарных формирований. Практическая значимость проведенного исследования состоит в возможности использования полученных эмпирических данных как при профессиональной подготовке добровольных пожарных формирований, так и в университетах на факультетах МЧС России при организации учебного процесса и психологическом сопровождении курсантов (Узун, 2009).

Литература

- Воловикова М. И. Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете. М., 2005.
- Знаков В. В. Психология понимания правды. СПб., 1999.
- Знаков В. В. Понимание в познании и общении. Самара, 2000.
- Коломинский Я. Л. Психология взаимоотношений в малых группах. М.: Тетра Системс, 2000.
- Узун О. Л. Система профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России к деятельности в чрезвычайных ситуациях: Монография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, 2009.

РОЛЬ СЕМЬИ В ПОЛОРОЛЕВОМ РАЗВИТИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Д. Г. Свечкина (Таганрог)

В России всегда остро стояла проблема социального сиротства, причинами которого могут выступать различные факторы, по которым родители оставляют своих детей в детских домах или на попечительство других родственников, тем самым отказываются от них. Цифры, которые указывают на количество социальных сирот, никого не могут оставить равнодушными к описанной проблеме.

Как отмечает уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка Павел Астахов, «на 1 января 2014 года детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, 106 тысяч» (Астахов, 2013). Т.е. целых 106 тысяч детей могут иметь серьезные проблемы в формировании полоролевой идентичности, и они нуждаются в помощи специалистов. У этих детей свои особенности становления представлений о половых ролях, так как наблюдаемые модели поведения

ограничены преимущественно женским персоналом детских домов. В связи с этим целью нашего исследования стало изучение полоролевой идентичности социальных сирот младшего школьного возраста.

Объект исследования: дети младшего школьного возраста.

Предмет исследования: компоненты полоролевой идентичности социальных сирот младшего школьного возраста.

Общая гипотеза: существуют особенности в компонентах полоролевой идентичности у социальных сирот и семейных детей.

Мы предполагаем, что при общих чертах, связанных с возрастными особенностями младшего школьного возраста в развитии представлений о половых ролях, бóльшая гибкость мышления относительно представлений об особенностях разных полов и применении предметов противоположного пола характерна для семейных детей.

Поскольку мы говорим о детях, которые отличаются между собой наличием семьи, то следует упомянуть о важной роли семьи и тех факторах, которые влияют на формирование, становление и развитие полоролевой идентичности. Известно, что семья является первоисточником формирования и развития стереотипов полоролевого поведения, поскольку в дальнейшем осознание своей половой принадлежности проявляется в общении со сверстниками, в предпочтении телевизионных программ и во взаимодействии с окружающими людьми в целом (Омарова, 2008). Т. е. семья закладывает в ребенка то, что потом находит свое отражение за ее пределами.

В ходе теоретического анализа был обоснован факт того, что в младшем школьном возрасте мальчики и девочки обладают достаточным знанием о том, какие качества присущи мужчинам и женщинам, а также тем, какую деятельность они выполняют в своей жизни. Также было выявлено, что семья является первоисточником формирования и развития механизмов регуляции поведения (Виленская, 2012), важную часть будущих представлений ребенка о семейной жизни составляет информация, которая поступает от родителей и усваивается ребенком. В семье у ребенка складывается первоначальное представление о правах, обязанностях и отношениях родителей между собой и к ребенку. Такие представления у детей-сирот, поступивших в детские дома в основном из дезадаптированных семей, существенно искажены. Это является фактором риска развития их полоролевой, а затем – и родительской идентичности (Истратова, Карпенко, 2010).

Для правильного формирования полоролевой идентичности важно наличие в семье представителей женского и мужского пола, что может помочь ребенку на основе сравнения поведения противоположных полов усвоить, как нужно вести себя девочкам и мальчикам.

В исследовании участвовали 53 ребенка (26 семейных детей из средней образовательной школы и 27 социальных сирот из детского дома) в возрасте 9–10 лет.

В процессе исследования были использованы следующие методики: «Рисунок семьи», «Нарисуй человека» (в интерпретации А. М. Прихожан), «Неоконченные ситуации» (О. И. Иванова), «Когнитивный аспект полоролевой идентификации» (В. Е. Каган). Для статистического анализа был применен критерий: φ^* – угловое преобразование Фишера.

Результаты изучения полоролевой идентичности социальных сирот и детей, воспитывающихся в условиях благополучной семьи, показали, что все дети имеют представления об особенностях мужского и женского пола, о предметах, с которыми они взаимодействуют, о деятельности, которую они выполняют. Все дети правильно отождествили себя с ролями в будущем, они осознают и принимают факт необратимости пола. Таким образом, они были разделены на группы, в зависимости от уровня сформированности представлений о полах и о себе.

Высокий уровень сформированности полового образа у детей (социальные сироты – 91% девочек и 38% мальчиков, семейные дети – 100% девочек и 48% мальчиков): они осознают необратимость своего пола, эмоционально положительно относятся к себе в целом, к своему образу, к выполнению своих половых ролей в семье и в группе людей, с которыми они проживают. У них сформированы представления об отличительных особенностях мальчиков и девочек и об их поведении, есть знания о том, какие роли и функции они будут выполнять в будущем, принимают их позитивно. Таким образом, у всех детей данной группы, независимо от наличия семьи, сформировано представление о том, кем они будут в будущем, т. е. хорошо развито временное мышление и осознание о необратимости своего пола, у большинства детей позитивное отношение к себе как к представителю определенного пола.

Средний уровень сформированности полового образа (социальные сироты мальчики – 43%, семейные мальчики – 33%): дети называют лишь некоторые отличительные особенности мужчин от женщин, поэтому могут отождествлять себя как с мужскими, так и с женскими качествами. Т. е. у социальных сирот, так же как и у семейных детей, сформировано представление о том, какой должна быть женщина, но не у всех сформировано представление о том, каким должен быть мужчина.

Низкий уровень сформированности полового образа (социальные сироты – 9% девочек и 19% мальчиков, семейные дети – 19% мальчиков): дети имеют неопределенные представления об особенностях поведения мальчиков и девочек в среде сверстников и семье, о том, как можно играть с игрушками, принадлежащими противоположному полу.

Таким образом, проанализировав полученные результаты, мы получили, что не выявлено различий между социальными сиротами и семейными детьми в отождествлении себя в соответствии с полом во временной протяженности и осознании необратимости пола, в описании качеств, которые относятся к женщине (когнитивный компонент), в отождествлении себя в соответствии с полом, в предпочтении ком-

наты для игр среди девочек (поведенческий и эмоциональный компоненты). Выявлены незначительные различия в описании качеств, принадлежащих мужчине, представлениях о предметах, принадлежащих разным полам (когнитивный компонент), типе идентификации. Значительные различия ($p \leq 0,01$) выявлены в умении использовать игрушки противоположного пола, в предпочтениях игрушек для игр (поведенческий компонент).

В ходе решения задач исследования выдвинутая гипотеза была в целом подтверждена. Полученные результаты свидетельствуют о том, что проблемы в развитии полоролевой идентичности выявлены не только у детей-сирот, но и у семейных детей (в частности, у мальчиков). Это может свидетельствовать о пассивной позиции отца в данных семьях и требует более детального изучения семейного климата, особенностей детско-родительского взаимодействия, что определяет перспективу данного исследования.

Литература

- Астахов П. А. Количество детей-сирот в России в 2013 году. URL: <http://ria.ru/society/20140116/989519394.html/> (дата обращения: 22.06.2015).
- Виленская Г. А. Семейные стратегии поведения и становление индивидуальности ребенка // Психологические проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 480–508.
- Истратова О. Н., Карпенко А. А. Влияние условий воспитания на формирование представлений о семейных ролях в подростковом возрасте // Известия ЮФУ. Технические науки. 2010. № 10 (111). С. 174–180.
- Омарова П. О., Гасанова З. З. Семья как институт социализации и воспитания // Сибирский педагогический журнал. Новосибирск. 2008. № 4. С. 173–186.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНСАЙТА ПРИ РЕШЕНИИ ОДНОРОДНЫХ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ, ПОСТРОЕННЫХ ПО ПРИНЦИПУ СИММЕТРИИ*

Ю. Г. Секурцева, А. В. Чистопольская (Ярославль)

Как правило, инсайтное решение возникает спонтанно, неожиданно и сопровождается чаще всего бурной эмоциональной реакцией, которая имеет место быть в тот момент, когда решение задачи резко попадает в сознание человека (Вертгеймер, 1987). Из этого следует, что сам

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-06-00441а «Роль движений глаз в поиске решения инсайтных пространственных задач».

процесс индукции инсайтного решения свернут и происходит на неосознанном уровне, поэтому наиболее подходящим методом для изучения данного процесса является метод ай-трекинга, который уже неоднократно использовался учеными (Knoblich, Ohlsson, Raney, 2001; Grant, Spivey, 2003). Чтобы использовать данный метод, должен быть подобран и соответствующий стимульный материал, который вызвал бы инсайтное решение и позволял бы фиксировать движения глаз. Таким материалом могут выступить мыслительные задачи, состоящие из трех фигур и неизвестной четвертой, которую испытуемому нужно нарисовать, найдя закономерность. В основе же фигур лежат симметрично отраженные цифры (например, 1, 2 и 3), формирующие образы (стрелку, бокал, елочку и т. д.).

Далее следует пояснить, почему удобен именно такой стимульный материал и что могут нам дать движения глаз в поле решаемой задачи. В исследовании И. Ю. Владимирова и А. В. Чистопольской была доказана специфика протекания инсайтного решения относительно алгоритмизированного (Владимиров, Чистопольская, 2012). На основе этих данных можно предположить, что при решении инсайтной задачи будет происходить переструктурирование ее формата репрезентации, а при решении неинсайтной процесс переструктурирования осуществляться не будет. В роли неинсайтной задачи может выступить задача, однотипная инсайтной: предъявляемый испытуемому стимульный материал окажется однородным.

В итоге при первом предъявлении задачи (инсайтной) испытуемый должен увидеть ось симметрии, поделить фигуру на две одинаковые части и заметить цифры вместо образов (переход из образного кода в символьный), а при повторном предъявлении он должен решить подобную задачу по четкому алгоритму, усвоенному им ранее. Тем самым процесс переструктурирования можно зафиксировать в момент преобладания движений глаз справа налево относительно оси симметрии еще до того, как испытуемый осознал правильное решение и нарисовал ответ. Больше же время взгляд испытуемого должен перескакивать с одной фигуры на другую.

Приступить сразу к исследованию описанных предположений нельзя. Для начала нужно убедиться в том, что стимульный материал действительно подходит для изучения механизмов инсайтного решения, поэтому основная цель на данный момент – провести проверку симметричных однородных задач для последующего их применения.

Гипотезы

1. При первом предъявлении задач будет возникать инсайтное решение.
2. При повторном предъявлении задач будет осуществляться решение по алгоритму.

Процедура: испытуемому предлагалось решить две однородные симметричные задачи. При решении первой (инсайтной) задачи ему давались словесные, а потом и визуальные подсказки в виде рисунков, имеющих акцент на оси симметрии, которая делит рисунок пополам. Данные подсказки нужны для того, чтобы уравнивать и уменьшать время решения инсайтных задач, так как в пробных сериях испытуемый испытывал большие трудности, решая первую задачу. При решении второй однотипной задачи подсказок не давалось, потому что предполагалось решение по уже известному алгоритму.

После решения задач с испытуемым проводилось «постэкспериментальное» интервью, в котором он должен был согласиться/не согласиться с утверждениями следующего типа: «Решение найдено спонтанно, внезапно» или «Решая задачу, я примерно знал в каком направлении стоит двигаться». Одни утверждения свидетельствовали об инсайтном решении, а другие – о решении по алгоритму.

В ходе исследования фиксировалось время решения задач, количество «ага-реакций» и оценка степени инсайтности задач.

Выборка

В исследовании приняло участие 20 чел. (18 девушек; 2 юноши; средний возраст – 18,6; $\sigma=0,76$).

Результаты

1. Дисперсионный анализ (ANOVA) выявил значимые различия при решении задач, предъявляемых первыми (инсайтными) и предъявляемых вторыми (неинсайтными): первые задачи решаются значительно дольше, чем вторые ($F(1,38)=81,99, p<0,001$). Можно предположить, что сложность при решении инсайтных задач заключается в переструктурировании формата репрезентации, необходимое в первой задаче. Испытуемые тратят очень много времени на данный процесс, прежде чем понять суть задачи, тогда как вторая задача решается быстро, потому что переструктурирования не происходит.
2. С помощью статистического критерия χ^2 были выявлены различия в количестве сопутствующих решению «ага-реакций» в инсайтных и неинсайтных задачах ($\chi^2=22,56, p=0,001$). Количество «ага-реакций» также больше при решении первых задач.
3. Оценка степени инсайтности выводилась из ответов испытуемых (согласен/не согласен) на утверждения «постэкспериментального» интервью. В результате оценка степени инсайтности у первых задач больше, чем у вторых ($F(1,38)=128,66, p<0,001$). Оценка собственно инсайтности задач также значимо различается в первых и вторых предъявляемых задачах ($\chi^2=5,58, p=0,02$), она больше у инсайтных задач.

Решение первых задач вызывает бурную эмоциональную реакцию, потому что оно возникает в сознании спонтанно и внезапно (переструктурирование формата репрезентации наводит неожиданно на ответ). Также испытуемые не случайно дают малую оценку степени инсайтности вторым задачам, так как они по сложности значительно легче, ответ не вызывает удивления (решение направлено к известному примерно ответу).

Выводы

1. При первом предъявлении задач осуществляется инсайтное решение (большое количество «ага-реакций», задачи решаются достаточно долго, высокая оценка степени инсайтности).
2. При повторном предъявлении задач возникает решение по алгоритму, усвоенному ранее при решении инсайтных задач.
3. Таким образом, можно заключить, что данные задачи адекватны поставленным целям и могут быть применены для изучения механизмов инсайтного решения.

Литература

- Владимиров И. Ю., Чистопольская А. В.* Динамика распределения внимания при решении инсайтной задачи // VI Международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2014. С. 213–215.
- Вертегеймер М.* Продуктивное мышление / Под ред. С. Ф. Горбова, В. П. Зинченко. М.: Прогресс, 1987.
- Grant E. R., Spivey M. J.* Eye movements and problem solving: Guiding attention guides thought // *Psychological Science*. 2003. № 14 (5). P. 462–466.
- Knoblich G., Ohlsson S., Raney G. E.* An eye movement study of insight problem solving // *Memory Cognition*. 2001. № 29 (7). P. 1000–1009.

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРЦЕПЦИИ ПРИ СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Д. С. Селиванова (Курск)

Проблема временной перцепции в современной психологической науке носит многоаспектный характер.

Новизна изучаемой проблемы заключается в анализе теоретических и практических аспектов нейропсихологических механизмов временной перцепции в состоянии патологии и в норме.

На данный момент остается не до конца изученной проблема связи особенностей временной перцепции с различными феноменами психической деятельности человека. Существует необходимость в новых тео-

ретических построениях и фактах, которые могли бы расширить сферу применения феномена временной перцепции. Состояние алкогольной зависимости является почвой для возникновения данного типа патологий. Алкоголизм – проблема, которая не теряет своей актуальности в настоящее время. По данным Всемирной организации здравоохранения, в мире ежегодно фиксируется свыше трех миллионов смертей, связанных со злоупотреблением алкогольной продукцией. В России злоупотребление алкогольной продукцией приводит к преждевременной смерти около полумиллиона человек ежегодно.

Цель исследования: изучение особенностей временной перцепции при состоянии алкогольной зависимости.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что временная перцепция является сложной системой, осуществляющей образное отражение явлений окружающей действительности, включающих в себя цикличность, длительность, скорость протекания, последовательность на всех уровнях функционирования психики человека.

Критериями дисфункционального характера временной перцепции при состоянии алкогольной зависимости на нейропсихологическом уровне выступают: сохранность/нарушение хронологии, целостность/дробность перцептивных процессов, интегрированность/дезинтегрированность временной перцептивной системы в целом (Барабанщиков, 2011).

Восприятие времени – это образное отражение таких характеристик явлений окружающей действительности, как цикличность, длительность, скорость протекания и последовательность.

Согласно теории С. Л. Рубинштейна, временная перцепция состоит из: 1) непосредственного ощущения длительности, обусловленное висцеральной деятельностью, которое составляет чувственную основу временной перцепции; 2) собственно восприятия времени, развивающегося на этой чувственной органической основе (Рубинштейн, 2002).

Временная перцепция, отражающая объективное время, опосредована включающимися в нее интеллектуальными компонентами, они включаются в установление последовательности и длительности явлений (Рубинштейн, 2002).

Нарушение временной перцепции реализуется на разных уровнях:

- психофизиологический: ускорение процессов метаболизма и скорости восприятия течения времени, снижение или утрата непосредственной оценки времени у пациентов с анестезией внутренних органов (Рубинштейн, 2002);
- нейропсихологический: неспособность оперировать временными соотношениями, при сохранности восприятия длительности у пациентов с кортикальными поражениями и нарушениями интеллектуальной деятельности (Рубинштейн, 2002);

- психологический: у пациентов с психогенной депрессией психическая активность сосредоточена на событиях прошлого, при эндогенных депрессиях большему изменению подвергается восприятие будущего;
- личностный: отсутствие смысла как первичного компонента по отношению к жизненным целям (Ломов, 1980).

При алкогольной зависимости нейропсихологические нарушения носят стойкий характер.

Рассматривая нейропсихологические аспекты проблемы алкоголизма, В. В. Попович и В. А. Москвин установили, что индивиды с преобладанием признаков левополушарного доминирования обнаруживают тенденцию к недооценке временных интервалов и относятся к тахихроническому типу, а лица с преобладанием признаков правополушарного доминирования – тенденцию к переоценке временных интервалов и относятся к брадихроническому типу восприятия времени. Субъективная временная ориентация для лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, представлена тенденцией к большей центрированности на настоящем и прошлом, тогда как будущее для них является менее актуальным. Это может свидетельствовать об аморфности временной перспективы у данных лиц (Москвин, Попович, 2002).

Механизмами возникновения зависимости выступают механизм снижения произвольной саморегуляции и механизм разбалансированности системы саморегуляции (Никишина, Запесоцкая, 2012). Дефицитность переживаний психических состояний в поле субъект-субъектных отношений, характеризующих систему отношений личности, приводит к возникновению состояния зависимости, которое строится в субъект-объектной системе координат. В субъект-объектной направленности отношений место «значимого другого» занимает «значимое другое» – объект, который является организационным завершением процесса формирования состояния зависимости (Никишина, Запесоцкая, 2012).

В исследовании приняли участие 52 пациента (мужчины) с диагностированным синдромом зависимости от алкоголя (F 10.2 по МКБ-10), находящиеся на стационарном лечении в ОБУЗ «Областная наркологическая больница». В контрольную группу вошли 36 мужчин и женщин с заключением «здоров», проходивших процедуру профосмотра на базе ОБУЗ «Областная наркологическая больница».

Диагностический инструментарий исследования представляют следующие методы: метод Событийной реконструкции временной перспективы личности В. Б. Никишиной, «Субъективная оценка длительности времени» (SALT) И. В. Запесоцкой и Д. С. Селивановой, Нейропсихологические пробы, Ассоциативный эксперимент.

Выводы. В нейропсихологическом понимании понятие временной перцепции выступает образным отражением явлений окружающей

действительности и включает в себя феномены цикличности, длительности, скорости протекания и последовательности. Патология временной перцепции определяется феноменологическим (сохранность/нарушение хронологии), динамическим (целостность/дробность процессов хроногнозии) и структурным критерием (интегрированность/дезинтегрированность общей временной перцептивной системы). Факторами возникновения патологии временной перцепции могут выступать локальные поражения лобных, височных и глубинных структур головного мозга, сенсорная депривация, средовые факторы и алкогольная зависимость.

Дисфункциональный характер временной перцепции при состоянии алкогольной зависимости характеризуется тахихроническим типом восприятия времени. Система воспроизведения временных интервалов является сохранной, но дезинтегрированной с перцептивной системой. В этом проявляется дисфункциональный характер временной перцепции, так как прямая интеграция с неропсихологическими механизмами отсутствует. Опосредованный характер носит связь временного гнозиса и временной перцепции (восприятия временных интервалов). Опосредующим звеном в этой связи является хронологическая протяженность временной перспективы. В ситуации алкогольной зависимости это является тенденцией к выделению дискретных событий и в меньшей степени – обобщенного, целостного образа временной перцепции.

Важно также отметить разбалансированность и дезинтегрированность системы временной перцепции на уровне когнитивной регуляции.

Состояние алкогольной зависимости приводит к нарушению плавности и стройности временного переживания, при этом оставляя сохранными значимые точки событийного пространства.

Литература

- Барабанчиков В. А. Системогенез чувственного восприятия. М.: Модэк-МПСИ, 2011.
- Запесоцкая И. В., Никишина В. Б. Состояние зависимости: метапсихологический подход // Клиническая и специальная психология. 2013. № 2 (6). С. 77–90.
- Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М., 1980.
- Москвин В. А., Попович В. В. Особенности психологического времени при хроническом алкоголизме // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 68–79.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. А. Семенова, Н. Н. Семенова (Санкт-Петербург)

Аксиологические репрезентации выступают объектом исследования во многих областях: социальной, аксиологической психологии, психологии развития и др. В. В. Знаков подчеркивает «Изучение ценностей представителями гуманитарных наук и их роли в детерминации деятельности человека всегда отличалось большой сложностью. Исследователи постоянно искали способы проверки того, как представленные в сознании людей ценности соотносятся с их реальным поведением. Эмпирические данные добываются с особыми трудностями, но, несмотря на них, изучение ценностной сферы не прекращается» (Знаков, 2008, с. 5).

Аксиологические репрезентации отражают ценностные ориентации, смыслы, представления о ценностях и служат своеобразным индикатором развития личности. Репрезентации, как субъективная форма «видения» происходящего, находятся в динамике, поэтому их изучение представляется актуальным. «Ментальные репрезентации являются оперативной формой ментального опыта, они изменяются по мере изменения ситуации и интеллектуальных усилий субъекта, являясь специализированной и детализированной умственной картиной события» (Холодная, 1997, с. 98).

Понятие «репрезентация», по словам Е. А. Сергиенко, означает «представленность себе», т. е. «речь идет о внутренних структурах, формирующихся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя. Когнитивные структуры – это не копии образцов, а обобщенно-абстрактные репрезентации-схемы, включающие возможность не только получения знаний, но и способ их получения» (Сергиенко, 2002, с. 21).

Аксиологические репрезентации – это образы воображения, представления, актуальные умственные образы того или иного явления, фиксирующие стремление человека к тому, что является для него необходимым, значимым. Они в значительной мере отражают отношение субъекта к объективным материальным и духовным результатам человеческой деятельности, включают оценку субъектом как общественных, так и культурных явлений. Аксиологические репрезентации выступают как функциональная система, формирующая цели, смыслы, ценности жизнедеятельности человека и регулирующие способы их достижения. Они определяют содержательную сторону личности и составляют основу ее отношений к окружающему миру, к себе самой, являются ядром мотивации жизненной активности, основой жизненных сценариев. С одной стороны, аксиологические репрезентации у моло-

дого человека формируются социумом, но, с другой стороны, человек сам активно формирует и конкретизирует их, принимая или отвергая ценности, предлагаемые обществом.

Д. А. Леонтьевым выделен ряд теоретических позиций изучения ценностей: ценности не конкретные объекты, окружающие человека и удовлетворяющие его потребности, а некая абстрактная сущность; ценности изначально имеют надындивидуальную природу, что предполагает существование их субъективно-психологических коррелятов, которые описываются такими понятиями, как мотив, потребность, интерес, ценностная ориентация или субъективная ценность; ценности не стандарты и нормы, а жизненные цели, идеалы и смыслы; индивидуальные ценности функционируют вне зависимости от их осознанности субъектом (Леонтьев, 1999). Данные теоретические позиции могут быть приняты в качестве теоретико-методологической основы изучения аксиологических репрезентаций.

Цель и гипотеза исследования. Цель нашего исследования – изучить особенности аксиологических репрезентаций студенческой молодежи. Мы предположили, что аксиологические репрезентации имеют свои особенности в зависимости от гендерного пола. Гендерные различия проявляются в таких категориях, как: общественное признание, профессиональные достижения, материальное положение, реализация себя, жизненные цели.

Характеристика выборки и методы исследования. Исследование проводилось на базе Иркутского государственного технического университета (ИрГТУ) и Восточно-Сибирской государственной академии образования (ВСГАО). В исследовании приняли участие 164 студента в возрасте от 17 до 25 лет. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью методик: «Опросник определения маскулинности и фемининности» С. Бэм, «Ценностные ориентации» М. Рокича, «Тест смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева, «Морфологический тест жизненных ценностей» В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной и методы математической статистики (Семенова, 2003).

Результаты исследования и их интерпретация. В результате проведения эмпирического исследования было выявлено, что аксиологические репрезентации студентов имеют свою специфику в зависимости от гендерного пола. Для выявления различий был использован сравнительный анализ с применением t-критерия Стьюдента. Статистически значимые различия были выявлены у андрогинных девушек, по сравнению с маскулинными девушками по шкалам смысложизненных ориентаций «Процесс жизни» ($t_{\alpha(a/m)}=2,69$ при $p \leq 0,05$) и «Результат жизни» ($t_{\alpha(a/m)}=2,37$ при $p \leq 0,05$). Также значимые различия у андрогинных девушек были выявлены по шкале «Цель жизни» в сравнении с феминными девушками ($t_{\alpha(a/f)}=2,41$ при $p \leq 0,01$). По методике «Морфологический тест жизненных ценностей» андрогинные девушки набрали более высо-

кие значения по шкалам «развитие себя» ($t_{\alpha(a/m)}=2,69$ при $p \leq 0,05$), «креативность» ($t_{\alpha(a/m)}=2,92$ при $p \leq 0,01$). У маскулинных девушек, по сравнению с андрогинными, выявлены более высокими значения по шкалам «достижения» ($t_{\alpha(m/a)}=2,59$ при $p \leq 0,05$), «высокое материальное положение» ($t_{\alpha(a/m)}=2,80$ при $p \leq 0,05$). Наиболее значимыми жизненными сферами у андрогинных девушек по сравнению с феминными девушками являются сфера увлечений ($t_{\alpha(a/\phi)}=2,87$ при $p \leq 0,01$) и сфера общественной жизни ($t_{\alpha(a/\phi)}=2,25$ при $p \leq 0,05$). У маскулинных девушек, по сравнению с феминными девушками, оказались более высокими значения по шкалам «достижения» ($t_{\alpha(m/\phi)}=2,36$ при $p \leq 0,05$), «высокое материальное положение» ($t_{\alpha(m/\phi)}=2,78$ при $p \leq 0,05$). Наиболее значимыми жизненными сферами у маскулинных девушек, по сравнению с феминными девушками, являются сфера физической активности ($t_{\alpha(m/\phi)}=2,58$ при $p \leq 0,05$) и сфера общественной жизни ($t_{\alpha(m/\phi)}=2,42$ при $p \leq 0,05$). Для феминных девушек, по сравнению с маскулинными девушками, наиболее значима сфера семейной жизни ($t_{\alpha(\phi/m)}=2,58$ при $p \leq 0,05$). Для девушек с высокими феминными показателями приоритетными являются ценности «счастливая семейная жизнь», «терпимость», менее значимыми становятся «образованность», «активная деятельная жизнь». Для девушек, которым свойственна выраженность маскулинных качеств, высока значимость ценностей «продуктивная жизнь», «свобода», «высокие запросы», «рационализм» и снижена значимость ценности «счастливая семейная жизнь».

Статистически значимые различия были выявлены у андрогинных юношей, по сравнению с маскулинными юношами, по шкале смысло-жизненных ориентаций «Процесс жизни» ($t_{\alpha(a/m)}=2,818$ при $p \leq 0,01$, $t_{\alpha(a/\phi)}=2,25$ при $p \leq 0,05$). Также значимые различия у андрогинных юношей были обнаружены по шкале «Цель жизни» в сравнении с феминными юношами ($t_{\alpha(a/\phi)}=2,883$ при $p \leq 0,01$). У маскулинных юношей статистически значимые различия были выявлены, по сравнению с феминными юношами, по шкале «Процесс жизни» ($t_{\alpha(m/\phi)}=2,24$ при $p \leq 0,05$) и по шкале «Локус контроля – Жизнь» ($t_{\alpha(m/\phi)}=2,56$ при $p \leq 0,05$). Наиболее значимыми жизненными сферами для андрогинных юношей, по сравнению с маскулинными юношами, выступают сфера увлечений ($t_{\alpha(a/m)}=3,72$ при $p \leq 0,01$) и сфера общественной жизни ($t_{\alpha(a/m)}=2,84$ при $p \leq 0,01$). Для андрогинных юношей более значимы такие ценности, как «развитие себя» ($t_{\alpha(a/\phi)}=2,60$ при $p \leq 0,05$), «креативность» ($t_{\alpha(a/\phi)}=3,97$ при $p \leq 0,01$). Наиболее значимыми жизненными сферами у андрогинных юношей, по сравнению с феминными юношами, являются профессиональная сфера ($t_{\alpha(a/\phi)}=2,31$ при $p \leq 0,05$) и сфера общественной жизни ($t_{\alpha(a/\phi)}=2,42$ при $p \leq 0,05$). Более значимыми для маскулинных юношей, по сравнению с феминными юношами, являются такие жизненные сферы, как профессиональная сфера ($t_{\alpha(m/\phi)}=2,38$ при $p \leq 0,05$), и сфера физической активности ($t_{\alpha(m/\phi)}=2,48$ при $p \leq 0,05$). Для юношей,

у которых выражена маскулинная составляющая пола, ценными являются «уверенность в себе», «эффективность в делах», менее значимой для них становится ценность «жизненная мудрость». У юношей с высоким уровнем фемининности возрастает приоритет ценностей «чуткость», «развлечения», при этом снижается значимость ценностей «здоровье», «смелость», «материальное благополучие», «развитие».

Таким образом, аксиологические репрезентации молодежи имеют свои особенности, в зависимости от гендерной принадлежности, и требуют дальнейшего системного междисциплинарного исследования.

Литература

- Знаков В. В. Ценности как проблема психологического бытия человека // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В. В. Знаков, Г. В. Залевский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 83–94.
- Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
- Сергиенко Е. А. Современное состояние исследований когнитивных процессов // Психологический журнал. 2002. № 2. Т. 23. С. 19–24.
- Семенова Е. А. Особенности и формирование профессиональных представлений у студентов в образовательном пространстве педагогического колледжа: Дис. ... канд. психол. наук. Иркутск, 2003.
- Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. М.: Барс, 1997.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ, ВОВЛЕЧЕННЫХ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

М. М. Семенова (Санкт-Петербург)

На данный период в России возникает острая потребность в личности, способной к самореализации в различных областях жизнедеятельности: исследовательской, управленческой, творческой, образовательной и др. В современных условиях формирования информационного общества полученные знания, наука и наукоемкие технологии расширяют представления молодого человека о мире и о самом себе. Усиливается роль интеграции образовательной и научной деятельности обучающихся, по-новому встает вопрос об этапах становления молодого ученого, специалиста, об условиях и формах возможного взаимодействия молодежи. Таким образом, наука и образование ставят главной задачей формирование у молодых людей готовности к осуществлению активных видов самостоятельной деятельности в научной сфере. Также следует отметить, что перед российским образованием стоит задача воспи-

тания нового поколения ученых – творческих, высокообразованных, компетентных, ориентированных на знаниевую экономику, предпочитающих заниматься исследованиями научных проблем и внедрением полученных результатов в своей стране.

Актуальность темы, в свою очередь, также обусловлена изменением ценностей и жизненных ориентаций современной молодежи, выросшей в условиях постсоветского пространства, в кризисный, переходный период от социализма к капитализму. Ведь пополнение кадрового потенциала российской науки тесно связано с уровнем заинтересованности молодежи, начиная от абитуриентов, студентов и заканчивая аспирантами, в работе на научном поприще. Таким образом, связь образования и научной деятельности становится неразрывной, взаимно обогащающей друг друга. Таким образом происходит интеграция научной и образовательной деятельности, что необходимо в современных условиях развития науки и общества.

На сегодняшний день анализ ценностей научной деятельности молодежи является частью немногих крупных научных направлений, где вопросы отношения молодых людей к науке выступают одной из проблем, рассматриваемых в общем контекстуальном пространстве.

Так, Вебер описывает ситуацию, схожую с ситуацией сегодня, говоря о том, что среди молодежи распространено представление о науке как об арифметической задаче. Они воспринимают научную деятельность как оперирование только холодным рассудком, сродни работе на фабрике (Вебер, 1990). При этом, прежде всего, следует заметить, что рассуждающие подобным образом по большей части не знают ни того, что происходит на фабрике, ни того, что делают в лаборатории.

О жизненных ориентациях человека пишет К. А. Абульханова. Она усматривает главной целью человека реализацию определенного замысла и пишет: стратегия жизни человека имеет три основных признака. Первый – выбор основного для человека направления, способа жизни, определение ее главных целей, этапов их достижения и соподчинение этих этапов. Стратегия, возникая сначала как замысел жизни, как ее смысл, идеальный план, затем требует реализации на практике. А на практике люди сталкиваются и с тем, что открывает дорогу для реализации их замысла, и с тем, что ему противоречит, что может увести в сторону (Абульханова-Славская, 1991).

Бюлер же индивидуальную жизнь человека в ее динамике назвала жизненным путем личности. Она выделила ряд сторон, или аспектов, жизни, чтобы проследить их в динамике (Бюлер, 1958). Одну из сторон она представляла как смену переживаний, ценностей, как эволюцию внутреннего мира человека, как логику его внутренних событий. Бюлер считала, что в жизни личностью движет стремление к самоосуществлению и творчеству.

Таким образом, и Абульханова-Славская, и Бюлер указывают важными составляющими жизненного пути человека самореализацию и творчества, и именно эти ценности соответствуют научной деятельности.

Ярошевский, описывая личность ученого, придерживается иной позиции: среди «профессионально важных» для ученого черт, указывает: потребность в профессиональном признании, желание в приобретении знаний, потребность в достижении и др. (Ярошевский, 1969). Т. е. главной ценностью ученый в своей работе видит саму научную деятельность, и довольствуется именно ей. При этом Ярошевский утверждает, что мысли о славе, почестях, приоритете не дадут ученому полностью отдаться полету своей творческой фантазии.

Студенты, вовлеченные в научно-исследовательскую деятельность, в первую очередь, занимаются наукой на базе университета, участвуя в научных семинарах и конференциях, реализуют свой внутренний потенциал. Подтверждением может служить обращение к опыту истории развития студенческой науки в Российском государственном университете им. А. И. Герцена. В ЛГПИ им. А. И. Герцена в конце 1921 г. стали появляться такие кружки. К 1928 г. на Педологическом факультете создается БЮНИР (Бюро научно-исследовательской работы) студентов и Бюро научных кружков вуза. В 1930 г. на базе института из существующих научных кружков создается Студенческое научное общество (СНО), разрабатывается Устав. На факультетах стало традицией проводить ежегодно научные конференции студентов (Игнатенко, 2006). С 1954 г. студенческая научная деятельность приобретает более организованный характер благодаря активной деятельности Студенческого научного общества (СНО), которое успешно развивается. В члены СНО принимался любой успешно выполняющий учебный план и выступивший хотя бы один раз на заседании кружка с научным сообщением. Развитие различных форм НИРС, включенных в рамки учебного процесса, привело к тому, что с начала 70-х годов стала складываться комплексная система научно-исследовательской работы студентов, которая сохраняется и развивается в настоящее время. На психолого-педагогическом факультете, разработан проект «НОЦ-Школа молодого исследователя: современные тенденции», на основе которого реализуются все направления научно-исследовательской деятельности обучающихся молодежи (Игнатенко, Белогубец, 2013). Особое внимание уделяется интеграции научной и образовательной деятельности, возможности участия студентов с младших курсов в научных мероприятиях. Полученные результаты выполненных исследовательских и самостоятельных работ, в рамках изучения учебных дисциплин, таких как: «История психологии», «Конфликтологии», «Психологии труда и личности педагога и др., студенты обсуждают в секционных заседаниях научных конференций, семинарах, круглых столах. Это свидетельствует

о неразрывности образовательного процесса и научной деятельности, а также о хорошей ориентации студентов в исследовательских проблемах. Однако следует отметить, что вовлеченность студентов в научную деятельность, по нашему мнению, необходима для подготовки современного компетентного специалиста.

Поэтому *цель* нашего исследования состоит в изучении ценностно-смысловой сферы студентов, ориентированных на научную деятельность. *Задачи* исследования: изучить ценностные ориентации, мотивацию, творчество, креативность, особенности самоотношения, самореализации, отношение к научной деятельности («очарование наукой») студентов, участвующих в научно-исследовательской деятельности.

Мы полагаем, что преобладание потребностей в самореализации, самоутверждении и созидании следует выделять как основу формирования ценностно-смысловых ориентаций студента, вовлеченного в научно-исследовательскую деятельность.

Для проверки данной гипотезы используются методы: моделирование, анкетирование, методы педагогической и психологической диагностики, изучение и обобщение опыта, изучение результатов научного творчества обучающихся, метод экспертных оценок, количественный и качественный анализ результатов исследования.

Полученные результаты проведенной работы позволяют успешно уже с первых курсов организовывать научные студенческие клубы, кружки, сообщества, направленные на реализацию запроса первокурсников на занятие научной деятельностью и включения начинающих исследователей в научное сообщество независимо от их научного статуса.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. С. 126–149.
- Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990.
- Игнатенко М. С. М. Я. Басов – основоположник Отделения психологии и педологии Педагогического института им. А. И. Герцена // Психологическая подготовка педагога в России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. С. 19–29.
- Игнатенко М. С., Белогубец Т. А. Научно-образовательный центр как школа молодого исследователя. VII Санкт-Петербургский конгресс: Профессиональное образование, наука, инновации в XXI веке: Сборник трудов. СПб.: Изд-во Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», 2013. С. 119–122.
- Ярошевский М. Г. О трех способах интерпретации научного творчества // Научное творчество. М., 1969. С. 95–142.

РОЛЬ СТРУКТУРЫ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И САОМОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ ЛЮДЕЙ, СТРАДАЮЩИХ ПИЩЕВОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

М. В. Сергеева (Курск)

В современном обществе прослеживается отчетливая тенденция к нарастанию процента лиц с нарушением пищевого поведения, что обусловлено как доступностью энергетически богатой пищи и снижением физической активности в связи с техническим прогрессом, так и нарастанием аддиктивного поведения и развитием его новых форм в связи с усилением психоэмоционального напряжения, что приводит к усугублению невротических проявлений и социальной дезадаптации (Сидоров, 2006). Пищевая зависимость – одна из наиболее серьезных проблем, стоящих перед современным обществом, поэтому изучение психологических аспектов проблемы избыточного веса в настоящее время представляет особый интерес. Нарушение пищевого поведения рассматривается как дезадаптивный способ разрешения конфликтов (Змановская, 2004). Психологическими особенностями лиц, страдающих нарушением пищевого поведения (ожирением), является склонность к длительному переживанию негативных эмоций, уход от проблем в ситуациях эмоционального напряжения, низкий уровень субъективного контроля над значимыми событиями своей жизни и межличностными отношениями, общая отрицательная оценка своей личности – негативное самоотношение. Самоотношение рассматривается как интегральная, динамическая структура самосознания, отражающая меру принятия личностью самой себя, проявляющаяся в переживании чувства собственной ценности и значительности на основе рефлексии и выражающаяся в поведенческих реакциях. В структуре самоотношения выделяют эмоциональный и когнитивный компоненты. Через аутосимпатию, самоинтерес, самообвинение, самопринятие и самопонимание проявляется и оформляется эмоциональная оценка собственной личности, определяющая модальность самоотношения. Самоуважение, самоуверенность, ожидаемое отношение других и саморукводство развиваются в ходе сравнительного анализа с другими людьми, т. е. они являются проявлениями самооценки (Столин, 1987; Пантелеев, 1991). Формируется самоотношение исходя из личностного смысла – устойчивого эмоционального отношения, возникающего в реальной жизнедеятельности, отражающего отношение целей и обстоятельств совершения действий к мотивам деятельности, что становится основанием для формирования позитивного, негативного и конфликтного смысла (Пантелеев, 1993). Особую роль в формировании самоотношения личности играют смысложизненные ориентации, являющиеся одной из целостных систем сознательных и избирательных

связей, отражающие направленность личности, наличие жизненных целей, осмысленность выборов и оценок, удовлетворенность жизнью и способность брать за нее ответственность, влияя на ее ход. Смысл жизни рассматривается как стержневая, обобщенная, динамическая система смыслов, детерминирующая общую направленность жизни субъекта (Леонтьев, 1999). Но, когда поступки человека теряют значимость и превращаются в чисто функциональные, происходит отчуждение жизни, что проявляется в отсутствии активных действий и достижений личности и выступает основной причиной ее стагнации. Также выделяется вариант вытеснения смысла жизни, что наблюдается в ситуациях, угрожающих самоотношению, при этом жизнь такой личности лишена достойного смысла, наблюдается безразличное отношение к своему будущему и настоящему, нежелание что-то менять, преодолевать трудности, отказ от каких-либо устремлений, в результате чего происходит формирование негативных оценок себя, самообвинение, отсутствие самоуважения, что является причиной негативного восприятия себя в целом. Вытеснение смысла жизни и формирование негативного самоотношения приводит к возникновению неадекватного ощущения ответственности за все отрицательное, что происходит в семье, появлению чувства вины, тревоги и эмоционального напряжения (Леонтьев, 1999).

Цель настоящего исследования: выявить какую роль играют структуры смысложизненных ориентаций и самоотношения личности в формировании семейной системы людей, страдающих пищевой зависимостью.

В процессе исследования проверялась основная *гипотеза*, согласно которой структура смысложизненных ориентаций и самоотношения личности оказывает влияние на формирование семейной системы людей, страдающих пищевой зависимостью.

В эмпирическом исследовании был использован следующий методический инструментарий. Для диагностики мотивации достижения и самооценки личности был использован тест-опросник самоотношения личности С. Р. Пантелеев, В. В. Столин, Тест «Смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева, направленный на изучение высшего уровня самосознания человека – уровня осмысления всей жизни в целом, Опросник «Анализ семейной тревоги» Э. Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис, а также использовался архивный метод и метод клинической беседы.

Для обработки полученных данных были применены такие количественные методы, как анализ средних значений параметров и степени их вариативности в различных выборках, статистическое сравнение показателей по U-критерию Манна–Уитни. Организационной базой исследования стала Областная клиническая больница скорой и медицинской помощи г. Курска. Объем выборки составил 28 чел.: 14 испытуемых с нарушением пищевого поведения и 14 испытуемых, не имеющих

зависимости (здоровых). Значимость различий выявлена при попарном сравнении по показателям U-эмпирическое и U-критическое.

Исследование самоотношения личности показало, что у лиц, страдающих пищевой зависимостью, наблюдаются видение недостатков, низкая самооценка, готовность поставить себе в вину свои промахи и неудачи, собственные недостатки ($90,12 \pm 5,21$), неудовлетворенность собой и своими возможностями, сомнение в способности вызывать уважение ($15,07 \pm 5,78$), ожидание отрицательного отношения окружающих к себе ($15,52 \pm 4,14$), неумение дать оценку своим возможностям, нежелание контролировать собственную жизнь и непоследовательность ($32,12 \pm 6,41$), неинтерес к собственным мыслям и чувствам, неуверенность в своей интересности для других ($34,34 \pm 5,07$), неверие в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, непонимание самого себя ($24,01 \pm 3,60$). В ходе исследования смысложизненных ориентаций было выявлено, что для группы испытуемых с нарушением пищевого поведения свойственны более низкие показатели, чем в группе здоровых. У испытуемых первой группы наблюдается неудовлетворенность своей жизнью в настоящем ($16,36 \pm 1,12$), так как они живут сегодняшним или вчерашним днем ($61,43 \pm 5,80$), неудовлетворенность результатами прожитого отрезка жизни ($8,71 \pm 1,43$), неверие в свои силы и возможность контролировать события собственной жизни ($6,79 \pm 1,10$), нежелание быть хозяином своей жизни, проявляющееся на фоне недоверия к жизни и признания ее неконтролируемости ($5,57 \pm 1,35$), убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода иллюзорна и бессмысленно что-либо загадывать на будущее ($7,64 \pm 1,5$). Тогда как группе испытуемых, не имеющих пищевой зависимости, свойственна целеустремленность, восприятие процесса своей жизни как интересной, эмоционально насыщенной и наполненной смыслом, а также преобладание представлений о себе как о самостоятельном, волевом, энергичном, надежном человеке, которому есть за что себя уважать.

Исследование семейной тревоги показало, что у людей, страдающих нарушением пищевого поведения, формируется неадекватное ощущение ответственности за все отрицательное, что происходит в семье ($6,79 \pm 1,42$), ощущение, что ситуация в семье не зависит от собственных усилий ($5,86 \pm 1,16$) и что выполнение семейных обязанностей представляет собой непосильную задачу ($5 \pm 1,47$).

Данные результаты свидетельствуют о том, что переживания, противоречащие представлениям о себе, неудовлетворенность собой и своей жизнью, неуверенность в себе, неверие в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, непонимание самого себя вытесняются, что проявляется в семейных отношениях в виде тревоги, ощущениями беспомощности и неспособности вмешаться в ход событий в семье, неадекватными ощущениями ответственности за все отрицательное, что происходит в ней. Таким образом, индивид с семейно-обусловлен-

ной тревогой перестает ощущать себя значимым действующим лицом в семейной системе, и выполнение семейных обязанностей становится для него непосильной задачей.

Литература

- Змановская Е. В.* Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: Учеб. пособ. для студ. выс. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. С. 288.
- Леонтьев А. Н.* Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
- Пантелеев С. Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
- Сидоров П. И.* Коррекция избыточной массы тела. М.: Медпресс-информ, 2004.
- Столин В. В.* Самосознание личности М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ФАКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНФЛИКТЕ

Е. С. Синельникова (Санкт-Петербурге)

Современный мир характеризуется ростом числа и интенсивности конфликтов. Особое место среди них занимает межличностный конфликт: практически каждый человек на протяжении своего жизненного пути становится участником межличностных конфликтов. Межличностный конфликт рассматривается исследователями как трудная ситуация межличностного взаимодействия: конфликт предполагает наличие противоречий в убеждениях, целях, ценностях его участников.

Современные отечественные исследователи отмечают как позитивные, так и негативные последствия конфликтов (Анцупов, Баклановский, 2006). Преобладание позитивных или негативных последствий во многом зависит от успешности его разрешения. А. Я. Анцуповым и С. В. Баклановским отмечается следующий парадокс: с одной стороны, большинство людей на уровне убеждений предпочитают взаимодействие, направленное на разрешение конфликта в интересах всех его сторон, с другой стороны – в ситуации реального конфликта, как правило, выбирают стратегию противоборства (Анцупов, Баклановский, 2006). С нашей точки зрения, одной из важнейших причин выявленного противоречия являются психологические особенности конфликтной ситуации. Конфликтная ситуация, как правило, сопровождается интенсивными негативными эмоциями, которые оказывают влияние на выбор стратегии и способов взаимодействия в конфликте (Анцупов, Баклановский, 2006).

На основе результатов теоретического анализа и эмпирических исследований роли эмоций и эмоциональной регуляции в конфликте, мы можем предположить, что эмоциональный интеллект играет важную

роль во взаимодействии в конфликте. Д. В. Люсин определяет эмоциональный интеллект как «способность к пониманию и управлению эмоциями, как своими, так и чужими» (Люсин, 2009, с. 264). Эмпирические исследования роли эмоционального интеллекта во взаимодействии в конфликте немногочисленны (Schutteetall, 2001), но свидетельствуют о позитивном влиянии эмоционального интеллекта на готовность к сотрудничеству в конфликте.

Ценностные ориентации являются одной из важнейших характеристик личности и оказывают влияние на различные сферы ее деятельности. Роль ценностных ориентаций особенно значима в ситуации выбора, принятия решения. Конфликтная ситуация является для личности жизненной задачей, которая требует принятия решения о выборе стратегий и способов взаимодействия в конфликте. Поскольку в современном мире выбор стратегий и способов взаимодействия в конфликте в меньшей степени определяется социальными нормами, возрастает роль ценностных ориентаций.

Целью настоящего исследования является изучение роли эмоционального интеллекта и ценностных ориентаций во взаимодействии в конфликте у представителей российской и голландской культуры. Сравнительный анализ роли эмоционального интеллекта позволяет выявить общие черты и культурные особенности в проявлении эмоционального интеллекта и ценностных ориентаций в конфликте у представителей различных культур.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что эмоциональный интеллект и ценностные ориентации влияют на предпочтение способов взаимодействия в конфликте. Эмоциональный интеллект проявляется в большей готовности к сотрудничеству с партнером в конфликте. Ценностные ориентации сотрудничества, как коллективистические ценностные ориентации, проявляются в предпочтении способов взаимодействия, направленных на разрешение конфликта в интересах всех его сторон. Ценностные ориентации уникальности, как индивидуалистические ценностные ориентации, – в предпочтении способов взаимодействия, направленных на конфронтацию с партнером.

В исследовании приняли участие 146 россиян (из них 59,6% женщин, средний возраст – 20,15 лет) и 125 голландцев (из них 66,4% женщин, средний возраст – 21,62 лет). В исследовании применялись следующие методики: опросник «Эмоциональный интеллект» (Schutteetall, 2001), методика поведенческих сценариев «Конфликтные ситуации» (авторская, в соавторстве с Д. Вигболдусом), опросник «Культурные измерения» (Triandisetall, 1998), опросник «Гендерные роли» (авторский, в соавторстве с Д. Вигболдусом). Для математико-статистического анализа данных применялись следующие методы: линейный регрессионный анализ, критерий Колмогорова – Смирнова, Т-критерий Стьюдента, критерий U Манна–Уитни.

Результаты исследования выявили, что россияне ($U=771,5$; $p=0,001$) и голландцы ($t=3,77$; $p<0,001$), имеющие высокий уровень эмоционального интеллекта, проявляют большую готовность к открытому выражению своих чувств и позиции, по сравнению с россиянами и голландцами, имеющими низкий уровень эмоционального интеллекта. Понимание своих чувств и чувств партнера, умение управлять ими позволяют выразить свою позицию и чувства в конфликте в форме, уважительной по отношению к партнеру.

В исследовании выявлены культурные различия в роли эмоционального интеллекта в предпочтении способа взаимодействия в конфликте «предложение решения проблемы». При сравнительном анализе предпочтения способов взаимодействия в конфликте представителями российской и голландской культуры, имеющими различный уровень эмоционального интеллекта, было показано, что россияне, имеющие высокий уровень эмоционального интеллекта, проявляют большую готовность к сотрудничеству с партнером в конфликте, по сравнению с россиянами, имеющими низкий уровень эмоционального интеллекта ($t=4,25$; $p<0,001$). Голландцы, имеющие средний уровень эмоционального интеллекта, проявляют большую готовность к сотрудничеству с партнером в конфликте, по сравнению с россиянами, имеющими низкий уровень эмоционального интеллекта ($t=2,09$; $p<0,05$). Культурные различия могут быть связаны с большей значимостью эмоций в российской культуре, трансформацией социальных норм и ценностных ориентаций в российской культуре и стабильностью социальных норм и ценностных ориентаций в голландской культуре.

В исследовании выявлено влияние ценностных ориентаций сотрудничества на предпочтение способа взаимодействия в конфликте: «выражение своих чувств и позиции» у представителей российской ($KMK=0,456$; $KMD=0,208$; $p<0,001$) и голландской ($KMK=0,254$; $KMD=0,065$; $p<0,05$) культуры. Также ценностные ориентации сотрудничества проявляются в предпочтении способа взаимодействия «предложение решения проблемы» у представителей российской ($KMK=0,451$; $KMD=0,203$; $p<0,001$) и голландской ($KMK=0,343$; $KMD=0,118$; $p<0,01$) культуры и способа взаимодействия «признание чувств и позиции партнера» у россиян ($KMK=0,308$; $KMD=0,095$; $p<0,05$). Ценностные ориентации уникальности проявляются в готовности к обвинению партнера в конфликте у россиян ($KMK=0,333$; $KMD=0,111$; $p<0,01$) и голландцев ($KMK=0,268$; $KMD=0,072$; $p<0,05$). Ценностные ориентации сотрудничества проявляются в конфликтной ситуации в готовности учитывать как свои интересы, так и интересы партнера. Ценностные ориентации уникальности проявляются в ориентации на защиту своих интересов в конфликтной ситуации. Высокая значимость для личности ценностных ориентаций уникальности становится причиной переоценки нарушений социальных норм со сто-

роны партнера, готовности к безапелляционному осуждению его поступков, трудностям в децентрации.

Таким образом, результаты исследования подтверждают гипотезы исследования и свидетельствуют о значимой роли эмоционального интеллекта и ценностных ориентаций во взаимодействии в конфликте. Эмоциональный интеллект проявляется у представителей обеих культур в готовности к открытому выражению своих чувств и позиции и сотрудничеству с партнером в конфликте. При этом у россиян оптимальным для сотрудничества в конфликте является высокий уровень эмоционального интеллекта, у голландцев необходимым и достаточным является средний уровень эмоционального интеллекта. У представителей обеих культур ценностные ориентации сотрудничества проявляются в предпочтении способов взаимодействия, ориентированных на сотрудничество в конфликте, ценностные ориентации уникальности проявляются в предпочтении агрессивного взаимодействия в конфликте, направленного на защиту своих интересов и выражение негативных чувств по отношению к партнеру.

Литература

- Анцупов А. Я., Баклановский С. В. Конфликтология в схемах и комментариях. СПб.: Питер, 2006.
- Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 264–278.
- Schutte N. S., Malouff J. M., Bobik C., Coston T. D., Greeson C., Jedlika C., Rhodes E., Wendorf G. Emotional Intelligence and Interpersonal Relationships / N. S. Schutte, J. M. Malouff, C. Bobik, T. D. Coston, C. Greeson, C. Jedlika, E. Rhodes, G. Wendorf // The Journal of Social Psychology. 2001. Vol. 141. № 4. P. 523–536.
- Triandis H. C., Gelfand M. J. Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. V. 74. № 1. P. 118–128.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОПАСНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПАВ ВО ВРЕМЯ БЕРЕМЕННОСТИ У ЖЕНЩИН ДЕТОРОДНОГО ВОЗРАСТА

Л. В. Скитневская (Нижний Новгород)

Употребление психоактивных веществ – серьезная, широко распространенная проблема, которая наносит человечеству все более возрастающий урон. Социальные факторы (стремительные темпы социальных

преобразований и процесса урбанизации, углубляющаяся несоразмерность в уровнях благосостояния различных социальных групп) тесно связаны с этой проблемой. Отмечается рост употребления алкоголя, наркотиков, курение среди женщин, что, естественно, настораживает профессионалов и общество. Употребление психоактивных веществ женщинами не только отрицательно влияет на самих женщин, поскольку приводит к нарушениям социального поведения, к изменению положения женщины в обществе и к резкому ухудшению здоровья, но и нарушает их генеративную функцию (оказывает влияние на беременность и здоровье будущего ребенка).

Целью работы является изучение представлений и особенностей поведения женщин детородного возраста в отношении психоактивных веществ.

Исследование проходило весной 2014 г. в Нижнем Новгороде и Нижегородской области и является частью большого исследовательского проекта. Отбор участников в исследование проходил с помощью скрининга. Критерии отбора были следующие: женщины детородного возраста; небеременные на момент исследования; готовы принимать участие в опросе. В итоге в исследование приняли участие 140 небеременных женщин, в возрасте от 19 до 44 лет.

Для решения эмпирических задач был использован специально разработанный стандартизованный опросник.

Блоки программных вопросов исследования включали:

1. Социально-демографические характеристики.
2. Социально-поведенческие характеристики: установки к потреблению психоактивных веществ женщинами в период беременности.
3. Поведение женщин в отношении психоактивных веществ (алкоголя, курения, употребления наркотиков).

Процедурой опроса была обеспечена конфиденциальность полученных данных: каждой анкете присваивался порядковый номер без указания имени или другой персонально идентифицирующей информации. Весь объем материала в исследовании был собран с применением процедуры индивидуального опроса. Все интервью проводились с глазу на глаз.

Математическая обработка результатов проводилась с помощью методов описательной статистики с использованием программного пакета «SPSS 14.0. for Windows».

Социально-демографические характеристики опрошенных. Целевую группу исследования составили женщины в возрасте от 19 до 44 лет, средний возраст испытуемых – 29 лет. Большинство опрошенных женщин – 52,5% не имеют детей, 27,5% имеют одного ребенка, двоих детей имеют 20% опрошенных. Уровень образования у группы исследуемых различен. Так, высшее образование имеют 60% женщин, неоконченное высшее – 17,5%, среднее специальное образование – 20% женщин

и среднее образование – 2,5%. Так как в выборку нашего исследования были включены женщины детородного возраста, мы спросили, планируют ли они рождение ребенка. Так, 70% женщин планируют беременность, из них 15% опрошенных женщин планируют беременность в течение года, 35% женщин планируют завести ребенка в течение 2–3 лет, 20% планируют беременность в течение 5 лет и 30% опрошенных женщин не планируют рождение детей.

Результаты. Эмпирическое исследование началось с изучения отношения женщин к вредным привычкам (к употреблению наркотических веществ, к употреблению алкоголя и к курению). Анализ данных показал, что 100% опрошенных женщин негативно относятся к употреблению любых наркотических веществ; положительно относятся к употреблению алкоголя 7,5% опрошенных женщин, нейтрально относятся 65% опрошенных, негативное отношение к употреблению алкоголя высказали 27,5% женщин. Половина опрошенных женщин (50%) негативно относятся к курению, 45% – нейтрально и 5% положительно относятся к курению.

Поведение женщин в отношении вредных привычек. Большинство женщин в течение последнего года употребляли алкогольные напитки (95%). Из них 63% опрошенных употребляют алкоголь в среднем один раз/вечер в неделю, 34,4% – два раза/вечера в неделю и 2,6% употребляют алкоголь 3 и более раза/вечера в неделю.

Изучение количества употребляемого алкоголя женщинами показало, что по одной дозе за раз/вечер (стандартная доза алкоголя содержит 14 грамм чистого спирта. Одной дозой являет: 350 мл пива (5°), 45 мл водки (40°), 150 мл вина (12°) – NIAAA, 2005), выпивают 48% женщин, две дозы выпивают 39,5% женщин, три дозы выпивают 7,9% женщин и меньше одной дозы за раз выпивают 4,6% опрошенных женщин.

Большинство из них употребляют вино (42%), часть опрошенных женщин употребляют пиво (26%), 13% женщин предпочитают водку или коньяк, 11% употребляют пиво и 8% женщин употребляют алкогольные коктейли.

Если оценивать поведение женщин в отношении курения, то результаты показали, что большая часть опрошенных (72,5%) не курят. Их тех, кто курит, 20% женщин курят не каждый день, в среднем 5 дней в неделю, остальные 80% курят ежедневно. Что касается количества выкуриваемых сигарет, то эта цифра варьируется от 2 до 15 сигарет в день.

Сообщили, что когда-либо употребляли наркотики и/или другие, похожие на них опьяняющие вещества без назначения врача 10% женщин. Каждый третий респондент, пробовавший наркотики, имеет опыт употребления препаратов конопли (75%). Большинство из них употребляли наркотические вещества в подростковом возрасте. 25% женщин употребляли сильные обезболивающие, например морфий, кодеин, без назначения врача также в подростковом возрасте.

Отношение женщин к употреблению психоактивных веществ в период беременности. 90% женщин ответили, что употребление любых алкогольных напитков во время беременности «может значительно повредить ребенку»; 7,5% ответили, что употребление алкоголя «может немного повредить»; 2,5% считают, что употребление алкоголя женщиной во время беременности «может быть немного полезными» ребенку.

Понимание вреда/пользы для ребенка от употребления алкоголя женщиной во время беременности меняется в зависимости от вида алкогольного напитка. Так, например, поведение в отношении пива уже носит, скорее, разрешающий характер, чем в отношении алкоголя вообще, еще более выражено разрешение в употреблении красного вида. По мнению 62,5% опрошенных женщин, употребление пива «может значительно повредить» ребенку во время беременности, 15% опрошенных женщин считают, что употребление красного вина во время беременности «может быть немного полезным». Отношение к употреблению водки во время беременности у большинства опрошенных отрицательное – 92,5% считают, что водка «может значительно» повредить ребенку во время беременности.

Также большинство женщин – 97,5% считают, что курение во время беременности «может значительно повредить». 100% опрошенных женщин считают, что употребление наркотических веществ женщиной во время беременности «может значительно повредить» здоровью будущего ребенка.

Таким образом, все опрошенные женщины негативно относятся к употреблению наркотических веществ. Почти все женщины ответили, что любые алкогольные напитки могут значительно повредить ребенку во время беременности, но в то же время они считают, что красное вино и пиво может быть полезными для ребенка во время беременности.

Заключение. В ходе исследования выявилось неоднозначное отношение к употреблению психоактивных веществ женщинами во время беременности. В основном к употреблению алкоголя и к курению женщины относятся в большей степени нейтрально, нежели негативно. Многие женщины считают, что любые алкогольные напитки могут значительно повредить ребенку во время беременности, но в то же время они считают, что красное вино или пиво может быть иногда даже полезными для будущего ребенка. Негативное отношение наблюдается у всех опрошенных женщин к употреблению наркотиков во время беременности. Это может говорить о том, что наркотики для женщин неприемлемы, в то время как алкоголь и курение, по их мнению, вполне приемлемы. Нейтральное отношение к алкоголю подтверждает его употребление женщинами, так как всего лишь 5% опрошенных женщин не употребляли алкогольные напитки в последний год перед опросом.

Литература

- Кошкина Е. А. Распространенность алкоголизма и наркомании среди населения России // Психиатрия и психофармакотерапия. 2002. № 3. С. 87–89.
- Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. анализ и интерпретация данных: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2006.
- Цветкова Л. А. Наркопотребление в студенческой среде: распространенность и социально-психологические факторы довузовского периода // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2009. Вып. 2. С. 176–186.
- Цветкова Л. А., Антонова Н. А. Распространенность рискованных форм поведения в сфере здоровья среди студентов младших курсов // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 4. С. 83–93.
- National Institute of Alcohol Abuse and Alcoholism (NIAAA). Alcohol consumption by children and adolescents: An interdisciplinary overview. 2005.

ОЦЕНКА УРОВНЯ СЧАСТЬЯ У ГУМАНИТАРНО И ТЕХНИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫХ СТУДЕНТОВ*

В. В. Склизкова (Томск)

В современной психологии достаточно в малой степени известно о том, от чего зависит счастье человека, однако этим вопросом активно интересуются «позитивные» психологи (например, М. Селигман, Дж. Вейлант, Э. Динер, М. Чиксентмихали и К. Шелдон). Американские психологи Соня Любомирски и Кен Шелдон обобщили все, что известно науке о факторах достижения счастья, и представили их в виде круга, разделенного на три части разных размеров. Самая большая (50%) – это влияние нашего темперамента, личностных черт, т. е. наследственных факторов. Некоторые из нас с детства чувствуют себя в целом счастливыми, что бы с ними ни происходило, другим же трудно почувствовать, что у них все хорошо. Самая маленькая часть (примерно 10%) – это влияние внешних обстоятельств, включая место, где мы живем, уровень семейных доходов, качество образования, принадлежность к определенному социальному кругу. Так что, с точки зрения психологов, уезжать куда-то в погоне за счастьем просто бессмысленно. Наконец, еще одна большая часть (40%) – то, как мы сами строим свою жизнь: к каким целям стремимся, с какими людьми общаемся, какие занятия выбираем, какой образ жизни ведем. Исходя из последнего, нам стало интересно

---

* Исследование выполнено по заданию № 2014/233 на выполнение государственных работ в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России, проект «Психотехническое обеспечение процесса развития когнитивного и коммуникативного потенциала».

проанализировать, как влияет ориентация российских студентов на гуманитарную и техническую сферу деятельности на уровень их счастья. Анализ психологической и социологической литературы свидетельствует о том, что по уровню счастья такие студенты могут существенно отличаться, а важным фактором высокого уровня счастья может быть ориентация на достижения.

Цель исследования заключалась в оценке и сравнении уровня переживания счастья, удовлетворенности жизнью, выраженности положительных и отрицательных эмоций у гуманитарных и технически ориентированных студентов и выявлении взаимосвязи между ними и ориентацией на достижение.

В нашем исследовании уровень счастья у гуманитарных и технически ориентированных студентов измерялся при помощи нескольких методик: Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера – скрининговая методика оценки удовлетворенности жизнью; Шкала позитивного и негативного аффекта – методика оценки выраженности позитивных и негативных эмоций; Шкала субъективного счастья С. Любомирски – скрининговая методика оценки переживания счастья; Сокращенная версия шкалы достижения и шкалы аффилиации the Personality Research Form (PRF; Jackson, 1984).

В исследовании приняли участие 136 студентов, из них 62 учатся в университете по специальностям гуманитарного направления, а 74 – по специальностям технически ориентированного направления.

Статистическая обработка результатов психодиагностики (описательная статистика из пакета программ Statistica 6.0) показала, что гуманитарно ориентированные и негуманитарно ориентированные студенты обладают схожим уровнем удовлетворенности жизнью ($17,1 \pm 3,0$ и $16,0 \pm 3,8$ балла соответственно) и оценки переживания счастья ($14,1 \pm 3,3$ и $13,7 \pm 3,1$ балла), но отличаются степенью выраженности позитивных ($37,0 \pm 8,0$ и $34,0 \pm 7,1$ балла) и негативных ($23,1 \pm 9,2$ и $21,5 \pm 8,0$ баллов, достоверность межгрупповых различий $p < 0,05$) эмоций.

Нами был проведен корреляционный анализ, в ходе которого у студентов технического направления выявлены корреляции по следующим показателям:

1. Чем в большей степени студенты ориентированы на личные достижения, тем больше они удовлетворены своей жизнью ($r=0,345$; $p=0,003$); выше оценка переживания счастья ($r=0,256$; $p=0,028$); сильнее положительные эмоции ($r=0,478$; $p=0,000$).
2. Чем больше ориентированность студентов на аффилиацию, тем в большей степени они удовлетворены своей жизнью ($r=0,397$; $p=0,000$); у них выше оценка переживания счастья ($r=0,469$; $p=0,000$), сильнее положительные эмоции ($r=0,458$; $p=0,000$).

У студентов гуманитарного направления анализ показал:

1. Чем выше ориентированность на достижение и аффилиацию, тем выше положительные эмоции ($r=0,362$; $p=0,004$ и $r=0,319$; $p=0,013$ соответственно).
2. Чем сильнее студенты ориентированы на достижения, тем меньше у них выражены отрицательные эмоции ($r=-0,351$; $p=0,006$).
3. Чем выше ориентированность студентов на аффилиацию, тем выше их оценка переживания счастья ($r=0,291$; $p=0,024$).

Из этого следует, что по уровню счастья студенты мало различаются, но отличаются по степени выраженности положительных и отрицательных эмоций. Технически ориентированные студенты, судя по нашим результатам, оказываются менее эмоциональными, но это не является препятствием для достижения ими некоторого уровня счастья и удовлетворенности жизнью. У гуманитарно ориентированных студентов наблюдается более высокая степень выраженности и положительных, и отрицательных эмоций, они более эмоциональны и импульсивны. Однако уровень их счастья и удовлетворенности жизнью практически совпадает с технически ориентированными студентами. Полученные результаты указывают на важную закономерность: ориентация студентов на личные достижения является важным фактором достижения высокого уровня счастья и удовлетворенности жизнью. Следовательно, создание в университете таких образовательных условий, которые бы способствовали разнообразным, социально значимым личностным достижениям студентов и раскрытию их личностного потенциала, могло бы обеспечить их позитивный настрой на будущую счастливую жизнь, личную и профессиональную успешность.

Литература

- Каракулова О. В., Богомаз С. А.* Оценка реализуемости базисных ценностей в условиях г. Томска с точки зрения гуманитарно-ориентированной и негуманитарно-ориентированной вузовской молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 117–120.
- Осин Е. Н.* Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.
- Sheldon K. M.* Persistent pursuit of need-satisfying goals leads to increased happiness: A 6-month experimental longitudinal study // Motiv Emot. 2010. № 34. P. 39–48.

О НРАВСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ПОДРОСТКОВ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

М. И. Слипка, М. С. Афонина (Москва)

Известно, что одним из ведущих условий социальной адаптации человека является зрелость его жизненных ценностей и мотивов, сформированность его активной гражданской позиции. Именно в подростковом возрасте, когда незрелая личность начинает делать самостоятельные попытки занять свое место в мире взрослых, отмечается рост медико-социальных проблем (в том числе рост нетерпимости к другим людям, формирование вредных привычек, ранняя беременность и т. п.), свидетельствующих о трудностях социальной адаптации (Антонова, 2011).

С целью исследования основных психологических предикторов трудностей социальной адаптации подростков (сформированность родительской позиции, отношение к здоровью, профессиональное самоопределение, толерантность в социуме) проведено обследование 150 чел. (15–17 лет), находящихся на диспансерном наблюдении в ФГБНУ «Научный центр здоровья».

В качестве методов были использованы: моделирование исследуемого процесса, наблюдение, экспертный анализ медицинской и психолого-педагогической документации, анкетирование.

Анализ медицинской документации показал, что у большинства современных подростков имеются хронические заболевания. По состоянию здоровья подростки объединены в три группы: I группа здоровья (15 чел.), II группа здоровья (42 чел.), III группа здоровья (43 чел.). Молодые люди нуждаются в систематическом наблюдении со стороны врачей, а в ходе их обучения и воспитания необходим учет взрослыми их ограниченных возможностей здоровья. Однако сопоставительный анализ медицинской и психолого-педагогической документации свидетельствует о том, что в 75% наблюдается выраженное расхождение между психическими и физическими возможностями ребенка и требованиями, предъявляемыми к нему взрослыми (родителями, учителями).

В исследовании психологической готовности подростков к социальной роли родителей выявлено, что на фоне поощряемых обществом гражданских браков, старшеклассники психологически не готовы к семейной жизни, а также имеют недостаточный уровень знаний для успешного функционирования в роли родителя. Большинство подростков (67%) практически не имеют опыта ведения домашнего хозяйства (например, не умеют готовить еду, убирать, не знают, как оплачивать счета за квартиру и формировать семейный бюджет). Старшеклассники обладают фрагментарными популярными сведениями о репродуктивной функции организма и основах эмбриогенеза, контрацепции. Они не только незнакомы в полной мере с родительскими обязанностями,

но и не могут объективно оценить меру ответственности, которая возлагается на них как на будущих супругов и родителей.

Исследование отношения подростков к здоровью показало, что для них характерны: низкая двигательная активность (57,2%), высокая частота употребления алкоголя и курения (от 18%), рискованное сексуальное поведение (27,3%), низкий уровень медицинской активности (65%). У значительного числа подростков (30%) выявлена предрасположенность к реализации различных форм девиантного поведения: склонность к аддиктивному поведению и к реализации саморазрушающего поведения, агрессивные тенденции.

В отношениях со сверстниками наблюдается рост нетерпимости и жестокого обращения (25,5%). Так, например, здоровые школьники несклонны встать на позицию больного сверстника, факт заболевания воспринимается здоровыми как что-то «ненормальное», что свидетельствует о низком уровне медицинской и психологической культуры, недостаточном уровне развития эмпатии и таких базовых ценностей и понятий, как «милосердие», «уважительное отношение к людям», «толерантность», «здоровье».

Не менее важным аспектом в вопросах сохранения здоровья и развитии нравственной сферы старшеклассников является профессиональное самоопределение. На современном этапе ценность профессиональной определенности, личностной и творческой реализации занимает у большинства подростков последние места.

В качестве особенностей профессиональных перспектив самосознания старшеклассников (15–17 лет) следует отметить, что у 85% подростков выбор будущей профессии внешний, связанный с необходимостью получить дальнейшее образование, с требованием родителей, с получением высокого социального статуса и материального достатка. Выбор профессии по призванию, устойчивому интересу, стремлению проявить себя в любимом деле характерен лишь для 15% подростков. Большинство старшеклассников получают неправильное представление о содержании труда или о перспективах профессии, склонны к игнорированию своих индивидуальных психофизиологических возможностей. Около половины детей (43,4%) не имеют любимых видов деятельности, не испытывают потребности и привычки реализовать себя в творчестве и труде. Проведенный опрос выпускников и их родителей показал, что решение о будущей профессии они принимали без профессиональной помощи психологов и педагогов (60%), а также без учета рекомендаций врачей-педиатров (в 97,4%). В большинстве случаев это приводит к трудностям самореализации в профессиональной деятельности, риску социальной дезадаптации, а также развитию или обострению хронических заболеваний.

Перечисленные эмпирические данные позволяют констатировать, что в настоящее время наблюдается снижение, а в некоторых случаях

и утрата семьей своей воспитательной функции. Семьи подростков нуждаются в дополнительных воспитательных ресурсах со стороны общества. Воспитательный потенциал родителей может быть повышен за счет информирования и культурного воздействия со стороны системы образования, здравоохранения и средств массовой информации. Совместные усилия должны быть направлены на повышение статуса семьи и ценности человеческой жизни, здоровья, толерантного отношения к другим людям, гражданской ответственности субъекта.

Основную роль в оптимизации и расширении воспитательного потенциала семьи играет школа. Современные образовательные программы должны способствовать личностному росту и формированию у учащихся активной жизненной позиции в вопросах сохранения здоровья, потребности в реализации личностного и трудового потенциала, четких социальных ориентиров. Необходимым партнером семьи и школы при решении вопросов воспитания нравственности (в том числе здорового образа жизни) является система здравоохранения (Профилактическая педиатрия, 2012). Повышение медицинской культуры у населения не должно ограничиваться лишь обсуждением с молодежью вопросов контрацепции и вреде психоактивных веществ. Современная педиатрия может реализовать на практике целостный, личностно-ориентированный подход. Важным аспектом работы педиатров с детьми и подростками является сотрудничество, уважение личности, формирование ответственности за свое здоровье и будущее. Внедрение в лечебно-профилактическую деятельность команды специалистов психолого-педагогического профиля (дефектологов, логопедов, медицинских психологов) существенно обогащает воспитательный потенциал педиатрии, а также позволяет семье и школе максимально эффективно реализовать индивидуальный подход к ребенку.

На основании комплексного медико-психолого-педагогического обследования в рамках ежегодного диспансерного обследования семья подростка получает исчерпывающую информацию о физическом и психическом развитии ребенка, а также комплексные рекомендации по улучшению и сохранению его здоровья, гармонизации развития личности, способах повышения социально-психологической адаптации.

Таким образом, процесс становления ценностных ориентаций подростков, их отношения к здоровью, гражданской позиции в значительной мере зависит от того, в какой семье он воспитывается, насколько воспитание является эффективным и успешным, а также от уровня организации учебно-воспитательной работы в школе и существующих воспитательных ресурсов учреждений здравоохранения, так как именно там осуществляется контроль и восстановление состояния здоровья детей РФ. Роль семьи, системы образования и здравоохранения в этом вопросе определяющая, так как именно данные социальные институты формируют в период сознательного детства «человеческий

капитал» – высоконравственную и здоровую нацию, а значит, и будущее России. Комплексная медико-психолого-педагогическая помощь должна способствовать развитию у старшеклассников личностного самоопределения и ценностей, системной и теоретической подготовке в вопросах сохранения собственного здоровья, обеспечению знаниями по воспитанию будущих детей, личностному и профессиональному самоопределению.

Литература

Антонова Е. В. Здоровье российских подростков 15–17 лет: состояние, тенденции и научное обоснование программы его сохранения и укрепления: Дис. ... докт. мед. наук. М., 2011.

Профилактическая педиатрия / Под ред. А. А. Баранова. М.: Союз педиатров России, 2012.

ПОКАЗАТЕЛИ СКЛОННОСТИ К РИСКУ У СПЕЦИАЛИСТОВ МОРСКОГО ФЛОТА

М. М. Соколова, В. В. Калита (Владивосток)

Проблема, связанная с несоблюдением правил техники безопасности сотрудниками, становится все актуальнее. На сегодняшний день выявлен ряд причин, которые объясняют данный факт. Во-первых, в большинстве случаев человек выбирает путь решения своих целей и задач, требующий от него минимальной затраты сил и энергии. Что, в свою очередь, приводит к избеганию пользования средствами защиты и, в конечном счете, не оказывает никакого влияния на получение исходного результата. Во-вторых, данное поведение вызвано безнаказанностью, как социальной, так и физической. Работник думает, что вероятность получения травмы крайне мала, что ею можно пренебречь. Что касается социальной безнаказанности, то тут упор делается на халатное отношение начальства или руководства организации. Зачастую бывает так, что они просто не замечают совершаемых сотрудниками нарушений, ссылаясь на то, что полученный результат компенсирует такой аспект, как несоблюдение техники безопасности. Все вышеперечисленное сказывается на формировании адаптации к опасности и риску у сотрудников, а также ложного мнения о личной неуязвимости.

Также следует сказать о том, что когда обстоятельства для нескольких сотрудников одновременно совпадают, тогда определяющим звеном в формировании поведения каждого отдельного субъекта труда выступают индивидуальные качества, среди которых можно назвать: характер, темперамент, особенности мышления, восприятие, воспитание, здоровье и многое другое. Данный список свойств личности, усло-

вий на производстве и различных обстоятельствах в социуме формирует ряд психологических причин, из-за которых, собственно, человек и ловит себя на мысли о нарушении правил техники безопасности. К ним следует отнести: экономию времени и сил, недооценка опасности и ее последствий, самоутверждение в коллективе, переоценка собственных возможностей, склонность к риску (как личностная черта) и другие.

В данной статье затронута лишь одна из многочисленных причин – склонность к риску. Склонность к риску представляет собой готовность человека совершать какие-либо рискованные операции. Так что же такое риск и чем он вызван? В самом широком понимании, риск – это «характеристика ситуации, имеющей неопределенность исхода, при обязательном наличии неблагоприятных последствий» (Альгин, 1989, с. 25–77). С. И. Ожегов объясняет риск как «возможную опасность и действие на удачу в надежде на счастливый исход» (Ожегов, 1964). По его мнению, риск включает в себя три основных элемента: 1) опасность; 2) неопределенность; 3) случайность. По мнению О. Ренна, риск – это «возможность того, что человеческие действия или результаты его деятельности приведут к последствиям, которые воздействуют на человеческие ценности» (Ренна, 1999, с. 132–133). Таким образом, видно, что определенный данного понятия множество и каждый из авторов придерживается своей точки зрения, в зависимости от направления исследования.

Даная проблема особенно актуальна для работников морских профессий. Успех борьбы с аварийной ситуацией определяется главным образом умением, практическими навыками каждого члена экипажа вести борьбу за непотопляемость, а также борьбу с различного рода техническими повреждениями. В последнее время участились случаи аварий, пожаров, повреждений оружия и технических средств на судах. Исходя из этого, склонность к риску у сотрудников в подобных ситуациях возрастает.

Объектом представленного в данной статье исследования выступают члены экипажа судна-госпиталя «Иртыш», которое входит в отряд судов обеспечения Тихоокеанского флота. Целью данной работы является диагностика сотрудников, с последующим выявлением показателей склонности к риску. Предмет исследования – показатели склонности к риску на судне во время трудовой деятельности. В рамках работы было проведено тестирование в мае 2015 г., в котором приняло участие 32 чел. Стоит отметить, что испытуемые не выравнились по возрастным различиям, стаж работы и должность тоже не учитывались. Экипаж на момент проведения исследования находился на борту судна. Основными методами для получения необходимой информации выступили: наблюдение, анализ документации, беседа, тест «исследование склонности к риску» А. Г. Шмелёва, методика диагностики уровня личностной готовности к риску Шуберта (тест склонности к риску «PSK» Шуберта).

Тест «исследование склонности к риску» А. Г. Шмелёва состоит из 50 вопросов с выбором ответа. В ходе анализа полученных результатов следует опираться на то, что показатель склонности к риску может варьироваться в промежутке от 0 до 40.

Таким образом, на основе полученных данных можно сказать о том, что 12 чел. (37%) имеют высокий уровень склонности к риску. Здесь рискованное поведение может иметь неблагоприятные последствия в различных ситуациях, встречающихся в трудовой деятельности работника. Средним уровнем склонности к риску обладает 11 сотрудников (36%). Они ответственно относятся к принятию решения в случае опасности. И лишь 9 работникам (27%) присущ низкий уровень. Значит, они всегда следуют правилам и соблюдают инструкции безопасной работы.

Методика уровня личностной готовности к риску «PSK» Шуберта представляет собой 25 вопросов, при ответе на которые испытуемый должен выбрать для себя наиболее подходящий вариант из предложенного в инструкции перечня. В конечном итоге по полученным данным определяется его уровень личностной готовности к риску. Чем выше показатель, тем более выражена склонность к риску.

Таким образом, на основании полученных данных можно сделать вывод о том, что большая часть членов экипажа судна «Иртыш» – 16 чел. (50%) имеют средний уровень готовности к риску, что характеризует их как людей, умеющих ответственно подойти к решению возникающих опасностей. В случае чего они обязательно применяют правила техники безопасной работы на судне. Низкий уровень присущ лишь 6 сотрудникам (19%). Таким людям свойственна осмотрительность, и в проблемной ситуации к риску они не прибегают. У 10 работников (31%) уровень высокий. Это указывает на выраженную готовность человека к неоправданному рискованному поведению, исход которого зачастую может стать опасным.

Итак, на основе выводов методик следует сказать, что у большинства опрошенных членов экипажа преобладает средний уровень склонности к риску. Следовательно, можно предположить, что проявлению стремления экономить силы за счет выбора опасного способа действия способствуют недостатки в организации технологии, техники и труда.

Литература

Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1964.

Реппа О. Три десятилетия исследования риска: проблемы и новые перспективы // Вопросы анализа риска. 1999. № 1.

ВЗАИМОСВЯЗЬ САООТНОШЕНИЯ С ВОЛЕВЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ЛИЧНОСТИ

О. Б. Солдатенкова (Санкт-Петербург)

Принятие решения, преодоление трудностей, связанных как с внешними обстоятельствами, так и с внутренними переживаниями, даются человеку нелегко. В становлении личности играет важную роль как самоотношение, выражающееся в основном через самооценку (самооценку своего состояния и уровней притязаний, осознание своей ценности и неповторимости, самоуверенности), так и степень развития волевых характеристик. Таким образом, личность развивается в процессе постоянного самопознания и саморегуляции.

Проблема исследования взаимосвязи самоотношения с волевыми характеристиками личности актуальна. Это обусловлено тем, что во многом, именно используя личностные ресурсы (волевые характеристики), человек на протяжении жизни взаимодействует с социумом, организует свое время, приспосабливается к условиям окружающей среды, достигает побед или справляется с переживанием неудач и многое другое, что ассимилируется в самоотношении личности. Последние исследования данного вопроса относятся к середине XX в., а изменившиеся условия социального бытия позволяют говорить об определенной новизне в изучении данного вопроса.

Самоотношение рассматривается как один из главных аспектов самосознания, в структуру которого входит представление личности о себе, своих знаниях, способностях, ценностях, что в совокупности составляет целостную Я-концепцию. Посредством самоотношения у человека формируется положительное или отрицательное восприятие себя. Вследствие чего важную роль в процессе самоотношения личности играет ее актуальная, идеальная самооценка, а также оценка своих возможностей (Райгородский, 2009).

Волевая регуляция определяется сознательной стратегией поведения, которая основана на разработке плана и программы достижения цели; которая определяет осознанный выбор нужного способа действия из возможных вариантов; которая позволяет оценить степень трудностей и препятствий, стоящих на пути к достижению цели, мобилизуя волевые усилия для их преодоления; которая также характеризуется сознательным контролем за исполнением выработанного плана и сопоставлением достигнутых результатов с изначально поставленной целью.

К сожалению, в литературе не встречается конкретного определения волевых характеристик. Однако Е. П. Ильин, скорректировав определение Б. Н. Смирнова о понятии волевых качеств, пишет, что «волевые качества – это особенности волевой регуляции, проявляющиеся в конкретных специфических условиях, обусловленных характером преодолеваемых препятствий и трудностей (Ильин, 2009, с. 148)».

На основе теоретического обзора литературы мы сформулировали рабочее определение понятия «личность», релевантное цели и задачам нашего исследования. Личность, как целостная система, есть система с устойчивой внутренней структурой и соответствующим ей набором качеств, которые могут изменяться, а также с определенными комбинациями взаимосвязей, включающими в себя мотивационный компонент (выражающийся через ценности, смыслы и социальную желательность – сознательную или несознательную), волевую организацию (через развитие волевых качеств) и самоотношение, что, в конечном итоге, служит для личности адаптацией между протекающими в ней процессами и отражением этих процессов во внешней среде. Соответственно, это позволяет нам предполагать, что волевые характеристики будут взаимосвязаны с самоотношением личности.

Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи самоотношения с волевыми характеристиками личности. В связи с чем мы выдвинули гипотезу о том, что существует взаимосвязь самоотношения с волевыми характеристиками личности.

В нашем исследовании приняли участие 65 студентов 1 курса РГПУ им. А. И. Герцена (28 студентов факультета изобразительных искусств, 22 студента факультета физической культуры и 15 студентов факультета биологии), в возрасте 17–20 лет.

Для изучения волевых характеристик исследуемых выборки использовались такие методики, как: «Ответственность» В. П. Прядеина; «Методика исследования самоотношения» (МИС) С. Р. Пантилеева; «Методика диагностики самооценки» Дембо – Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан; «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой; «Самооценка силы воли» Н. Н. Обозова; «Методика исследования волевой организации личности»; «Контроль за действием» Ю. Куля, адаптированная С. А. Шапкиным; «Исследование локализации контроля личности» – новая версия методики «Уровень субъективного контроля» ЛКв (УСК) Е. Г. Ксенофонтовой; «Кто Я» (20 Я) М. Кун в модификации Т. В. Румянцевой.

Рассмотрим полученные результаты. Резюмируя взаимосвязь показателей по волевым характеристикам личности и самоотношению, можно сказать, что в выборке, в общем, представлены люди со средне-выраженными волевыми качествами и разной, но в целом адекватной самооценкой. Сформированная система ценностей, понимание цели и смысла собственной жизни способствует гармонизации Я-концепции наших респондентов. Достижение желаемого у них связано не только с прилагаемыми волевыми усилиями, локусом контроля, но и с самооценкой, другими личностными особенностями, а также зависит от степени воздействия внутренних и внешних факторов. Обратимся к взаимосвязи между показателями волевых характеристик личности и самоотношения. Однако стоит сразу внести некоторые поправки.

Отдельно от волевых характеристик личности рассматривались шкалы «Ценностно-смысловая ориентация личности», которая выступила мотивационным компонентом воли, и «Социальная желательность». Итак, результаты корреляционного анализа показали, что системообразующими компонентами самоотношения являются самооценочность, самоуверенность, самопривязанность и самообвинение. Центральными волевыми характеристиками являются интернальность, которая проявляется в разных сферах, сила воли, решительность, настойчивость, самообладание, саморегуляция. Это означает, что решительные и настойчивые испытуемые самоуверенны, авторитетны, в целом довольны собой (или прилагают усилия, чтобы этого достичь, в случае взаимосвязи с настойчивостью), осознают цели и с помощью саморукводства и саморегуляции способны многого достичь. Респонденты, полагающиеся на себя в какой-либо деятельности или при описании личного опыта, а также считающие свой вклад неопределимым в предполагаемые положительные результаты деятельности, осознают свои цели, у них высокий уровень саморукводства и/или самообвинения, а также высокий уровень внутриличностной конфликтности (в случае принятия ответственности на себя в неблагоприятном исходе чего-либо). В свою очередь, самоуверенные исследуемые проявляют решительность, настойчивость, самообладание, силу воли для достижения цели и вследствие чего ценят свои заслуги и считают себя творцами свершившегося. Самооценка участников исследования напрямую связана с наличием развитых волевых качеств, непротиворечивой личностной идентичностью, осознанием ценностей. Умение регулировать свои эмоции, поведение, рационально мыслить и действовать, проявлять самообладание также повышает уровень самооценки. Отсутствие осознания целей и ценностей, низкий уровень развития волевых характеристик личности приводит к самообвинению.

Важно сказать, что у всех выраженных волевых характеристик (интернальность, проявляющаяся в разных сферах, сила воли, решительность, настойчивость, самообладание, саморегуляция) сильная прямая связь с основными составляющими самоотношения (самооценочность, самоуверенность, самопривязанность), кроме самообвинения (сильная обратная связь). Важным звеном во взаимосвязях самоотношения и волевых характеристик является мотивационный компонент воли – ценностно-смысловая организация личности. Также социальная желательность выступила связующим звеном между волевыми характеристиками и самоотношением. Это объясняется тем, что, демонстрируя социальную желательность, респонденты ожидают одобрения со стороны окружающих, что может повысить их самооценку. И, соответственно, они социально желательным образом регулируют свое поведение. В целом развитие волевых характеристик связано с позитивным самоотношением. Все это в совокупности организует личность, активи-

зирует работу над своим внутренним состоянием, своей самооценкой и, соответственно, снижает степень самообвинения, что позволяет добиваться поставленных целей приемлемыми способами и справляться с различными трудностями, а также вырабатывать умение принимать неблагоприятно завершившиеся события, неуспехи и корректировать дальнейшие действия.

Таким образом, гипотеза о том, что существует взаимосвязь самоотношения с волевыми характеристиками личности, подтвердилась. В связи с чем необходимы дальнейшие исследования в данной области для выявления особенностей взаимосвязей волевых характеристик личности с самоотношением.

Литература

- Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции: Учеб. пособие. 3-е изд. СПб.: Питер, 2006.
- Ильин Е. П. Психология воли. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009.
- Куликов Л. В. Психология личности в трудах отечественных психологов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009.
- Огурцов А. П. Что такое воля? Взгляд философа // Мир психологии. 2007. №3. С. 23–35.
- Райгородский Д. Я. Психология самосознания: Хрестоматия. Самара: ИД «Бахрах-М», 2007.

КОГНИТИВНЫЕ ОЖИДАНИЯ К ИЗУЧЕНИЮ ПСИХОЛОГИИ В ВУЗЕ У СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ЛИЧНОСТНЫМИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

М. А. Сушкова (Калуга)

До этапа ознакомления с определенной дисциплиной, преподаваемой в вузе, студент имеет некие представления о том, что может нести в себе данный учебный предмет, каков объект, предмет и задачи его научной области. Эти представления или *ожидания*, как отмечала Левченко (Левченко, 1991), – это одновременно и эмоциональное состояние, и структурно-операциональное образование. Система ожиданий субъекта учебной деятельности состоит из когнитивного, аффективного и конативного компонентов. В исследовании будет изучен именно когнитивный компонент. Когнитивный компонент – знания, связанные с учебным предметом и полученные *до его изучения* из разных источников. Они являются фоновыми, поскольку новая информация воспринимается, оценивается учащимся по отношению к имеющимся знаниям. Психология как учебный предмет в вузе входит в состав различных образовательных программ, однако в современной системе образования

пока не существует систематизированной подготовки к поступлению абитуриента на психологический факультет.

Зарубежными исследователями проводилось изучение феномена ожиданий у студентов вузов. Исследования показывают, что степень удовлетворенности студенческих ожиданий положительно коррелирует с показателями удовлетворения предметом (Sander et al., 2000). В ряде зарубежных исследований также был проведен анализ ожиданий учащихся, приступающих к освоению науки посредством компьютерных технологий обучения, а не напрямую с преподавателем (Davison et al., 2006).

Когнитивные ожидания могут быть частью концепции обучения (англ. conceptions of learning). Иностраные исследователи выделяют три основные концепции обучения: механическая (рефлекторная), объяснительная и конструктивная. Результаты исследования показали, что студенты заключительного курса являются носителями конструктивной и объяснительной концепций, тогда как у студентов на начальном уровне превалирует механическая концепция обучения (Rabanaque, Martínez-Fernández, 2009).

Для исследования взаимосвязи когнитивных ожиданий с личностными характеристиками взяты такие переменные, как уровень умственного развития индивида, уровень профессиональной мотивации, уровень самоинтереса личности.

Цель исследования – выявление содержания и динамики когнитивных ожиданий в изучении психологии как учебной дисциплины и их взаимосвязи с образовательными и личностными характеристиками.

В исследовании будут проверяться *несколько гипотез*. Когнитивные ожидания в отношении психологии у студентов вуза, обучающихся по разным направлениям подготовки и отличающихся личностными характеристиками, будут иметь свои особенности:

- ожидания студентов-психологов, по сравнению со студентами других специальностей, будут более реалистичными, целостными и будут характеризоваться положительной валентностью;
- степень выраженности целостности когнитивных ожиданий будет различна у студентов с высоким уровнем умственного развития; степень выраженности валентности будет различна у студентов с высоким уровнем профессиональной мотивации и самоинтереса;
- в процессе обучения в вузе происходит изменение характера когнитивных ожиданий, особенно у студентов, включенных в практику преподавания психологии.

В исследовании использованы следующие *методики*:

- 1) авторская анкета «Когнитивные ожидания»;
- 2) тест умственного развития взрослых (ТУРВ);

- 3) тест-опросник самоотношения (ОСО) (В. В. Столина);
- 4) мотивация профессиональной деятельности (методика К. Замфир в модификации А. Реана).

Методы математической обработки: корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), U-критерий Манна–Уитни, T-критерий Вилкоксона для связанных выборок.

В исследовании приняли участие студенты I курса физико-технологического, социального и психологического факультетов (51 чел.), а также студенты III курса факультета психологии КГУ им. К. Э. Циолковского (14 чел.).

Для изучения сформированности когнитивных ожиданий выделены следующие критерии: *валентность* – измеряют знак отношения, отображающий ценность, значимость объекта для субъекта; *реалистичность* – отражает степень соответствия высказываний респондента существующим в науке суждениям в отношении предмета изучения; *целостность* – отражает полноту охвата знаний субъекта о предмете, способах получения и применения знаний в психологии.

Результаты исследования и интерпретация. Анализ критериев когнитивных ожиданий выявил следующие тенденции по различным факультетам:

Выявлена следующая закономерность (по критерию Манна–Уитни):

- уровень валентности когнитивных ожиданий в отношении психологии находится на одном уровне у студентов ИП и ИСО; ниже других факультетов он у студентов ФТИ;
- уровень реалистичности и целостности когнитивных ожиданий у студентов всех трех факультетов находится на одном уровне.

Результаты исследования показывают, что студенты вуза имеют не до конца сформированные представления о психологии как научной и профессиональной деятельности, однако относятся к ней положительно. Студенты института психологии имеют соответствующую базу знаний, понимание образа психологии как научного знания. Низкие показатели студентов ФТИ указывает на другую сторону направленности их учебной деятельности и интересов.

Выявлена следующая закономерность (по критерию Манна–Уитни):

- уровень валентности и реалистичности когнитивных ожиданий в отношении психологии находится на одном уровне у студентов факультета психологии I и III курсов;
- уровень целостности когнитивных ожиданий у студентов III курса выше, чем у студентов I курса.

Выявлена следующая закономерность (по критерию T-Вилкоксона):

- уровни валентности, реалистичности, целостности когнитивных ожиданий в отношении психологии до и после практики находятся на одном уровне у студентов факультета психологии III курса.

Этот феномен можно объяснить тем, что переход из одной социальной группы (студенчество) в другую (учительство), освоение новой социальной роли, работа в незнакомом коллективе, членами которого они теперь являются, изменение привычного ритма жизни стало для студентов определенной трудностью.

Уровень умственного развития студентов всех исследуемых факультетов имеет положительную корреляцию с уровнем целостности когнитивных ожиданий ($r=0,393$). Уровень профессиональной мотивации положительно коррелирует с уровнем валентности у студентов психологического факультета ($r=0,573$), что указывает на то, что положительное отношение к изучаемому предмету является условием выбора его как базы для профессиональной деятельности. Выявлена положительная корреляция между уровнем самоинтереса студентов факультета психологии и уровнем валентности когнитивных ожиданий ($r=0,571$). Это указывает на то, что студенты, поступившие на факультет психологии, имеют заинтересованность в изучении собственных внутриличностных процессов и связывают с этим положительное отношение к психологической дисциплине. У студентов других факультетов данной связи не обнаружено. Это можно объяснить тем, что они не связывают изучение психологии со способом получения знаний о самом себе, для них она является одной из дополнительных дисциплин в учебной программе, расширяющей общий кругозор.

Литература

- Левченко Е. В.* Субъективные ожидания студента и методика преподавания психологии // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 80–86.
- Appleton-Knapp S. L., Krentler K. A.* Measuring student expectations and their effects on satisfaction: the importance of managing student expectations // Journal of marketing education. 2006. № 3. С. 254–264.
- Davison M., Mupinga R. T., Dorothy C. Y.* The Learning Styles, Expectations and Needs of Online Students // College Teaching. 2006. № 1. С. 185–189.
- Rabanaque S., Martínez-Fernández J. R.* Conception of learning and motivation of Spanish psychology undergraduates in different academic levels // European Journal of Psychology of Education. 2009. № 4. С. 513–528.
- Sander P., Stevenson K., King M., Coates D.* University Students' Expectations of Teaching // Studies in Higher Education. 2000. № 3. С. 309–323.

ОСОБЕННОСТИ СУВЕРЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

С. Я. Телегина (Москва)

В наше время нередки случаи миграции населения ряда стран, беженцев, неполных семей, одиноких детей, в связи с этим стоит вопрос сопровождения детей из разных этнических групп. Для того чтобы психологи, помощники и специалисты психолого-педагогического сопровождения детей могли оказывать грамотную помощь, стоит изучить культурные различия в развитии ребенка. Мы выбрали такой аспект, как суверенность психологического пространства, потому что, по нашему мнению, он полно охватывает состояние личности и его проблемы взаимодействия с окружающим миром. И именно через это аспект можно изучить проблему межэтнического взаимодействия и разобраться в вопросе улучшения адаптации мигрантов к чужой культуре, посмотреть механизмы влияния культуры на человека.

В основном освещают проблему психологического пространства работы по теории поля К. Левина, по психологии личности С. К. Нартовой-Бочавер, личное пространство, введенное Р. Соммером, контакт и границы от Ф. Перлза, в отечественной психологии встречаются такие понятия, как жизненное пространство Ф. Е. Василюка, топологии субъекта А. Ш. Тхостова, о внешнем и внутреннем «Я» А. Б. Орлова, о факторе места и обособленности личности В. С. Мухиной, которые имеют отношение к затронутому нами вопросу.

Среди теоретических положений, на которые мы опирались, можно выделить идею интериоризации Л. С. Выготского и учение о субъекте жизни С. Л. Рубинштейна, психологию среды и архитектуры, основы топологической психологии, классических теориях личности Узнадзе, Эриксона, Джемса, Адлера, Перлза, Брушлинского и обусловленности личности средой У. Бронфенбреннера, Р. Соммера, Дж. Вулвилла.

Целостность границ психологического пространства определяет благополучие и продуктивность личности в различных сферах жизнедеятельности. Нами было рассмотрено шесть измерений психологического пространства личности, выделенных С. К. Нартовой-Бочавер:

- 1) суверенность физического тела;
- 2) суверенность территории;
- 3) суверенность вещей;
- 4) суверенность привычек;
- 5) суверенность социальных связей;
- 6) суверенность ценностей.

Важнейшим из критериев нашего научного исследования является термин и понятие «среда». Психология жизненной среды рассматривает это понятие как зависимость психических и психологических

процессов от конкретных условий и содержания проживания индивида. Содержание знаний и опыта будут очень сильно зависеть от среды, в которой находился, рос и взаимодействовал индивид. Таким образом, суверенность психологического пространства личности является как результатом влияния среды на человека, так и продуктом деятельности самого человека.

Среда, на основе биологических предпосылок, играет решающую роль в формировании личности человека и, следовательно, так тесно переплетаясь с человеческим бытием, входит в систему его мировоззрения и становится частью личности, формируя более сложную систему человеческого восприятия себя и мира.

Целью нашего исследования стало выявление особенностей содержания психологического пространства личности в разных культурных, социально-экономических и политических условиях. В результате полученных данных нашего исследования могут быть выявлены закономерности развития суверенности психологического пространства в разных культурных и социальных условиях, что в дальнейшем может использоваться в практической психологии как метод работы для учета возрастных и культурных особенностей и как следствие обеспечение с помощью этого метода более грамотного психологического развития, выявления и профилактики отклонений в психологическом развитии, помощи в выявлении причин и сфер патологий, депривации и состояний травмированности, а также адаптации.

Исследование проводилось на младших подростках 12–13 лет и старших подростках 15–17 лет. Нами было проведено исследование, в рамках которого было опрошено всего 219 испытуемых: 33 испытуемых из Латвии, 112 испытуемых из гимназии № 1540 г. Москвы, из которых 74 причислили себя к русским, а 38 – к евреям; 49 испытуемых ГОУ СОШ № 228 г. Москвы и 25 испытуемых из Республики Татарстан, г. Набережные Челны. Исследование проводилось на базе ГБОУ г. Москвы гимназии № 1540 с национальным (еврейским) компонентом на площадке 228 (бывшей ГОУ СОШ Общеобразовательное учреждение № 228), 13 vidusskola г. Даугавпилс и МАОУ «СОШ № 4» г. Набережные Челны.

Подросткам давался тест на суверенность психологического пространства С. К. Нартовой-Бочавер, состоящий из 80 вопросов. На тест подросткам отводилось 20–30 мин. Каждый подросток в бланке ответа писал свою национальность, к которой он себя причисляет, пол и возраст.

Исходя из проведенного нами исследования, мы можем сделать два заключения:

1. Существует влияние этнической культуры, культурных норм и ценностей на развитие и становление определенных составляющих суверенности психологического пространства.

2. Развитие суверенности психологического пространства у подростков младшего и старшего возраста будет различаться, в зависимости от их принадлежности к той или иной культурной среде, особенностей и условий.

При обработке данных получились следующие *результаты*.

Младшие подростки: русские (гиперкомпенсация – 25%; умеренная – 69%; депривация – 6%); татары (гиперкомпенсация – 8%; умеренная – 52%; депривация – 40%); евреи (гиперкомпенсация – 20%; умеренная – 67%; депривация – 13%).

Старшие подростки: русские (гиперкомпенсация – 24%; умеренная – 66%; депривация – 10%), русские из Латвии (гиперкомпенсация – 2%; умеренная – 51%; депривация – 43%); евреи (гиперкомпенсация – 23%; умеренная – 62%; депривация – 15%).

Проанализировав данные, полученные в результате исследования, мы сделали следующие *выводы*.

1. Была выявлена статистически значимая зависимость уровня депривации суверенности психологического пространства от конфликта внешней и внутренней культуры, которую несет человек. Т. е. подростки, которые причисляли себя к носителям иной культуры, имели более низкие показатели суверенности психологического пространства, чем подростки, относившие себя к культуре, сходной с окружающей. Конфликт внутренней и внешней культуры депривирует общее состояние личности человека.
2. Также был статистически (критерий U Манна–Уитни) выявлен половой деморфизм на всех выборках испытуемых. Разница заключается в различиях уровня суверенности между девочками и мальчиками, что тоже может быть культурной особенностью, влияющей на становление суверенности психологического пространства. Также было выявлено, что половые различия более заметны у групп, находящихся в рамках своей культуры, и нивелировались у групп, находящихся в рамках чужой культуры. Таким образом были выявлены половые различия в суверенности территории, физического тела и социальных связей у старших подростков. У младших подростков половых различий по суверенности психологического пространства выявлено не было, в то время как старшие подростки демонстрировали половой деморфизм.
3. Культурные различия накладывают отпечаток на профиль суверенности психологического пространства человека. По результатам исследования можно увидеть, что депривируются шкалы социальных связей, привычек и ценностей у подростков, чья внутренняя культура не совпадает с внешней. Культурные различия накладывают значимый отпечаток на суверенность психологического пространства личности.

4. Сравнение двух возрастных групп не выявило значимых различий. Профиль суверенности выше у младших подростков, чем у старших.

У русских подростков, находящихся в своей культуре, показатель общей суверенности выше, чем у татар ($p=0,05$), также выше показатели физического тела ($p=0,05$), вещей ($p=0,01$), социальных связей ($p=0,01$) и привычек ($p=0,05$). Что может говорить о том, что они чувствуют большую уверенность в себе, в своих физиологических потребностях, размеренности образа жизни и возможности соблюдать его так, как они привыкли, а также многообразию и свободы социальных контактов.

Также у русских, проживающих в своей культуре, очень сильно различаются показатели от русских подростков, проживающими в чужой культуре (в данном исследовании была приведена Латвия), при этом наблюдаются значимые различия на уровнях физического тела ($p=0,05$); вещей ($p=0,05$); социальных связей ($p=0,01$), привычек ($p=0,01$) и общей суверенности ($p=0,05$). При этом у русских подростков из Латвии наблюдается снижение общего профиля суверенности к нижней грани нормы, и в данной выборке преобладает количество депривированных испытуемых по отношению к другим выборкам. Что может говорить о сложных окружающих условиях, которые порождают депривированное состояние. Наиболее низкой суверенностью у подростков из Латвии является суверенность привычек, что может говорить о несоблюдении обычного для них режима и отсутствия привычных вещей. Шкалы суверенности тела, вещей и социальных связей также находятся в зоне депривации как для мальчиков, так и для девочек.

Различий между группами, находящимися в разных культурах выявлено не было. Профили таких групп испытуемых были заметно снижены, у еврейских подростков было выявлено различие в суверенности физического тела ($p=0,01$). У татар суверенность тела выше, что может говорить об обеспокоенности еврейских подростков своим телом.

Таким образом, гипотезы, выдвигаемые нами, подтвердились.

Литература

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000.

Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб., 2008.

Нартова-Бочавер С. К. Понятие «психологическое пространство личности» и его эвристические возможности // Психологическая наука и образование. 2002. № 1.

Штейнбах Х. Э., Еленский В. И. Психология жизненного пространства. СПб.: Речь, 2004.

Шкуратова И. П. Личность и ее жизненное пространство // Социальная психология личности. М.: Эксмо, 2007.

СТРУКТУРА ДЕПРИВАЦИИ КАК СИСТЕМНОГО ЯВЛЕНИЯ

Л. Г. Тен (Ростов-на-Дону), С. К. Нартова-Бочавер (Москва)

Актуальность исследования проблемы депривации в ее психологическом аспекте вызвана недостаточной изученностью феноменологии этого состояния, что следует из наиболее известных публикаций, где описываются отдельные его аспекты, тогда как практически все авторы отмечают сопряженность, комплексный характер явления и его влияния на личностное развитие, психическое здоровье и социализацию личности. При этом очевидно, что различные виды и аспекты депривации не проявляются одновременно. Этот факт отмечается исследователями Й. Лангмайером, Н. Б. Федоровой, С. А. Шабалиной, М. С. Астроляц, И. В. Ярославцевой, М. И. Буяновым, Н. Б. Куровским, Г. Н. Пяткиной и др.

В основном авторы описывают некоторую неудовлетворенную психическую потребность, которая принимается за важную и влияющую на возникновение психических нарушений. Кроме того, до сих пор в науке, несмотря на многочисленные упоминания о комплексном, сопряженном характере явления, не была исследована структура взаимосвязи основных существующих видов депривации между собой.

В предыдущих работах нами была теоретически обоснована значимость фактора информации в развитии любого вида депривации (Тен, 2014), однако остается до сих пор не изученным, как фактор информационной депривированности влияет на целостную картину развития.

В связи с этим нами был проведен дедуктивный и индуктивный контент-анализ психолого-педагогической литературы на предмет систематизации структуры взаимосвязи основных существующих видов депривации между собой и фактора информационной депривации в ней. В ходе теоретического анализа проблемы был выдвинут ряд гипотез.

1. Феномен депривации имеет сопряженный, комплексный характер, проявляющийся в том, что депривированность в одной категории «тянет», обеспечивает переход к другим видам депривации.
2. При любом виде депривации, возникающем в результате неудовлетворения основных жизненных потребностей, фактор информационной депривированности будет обуславливать целостную картину развития.
3. Информационная депривация находится в дифференционно-интеграционной структуре и является отдельным видом депривации.

Цель исследования: анализ взаимосвязи феномена информационной депривации с другими видами депривации (анализ положения информационной депривации по отношению к другим видам депривации) и систематизация структуры взаимосвязи основных существующих видов депривации между собой.

Выборку составили полные тексты и статьи с описанием этого явления в различных аспектах. При проведении контент-анализа использовались 2 этапа на основе инструкции и гипотез (Кибальченко, 2011). В ходе дедуктивного варианта контент-анализа публикаций были выполнены следующие процедуры:

- подобраны публикации по психологии, педагогике, медицине, в которых описывается или упоминается термин «ДЕПРИВАЦИЯ» в разных контекстах;
- составлено 384 карточки с индикаторами, характеризующими различные стороны депривации;
- проведена «чистка» повторяющихся по содержанию карточек, в результате чего из 384 исходных карточек осталось 250;
- образование на этой основе 11 ключевых (смысловых) единиц, которые соответствуют 11 основным существующим видам депривации.

Всего было проанализировано 113 научных источников.

Следующим этапом работы было проведение индуктивного контент-анализа и проведение анализа «сцепок» между категориями.

Основные цели проведения индуктивного анализа:

- анализ структуры взаимосвязи существующих видов деприваций между собой;
- проверка и уточнение исходных гипотез.

Задача анализа структуры взаимосвязей основных видов депривации осуществлялась с помощью корреляционного и факторного анализа. Определялись степень и характер статистической связанности 11 категорий (ключевых единиц). Учет связей основных видов депривации между собой позволяет перейти к системному представлению феномена депривации и проверить наличие теоретического обоснования для предложенной гипотезы об информационной депривации.

Результаты факторного анализа. В ходе факторного анализа пересечения «сцепок» категорий по методу главных компонент с последующим Varimax-normalised-вращением были получены 3 значимых фактора общностью 88,918%.

В первом факторе взаимосвязаны следующие категории:

- № 2 – сенсорная депривация;
- № 3 – когнитивная депривация;
- № 4 – эмоциональная депривация;
- № 5 – социальная депривация;
- № 6 – двигательная депривация;
- № 7 – парентальная депривация;
- № 8 – патериальная депривация;
- № 9 – семейная депривация.

В таблице полной объяснительной дисперсии на этот фактор приходится 57,106% из 88,918% кумулятивного процента нагрузок вращения. Этот фактор можно назвать «сопряженный, комплексный характер депривации», он является самым нагруженным, в него входят 8 категорий, что подтверждает первое предположение.

Во второй фактор входит категория № 11 – информационная депривация. На этот фактор приходится 16,968% кумулятивного процента нагрузок, его можно назвать «информационная обусловленность депривации». В ходе факторного анализа были получены 3 значимых фактора, среди которых информационная депривация является отдельным, независимым фактором, это на теоретическом уровне подтверждает предположение о том, что информационная депривация находится в дифференционно-интеграционной структуре и является отдельным видом депривации.

В третьем факторе отрицательно взаимосвязаны следующие категории: № 1 – материнская депривация и № 10 – духовная депривация.

На него приходится 14,845% кумулятивного процента нагрузок, его можно назвать «духовное материнство». Чем больше заботы, адекватного понимания и внимания получит ребенок со стороны матери, тем меньше будет вероятность его духовной депривации, и наоборот.

В матрице корреляций существуют значимые прямые корреляции между следующими категориями:

- № 1 (материнская депривация) и № 2 (сенсорная депривация);
- № 2 (сенсорная депривация) и № 3 (когнитивная депривация);
- № 6 (двигательная депривация) и № 5 (социальная депривация);
- № 8 (патериальная депривация) и № 5 (социальная депривация);
- № 11 (информационная депривация) и № 6 (двигательная депривация).

В матрице корреляций следующие категории имеют между собой весомую нагрузку по величине значения:

- № 4 (эмоциональная) и № 7 (парентальная), № 9 (семейная);
- № 5 (социальная) и № 4 (эмоциональная), № 7 (парентальная), № 9 (семейная);
- № 7 (парентальная) и № 3 (когнитивная), № 4 (эмоциональная), № 5 (социальная), № 9 (семейная);
- № 9 (семейная) и № 3 (когнитивная), № 4 (эмоциональная), № 5 (социальная).

Эти данные подтверждают предположение о сопряженности, комплексном характере феномена депривации, когда депривированность в одной категории «тянет» за собой, обеспечивает переход к другим видам депривации.

Таким образом, можно сделать следующие *выводы*.

1. Феномен депривации имеет сопряженный, комплексный характер, проявляющийся в том, что депривированность в одной категории «тянет» за собой, обеспечивает переход к другим видам депривации. Учет связей основных видов депривации между собой позволяет говорить о депривации как о системном явлении, в котором информация является системообразующим, ключевым, кристаллизующим фактором в целостной картине развития депривации.
2. При любом виде депривации, возникающем в результате неудовлетворения основных жизненных потребностей, фактор информационной депривированности будет обуславливать целостную картину развития.
3. Информационная депривация находится в дифференционно-интеграционной структуре и является отдельным видом депривации.

Литература

- Кибальченко И. А. Интеграция учебного и познавательного опыта обучающихся: структура, динамики, технология: Дис. ... докт. психол. наук. Ростов-н/Д, 2011.
- Тен Л. Г., Кибальченко И. А. К проблеме информационной природы депривации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2

ИССЛЕДОВАНИЕ САМОРАЗВИТИЯ У ШКОЛЬНИКОВ СЕЛЬСКОЙ И ГОРОДСКОЙ ШКОЛ

И. А. Титова (Иркутск)

Актуальность исследования состоит в необходимости более полного представления о саморазвитии школьников, также выявлении особенностей саморазвитии школьников сельской и городской школ.

Над данной проблемой работали многие отечественные психологи, такие как Л. С. Выготский, В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Г. А. Цукерман.

По определению Виктора Ивановича Слободчикова и Евгения Ивановича Исаева, «саморазвитие – это фундаментальная способность человека становиться и быть подлинным субъектом своей жизни, превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования» (Слободчиков, Исаев, 2000).

Саморазвитие также понимается как процесс самостоятельной, ценностно ориентированной деятельности личности по непрерывному самоизменению как обогащению индивидуального опыта и духовно-нравственных сил соответственно внутреннему образу «Я» и актуальным социальным ожиданиям.

Цель: выявить уровень саморазвития школьников сельской и городской школ.

Объект исследования: саморазвитие школьников.

Предмет исследования: уровень саморазвития у школьников сельской и городской школ.

На основе изучения литературы по проблеме исследования, поставленной цели, выделенного объекта и предмета мной были сформулированы следующие *гипотезы*.

H_0 : Уровень саморазвития у учащихся старших классов городской и сельской школ не будет различаться.

H_1 : Уровень саморазвития у учащихся старших классов городской и сельской школ будет различаться.

В соответствии с предметом, целью и гипотезами исследования были поставлены следующие *задачи*:

- изучить и проанализировать психолого-педагогическую литературу по проблеме саморазвития школьников;
- провести констатирующий эксперимент «Исследование саморазвития школьников сельской и городской школ».

Данное исследование было выполнено в рамках субъектно-деятельностного подхода, где саморазвитие рассматривается как осознанное самоизменение личности.

Для решения исследовательских задач мы применили психодиагностическую методику Т. И. Шамовой «Определение уровня саморазвития», с целью выявления уровня саморазвития у учащихся старших классов. Методика представляет из себя набор 15 утверждений, к каждому из которых предполагается 5 вариантов ответа, которые респондент примеривает для себя и решает, в какой степени каждое утверждение ему подходит.

Процедура исследования. Каждому респонденту был выдан бланк, на котором слева были напечатаны 15 утверждений, а справа – варианты ответов, «шапочка» бланка состояла из фамилии, имени и отчества респондента, класса, возраста и наименования школы.

В своей методике Татьяна Ивановна Шамова выделяет три уровня: активное, эпизодическое и остановившееся саморазвитие.

Активное саморазвитие характеризуется активной позицией в самостоятельном добывании знаний, высокой внутренней мотивацией получения теоретического материала и практических навыков.

Эпизодическое саморазвитие определяется ситуативным включением в получение знаний, а также убежденностью в значимости процесса, но непониманием путей его достижения.

Остановившееся саморазвитие обусловлено отсутствием поиска недостающей информации, активности и самостоятельности в получении новых знаний.

Исследование проходило на базе МКУ Атагайской СОШ (сельская школа) и лицея-интерната № 1 г. Иркутска (городская школа). В исследе-

довании участвовали учащиеся двух школ, всего 92 старшеклассника, из них 49 юношей и 43 девушки. Их возраст варьируется от 15 до 18. Выборка городской школы состояла из 27 респондентов-девушек и 32 респондентов-юношей, всего 62 участника. Выборка сельской школы состояла из 16 респондентов-девушек и 14 респондентов-юношей, всего 30 участников.

На основе полученных данных можно сделать следующие *выводы*.

1. Активное саморазвитие у респондентов городской школы отличается от респондентов сельской школы на 16%, это обусловлено тем, что учащиеся городской школы занимаются по системе обучения повышенного уровня.
2. В эпизодическое саморазвитие у респондентов сельской школы и городской школы имеются различия в 14% в пользу сельской школы, это связано с тем, что в сельской школе обучение проходит по общеобразовательным стандартам.
3. Несмотря на то, что в городской школе обучаются одаренные дети, среди них есть респондент с остановившимся саморазвитием. В сельской школе также имеется один респондент с остановившимся саморазвитием. Это можно объяснить тем, что в большинстве учебных групп всегда найдется человек, который находится за гранью стандартного показателя этой группы.

Хочется отметить, что результаты исследования не выявили низких или высоких показателей. Это связано с тем, что каждый ученик занимается саморазвитием в каком-либо направлении своей деятельности и каждому есть к чему стремиться.

Исследование доказало гипотезу H_1 : Уровень саморазвития у учащихся старших классов городской и сельской школ различен. Так как у старшеклассников лицея-интерната № 1 обучение проходит на повышенном уровне образовательной подготовки. А старшеклассники МКУ Атагайской СОШ обучаются по стандартному курсу общего образования.

Дальнейшей перспективой данного исследования является применение метода психодиагностики для выявления уровня саморазвития у студентов, а также у сотрудников различных организаций.

Литература

- Маралов В. Г. Основы самопознания и саморазвития: Учеб. пособие для студентов средних пед. уч. заведений. 2-е изд. М.: Академия, 2004.
- Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология развития человека. М., 2000.
- Цукерман Г. А., Мастеров Б. М. Психология саморазвития. М., 1995.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ К ИНФОРМАЦИОННОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ

Е. В. Тихомирова, М. С. Шелковская (Кострома)

В современном обществе человек является субъектом и одновременно объектом многоканального информационного воздействия, источники и инструментарий которого расширяются и модернизируются. Информация становится более доступной, в связи с чем она является мощным орудием воздействия на индивидуальное и массовое сознание. В реалиях современности ведутся информационные войны, которые сопровождаются относительно «нецивилизованной» подачей информации. Сенсации, частичное утаивание, представление лжесобытий – яркие характеристики современных СМИ. Мы считаем, что исследование личностных предикторов психологической устойчивости к информационному воздействию СМИ в данном контексте, поможет людям защитить себя от нежелательного, нецивилизованного влияния.

Проблема исследования: какие личностные особенности являются факторами психологической устойчивости к информационному воздействию СМИ.

Цель нашего исследования: выявить и описать личностные особенности, определяющие психологическую устойчивость к информационному воздействию СМИ.

Основная гипотеза исследования: существует ряд личностных особенностей, выступающих факторами психологической устойчивости к информационному воздействию СМИ.

Для проверки выдвинутых гипотез и решения поставленных задач был сформирован методический комплекс: тест Гилфорда «Социальный интеллект» (1960), в адаптации Е. С. Михайловой, (1990), «Краткий ориентировочный тест» В. Н. Бузина, Э. Ф. Вандерлика (фоновая методика), анкета оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз» (Рыбников и др., 2005), тест Н. Холла «Эмоциональный интеллект» (в адаптации Е. П. Ильина, 2001), дневниковый метод «Дневник наблюдений», авторская анкета.

Компьютерная статистическая обработка результатов, полученных с помощью комплекса методик, описанных выше, производилась с помощью программы Statistica. Для обработки результатов контент-аналитического исследования использовался ϕ^* -критерий Фишера. Корреляционный анализ проводился с помощью метода ранговой корреляции R Спирмена. Для выявления значимых различий по всем показателям между двумя группами был применен непараметрический критерий U Манна-Уитни.

Определим основные научные категории нашего исследования.

Ориентируясь на точку зрения В. Г. Крысько, под информационным воздействием мы понимаем воздействие, целью которого является фор-

мирование определенных взглядов, представлений, отношений (Крысько, 1999). Информационное воздействие всегда носит психологический характер, так как оно определяет поведение человека, и опосредовано различными психологическими механизмами. Такое влияние может вызывать у людей полярные эмоции и чувства, бурные массовые реакции (паника или бунт) и др. На сегодняшний день основным каналом информационного воздействия служат СМИ, так как они обладают рядом особенностей: мультимедийность, «глобальность», неограниченность, оперативность и т. д.

Е. Б. Богатова, В. В. Константинов, А. М. Аболин, С. Т. Посохова и др. считают, что наличие определенного уровня развития общего, эмоционального, социального интеллекта, а также нервно-психической устойчивости позволяет личности защитить себя от нежелательного воздействия (устойчивость к психологическому воздействию – интегральная способность), а также обеспечивает адаптацию, работоспособность, продуктивность, т. е. эффективную жизнедеятельность человека. В свою очередь, психологическую устойчивость к информационному воздействию мы определили как особенность личности, которая проявляется в отсутствии длительного, ярко выраженного изменения психоэмоционального и физического состояния, затрудняющего осуществление продуктивных действий. Для того чтобы окончательно убедиться в истинности нашего вывода, обратимся к результатам эмпирической проверки ранее выдвигаемой нами гипотезы.

Исследование проходило по следующему алгоритму. Методом случайной выборки были отобраны 50 чел. в возрасте от 20 до 40 лет. По данным предварительного анкетирования, было выявлено, что все испытуемые ежедневно просматривают новости. Каждому из респондентов в течение недели предлагалось заполнить «Дневник наблюдений», по результатам которого испытуемые были разделены на две группы: «убежденные в собственной устойчивости» (27 чел.) и «убежденные в собственной неустойчивости» (23 чел.) к информационному воздействию СМИ (далее «устойчивые» и «неустойчивые»). Испытуемым было предложено заполнить ряд стандартизированных методик, по результатам которых можно было сделать вывод о наличии (отсутствии) определенных предикторов психологической устойчивости к информационному воздействию СМИ. Исследование длилось в течение месяца.

На первом этапе нашего исследования нами была доказана первая частная гипотеза о том, что психологическая устойчивость к информационному воздействию проявляется в отсутствии длительного, ярко выраженного изменения психоэмоционального и физического состояния после просмотра СМИ. «Устойчивые» к информационному воздействию СМИ чаще всего ограничивались эмоциональными переживаниями, переживания «неустойчивых» переходили на другие этапы и имели внешнее выражение (например, в деятельности). К примеру,

один респондент отметил, что после новости о потерпевшем крушение авиалайнере он испытал грусть, другой не только испытал сильные эмоциональные переживания, но и мучился бессонницей, испытывал затруднения в осуществлении профессиональных обязанностей.

Мы выявили, что существуют различия в когнитивно-эмоциональной оценке информационного воздействия у людей с разным уровнем психологической устойчивости. «Устойчивые» часто ограничивались описанием изменения в эмоциональной сфере: повышение/понижение настроения, волнение, спокойствие, безразличие и т. д. В свою очередь, «неустойчивые», описывая свои переживания, указывают на то, что в процессе информационного воздействия СМИ произошли изменения не только в эмоциональной сфере, но и в мотивационной, физической и поведенческой. Причем вариативность переживаний у «неустойчивых» больше. Можно заметить, что для описания отрицательных эмоций «устойчивые» часто ограничивались словами: повлияла негативно или грусть, то «неустойчивые» использовали гораздо больше вариантов: расстройство, огорчение, упадок настроения, негодование, печаль, сожаление и т. д. Таким образом, подтвердилась вторая частная гипотез, которая заключается в том, что неустойчивые к информационно-психологическому воздействию испытывали сильные эмоциональные переживания при просмотре новостей, тогда как устойчивые, наоборот, чаще сохраняли «эмоциональную невозмутимость», что позволяло им адекватно воспринимать информацию и ее анализировать.

Также мы выяснили, что информационное воздействие СМИ может оказывать на «устойчивых» и «неустойчивых» как конструктивное (радость, удовлетворение и др.), так и деструктивное влияние (страх, огорчение, недовольство и др.), однако потенциальность негативных влияний выше во второй группе. Мы приходим к выводу, что психологическая устойчивость к информационному воздействию проявляется, прежде всего, не в отсутствии реакции субъекта на новость, а в ее выраженности и эмоциональной окраске. Психологически неустойчивые личности реагируют более остро, эмоционально, что затрудняет осмысление новости и может приводить к необдуманным, спонтанным действиям, а также истощать психологические и физиологические ресурсы субъекта.

На втором этапе исследования частично подтвердилась третья частная гипотеза о том, что существуют различия в уровне социального, общего, эмоционального интеллекта и нервно-психической устойчивости у людей с высокой и низкой психологической устойчивостью к информационному воздействию. Так были выявлены статистически значимые различия в уровне социального интеллекта ($U=127,00$ при $p\text{-level}\leq 0,00$) и уровне развития нервно-психической устойчивости ($U=201,00$ при $p\text{-level}\leq 0,03$) у испытуемых двух групп. Кроме того, по данным корреляционного анализа была выявлена прямая связь между этими двумя

показателями ($R=-0,44$, $p\text{-level}\leq 0,00$): чем выше развита способность понимания чувств, состояний и поведения других людей, тем выше устойчивость в ситуациях воздействия, т. е. сохранение эмоциональной «невозмутимости» при эмоциогенной ситуации (информационном влиянии). Например, при просмотре новостей испытуемый замечает, что ведущий ведет себя спокойно: отсутствует ярко выраженная мимика, руки лежат на столе, голос громкий, без тревожных интонаций. Проанализировав вербальную и невербальную информацию, которая исходит от ведущего, испытуемый понимает, что волноваться не о чем. Необходимо отметить, что в уровне развития общего и эмоционального интеллекта между группами «устойчивых» и «неустойчивых» к информационному воздействию СМИ значимых различий обнаружено не было. Отсутствие значимых различий в уровне общего интеллекта может являться следствием того, что обе группы включали в себя испытуемых разных возрастных категорий и однородного социального статуса. Отсутствие значимых различий в уровне эмоционального интеллекта может говорить о том, что данная способность является «автономной», т. е. независимой от других личностных особенностей (общего, социального интеллекта, НПУ).

Обобщив все полученные результаты, можно сделать вывод, что существует ряд личностных особенностей, связанных с психологической устойчивостью к информационному воздействию СМИ, а именно факторами психологической устойчивости являются социальный интеллект и НПУ.

Литература

Крысько В. Г. Секреты психологической войны. Минск, 1999.

НАРУШЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕМЬЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДЕСТРУКТИВНЫХ ФОРМ ПРИВЯЗАННОСТИ РЕБЕНКА К МАТЕРИ*

Ю. Н. Торговченко (Таганрог)

При поступлении в школу у ребенка появляются новые обязанности и ожидания со стороны окружающих. От того, насколько гармонично складываются отношения в семье, зависит эмоциональное состояние ребенка и, как следствие, благополучная адаптация к новым условиям в жизни. Если ребенок не чувствует своей значимости при контакте с другими людьми, у него не возникает познавательной активности

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-36-01006.

к учебному процессу, когнитивной деятельности (Истратова, 2012). Семейная среда, как «личностные и субъектные характеристики членов семьи... а также родительское отношение и представления о нем» (Ковалева, 2012, с. 511) является источником развития личностных ресурсов ребенка. Ранний опыт, полученный ребенком в семье, обуславливает формирование позитивного/негативного ресурса поведения человека во взрослом возрасте (Ковалева, 2012). Развитие ребенка в детстве строится в условиях взаимной привязанности членов семьи друг к другу. С точки зрения самосохранения и безопасности, привязанность имеет для ребенка определенную ценность, она дает ему чувство уверенности при взаимодействии с окружающим миром людей и предметов, способствует адекватной социализации. Закладываясь в раннем детстве, привязанность влияет на поведение ребенка в будущем. И соответственно, такой же тип привязанности в школьном возрасте ребенок проявит при контакте со сверстниками (Смирнова, 1995).

Традиционно различают 4 типа привязанности (Бурменская, 2005; Эйнсворт, 1979):

- надежный, соответствующий оптимальному ходу развития ребенка: допускает позитивно окрашенные взаимоотношения, в которых объект привязанности расценивается как чуткий и участливый, а субъект привязанности в виде ценного, принципиального и немаловажного;
- амбивалентный (тревожно-амбивалентный), который предполагает проявление повышенной потребности в принятии, поддержке, подтверждении своей значимости;
- избегающий (тревожно-избегающий), который подразумевает ощущение противоречия в близких отношениях, ощущение слабости и ранимости; в поведении ощущается расположенность к дистанцированию в общественных отношениях, стремление рассчитывать только на себя;
- дезорганизованный, который сопутствует нарушенным вариантам развития детей, предполагает отсутствие опыта привязанности у детей, не предусматривает близких отношений с людьми.

Целью исследования стало изучение особенностей привязанности детей младшего школьного возраста к матери из семей с разным эмоциональным отношением к ребенку.

Общая гипотеза исследования состоит в том, что разные типы эмоциональных отношений в семье влияют на привязанность ребенка младшего школьного возраста к матери. Т. е. у детей с негармоничными типами отношений привязанность к матери будет менее надежна. При нарушениях в эмоциональном компоненте отношений может наблюдаться тенденция к тревожно-амбивалентному типу привязанности, а при нарушениях в поведенческом компоненте – к тревожно-

избегающему. Тенденция к дезорганизованному типу привязанности может наблюдаться при нарушении обоих компонентов отношений.

В исследовании принимали участие 95 детей младшего школьного возраста и их мамы. В исследовании были применены следующие методики: шкала К. Кернс, проективная методика Н. Каплан, тест-опросник эмоциональных отношений в семье Е. И. Захаровой. Для статистического анализа был применен критерии: φ^* – угловое преобразование Фишера.

Результаты проведенного исследования показали, что в семьях с нарушениями в какой-либо сфере отношений формируется менее надежная привязанность, чем в семьях с гармоничным типом отношений. Разница заключается в том, какая именно сфера имеет нарушения.

Проведя сравнительный анализ, мы обнаружили, что в дисгармоничной группе с ненадежной привязанностью (23%) и группе с нарушениями в поведенческом компоненте родительского отношения (23%) различий нет. Это может говорить о том, что любые нарушения в отношениях семьи влияют на привязанность ребенка к родителю.

Говоря о детях с условно надежной привязанностью, можно сказать о том, что в дисгармоничной (63%) и группе с нарушениями в поведенческом компоненте родительского отношения (50%) различий не обнаружено, как и в группе с нарушениями в эмоциональном компоненте родительского отношения (53%). Это так же объясняется тем, что нарушения как в поведенческом, так и в эмоциональном или в обоих компонентах родительского отношения оказывают влияние на привязанность. При этом у 32% детей с условно надежной привязанностью результаты показывают, что, несмотря на то, что в семье присутствует гармоничный тип отношений с родителями, у детей сформировался данный тип привязанности. Это можно интерпретировать так, что матери не всегда могли достаточное количество времени уделить ребенку из-за других дел. Однако, при сравнении с дисгармоничным типом отношений, при $p \leq 0,01$ видны значимые различия ($\varphi^* = 2,321$), что является свидетельством того, что чем более гармоничные отношения, тем выше надежнее привязанность.

Так же это проявляется и в группах с нарушениями в поведенческом (27%) и эмоциональном компонентах родительского отношения (30%). В сравнении с гармоничным типом родительского отношения (62%) отличия присутствуют (при $p \leq 0,01$, $\varphi^* = 2,591$ в группе с нарушениями в поведенческом компоненте и при $p \leq 0,01$, $\varphi^* = 2,345$ в группе с нарушениями в эмоциональном компоненте родительского отношения).

Анализируя полученные результаты по методике Н. Каплан, можно сказать, что выдвинутые нами гипотезы также подтверждаются эмпирически, т. е. в семьях с разным эмоциональным отношением к ребенку особенности привязанности детей младшего школьного возраста действительно различны. Значительное влияние на привязанность

ребенка к родителю оказывают какие-либо нарушения в общении самих родителей, т. е. не определенная сфера, как, например, эмоции или поведение, а само наличие каких-либо отклонений в отношениях матери с ребенком.

Тревожно-амбивалентная привязанность (30%) возникает у детей, у которых выявленная повышенная потребность в принятии, подтверждении своей значимости, их отношения с родителями пронизаны неуверенностью и тревогой. Т. е. это дети, у которых в семье присутствуют нарушения эмоционального компонента отношения матери к ребенку.

В группе нарушений поведенческого компонента отношения матери к ребенку наблюдается тревожно-избегающая привязанность (27%). Дети ощущают дискомфорт и уязвимы в близких отношениях, а также зависимы от родителей. У них происходит формирование защитных механизмов, они не просто вытесняют неприятную информацию, у них снижается уровень ее восприятия, они эмоционально закрыты. У таких детей очень узкий круг общения.

При нарушении обоих компонентов (эмоционального и поведенческого) отношения матери к ребенку возникает дезорганизованная привязанность (73%). В таких отношениях у детей практически отсутствует опыт близкого общения с людьми. Ребенок чаще всего может рассчитывать только на себя и свои возможности. Ему сложно выстраивать близкие отношения со взрослыми и сверстниками.

В гармоничном типе отношений привязанность, как правило, является высокой и надежной (62%), и этот тип отношений является наиболее приемлемым. В таких семьях дети развиваются по наиболее верному сценарию, в их отношениях с окружающими гораздо меньше проблем, потому что они более спокойны, открыты и сдержанны по отношению к другим людям.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении психологических проблем привязанности у детей, своевременном оказании психологической помощи как детям, так и их родителям; обозначении эмоционального родительского отношения и возможных вариантов его корректирования. Таким образом, полученные результаты показывают важность психолого-педагогической поддержки школьников с ненадежными типами привязанности. И, как следствие, дают возможность разработать коррекционную программу гармонизации детско-родительских отношений, работу с детьми для развития таких качеств, как самостоятельность, автономность и др., а также для повышения компетентности родителей в данном вопросе.

Литература

Бурменская Г. В. Методики диагностики привязанности к матери ребенка дошкольного и младшего школьного возраста // Психологическая диагностика. 2005. №4. С. 5–36.

- Истратова О. Н.* Развитие младшего школьника в условиях эмоционального отвержения его родителями // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. № 10 (135). С. 186–193.
- Ковалева Ю. В.* Роль семейной среды в становлении регуляции поведения // Психологические проблемы современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 509–528.
- Смирнова Е. О.* Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 140–150.
- Эйнсворт М. Д.* Детско-материнская привязанность // Американская Психологическая Ассоциация. 1979.

ГРАНИЦЫ Я И САМООЦЕНКА ТЕЛА У ДЕВУШЕК

А. А. Торопова, В. К. Солондаев (Ярославль)

Дисморфофобический и дисморфоманический синдромы, психосоматические состояния и соматизации описаны в структуре многих психических расстройств (Руководство по психиатрии, 1999). На отечественной выборке показана связь данных синдромов с образом тела и пищевым поведением девушек (Дурнева, Мешкова, 2013). Однако недостаточно исследованными остаются психологические механизмы данных явлений.

Вероятнее всего, психологические феномены, проявляющиеся в клинической симптоматике, имеют место не только в ситуации патологии. Изучение непатологических механизмов осознания и регуляции собственной телесности могло бы послужить основой для разработки психотерапевтических способов коррекции нарушений. Не менее важна возможность разработки путей первичной профилактики патологических феноменов, связанных с телесностью.

Е. Т. Соколовой показано значение границ Я на телесном и категориальном уровне для нормального и аномального развития самоидентичности (Соколова, 2009). Рассмотрение границ Я в репрезентативном паттерне «Я–Другой» на материале исследования людей с нарциссической уязвимостью позволяет Е. Т. Соколовой включить исследуемые феномены в более широкий контекст проблематики развития личности.

Е. В. Улыбиной описано влияние оценки тела на качество жизни и связь удовлетворенности телом и самооценки (Улыбина, 2011). Хотя отношение к телу не связано с уровнем гендерной идентичности, имеют место положительная связь маскулинности и оценки влияния тела на качество жизни в целом по выборке, а также положительная связь оценки влияния тела на качество жизни с маскулинностью и фемининностью у гендерно типизированных субъектов.

Анализ литературных данных показывает, что психологические механизмы нарушения телесности имеют сложный характер. Одним из возможных психологических механизмов может быть изменение характера связи между выраженностью границ Я и самооценкой тела. Изучение данной связи при непатологическом развитии стало целью нашего исследования.

Выборку составили 50 девушек от 18 до 22 лет (средний возраст – 20 лет). Половой состав определен исходя из данных Е. В. Улыбиной (Улыбина, 2011) об отсутствии принимаемой гендерной модели у девушек и данных о большей распространенности нарушений пищевого поведения у женщин.

Испытуемые выполняли методику «Границы Я» (N. Brown) в адаптации Е. О. Шамшиковой (Шамшикова, 2013). Самооценка тела фиксировалась следующим образом: испытуемые описывали теми словами, которыми считали нужными, указывали идеальные и реальные показатели своего роста и веса, затем оценивали свое тело в целом по шкале от 1 до 10 баллов (общая самооценка). Далее испытуемым предлагалось дифференцировать оценку: произвольно выделить отдельные части тела и оценить их по той же шкале (самооценка частей).

Полученные данные обрабатывались в свободном статистическом пакете R. Для «сырых» данных использовался линейный регрессионный анализ (построение зависимости вида $y=ax+b$), также по стандартизованным результатам рассчитывался коэффициент линейной корреляции Пирсона (r).

Установлены следующие основные связи.

1. Пропорционально росту выраженности нарушений границ Я снижается минимальная самооценка отдельных частей тела: коэффициент $a=-0,06$, при уровне значимости $p=0,03$, константа $b=8,6$, $p<0,0001$, коэффициент множественной детерминации (Multiple R-squared) $0,09$; коэффициент корреляции $r=-0,3$, $p=0,03$.
2. Пропорционально росту выраженности нарушений границ Я увеличивается размах (разница между максимальной и минимальной оценкой) самооценок отдельных частей тела: $a=0,07$, $p=0,004$, $b=-0,25$, $p=0,87$, Multiple R-squared $0,17$; $r=0,41$, $p=0,004$.
3. Пропорционально росту выраженности нарушений границ Я увеличивается разница между самооценкой в целом и минимальной самооценкой отдельных частей тела: $a=0,06$, $p=0,007$, $b=-1,51$, $p=0,26$, Multiple R-squared $0,14$; $r=0,38$, $p=0,007$.
4. Пропорционально росту медианы самооценки отдельных частей тела увеличивается число выделяемых при самооценке частей тела: $a=0,45$, $p=0,02$, $b=2,66$, $p=0,06$, Multiple R-squared $0,12$; $r=0,34$, $p=0,02$.
5. Пропорционально росту максимальной самооценки отдельных частей тела увеличивается число выделяемых при самооценке

частей тела: $a=0,68$, $p=0,003$, $b=-0,11$, $p=0,96$, Multiple R-squared 0,17; $r=0,41$, $p=0,003$.

6. Пропорционально росту разницы между идеальным и реальным весом (превышение идеального веса над реальным) увеличивается самооценка в целом: $a=0,05$, $p=0,04$, $b=7,54$, $p<0,0001$, Multiple R-squared 0,10; $r=0,30$, $p=0,04$.
7. Самооценка в целом не связана статистически значимо с разницей между идеальным и реальным ростом: $r=0,02$, $p=0,88$.

Также представляют интерес данные о выделении отдельных частей тела: волосы выделили 78% испытуемых, ноги – 74%, глаза – 56%, руки – 46%, губы – 44%, грудь – 42%, лицо и талию выделило 38%, нос – 30%, ягодичы и живот выделили 24% выборки. Другие части тела – уши, ресницы, брови, скулы, шею, ключицу, плечи, запястье, кисти, щиколотки и ступни выделили менее 20% выборки. Осанка и походка, формально не являющиеся «частями тела», но весьма значимые с точки зрения физиологии, выделены 2% испытуемых.

Анализируя свободное описание испытуемых, можно сделать такие заключения, что 36% девушек описывают свои личностные качества, не упоминая о внешности, 34% упоминают некоторые свои качества, а также описывают некоторые части тела и 30% испытуемых описывают лишь только свою внешность. При описании своей внешности испытуемые выделяют либо те части тела, которые носят как положительный или отрицательный характер, так и нейтральный (скорее всего, с перевесом в одну из крайних сторон).

Отдельные компоненты самооценки тела связаны с границами Я. Описанные связи согласуются с данными Е. О. Шамшиковой о том, что нарушение границ Я проявляется чрезмерной зависимостью от требований, установок и норм окружающих, ориентацией на внешние критерии и оценки. Е. Т. Соколова считает, что структурные и содержательные характеристики репрезентации отношений связаны между собой и определяются аффективно-когнитивным стилем личности.

Проведенное исследование показывает сложный характер взаимосвязи границ Я и самооценки тела: несоответствие антифизиологичным и аналитичным «нормам красоты» создает угрозу Я. Полученные данные показывают, что такая угроза может компенсироваться разными путями: «механическая» дифференциация своего тела на отдельные части, завышение субъективно оптимального веса; включение в телесное Я психологических личностных черт.

Перспективы дальнейших исследований видятся авторам в двух направлениях. Во-первых, расширение выборки, проверка устойчивости связей и поиск типологий испытуемых. Во-вторых, сравнение описанных на непатологической выборке связей с данными испытуемых, имеющих психические расстройства.

Литература

- Дурнева М. Ю., Мешкова Т. А.* Социокультурные стандарты привлекательности, их связь с формированием образа тела и пищевого поведения у девушек // Теоретические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии: Сборник материалов Всероссийской юбилейной научно-практической конференции. М.: МГППУ, НЦПЗ РАМН, 2013. С. 120–121.
- Руководство по психиатрии. В 2 т. Т. 1 / Под ред. А. С. Тиганова. М.: Медицина, 1999.
- Соколова Е. Т.* Аффективно-когнитивная дифференцированность/интегрированность как диспозиционный фактор личностных и поведенческих расстройств // Теория развития: Дифференционно-интеграционная парадигма. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 151–166.
- Улыбина Е. В.* Связь отношения к телу с гендерными характеристиками в юношеском возрасте // Психологические исследования: Электронный научный журнал. 2011. № 4 (18). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.03.2015).
- Шамшикова Е. О.* Детерминация нарциссизма в организации психологического пространства личности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (13). С. 24–35.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ КАК УСЛОВИЕ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

А. Д. Тринога (Красноярск)

Проблема самостоятельной работы младшего школьника актуальна в связи с модернизацией системы образования, внедрением новых образовательных программ в процесс обучения. Развитие способности детей организовывать свою деятельность самостоятельно предполагает выделение условий, которые определяют данные способности. Любая деятельность опосредуется внутренними условиями. Как отметил С. Л. Рубинштейн, внутренние условия играют активную роль, определяя значимость и влияние внешних факторов (Рубинштейн, 2002). Всякая деятельность протекает во времени; организация, упорядочение и координация деятельности предполагает согласование во времени этапов, соотнесение различных темпов и ритмов процессов (Абульханова, 2001). В связи с этим представления о времени являются внутренним условием, через которое преломляется восприятие временных характеристик в различных аспектах, в свою очередь обуславливая характер и особенности организации работы и самоорганизации (Дьячук, 2014).

Целью исследования является выявление представлений о времени младших школьников и их связи с особенностями организации самостоятельной работы.

В качестве гипотезы выступило предположение, что представление о времени, выделение его различных характеристик соотносится с определенной организацией самостоятельной работы младшими школьниками.

Рассматривая организацию самостоятельной работы как организацию внеучебной активности, направленной на решение поставленных задач самостоятельно, без помощи взрослых (Зимняя, 2000), нами были разработаны анкеты для родителей, классного руководителя и детей. Анкеты были направлены на понимание степени самостоятельности, организованности и ориентацию во времени ребенка. Анкета для родителей содержала вопросы о режиме дня, успевает ли ребенок выполнять домашние задания, самостоятельно или с помощью выполняет, ориентации ребенка на время при выполнении заданий и занятость в свободное от уроков время, планирует ли работу. Анкета для классного руководителя была ориентирована на то, как ребенок распределяет свое время в течение дня. Беседа с детьми содержала вопросы, ориентированы на то, хватает ли ему времени на выполнение домашнего задания, досуговых занятий; самостоятельно происходит выполнение заданий или при помощи взрослых; чему отдается приоритет при распределении времени – делам или развлечениям.

При рассмотрении представлений о времени для нас было важным не то, ориентируются ли дети в днях недели, времени суток, временах года, могут ли установить их последовательность, а выделение образов, возникших в результате опыта, которые ребенок соотносит с временем, понятием времени. Для этого было предложено детям младшего школьного возраста изобразить время.

В исследовании приняли участие младшие школьники одной из школ г. Красноярск в возрасте 9–10 лет, посещающие группу продленного дня, 9 девочек, 17 мальчиков, их родители, а также классный руководитель.

Поученные результаты были проанализированы с помощью контент-анализа. Категориями анализа изображений времени выступили: предмет, через который представлено время, количество предметов, с помощью которых изображается время, эмоциональные отношения, динамика образа.

Частотный анализ показал, что большинство детей изображают время в виде часов, представляя время одним предметом, преобладают положительное эмоциональное отношение и большинство изображений характеризуется динамичностью. Если ребенок изображает время в виде часов, то, в большинстве случаев, других объектов не представлено. В данном случае можно отметить понимание времени через

инструмент измерения, носящее одну единую форму, но изменяющееся и динамическое.

Было выявлено значимое соотношение между эмоциональным отношением и количеством объектов, с помощью которых отображается время. Статистический анализ, проведенный с помощью критерия ϕ Пирсона, показал, что отрицательное эмоциональное отношение проявляется при изображении более одного предмета ($\phi=0,414$; $n=24$; $p=0,04$), т. е. при дифференцированном переживании времени ребенок использует несколько предметов, чтобы изобразить свои различные эмоциональные переживания, связанные с временем. Интересным в этом отношении является рисунок девочки, которая изобразила время в виде часов двумя различными способами: в ситуации, «когда все успеваю сделать», были изображены часы в светлых ярких красках, при этом у часов нарисованы крылья и ступни. При нехватке времени часы изображаются с преобладанием темных тонов. Форма часов сконцентрирована, сжата. Подобные рисунки встречаются нечасто, но они свидетельствуют о дифференциации детьми своего опыта, переживаний в отношении времени.

Помимо изображения времени, с ребенком была проведена беседа, которая содержала вопросы на понимание времени, его представлении о нем. Ответы на вопросы позволили получить более объективное и полное понимание представлений детей о времени.

При соотнесении изображений и словесного описания времени были выделены два типа представлений о времени. При изображении времени в виде часов никаких иных образов не представлено, время понимается как то, с чем можно взаимодействовать, сотрудничать, распределять. При изображении времени в виде реки, свечи, дороги и др. объектов, время оценивается как то, на что очень трудно повлиять, у детей нет ощущения возможности его распределять. Таким образом, можно выделить два представления о времени: одно связано с переживанием его последовательности, расписания, смены одного явления другим, т. е. инструментальность времени. Второй способ связан с метафорическими представлениями о времени.

На следующем этапе были выделены критерии, по которым был проведен анализ ответов на анкеты для выявления особенностей организации самостоятельной работы младших школьников. В качестве таких критериев мы выделили: распределение заданий, дел, выполнение заданий без обращения за помощью к взрослому, наличие режима дня и соблюдение его, постановка сроков, выполнение работы к срокам, планирование.

По результатам анализа анкет родителей, классного руководителя и бесед с детьми методом контент-анализа, были выделены три группы детей.

В первую группу вошли дети (25%), которые выполняют домашнее задание без помощи, за исключением редких случаев, сроки выполне-

ния какой-либо деятельности ставятся ими самими, т. е. данную группу можно назвать самостоятельной.

Во вторую группу вошли дети (37,5%), которые обращаются за помощью к родителям, постановка сроков и составления режима дня происходит совместно либо родителями.

В третью группу вошли дети (37,5%), организация работы которых несамостоятельна, сроки ставят родители, и они не соблюдаются, либо их никто не ставит. Домашнее задание выполняется при помощи взрослых.

В дальнейшем данные особенности организации работы были соотнесены с представлениями о времени. При соотнесении полученных данных мы получили следующие соотношения.

В группе детей, которые организуют и выполняют свою работу самостоятельно, за исключением редких случаев, представление о времени инструментально (часы, единицы времени), его можно распределять. Время, по сравнению с другими группами, представлено достаточно динамично. При этом преобладает положительное эмоциональное отношение к времени.

Во второй группе, в которую мы включили детей, выполняющих деятельность совместно с взрослым, которым необходима поддержка взрослого в организации своей работы, встречается представление о времени инструментальное и метафорическое. Эмоциональное отношение встречается примерно с одинаковой частотой. Преобладает динамика в представлениях, но показатель ее ниже, чем в первой группе.

Третья группа младших школьников характеризуется несамостоятельной организацией работы, выполнением заданий только при организации со стороны взрослого. В данной группе время представлено более часто метафорически, в виде реки, свечи, роста дерева. Встречаются и изображения часов, но при этом на них отсутствуют стрелки. Преобладает положительное эмоциональное отношение, в большей степени рисунок статичен.

Обобщая результаты, можно выделить определенные тенденции: если представлены инструментальные аспекты времени, то организация работы более самостоятельна. Дети, понимающие время как всемогущую силу, на которую невозможно повлиять, имеют проблемы с организацией самостоятельной работы, так как не ориентируются на время и не воспринимают его как необходимый компонент организации работы.

Особенности организации самостоятельной работы связаны с таким критерием представления о времени, как «динамика–статика». Чем более самостоятелен в организации своей работы ребенок, тем в большей степени выражена динамика в представлениях.

Полученные нами результаты позволяют рассматривать переживание времени младшими школьниками, выраженное в представлении о нем, как одно из условий, определяющих самостоятельность организации работы.

Литература

- Абульханова К. А., Березина Т. Н. *Время личности и время жизни*. СПб.: Алетейя, 2001.
- Дьячук А. А. Переживание времени как условие организации самостоятельной работы студентов // *Психология обучения*. 2014. № 4. С. 30–40.
- Зимняя И. А. *Педагогическая психология: Учебник для вузов*. М.: Лотос, 2000.
- Рубинштейн С. Л. *Основы общей психологии*. СПб.: Питер, 2002.

РОЛЬ ПОНЯТИЙНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В СТРУКТУРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РЕСУРСА*

А. В. Трифонова (Москва)

Причины успешности интеллектуальной деятельности личности являются предметом разнообразных психологических исследований в течение уже многих десятилетий, однако в последнее время интерес к этой проблеме существенно возрос и приобрел характер устойчивой тенденции. Объяснить это можно изменениями в современном обществе, где именно интеллектуальные ресурсы человека приобретают главную ценность, способную качественным образом изменить и ускорить развитие всего социума в целом.

Однако в настоящее время не выработан единый взгляд на природу и механизмы развития индивидуального интеллектуального ресурса личности.

По нашему мнению, особую роль в развитии индивидуального интеллектуального ресурса личности играют понятийные способности. Высокий уровень развития понятийных способностей, наряду с высоким уровнем развития креативных и когнитивных способностей, служит психологической основой для дальнейшего успешного интеллектуального развития личности. Данный факт находит свое подтверждение в классических работах Л. С. Выготского и Л. М. Веккера: образование понятий приводит к коренной перестройке всей интеллектуальной деятельности личности, а мера общности понятий может служить критерием когнитивной зрелости (Выготский, 1999; Веккер, 2000).

Как уточняет М. А. Холодная, в основе интеллектуального ресурса личности, предполагающего наличие реальных интеллектуальных достижений, лежат понятийные способности, состоящие в готовности порождать развернутый, артикулированный и объективированный семантический контекст при интерпретации каких-либо воздействий (Холодная, 2012). В нашей работе мы попытались проанализировать

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 14-28-00087) в Институте психологии РАН.

проблему интеллектуальных способностей с позиций ресурсного подхода, считая, вслед за М. А. Холодной и С. А. Хазовой, что интеллектуальный ресурс определяется особенностями организации индивидуального ментального опыта: во-первых, сбалансированным сочетанием когнитивных способностей разного типа, ведущую роль среди которых играют понятийные способности, во-вторых, сформированностью компонентов метакогнитивного опыта, в том числе стратегий непроизвольного и произвольного контроля за состоянием индивидуальной системы интеллектуальных ресурсов, в-третьих, наличием индивидуальных познавательных предпочтений, интенций и т. д. (Холодная, 2012; Хазова, 2013).

Особый интерес для понимания принципов развития индивидуального интеллектуального ресурса представляет юношеский возраст, так как именно в этот период активно развиваются понятийные способности и происходит перестройка всей системы интеллекта. Кроме того, в этом возрасте увеличивается роль непроизвольного и произвольного интеллектуального контроля (способности к саморегуляции интеллектуальной деятельности) (там же; Ясюкова, 2005).

Можно говорить о трех видах понятийных способностей: семантических (оперирование словесными знаками), категориальных (оперирование категориями) и концептуальных (порождение новых ментальных содержаний). Чем выше уровень развития понятийных способностей, тем более широкий спектр своих ресурсов использует человек при столкновении с любой жизненной ситуацией (Холодная, 2012).

Цель исследования: выявить взаимосвязи между понятийными (категориальными и концептуальными) способностями, когнитивными способностями (уровнем аналитического интеллекта), креативными способностями (вербальной и невербальной креативностью) в юношеском возрасте, а также изучить характер связей этих способностей с учетом интеллектуальных качеств личности и реальных интеллектуальных достижений.

Гипотеза данного исследования состоит в предположении, что понятийные способности играют решающую роль в механизмах развития и проявления индивидуального интеллектуального ресурса, выступая в качестве посредника по отношению к интеллекту и креативности, определяя выраженность интеллектуальных качеств личности и влияя на реальные интеллектуальные (учебные) достижения.

В качестве показателя уровня интеллекта был использован показатель по тесту «Стандартные плюс прогрессивные матрицы» Дж. Равена. В качестве показателя творческих способностей – показатели вербальной креативности (методика «Необычное использование») и невербальной креативности (методика «Незавершенные фигуры») Э. П. Торренса. В качестве показателей понятийных (категориальных) способностей – показатели по методике «Обобщение трех слов»; в качестве показателя

понятийных (концептуальных) способностей – показатели по методикам: «Формулировка проблем», «Словесно-образный перевод»; «Понятийный синтез» М. А. Холодной, метод микроструктурированного анализа рисованных шуток на примере рисунка-шутки «Кот» М. В. Осориной. В качестве показателей реальных интеллектуальных достижений – академический рейтинг студентов, экспертная оценка преподавателей по методике «Качества мышления», метод социометрии.

Участники исследования: студенты 2–4 курсов вузов г. Москвы, $n=110$.

Для выявления характера связей понятийных, когнитивных и креативных способностей с интеллектуальными достижениями и выявления такого латентного фактора, как интеллектуальный ресурс, нами была построена структурная модель. Для анализа были взяты суммарные показатели вербальной и невербальной креативности, категориальных и концептуальных способностей, а также показатели по каждому аспекту реальных интеллектуальных достижений (все показатели были представлены в виде z -оценок).

В результате конфирматорного факторного анализа показателей вербальной и невербальной креативности, категориальных и концептуальных понятийных способностей, аналитического интеллекта, качеств мышления, а также социометрического статуса и академической успешности нами были получены следующие латентные факторы: когнитивные способности, креативные способности, понятийные способности, интеллектуальные достижения и интеллектуальный ресурс (Параметры модели: $\text{Chi-square}/df=1,582$; $\text{RMSEA}=0,042$; $\text{CFI}=0,953$).

По результатам регрессионного анализа полученных латентных переменных (понятийных способностей, креативности, интеллекта, реальных интеллектуальных достижений), можно сделать вывод, что в предсказание уровня реальных интеллектуальных достижений в условиях вузовского обучения наибольший вклад вносят понятийные способности ($\beta=0,47$; $p<0,01$), далее по значимости идут когнитивные способности ($\beta=0,22$; $p<0,01$) и креативные способности ($\beta=0,17$; $p<0,01$). В составе латентного фактора интеллектуального ресурса, объединяющего латентные факторы понятийных, креативных, когнитивных способностей и реальных интеллектуальных достижений, согласно этой модели, с наибольшим «весом» представлены понятийные способности ($\beta=0,69$; $p<0,01$).

По результатам эмпирического исследования индивидуального интеллектуального ресурса в юношеском возрасте, можно сделать вывод, что понятийные способности образуют симптомокомплекс связей с креативными и когнитивными способностями. Концептуальные способности, исходя из структурной модели, играют ведущую роль в этом симптомокомплексе.

Кроме того, при более детальном анализе характера взаимосвязей понятийных, креативных и когнитивных способностей было выявлено

но два аспекта «действия» концептуальных способностей: способность конструировать «невозможные» (реально отсутствующие) связи между понятиями, осуществляя понятийный синтез, и строить содержательную интерпретацию неоднозначного рисунка-шутки, включающую реконструкцию происходящего события, мотивов действий персонажей и общий замысел автора рисунка. Именно эти два аспекта концептуальных способностей по-разному связаны с разными видами креативности: понятийный синтез – с невербальной креативностью, интерпретация неоднозначного рисунка – с вербальной креативностью. Иными словами, процесс порождения новых идей – как на вербальном, так и на визуальном уровнях – основывается на понятийном опыте субъекта и на его концептуальных способностях.

В целом обнаруженные нами факты подтверждают гипотезу данного исследования о наличии взаимосвязи между уровнем развития у респондентов в юношеском возрасте аналитического интеллекта, вербальной и невербальной креативности и категориальных и концептуальных способностей как аспектов индивидуального интеллектуального ресурса. Показано, что именно понятийные способности играют значимую роль в развитии индивидуального интеллектуального ресурса.

Литература

- Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
- Веккер Л. М.* Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 2000.
- Хазова С. А.* Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013.
- Холодная М. А.* Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Ясюкова Л. А.* Закономерности развития понятийного мышления и его роль в обучении. СПб.: ГП ИМАТОН, 2005.

Я-ОБРАЗ ШКОЛЬНИКОВ ПОДРОСТКОВОГО И ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ РАЗДЕЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Е. А. Троицкая (Москва)

В развитии личности одну из основных ролей играет развитие самосознания, которое, как указывал А. Н. Леонтьев, происходит в процессе совместной деятельности (Леонтьев, 1975). Продуктом осознания своего Я можно считать сформировавшийся Я-образ, т. е. систему представлений человека о самом себе. Исследование особенностей Я-образа представляется особо актуальным в свете того, что недостаточное развитие

навыков самопознания и самопонимания, как указывает В. В. Знаков, ведет к утрате субъектности человеком (Знаков, 2007).

В России на базе ряда экспериментальных площадок реализуется система раздельного обучения мальчиков и девочек, причем на сегодняшний день таких школ насчитывается порядка 700. Однако, как показал анализ психолого-педагогической литературы, исследований влияния системы раздельного обучения на психическое развитие учащихся проведено недостаточно (Троицкая, 2012b).

Согласно К. А. Абульхановой, Я-концепция понимается как ядро самосознания личности, которое включает отношения человека к себе, к другим и ожидания отношения других к этому человеку (Абульханова, 1999). Поскольку раздельная система обучения накладывает ограничения на общение учащихся с представителями противоположного пола, мы предположили, что существуют определенные особенности Я-образа у школьников подросткового и юношеского возраста, обучающихся в классах, гомогенных по половому признаку. Поэтому целью нашего исследования стало выявление особенностей Я-образа у школьников подросткового и юношеского возраста в условиях раздельного обучения.

Выборка испытуемых, состоявшая из учащихся 8–11-х классов школ г. Москвы, включала экспериментальную и контрольную группы. В экспериментальную группу вошли 129 школьников, обучавшихся в гомогенных по половому признаку классах, включая 67 мальчиков и 62 девочки 13–17 лет. Контрольную группу составили 133 учащихся школ с совместной формой обучения: 70 мальчиков и 63 девочки 13–17 лет.

Поскольку данная работа являлась частью комплексного исследования особенностей учащихся школ с раздельной системой обучения (Троицкая, 2012a), исследование Я-образа испытуемых проводилось на основе ответов на вопросник С. Бэм по изучению маскулинности–фемининности (были подсчитаны частоты, с которыми испытуемые из раздельных и совместных классов отмечали каждое из предложенных в опроснике качеств как наличествующее у них).

В процессе статистического анализа полученных данных для частотного анализа применялся критерий хи-квадрат Пирсона, для анализа согласованности иерархий качеств применялся коэффициент ранговой корреляции тау-б Кендалла.

Сравнение частот, с которыми мальчики из совместных и раздельных классов отмечали качества при выполнении методики С. Бэм, проведенное по критерию хи-квадрат Пирсона, показало, что мальчики из контрольной группы, по сравнению с мальчиками из экспериментальной группы, чаще оценивают себя как «застенчивых» ($p=0,047$) и «ревнивых» ($p=0,042$), в то время как мальчики из экспериментальной группы чаще описывают себя как «непредсказуемых» ($p=0,018$). Аналогичное исследование качеств, отмеченных девочками из совместных и раздельных классов, показало, что в Я-образ девочек из контрольной

группы, по сравнению с девочками из экспериментальной группы, чаще входят такие качества, как «нежная» ($p=0,031$), «скрытная» ($p=0,009$), «теплая, сердечная» ($p=0,018$), а в Я-образе девочек из экспериментальной группы чаще встречается «полагающаяся только на себя (самодостаточная)» ($p=0,024$).

На основе количества выборов каждого из качеств нами была построена иерархия качеств для каждой выборки отдельно. Исследование согласованности иерархий всех 60 качеств по критерию тау-б Кендалла выявило высокозначимую ($p=0,001$) согласованность иерархий у мальчиков из контрольной и экспериментальной группы, а также у девочек из контрольной и экспериментальной группы. Результаты сравнения корреляций при помощи Z-критерия позволяют утверждать, что различия в силе корреляционных связей на уровне значимости $p=0,05$ отсутствуют.

Анализ полученных в ходе исследования результатов позволяет утверждать, что существует ряд особенностей Я-образа у учащихся мужского и женского пола 13–17 лет в условиях раздельного обучения. Это можно объяснить спецификой сравнения себя с окружающими: в условиях совместного обучения мальчики и девочки могут сравнивать себя с ровесниками своего и противоположного пола, а в условиях раздельного обучения сравнение с представителями противоположного пола ограничено, зато учащиеся могут выделить больше различий при сравнении себя с представителями своего пола. Например, в условиях совместного обучения девочки чаще оценивают себя как носительниц таких фемининных качеств, как «нежная» (76% девочек против 58% девочек из раздельных классов) и «теплая, сердечная» (78% против 58% в раздельных классах), а при раздельном обучении в их самоописании чаще проявляется маскулинное качество «полагающаяся только на себя (самодостаточная)» у 50% девочек против 30% при совместном обучении. С этим можно связать и представление о себе как о непредсказуемом человеке, встречающемся в Я-образах 67% мальчиков из гомогенных по половому признаку классов, когда в условиях совместного обучения это качество приписывают себе лишь 47% мальчиков.

Кроме того, при совместном обучении учащиеся имеют возможность получить больше опыта межличностного взаимодействия со сверстниками, что может объяснить преобладание качества «ревнивый» в Я-образе мальчиков из совместных классов (у 50% мальчиков из совместных классов против 33% мальчиков из раздельных классов) и качества «скрытная» в самоописании 56% девочек, обучающихся совместно с мальчиками (при наличии этого качества у 32% девочек из раздельных классов). Тот факт, что мальчики из совместных классов чаще оценивают себя как застенчивых, по сравнению с мальчиками из раздельных классов (41% против 25%), согласуется с данными ряда отечественных исследователей, которые полагают, что раздель-

ное обучение мальчиков и девочек создает более благоприятный психологический климат в классе, благодаря чему у учащихся снижается уровень тревожности и робости.

Результаты исследования всей иерархии качеств, отмеченных испытуемыми, позволяют утверждать, что в целом иерархии качеств, входящих в Я-образ, сходны, независимо от системы обучения, как у мальчиков, так и у девочек. Так, 77–87% мальчиков, независимо от системы обучения, описывают себя как верящих в себя, а девочки считают себя умеющими сочувствовать (86–87%) и способными утешить (79–84%) как при раздельном, так и при совместном обучении. Большинство опрошенных школьников, независимо от пола и системы обучения, представляют себя как жизнерадостных (76–88%), способных помочь (89–97%), умеющих дружить (88–90%), понимающих других (81–83%), но склонных защищать свои взгляды (77–84%). Вероятно, данные качества наиболее точно соответствуют социальной ситуации развития и ведущей деятельности учащихся подросткового и юношеского возраста, а именно общению в группе сверстников и определению своей индивидуальности. Еще одним из возможных объяснений полученных результатов и проблемой большинства опросных методов исследования является социальная желательность этих качеств, что подтверждается тем фактом, что среди качеств, отмеченных менее чем у 10% школьников, в том числе представлены и качества, имеющие негативную коннотацию: малорезультативный, инфантильный, тщеславный, падкий на лесть, угрюмый. С другой стороны, такие результаты самооценки могут свидетельствовать и о работе защитных механизмов.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сказать, что в целом Я-образ мальчиков и девочек 13–17 лет, обучающихся в раздельных классах, схож с Я-образом их сверстников, обучающихся совместно. Однако различия наблюдаются по ряду отдельных качеств как у мальчиков, так и у девочек. При совместном обучении мальчики чаще описывают себя как застенчивых и ревнивых, но реже считают себя непредсказуемыми, а девочки чаще представляют себя нежными, теплыми, сердечными и скрытными, но реже оценивают себя как полагающихся только на себя (самодостаточных), по сравнению со сверстниками, обучающимися в гомогенных по половому признаку классах.

Литература

- Абульханова К. А. Психология и сознание личности. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: НПО «Модэк», 1999.
- Знаков В. В. Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 65–74.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Троицкая Е. А. Влияние условий раздельного обучения на развитие эмпатии у школьников // Вопросы психологии. 2012а. № 5. С. 29–38.

Троицкая Е. А. Влияние условий раздельного обучения на развитие эмпатии у школьников подросткового и юношеского возраста: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2012b.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ ЛИЧНОСТИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ЦЕННОСТНЫМ ФАКТОРОМ

А. И. Троянская (Ижевск)

Непрерывное самосозидание личности современного профессионала требует включения всех имеющихся ресурсов. В качестве потенциала роста могут выступать подчас неожиданные психологические свойства, не только прямо связанные с содержанием деятельности, но и косвенно. Принятые профессионалом ценности оказываются основой для произвольной саморегуляции деятельности в экстремальных ситуациях (Дикая, 2005), а также задают вектор развития в обыденных рутинных ситуациях. Рефлексия является одним из важнейших качеств, катализирующих, а во многом и обеспечивающих профессиональное развитие. О генеративном потенциале рефлексии в плане развития системы деятельности писал А. В. Карпов (Карпов, 2004). Роль рефлексии заключается в обеспечении функциональных связей между компонентами системы, а также направления развития отдельных компонентов.

В данной работе представлены результаты эмпирического исследования профессиональной рефлексии личности.

Целью исследования являлось изучение обусловленности профессиональной рефлексии личности определенным этапом профессионализации.

Выдвинута *гипотеза*: специфический способ реализации профессиональной рефлексии в условиях профессионализации обусловлен ценностными ориентациями личности.

Участники исследования: В исследовании приняли участие 128 чел., занятых в системе образования, обучающихся в Институте повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской республики (выборки уравниваются по региональному (селяне/горожане) и гендерному признакам). Возраст испытуемых – 30–47 лет.

Методики. Для исследования профессиональной рефлексии личности подобраны следующие индикаторы, каждый из которых диагностировался с помощью соответствующей методики (Хотинец, Троянская, 2011): рефлексивность личности (методика А. В. Карпова), профессиональное самосознание учителя (ПСУ) (методика А. В. Савчука, С. К. Гасанова), значимость событий профессионального пути (методика анализа жизненных целей Л. Д. Столяренко), самооценка профессионально важных качеств (ПВК), «производительная» мотивация и удовлетво-

ренность профессией диагностировались с помощью сокращенного варианта комплексной методики «Мотивация профессионального самосовершенствования» (А. А. Деркач, А. А. Бодалев, Л. Г. Лаптев и др.), для изучения ценностей применялся опросник Ш. Шварца.

Результаты исследования обрабатывались *методами математической статистики*: описательная статистика, методы анализа достоверности различий по критериям Стьюдента, Манна–Уитни, корреляционный метод Пирсона, факторный анализ методом главных компонент путем вращения матрицы по типу varimax, дисперсионный однофакторный многомерный MANOVA. Обработка данных осуществлялась в программе SPSS 11.5 for Windows.

Конкретизируя понимание ключевого термина профессиональной рефлексии, необходимо сказать, что она заключается в познании, переосмыслении и проектировании личностью собственной профессиональной деятельности, своей позиции в ней и образа себя как субъекта этой деятельности (Троянская, 2011).

Рефлексия профессионала предполагает как когнитивные, так и ценностные ресурсные основания. Соответственно, ее изменения в ходе системогенеза деятельности согласованы с изменением этих двух типов факторов. Под изменением когнитивного фактора подразумевается прохождение различных этапов профессионализации – от начального к заключительному. Для конкретизации ценностного фактора выделены наиболее и наименее предпочитаемые ценности исследуемой выборки (опросник изучения базовых ценностей Ш. Шварца), далее они были факторизованы.

Результаты исследования. В результате факторного анализа было получено пять значимых факторов ценностей, описывающих 51% дисперсии, предлагаемые рабочие названия: «Упорядочивание», «Консерватизм», «Духовность», «Самореализация в обществе», «Стабильность жизни». Наиболее весомые ортогональные факторы «Упорядочивание» и «Консерватизм (сохранение)» выражают стремление к изменению ради порядка и сохранению ради получения положительных эмоций.

Взаимодействие одного из ценностных факторов – «Упорядочивание» с показателем этапа профессионализации оказало значимое влияние на профессиональную рефлексию (Троянская, 2011): След Пилляя=0,223, Лямбда Уилкса=0,777, Оценка F-отношения=4,850, $p > 0,001$ (двухфакторный многомерный MANOVA). Главные эффекты взаимодействия факторов ценностного «Упорядочивание» и профессионализации на компоненты профессиональной рефлексии: самооценку ПВК $F(3,124)=22,4$, $p < 0,001$, производительную мотивацию $F(3,124)=7,4$, $p < 0,01$, профессиональное самосознание $F(3,124)=7,1$, $p < 0,01$.

Интерпретация результатов. На начальном этапе профессионализации самооценка ПВК более адекватна при отвержении (непринятии) ценности «Упорядочивания» и завышена при ее принятии. В группе за-

ключительного этапа противоположная картина: завышенная самооценка ПВК при отвержении ценности «Упорядочивания», адекватная при ее принятии.

Принятие ценности «Упорядочивания» практически не изменяет уровня производительной мотивации в группе начинающих, в то время как значительно поднимает его в группе завершающих.

Профессиональное самосознание имеет примерно равный уровень при отвержении ценности «Упорядочивания» в обеих группах, однако при ее принятии в группе начального этапа уровень профессионального самосознания практически не изменяется, в группе заключительного – значимо растет.

Эти результаты можно объяснить тем, что по прохождении профессионализации профессионал получает инструмент, способ осуществления упорядочивающей преобразующей активности, рефлексивный инструмент самоорганизации в направлении достижения целей деятельности. Осознание возможности применения приобретенных компетентностей в деятельности вызывает изменения в профессиональной рефлексии, в большей степени затрагивающие самооценку профессионально важных качеств, производительную мотивацию, профессиональное самосознание. Не имея адекватного инструмента, необходимых компетенций, но принимая ценность преобразующей упорядочивающей деятельности, специалист неадекватно наделяет себя высокими оценками профессиональных качеств, активизация рефлексивных процессов в ходе профессионализации способствует адекватности оценивания. Отсутствие адекватного инструмента упорядочивающей преобразующей деятельности не способствует высокой производительной мотивации, затрудняет отождествление себя с профессией.

Таким образом, психологическая система деятельности находится во взаимодействии с культурным контекстом сообщества, в котором осуществляется. Ее основные блоки развиваются на стыке индивидуальных ресурсов человека и ресурсов сообщества.

В частности, стремление к упорядочиванию, как прообраз рефлексивной регуляции, есть универсальный культурный механизм разрешения противоречий, в силу своей универсальности он содержит варианты решения, адекватные и для задач профессионализации, ответные способы действия во внутренне конфликтных и противоречивых условиях профессиональной переподготовки и переобучения.

Ценность упорядочивания и приобретаемая в результате профессионализации компетентность, инструментальная оснащенность для реального осуществления упорядочивания в своем сочетании обеспечивают возможность эффективного применения профессиональной рефлексии в деятельности. А изменения рефлексии, как метасистемного, организационного, профессионально важного качества (Карпов, 2009), влекут изменения связанных с ней качеств – самооценка профессио-

нала становится адекватной, возрастает производительная мотивация, профессиональное самосознание.

Таким образом, с помощью математических методов объективно обосновывается значимый для психологической науки и практики вывод о необходимости системного обучения и повышения квалификации персонала организаций.

Литература

Дикая Л. Г. Психологические проблемы профессиональной и социальной активности субъекта труда в условиях информационно-технологической глобализации // Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития современной России: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 135–136.

Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН» 2004.

Карпов А. В. Категория субъекта и современный метакогнитивизм // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Троянская А. И. Профессиональная рефлексия личности в мире этнической культуры. Ижевск, 2011.

Хотинцев В. Ю., Троянская А. И. Этнокультурные особенности профессиональной рефлексии // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 57–73.

ОПЫТ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

И. А. Туголукова, Е. Ю. Бекасова (Москва)

Актуальность психолого-педагогического анализа процесса современного инклюзивного образования несомненна и определяется тем, что включение особых детей в общеобразовательную среду получило в настоящее время широкое распространение в мировой педагогической практике. Отечественный опыт в данной области еще очень скромнен, хотя с каждым годом увеличивается количество учебных заведений, успешно внедряющих практику инклюзивного образования.

В конце XX–начале XXI в. психолого-педагогические науки обратили особое внимание на детей с ограниченными возможностями здоровья и предложили идеи инклюзии (*англ.* inclusion – включение) таких детей в систему общего образования.

Педагогическая практика, сложившаяся в течение многих лет, делила всех детей на две группы. «Нормальные» – дети, которые успешно осваивали программу, потому что им подходили выработанные методы и средства обучения, и «особенные» – дети, не поддающиеся обучению современными способами, в связи с тем что они не подчинялись схеме стереотипного педагогического мышления. Но постепенно подход «ребенок как проблема», работающий по схеме – ребенок с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) отличается от нормальных детей, имеет особые потребности (специальная среда, оборудование, учителя) и, как следствие, не отвечает требованиям общей школы, поэтому не в состоянии там учиться, уступил место подходу «система образования как проблема». Суть второго подхода такова: образовательная среда не приспособлена для работы с детьми, имеющими отклонения, так как включает в себя жесткие образовательные стандарты, негибкие программы и методы обучения и не предполагает систему поддержки. Поэтому общая школа не может учить особого ребенка и, как результат, исключает его из общеобразовательной среды.

В рамках нового подхода удалось выделить слабые места в современной системе образования, препятствующей социализации подобных детей. Среди методов преодоления изоляции детей особое место заняла инклюзия, которая представляет собой долгосрочную стратегию постепенной интеграции детей с ОВЗ, снижение их изоляции через изменение образовательной среды, ее преобразование, согласно возможностям ребенка. В сфере инклюзивного образования проведено много исследований (М. М. Семаго, Н. Я. Семаго, Н. Д. Шматко, Ю. В. Мельник, Г. Н. Пенин), все они показывают эффективность системы инклюзии в социализации детей с особыми возможностями здоровья (ОВЗ). Но все же, несмотря на современную тенденцию прекратить изоляцию детей с ОВЗ, образовательная система, в силу своей негибкости, имеет ограничения для обучения таких детей. Этим обусловлена актуальность нашего исследования.

Проблема инклюзивного образования имеет широкий охват, так как она затрагивает и слабослышащих, и слабовидящих детей, также детей с ДЦП и детей с другими особенностями. Но мы хотели бы остановиться на инклюзивном образовании детей с расстройствами аутистического спектра (РАС), так как за последние 15 лет количество таких детей возросло в десятки раз и в педагогике остро встал вопрос о преодолении их изоляции.

В силу принятого в 2013 г. в России нового закона «Об образовании», школы взяли курс на инклюзию аутичных детей, которые смогли получить возможность обучения в среднеобразовательных школах. Проблема аутизма подвергалась анализу в работах О. С. Никольской, К. С. Лебединской, В. Е. Кагана, В. М. Башиной и др. авторов, но исследований возможности инклюзивного образования аутистов в настоящее время явно недостаточно.

Целью данного исследования было изучение психологических особенностей инклюзивного образования и современных возможностей инклюзии детей с расстройствами аутистического спектра. Гипотеза исследования предполагала, что при соблюдении специальных условий инклюзии возможно включение, развитие и обучение детей с РАС в систему общеобразовательной школы.

Анализ практики двух московских школ: № 1465 им. адмирала Н. Г. Кузнецова и № 1447, в которых созданы ресурсные классы для детей-аутистов, – показал, что, при соблюдении условий инклюзии, 90% учеников всего за год успешно адаптировались к школьной среде. Результаты показали, что дети с РАС, которые проводили время в классе с другими детьми, смогли улучшить навыки и в бытовой сфере, и в сфере социальной коммуникации.

Проведя анализ опыта этих школ, можно выделить особенности построения инклюзии, которые помогли прийти к такому хорошему результату:

- создание ресурсного класса для индивидуальных занятий и психологической разрядки;
- специальная программа работы учителя ресурсного класса с учениками;
- наличие сопровождения в виде квалифицированного тьютора или инструктора;
- фиксация начальных навыков ребенка и оценка динамики его развития;
- щадящий режим занятий, ориентированный на способности ребенка, индивидуальный учебный план;
- программа постепенной социализации ребенка.

В психолого-педагогических рекомендациях, посвященных инклюзии аутичных детей, необходимо обратить особое внимание на возможность применения визуального расписания, наличие специальной визуально-кинестетической системы подсказок и поощрений, правильную организацию рабочего места аутичного ребенка, обязательное сотрудничество с другими детьми, выступающими в роли тьютора, работу с классом, родителями и сотрудниками школы. Также, нельзя забывать о необходимости поддерживать в классе доброжелательную атмосферу, окружающую ребенка заботой без ограничений его свободы.

В итоге, хотелось бы подчеркнуть, что аутичные дети в некоторых областях знаний могут демонстрировать такие способности, которые во многом превосходят возможности их обычных сверстников. Доказано, что аутисты, общаясь с нормально развивающимися детьми, могут их многому научить. А инклюзия детей с РАС в систему образования не только способствует развитию их коммуникативных навыков и снижению изоляции, но, что немаловажно, развивает и у обычных детей

чувство толерантности, готовность оказать помощь тем, кто в ней нуждается. Обычные дети должны иметь представление о том, что не все люди одинаковы, и именно инклюзия помогает сформировать чувство общности, учит детей принимать других такими, какие они есть, и видеть не только недостатки других людей, но и их зачастую скрытые возможности.

Литература

- Алехина С. В. Принципы инклюзии в контексте развития современного образования // Психологическая наука и образование. 2014. № 1. С. 5–17.
- Венгер А. Л. На что жалуетесь? Выявление и коррекция неблагоприятных вариантов развития личности детей и подростков. М. – Рига: Педагогический Центр «Эксперимент», 2000.
- Воронов А. В. Научно-методическое и кадровое обеспечение развития инклюзивного образования. // Ресурсные материалы по вопросам инклюзивного образования и образования для устойчивого развития. URL: http://www.ibe.unesco.org/fileadmin/user_upload/COPs/Pages_documents/Focal_Points/Resource_materials_on_IE_and_ESD.pdf (дата обращения: 28.06.2015).
- Каган В. Е. Аутизм у детей. Л.: Медицина, 1981.
- Семаго Н. Я. Проблемные дети: основы диагностической и коррекционной работы психолога. М.: АРКТИ, 2000.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ*

Е. И. Туева, Р. А. Березовская (Санкт-Петербург)

Современное состояние социальной психологии труда характеризуется осознанием значимости изучения феноменов, описывающих позитивные и ресурсные проявления субъекта деятельности, и недостаточной изученностью их природы (Личность профессионала..., 2013). Анализ современных психологических исследований показал возрастающий интерес к изучению психологического благополучия в контексте профессиональной деятельности (occupational well-being), относящегося к числу актуальных, но, по сравнению с зарубежными публикациями, малоизученных направлений в отечественной психологии (Березовская, 2012). В обобщенном варианте профессиональное благополучие рассматривается «как процесс и состояние, интегрально отражающие жизненную деятельность субъекта, ее условия и результаты, а также отношение субъекта к результатам деятельности» (Бояркин, 2007, с. 7).

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-06-10638).

К методическим проблемам изучения профессионального благополучия в отечественной психологии может быть отнесено отсутствие соответствующего диагностического инструментария. В большинстве эмпирических исследований, опубликованных в русскоязычных изданиях, авторы ограничиваются использованием общедиagnostических методик для оценки профессионального благополучия (М. Ю. Бояркин, Р. М. Шамяионов, Ю. В. Бессонова, Е. В. Бородкина, М. В. Бучацкая, И. В. Заусенко и др.). Однако, на наш взгляд, такой подход не в полной мере отражает суть феномена и является ограниченным с точки зрения надежности результатов оценки. Таким образом, целью нашей работы являлась разработка методики оценки профессионального благополучия (МОПБ).

Актуальность работы определяется отсутствием диагностического инструмента и недостаточно разработанной теоретической базой; в современной отечественной психологии большая часть работ направлена на изучение различных проявлений профессионального неблагополучия (деструкции, выгорание, маргинализм и др.). Научная и практическая значимость проведенной нами работы заключается в возможности расширения теоретических и практических знаний в области позитивной психологии с целью психологического сопровождения профессионалов и развития человеческого капитала как ресурсной базы организаций.

Для достижения поставленной цели на подготовительном этапе был проведен анализ научной литературы, а также исследование структуры социальных представлений о феномене профессионального благополучия. Анализ литературы показал, что западные исследователи достаточно давно проявляют интерес к проблеме профессионального благополучия (Cartwright, 2008). Одной из наиболее цитируемых является модель профессионального благополучия П. Варра (Warr), которая описывает четыре компонента профессионального благополучия: эмоциональное благополучие, стремление к росту и развитию, автономия и компетентность, которые затем обобщаются в один интегральный показатель «общее функционирование», характеризующий личность профессионала в целом.

Обобщение результатов проведенного интервью и контент-анализа полученных ответов позволило выделить следующие критерии оценки профессионального благополучия: автономность в работе, наличие определенных компетенций, помогающих управлять окружающей трудовой средой, позитивные отношения в коллективе и с руководством, профессиональный рост, наличие целей, самопринятие себя как профессионала. Как видим, выделенные критерии, в целом, соответствуют 6-факторной модели психологического благополучия К. Рифф (Ryff), включающей в себя такие компоненты, как автономность, контроль над окружающей средой, позитивное отношение к другим, личност-

ный рост, жизненные цели и самопринятие. Это позволило нам выдвинуть рабочую гипотезу исследования: структура профессионального благополучия аналогична структуре психологического благополучия, представленной в концепции К. Рифф.

За основу МОПБ была принята методика психологического благополучия К. Рифф в адаптации Л. В. Жуковской и Е. Г. Трошихиной (2011). Целью нашей работы являлась симметричная модификация данной методики применительно к профессиональной деятельности. Состав эмпирической выборки составил 150 чел. и носил гетерогенный характер по полу, стажу, возрасту и характеру труда. Необходимыми требованиями к респондентам являлись общий стаж трудовой деятельности более 4 лет и наличие законченного высшего или специального образования.

Первоначальная версия опросника включала 54 пункта. Было проведено пилотажное исследование опросника на предмет проверки и уточнения формулировок с целью уменьшения неопределенности смысловой нагрузки вопросов ($n=60$). Результаты исследования подтвердили приемлемость выбранной модели, а проверка формулировок показала наличие затруднений в трактовке респондентами некоторых вопросов. Произведены необходимые изменения формулировок; повторная проверка внесенных изменений показала хорошую смысловую определенность.

Далее, после проверки на согласованность пунктов опросника для всех шкал (α Кронбаха=0,713–0,902) и факторизации методом главных компонент с применением вращения Варимакс, были отобраны 30 пунктов, имеющих наибольшие нагрузки на факторы. По результатам факторного анализа принята 4-факторная структура профессионального благополучия (53,7% дисперсии): 1) профессиональное развитие, включившее в себя две субшкалы – наличие целей и стремление к росту; 2) профессиональная компетентность, включившая в себя две субшкалы – инструментальная компетентность и коммуникативная компетентность; 3) самопринятие себя как профессионала; 4) автономность в работе.

Проведена проверка критериальной валидности опросника по отдельным шкалам. Так как в отечественных публикациях психодиагностических методик, непосредственно измеряющих уровень профессионального благополучия, нами обнаружено не было, производилась косвенная проверка с помощью следующих методик: «Диагностика рабочей мотивации» Р. Хакмана и Г. Олдхема в адаптации И. Н. Бондаренко (2010), «Профессиональная востребованность личности» Е. В. Харитоновой (2009), «Профессиональное самоотношение личности» К. В. Карпинского (2010), а также «Шкала общей каузальной ориентации» Э. Де си и Р. Райана в адаптации О. Е. Дергачевой (2007).

Укажем полученные нами наиболее значимые взаимосвязи ($p<0,01$), подтверждающие критериальную валидность МОПБ: шкала автоном-

ность имеет статистически достоверные взаимосвязи со шкалами саморуководство в профессии ($r=0,427$), автономная каузальная ориентация ($r=0,435$) и потребность в профессиональном росте как отражение уровня интринсивной рабочей мотивации ($r=0,553$); шкала самопринятия связана с переживанием профессиональной востребованности ($r=0,587$); шкала профессиональная компетентность имеет взаимосвязь с удовлетворенностью сотрудничеством ($r=0,586$), а также обратные взаимосвязи со шкалами внутренняя конфликтность самоотношения ($r=-0,509$) и самоуничижение в профессии ($r=-0,565$), отражающие связь как с инструментальной, так и с коммуникативной компетентностью; шкала профессиональное развитие имеет сильную взаимосвязь со шкалой самооффективность в профессии ($r=0,72$); общий показатель профессионального благополучия также имеет взаимосвязи со шкалами удовлетворенность потребности в профессиональном росте ($r=0,613$), удовлетворенность сотрудничеством ($r=0,664$), самооффективность в профессии ($r=0,742$), самоуничижение в профессии ($r=-0,720$) и безличная каузальная ориентация ($r=-0,59$). Также обнаружена статистически достоверная взаимосвязь общего показателя профессионального благополучия с субъективной оценкой респондентами уровня профессионального благополучия ($r=0,567$, $p<0,05$).

В заключение отметим, что итогом проведенной работы является первичная версия методики оценки профессионального благополучия, аналогов которой в русскоязычной литературе нет. Для подтверждения соответствия МОПБ современным психометрическим требованиям планируется увеличение объема выборки и апробация методики в организациях, с целью проверки ретестовой и структурной валидности, проведения процедуры стандартизации, в том числе для различных профессиональных групп, разработки итоговой интерпретации и рекомендаций.

Литература

- Березовская Р. А. Психология профессионального здоровья за рубежом: современное состояние и перспективы развития // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.06.2015).
- Бояркин М. Ю., Долгополова О. А., Зиновьева Д. М. Психологическое и профессиональное благополучие государственных служащих: Монография. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2007.
- Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 82–93.
- Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Cartwright S., Cooper C. L. (Eds). The Oxford Handbook of Organizational Well Being. Oxford: Oxford University Press, 2008.

**ПРОГРАММА ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ,
ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХ ДИНАМИКУ САМООТНОШЕНИЯ
ПРИ ИЗМЕНЕНИЯХ ВНЕШНОСТИ**

А. Г. Фаустова (Москва)

Научный прогресс в различных областях знаний и активное внедрение инновационных разработок в повседневную жизнь являются неотъемлемыми характеристиками современного общества. В то время как многие достижения способствуют решению мировых проблем (голод, нехватка чистой питьевой воды, безопасные источники энергии), некоторые нововведения становятся причиной различных проблем со здоровьем. Приобретенные дефекты внешности, как правило, являются последствиями травматических повреждений или тяжелых соматических заболеваний.

Восприятие и оценка собственного внешнего облика, формирование особого эмоционально-ценностного отношения к нему являются ключевыми элементами в процессе построения личностной идентичности и интегрального самоотношения (Леви, 2008). То, как выглядят лицо и тело человека, имеет важное значение для организации межличностного общения. Отсутствие дискриминации на основе внешнего облика до сих пор остается формально декларируемой моделью поведения. Физическая привлекательность является явным преимуществом при трудоустройстве, организации политических и рекламных кампаний, знакомстве и установлении дружеских и личных отношений (Bull, Rumsey, 1988).

Видимые дефекты внешнего облика часто вызывают негативные изменения телесного образа и самооценки, кризис личностной идентичности, депрессивные и тревожно-фобические расстройства. Обладатели физических недостатков становятся объектами для насмешек, неуместных комментариев и вопросов, повышенного внимания, что заставляет их вынужденно изменять паттерны поведения – использовать различные техники для маскировки дефекта, выбирать добровольную социальную изоляцию или агрессивно отвечать на действия окружающих людей. Результаты проведенных к настоящему моменту психологических исследований в данном направлении позволяют только косвенно обозначить те внутриличностные изменения, которыми могут сопровождаться приобретенные дефекты внешности. Различные трудности, связанные с видимыми отличиями, формируют устойчивую мотивацию для обращения за помощью специалистов по реконструктивной и пластической хирургии (Sarwer et al., 2006). В течение определенного периода физическая внешность субъекта подвергается последовательным изменениям, которые могут оказать значительное влияние на различные компоненты Я-концепции. Эмоционально-ценностное отношение

субъекта к самому себе является одним из интегральных показателей субъективного благополучия личности (Пантелеев, 1990). В данном контексте под динамикой самоотношения логично помыслить любые перемены в типе и уровне выраженности эмоционально-ценностного отношения субъекта к собственной личности, которые происходят в условиях определенной жизненной ситуации.

Цель исследования состоит в изучении различных аспектов динамики самоотношения личности в ситуациях, связанных с изменением внешности.

Гипотезы исследования. В качестве основной гипотезы данного эмпирического исследования выступает предположение о том, что значительные перемены во внешнем облике субъекта сопровождаются изменениями в типе и уровне выраженности самоотношения. При этом особенности динамики самоотношения определяются характером проведенных медицинских процедур, направленных на коррекцию дефекта внешности.

Результаты теоретико-методологического анализа дают нам основания предполагать, что модификации эмоционально-ценностного отношения при изменениях внешнего облика могут быть обусловлены влиянием следующих внутриличностных переменных:

- субъективное восприятие тяжести физического недостатка и степень удовлетворенности результатами проведенного вмешательства по коррекции видимых отличий;
- самовосприятие и самооценка внешнего облика, субъективная значимость внешности;
- ожидание негативных оценок со стороны социального окружения, субъективное восприятие социальной поддержки и обратной связи, получаемой от значимых других (прежде всего, касаясь физического облика).

Относительно каждой из перечисленных выше групп факторов мы также формулируем гипотезы и предусматриваем методический инструментарий для их проверки.

Обозначенные цель и гипотезы эмпирического исследования требуют организации экспериментального плана с учетом нескольких психометрических срезов: до и после проведения хирургического вмешательства с целью коррекции приобретенных физических недостатков. При этом в качестве независимой переменной рассматриваются изменения внешнего облика, в свою очередь, самоотношение признается зависимой переменной.

Характеристики выборки. Для участия в эмпирическом исследовании будут приглашены обладатели приобретенных видимых отличий, которые обратились в хирургическое отделение Рязанской областной клинической больницы для восстановления физического облика с помощью различных техник реконструктивной и пластической хирургии.

В соответствии с целью и гипотезами данного научного проекта экспериментальные выборки будут сформированы в зависимости от объективной сложности проводимого хирургического вмешательства. В контрольную выборку будут включены люди, которые не имеют видимых отличий и не планируют в ближайшие 5 лет прибегать к услугам эстетической медицины или пластической/реконструктивной хирургии.

Состав каждой выборки будет уравнен по гендерным, возрастным и социально-демографическим характеристикам. Участие в данном научном проекте добровольное, осуществляется после подписания соответствующего информированного согласия.

Математические методы. Цель, гипотезы и программа исследования определяют выбор методов изучения самоотношения и способов моделирования его динамики (Савченко, Головина, 2005). Математический и статистический анализ эмпирических данных подразумевает сравнение выборок между собой с помощью U-критерия Манна–Уитни, сравнение показателей выборки до и после хирургического вмешательства с помощью T-критерия Вилкоксона, моделирование профилей динамики самоотношения в каждой из экспериментальных групп и поиск ключевых медиаторов динамического процесса с помощью техник факторного анализа, конфирматорного факторного анализа и дисперсионного анализа ANOVA.

Результаты. Итоги эмпирического исследования позволят создать модели динамики самоотношения при изменениях внешности и интерпретировать ключевые внутриличностные переменные, которые обуславливают процессы трансформации системы самоотношения личности у обладателей видимых отличий. Выявленные закономерности могут стать основой для разработки как способов психологической оценки, так и программ психологического сопровождения пациентов, имеющих трудности в адаптации к измененному внешнему облику.

Литература

- Леви Т. С. Отношение к телу в структуре самоотношения // Знание. Понимание. Умение. 2008. №3. С. 72–75.
- Пантелеев С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
- Савченко Т. Н. Методы исследования психологических структур и их динамики. / Т. Н. Савченко, Г. М. Головина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Bull R., Rumsey N. The Social Psychology of Facial Appearance. N.Y.: Springer-Verlag, 1988.
- Sarwer D. B., Pruzinsky T., Cash T. F., Goldwyn R. M., Persing J. A., Whitaker L. A. Psychological Aspects of Reconstructive and Cosmetic Plastic Surgery // Clinical, Empirical, and Ethical Perspectives. Philadelphia: LWW, 2006.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТВОРЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ В РАБОТЕ СОТРУДНИКОВ В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ

А. А. Фёдорова (Москва)

В настоящее время частых кризисов и перемен проблема влияния стресса на эффективность работы и благополучие особенно актуальна. Целью исследования являлось изучение влияния стрессовых факторов на креативность личности в трудовой деятельности. На основе полученных результатов может быть сформулирован ряд практических рекомендаций для формирования стрессоустойчивости.

Стрессовым состояниям в современном мире подвергается каждый человек. Чрезмерный стресс ведет к истощению организма человека, тем самым пагубно влияя и на его здоровье, благополучие, и на эффективность работы компании (Бодров, 2006).

Можно выделить три основных подхода, встречающиеся в исследованиях стрессовых состояний. Теория о тотальном пагубном воздействии стресса поддерживается рядом зарубежных и отечественных авторов, например К. Бинвайс и Д. Б. Богоявленской (Binnewies & Sonnentag, 2009; Богоявленская, 2002). К. Байрон и Д. Стоколс, напротив, отмечают, что все зависит от силы стрессора, а также личностных качеств человека (Stokols, Clitheroe, 2002). Также можно отметить теорию Д. Камминс о позитивном и мотивирующем влиянии эустресса (Cummins, 1985).

Среди личностных особенностей, влияющих на стрессоустойчивость, особого внимания заслуживает *креативность*.

При этом мы выдвигаем *гипотезу* о том, что эустресс имеет благоприятное влияние на креативность личности при предварительном воздействии аффективного стимула.

В исследовании приняли участие 300 чел., сотрудники крупных организаций, разделенные на четыре группы по типу стрессового и аффективного воздействия.

Для диагностики эмоционального состояния использовалась методика ЭмоС-18, разработанная Д. В. Люсиным (Люсин, Синкевич, 2010).

Для диагностики креативности личности был использован субтест методики вербальной креативности Д. Гилфорда (Guilford, 1959) и тест на креативность мышления компании Google.

Выдвинутая гипотеза подтвердилась лишь частично.

Таким образом, наиболее высокий уровень креативности был продемонстрирован испытуемыми контрольной группы, которые не подвергались стрессовому воздействию. Наибольшая эффективность в выполнении заданий в *контрольной группе* подтверждает ряд распространенных теорий стресса, в частности Р. Лазаруса и Г. Селье, в которых утверждается, что работа в состоянии покоя всегда продуктивна (Селье, 1979).

Положительное эмоциональное состояние позволяет сотруднику легче переносить организационные стрессоры. Чем сильнее стрессор,

тем сильнее должно быть воздействие. Положительные эмоции снижают тревожность и увеличивают фокус внимания. Таким образом, если сотрудник в ситуации оценивания получил положительное подкрепление перед заданием, он справится с ним лучше (Isen, Daubman, Nowicki, 1987).

Негативное эмоциональное состояние, с другой стороны, также способно повышать эффективность работы (Leung, Liou, 2014). С одной стороны, это может объясняться с точки зрения закона Йеркса–Додсона: негативное состояние создает необходимое напряжение для преодоления стрессора. С точки зрения теории Кауфмана и Восбург, негативные эмоции запускают стратегию оптимизации, т. е. поиска наиболее верного решения проблемы из всех возможных (Kaufmann, Vosburg, 1997). Таким образом, результаты работы в негативном состоянии могут улучшаться. С другой стороны, важен характер негативного стимула. Так, показ чего-либо неожиданного ведет к проявлению креативности.

Дефицит времени субъективно оценивается сотрудниками организаций как самый слабый стрессор, однако в реальности снижает продуктивность работы практически в два раза от нормы. Состояние тревоги в данном случае доходило до критического уровня, поэтому стресс не мотивировал на выполнение задания. При этом выбирается когнитивная стратегия удовлетворения: сотрудник ставит своей задачей найти не наиболее оптимальное решение проблемы, а любое, подходящее под условия. В ситуации оценивания он будет излишне суесться и не сможет эффективно справиться с заданием (Болотова, 2007).

Многолюдные места и работа в состоянии ограниченной личной зоны, фактически, не мешают выполнению рабочих задач, хотя и создают неблагоприятные условия. Поэтому испытуемые этой группы снижения по уровню креативности не показали, а характер воздействия подтверждает теорию Г. Селье о раздражителе, который одновременно является мотиватором (Селье, 1979).

Негативные комментарии не являются простым стрессором внешней среды, так как в данном случае сам комментатор представляет собой угрозу (Бодров, 2006). В ситуации оценивания негативные комментарии воспринимаются как излишняя враждебность интервьюера и создают повышенную тревожность, что отражается на эффективности работы.

Полученные результаты позволяют нам сделать следующие *выводы*.

1. Негативное эмоциональное состояние повышает креативность и эффективность работы в кризисной внешней обстановке.
2. Положительные эмоции стимулируют искать больше разнообразных решений проблемы и повышают эффективность в благоприятной внешней среде.
3. Оригинальность решений повышается при отсутствии аффективных воздействий.

4. Доверительное общение с партнером по бизнесу или сотрудником достигается путем ограждения от всех стрессоров.
5. Показ чего-либо неординарного может стимулировать сотрудника поиску новых вариантов эффективного выполнения задания.
6. Критиковать работу стоит до или после выполнения задания сотрудником, критика во время выполнения снижает эффективность почти в два раза.
7. По возможности не следует давать сотрудникам неожиданные «дедлайны», так как все их ресурсы уйдут на соответствие выполняемой работы временным рамкам.

В дальнейшем будет проведена вторая часть исследования, посвященная поиску копинг-стратегий высоко- и низкокreatивных людей.

Литература

- Селье Г. Стресс без дистресса / Пер. с англ.; общ. ред. Е. М. Крепса. М.: Прогресс, 1979.
- Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: Пер Сэ, 2006.
- Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002.
- Guilford J. P. Traits of creativity // Creativity and its cultivation. 1959. P. 142–161.
- Kaufmann G., Vosburg S. “Paradoxical” Mood Effects on Creative Problem-solving // Cognition and Emotion. 1997. T. 11. №2. P. 151–170.

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ НА ПРИНЯТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ

Ж. Э. Федотова (Москва)

Организация как социальный институт является одним из инструментов взаимодействия и взаимообмена информацией. Поэтому принятие решений на организационном уровне весьма актуально в нестабильных условиях развития. При этом организационные решения могут быть связаны с выбором стратегии взаимодействия в условиях неопределенности. Так, К. Томас и Р. Килмен выделяли следующие стратегии взаимодействия: сотрудничество, конкуренция, приспособления, компромисс и уход (Лавриненко, 2005).

Между рядом исследователей возникла дискуссия, какая же стратегия наиболее оптимальна и эффективна при межличностном взаимодействии в условиях выбора и отсутствии полной информации. Например, такие исследователи, как Д. Н. Боучер и Е. А. Херре, считали, что при *сотрудничестве* сторон можно найти оптимальный вариант исхода для удовлетворения потребностей и целей сторон. В противо-

вес их мнению многие практики, а также теоретические исследователи рассматривали именно стратегию *конкуренции* как один из путей достижения эффективного выбора при условиях неопределенности. Конкуренция – лучший способ к сотрудничеству (Wang, Gunia, 2010). Таким образом, *проблемой* исследования стало изучение выбора стратегии межличностного взаимодействия в условиях риска и неопределенности.

При этом ряд авторов считает, что при межличностном общении на выбор стратегий взаимодействия оказывает влияние *эмоциональный фон* участников. Другими словами, определенное эмоциональное состояние может спровоцировать выбор той или иной стратегии взаимодействия. Активно этот вопрос был исследован такими авторами, как D. Pietroni, G. A. Van и S. Pagliaro. В соответствии с их исследованиями различное по модальности эмоциональное состояния определяет выбор той или иной стратегии межличностного взаимодействия. При положительном эмоциональном состоянии оппонент склонен выбирать сотрудничающий стиль взаимодействия, если же человек испытывает отрицательные эмоции, то он склонен к выбору противоположных стратегий, а именно конкуренции или уступки.

Важно отметить, что в нашем исследовании планируется проверить принятие организационных решений именно на менеджерах разного уровня (топ-уровень и менеджеры среднего уровня). А. В. Карпов предполагает, что принятия решений менеджеров среднего уровня имеет тенденцию к риску, в отличие от топ-менеджеров. Предполагается, что стратегический склад ума менеджеров высшего уровня не поддается влиянию аффективного и когнитивного фактора (Карпов, 2005).

Ряд исследователей разработали концепцию принятия решения, которая объясняет не только рациональный выбор, но и выбор при влиянии эмоций. Другими словами, в данной модели эмоции занимают центральное место в процессе выбора (Jennifer, Lerner, Piercarlo, 2003). Основной *целью* данной модели является описание одноразового выбора между указанными альтернативами (параметрами) без наличия дополнительной информации, т. е. в ситуации неопределенности.

Основываясь на этой модели, наше исследование было направлено на проверку того факта, что определенное эмоциональное состояние оказывает влияние на выбор той или иной стратегии межличностного взаимодействия. Для проверки этого факта в эмпирическом исследовании была использована модель ролевой игры М. Дж. Вуббена (2009) «give some game». Основная суть игры заключается в том, что два участника одновременно решают, сколько денег в контексте заданной ситуации они готовы отдать другому участнику, а сколько оставить себе. Кроме того, эта модель была модифицирована относительно задачи из теории игр «Дилемма узника». Идея данной задачи заключается в том, что при определенном эмоциональном состоянии оппонент выберет один из четырех предложенных исходов в зависимости от контекста

ситуации. Каждый исход имеет соответствие с определенной стратегией взаимодействия по К. Томасу и Р. Килмену.

Методика. Таким образом, *проблемой* исследования является изучение процесса выбора стратегии взаимодействия в условиях неопределенности.

Целью исследования является изучение влияния эмоционального состояния на выбор стратегии сотрудничества или конкуренции.

Были выдвинуты следующие *гипотезы*.

1. Положительные эмоции увеличивают вероятность выбора стратегии сотрудничества у менеджеров среднего уровня.
2. Отрицательные эмоции увеличивают вероятность выбора стратегии конкуренции у менеджеров среднего уровня.
3. Положительные и отрицательные эмоции не влияют на выбор стратегии взаимодействия менеджеров топ-уровня.

Выборка исследования. Для проверки выдвинутых гипотез было проведено экспериментальное исследование. Принимали участие 90 чел., где средний возраст – 35,6 года (45 – менеджеры высшего звена, 45 – менеджеры среднего звена). Все участники рандомно были разделены на три группы: одна контрольная и две экспериментальные с влиянием фактора (по 20 испытуемых). В контрольной группе испытуемые должны только выбрать один из предложенных исходов в модифицированной игре «дилемма узника». В экспериментальных группах перед выбором стратегии взаимодействия каждый испытуемый просматривал видеоролик с определенным модальностным содержанием: положительным или отрицательным. Кроме того, для определения эмоционального состояния использовалась методика «ЭМОС – 18» до и после воздействия видеоматериала, для того чтобы определить действительное изменение эмоционального состояния каждого испытуемого.

Результаты. По результатам эксперимента 39 топ-менеджеров из 45 не изменили стратегию взаимодействия при индукции положительных и отрицательных эмоций, при сравнении с контрольной группой. Что касается выбора стратегии у менеджеров среднего звена, то гипотеза также подтверждается, что при индукции положительных и отрицательных эмоций увеличивается вероятность выбора соответствующих стратегий: сотрудничества и конкуренции. В результате, 40 менеджеров из 45 изменили свою стратегию взаимодействия при влиянии эмоций.

Анализируя полученные результаты, можно предположить, что топ-менеджеры действуют в соответствии со своими идеями и стратегией. Благодаря аналитическому и стратегическому складу ума, они не поддаются влиянию эмоций на принятие решений. Что касается менеджеров среднего звена, то их функционал ограничивается однообразной работой, которая определяется руководством. Поэтому вероятность того, что поведение человека будет зависеть от внешних условий, повышается.

Литература

- Лавриненко В. Н. Психология и этика делового общения. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2005.
- Forgas J. On feeling good and getting your way // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol 74. № 3. P. 565–577.
- Lerner J. S., Gonzalez R. M., Small D. A., Fischhof B. Effects of fear and anger on perceived risks of terrorism: a national field experiment // Psychological Science. 2003. № 14. P. 144–150.
- Thompson L. L., Wang J., Gunia B. C. Negotiation. Northwestern University, Evanston, Illinois: Psychol, 2010.

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ВЕТЕРАНОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТДАЛЕННОМ ПЕРИОДЕ ПСИХОТРАВМЫ*

Т. П. Филатова, И. В. Подсонная, И. В. Салдина, Т. В. Кулишова
(Барнаул)

Участие в военных конфликтах не проходит для человека бесследно: в результате повышается вероятность развития различных расстройств психосоматического характера. Одним из них является посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), мешающее адаптации ветеранов боевых действий в мирной жизни.

Выделяются разные виды ПТСР: острый ПТСР, когда продолжительность симптомов сохраняется менее 3 месяцев; хронический ПТСР – сохранение симптоматики 3 месяца или более; ПТСР с отсроченным началом, когда прошло не менее 6 месяцев между травматическим событием и началом симптомов (Тарабрина, 2001). По данным разных авторов, распространенность клинически оформленных ПТСР составляет от 12,5 до 44% случаев у ветеранов войн. Частичные признаки этого симптомокомплекса в отдаленный период выявляются в 63–91,5% случаев (Кадыров, 2012). Каждый из трех видов ПТСР имеет свои особенности. Научный интерес представляет хронический вид ПТСР, как наиболее часто встречающийся среди ветеранов боевых действий, проходящих лечение в КГБУЗ «Алтайский краевой госпиталь для ветеранов войн» и участвовавших в боевых действиях в Афганистане и Чечне.

Длительная психотравмирующая ситуация (участие в боевых действиях) приводит к устойчивым изменениям в биохимических процессах, которые, в свою очередь, сказываются на изменениях психики ветеранов (Кадыров, 2012).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Эффективность медицинской и социально-психологической реабилитации ветеранов боевых действий с посттравматическим стрессовым расстройством с использованием инновационных технологий», проект № 15-16-22001.

Согласно многочисленным исследованиям, ПТСР тесно связано с таким распространенным расстройством, как депрессия. Эти данные согласуются с теорией об адаптационном синдроме Г. Селье (Селье, 1982), в которой подчеркивается, что для переживания стресса характерна стадийность. Первая стадия – реакция тревоги, которая, по мнению Г. Селье, состоит из фаз «шока» и «противошока» (Селье, 1982). Вторая стадия – стадия устойчивости или адаптации. Если повреждающий агент перестает действовать или его действие не столь велико по силе, то возрастает резистентность организма, и все симптомы исчезают. Стадия повышенной резистентности соответствует эустрессу. В случае продолжительного либо сильного воздействия стресса или пониженного исходного функционального состояния организма, «противошок» не достигает достаточного уровня и стадия повышенной резистентности не наступает. Это приводит к наступлению третьей стадии – истощению (дистресс). Из эмоциональных последствий дистресса наиболее часто встречаются депрессия, повышенная тревожность, снижение эмоциональной стабильности.

В психологии ПТСР представляет интерес и такой психологический конструкт, как жизнестойкость, характеризующий меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешность деятельности (Леонтьев, Рассказова, 2006). У пациентов с ПТСР, как и у здоровых людей, жизнестойкость оказывается ключевой личностной переменной, опосредующей влияние стрессогенных факторов (в том числе хронических) на соматическое и душевное здоровье, а также на успешность деятельности. Жизнестойкость включает в себя три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. «Человек с развитым компонентом вовлеченности получает удовольствие от собственной деятельности. В противоположность этому, отсутствие подобной убежденности порождает чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни... Контроль представляет собой убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Противоположность этому – ощущение собственной беспомощности... Принятие риска – убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, неважно, позитивного или негативного. Человек, рассматривающий жизнь как способ приобретения опыта, готов действовать в отсутствие надежных гарантий успеха на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности обедняющим жизнь личности» (Леонтьев, Рассказова, 2006, с. 4).

Одним из наиболее объективных и достоверных индикаторов уровня психоэмоционального напряжения является кожно-гальваническая реакция (КГР). КГР – рефлекторно вызываемое изменение электричес-

ких свойств кожи, которое отображает такую биологическую функцию, как уровень активации вегетативной нервной системы. Наблюдая за динамикой КГР у ветеранов боевых действий, можно объективно судить о степени эмоционального напряжения: чем оно выше, тем больше амплитуда колебаний КГР.

Цель исследования: изучение психоэмоционального состояния у ветеранов боевых действий в отдаленном периоде психотравмы.

Гипотеза: психоэмоциональное состояние ветеранов боевых действий характеризуется наличием симптомов ПТСР, пониженным уровнем жизнестойкости, депрессивным состоянием и эмоциональной неустойчивостью.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 30 ветеранов боевых действий в возрасте от 24 до 65 лет. Давность психотравмы (участие в боевых действиях) составила от 5 до 26 лет. Для оценки выраженности ПТСР использовали Опросник травматического стресса И. О. Котенева. Уровень депрессии определяли с помощью опросника депрессивности А. Бека в адаптации Н. В. Тарабриной, а уровень жизнестойкости и ее составляющих – с использованием «Теста жизнестойкости» в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой. Оценка внутреннего эмоционального напряжения/эмоциональной неустойчивости проводилась с использованием сценария «Угашение КГР» на психофизиологическом комплексе с биологической обратной связью «Реакор» (г. Таганрог, 2013). Исследование было проведено на базе неврологического отделения № 3 КГБУЗ «Алтайский краевой госпиталь для ветеранов войн». Для сравнения данных использовали корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона) в программе IBM SPSS Statistics 19.

Результаты и их интерпретация. Средний показатель выраженности посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), согласно опроснику травматического стресса И. О. Котенева, составил $60,9 \pm 7,75$ балла, что соответствует наличию отдельных симптомов ПТСР. Т.е., несмотря на давность травматического события, последствия его воздействия продолжают сказываться на психоэмоциональном состоянии ветеранов, переходя в хроническую форму.

Между уровнем ПТСР (опросник И. О. Котенева) и уровнем депрессии (опросник А. Бека) наблюдалась положительная корреляционная связь с высоким уровнем значимости: $r=0,927$, $p<0,001$. А также положительный коэффициент взаимозменяемости был обнаружен между уровнем ПТСР и оценкой внутреннего эмоционального напряжения ($r=0,926$, $p<0,001$). Средний показатель по опроснику А. Бека равен $17,9 \pm 3,44$ балла, что характерно для умеренно выраженной депрессии. Средний уровень КГР составил $1,74 \pm 0,67$ у.е., что говорит о повышенном внутреннем напряжении. Такие данные вполне естественны, поскольку хроническое ПТСР даже легкой выраженности говорит о постоянном воздействии стрессоров на человека, в том числе и воспоминаний.

В свою очередь, состояние депрессии проявляется во внутреннем эмоциональном напряжении, эмоциональной неустойчивости, подавленности. Чем выше уровень депрессии и показатель КГР, тем более выражено ПТСР. Таким образом, наличие у ветеранов боевых действий умеренной и выраженной депрессии, дает возможность констатировать наличие хронического ПТСР.

Отрицательная корреляционная связь была обнаружена между уровнем травматического стресса и показателем жизнестойкости ($r = -0,879$, $p < 0,001$), а также тремя ее составляющими: вовлеченностью ($r = -0,780$, $p < 0,001$), контролем ($r = -0,704$, $p < 0,001$), принятием риска ($r = -0,589$, $p < 0,001$). Средний показатель жизнестойкости ветеранов боевых действий составил $63,3 \pm 7,15$ балла – нижняя граница нормы. Вовлеченность, как одна из составляющих жизнестойкости, по среднему показателю ($27,57 \pm 4,0$ балла) оказалась ниже нормы. Это характеризует ветеранов боевых действий как чувствующих себя вне собственной жизни. Остальные составляющие жизнестойкости, такие как контроль (в среднем $23,67 \pm 2,86$ балла) и принятие риска (в среднем $12,1 \pm 2,02$ балла) находятся в пределах нормы, но имеют отрицательную корреляцию с ПТСР. Полученные нами данные об отрицательной корреляционной связи между уровнем ПТСР и вовлеченностью согласуются с результатами исследования связи жизнестойкости и переживания травматического стресса (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Выводы. На основании проведенного исследования установлено, что для ветеранов боевых действий в отдаленном периоде травмирующего события свойственно наличие отдельных симптомов ПТСР, перешедших в хроническую форму. При этом психоэмоциональное состояние ветеранов характеризуется умеренно выраженной депрессией и внутренним эмоциональным напряжением на фоне ослабленной жизнестойкости и сниженной вовлеченности в собственную жизнь.

Литература

- Кадыров Р. В. Посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD): состояние проблемы, психодиагностика и психологическая помощь: Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2012.
- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
- Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982.
- Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТОВ СЕТЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Т. А. Фленина (Санкт-Петербург)

Одна из проблем, стоящая перед современным молодым человеком, – построение образа «Я», которое является его правдоподобным представлением личности в интернет-пространстве, или, другими словами, – это конструирование сетевой идентичности. Виртуальная среда предоставляет неограниченные возможности для социального и личностного самоопределения, а, с другой стороны, усложняет эти процессы, ставит вопрос о поиске идентичности в новом ракурсе. Особенно актуальной проблемой формирования идентичности, на наш взгляд, оказывается для молодежи как наиболее технически отзывчивой возрастной категории.

Теоретический анализ современных научных источников позволяет нам определить сетевую идентичность как многокомпонентный феномен, представляющий всю совокупность текстовых и визуальных компонентов сетевого облика человека, которые отражают реальные аспекты личности, а также степень переживания значимости этих аспектов, на основе которой он строит свое взаимодействие в сети Интернет.

Как показывает опыт работы московских коллег в области психологии Интернета, «сетевая идентичность, в разной степени корреспондирующая с реальной идентичностью, динамична и изменчива, она флуктуирует – чаще в сторону желательности и идеала (понимаемого иной раз своеобразно), но иногда и в сторону аггравации» (Войскунский, Евдокименко, Федунина, 2013). Личность стремится к подлинности и самоутверждению как в реальной жизни, так и в пространстве компьютерных сетей.

Тот или иной информационный ресурс представляет определенный набор параметров, призванный представлять реальную личность в онлайн. Гипотеза исследования заключается в том, что социальная сеть, принимаемая за наиболее популярный способ электронной самопрезентации и коммуникации, также является платформой для конструирования идентичности. Если профиль социальной сети отражает аспекты сетевой идентичности, то какие? Таким образом, цель исследования будет состоять в выявлении категорий сетевой идентичности, представленных в профиле популярной в России социальной сети «ВКонтакте».

Для выполнения поставленной цели был проведен анализ профилей социальной сети «ВКонтакте», в котором были выделены основные категории анализа различных аспектов сетевой идентичности. С этой

---

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-36-01303 «Личностные факторы сетевой идентичности российской молодежи»).

целью были отобраны 82 категории, которые заносились в кодировочную матрицу 82×40, где 40 – количество страниц профилей социальной сети, выбранные в случайном порядке. Основным критерий отбора профилей – возрастной диапазон от 18 до 24 лет, так как данная возрастная группа пользователей является наиболее активной. Подбор и анализ профилей и выделение категорий был осуществлен группой экспертов в количестве трех человек. Для группировки категорий использовалась процедура кластерного анализа, мера близости – евклидово расстояние, объединение в кластеры осуществлялось по методу Варда.

Нами были получены четыре кластера, рассмотрим каждый из них.

Первый кластер условно обозначен нами как «личностный» и включает вопросы, касающиеся основной информации, значимой для самопрезентации в пространстве социальной сети, такие как: «имя», «фамилия», «аватар», «стена с сообщениями», «друзья», «интересные страницы», «фотографии».

Второй кластер направлен на оценку значимости профессиональной идентичности. Кластер наполнен следующими категориями: «должность», «год начала и окончания работы», «город», «место работы», «участие в организациях», «страна», «образование» (год начала, год окончания, дата выпуска), «факультет», «вуз», а также категории, описывающие переживание значимости себя как части семьи – «внуки», «дети», «муж/жена», «дедушки/бабушки», «братья/сестры».

Кластер, описывающий значимость таких категорий, как: «телефон», «языки», «родной город», «главное в людях», «главное в жизни», «мировоззрение», «статус», «отношение к алкоголю/к курению», «любимые цитаты», «о себе», «любимые фильмы», «политические предпочтения», «любимые телешоу», «источники вдохновения», «интересы», «любимые игры», «деятельность», «личный сайт», статус, подарки, аудио, – названы нами «специальные» компоненты сетевой идентичности.

Еще один кластер, названный нами «социальный», отражает степень важности для респондентов таких категорий, как: «родители», «воинская часть», «военная служба», «семейное положение», скайп, геометка, «дом», «город», «дата рождения».

Таким образом, проведенный кластерный анализ позволил выделить следующие аспекты сетевой идентичности: «личностная», «социальная», «специальная», «профессиональная», «семейная», которые могут послужить основой для разработки психодиагностического инструментария для изучения различных аспектов сетевой идентичности. Сетевая идентичность складывается из различных аспектов пользователя, перенесенных (закодированных) в электронную среду. Переживание значимости этих аспектов, как мы считаем, выстраивает индивидуальную (уникальную) иерархию компонентов сетевой идентичности.

Литература

- Войскунский А., Евдокименко А., Федунина Н. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.
- Фленина Т. А. Семантическое пространство понятия «сетевая идентичность» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2014. № 171. С. 310–314.

МУЛЬТТЕРАПИЯ КАК МЕТОД ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ СТРАХОВ, ТРЕВОЖНОСТИ И РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

И. В. Фруцкая (Новополоцк, Республика Беларусь)

В современном мире все чаще встает вопрос о «правильности» или «неправильности» подходов к развитию и воспитанию. Меняются условия, темпы и стили жизни, что влечет за собой неминуемые изменения в психике и эмоциональной сфере жизни людей. Особенно это заметно на примере детей 5–10 лет – в один из самых важных периодов их развития. У современных детей отмечается недостаточное развитие способности понимать чувства и эмоции других людей, снижена склонность к сочувствию и сопереживанию. Многие из них отличаются излишней жестокостью или же, наоборот, повышенной тревожностью и пугливостью. Сегодняшние дети охотнее проводят время за экранами телевизоров и компьютеров, чем за чтением книг и общением со старшими, а значит, и классические методы воздействия на них нуждаются в пересмотре и усовершенствовании. Современные средства и способы воспитательной и психокоррекционной работы должны меняться соответственно интересам ребенка и в то же время использовать доступные материалы для ее осуществления. Примером современных методов психокоррекции может послужить мульттерапия – новое, активно развивающееся направление в психологии.

Новизна нашего исследования в том, что с целью снижения страхов и тревожности и повышения уровня эмоционального интеллекта нами была разработана и апробирована авторская коррекционно-развивающая программа с элементами мульттерапии.

Практическая и социальная значимость полученных результатов заключается в том, что выводы и рекомендации, сформулированные в работе, могут быть использованы в деятельности психологов при проведении коррекционно-развивающих занятий с детьми младшего школьного возраста, а также их родителями в целях развития эмоциональной сферы ребенка.

Объект исследования: аффективно-когнитивная сфера детей младшего школьного возраста.

Предмет исследования: влияние мульттерапии на развитие эмоционального интеллекта и коррекцию страхов и тревожности у младших школьников.

Цель работы состоит в том, чтобы определить эффективность мульттерапии в качестве метода развития эмоционального интеллекта и психологической коррекции страхов, тревожности у детей младшего школьного возраста.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что мульттерапия является эффективным средством психологической коррекции страхов и тревожности у младших школьников, а также способствует развитию эмоционального интеллекта.

Эмоциональный интеллект ЭИ (emotional intelligence) – это способность ориентироваться в эмоциональной сфере человеческой жизни: понимать эмоции и эмоциональную подоплеку отношений, использовать свои эмоции для решения задач, связанных с отношениями и мотивацией.

В рамках смешанной модели Д. Гоулмана (D. Goleman) выделяются четыре главные составляющие ЭИ: самосознание, самоконтроль, эмпатия, навыки отношений. Но наиболее широко используемой является модель способностей (Дж. Мейера, П. Сэловея и Д. Карузо). В рамках модели способностей выделяются следующие иерархически организованные способности, составляющие ЭИ: восприятие и выражение эмоций, повышение эффективности мышления с помощью эмоций, понимание своих и чужих эмоций, управление эмоциями.

По мнению А. И. Захарова, *страх* – это «аффективное (эмоционально заостренное) отражение в сознании конкретной угрозы для жизни и благополучия человека» (А. И. Захаров).

Современные исследования подтверждают, что в смене объектов страха отражаются не только особенности познавательного развития школьников, но символически и ситуации (реальные или нереальные), породившие негативные эмоции и воспринятые как пугающие (Л. А. Ибахаджиева).

Дж. Боулби (J. Bowlby) выделил две группы причин страха: «природные стимулы» и «их производные». Первая группа («природные стимулы») – страхи, которые имеют вполне реальную причину, – например, если ребенок обжегся, он может бояться огня, если его наказывали, закрывая в комнате, он может бояться темноты или замкнутых пространств.

Вторая группа («производные природных стимулов») – страхи фантазийные, порожденные воображением ребенка. Эти страхи сложнее понять взрослому человеку, ибо мир ребенку и взрослому представляется по-разному. Детская фантазия преобразует в пугающие образы са-

мые обыденные предметы и явления. Страхи этого типа особенно заметно проявляются у детей с наследственной предрасположенностью к повышенной эмоциональности и нервности (Д. М. Боулби).

Тревожность – это индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, а также в низком пороге его возникновения. Она основана на реакции страха, закрепляющейся со временем и связана с недифференцируемой реальной или воображаемой опасностью.

Существует тревожность личностная, проявляющаяся в постоянной склонности к переживаниям тревоги в самых различных жизненных ситуациях, и ситуативная, возникающая в ответ на конкретные, внешние объективно беспокоящие раздражители (А. И. Захаров).

Главной причиной возникновения тревожности у младших школьников считаются неправильное воспитание и неблагоприятные отношения ребенка с родителями, особенно с матерью (Е. А. Савина).

С целью снижения тревожности и количества страхов, а также развития ЭИ нами была выбрана *мультитерапия*, поскольку она является синтезом деятельностного педагогического подхода, психологических методик групповой работы, арттерапии и анимационных технологий, дающих в совокупности синергетический эффект. Это мягкий и эффективный реабилитационный метод, при котором коррекция состояния ребенка происходит гармонично и естественно, что очень важно для детей, переживающих сложное время в своей жизни. Посредством коллективного создания или осмысления мультфильмов дети создают и оживляют свои представления о мире, о счастье, они учатся взаимодействовать друг с другом и со взрослыми. А главное – обретают умение видеть красоту в обыденных вещах и событиях.

В проведенном нами исследовании приняли участие 40 учеников третьего класса Новополюцкой государственной гимназии № 1, составившие контрольную и экспериментальную группу по 20 чел. в каждой.

Исследование включало 3 этапа.

На *первом* этапе мы провели тестирование детей из контрольной и экспериментальной групп с использованием батареи методик: «*Страхи в домиках*» А. И. Захарова и М. А. Панфиловой, проективной методики М. А. Нгуена «*Дорисовывание: мир вещей–мир людей–мир эмоций*» для исследования уровня развития эмоционального интеллекта и проективной методики «*Кактус*» М. А. Панфиловой для исследования наличия агрессии, тревоги и экстраверсии.

На *втором* этапе исследования нами были составлены и проведены пять тренинговых занятий для учеников третьего класса с использованием элементов мультитерапии с целью снижения количества страхов, тревоги и повышения уровня развития ЭИ.

Занятия включали:

1. Блок знакомства участников с психологом и обсуждение понятий «эмоция» и «ЭИ», актуализация темы тренинга.
2. 3 блока-знакомства с эмоциями грусти, радости, злости, страха и чувствами любви и обиды. Каждое из этих занятий включало в себя:
  - вступительную беседу «Что такое это чувство?»;
  - упражнения на снятие психофизического напряжения;
  - просмотр мультфильма – иллюстрации к заданной теме;
  - обсуждение увиденного, упражнение на интеграцию полученного опыта;
  - рефлексию.
3. Блок закрепления и повторения пройденного.

Третьим этапом мы провели повторное тестирование учащихся обеих групп и выяснили, что в результате проведения тренинговых занятий в экспериментальной группе на достоверном уровне снизилось количество тревожных детей ($=26,53$; $p=0,00001$) и возросло количество детей, склонных к экстраверсии ($=8,19$; $p=0,042$). Кроме того, уменьшилось количество агрессивных детей, однако эти различия недостоверны ($=7,35$; $p=0,061$).

Наряду с этим, у детей из экспериментальной группы на достоверном уровне обнаружено значительное снижение количества страхов ($p=0,01$). В уровне ЭИ значимых изменений не обнаружено ($p=0,58$).

У учащихся контрольной группы не обнаружено значимых изменений в количестве страхов ($p=0,50$) и уровне эмоционального интеллекта ($p=0,83$).

В то же время анализ результатов постэкспериментальной диагностики свидетельствует о том, что различий между контрольной и экспериментальной группой по исследуемым диагностическим показателям не выявлено. Вероятно, это связано с недостаточным размером выборки.

Таким образом, проведенный нами анализ исследования позволяет рекомендовать проведение занятий по разработанной нами программе мультипликационной терапии в целях снижения уровня страхов, тревоги у детей младшего школьного возраста. При этом психологу следует помнить о необходимости тщательного подбора и обсуждения методического материала в целях повышения эффективности данной коррекционно-развивающей работы.

Следует отметить, что изучаемая нами область является малоисследованной, но весьма перспективной с практической точки зрения. В связи с этим перспективы исследования состоят в создании коррекционно-развивающей программы с учетом индивидуальных различий и реализации существующей программы на выборке бо льшего объема.

Литература

- Боулби Д. М. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004.
- Захаров А. И. Дневные и ночные страхи у детей. СПб.: СОЮЗ, 2005.
- Захаров А. И. Предупреждение отклонений в поведении ребенка. 3-е изд. СПб.: Союз, 1997.
- Ибахаджиева Л. А. Образы-символы страхов старших дошкольников // Психологическая наука и образование. 2009. № 2.
- Савина Е. А. Тревожные дети // Дошкольное воспитание. 1996. № 4. С. 11–14.

СОДЕРЖАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СУБЪЕКТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Р. Н. Хакимзянов (Казань)

Российский кадровый рынок в настоящее время испытывает нехватку профессионалов, обладающих нужным набором профессионально важных качеств, высокой мотивацией необходимой для успешного освоения профессиональной деятельности. Каждая профессия наделена определенной спецификой, и это требует от сотрудников высокого уровня профессионализма. По определению А. А. Деркача, «профессионализм – интегральная психологическая характеристика человека труда, отражающая и фиксирующая уровень соответствия человека требованиям профессии» (Деркач, 2004, с. 304). Профессионализм состоит из определенных качеств личности, которые определяют успешность в выполнении трудовой деятельности.

Профессиональная компетентность – это основной критерий развития, важная составляющая и показатель высокого уровня профессионализма (Маркова, 1996). Многие ученые рассматривают профессиональную компетентность как формируемое, актуальное личностное качество, как социально-профессиональную характеристику субъекта профессиональной деятельности. В психологической науке субъект – это носитель предметно-практической деятельности, источник активности и познания, направленной на объект. Б. Г. Ананьев использовал категорию «субъект» вкупе с понятием «деятельность». Он считал, что человек – это субъект основных социальных действий (труда, общения и познания), посредством которых осуществляется как интериоризация внешних действий, так и экстериоризация внутренней жизни личности (Ананьев, 2001, с. 269).

Функционирование личности в качестве субъекта деятельности складывается: из природных, психических, личностных условий и др.

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (№ 14-06-00585-а).

составляющих этого функционирования (в число последних входят способности, мотивы, воля и т. п.); социальных условий и требований деятельности (нормативные и др. аспекты труда); способов организации этой деятельности самим человеком – деятельности как труда и профессии.

В данном исследовании рассматривается служебная деятельность сотрудников правоохранительных органов. Качество выполнения служебной деятельности напрямую связано с профессиональной компетентностью сотрудников правоохранительных органов, так как главным критерием развития профессионализма, а также условием успешной служебной деятельности является профессиональная компетентность (Пучкова, 2012; Хакимзянов, 2012).

Служебная деятельность требует включенности всех психических функций человека. В психической регуляции служебной деятельности участвуют все объективные закономерности и механизмы, присущие психике человека в целом, а определенные стороны и механизмы доминируют в большей или меньшей степени. Такое сочетание обуславливает специфику психологического обеспечения служебной деятельности.

Анализ психологического содержания служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов показал, что в силу специфики служебной деятельности, сотрудникам правоохранительных органов приходится часто взаимодействовать с различными категориями граждан, находить общий язык с лицами, не склонными к контактам с ними, это требует от сотрудника решительных (волевых) действий и способности пойти на риск. Выполняя служебные и оперативные задачи, сотрудникам правоохранительных органов часто приходится сталкиваться с необходимостью решать проблемные вопросы, находить выход из различных экстремальных ситуаций, противостоять преступникам. Выполнение функциональных обязанностей сопряжено с повышенной ответственностью сотрудников за свои действия. Несение службы нередко происходит в ситуациях с непредсказуемым исходом, характеризуется недостаточной определенностью ролевых функций, психическими и физическими перегрузками.

Исходя из написанного выше, мы можем утверждать, что эмоциональные и волевые особенности личности занимают особое место в структуре профессиональной компетентности субъекта служебной деятельности. Эмоциональные и волевые особенности субъекта деятельности играют важную роль в процессе выполнения служебной деятельности сотрудниками правоохранительных органов. Они пронизывают все аспекты деятельности, от них зависит успешность выполнения служебной деятельности, поэтому следует выделить в отдельный вид профессиональной компетентности именно эмоционально-волевою компетентность.

Под эмоционально-волевой компетентностью следует понимать наличие высокой нервно-психической устойчивости, эмоциональной лабильности, а также способности к самостоятельному выбору линии поведения, энергичное и целеустремленное осуществление тех или иных действий, принятие на себя ответственности за их результаты (Хакимзянов, 2013).

Для определения содержания эмоционально-волевой компетентности нами проведено исследование на базе различных подразделений Министерства внутренних дел РФ. Общий объем исследуемой выборки составил более 200 чел.

Опираясь на результаты факторного анализа, мы выделили фактор, включающий в себя ряд эмоциональных, волевых и личностных особенностей испытуемых, таких как: сильная воля, самоконтроль, гибкость, самостоятельность, внимательность, выдержка, эмоциональная стабильность, нервно-психическая устойчивость, самомотивация, интегративный уровень эмоционального интеллекта, программирование, общий уровень саморегуляции и пр. Исходя из этих данных, мы можем говорить, что показатели, вошедшие в этот фактор, образуют эмоционально-волевую компетентность. Таким образом, содержание эмоционально-волевой компетентности как составляющей профессиональной компетентности для субъекта служебной деятельности с учетом весовых коэффициентов состоит из следующих показателей: «решительность», «самостоятельность», «самоконтроль, сильная воля», «гибкость», «эмоциональная стабильность», «распознавание эмоций других людей», «самомотивация», «интегративный уровень эмоционального интеллекта».

Далее нами проанализированы данные, свидетельствующие о взаимосвязи эмоциональных, волевых особенностей личности, которые образуют содержание эмоционально-волевой компетентности субъекта служебной деятельности.

Опираясь на результаты корреляционного анализа выделены две группы особенностей личности, которые взаимосвязаны между собой только прямыми корреляционными связями с уровнем достоверности $p \leq 0,001$, первая группа включает в себя волевые особенности, такие как решительность, самоконтроль, самостоятельность, выдержка и внимательность, а другая эмоциональные: эмоциональная стабильность, нервно-психическая устойчивость, самомотивация, управление своими эмоциями и интегративный показатель эмоционального интеллекта.

В исследовании нами обнаружены особенности, которые оптимизируют процессы служебной деятельности (решительность, самоконтроль, выдержка, нервно-психическая устойчивость). Следовательно, зная содержание эмоционально-волевой компетентности, мы можем оптимизировать служебную деятельность.

Результаты данного исследования дают основание поставить вопрос о пересмотре стандартного набора обязательной программы про-

фессионального отбора кандидатов на службу в правоохранительные органы, а также дают возможность использования полученных результатов для создания новых моделей профессионального отбора и аттестации специалистов.

Литература

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.

Пучкова И. М., Хакимзянов Р. Н. Профессиональная компетентность как критерий развития профессионализма // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2012. Т. 154. № 6. С. 258.

Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999.

Хакимзянов Р. Н. Модель эмоционально-волевой компетентности субъекта служебной деятельности // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ВЕСА СОБСТВЕННОГО ТЕЛА КРЫСАМИ *RATTUS NORVEGICUS**

И. А. Хватов (Москва)

В середине 90-х годов прошлого века Д. Повинелли была высказана гипотеза, согласно которой в основе предпосылок формирования самосознания у антропоидов (способности к самоузнаванию в зеркале и способности проходить тесты на «Модель психического») лежит необходимость усиления произвольного контроля за их локомоцией, что обусловлено большой массой их тела (в сравнении с марышкивыми обезьянами) (см.: Зорина, Полетаева, 2003). Повинелли предположил, что предпосылки самосознания возникли из необходимости постоянного соотношения веса собственного тела и прочности опоры (к примеру, ветвей деревьев). Позднее в адрес этой гипотезы был высказан ряд критических замечаний (там же). Однако несомненным является то обстоятельство, что учет веса собственного тела является важной частью схемы собственного тела как человека, так и других животных – важной частью способности принимать себя в расчет (Столин, 1983), которая, в свою очередь, является фило- и онтогенетической основой развития самосознания и Я-концепции. Этим обосновывается необходимость изучения способности различных животных учитывать вес собственного тела при осуществлении локомоции.

Цель исследования: изучить особенности восприятия веса собственного тела крысами *Rattus norvegicus*.

* Исследование проводится при финансовой поддержке Роснауки (проект № МК-5915.2014.6).

Гипотеза исследования: крысы способны учитывать вес собственного тела при регуляции своего поведения.

Испытуемые: 7 самцов крысы *Rattus norvegicus*. Наивные особи в возрасте от 2 до 6 мес.

Оборудование. Экспериментальная установка представляла собой стеклянный ящик без потолка (размер ящика: 960×500×500 мм). Внутри ящика, на противоположных сторонах, параллельно плоскости дна, на высоте 300 мм, располагались две полки, занимавших всю ширину ящика и имевших длину 320 мм каждая. Полки были соединены тремя мостиками (50 мм шириной каждый), расположенными параллельно друг другу. Два мостика располагались по краям, на расстоянии 30 мм от стенки ящика, третий – точно по центральной линии длинны ящика. Мостики крепились на едином металлическом стержне, располагавшемся точно по центру их длины. Благодаря этому мостики могли фиксироваться в разных позициях:

- незакрепленная позиция: мостики, будучи сбалансированными, располагались параллельно дну, соединяя обе полки. При этом легкое нажатие на один из краев мостиков заставляло его проваливаться и смещаться по вертикали;
- закрепленная позиция: мостики дополнительно крепились к полкам с помощью щеколд, благодаря чему нажатие на них не влекло за собой их смещения.

План эксперимента. Эксперимент состоял из 3 серий по 10 проб каждая.

В начале каждой пробы крыса помещалась в центр одной из полок внутри экспериментальной установки (далее – полка № 1). В центре противоположной полки (далее – полка № 2) располагалась приманка (сыр). Проба считалась завершенной либо после того, как крыса, пройдя по одному из мостиков на полку № 2, достигала приманки, либо в случае, когда крыса падала с мостика, находящегося в незакрепленной позиции. В ходе эксперимента варьировались позиции мостиков. Пробы всех серий проводились с каждым животным последовательно. Временной интервал между пробами составлял 5 мин.

Серия 1. Все мостики устанавливались в закрепленную позицию. Задача заключалась в формировке у животных навыка достижения приманки, о чем должно было свидетельствовать сокращение времени решения задачи. Кроме того, к концу серии каждое животное переходило на полку № 2 по одной и той же траектории – через один и тот же мостик.

Серия 2. Мостик, через который крыса научилась преодолевать расстояние между полками в прошлой серии, устанавливался в незакрепленную позицию, другие два располагались в закрепленной позиции. Задача была выяснить, смогут ли крысы сформировать новую траекторию движения, о чем должно было свидетельствовать сокращение времени решения задачи, а также уменьшение числа падений крыс.

К концу серии животные также преодолевали расстояние между полками, используя один и тот же мостик.

Серия 3. Мостики, через которые крыса преодолевала расстояние между полками в двух предыдущих сериях устанавливались в незакрепленную позицию, в закрепленной позиции оставался только один мостик. Также ставилась задача выяснить, смогут ли крысы сформировать новую траекторию движения.

Фиксируемые показатели

- Время решения задачи – от момента помещения животного в экспериментальную установку, до момента достижения им приманки или до момента его падения на дно экспериментальной установки.
- Количество переходов по мостикам с полки № 1 на полку № 2.
- Количество падений с незакрепленных мостиков.
- Количество обследований мостиков, совершенных крысами. Подобные обследования обнаруживались начиная с серии 2 у всех крыс после того, как они падали с незакрепленных мостиков. Поведенчески такое обследование выглядело следующим образом: крыса, располагаясь четырьмя лапами на полке № 1, вытягивала морду в направлении мостика, обнюхивая его и ощупывая его вибриссами. Затем крыса осуществляла нажатие на мостик одной из передних лап, после чего действовала в зависимости от результата (в зависимости от того, провалился ли мостик под давлением ее лапы).

Для математической обработки данных использовался критерий χ^2 и Т-критерий Вилкоксона, при $p < 0,05$.

Результаты. К концу серии 1 время решения экспериментальной задачи сокращалось у всех испытуемых. Среднее время решения задачи на 1-й пробе составило 119 с ($SD=19,6$), на 10-й пробе – 11 с ($SD=2,0$); сдвиг достоверен ($T=0$; $Z=2,36$; $n=7$; $p < 0,05$). К концу серии (в течение последних 5 проб) каждая крыса преодолевала расстояние между полками по одному и тому же мостику – «предпочитаемые мостики» у крыс варьировались. Однако лишь одна из 7 проходила по центральному мостику. Соответственно, можно сделать вывод, что у крыс сформировались навыки достижения приманки.

Серия 2. На первой пробе все 7 крыс попытались преодолеть расстояние между полками по ранее выученной траектории, используя мостик, который теперь находился в незакрепленной позиции. В результате этого каждая крыса упала на дно экспериментальной установки. Общее число падений составило 10. Больше ни в одной пробе за все время эксперимента падений не наблюдалось. Среднее время попытки решения задачи на первой пробе составило 9 с ($SD=2,3$). Во второй пробе время решения возросло и составило в среднем 455 с ($SD=121,5$); сдвиг в срав-

нении с первой пробой достоверен ($T=0$; $Z=2,36$; $n=7$; $p<0,05$). Именно начиная со второй пробы серии 2 крысы демонстрируют характерное поведение по обследованию мостиков, описанное выше. Общее количество обследований мостиков в данной серии составило 214. К 10-й пробе время решения задачи сократилось и составило в среднем 27 с ($SD=6,0$), в сравнении с временем во второй пробе сдвиг достоверен ($T=0$; $Z=2,36$; $n=7$; $p<0,05$). На последних 5 пробах крысы сформировали новую устойчивую траекторию движения.

Серия 3. Среднее время решения задачи на 1-й пробе составило 70 с ($SD=22,7$), на 10-й пробе – 28 с ($SD=8,5$); сдвиг достоверен ($T=0$; $Z=2,36$; $n=7$; $p<0,05$). Общее количество падений за серию составило 0, общее количество обследований мостиков – 196. Таким образом, доля падений в отношении к другим типам взаимодействия с мостиками (обследований и переходов) в серии 3 достоверно ниже, чем в серии 2 ($\chi^2=8,96$; $df=1$; $p<0,01$).

Интерпретация. Полученные результаты дают основание заключить, что выдвинутая гипотеза была подтверждена. Крысы продемонстрировали способность учитывать собственный вес при регуляции своего поведения. Мы полагаем, что поведение по обследованию мостиков, наблюдавшееся во 2-й и 3-й сериях являет собой пример соотношения крысой веса собственного тела с прочностью опоры, по которой ей предстояло пройти. Более того, из того, что падения наблюдались только в первой пробе серии 2, можно сделать вывод, что в процессе эксперимента у крыс произошло мгновенное научение (импринтинг), выразившееся в обязательном обследовании мостика перед попыткой пойти по нему.

В дальнейшем мы планируем проведение исследований на более обширной выборке, а также на других видах мелких млекопитающих.

Литература

- Зорина З. А., Полетаева И. И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных: Учеб. пособие. М.: Аспект-Пресс, 2003.
- Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПИТАНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА И ИХ СВЯЗЬ С РОДИТЕЛЬСКИМ ОТНОШЕНИЕМ

В. А. Чемеревская (Брест, Республика Беларусь)

Современное общество развивается очень стремительно, ускоряется темп жизни. Все это приводит к тому, что изменяется отношение людей к процессу питания, ухудшается качество продуктов, условия и раци-

он питания. Наблюдается тенденция пренебрежительного отношения к процессу принятия пищи, культура питания отходит на задний план. С помощью питания осуществляется процесс взаимодействия родителей с ребенком. Кроме вкусовых предпочтений детей, их физиологических потребностей, на сам процесс питания влияют взаимоотношения родителей и ребенка, роль ребенка в семье, а также представления родителей о правильном питании.

Проблема питания до сих пор является открытой и актуальной. Поэтому мы поставили *целью* нашего исследования: выявить психологические проблемы питания у детей дошкольного и младшего школьного возраста и определить связь этих проблем с родительским отношением. Мы выдвинули следующую *гипотезу*: психологические проблемы питания у детей связаны с родительским отношением. В исследовании приняло участие 160 чел., т. е. 40 пар родитель–ребенок дошкольного возраста и 40 пар родитель–ребенок младшего школьного возраста. Для оценки значимости полученных результатов мы использовали критерий χ^2 Пирсона.

На первом этапе нашего исследования родителям было предложено заполнить опросник PARI, суть которого заключается в изучении отношения родителей (прежде всего, матерей) к разным сторонам семейной жизни (семейной роли), адаптированный Т. В. Нещерет (Карелин, 2001). Кроме того, был осуществлен опрос родителей с помощью специально разработанной анкеты. Целью данного опроса было выявление психологических проблем питания, с которыми сталкиваются родители. Далее родителям предлагалась методика «Незаконченные предложения», целью которой было выявление представлений родителей о питании и значении процесса питания для родителей.

На втором этапе осуществлялась работа с детьми. Для выявления психологических проблем питания глазами ребенка использовалась проективная методика, которая является модификацией проективной методики САТ, адаптированной для детей-дошкольников, разработанной Н. С. Бурлаковой и В. И. Олешкевич (Бурлакова, 2001). При проведении методики нами было использовано восемь картинок, на которых изображен процесс питания детей и взрослых в различных условиях. Дети должны были придумать рассказ по картинке, после чего им задавались дополнительные и уточняющие вопросы, с целью получения информации о представлениях детей относительно питания. Далее с детьми проводилась методика «Незаконченные предложения» и беседа, в ходе которой определялись вкусовые предпочтения ребенка, наиболее привлекательные для приема пищи условия и т. д.

С помощью тест «PARI» нам удалось выделить 4 вида отношения родителей к ребенку. Для большинства родителей характерны негармоничные отношения. Причем чаще встречаются негармоничные отношения выше нормы (30%), для которых характерна гиперопека,

повышенная конфликтность, раздражительность. Негармоничные отношения ниже нормы, характерные для 12% родителей, характеризуются безразличием к интересам ребенка, его взглядам, мечтам, к его жизни в целом. Для 26% мам характерны негармоничные смешанные отношения, которые отличаются от других видов отношений тем, что такие родители непоследовательны в своем отношении и поведении. И только у трети родителей наблюдаются гармоничные отношения в пределах нормы – такие родители могут быть отнесены к золотой середине.

Методика «Незаконченные предложения», которая была предложена родителям, позволила выявить, что родители имеют стереотипные представления о питании, пропагандируемые СМИ. Подавляющее большинство родителей (89%) не учитывают в процессе питания психологические аспекты (настроение ребенка, его психологическое состояние, самочувствие), не знают о существовании психологических факторов нарушения питания, сводя этот процесс к удовлетворению физиологической потребности ребенка.

Многие родители (88%) знают, что нельзя наказывать ребенка едой, однако в качестве поощрения все же большинство из них (52%) ее используют. Т. е. еда является средством воздействия на ребенка. Родители поощряют детей чаще всего сладким за хорошее поведение, хороший поступок, хорошую учебу у младших школьников.

Благодаря методике «Незаконченные предложения», проведенной с детьми, нам удалось определить особенности аппетита у детей в зависимости от условий приема пищи. Большинство детей любят есть дома (46%), в ресторане или кафе (30%), что обусловлено тем, что там много сладостей и блюд, которые дети любят. Вызывает некоторые опасения желание детей, особенно младших школьников (15%), есть за компьютером.

Большинство детей не любит есть в детском саду (20%) и школе (45%), что связано по ответам детей с тем, что там «невкусно», «дают то, что я не люблю». Для родителей, чьи дети не любят есть дома (12,5%), характерна высокая требовательность к ребенку, желание накормить его, заставить съесть то, что он не желает. Как следствие этого, ребенок выбирает условия, в которых к нему не предъявляют никаких требований, где он может смотреть мультики, играть во время приема пищи. Для таких семей характерны негармоничные отношения родителей с ребенком.

Благодаря проведенному исследованию была выявлена следующая отличительная особенность: дошкольники, при описании картинки по методике САТ, не уделяли внимания психологическому аспекту, объясняющему поведение ребенка, говорили, что он просто «не хочет есть», «неголоден», в то время как большая часть младших школьников указывала на них, называя причину нежелания есть ребенка в том, что он «расстроен», «обижен», «у него плохое настроение», «грустит» и т. д.

В ходе проведения исследования было выявлено 6 детей с избыточным весом. Оказалось, что для всех семей с такими детьми характерны негармоничные отношения. Так как наблюдается прямая связь между повышенным весом ребенка и типом отношения родителей к нему. Только половина родителей этих детей считают вес своего ребенка повышенным, что свидетельствует о том, что некоторые родители даже не задумываются над тем и не осознают того, что перекармливают ребенка, тем самым замещая с помощью еды недостатки своей любви и внимания.

Проанализировав рассказы детей, мы выбрали те характеристики, которые свидетельствуют о наличии психологических проблем питания:

- негативное отношение к приему пищи;
- избегание процесса принятия пищи с помощью обмана;
- нежелание есть дома;
- повышенный вес ребенка;
- применение родителями санкций к ребенку;
- негативная реакция ребенка на применение родителями санкций;
- контроль взрослых за процессом питания ребенка.

После чего мы выделили 3 группы детей, в зависимости от степени выраженности нарушений питания. Для сравнения мы брали 2 группы детей: группу, в которой наблюдаются проблемы питания, и группу, где у детей отсутствуют проблемы питания. 3-ю группу составили дети, которые заняли промежуточное положение, так как у них были выявлены отдельные признаки. Эта группа не участвовала в сравнении.

Для большинства семей (90%) с детьми, у которых наблюдаются нарушения питания, характерны негармоничные отношения, причем чаще всего это негармоничные отношения выше нормы и негармоничные смешанные отношения. В то же время для подавляющего большинства семей (67%), в которых не наблюдаются психологические проблемы питания у детей, характерны гармоничные отношения. Это свидетельствует о том, что тип семейного воспитания оказывает влияние на формирование у детей психологических нарушений питания. Однако для небольшой части таких семей характерны негармоничные отношения, что свидетельствует о том, что нарушения внутрисемейных отношений не всегда приводят к нарушениям пищевого поведения у ребенка. Различия между группами оказались статистически значимы по критерию χ^2 : $\chi^2_{\text{эмп.}}=25,5$; $\chi^2_{\text{крит.}}=16,26$, при $\alpha=0,001$. Таким образом, можно сказать, что психологические проблемы питания у детей дошкольного и младшего школьного возраста связаны с родительским отношением.

Литература

- Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И. Проективные методы: теория, практика применения к исследованию личности ребенка. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001.
- Психологические тесты / Под ред. А. А. Карелина. М., 2001.

ВИКТИМНОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА РАЗВИТИЯ БУЛЛИНГА В ОРГАНИЗАЦИЯХ

В. П. Черепанова (Екатеринбург)

Полноценное развитие и реализация индивидуальных потенциалов человека в организации возможны только в определенных условиях. Центральное место среди них принадлежит качеству межличностных взаимодействий в контексте психологической безопасности данной среды. Современный жизненный контекст не исключает явления насилия из коммуникационных процессов в широком спектре системы формальных и неформальных отношений между людьми в организации. В психологии под понятие «насилие» попадает любой поступок, основная цель которого – управлять поведением партнера, навязывая ему свою волю без учета его собственных интересов, желаний, чувств и т. п. Насилие – это любой способ поведения (простой или сложный, вербальный или невербальный), используемый для того, чтобы управлять мыслями, чувствами и поступками другого, против его желания, воли или убеждений, но с психологической (а часто и материальной) выгодой для насильника. Благодаря объединению усилий и способностей, распределению функций и координации деятельности, люди не только могут выдвигать и реализовывать цели, недоступные для изолированных индивидов, но и совершать целенаправленные – намечать собственные цели и ставить перед собой задачи, т. е. осуществлять любую индивидуальную, «частную» деятельность, направленную на достижение этих индивидуальных, личных целей (Бобнева, 1979, с. 44). В связи с чем изучение феномена насилия в организационной среде, его вероятных детерминант, форм и проявлений представляется актуальным и востребованным, так как именно оно способно нарушить безопасность рабочей среды и негативным образом сказаться на построении межличностных отношений между субъектами организационного процесса и на развитии личности работников.

Буллинг – это регулярное негативное поведение одного работника по отношению к другому работнику или к целой группе. По мнению специалистов, включает различные придирки по мелочам, часто совершенно необоснованные, негативную оценку работы или отказ от какой-либо оценки, стремление изолировать работника или группы работников

от остальных, распускание грязных слухов и сплетен. Такое явление дорого обходится компании. Ведь участники интриги концентрируют свою энергию именно на процессе травли, работа как таковая отходит на задний план (Кичкаев, 2005). В результате снижается производительность труда, возрастает текучесть кадров, растут финансовые потери, падает престиж компании. На сегодняшний момент не существует точной методики оценки экономического ущерба, нанесенного моббингом и буллингем. Однако существует прямая связь между сроком пребывания человека в организации и результатами его труда, так как при наличии большого стажа он лучше знает тонкости работы и поэтому показывает более высокую результативность. Производительность труда в группе работников, недавно пришедших на предприятие, также ниже, чем в среднем по предприятию, из-за временной неприспособленности к новой рабочей ситуации и в связи с проблемами социальной адаптации (Долгалъ, 2008, с. 112). Фактически, именно условия переживания стресса являются основой для становления и проявления уникальности и самобытности субъекта, поскольку их преодоление создает историю его бытия (И. В. Воробьева, О. В. Кружкова, 2013, с. 14–15). Также не стоит упускать из внимания тот факт, что человек, который подвергается травле, становится раздраженным, зачастую находится в подавленном состоянии и, как правило, переходит в позицию жертвы, в позицию человека, который озабочен отношением к себе, у которого появляется непреодолимый страх перед различными внештатными ситуациями, человека, который уходит в себя.

В последнее десятилетие в нашей стране произошли значительные изменения, затронувшие все сферы жизнедеятельности как отдельного человека, так и общества в целом: экономическую, политическую, социальную и т. д. На современном этапе широко рассматриваются вопросы, которым ранее не уделялось должного внимания. Это относится и к проблеме отношения к жертвам преступлений, защите жертвы, восстановления ее прав, ущерба и т. д. (Виноградова, 2010). Позиция жертвы настолько специфична, что в психологии был выделен даже особый раздел – виктимология. Психологи давно интересовались, что обогащает личность преступников – какие предпосылки, черты характера или элементы жизненного опыта приводят их к нарушению закона. В литературе часто используется термин «виктимное поведение», что, строго говоря, означает «поведение жертвы». Однако это понятие обычно используется для обозначения неправильного, неосторожного, аморального, провоцирующего и т. д. поведения. Виктимной нередко именуют и саму личность, имея в виду, что, в силу своих психологических и социальных характеристик, она может стать жертвой преступления.

Цель данного исследования – это изучение склонности к виктимному поведению у представителей разных возрастных групп. В качестве гипотезы выступило предположение, что существуют специфические

особенности проявления виктимности в разных возрастных группах. В исследовании приняли участие 486 респондентов, из них в возрастной группе от 18 до 30 лет – 486 чел., в группе от 31 до 50 – 198 чел., и старше 50 лет – 135 чел. Для сбора эмпирических данных использовался психодиагностический метод – методика виктимности человека. Полученные результаты обрабатывались с помощью статистического пакета SPSS 17,0, в частности были проведены описательная статистика и сравнительный анализ (Т-критерий Стьюдента).

При сравнении изучаемых разновозрастных групп нами было обнаружено статистическое различие между респондентами от 18 до 30 и от 31 до 50 лет по показателям: склонность к агрессивному виктимному поведению ($t=2,356$, $p=0,019$) и склонность к гиперсоциальному поведению ($t=-2,668$, $p=0,008$). Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что представители более ранних возрастов в большей степени склонны к проявлению агрессии, они, как правило, чаще попадают в неприятные и опасные для жизни и здоровья ситуации в результате проявленной агрессии в форме нападения или иного провоцирующего действия (оскорбление, клевета, издевательство и т. д.). Для них более характерно намеренное создание конфликтной ситуации, в рамках которой агрессивность проявляется как по отношению к определенным лицам и в определенных ситуациях, так и может быть размытой, неперсонифицированной по объекту. Респонденты зрелого возраста напротив ориентированы на гиперсоциальное поведение. Как правило, это жертвенное, социально одобряемое и зачастую ожидаемое поведение. Это люди, слишком положительное и правильное поведение которых навлекает преступные действия агрессора. Люди данного типа считают недопустимым уклонение от вмешательства в конфликт, даже если это может стоить им здоровья или жизни. Последствия поступков такими людьми осознаются не всегда.

Также было обнаружено статистическое различие между респондентами возрастной группы от 31 до 50 и старше 50 лет по показателям: склонность к зависимому и беспомощному поведению ($t=-2,057$, $p=0,041$) и реализованная виктимность ($t=-2,149$, $p=0,032$). На основании полученных результатов можно предположить, что респонденты средней возрастной группы от 31 до 50 лет более реже попадают в критические ситуации, так как, вероятно, у них уже выработан защитный способ поведения, позволяющий избегать опасных ситуаций. Однако внутренняя готовность к виктимному способу поведения может присутствовать. Чаще всего, ощущая внутренний уровень напряжения, испытуемый стремится вообще избегать ситуации конфликта. Респонденты старше 50 лет наиболее склонны к независимому и обособленному поведению. Зачастую стремятся выделиться из своей группы, имеют на все свою точку зрения, могут быть непримиримы к мнению других, авторитарны и конфликтны.

Исследуя возрастные группы 18–30 и старше 50 лет, можно отметить тот факт, что респонденты более молодого возраста более склонны к проявлению агрессии, а люди, старше 50 лет, – к гиперсоциальному поведению, что обуславливают следующие показатели: склонность к агрессивному виктимному поведению ($t=2,245$, $p=0,025$) и склонность к гиперсоциальному поведению ($t= -3,163$, $p=0,002$).

Подводя итог нашего исследования, мы выявили специфические особенности проявления виктимности в разных возрастных группах, которые в совокупности зачастую создают ситуацию буллинга в коллективах, где имеются разновозрастные группы работников, потому как их склонность к агрессии, если брать во внимание более молодой возраст, или склонность к гиперсоциальному поведению в итоге приводят к конфликтным ситуациям на рабочем месте, если их поведение и взгляды на жизнь ежедневно пересекаются. В разновозрастном коллективе снижается риск конфликтных ситуаций, поскольку пожилые люди более склонны к компромиссам, толерантнее по отношению к окружающим. А наличие в коллективе молодых специалистов продвигает рабочий процесс своими амбициями и стремлением к намеченной цели, что в общем дает положительную динамику внутриорганизационного взаимоотношения персонала.

Литература

- Бобнева М. И., Шорохова Е. В.* Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука, 1979.
- Виноградова В. С.* Понятие виктимологии и виктимности. Виктимологические детерминанты. основные направления виктимологической профилактики. Новокузнецк, 2010.
- Кичкаев В.* Буллинг. Офисные хулиганы. URL: <http://psyfactor.org/lib/bulling.htm> (дата обращения: 16.06.2015).
- Долгаль О. С.* Моббинг и буллинг с точки зрения управления промышленным предприятием. Кемерово, 2008.
- Воробьева И. В., Кружкова О. В.* Вандализм как форма совладания в преодолении ситуации нарушения границ субъективности // Психология стресса и совладающего поведения. Т. 1. Кострома, 2013.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ С УСПЕШНОСТЬЮ ОБУЧЕНИЯ

В. А. Череповская (Санкт-Петербург)

Введение. Развитие системы образования в наши дни направлено на гуманизацию и индивидуализацию учебного процесса, что предполагает максимальный учет особенностей учащихся и создание условий,

способствующих своевременному и полноценному развитию всех сторон их личности. Учебная деятельность сложна и многогранна, на ее эффективности сказывается множество различных факторов. Среди них – уровень развития познавательных процессов, таких как мышление, память, внимание и т. п. Многие исследователи изучали влияние отдельных познавательных способностей на успеваемость, но при этом актуальным остается вопрос комплексного изучения влияния познавательных процессов на успешное обучение студентов.

Успешность обучения – качественная оценка результатов деятельности, которая складывается из объективной результативности и субъективного отношения к этим результатам самого учащегося (Курапова, 2011). Автор подчеркивает, что, если обучающийся в процессе обучения сумел преодолеть свой страх, затруднения, растерянность, неорганизованность, учебная деятельность имеет субъективную успешность.

По мнению Н. И. Мешкова, в академической успеваемости проявляется тот или иной характер учебной деятельности, а соответственно, он проявляется и в академической успешности (Мешков, 1991).

Термин «успешность обучения» наиболее полно выражается в двух показателях: результативном (академическая успеваемость) и структурном (сформированность психологической структуры учебной деятельности). Учебная деятельность считается успешной, когда эти два показателя соответствуют нормативно-заданным. Структурный показатель предполагает наличие целостного единства учебно-важных качеств и определяется сформированностью психологической структуры учебной деятельности. Результативный – государственным образовательным стандартом и отражается в академической успеваемости.

Целью данного исследования являлось изучение взаимосвязи познавательных процессов и успешности обучения студентов.

Материал и методы. В исследовании приняло участие студенты 1 курса лечебного факультета ПСПбГМУ им. академика И. П. Павлова. При проведении исследования параметр пола не учитывался, в связи с этим участвовали как юноши, так и девушки, всего 21 чел. Средний возраст испытуемых составил 18 лет.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методики, направленные на исследование познавательной сферы: тест беглости речи, буквенная и категориальная части (Verbal fluency test, VFT – Lezak, 1995), Сложная фигура Рея–Остерица (Rey–Osterieth, Complex Figure Test, 1990; Вассерман, Чередникова, 2011), пиктограммы (Херсонский, 2000), Стандартные прогрессивные матрицы Равена (Равен, Корт, 2002), Заучивание 10 слов (Лурия, 1969), таблицы Шульте и Шульте–Горбова (Рубинштейн, 1998; Горбов, 1971), субтесты методики Векслера: шифровка, повторение цифр, кубики Коса, сходства (Филимоненко, Тимофеев, 2006).

Для определения успешности обучения студентов была разработана система оценивания на основании двух параметров – положительная оценка за сессию и своевременность сдачи всех необходимых зачетов и экзаменов.

В данной работе использовалась статистическая программа SPSS, для исследования взаимосвязи эффективности обучения с параметрами, измеряемыми использованными методиками, – коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты исследования. Результаты успешности обучения оценивались за зимнюю сессию 2015 г. Большинство студентов (15 чел.) сдали сессию положительно и вовремя. Два человека сдали не вовремя, но при этом положительно. Один студент сдал сессию вовремя с удовлетворительным средним баллом, и 3 чел. сессию вовремя не сдали и имели долги.

По результатам исследования, умеренные взаимосвязи прослеживаются между успешностью обучения и параметрами общей оценки вербально-логического мышления ($p=0,008$), шкальной оценки по шифровке ($p=0,031$) и первого воспроизведения слов ($p=0,013$), измеряемые соответственно субтестами «Сходства», «Шифровка» теста Векслера и методикой «Заучивание 10 слов».

Полученные результаты свидетельствуют о том, что при повышении способности к формированию понятий, классификации, упорядочиванию, абстрагированию, сравнению предметов имеет тенденция к повышению успешность обучения. При повышении объема памяти, свойств внимания (концентрация, распределение, переключение) также имеет тенденция к повышению успешность обучения. Эти данные отмечались в исследованиях психологов (Pascale et al., 2014; Айпаева, Тимофеев, 2013).

Заключение. В результате исследования были обнаружены отдельные взаимосвязи познавательных процессов и успешности обучения. Полученные результаты возможно использовать в разработке учебных программ вуза, направленных на индивидуализацию, для повышения эффективности обучения студентов с учетом уровня развития их познавательных способностей. При этом полученные данные являются пилотажными и требуют дальнейших дополнительных исследований.

Литература

- Айпаева Р., Тимофеев Э. Влияние индивидуальных особенностей памяти на успеваемость в старшем школьном возрасте. URL: <http://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2013/04/04/vliyanie-individualnykh-osobennostey-ramyati-na-uspevaemost-v-starshem> (дата обращения: 10.06.2015).
- Курاپова Т. Ю. Теоретический анализ понятий «успеваемость» и «успешность обучения» в психолого-педагогической литературе. СПб., 2011.
- Саякин В. Ю. Успешность обучения и специфика когнитивной организации студентов // Мир современной науки. 2011. № 1. С. 12–16.

Pascale M. J. de, Abreu E., Abreu N., Nikaedo C. C., Puglisi M. L., Tourinho C. J., Miranda M. C., Befi-Lopes D. M., Bueno O. F. A., Martin R. Executive functioning and reading achievement in school: a study of Brazilian children assessed by their teachers as “poor readers” // *Frontiers in Psychology*. 2014. V. 5. URL: <http://journal.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2014.00550/full> (дата обращения: 03.06.2015).

МЕНТАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ И ВДОХНОВЕНИЯ*

А. В. Чернов (Казань)

На сегодняшний день вопрос исследования познавательных психических состояний, их структуры, состава является актуальным, однако данная проблема по-прежнему остается мало изученной в психологии и это несмотря на то, что данная категория состояний наиболее часто проявляется в жизнедеятельности человека: учебной, творческой, научно-исследовательской и др. видах деятельности. На данный момент все еще не разработаны критерии для выделения и систематизации познавательных состояний, и, как следствие, состояния, характерные для процесса познания (раздумье, удивление, заинтересованность, сосредоточенность, вдохновение, размышление и др.), зачастую относят к волевым, эмоциональным или мотивационным состояниям, а сам факт существования познавательных состояний ставится под сомнение.

Вслед за М. А. Холодной мы понимаем ментальные репрезентации как «актуальный умственный образ того или иного конкретного события (т. е. субъективная форма „видения“ происходящего)» (Холодная, 2002, с. 245). Изучение ментальных репрезентаций психических состояний значимо в том смысле, что установление закономерностей репрезентации состояний в структурах субъективного опыта может способствовать выявлению психологических механизмов формирования образа мира и моделей психического (Сергиенко, 2014). Установлено, что при изучении ментальных репрезентаций оценки состояний отражают субъективные оценочные отношения. Они оказываются в разных ситуациях различными, т. е. являются зависимыми от особенностей ситуации. В этом контексте изучение ментальной репрезентации познавательных состояний предполагает исследование их в ситуации познавательной активности, примером которой могут выступать учебная и творческая деятельность студентов. Как показано в работе М. Г. Юсупова, управление познавательной активностью можно осуществлять

---

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ и Правительства республики Татарстан (проект № 15-16-16002 а(р)).

посредством регуляции психических состояний, поскольку это наиболее влиятельная линия взаимодействия (Юсупов, 2009). Было обнаружено, что наибольшая продуктивность умственной деятельности достигается в случае переживания студентами познавательных состояний высокой интенсивности (заинтересованность, вдохновение и др.).

Отметим, что познавательное состояние рассматривается нами как состояние субъекта, характеризующееся высокой активностью и устойчивостью когнитивных процессов в течение определенного отрезка времени, направленное на решение задач основной деятельности, познание объектов внешнего и внутреннего мира (Прохоров, Юсупов, Чернов, 2011). Познавательные состояния актуальны при взаимодействии субъекта и объекта познания, результатом которого является когнитивное преобразование объекта и углубление познания. Со стороны системного подхода познавательное состояние рассматривается как функциональная система, соединяющая свойства и процессы, необходимые для эффективного выполнения деятельности.

Итак, целью исследования явилось выявление специфики ментальных репрезентаций познавательных состояний заинтересованности и вдохновения у студентов 1–2 курса Казанского (Приволжского) федерального университета разных специальностей. Общий объем исследуемой выборки составил 38 чел. обоего пола в возрасте 17–19 лет. Испытуемым предлагалось оценить познавательные состояния заинтересованности и вдохновения, которые актуализируются у них в процессе учебной и творческой деятельности. Основной гипотезой исследования выступило предположение о том, что ментальные репрезентации познавательных состояний характеризуются определенной структурой, ядреными образованиями и ведущими системообразующими элементами.

В качестве типичных познавательных состояний в учебной и творческой деятельности студентов нами были выделены состояния заинтересованности и вдохновения. Для проведения исследования использовалась методика семантического дифференциала (Петренко, 2005). Оценивание познавательных состояний проводилась по 25 биполярным шкалам, полюса которых заданы с помощью вербальных антонимов, описывающих противоположные качества объектов. Обработка данных осуществлялась с применением математических методов: корреляционного анализа (коэффициент r Пирсона), вычислялись средние значения для состояний по шкалам, использовался кластерный анализ (метод средней связи). Также применялся метод для подсчета индексов организованности (ИОС), когерентности (ИКС) и дифференцированности структур (ИДС), предложенный А. В. Карповым. Суть его состоит в приписывании баллов корреляционным связям с разной степенью значимости: связям на уровне статистической значимости $p \leq 0,05$ приписывался 1 балл, $p \leq 0,01$ –2 балла и $p \leq 0,001$ –3 балла. При обработке данных применялся статистический пакет SPSS 16.0.

В результате проведенного исследования были установлены инвариантные составляющие ментальных репрезентаций познавательных состояний заинтересованности и вдохновения. В качестве ядерных образований состояния заинтересованности можно выделить такие характеристики, как «активный» (1,6), «хороший», «приятный» (1,7), «умный» (1,8), «добрый», «свежий» (1,9), которые встречаются у подавляющего большинства респондентов, оценивавших данное состояние. Для состояния «вдохновения» свойственны схожие составляющие ядерных слоев: «активный» (1,4), «легкий», «хороший», «приятный», «свежий» (1,5), они присутствуют практически у всех опрошенных, в то время как характеристики: «радостный», «жизнерадостный», «чистый» (1,6), «светлый», «добрый», «любимый» (1,8), «сильный» (1,9), являясь ядерными образованиями семантического пространства состояния, встречаются реже. Таким образом, состояние «вдохновения» характеризуется большей плотностью ядерных образований, нежели «заинтересованность», что свидетельствует о более четкой ментальной репрезентации данного познавательного состояния. Отметим, что для рассматриваемых познавательных состояний общими в описании являются такие составляющие, как: «активный», «хороший», «приятный», «добрый» и «свежий». По-видимому, именно эти элементы могут выступать в качестве ядерных (системообразующих) при описании познавательных состояний человека.

Далее, по результатам корреляционного анализа, вычислялись индексы когерентности, дифференцированности и организованности структур. Большим уровнем организованности структур обладает состояние заинтересованности (ИОС=61), нежели вдохновение (ИОС=48). Такая разница достигается за счет большей дифференцированности структуры состояния заинтересованности (25 против 11 в состоянии вдохновения). Для этих состояний свойственна более высокая когерентность структуры, нежели дифференцированность, что отражает высокую степень интегрированности входящих в состав элементов.

С целью выделения структуры ментальных репрезентаций познавательных состояний все переменные были подвергнуты кластерному анализу (метод средней связи). Данный метод позволил сгруппировать все показатели в кластеры по степени их близости и однородности. По результатам кластеризации показателей при оценке состояния «заинтересованности» можно выделить 7 основных кластеров, отражающих группировку всех переменных. В единый кластер вошли такие характеристики, как: хороший, добрый, приятный, сильный и светлый, что отражает, в основном, оценочный уровень семантических пространств. В то же время отдельный кластер составили переменные, отражающие другие переживания: гнилой, печальный, глупый, пассивный. Они представлены в состоянии заинтересованности в наименьшей степени, тогда как противоположные составляют его ядро.

В свою очередь, познавательное состояние «вдохновения» включает в себя 6 основных кластеров. В ключевой фактор вошли показатели: хороший, приятный, добрый, сильный и светлый. Противоположные по знаку характеристики – ненавистный, грязный, пассивный, гнилой и унылый – составили отдельный кластер.

Итак, ментальные репрезентации познавательных состояний заинтересованности и вдохновения характеризуются определенной структурой, ядерными образованиями и ведущими системообразующими элементами. Для рассматриваемых состояний ядерными являются такие показатели, как «активный», «хороший», «приятный», «добрый» и «свежий».

Литература

- Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. 2-е доп. изд. СПб.: Питер, 2005.
- Прохоров А. О., Чернов А. В., Юсупов М. Г.* Структурно-функциональная организация интеллектуальных состояний // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2011. Т. 153. Кн. 5. С. 51–61.
- Сергиенко Е. А.* Модель психического как парадигма познания социального мира // Психологические исследования. 2014. №7 (36). С. 6. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1017-sergienko36.html> (дата обращения: 15.06.2015).
- Холодная М. А.* Интеллект // Когнитивная психология: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М.: Пер Сэ, 2002. С. 241–314.
- Юсупов М. Г.* О соотношении психических состояний и когнитивных процессов в учебной деятельности студентов // Образование и саморазвитие. 2009. №3. С. 211–216.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И ТРЕВОЖНОСТИ У СОТРУДНИКОВ МЧС НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

Р. И. Чувашлова (Казань)

Современного человека в повседневной жизни все чаще сопровождают стрессовые ситуации, которые, несомненно, не лучшим образом влияют на психоэмоциональное состояние личности. Возникают нагрузки на механизмы, позволяющие разрешать проблемные ситуации и снижать психологическое напряжение, возникающее в результате воздействия стрессоров. Необходимым, на наш взгляд, является рассмотреть особенность психологических механизмов защиты и копинг-поведения у лиц, занимающихся экстремальными видами деятельности, так как люди, занимающиеся именно этими видами деятельности, постоянно рискуют своим психоэмоциональным равновесием.

Недостаточность знаний об особенностях преодоления стрессовых ситуаций в экстремальных условиях явилась источником проблемы выявления взаимосвязи различных видов психологических защит, копинг-поведения, а также тревожности на примере лиц, работающих в экстремальных условиях.

Объектом исследования выступают особенности психологической защиты, копинг-поведения и тревожности.

Предметом исследования является взаимосвязь между особенностями психологической защиты, копинг-поведением и уровнем тревожности у сотрудников МЧС, находящихся на разных этапах профессионализации.

Целью исследования является выявление взаимосвязи между особенностями психологической защиты, копинг-поведения и уровнем тревожности у лиц, находящихся на разных этапах профессионализации.

Выдвинута следующая *гипотеза*: снижение уровня тревожности у сотрудников МЧС на первом этапе профессионализации связано с использованием таких копинг-стратегий, как: планирование решения проблемы и механизмом психологической защиты – замещением; низкий уровень тревожности у сотрудников МЧС на поздних этапах профессионализации связан с использованием таких копинг-стратегий, как: планирование решения проблемы и механизмов психологической защиты, а именно: дистанцирование, отрицание, замещение.

Теоретические основы представлены психозволюционной теорией эмоций и эго-защит Р. Плутчика, а также классификацией копинг-стратегий личности, предложенной Р. Лазарусом и С. Фолкман.

Методологическими основами выступили статистические методы обработки результатов, включающие вычисление коэффициентов Пирсона и Стьюдента, корреляционный и сравнительный анализ. В диагностических целях были применены следующие методики: опросник «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик); копинг-тест Р. Лазаруса, методика Спилбергера–Ханина на определение ситуативной и личностной тревожности.

В качестве испытуемых выступали лица 20–35 лет, работающие в службе МЧС. Всего в тестировании приняло участие 50 чел. Группа была поделена на две половины (по 25 чел.), критерием отбора послужил стаж работы: в первую группу вошли испытуемые со стажем работы до 5 лет, во вторую – более 5 лет.

Исследование ситуативной тревожности с использованием теста Спилбергера–Ханина показывает, что в среднем у испытуемых со стажем работы до 5 лет ситуативная тревожность больше в 1,2 раза. В исследовании личностной тревожности с использованием теста Спилбергера–Ханина было установлено, что уровень личностной тревожности у испытуемых со стажем работы до 5 лет больше в 1,3 раза.

При помощи t-критерия Стьюдента мы установили, что различия средних величин ситуативной тревожности в группах со стажем работы до 5 лет и более 5 лет являются достоверными, уровень достоверности составляет $p < 0,01$.

При помощи t-критерия Стьюдента мы установили, что различия средних величин личностной тревожности в группах со стажем работы до 5 лет и более 5 лет являются достоверными, уровень достоверности составляет $p < 0,001$.

Исходя из полученных результатов, можно сделать предположение о том, что столь значимые различия в результатах средних значений личностной и ситуативной тревожности у испытуемых со стажем работы до 5 лет и более 5 лет могут явиться следствием непродолжительной деятельности в экстремальных условиях.

Работа, связанная с экстремальными условиями, требует постоянной концентрации внимания, памяти, активизации мыслительной деятельности. Все когнитивные процессы находятся в напряжении, что не может не сказаться на психоэмоциональном состоянии личности. Долгое ожидание экстремальной ситуации повышает уровень тревожности, нервная система находится в возбужденном состоянии. У испытуемых, чей стаж составляет 5 лет и менее, ситуативная и личностная тревожность выше, чем у испытуемых, чей стаж составляет более 5 лет.

Такие результаты можно объяснить тем, что люди, работающие в данной профессии менее 5 лет, уже осознают всю серьезность данной работы, которая характеризуется постоянным риском для жизни. Возможно, высокую тревожность у людей со стажем работы менее 5 лет можно объяснить недостаточным уровнем адаптации. Возможно, в процессе профессиональной деятельности тревога преобразуется в страх, так как испытуемые на тот момент уже осознают источник своей тревожности: это может быть пожар, наводнение, землетрясение и прочие катаклизмы. Возможно, также играют роль и личностные характеристики, такие как темперамент, характер и т. д.

Низкую ситуативную и личностную тревожность во второй группе со стажем работы более 5 лет можно объяснить тем, что сотрудники, работающие более 5 лет, имеют больший опыт в данной деятельности и, следовательно, психологически готовы к различного рода экстремальным ситуациям.

На наш взгляд, немаловажную роль также играют и личностные характеристики лиц, работающих в экстремальных условиях, возможно, те из них, кто имеет уравновешенную нервную систему, продолжают работать в экстремальных условиях, а те, чья нервная система неуравновешенна, отсеиваются, не проработав и 5 лет. Еще одним значительным фактором выступает усиленная психологическая работа с лицами, трудящимися в экстремальных условиях. В группе со стажем более 5 лет

психологическая работа проводится более продолжительное время, за которое можно лучше обучиться стрессоустойчивому поведению.

Исследование защитных механизмов с использованием теста «Индекс жизненного стиля» показывает, что у испытуемых со стажем работы до 5 лет и более 5 лет по большинству шкал достоверных различий не выявляется. Данные показатели подтверждаются при помощи t-критерия Стьюдента: из всех защитных механизмов, исследованных нами, достоверные различия обнаружались лишь в одном пункте, в проекции. Уровень достоверности данного различия составляет $p < 0,01$. Различий между остальными защитными механизмами не найдено. Прямую взаимосвязь ситуативной тревожности и проекции можно объяснить особенностью личностных характеристик лиц, работающих в экстремальных условиях. По психодиагностической системе Келлермана–Плутчика, параноидальная диспозиция характеризуется отсутствием внушаемости и высокой критичностью, преобладающие эмоции – отвращение или неприятие, в качестве защиты используется механизм проекции. Параноидная личность, ощущая собственную неполноценность, защищается проекцией, которая позволяет ей этого не замечать, объектом критики становится окружающая действительность.

Литература

- Абитов И. Р.* Антиципационная состоятельность в структуре совладающего поведения: Дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2007.
- Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1.
- Волкова Н. В.* Copingstrategies как условие формирования идентичности // Мир психологии: Научно-методический журнал. 2004. № 2. С. 119–123.
- Вилюнас В. К.* Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
- Дементий Л. И.* К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. 2004. № 3.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К УПРАВЛЕНИЮ В КОНТЕКСТЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЛИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

М. Н. Шарафутдинова (Киров)

Одним из базовых факторов успешности человека в условиях современного мира как в профессиональном плане, так и в межличностных отношениях является конкурентоспособность личности. Многие авторы сходятся в том, что она является многомерным конструктом и да-

ет возможность личности быть социально и профессионально востребованной, успешной и адаптированной. По мнению А. Л. Журавлева и Д. В. Ушакова, наряду с актуальной конкурентоспособностью личности, которая представляет собой имеющуюся компетентность, наличные знания и умение их применять, следует учитывать и потенциальную конкурентоспособность, включающую совокупность индивидуально-психологических свойств, способствующих выработке и развитию актуальной конкурентоспособности (Журавлев, Ушаков, 2008). Профориентационная диагностика, проводимая чаще всего среди учащихся старших классов и помогающая в решении проблемы учебно-профессионального самоопределения (Зеер, 2003), параллельно обеспечивает выявление потенциальной конкурентоспособности личности старшеклассников в различных профессиях и жизненных обстоятельствах путем соотнесения личностной и профессиональной направленности школьника с требованиями определенных специальностей.

В качестве одного из важнейших элементов потенциальной конкурентоспособности личности мы предлагаем рассматривать психологическую готовность к управлению (ПГУ). Мы склонны полагать, что психологическая готовность к управлению – это не уже сформированные «управленческие» знания, умения, навыки, а общая предрасположенность человека к руководству собой и другими, представленная в его ценностных ориентациях (управленческих ценностях) (Низовских, Митина, Тюлькин, Дровосеков, 2012). Как может показаться на первый взгляд, данный конструкт имеет значение в большей степени для людей, занимающих руководящие должности – «управленцев» различных уровней. Однако стоит принять во внимание тот факт, что организация себя, своей жизнедеятельности и деятельности других актуальна для каждого человека и является основой успешности во многих профессиях (к примеру, педагогических, социально ориентированных специальностях).

Для изучения психологической готовности к управлению разработан тест-опросник ПГУ (Низовских, Митина, Тюлькин, Дровосеков, 2012). Теоретической основой теста ПГУ являются модель компетенций менеджера Л. и С. Спенсеров и концепция жизненных принципов человека Н. А. Низовских. Тест содержит 15 шкал в соответствии с «моделью максимальной эффективности работы для рабочей позиции менеджера» Л. и С. Спенсеров. Каждая шкала включает 10 утверждений, которые оцениваются респондентами в качестве своих жизненных принципов. Например, к Шкале 1 «Воздействие и оказание влияния» относятся такие пункты, как: «уметь влиять на людей определенными словами или действиями», «стремиться достичь уважения и признания в коллективе» и т. д. Опросник создавался в целях личностно-профессиональной диагностики менеджеров и успешно прошел проверку психометрических показателей на взрослой выборке. В настоящее время

осуществляется модификация теста для дальнейшего внедрения теста в практику профориентации (для старшего школьного возраста), в данной статье представлены результаты предварительной диагностики среди школьников при помощи «взрослого» варианта теста. В исследовании были также применены тесты: «Чертова дюжина» А. С. Прутченкова, А. А. Сиялова, Опросник на определение профессионального типа личности Г. В. Резапкиной, Опросник профессиональной готовности Л. Н. Кабардовой, Опросник профессиональных склонностей (методика Л. А. Йовайши в модификации Г. В. Резапкиной).

Особенностью теста ПГУ является то, что путем выявления управленческих ценностей (через характерные для старшеклассников жизненные принципы) и соотнесения результатов с другими личностными и профориентационными тестами можно очертить примерную картину потенциальной успешности (конкурентоспособности) школьника в той или иной сфере деятельности. В связи с данным обстоятельством мы обозначаем следующую *цель нашего исследования*: выявить особенности компонентов психологической готовности к управлению у старшеклассников как составляющей их потенциальной конкурентоспособности в профессиональном плане и межличностных отношениях.

Гипотеза исследования: компоненты психологической готовности к управлению связаны с личностной и профессиональной направленностью старшеклассников, являясь при этом составляющими потенциальной конкурентоспособности личности.

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие 95 учащихся средних общеобразовательных учреждений, из них 64 девушки и 31 юноша в возрасте от 14 до 18 лет (средний возраст – 16 лет). К сожалению, выборка не сбалансирована по полу, так как исследование проводилось в уже сформированных классах (9-м, 10-м и 11-м) и уравнивание числа юношей и девушек не представлялось возможным.

Математическими методами, применявшимися при анализе данных, выступили: анализ средних значений, критерий проверки нормальности распределения Колмогорова–Смирнова, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования и их интерпретация. Результаты исследования позволяют отметить некоторые особенности выраженности ПГУ у старших школьников. Анализ средних значений свидетельствует о том, что наиболее важными для старшеклассников являются ориентация: в мужской выборке – «Ориентация на достижение» (5,36), «Поиск информации» (5,11), «Аналитическое мышление» (5,06), «Межличностное понимание» (5,05), «Техническая экспертиза» (5,02); в женской выборке – «Межличностное понимание» (5,32), «Понимание компании и Построение отношений» (5,08), «Ориентация на достижение» (4,96), «Директивность/Настойчивость» (4,75), «Воздействие и оказание влияния» (4,73). Достоверные различия между показателями в мужской

и женской выборке обнаружены по шкалам «Аналитическое мышление», «Уверенность в себе», «Поиск информации», «Командное лидерство» и «Концептуальное мышление». По данным шкалам показатели у молодых людей выше, чем у девушек. Однако анализ средних значений позволяет говорить о том, что у девушек выраженность следующих ориентаций несколько выше, чем у молодых людей: «Межличностное понимание», «Понимание компании и построение отношений» и «Забота о порядке». Данный факт позволяет заметить, что старшеклассники ориентированы на высокие результаты своей работы, построение карьеры, общение с другими людьми и понимание их. Молодые люди уделяют много внимания анализу ситуаций, своего и чужого поведения, пополнению запаса своих знаний о мире и стремятся быть «экспертами» в своей области, а также более, чем девушки, хотят быть уверенными лидерами, целостно и системно рассматривать ситуации. Девушки же более стремятся к межличностному взаимодействию и пониманию собеседника, построению адекватных, уважительных отношений с другими и упорядочиванию окружающей их обстановки. Также девушки ориентированы на проявление настойчивости и оказание определенного влияния на других людей, что, вероятно, связано с двойственным положением современной девушки, которая, помимо традиционно «женских ценностей», теперь старается ориентироваться и на завоевание авторитета в обществе, достижение успеха и построение карьеры.

У старшеклассников было выявлено множество корреляций, составляющих ПГУ с другими личностными характеристиками и профессиональной направленностью. К примеру, обнаружена прямая значимая связь ориентации «Воздействие и оказание влияния» с истероидным типом личности, а также со склонностью к профессиональной сфере «Человек–Человек», т. е. стремление влиять на других людей связано с желанием быть в центре внимания, руководить, и, следовательно, старшеклассники выбирают профессии в сфере работы с людьми. Можно предположить, что человек, желающий занимать авторитетное место в коллективе, приложит для этого некоторые усилия и, соответственно, может быть более конкурентоспособным в сфере управления, педагогики и т. д., чем тот, кто не имеет такого стремления и не ориентирован на управленческую деятельность вовсе.

Таким образом, результаты исследования позволяют отметить, что выраженность определенных компонентов психологической готовности к управлению и их связь с другими профессиональными и личностными характеристиками способствует составлению некоторых прогнозов относительно потенциальной конкурентоспособности личности старшеклассника как будущего специалиста в той или иной сфере деятельности. Данное обстоятельство дает основание включить тест ПГУ в состав диагностического инструментария для определения потенциальной конкурентоспособности личности старшеклассников.

Литература

- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Наука–Культура–Общество. 2008. №3. С. 99–108.
- Зеер Э. Ф. Психология профессий: Учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб., доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
- Низовских Н. А., Митина О. В., Тюлькин М. С., Дровосеков С. Э. Психологическая готовность к управлению: методика исследования // Вестник ВятГГУ. 2012. №4. С. 102–109.

ОСОБЕННОСТИ ЧУВСТВА ВЗРОСЛОСТИ СОВРЕМЕННЫХ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ

Т. А. Швец (Москва)

Исследование чувства взрослости в отечественной психологии связано с именами Д. Б. Эльконина, Т. В. Драгуновой, Л. И. Божович и др. Они ввели в научный дискурс психологов и педагогов понятие чувство взрослости, определив его как отношение подростка к себе как к уже взрослому. Исходно подобные исследования были организованы как комплексное наблюдение за поведением 5-классников в течение учебного года. В результате сопоставления их социальных ситуаций развития по ряду параметров исследователи пришли к выводу, что все дети этого возраста так или иначе проявляют чувство взрослости. Сегодня термин «чувство взрослости» используется чрезвычайно широко как в теоретических, так и в практических исследованиях. Психологи и педагоги рассматривают его, с одной стороны, как новообразование возраста, в чем и заключается его позитивное значение для развития подростка, с другой – как определенную трудность возраста, которую необходимо корректировать различными путями и направлять в социально приемлемое русло. Вопрос же о психологическом содержании чувства взрослости современных младших подростков в контексте существующего в сегодняшнем обществе дискурса о взрослости и детстве (Горалик, 2008), а также стремлении детей взрослеть до сих пор не был поднят (Поливанова, 2013). Он и является основным вопросом нашего исследования.

В течение 2014–2015 гг. велось пилотажное исследование, включающее в себя проведение различных психодиагностических процедур с 5-классниками средней школы г. Лобни Московской области, направленных на диагностику различных параметров их социальной ситуации развития. В данной статье будут отражены результаты одной из таких процедур, наиболее соответствующие заявленной проблематике.

Процедура исследования. Данное исследование проводилось в форме урока – творческой мастерской по русскому языку. В нем приняло участие 26 учеников (14 – мальчиков и 12 девочек, средний возраст – 11,2 лет). Процедура исследования была следующей: учительница прочла фрагмент из юмористической книги, посвященной взрослению, затем учеников попросили разделить листок на 2 части и в левой написать достоинства взрослого возраста, а в правой – недостатки, после этого на обратной стороне требовалось написать мини-сочинение на тему: «Почему я хочу быть взрослым» или «Почему я не хочу быть взрослым». Затем по желанию ребята озвучили свои сочинения и перешли к общему обсуждению, насколько хорошо или плохо быть взрослым.

Анализ результатов исследования. Обратимся к качественному анализу сочинений на тему «Почему я хочу/ не хочу быть взрослым» и выделенным подростками достоинствам и недостаткам взрослости. Полученные тексты были разбиты на единицы вербализации, т. е. высказывания, содержащие законченную мысль. Всего было выделено 142 таких единицы, причем 63 (44,4%) принадлежат девочкам и 79 (55,6%) – мальчикам. При этом 103 (72,5%) из этих единиц описывают положительные стороны взрослости, а 39 (27,5%) – наоборот, отрицательные. Эта пропорция в целом характерна как для мальчиков, так и для девочек.

Также было проанализировано количество учеников, которые определились либо нет в отношении собственной позиции по поводу взросления. Обнаружено, что 46,2% учеников высказали свое желание «стать взрослыми», 26,9% учеников высказали обратное суждение и столько же – 26,9% со своим выбором не определились. Анализ указанного распределения с учетом пола выявил следующие результаты: большая часть девочек – 58,3% хочет быть взрослыми, четверть – не хотят взрослеть, и не определились со своим выбором лишь 16,7%. В то же время у мальчиков наблюдается другая картина: равное количество мальчиков – 35,7% либо хотят стать взрослыми, либо не могут определиться со своим выбором, и чуть меньшее количество – 28,6%, взрослыми становиться не хотят. Таким образом, мальчики продемонстрировали большую неопределенность в желании стать взрослыми, нежели девочки.

Обнаружено, что в своих сочинениях учащиеся пользовались тремя стратегиями: ребята указывали либо только негативные стороны взрослости для обоснования своего нежелания становиться взрослыми; либо, наоборот, позитивные – в подтверждение желания быть взрослыми; либо указывали и те и другие стороны с последующим выводом о том, стремятся ли они повзрослеть. Получилось, что мальчики чаще используют третью из описанных стратегий, проявляя меньшую категоричность и большую неопределенность в отношении собственного желания становиться взрослым и его обоснования. Однако следует обратиться к анализу содержания категорий и понятий, которые ис-

пользовали дети, с тем чтобы понять, действительно ли девочки более однозначны в своих суждениях.

Всего в сочинениях ребят выявлено 142 вербализации. Далее одинаковые и синонимичные единицы были объединены – получилось 94 единицы анализа. Затем они были сведены к 23 категориям при участии экспертов, которыми явились 3 педагога из школы ребят: один из них учитель начальной школы, бывший классный руководитель ребят, второй – социальный педагог, также формулировать и обобщать категории помогала учительница русского языка, которая и проводила данный урок.

Нами была проанализирована частота употребления данных категорий мальчиками и девочками. Среди тех причин, которые указывали девочки, обосновывая свое нежелание быть взрослыми, были названы отказ от радостей детства, бо льшая ответственность, много работы и обязанностей. А мальчики называли необходимость работать, потерю радостей детства (особенно игр), большое количество обязанностей и забот о близких. В то же время девочки хотят взрослеть, потому что им нравится чувствовать свою самостоятельность, они хотят иметь свою семью и детей и заботиться о них. А мальчики хотят взрослеть, потому что у них будут свои деньги, свой автомобиль и своя семья.

Следует сказать, что среди 23 полученных с помощью экспертов категорий 11 могут быть отнесены только к обоснованию желания взрослеть, 4 – нежелания и 8 – это те категории, содержание которых может обосновывать либо ту, либо другую тенденцию. В результате сопоставления полученных данных было обнаружено, что и девочки, и мальчики, в подтверждение своего нежелания взрослеть, реже пользуются однозначными категориями, чаще – амбивалентными. Но, что касается желания взрослеть, то мальчики чаще пользуются однозначными категориями, в то время как девочки используют примерно равное количество амбивалентных и однозначных.

Таким образом, получается, что на вопрос о том, хотят ли они взрослеть, девочки отвечают более определенно, используя стратегию однозначного ответа на вопрос. Однако при этом используют для обоснования своего ответа менее категоричные основания, предпочитая амбивалентные термины. Мальчики же, в свою очередь, чаще используют для обоснования желания взрослеть более однозначные категории, но сам ответ строят менее решительно, описывая и положительные, и отрицательные стороны взросления.

Обратимся теперь к качественному анализу тех черт взрослости, которые ребята относили к ее «плюсам» или «минусам». Зафиксировано большее количество описаний «достоинств быть взрослым», нежели «отрицательных» сторон (105 описаний против 63). Причем это характерно как для мальчиков, так и для девочек, хотя девочки чуть больше давали «положительные» описания. Для сравнения результатов с выска-

званиями самих ребят относительно желаний становиться взрослей, все проанализированные единицы вербализации также были сведены к вышеописанным категориям.

Получилось, что девочки к достоинствам взрослости отнесли, в первую очередь, возможность иметь свои деньги, создать свою семью и завести детей, а также быть самостоятельными. Мальчики же основным достоинством взрослой жизни видят отсутствие школы и возможность работать. К недостаткам взрослости девочки отнесли большое количество обязанностей и необходимость работать, а мальчики – потерю радостей детства, особенно игр, множество трудностей и необходимость много работать.

Перспективой дальнейших исследований в данной области может являться выявление тех параметров социальной ситуации развития современных младших подростков, которые определяют становление их чувства взрослости. Такими параметрами могут быть семейные обстоятельства, трудоустроенность близких взрослых, социальный статус, внутрисемейные ценности, с одной стороны, а также психологические и личностные характеристики самих подростков (например, такие как характерологические особенности, уровень рефлексии, широта временной перспективы, уровень мотивации достижения, способности к саморегуляции и возможности совладания с трудными жизненными ситуациями подростков).

Литература

- Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.
- Горалик Л.* Маленький принц и большие ожидания. Новая зрелость в современном западном обществе // Теория моды. 2011. №8. URL: http://linorgoralik.com/little_prince.htm (дата обращения: 28.06.2015).
- Поливанова К. Н.* Новое детство: вызов культурно-исторической теории? // У истоков развития: Сборник научных статей / Ред. Л. Ф. Обухова, И. А. Котляр (Корепанова). М.: МГППУ, 2013. С. 128–133.
- Эльконин Д. Б., Драгунова Т. В.* Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков. М.: Просвещение, 1967.

НОРМЫ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДОБРАЧНЫЙ ПЕРИОД, ТРАНСЛИРУЕМЫЕ СМИ

Д. А. Шмидт (Москва)

Цель и гипотеза исследования. В данной статье представлены результаты поискового исследования, целью которого является анализ ценностей в отношении поиска партнера, транслируемых популярными СМИ.

Гипотезы исследования. 1. Женские и мужские популярные издания транслируют различный набор ценностей. 2. В целом данные различия укладываются в распространенные общественные стереотипы (например, о том, что женщины более ориентированы на брак, нежели мужчины, или о том, что женщины «любят ушами», а мужчины – «глазами»). 3. Многие из ценностей, транслируемых СМИ, оказывают негативное влияние на формирование установок молодежи в отношении поиска партнера.

Проведенное исследование базировалось на следующих теоретико-методологических принципах и подходах: теории социального обмена Дж. Хоманса (Хоманс, 1984), теории базовых и инструментальных ценностей Рокича (Рокич, 1974) и поколенном подходе при анализе ценностных ориентаций, описанный В. В. Гаврилюк, Н. А. Трикоз (Гаврилюк, Трикоз, 2002).

Характеристики выборки. В поисковом исследовании применялся метод контент-анализа статей, опубликованных в интернет-версиях журналов «Cosmopolitan» и «Maxim». Выбор изданий обусловлен характеристиками тиража, объема аудитории* и географии распространения. В ходе исследования было проанализировано 10 статей, по 5 в каждом издании. Выбор статей осуществлялся из числа последних публикаций (для «Cosmopolitan» это статьи, вышедшие в период с апреля по июнь 2015 г., для «Maxim» – с декабря 2013 по апрель 2015 г.), соответствующих тематикам: 1) советы по знакомству с противоположным полом; 2) советы по налаживанию взаимоотношений с партнером.

Методы, применявшиеся при анализе данных. Контент-анализ статей представлял собой выделение смысловых единиц, характеризующих представление о гендерных взаимоотношениях. Смысловые единицы затем объединялись в блоки для конструирования социальных представлений о нормах гендерных отношений в добрачный период.

Результаты и их интерпретация. Исследования выявили наличие нескольких групп декларируемых ценностей. На первое место выходит группа индивидуалистических ценностей, которые, согласно М. С. Каган, находятся на одной из низших ступеней в классификации ценностей (Каган, 1997). К их числу можно отнести свободу и независимость, наличие личного пространства, отдых от партнера, удовлетворение сексуальных потребностей, а также недопущение вмешательства в отношения третьих лиц (родителей, друзей). Данная группа ценностей с одинаковой частотой транслировалась и в женском, и в мужском издании.

На втором месте находится «проектный подход»: характеристика гендерных отношений как проекта со своими целями, задачами и эта-

* По данным компании TNS, за период с сентября 2014 по февраль 2015 г. журналы «Cosmopolitan» и «Maxim» занимают первые места среди женских и мужских изданий соответственно с размером аудитории – 4 598,0 тыс. и 1 696,9 тыс. чел. соответственно (или 7,6 % и 2,8 % населения России).

пами, оцениваемого критериями эффективности. В женском издании этот подход встречался в 2,5 раза чаще, в частности, делался акцент на важности рефлексии (в противовес чувствам) и анализа совместности с партнером.

На третьем месте находится группа ценностей, которые можно назвать «союзническими»: крепкий и долгий союз, равноправие и уважение к чувствам партнера, открытость, готовность к компромиссу. Гендерных различий здесь не выявлено.

Четвертую группу составляют ценности гармонии, в отличие от предыдущей категории, они направлены не на партнера, а на встраивание человека в окружающий мир. Сюда можно отнести признание неидеальности себя и партнера, создание иллюзии счастья и удовлетворения, самооценку чувственных отношений. Эти ценности чаще транслировались в женском издании.

При анализе преобладающих ценностей важно помнить об их относительности. По мнению В. А. Барьядаевой, все конкретные ценности относительны, но данная относительность имеет определенные ограничения, «которые накладываются на них объективной природой оцениваемых предметов, с одной стороны, и актуальными конкретными потребностями людей – с другой» (Барьядаева, 2009, с. 86).

Процесс общения мужчин и женщин несколько чаще характеризовался с позитивной, нежели с негативной стороны. В числе позитивных характеристик общения на первое место выходит блок, посвященный впечатлениям (радость, улыбки, интерес), в мужском издании на нем делается больший акцент. Второе место разделяют чувственная сторона общения (умиление, нежность, счастье), а также различные характеристики близости (раскрепощение, доверие, понимание, нежелание разделяться с партнером), которые чаще упоминались в мужском издании, где делался акцент на лексемах «счастье», «близость», «общность».

На второе место также выходит характеристика идеальности (партнера, отношений), которая встречалась во всех статьях журнала «Cosmopolitan» и только в одной статье «Maxim».

Отсутствие гендерных различий наблюдается в отношении блоков характеристик комфортности (спокойствие, бережливое отношение к партнеру) и ответственности (честность, серьезность), которые по числу упоминаний находятся на третьем месте.

Рассмотрим негативные характеристики процесса общения. На первое место выходит блок, посвященный агрессии (ссоры и конфликты, борьба за влияние и право определять образ жизни, запреты и принуждения). Он чаще упоминался в мужском издании с акцентом на таких смысловых единицах, как «ссора», «спор», «унижение». В женском журнале чаще встречались лексемы, характеризующие боязнь («страх», «пугать»).

На втором месте находятся характеристики неискренности («лицемерие», «двойная игра», «ревность», «измена»), эти смысловые едини-

цы в пять раз чаще встречались в журнале «Cosmopolitan». Отсутствие гендерных различий характерно для блока проблем, связанных с разочарованием и раздражением. Лексические единицы «проблема» и «испытание» в два раза чаще упоминались в женском издании.

Наблюдается паритет в отношении добрачных наименований мужчин и женщин (20 и 17 различных лексем соответственно), однако если наименования мужчин с одинаковой частотой встречались и в «Cosmopolitan», и в «Maxim» (наиболее популярные – «кавалер», «мужчина», «любимый человек», «спутник жизни»), то женские в четыре раза чаще упоминались в журнале «Maxim» (наиболее популярные – «девушка», «барышня», «девица»). Лексема «женщина», встречающаяся так же часто, как «барышня», оказалась более предпочтительной для журнала «Cosmopolitan».

Что касается наименования ролей в образе идеального будущего, то женское издание делает акцент на таких лексических единицах, как «партнеры», «пара», а мужское – «семья», «супруги», «брак», что ставит под сомнение распространенный миф о том, что мужчины больше нацелены на «легкие» взаимоотношения, а женщины – на создание семьи.

Результаты поискового исследования позволяют сделать вывод о том, что гипотеза 1 о различии ценностей, транслируемых мужскими и женскими изданиями, подтвердилась лишь отчасти. По ключевым ценностям – индивидуалистическим – различий не наблюдается, другие группы ценностей: «проектный подход» и «союзнические ценности» – чаще транслировались женской аудиторией.

Гипотеза 2 о соответствии транслируемых ценностей и характеристик гендерных отношений распространенным общественным стереотипам не подтвердилась: мужская аудитория чаще читает о создании семьи, а необходимость вербального общения одинаково декларировалась и в мужском, и в женском издании.

Гипотеза 3 о негативном влиянии на формирование стратегий поведения молодежи подтверждается: на первое место выходят индивидуалистические ценности, а также характеристики взаимоотношений с точки зрения впечатлений, а не близости и взаимоуважения.

Небольшая выборка не позволяет говорить о данных выводах как об окончательных. Для их подтверждения необходимо продолжить исследование, дополнив его материалами других популярных изданий. Кроме того, дальнейшее развитие исследования представляется в виде обсуждения наиболее показательных статей (или отрывков из них) с целевой аудиторией, что позволит проанализировать восприимчивость представителей молодежи к материалам СМИ.

Литература

Барьядаева В. А. К вопросу о ценностях и их классификация // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 6. С. 84–88.

Гаврилюк В. В., Трикоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 96–105.

Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997.

Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 82–91.

Rokeach M. The Nature of Human Values. N. Y.: Free Press, 1973. P. 304.

ИНСАЙТНОЕ РЕШЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЛИЯНИЯ ЭМОЦИЙ ПРОТИВ ПОДАВЛЕНИЯ СОЗНАТЕЛЬНОГО КОНТРОЛЯ*

А. В. Штыхина (Ярославль)

Одна из важнейших проблем инсайта – проблема специфичности его механизмов. Проблема влияние настроения на решение мыслительных задач не имеет единого решения – имеется несколько подходов. Шварц и Клор (Schwarz, Clore) предложили модель когнитивной настройки – настроение «информирует» организм о состоянии окружения в данный момент. При отрицательном настроении улучшается работа аналитического мышления. Согласно модели «эмоция как информация» Мартина с соав. (Martin et al., 2003), влияние настроения опосредствуется определенными стратегиями выполнения заданий. Хирт с соавт. (Hirt et al., 2008) попытались объяснить связь между эмоциями и креативностью с помощью гедонистической теории: в положительном настроении люди стараются быть более креативными, так как получают больше удовольствия от работы. По мнению Айзен, положительное настроение повышает когнитивную гибкость и способствует большей разработанности воспринимаемого и хранящегося в памяти материала. Кауфманн и Восбург (Kaufmann & Vosburg, 1997) предположили два типа стратегий, определяющих влияние настроения на творческое мышление.

Один из способов индуцирования эмоций – использование эмоционального дистрактора. Этот метод был использован Кристьянсеном и коллегами (Kristjansson, Oladottir, Most, 2012) при исследовании зрительного поиска. Их эксперимент заключался в предъявлении зрительного дистрактора между поисками. Они пришли к выводу, что эмоциональные стимулы выступают как регуляторы в работе сознательного и бессознательного мышления. Данная работа является продолжением двух проведенных экспериментов.

Целью исследования выступало определение специфики работы когнитивной системы в решении мыслительных задач при использовании эмоционально окрашенного стимульного материала.

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-330080.

Главной *гипотезой* для всех экспериментов стало утверждение: существует зависимость между эмоциональной окрашенностью стимульного материала и решением инсайтных задач.

Эксперимент 1

Гипотеза эксперимента. Негативные стимулы уменьшают время решения инсайтных задач.

Методика исследования. В исследовании использовались зрительные дистракторы трех типов (продуцирующие позитивные, негативные, нейтральные эмоции) и задачи двух типов (инсайтные, комбинаторные). При решении задач обоих типов, каждые 10 с предъявлялся стимул определенной эмоциональной окраски для создания эмоции, который требовалось сразу оценить.

Результаты. Мы не получили статистически значимых результатов $F(2,2)=1,48$, $p=0,23$. Время решения задания не будет различаться при воздействии стимулов разных типов.

Эксперимент 2

Гипотеза. Негативные стимулы уменьшают время решения инсайтных задач.

Методика исследования. Испытуемому предлагалось решать те же задачи, что и в первом эксперименте, но перед этим требовалось оценить ряд картинок, отражающий одну эмоцию, на предмет вызова эмоционального состояния. Далее испытуемому предлагалось оценить свое эмоциональное состояние.

Результаты. Произошло действительное индуцирование эмоционального состояния в результате предъявления стимульного материала. Позитивные эмоции=0,83 (идеал=1); нейтральные=0,61 (идеал=0,5); негативные=0,05 (идеал=0). Любые задачи при негативном условии решаются значимо быстрее. Выявлены достоверные различия $F=39,97$, $p=0,00$. При воздействии негативного стимула задачи решаются значимо быстрее.

Эксперимент 3

Гипотеза. Существует зависимость между порядком предъявления эмоционального стимула и решением задач.

Выборка. В исследовании приняло участие 32 испытуемых разного возраста и пола: 17 мужского и 15 женского; в средний возраст составил 19,5 лет.

Методика исследования. Как и в предыдущих исследованиях, мы использовали зрительные дистракторы (позитивные, негативные) и задачи двух типов (инсайтные, комбинаторные). В отличие от предыдущих экспериментов зрительный дистрактор предъявлялся на 3 с на протяжении всего времени решения каждые 5 с.

Для эксперимента было отобрано 8 задач, использованных в предыдущих экспериментах (среднее время решения – 180 с). Время решения было предварительно разделено на три этапа по 60 с каждый. Использовались три типа условий: негативный–позитивный, позитивный–негативный–позитивный, позитивный–негативный. Различия между условиями заключаются в порядке предъявления стимулов. Например, при условии «позитивный–негативный–позитивный» позитивный и негативный стимулы предъявляются в соответствующем порядке в течение 1 мин – 60 с, после до решения задачи предъявляется позитивный стимул.

Результаты. По результатам проведенного эксперимента, оценка эмоционального состояния оказалась независимой от типа условия: $F=0,16$, $p=0,86$ – средняя оценка эмоциональных состояний равна – 0,6 (0,5 – идеальное нейтральное). Самоотчет испытуемых часто соответствовал утверждению «Быстро решил задачу – поставлю высокую оценку, долго решал – слишком сложная – низкая оценка». Испытуемые оценивали свое состояние, игнорируя эмоциональные стимулы, основываясь лишь на скорости решения и простоте задачи. При этом частой фразой у испытуемых оказалось «интересная задача, мне нравится, ее интересно решать», именно в этом случае испытуемые практически всегда ставили эмоциональному состоянию наивысшую оценку. Кроме того, испытуемые говорили, что спустя время дистрактор переставал быть для них значимым, они его не замечали, но это не опровергает мысли, что восприятие их могло происходить на бессознательном уровне.

В случае зависимости времени решения задач от типа условия, был получен значимый результат $F=3,67$, $p=0,02$ ($p<0,05$). Время решения зависит от типа условия. Задачи обоих типа решаются быстрее при условии «позитивный–негативный», дольше при условии «негативный–позитивный».

Зависимость времени решения от типа условия оказывается незначимой при разделении типов задач: $F=0,91$, $p=0,4$. Если учитывать тип задачи (инсайтная/алгоритмизированная), то тип условия не влияет на время решения задачи.

Обобщающий анализ

Объяснить такой результат можно с помощью теории Сандры Расс (Russ, 1999). Она выделила пять параметров эмоциональности, важных для творчества, среди которых были удовольствие от столкновения с проблемой и удовольствие от процесса разрешения проблемы. В соответствии с самоотчетом испытуемых они решали быстрее, когда получали удовольствие от задачи. Кроме того, среднее время решения изменилось, мы брали задачи со средним временем решения, равным 180 с, в нашем эксперименте среднее время решения оказалось равным 300 с. Т. е. воздействие происходило не на стадию инкубации в первом случае.

В дальнейшем мы проведем дополнительную серию, изменив время предъявления стимулов, исходя из среднего времени решения, полученного в данной серии, чтобы проверить роль воздействия на стадии инкубации.

Литература

- Любарт Т., Муширу К., Торджман С., Зенасни Ф. Психология креативности. М.: Когито-Центр, 2009.
- Люсин Д. В. Влияние эмоций на креативность // Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 372–389.
- Kristjansson A., Oladottir B., & Most S. B. “Hot” Facilitation of “Cool” Processing: Emotional Distraction Can Enhance Priming of Visual Search // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. Advance online publication. URL: doi: 10.1037/a0028683 (дата обращения: 20.05.2015).
- Russ S. W. Affect, creative experience and psychological adjustment. Philadelphia: Brunner/Mazel, 1999.
- Schwarz N., Clore G. L. How do I feel about it? The informative function of affective states / K. Fiedler, J. P. Forgas (Eds) // Affect, cognition and social behavior. Toronto, Ontario, Canada: Hogrefe & Huber, 1988. P. 44–62.

СВЯЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ С ЦЕННОСТНЫМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ РЕЦИПИЕНТА

З. Я. Эфендиев (Баку, Азербайджан)

В связи с большой практической значимостью исследований, проведенных для изучения механизмов речевого воздействия, достаточное большое количество. Но, несмотря на это, некоторые особенности механизмов речевого воздействия не попадают в фокус внимания исследователей. И, как нам представляется, изучение этих особенностей могло бы привести к увеличению эффективности использования данного вида воздействия, кроме этого, стать объяснением немаловажных теоретических вопросов. Одной из таких особенностей является учет ориентировки в личностных ценностях (или же в ценностных ориентациях) реципиента при осуществлении речевого воздействия.

Цель исследования: изучить связь ценностных ориентаций личности с эффективностью речевого воздействия.

Гипотеза исследования. Особенности ценностных ориентаций и волевой саморегуляции значимо коррелирует с улучшением выполнения учебных заданий, обусловленным речевым воздействием.

Участники исследования. В исследовании приняли участие студенты второго и третьего курса психологического факультета Бакинского

филиала МГУ им. М. В. Ломоносова. Общее количество испытуемых было 36, в возрасте от 17 до 22 лет. Из них 6 мужского и 30 женского пола. В экспериментальной группе – 16 чел., в контрольной – 20 чел.

Процедура исследования. Исследование состояло из четырех этапов.

- I. Заполнение методик для диагностики ценностных ориентаций всеми респондентами.
- II. Выполнение контрольной работы, о которой испытуемые были предупреждены за день. Фиксировалась успешность выполнения контрольной работы (процент выполненных заданий и полученная оценка).
- III. Испытуемые были случайным образом (исходя из возможностей учебного процесса) разделены на две группы: контрольная и экспериментальная группа. Контрольная группа, так же как и на втором этапе, выполняет контрольную работу (будучи предупрежденными о ее проведении). Экспериментальная группа за день до выполнения контрольной работы подвергалась речевому воздействию (текст воздействия представлен в Приложении 1). Фиксировалась успешность выполнения контрольной работы в контрольной и экспериментальной группе.
- IV. Заполнение методик для диагностики мотивационно-волевой сферы участниками исследования (и контрольной, и экспериментальной групп).

Методики. Были использованы следующие методики: «Ценностные ориентации» М. Рокича, Ценностный опросник Ш. Шварца, «Самооценка силы воли» Н. Н. Обозов, «Хакемп» Ю. Куля.

Результаты исследования. В ходе исследования мы предполагаем, что речевое воздействие окажет различное влияние, в зависимости от ценностных ориентаций и волевых детерминант у респондентов. Сопоставление результатов выполнения заданий у контрольной и экспериментальной группы может нам указать на значимые или незначимые различия. Мы предполагаем, что различия могут оказаться незначимыми ввиду того, что универсальное речевое воздействие не может оказать одинаковый эффект в рамках большой аудитории. Однако мы должны проверить наше предположение. Для этого результаты выполненных работ (количество выполненных заданий) мы переводим в проценты, чтобы посмотреть результативность выполнения заданий относительно общей успеваемости группы, а не от абсолютного числа заданий, которые предъявлялись испытуемому для решения.

С целью оценки роли речевого воздействия на эффективность написания контрольной работы был проведен дисперсионный анализ с повторным измерением. Где межгрупповыми факторами выступали наличие (экспериментальная группа) и отсутствие (контрольная груп-

па) речевого воздействия, а внутригрупповыми факторами – первая и вторая контрольные.

По результатам дисперсионного анализа с повторным измерением, мы получили, что речевое воздействие не оказало значимого влияния на результативность контрольных работ. Как мы и предполагали, это может быть обусловлено тем, что речевое воздействие оказывает различное влияние на поведение испытуемых, исходя из их индивидуальных особенностей. Поэтому, чтобы оценить, чем отличаются испытуемые, которые оказались устойчивыми от тех, на кого речевого воздействие оказало положительное влияние, мы провели частотный анализ разницы результативности выполнения первой и второй контрольной работы (выраженный в процентилях) и выделили значения процентилей, которые делят нашу выборку на три части: 1) улучшение результатов (8 испытуемых); 2) константность результатов (4 испытуемых); 3) ухудшение результатов (у испытуемых).

С целью проверки наших основных гипотез, после разделения испытуемых на три группы в *экспериментальной группе*, мы провели корреляционный анализ методом Спирмена между показателем разницы результативности выполнения контрольных работ и шкалами методик, направленных на диагностику ценностных ориентаций (методики ЦО М. Рокича и ЦО Ш. Шварца) и волевой регуляции (методики НАКЕМР Ю. Куля и ССВ Н. Н. Обозова) для первой группы испытуемых (улучшение результатов). Значимые корреляции были найдены по следующим шкалам: Любовь (% реализованности) ($R_s=0,758^*$), Аккуратность – ранг ($R_s=0,849^{**}$), Высокие запросы – ($R_s=0,758^*$), Исполнительность – % реализованности ($R_s=0,909^{**}$), Эффективность в делах – % реализованности ($R_s=0,759^*$), Власть: ресурсы – % реализованности ($R_s=0,728^*$), Безопасность: общественная ($R_s=0,944^{**}$), Благожелательность: чувство долга ($R_s=0,885^{**}$), Благожелательность: чувство заботы ($R_s=0,822^*$). Значимых результатов корреляции у второй (константность результатов) и третьей группы испытуемых (ухудшение результатов) не было обнаружено (как мы предполагаем, из-за недостаточного количества испытуемых в данных подгруппах).

С целью показать, что выделенные выше ценностные ориентации, связанные с улучшением результативности контрольных работ, являются специфическими именно в ситуации речевого воздействия, мы провели аналогичный корреляционный анализ с подгруппой из контрольной выборки. Значимые корреляции были найдены по следующим шкалам: Наличие хороших и верных друзей – % реализованности ($R_s=-0,791^*$), Благожелательность чувство долга ($R_s=-0,717^*$).

Как выяснилось, по результатам сравнения данных корреляционного анализа, в группе улучшивших результат между контрольной и экспериментальной группой только одна шкала есть и в экспериментальной, и в контрольной группе (благожелательность: чувство долга).

Однако различный знак корреляции: в экспериментальной группе положительная корреляция, а в контрольной отрицательная корреляция, не позволяет нам исключать эту переменную из дальнейшего анализа отличительных особенностей испытуемых, которые способствовали повышению результатов (обусловленных речевым воздействием). Таким образом, найденные корреляции результативности (обусловленной речевым воздействием) с ценностными ориентациями, на основании отсутствия подобных в контрольной группе, доказывают специфичность найденных в исследовании экспериментальной группы связей ценностных ориентаций с результативностью выполнения работ именно в силу наличия речевого воздействия.

С целью оценки вклада ценностных ориентаций в изменение результативности написания курсовых работ в экспериментальной группе, была построена регрессионная модель. Уравнение регрессионной модели имеет следующий вид: 1) Изменение результативности = $124,5 - 1,27 * \text{любовь} - 1,18 * \text{аккуратность} - 0,86 * \text{исполнительность} - 3,78 * \text{власть: ресурс} - 3,74 * \text{благожелательность: чувство заботы}$. R-квадрат модели составляет 0,695 ($F=4,54$, при $p=0,02$).

Проинтерпретировать, почему именно какие-то конкретные ценности связаны с эффективностью речевого воздействия, очень сложно. Особенно те ценностные ориентации, которые выявлены с помощью методики ЦО М. Рокича, так как в данной методике респондент непосредственно оценивает предложенные ценностные ориентации, поэтому важно знать, какие значения придаются в данной культуре к этим ценностям, что, в свою очередь, требует проведения непростого психо-семантического исследования. Кроме этого, для этой интерпретации необходимо провести анализ текста речевого воздействия.

Ввиду изначального понимания такой сложности, мы и не ставили перед собой такую задачу. Основной нашей целью было показать, связана ли эффективность речевого воздействия с особенностями ценностных ориентаций и волевых качеств. Что и было показано в результатах проведенного исследования.

Таким образом, схема исследования и полученные результаты говорят в пользу существования специфических ценностных ориентаций, которые способствуют эффективному речевому воздействию (методом мотив-донор – Кабаченко, 2000) улучшать показатели результативности выполнения контрольных учебных заданий.

Литература

Кабаченко Т. С. Методы психологического воздействия: Учеб. пособие. М.: Педагогическое общество России, 2000.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ВКЛЮЧЕНИЯ ДЕТЕЙ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ В ИНКЛЮЗИВНЫЕ КЛАССЫ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Т. А. Юдина (Москва)

Концепция инклюзивного образования основана на социальной модели отношения к другим. Эта модель предполагает изменение институтов общества таким образом, чтобы они содействовали включению в активную социальную жизнь другого (человека иной расы, вероисповедания, культуры, человека с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ)). При этом подразумевается такое изменение социальных институтов, чтобы включение других в жизнь общества соответствовало интересам всех его членов, а также содействовало развитию их способности к самостоятельной и полноценной жизни, обеспечению равенства прав всех членов общества и т. д. (Алехина, 2013).

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» зафиксировано официальное определение инклюзивного образования – обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся, с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей.

На современном этапе, когда в нашей стране утверждены федеральные стандарты образования обучающихся с ОВЗ, перед школой стоит задача обеспечить достижения образовательных результатов при обучении любого ребенка. Тем не менее, реализация принципов инклюзии в практике российского образования сталкивается с рядом трудностей. В первую очередь речь идет о психологических «барьерах» восприятия людей с ОВЗ и отсутствии социального опыта взаимодействия с ними у здоровых сверстников (Алехина, 2015).

Целью данной работы является исследование психолого-педагогических условий включения детей с интеллектуальными нарушениями в коллектив сверстников при совместном обучении в начальной школе. Гипотеза исследования: социально-психологический статус включаемого ребенка с интеллектуальными нарушениями связан с отношением к нему педагога.

Для исследования социально-психологического статуса включаемых младших школьников и отношения педагогов были использованы следующие методы: 1) социометрия; 2) цветовой тест отношений; 3) проективный рисуночный метод; 4) интервью; 5) критериально-ориентированное наблюдение.

Выборку исследования составили 117 учащихся 2–4 классов московской инклюзивной школы в возрасте от 7 до 11 лет и шесть педагогов начальных классов с педагогическим стажем от 1 до 25 лет. В каждом из шести обследованных инклюзивных классов учится один ребенок

с интеллектуальными нарушениями (с синдромом Дауна). В одном из третьих классов учатся два таких ребенка.

Учителя четырех классов из шести считают, что включаемые дети воспринимают учебу как серьезную деятельность. Педагоги отмечают позитивную динамику в развитии включаемых детей. По их мнению, успешному включению детей с интеллектуальными нарушениями в коллектив сверстников мешают застенчивость, специфическая внешность, неумение включаемых детей удерживать границы в общении и расхождение в возрастном развитии с одноклассниками. Перечисляя характеристики учеников, помогающие включению в коллектив одноклассников, учителя называют как личные качества (доброта, общительность, чувство юмора, отзывчивость), так и навыки (хорошо танцует, рисует и т. д.), которые способствуют социализации и установлению дружеских связей не только у детей с интеллектуальными нарушениями, но и у нормативно развивающихся сверстников.

По свидетельству учителей, младшие школьники не поддерживают те игры, которые не соответствуют их возрастным интересам, но при этом находят общие виды совместной деятельности и готовы гибко адаптировать их к возможностям включаемых детей с интеллектуальными нарушениями.

Анализ содержания рисунков показывает, что учитель является эмоционально значимым лицом для младших школьников, что свидетельствует в пользу нашей основной гипотезы. При этом наблюдаются заметные различия между классами по количеству рисунков, на которых присутствует фигура учителя, что говорит о различиях в отношении учеников к учителям. Многие ученики изобразили на рисунках себя. А вот включаемые дети с интеллектуальными нарушениями представлены на рисунках от 0% до 25% одноклассников. Это свидетельствует о том, что отношения с включаемыми детьми не являются эмоционально насыщенным и значимым сюжетом для большинства младших школьников.

На основе анализа результатов социометрической структуры шести инклюзивных классов обнаружено, что во всех классах учащиеся с интеллектуальными нарушениями имеют среднестатусную позицию. Ни в одном из обследованных классов они не занимали «звездных» позиций, но также и не становились «изгоями». При этом обнаружены статистически значимые различия между классами по социометрическому статусу включаемых учеников.

Во всех классах число одноклассников, которые относятся к включаемым детям положительно или нейтрально, больше, чем число одноклассников, эмоционально отвергающих включаемых детей. По результатам корреляционного анализа данных, обнаружено, что в начальных классах два компонента отношения сверстников к включаемым детям с интеллектуальной недостаточностью: осознанное вербализованное отношение и неосознанное эмоциональное отношение – согласуются между собой.

Как показано в исследованиях Е. А. Сергиенко (Герасимова, Сергиенко, 2005), в младшем школьном возрасте наблюдается существенная динамика понимания детьми обмана. Поэтому отношение к включаемым детям с интеллектуальными нарушениями, которые педагоги транслируют как социальную норму, а также их неосознанное отношение к этим детям становятся значимыми факторами, определяющими социально-психологический статус включаемых детей в коллективе сверстников.

Педагоги шести обследованных инклюзивных классов эмоционально принимают детей с интеллектуальной недостаточностью, знают особенности их развития. Тем не менее, количественный анализ данных наблюдения на уроках позволил увидеть существенные различия по количеству и разнообразию репертуара практических действий педагогов, направленных на включение детей с интеллектуальными нарушениями в общеобразовательный процесс. Не обнаружено связи между педагогическим стажем и количеством и репертуаром действий учителей по включению учеников с интеллектуальными нарушениями.

Обнаружена статистически значимая отрицательная корреляционная связь между разнообразием репертуара действий учителей по включению детей в общеобразовательный процесс и процентом одноклассников, которые эмоционально отвергают включаемых детей, что подтверждает нашу гипотезу о связи между социально-психологическим статусом включаемых младших школьников в инклюзивных классах и отношением к ним педагогов.

Литература

- Алехина С. В. Педагог инклюзивной школы. Новый тип профессионализма // Образование в Кировской области. 2015. № 1. С. 13–20.
- Герасимова А. С., Сергиенко Е. А. Понимание обмана детьми 5–11 лет и становление «модели психического» // Психологический журнал. 2005. № 1. С. 56–70.
- Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография / Отв. ред. С. В. Алехина. М.: МГППУ–Буки Веди, 2013.

СФОРМИРОВАННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ КАК ИСТОЧНИК СЧАСТЬЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Д. А. Юнусова (Казань)

В современном мире повышенного стресса и учащающихся депрессий очень важно вспомнить о счастье, как о важнейшей составляющей жизни человека. С древнейших времен люди стремились к удовольствию и наслаждению в жизни, быту, профессиональной деятельности.

Для каждого человека счастье субъективно и выражается по-разному: для кого-то – это семья или личное благополучие, для кого-то – карьера или служение обществу. Но неизменно одно: о счастье мечтают все, в какой бы оно форме ни выражалось.

В 1930-е годы стали возникать первые эмпирические исследования, посвященные проблеме счастья (Watson, 1930; Hartmann, 1934; Symonds, 1937). В конце 1990-х годов, главным образом по инициативе американского психолога Мартина Селигмана и его коллег Дж. Вейланат, Э. Динера и М. Чиксентмихайи и др., возникла новая отрасль психологического знания – позитивная психология, основным направлением исследования которой стало счастье. Стоит отметить, что до сих пор нет единых, принятых всеми определений и теорий счастья.

Философы древнего мира делились на два течения – аскетисты и гедонисты. Первые считали, что счастливым можно стать, лишь отказываясь от удовлетворения потребностей, так как человеческие потребности бесконечны. Гедонисты, наоборот, видели счастье в удовлетворении абсолютно всех потребностей. Данные подходы были объединены в учение о «золотой середине» (Аристотель, Монтень, Декарт и др.), позднее счастье стали рассматривать как продукт сознания, т. е. человек счастлив, когда считает себя таковым (Аврелий, I век н. э.).

В настоящее время теории счастья можно подразделить на группы: теории деятельности, сравнения, наслаждения и боли, телические, ассоцианистские и восходящая и нисходящая теории.

В основе теорий деятельности лежат представления о счастье как о составляющей деятельности человека. Согласно теориям сравнения, человек постоянно сравнивает существующие обстоятельства с определенным стандартом, от которого зависит, будет он испытывать удовлетворенность жизнью или нет. Данный стандарт может изменяться с течением жизни индивида. Представители теорий наслаждения и боли утверждают, что чувство удовлетворенности находится в прямой зависимости от силы желаемого: чем сильнее что-то необходимо, тем сильнее будет удовлетворенность по достижении цели. Нисходящая теория утверждает, что основополагающей для счастья является установка человека на мир и ее характер. Восходящая теория, наоборот, утверждает, что счастье связано с увеличением счастливых событий в жизни индивида. В ассоцианистских теориях особое внимание уделяется способности человека вызывать из памяти положительные ассоциации, формирующие состояние счастья. Согласно телическим теориям (теории целей и потребностей), счастье ощущается в результате достижения целей или удовлетворения потребностей (Chekola, 1975).

Данное исследование направлено на изучение связи жизненных целей со счастьем. Эмпирическую базу нашего исследования составили результаты диагностики студентов 1-го и 3-го курсов по 3 методикам: Оксфордский опросник счастья (Oxford Happiness Inventory – OHI), тест

смысложизненные ориентации (методика СЖО) Д. А. Леонтьева, Шкала психологического благополучия К. Риффа (Ryff's Scales of Psychological Well-being, С. D. Ryff), адаптация Н. Н. Лепешинского.

В результате статистического анализа данных была выявлена прямая корреляционная зависимость показателя счастья от таких шкал, как положительные отношения с другими ($p \leq 0,01$), управление средой ($p \leq 0,01$), цели в жизни ($p \leq 0,001$), общие показатели психологического благополучия и смысловых ориентаций ($p \leq 0,001$), процесс жизни ($p \leq 0,001$), результативность жизни ($p \leq 0,001$) и локус контроля – жизнь ($p \leq 0,001$).

Далее испытуемые были поделены на две группы: 1 группа – имеющие высокий уровень счастья и 2 группа с низким уровнем счастья, по Оксфордскому опроснику счастья. Статистическое сравнение показателей по t-критерию Стьюдента для независимых выборок показало, что у первой группы испытуемых результаты по наличию цели в жизни (шкала опросника психологического благополучия Риффа) достоверно выше, чем у испытуемых второй группы ($p \leq 0,01$). Общий показатель психологического благополучия у первой группы также оказался выше, чем у второй ($p \leq 0,05$). По шкале «Локус контроля – жизнь» теста смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева более высокие результаты у первой группы ($p \leq 0,05$).

Опираясь на результаты исследования, можно сделать вывод, что человек тем счастливее, чем более определены цели в его жизни и чем более он независим от влияния окружения. Счастливый человек ясно видит смысл в своей жизни, способен управлять сложившимися обстоятельствами, не боится высказывать свое мнение и отстаивать его. Таким образом, мы можем говорить о том, что сформированное представление о смысле жизни служит источником счастья для человека.

Литература

- Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003.
- Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Ян Хин-Шун. Древнекитайская философия. М.: Мысль, 1972–1973. Т. 1–2.
- Chekola M. G. The concept of happiness. Dissertation abstract international. University of Michigan, 1975.
- Lykken D., Tellegen A. Happiness is a stochastic phenomenon // Psychological Science. 1996. № 7. P. 186–189.

ИЗУЧЕНИЕ ПРИВЕРЖЕННОСТИ ЛЕЧЕНИЮ ПОСЛЕ ОПЕРАЦИИ КОРОНАРНОГО ШУНТИРОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ БОЛЕЗНИ*

М. В. Яковлева, Е. И. Лубинская (Санкт-Петербург)

Настоящее исследование посвящено актуальной в клинической психологии проблеме приверженности лечению. По данным Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), медицинские рекомендации не выполняет около половины больных хроническими заболеваниями. В кардиологической клинике это особенно опасно, поскольку сердечно-сосудистые заболевания являются ведущей причиной смерти от неинфекционных заболеваний (48% случаев) (Мировая статистика, 2013).

Несмотря на эффективность и перспективность хирургических методов лечения ишемической болезни сердца (ИБС), показатели здоровья и качество жизни пациентов зачастую не повышаются, в том числе из-за неприверженности больных лечению. В связи с этим возникает необходимость пристального внимания к больным в послеоперационном периоде, а также их сопровождения (как медицинского, так и психологического) в период реабилитации.

Лечение любых хронических заболеваний, и прежде всего ИБС, предусматривает сочетание медикаментозной терапии и немедикаментозного лечения – изменение образа жизни больного. Несоблюдение пациентами этих предписаний считается одной из самых серьезных проблем современной клинической практики (Демченко, 2006).

По определению ВОЗ, приверженность лечению – это соответствие поведения пациента рекомендациям врача, включая прием лекарств, диету и/или изменение образа жизни (World Health Organisation, 2003).

Среди вероятных факторов, влияющих на приверженность больного регулярному врачебному наблюдению, обсуждаются пол, возраст, уровень образования, тяжесть заболевания и т. д. Однако на сегодняшний день однозначных предикторов, позволяющих прогнозировать приверженность больных лечению, не выявлено (Лубинская, 2013).

Разработаны различные способы оценки приверженности лечению. В работах российских исследователей приверженность считается неудовлетворительной, если пациент принимает 80% и менее или 120% и более доз, назначенных на длительный период медикаментов (Демченко, 2006).

Объективная оценка приверженности лечению на сегодняшний день остается нерешенной задачей. Общепринятые стандартизованные методы опроса пациентов весьма субъективны, так как очень сложно проверить достоверность полученных от пациентов данных.

---

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (Рег. № 14-06-00-163а).

Кроме того, они в основном учитывают лишь медикаментозную терапию, т. е. оценивают приверженность пациентов лекарственной терапии, не позволяя дать заключение о приверженности лечению в целом. Поэтому в нашем исследовании учитывались разные аспекты образа жизни пациентов.

Известно, что в формировании установки больного на начало и продолжение лечения внутренняя картина болезни (ВКБ) играет главную роль – в случаях ее искажения терапевтическое сотрудничество нарушается. Таким образом, отношение человека к своей болезни и понимание ее причин влияет на особенности поведения больного в отношении лечения, на выполнение предписаний врача, на мотивацию к выздоровлению. В связи с вышесказанным проблема отношения к болезни и к выполнению рекомендаций врача особенно актуальна в кардиохирургической клинике, так как невыполнение их сопряжено с риском для жизни (витальной угрозой).

Это определило цель настоящего исследования – изучение и сравнительный анализ внутренней картины болезни пациентов, страдающих ИБС, с различной степенью приверженности восстановительному лечению после операции коронарного шунтирования (КШ).

Была обследована группа из 85 пациентов мужского пола в возрасте от 41 до 79 лет Северо-Западного федерального медицинского исследовательского центра (г. Санкт-Петербург). Критериями включения в исследование являлись диагностированная ИБС и проведенная операция КШ. Пациенты обследовались в течение 1 года после КШ.

В соответствии с целью исследования пациенты были разделены на две группы (деление больных проводилось на основе анамнестических данных, а также на основе экспертной оценки врачом степени приверженности лечению этих пациентов): 1 – приверженные (43 чел.) и 2 – неприверженные лечению пациенты (42 чел.). Решение о возможности отнесения пациентов в группу с той или иной степенью приверженности терапии принималось по совокупности полученных данных об образе жизни после операции КШ и поведении больных в отношении предписанной терапии.

Исследование реализовывалось с применением клинико-психологического (сбор анамнеза, изучение историй болезни, структурированное интервью для пациентов, направленное на изучение социально-демографических характеристик, специально разработанная анкета для врачей, направленная на экспертную оценку степени приверженности лечению пациентов (Лубинская, 2013)) и психометрического (методика диагностики типов отношения к болезни ТООБЛ (Психологическая диагностика, 2005)) методов.

Анализ данных проводился с использованием стандартных методов математической статистики, включенных в статистические пакеты SPSS 20.0 и Excel XP.

Исследование ВКБ пациентов после операции КИШ методикой ТОБОЛ выявило относительную однородность выборки в целом по частоте встречаемости типов отношения к болезни в двух сопоставляемых группах.

Были подсчитана частота встречаемости различных типов отношения к болезни: в обеих группах пациентов было выявлено преобладание типов отношения к болезни, входящих в первый блок, включающий гармоничный, эргопатический и анозогностический типы, при которых существенно не нарушается психическая и социальная адаптация. В первой группе данные типы встречаются у 70% пациентов, во второй – у 57% пациентов.

Преобладающими типами отношения к болезни у пациентов в первой группе (приверженных лечению) являлись эргопатический (33%), анозогностический (23%), гармоничный (14%), а также смешанный эргопатический-анозогностический (12%).

Во второй группе пациентов (неприверженных лечению) самыми часто встречающимися оказались следующие типы: эргопатический (41%), анозогностический (12%), смешанный эргопатический-анозогностический (10%), а также неврастенический и смешанный эргопатический-сенситивный.

Проверка статистической значимости независимости распределения групп по признаку «тип отношения к болезни» (с помощью критерия χ^2 Пирсона) на данном этапе не позволила выявить достоверные различия между пациентами по частоте встречаемости типов. Однако, на наш взгляд, исследование ВКБ является перспективным в плане изучения приверженности лечению.

Проведение с обследуемыми больными методики ТОБОЛ позволило также вычислить шкальные оценки по каждому из 12 типов отношения к болезни среди пациентов. Анализ данных шкальных оценок выявил статистически достоверные различия среди групп приверженных и неприверженных лечению пациентов.

У пациентов из первой группы отмечаются более высокие значения по шкале, соответствующей гармоничному типу отношения к болезни ($p \leq 0,01$) и более низкие значения по шкале апатического типа ($p \leq 0,01$), по сравнению с пациентами из второй группы. Последние характеризуются более высокими значениями по шкале, соответствующей меланхолическому типу ($p \leq 0,05$). Кроме того, на уровне статистической тенденции были выявлены различия групп по шкале сенситивного типа – у пациентов из второй группы значения по этой шкале выше ($p \leq 0,1$).

Таким образом, результаты данного исследования имеют практическую ценность, поскольку позволят в дальнейшем выявлять пациентов с высоким риском несоблюдения рекомендаций врачей и определять мишени для проводимой с больными ИБС психокоррекционной программы и просветительской работы как клиническими психологами, так и врачами-кардиологами и реабилитологами.

Литература

- Демченко Е. А. Оптимизация консервативного лечения стенокардии: роль динамического наблюдения и обучения больных: Дис. ... докт мед. наук. СПб., 2006.
- Лубинская Е. И. Клиническая и социально-экономическая эффективность многопрофильной реабилитации больных ишемической болезнью сердца, перенесших плановое коронарное шунтирование: Дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2013.
- Мировая статистика здравоохранения 2012 // Всемирная организация здравоохранения. 2013.
- Психологическая диагностика отношения к болезни: Пособие для врачей / Авторы-сост. Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, Э. Б. Карпова, А. Я. Вукс. СПб.: Изд-во НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005.
- World Health Organization: Adherence to Longterm Therapies, Evidence for Action. Geneva, 2003. URL: http://www.who.int/chp/knowledge/publications/adherence_report/en (дата обращения: 10.03.2015).

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК И ОТНОШЕНИЙ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ У ЛЮДЕЙ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ВЫНУЖДЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Я. С. Яковлева, С. В. Жолудева (Ростов-на-Дону)

Любая состоявшаяся личность в современном мире обладает набором разнообразных взглядов, мнений, способов реагирования – одним словом, установками. Именно социальные установки определяют то или иное поведение человека, «помогают» ориентироваться в окружающем мире и определенным образом взаимодействовать с социумом. Иными словами, успешность и продуктивность нашей деятельности в любой сфере имеет некоторую связь с наличием удовлетворяющих потребности отношений с социальными группами, которые в той или иной степени играют важную роль в нашем восприятии мира. Из социальных установок следуют социальные представления, которые объясняют, как себя нужно вести в той или иной ситуации. Социальные представления помогают личности и группе адаптироваться, создавая непротиворечивую картину мира, дают возможность справляться с проблемами благодаря «конструированию» группой действительности (Воловикова, 2005).

Целью нашей работы является выявление значимых связей между социальными установками и профессиональными представлениями у людей, занимающихся вынужденной профессиональной деятельностью.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между социальными установками и профессиональными представлениями у людей, занимающихся вынужденной профессиональной деятельностью.

Под вынужденной деятельностью мы полагаем деятельность, выполняемую респондентами в пространстве исправительного учреждения. Вынужденная деятельность в данном контексте понимается не как обязательная, а как деятельность, которая, возможно, не удовлетворяет представления испытуемых и не соответствует их желаниям и предпочтениям в выборе профессии.

В качестве *объекта* данного исследования выступили осужденные к лишению свободы, всего 75 чел. из ФКУ ИК – 15 ГУФСИН по Ростовской области в г. Батайске.

Проблема установки была специальным предметом исследования в школе Д. Н. Узнадзе. По мнению известных советских психологов А. А. Смирнова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова, Б. Г. Ананьева, А. Р. Лурия, психологическое наследие Д. Н. Узнадзе представляет собой значительное достижение нашей науки, внесшее огромный вклад в формирование и развитие отечественной психологии. В его концепции установка является целостным динамическим состоянием субъекта, состоянием готовности к определенной активности, состоянием, которое обуславливается двумя факторами: потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией (Узнадзе, 2004). Установки, ценностные ориентации осужденных связаны с адекватностью самооценки личности, без знания которой нельзя добиться их исправления и последующей ресоциализации (Жолудева, Яковлева, 2015).

В процессе интеграции человека в профессию следует отметить немаловажную роль профессиональных представлений, которые при их адекватном формировании способствуют успешности личности в самоопределении и становлении в пространстве профессиональной деятельности. Профессиональные представления – это совокупность имеющейся у субъекта информации о той или иной специальности, его осведомленность о мире профессий, их оценка по шкале престижности и привлекательности; это динамическое информационное образование, структура и содержание которого зависит от его целевого назначения; это отражение человеческого «Я» через профессию (Жолудева, Яковлева, 2015). Очевидно, что профессиональная деятельность индивида невозможна без осознанно сформированного внутреннего образа предмета профессиональной деятельности (Жолудева, Яковлева, 2015).

Для исследования нами была использована методика «Незаконченные предложения» М. Сакса и С. Леви, с помощью которой нам удалось выявить осознаваемые и неосознаваемые установки испытуемых, а также их отношение к семье, межличностным отношениям, отношениям между мужчиной и женщиной, между коллегами и начальством, а также самовосприятие.

Количественный анализ полученных результатов показал, что у респондентов преобладают положительные ответы по большинству из предложенных тестом шкал. Это такие шкалы, как: «отношение к отцу», «отношение к себе», «нереализованные возможности», «отношение к подчиненным», «отношение к будущему», «отношение к вышестоящим лицам», «отношение к своему прошлому», «отношение к лицам противоположного пола», «сексуальные отношения», «отношение к семье», «отношение к сотрудникам» и «отношение к матери». Такой результат говорит о том, что у испытуемых в отношении данных объектов присутствует положительный опыт, позитивные ожидания и установки. Нейтральные ответы по шкалам «страхи и опасения» и «отношение к друзьям» говорят об отсутствии у респондентов каких-либо эмоций в восприятии и отношении данных объектов. Ответы, близкие к отрицательным, выявлены только по одной шкале – «чувство вины», что свидетельствует о наличии сожалений о прошлых поступках.

Для уточнения особенностей социальных установок и отношений у людей, занимающихся вынужденной профессиональной деятельностью, нами был проведен корреляционный анализ. С помощью критерия Спирмена были выявлены значимые корреляционные связи между некоторыми социальными установками и представлениями о выполняемой ими вынужденной профессиональной деятельности.

Положительная корреляционная связь между шкалой «отношение к отцу» и фактором оценки образа, свидетельствующем об уровне уважительного отношения к объекту со стороны субъекта ($r=0,267$ при $p=0,029$). Данный результат говорит о том, что положительное отношение к работе тем выше у респондентов, чем позитивнее опыт отношений с отцом. Также выявлена связь между фактором оценки и шкалой «отношение к вышестоящим лицам» ($r=0,277$ при $p=0,023$). Т. е. степень удовлетворенности своей работой зависит у респондентов от уровня позитивного восприятия и отношения к начальству. И между фактором оценки и шкалой «отношение к сотрудникам» ($r=0,383$ при $p=0,001$). Данная корреляция означает, что у респондентов в отношении к работе проявляется большая зависимость от отношений с коллегами. Т. е. мы предполагаем, что рост позитивных отношений респондентов со своими коллегами, способствующий увеличению уровня срабатываемости, усиливает осознание испытуемых того, что их работа представляет собой носитель позитивных, социально желательных характеристик. Таким образом, мы видим, что преобладающее количество установок, из тех, которые нами были рассмотрены, имеют позитивный отклик в жизни респондентов, что является положительным результатом.

Отрицательная корреляционная связь была выявлена между шкалой «отношение к подчиненным» и фактором активности образа, который может интерпретироваться как свидетельство экстравертированности объекта ($r=-0,288$ при $p=0,018$). Т. е. те респонденты, которые

воспринимают свою профессиональную деятельность как активную и импульсивную, хуже относятся к своим подчиненным, реже доверяют им серьезные задания, тем самым большую роль в выполнении работы оставляя себе. Также выявлена корреляция между фактором активности и шкалой «отношение к лицам противоположного пола» ($r = -0,255$ при $p = 0,037$). Мы можем предположить, что инициативность и энергичность восприятия респондентами образа своей работы способствует сдержанному и слабому уровню восприятия лиц противоположного пола. Значимая отрицательная корреляция между шкалой «отношение к подчиненным» и фактором четкости образа, свидетельствующем о его адекватности и контрастности в сознании субъекта ($r = -0,282$ при $p = 0,021$), говорит нам о ярком и точном восприятии образа работы, при отрицательных ожиданиях в отношении своих подчиненных.

Таким образом, проведенный нами корреляционный анализ между социальными установками и профессиональными представлениями у людей, занимающихся вынужденной профессиональной деятельностью, выявил, что существуют положительные и отрицательные значимые корреляционные связи между рассматриваемыми нами показателями. Можно считать, что наша гипотеза доказана.

Литература

- Воловикова М. И. Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2005.
- Жолудева С. В., Яковлева Я. С. Особенности понимания смысла жизни у осужденных // Теория и практика современной науки: Материалы XVII Международной научно-практической конференции, г. Москва, 8–9 апреля 2015 г. М.: Институт стратегических исследований–Перо, 2015. С. 221–227.
- Жолудева С. В., Панкратова И. А., Яковлева Я. С. Особенности профессиональных представлений в вынужденной и предпочитаемой деятельности // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. № 3 (28). М.: Науковедение, 2015. URL: <http://naukovedenie.ru/index.php?p=vol7-3-educology-pedagogy> (дата обращения: 25.05.2015).
- Жолудева С. В., Яковлева Я. С. Особенности профессиональных представлений об объекте вынужденной и предпочитаемой деятельности // Профессиональные представления: Сборник научных трудов / Под ред. Е. И. Рогова. Ростов-на-Дону: МАРТ, 2015. С. 157–166.
- Узнадзе Д. Н. Общая психология / Под ред. И. В. Имедадзе. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОДРОСТКАМИ РОЛИ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА «ОТЕЦ»

А. П. Якунин (Санкт-Петербург)

В 1984 г. Д. Жоделе (Jodelet) сформулировала проблему формирования социального представления, а именно переход от индивидуального представления к социальному представлению. В 1985 г. В. Н. Панферовым в рамках концепции социально-психологической интерпретации личности (Панферов, 2009) данная проблема была конкретизирована для процесса субъект-субъектного познания. Рядом исследователей (Rosa et al., 2011) были получены данные, свидетельствующие о перспективности разработки этой актуальной для социальной психологии проблемы.

Рассмотрим социально-психологическую интерпретацию подростками роли взрослого «отец», исследование которой было составной частью более общего исследования (Якунин, 2014). Выборка респондентов составила 272 чел. Анализ содержания «ядра» социального представления показал наличие четырех, не связанных между собой групповых оценок: «Отец – это глава семьи»; «Отец – это тот, родной для тебя человек, который помогает и воспитывает»; «Отец – это тот, кто воспитывает детей» и «Отец – это мужчина, у которого есть ребенок». Три слова-понятия (дом, папа, родитель) не были связаны с другими словами-понятиями. Такая разобщенность оценок в содержании «ядра» свидетельствует об их несогласованности. Встает вопрос: что обуславливает данную несогласованность? Ответ находится в выше сформулированной Д. Жоделе (Jodelet) проблеме формирования социального представления и в работах Э. Розы (Rosa) с коллегами (Rosa et al., 2011) о взаимообусловленности содержания «ядра» социального представления и личности. Объединяя высказывания и выводы трех авторов, можно сформулировать гипотезу о групповом осмыслении субъекта, которое детерминировано различиями личностей познающих субъектов. Было выдвинуто предположение, что групповое осмысление подростками содержания роли взрослого «отец» обусловлено возрастными различиями личности подростков, так как возраст является сильным фактором несовместимости в группе.

Анализ по возрасту показал, что общими для подростков словами-понятиями являются понятия «семья» и «человек», как характеристики социального статуса и антропометрической оценки исполнителя этой роли (Панферов, 2009). Стереотипизация остальных качеств личности была обусловлена возрастом испытуемых: подростки 12 лет – воспитывает, глава, папа; подростки 13 лет – главный, папа, родитель; подростки 14 лет – воспитывает, глава, родитель, тебя и подростки 15 лет – воспитывает, мужчина, папа, тебя.

Приведенные данные показывают, что интерпретация подростками исполнения роли «отец» взрослым человеком обусловлена опытом соци-

ального взаимодействия, присущим каждой из четырех возрастных подгрупп. Подростки 12, 13 и 14 лет демонстрируют отношения доминантности (глава и главный), а у подростков 15 лет оно отсутствует. В то же время подростки 15 лет стереотипизируют качество личности, отображающее отношения маскулинности (мужчина), что отсутствует у трех других возрастных подгрупп. Для подростков 13 и 14 лет характерно обозначение отношения родственности (родитель). Для подростков 14 и 15 лет носитель роли «отец» приобретает значимый личностный характер как член своей возрастной подгруппы (местоимение «тебя»), что согласуется с мнением о данном явлении в процессе межгруппового восприятия.

Стереотипизация подростками четырех возрастных подгрупп одинаковых качеств личности подтверждает исследование французских психологов о роли предшествующих социальных представлений в формировании нового социального представления. Разделение респондентов на четыре возрастные подгруппы указывает на то, что формируемые знания об исполнении роли «отца» зависят от условий социализации в конкретном образовательном учреждении, месте проживания (микрорайон городского поселения). В определенной мере с этой точки зрения социальное представление подростков можно рассматривать как форму коллективной или групповой памяти (Емельянова, 2007). Но даже при наличии стабильных неизменных содержательных элементов для указанных четырех подгрупп стереотипизируются качества, дифференцирующие содержание единого социального представления подростков.

Для проверки подтверждения о влиянии конкретных особенностей личности членов группы на групповое осмысление другой личности был проведен анализ влияния особенностей личности подростков по полу. В каждой из возрастных подгрупп было обнаружено подтверждение влияния данного качества личности подростков. Было определено, что девочки-подростки оказывают существенное влияние на стереотипизацию того ли иного качества личности для исполнения роли «отца». Например, понятие «мужчина» было приписано подростками-девочками 15 лет, а не их сверстниками-мальчиками. У подростков 13 лет качества личности «родитель», «главный» и «человек» были стереотипизированы также девочками. У подростков 14 лет таковым понятием выступило понятие «ребенок». Таким образом, исключение возрастных особенностей личности как меры определения несогласованности мнений внутри «ядра» социального представления выявило дифференциацию мнений детерминированных половыми особенностями личности подростков. Такие данные подтверждают мнение о том, что такую проблему в социальной психологии, как групповое осмысление, необходимо решать через диалектику взаимодействия группы и личности.

Учитывая данное мнение, необходимо найти теоретические и экспериментальные точки опоры в решении проблемы группового осмысления. Такими точками могут стать работы С. Л. Рубинштейна, в которых

он наметил пути понимания процесса познания на индивидуальном и групповом уровнях (Рубинштейн, 2012). Законы анализа и синтеза как основные процессы отражения человеком действительности должны быть применены к групповому процессу осмысления. При групповом осмыслении функцию «анализатора» отражения выполняет конкретный человек как член данной группы. Группа же в соответствии со своими групповыми нормами, ценностями, сложившимися внутригрупповыми коммуникативными связями и т. д. дифференцирует получаемую информацию об объекте взаимодействия от каждого конкретного члена группы. Группа как совокупный субъект анализирует через синтез поступающую информацию об объекте. То, что необходимо наметить пути исследования группового осмысления действительности, показывают приведенные в данном докладе данные об обусловленности возрастными и половыми особенностями личности подростков при интерпретации роли взрослого человека «отец».

Безусловно, выдвинутые гипотезы и теоретические схемы требуют дальнейших исследований.

Литература

- Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Панферов В. Н. Психология человеческих отношений. Избранное. СПб.: АНО ИПП, 2009.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012.
- Якунин А. П. Смысловые связи в «ядре» социальных представлений подростков 12–15 лет о ролях взрослого // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2014. № 166. С. 162–179.
- Rosa E. et al. Role du processus decategorisation dans le fonctionnement des representations sociales: une application dans le champ du marketing // Les cahiers internationaux de psychologie sociale. 2011. № 91. P. 253–281.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАЗОДВИГАТЕЛЬНЫХ РЕАКЦИЙ СОТРУДНИКОВ ФСИИ РОССИИ С ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ ВЫГОРАНИЕМ

Е. И. Ярошенко (Саратов)

На сегодняшний день изучением и профилактикой проблемы эмоционального выгорания занимаются такие науки, как психология и медицина. В разрешении данного вопроса также заинтересованы служащие

уголовно исполнительной системы, для которых проблема эмоционального выгорания является актуальной. Дефицит надежных, эффективных методик профилактики и устранения эмоционального выгорания свидетельствует о недостаточном изучении проблемы применительно к представителям социальных профессий, а особенно к сотрудникам пенитенциарной системы.

Неблагоприятными факторами, способствующими развитию синдрома эмоционального выгорания, являются распространенные явления в повседневной жизни: загруженность работой, ненормированный рабочий день, высокая утомляемость. В большей степени подвержены риску развития эмоционального выгорания работники пенитенциарных учреждений в связи со сложными условиями профессиональной деятельности; напряженной, эмоционально насыщенной работой; использованием властных полномочий; общением со спецконтингентом, а также отсутствием положительного подкрепления.

Целью исследования является выявление связи между особенностями эмоционального выгорания и особенностями глазодвигательных реакций сотрудников пенитенциарной системы.

Гипотеза исследования: существует связь между особенностями эмоционального выгорания и особенностями глазодвигательных реакций на эмоционально значимые стимулы, связанные с работой, у сотрудников пенитенциарной системы.

Исследовательская база: сотрудники пенитенциарной системы одного из ведомственных подразделений Министерства юстиций РФ.

Задачи исследования

1. Теоретически и методологически проанализировать литературу по проблеме эмоционального выгорания.
2. Изучить основные факторы, этапы, формы, виды эмоционального выгорания.
3. Выявить показатели эмоционального выгорания сотрудников ФСИН России.
4. Выявить характеристики глазодвигательных реакций сотрудников ФСИН при восприятии эмоционально значимых стимулов, связанных с работой.
5. Выявить связь между особенностями эмоционального выгорания и особенностями глазодвигательных реакций сотрудников пенитенциарной системы.

Методы исследования

1. Методические беседы.
2. Анкетирование.
3. Метод экспертных оценок.
4. Оценка эмоциональных реакций с помощью технологии айтрекинга.

5. Психологическое тестирование личности с использованием следующих методик:

- Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко;
- Опросник «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» К. Маслач и С. Джексона (адаптирован Н. Водопьяновой, Е. Старченковой).

6. Методы статистического анализа:

- Корреляция Пирсона;
- F-критерий Фишера.

Понятие «эмоциональное выгорание» включает в себя комплекс особых психических проблем, которые возникают у человека в связи с интенсивностью профессиональной деятельности (Бойко, 1996). Впоследствии у человека наблюдается «приглушение» эмоций, увеличение числа конфликтов с партнерами по общению, равнодушие и отгороженность от переживаний другого человека, потеря ощущения ценности жизни, утрата веры в собственные силы (Ронгинская, 2002, с. 85–87).

Впервые проявление эмоционального выгорания обнаружил и описал Х. Фройденберг в 1974 г. у специалистов помогающих профессий. Работа с полной самоотдачей, большим воодушевлением постепенно приводит к истощению, проявлению раздражительности и цинизма.

К. Маслач в своих работах описала симптомы эмоционального выгорания. Во-первых, у работника появляется хроническая усталость, снижается настроение, также наблюдаются расстройства сна, усиливается подверженность болезням. Данный симптом К. Маслач назвала «эмоциональное истощение». Во-вторых, отношение к коллегам и к тем, кто нуждается в помощи, становится негативным, циничным, появляется чувство вины, человек выбирает автоматическое «функционирование» и всячески избегает нагрузок. Данное проявление получило название «деперсонализация–дегуманизация». В-третьих, человек начинает страдать от недостатка успеха, признания, а также от потери контроля над ситуацией, постоянно чувствует собственную несостоятельность и чрезмерность предъявляемых к нему требований. Этот симптом К. Маслач обозначила как «переживание собственной нерезультативности» (Maslach, 1981).

В 1994 г. Дж. Сонек выделил и описал еще один симптом – «витальная нестабильность». Характерными признаками являются депрессия, подавленное настроение, тревожность, беспокойство, чувство безнадежности и раздражительность. В совокупности все эти симптомы являются первыми признаками «развития прецидуального состояния».

На сегодняшний день многие авторы утверждают, что эмоциональное выгорание встречается не только у людей помогающих профес-

сий, оно также может возникнуть у любого человека. Ученые А. Пайнз и Е. Аронсон рассматривают эмоциональное выгорание как синдром переутомления, который может встречаться в любой профессии, а также и за пределами профессиональной деятельности (в работе по дому).

Такие исследователи, как С. П. Безносков, Б. Д. Новиков, относят к категории работников, подверженных риску развития «эмоционального выгорания», сотрудников пенитенциарных учреждений (Безносков, 2004). Особое внимание в этом вопросе необходимо уделить сотрудникам ФСИН, которые непосредственно общаются с людьми, совершившими преступление и отбывающими наказание в местах лишения свободы.

На данный момент существуют работы, посвященные изучению отдельных форм профессиональных деформаций у сотрудников уголовно исполнительной системы. Но проблема эмоционального выгорания недостаточно освещена в научной литературе, о чем свидетельствует недостаток надежных, эффективных методик ее профилактики и устранения.

Профессиональная деятельность сотрудников пенитенциарной системы характеризуется наличием специфических особенностей и осложнена множеством негативных факторов: использованием властных полномочий; общением со спецконтингентом.

Для достижения цели исследования необходимо провести диагностику глазодвигательных реакций сотрудников ФСИН на эмоционально значимые стимулы, связанные с работой при помощи технологии регистрации движений глаз (айтрекинга). Эта технология позволяет отслеживать особенности глазодвигательной активности испытуемого: направление его взгляда, особенности зрительного внимания, «зону интереса» (Величковский, 2006).

Выявление связи между особенностями эмоционального выгорания и особенностями глазодвигательных реакций сотрудников пенитенциарной системы может служить методом диагностики синдрома на ранних этапах развития. Эмоциональное выгорание может привести к появлению неуверенности в надежности и безопасности работы, что, в свою очередь, детерминирует стрессовое состояние, снижает мотивацию, увеличивает агрессию и повышает число конфликтов и текучести кадров. Особенно рискованной проблема выгорания может быть для лиц, которым доверено огнестрельное оружие. Поэтому ранняя диагностика и профилактика эмоционального выгорания будет способствовать снижению негативных факторов.

Литература

- Безносков С. П. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004.
Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М., 1996.
Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2 т. Т. 1. М.: Смысл-Академия, 2006.

Ронгинская Т. И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 3. С. 85–95.

Maslach C., Jackson S. E. The measurement of experienced Burnout // Journal of Occupational Behavior. 1981. P. 99–113.

СИСТЕМА МЕТАНАУЧНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Д. А. Яценко (Москва)

В научные исследования, традиционно обозначаемые как методологические, входит большое количество разнообразных проблем, содержание которых давно уже не вмещается в это название, если под методологией понимать, имея в виду происхождение и лингвистическое значение данного термина, науку о методах. Необходимость изменения названия этой области знаний давно признается психологами-методологами. Об этом писали, например, А. Н. Леонтьев, А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский, Т. В. Корнилова и С. Д. Смирнов, А. В. Юревич и др. В своих научных трудах они предлагали разные дополнительные названия для отдельных сфер данной области научных знаний, например: «философия психологии» (А. Н. Леонтьев), «рефлексивное науковедение» (Т. В. Корнилова, С. Д. Смирнов), «метанаучная психология» и «теоретическая психология» (А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский), «социология психологии», «социальная психология науки» (А. В. Юревич). Мы вслед за указанными учеными также придерживаемся мнения о необходимости разделить и на более высоком уровне объединить проводимые методологические исследования, представив их как целостную систему научных знаний, изоморфную современной, весьма дифференцированной совокупности психологических наук и видов практики. Предлагается обозначить всю эту систему знаний как метанаучную психологию и выделить в ней следующие частные направления научных исследований:

- философию психологии;
- логику психологии;
- методологию психологии (понимаемую в узком значении этого термина);
- метагеоретическую психологию;
- метаэмпирическую, включая метаэкспериментальную, психологию;
- метапрактическую психологию;
- внутридисциплинарную метапсихологию;
- междисциплинарную метапсихологию.

В область философии психологии могли бы войти постановка и решение следующих метанаучных психологических проблем: понятия об исти-

не и заблуждении в психологических исследованиях; методы научного познания в психологии; парадигмальный характер психологической науки; выяснение природы психических явлений; определение места, занимаемого психическими явлениями среди других явлений, изучаемых разными науками; категориальный строй психологической науки; общие принципы организации и проведения научных исследований в психологии (методологические принципы психологии); способы объяснения психических явлений; достоинства и недостатки различных подходов к изучению психических явлений: философского, теоретического, опытного (эмпирического и экспериментального), описательного и объяснительного, классического и неклассического, а также другие философско-психологические проблемы.

В область логики психологии может быть включено обсуждение и решение следующих вопросов: виды понятий, используемых в психологии, их отличие от понятий, употребляемых в других науках; логические требования, предъявляемые к определениям научных психологических понятий; способы установления и проверки правильности формулировок научных понятий; правила обоснования научных гипотез; способы и логика доказательства, применяемые в психологических исследованиях.

Методология психологии, понимаемая в узком значении этого термина, в системе метапсихологических наук может быть определена как частная наука об общих методах и методиках, применяемых в научных психологических исследованиях, а также о методах, используемых в психологической практике. Она может содержать в себе постановку и решение следующих частных вопросов: определение требований, предъявляемых к исследовательским и психодиагностическим методикам; способы проверки соответствия методов и методик заданным требованиям; создание научно обоснованной классификации методов и методик психологического исследования; выяснение особенностей, возможностей и ограничений применения на практике разных методов изучения психических явлений; установление оптимального соотношения качественных и количественных методов в психологии; специальные требования, предъявляемые к методам и методикам в сфере практической психологии; процедуры конструирования и проверки на валидность, надежность, точность и однозначность исследовательских и психодиагностических методик; связь методов и методик научной и практической психологии с существующими теориями.

Метатеоретическая психология – это область метанаучных знаний, охватывающая проблематику, связанную с разработкой и обоснованием психологических теорий. К ней, например, могут быть отнесены такие проблемы, как виды и уровни теоретического знания в психологии; его представление в различных областях психологии; требования, предъявляемые к теоретическим исследованиям в психологии; соотношение

теоретических и других видов исследований в научной и практической психологии; специфика научных психологических теорий, их отличие от теорий, существующих в других науках; способы разработки и проверки научных психологических теорий. Примерами метанаучных исследований, которые можно включить в метатеоретическую психологию, являются исследования, выполненные, В. А. Кольцовой (Кольцова, 2007), А. В. Юревичем (Юревич, 2005, 2006, 2007, 2010) и др.

Метаэмпирической (метаэкспериментальной) психологией предлагается назвать область метанаучных знаний, надстраивающуюся над опытной (эмпирической, экспериментальной) психологией и решающей связанные с ней вопросы. В их число могут войти следующие частные вопросы: что понимается под опытом в современной эмпирической психологии; какие существуют виды психологического опыта; каким образом разновидности опыта связаны с изучаемыми в психологии явлениями; каковы критерии объективности того или иного психологического опыта; как организуются и проводятся опытные (экспериментальные) исследования в психологии; по каким критериям их можно и нужно оценивать; чем опытные исследования отличаются от других видов научных исследований в психологии; в чем заключается специфика психологических экспериментов; каковы их отличия от экспериментов, проводимых в других науках; как связаны данные о психических явлениях, получаемых экспериментальным путем, с реально существующими психическими феноменами; какова экологическая валидность психологических экспериментов; как соотносятся экспериментальные исследования с теоретическими и эмпирическими исследованиями, а также с практической психологией; какова роль точных математических знаний и методов в экспериментальных психологических исследованиях.

Метапрактической психологией предлагается назвать область метанаучных знаний, соотносимую с современной практической психологией, и решающую характерные для нее проблемы. В их число можно включить: выяснение специфики психологической практики; отличие практической психологии от других областей современной психологии; соотношение науки и практики в психологии в целом; связи психологической практики с фундаментальными и прикладными научными исследованиями; требования, которым должна соответствовать научно обоснованная и эффективная психологическая практика; способы проверки методов практической психологии с точки зрения их соответствия научным требованиям и решаемым с их помощью практическим задачам.

Как и в любой другой науке, по мере ее становления и развития, в психологии неизбежно возникают внутренние методологические проблемы, которые требуют проведения внутридисциплинарного метанаучного анализа. Область соответствующих исследований в систе-

ме отраслей метапсихологии мы предлагаем обозначить как внутридисциплинарную метапсихологию. В качестве примера такого рода исследований можно назвать научные труды А. В. Юревича (Юревич, 2005, 2010), А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой (Журавлев, Кольцова, 2008), В. А. Мазилова (Мазилов, 2001, 2007), А. П. Стеценко (Стеценко, 1990).

Междисциплинарная метапсихология – это также сравнительно новая область методологических знаний. В ней с метанаучных позиций ставятся и решаются вопросы, касающиеся положения, занимаемого психологической наукой и психологами как учеными в современном мире, связей психологии с другими, прежде всего, социальными и гуманитарными науками, а также специфические проблемы психологии, имеющие социальный, культурный, политический, экономический и другой характер.

Литература

- Кольцова В. А.* Актуальные проблемы методологии современной отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 5–19.
- Юревич А. В.* Интеграция психологии: утопия или реальность // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 503–523.
- Юревич А. В.* Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Юревич А. В.* Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 97–106.
- Юревич А. В.* Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

ПОСТСТРЕССОВАЯ СИТУАЦИЯ И ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ У НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА, НАХОДЯЩЕГОСЯ В ЗОНЕ ВОЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Н. А. Зайцева, О. А. Панченко (Константиновка, Украина)

Военные действия на Востоке Украины продолжаются уже больше года и за это время унесли тысячи жизней, привели к значительному материальному ущербу для региона и страны в целом. В то же время обращает на себя внимание проблема влияния травмирующих событий на психику сотен тысяч мирных жителей Донбасса, которые остаются в зоне военного противостояния. По данным исследований (Линский и соавт., 2014), распространенность серьезных расстройств адапта-

ции и посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР) ожидается на уровне от 100 тыс. пострадавших и более.

Восприятие человеком опасной (чрезвычайной) ситуации, к категории которых относят и военные действия, зависит от многих факторов: доступности информации и метода ее передачи, времени отсрочки наступления отрицательных последствий, системы ценностей, личностных характеристик и психического состояния субъекта (Савченко, Головина, 2006). Взаимоотношения между человеком и окружающим миром провоцируют психологический стресс, когда конкретные ситуации оцениваются индивидом как чрезмерно напрягающие или превышающие его возможности и угрожающие его благополучию (Лазарус и соавт., 1985). В ответ на воздействие подобной ситуации происходят изменения на психофизиологическом, социально-психологическом и собственно психологическом уровнях взаимодействия человека с окружающей средой. Возникает состояние тревоги как способ предвосхищения опасности, как генерализованный страх или как состояние, вызываемое не столько наличием опасности, сколько отсутствием возможности ее избежать.

Восприятие окружающей среды как угрожающей безопасности индивида способно оказывать влияние на его удовлетворенность жизнью в целом, на качество жизни, которое понимается как интегральный показатель жизнедеятельности людей, включающий как объективные (уровень жизнедеятельности конкретного человека), так и субъективные (степень удовлетворения его потребностей и ценностных структур разного уровня) компоненты (Савченко, Головина, 2006). Основным элементом удовлетворенности жизнью следует считать личностный смысл ценностей, субъективную оценку индивидом своего внутреннего состояния. Некоторые авторы (Хашченко, Баранова, 2003) в структуре качества жизни выделяют осознаваемые элементы психологического отношения личности к среде: когнитивные (представления, знания), конативные (мотивационно-потребностные состояния сознания), эмотивные (переживания, оценки, чувства). Таким образом, актуальным представляется исследование восприятия качества жизни населением региона боевых действий во взаимосвязи с самооценкой эмоционального и физического состояния индивида.

Цель и гипотеза исследования. Цель работы – исследование качества жизни населения, проживающего в регионе боевых действий. Гипотеза исследования: негативные эмоции, изменения эмоционального и физического состояния связаны со снижением качества жизни населения региона боевых действий.

Характеристики выборки. В январе–мае 2015 года в ГУ «Научно-практический медицинский реабилитационно-диагностический центр МЗ Украины» г. Константиновка Донецкой области (РДЦ) проводилось исследование особенностей эмоционального состояния и качества жизни

ни у мирного населения, проживающего в зоне боевых действий. В исследовании принимали участие взрослые (18–70 лет) люди различного социального статуса (359 человек), обратившиеся в РДЦ с различными жалобами на состояние здоровья.

Для психодиагностики применялись: Миссисипская шкала посттравматического стрессового расстройства (гражданский вариант), анкета для самооценки эмоционального, физического состояния и работоспособности, опросник «Качество жизни».

Математические методы, применявшиеся при анализе данных. Метод ранговой корреляции Спирмена, λ -критерий Колмогорова–Смирнова, методы описательной статистики.

Результаты и их интерпретация. Анализ результатов анкетирования показал, что ведущими эмоциями жителей региона с боевыми действиями являются: тревога (71,3% оптантов), отчаяние (38,1%), страх (35,2%), беспомощность (33,1%), раздражение (24,4%), уныние (12,0%), равнодушие (5%). Следует отметить, что преобладающие негативные эмоции в течение продолжительного времени (с началом активных вооруженных столкновений) могут приводить к возникновению состояний дезадаптации, развитию психосоматических расстройств и обострению хронической патологии. Повышенную потребность в информации испытывают 58,1% респондентов. Ухудшение эмоционального состояния в последние полгода отмечают 57,3% опрошенных, физического состояния – 48,3%, работоспособности – 42,7%.

В результате диагностики с помощью Миссисипской шкалы отдельные признаки посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) выявлены у 35,1% лиц, ПТСР – у 14,3%.

Тестирование с помощью опросника «Качество жизни» (КЖ) отражало удовлетворенность индивида такими показателями, как: здоровье (1), психологическое и эмоциональное благополучие (2), трудоспособность (3), профессиональные отношения (4), взаимоотношения в семье (5), сексуальные взаимоотношения (6), дружеская поддержка (7), материальное положение (8), удовлетворенность питанием (9), экологическая обстановка (10), общее восприятие КЖ (11). Наиболее удовлетворены оптанты взаимоотношениями в семье (=8,1), наименее – экологической обстановкой (=5,4) и сексуальными взаимоотношениями (=5,8). Статистически значимых различий в группах мужчин и женщин по удовлетворенности КЖ не выявлено ($p < 0,05$), в то время, как наблюдаются различия по полу по показателю трудоспособности ($p < 0,05$), где баллы по данной категории выше у женщин.

Оптанты, испытывающие страх, чаще отмечают снижение психологического и эмоционального благополучия ($p < 0,05$), тогда как тревога сопровождается ощущением снижения дружеской поддержки ($p < 0,025$). В группах опрошенных, испытывающих раздражение и безразличие, достоверных различий по КЖ не выявлено. Беспомощность, отчаяние

и уныние сопровождаются изменениями в КЖ по нескольким параметрам (беспомощность – по 2, 4, 8, 9, 11, отчаяние – по 4, 5, 11, уныние – по 2, 5, 11) ($p < 0,05$) и сказываются на интегральном показателе КЖ.

В группах состоящие в браке/разведенные выявлены статистически значимые различия по параметрам взаимоотношений в семье, сексуальных взаимоотношений и материального положения ($p < 0,05$), при этом параметры КЖ достоверно ниже в группе разведенных.

Ухудшение эмоционального состояния у жителей региона боевых действий в период последних шести месяцев сопровождается снижением параметров КЖ 1,2,3,4 ($p < 0,05$), ухудшение физического состояния – 1, 2, 3, 6, 8, 9 ($p < 0,05$), приводя к снижению интегрального показателя КЖ.

Выявлены корреляционные связи между показателями ПТСР и КЖ ($p < 0,05$). Повышение баллов по шкале ПТСР сопровождается ухудшением качества жизни по всем параметрам, наиболее сильная обратная связь наблюдается между ПТСР и параметрами интегрального показателя КЖ ($R_s = -0,43$), психологическим и эмоциональным благополучием ($R_s = -0,41$), сексуальными взаимоотношениями ($R_s = -0,36$), трудоспособностью и профессиональными отношениями ($R_s = -0,33$).

Таким образом, преобладающие негативные эмоции, наличие посттравматических реакций, ухудшение эмоционального и физического состояния сопровождаются значительным ухудшением качества жизни по различным параметрам у населения региона боевых действий.

Литература

- Баранова А. В., Хащенко В. А. Социально-психологические факторы оценки качества жизни // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов 25–28 июня 2003 года. Т. 1. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. С. 293–297.
- Линский И. В., Кузьминов В. Н., Позднякова Н. В., Онищук С. В., Шестопалова Л. Ф., Гриневич Е. Г. Расстройства адаптации среди гражданского населения, пережившего боевые действия, спустя месяц после их прекращения // Український вісник психоневрології. 2014. Т. 22. Вип. 3 (80). С. 5–11.
- Савченко Т. Н., Головина Г. М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Lazarus R. S., DeLongis A., Folkman S., Gruen R. Stress and adaptations outcomes: The Problem of confounded measures // American Psychologist. 1985. V. 40. P. 770–779.

НАШИ АВТОРЫ

- Акимова Александра Игоревна** – магистрант (2 курс) НГТУ им. Р.Е. Алексеева, НИУ ВШЭ (Нижегородский филиал), e-mail: sashaaki@mail.ru
- Александрова Ольга Викторовна** – соискатель (3 год обучения) СПбГУ, e-mail: al-ov@bk.ru
- Алексеева Анна Симховна** – старший преподаватель УрФУ, e-mail: nurochka_k@mail.ru
- Аманюк Елена Игоревна** – студент (5 курс) РГПУ им. А.И. Герцена, e-mail: elena.amanyuk@mail.ru
- Ананьева Кристина Игоревна** – к. психол. н., доцент, н.с. ИП РАН, e-mail: kristina.ananyeva@psyexp.ru
- Андреева Юлия Валерьевна** – студент (3 курс) ЯГМУ, e-mail: uysha.95@mail.ru
- Аникина Варвара Олеговна** – к. психол. н., доцент СПбГУ, e-mail: v.anikina@spbu.ru
- Ароян Лили Хачатуровна** – аспирант (4 год обучения) ГАУГН, e-mail: liliaroyan@gmail.com
- Арутюнова Карина Ролландовна** – соискатель ИП РАН, e-mail: arutyunova@inbox.ru
- Афанасьева Аlesia Сергеевна** – аспирант (3 год обучения) СПбГУ, e-mail: amber_rose@mail.ru
- Афиногенова Виктория Алексеевна** – соискатель ИП РАН, e-mail: viktoriyamail87@mail.ru
- Афолина Мария Сергеевна** – медицинский психолог НЦЗД, e-mail: tvsviridova@gmail.com
- Бажова Ирина Сергеевна** – магистрант (2 курс) ГАУГН, e-mail: ibazhova@gmail.com
- Бакуняева Дарья Сергеевна** – аспирант (4 год обучения) ИП РАН, e-mail: dbakunyaeva@gmail.com

- Барабанщикова Валентина Владимировна** – к. психол. н., доцент МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: vvb-msu@bk.ru
- Басюл Иван Андреевич** – лаборант-исследователь МГППУ, e-mail: ivbasul@gmail.com
- Бекасова Екатерина Юрьевна** – старший преподаватель кафедры психологии МПГУ, e-mail: bekasova@hotmail.ru
- Белугина Александра Андреевна** – магистрант (2 курс) СПбГУ, e-mail: alex-belu91@mail.ru
- Беляева Дарья Евгеньевна** – студент (4 курс) ИТА ЮФУ, e-mail: belyaeva.darya.94@mail.ru
- Березовская Регина Анатольевна** – к. психол. н., доцент СПбГУ, e-mail: r.berezovskaya@spbu.ru
- Бойко Анна Дмитриевна** – специалист УрГПУ, e-mail: boyko_ann@bk.ru
- Бойко Оксана Юрьевна** – студент (4 курс) ИТА ЮФУ, e-mail: origami-sun@mail.ru
- Борисова Наталья Владимировна** – к. психол. н., ст. н. с. ИП РАН, e-mail: borisova07@bk.ru
- Боярский Виктор Робертович** – студент (2 курс) ГАУГН, e-mail: dartanyan-93@mail.ru
- Брагинец Екатерина Игоревна** – студент МГППУ, e-mail: braginetsekaterina@gmail.com
- Бражник Юлия Владимировна** – к. психол. н., доцент СГУ, e-mail: yliabr@yandex.ru
- Братухин Александр Георгиевич** – к. м. н., старший преподаватель ОмГМУ Минздрава РФ, e-mail: 89136283049@rambler.ru
- Брусенская Дарья Сергеевна** – студент (4 курс) РГППУ, e-mail: brusiadaria@mail.ru
- Будагова Сабина Вагиф гызы** – магистрант (2 курс) МГУ (БФ), e-mail: budaqova.sabina@mail.ru
- Бузунова Александра Дмитриевна** – студент (6 курс) СПбГУ, e-mail: alexandrabuzunova@mail.ru
- Бурыченкова Дарья Сергеевна** – студент (4 курс) МосГУ, e-mail: romashkina-dashkaa@yandex.ru
- Буслаева Анна Сергеевна** – научный сотрудник НЦЗД, e-mail: perepisska@yandex.ru
- Быховец Юлия Васильевна** – к. психол. н., ст. н. с. ИП РАН, e-mail: bykhovets@yandex.ru
- Ванюшаник Марина Николаевна** – студент (4 курс) Южный университет (ИУБиП), e-mail: vmarinan@mail.ru
- Варнавский Александр Николаевич** – доцент, к. т. н., ст. н. с. РГРТУ, e-mail: varnavsky_alex@rambler.ru
- Василенко Юлия Александровна** – магистрант (1 курс) ЮФУ, e-mail: vasilenkoyuliya@mail.ru
- Вашедская Евгения Юрьевна** – студент (5 курс) Академии психологии и педагогики ЮФУ, e-mail: zabrodinka@bk.ru

- Ветрова Ирина Игоревна** – к. психол. н., н. с. ИП РАН, e-mail: stranavetra@gmail.com
- Владимиров Илья Юрьевич** – к. психол. н., доцент ЯрГУ им. П. Г. Демидова, стажер-исследователь ИОН РАНХиГС, e-mail: kein17@mail.ru
- Вопилова Ирина Евгеньевна** – аналитик Института образования НИУ ВШЭ, e-mail: Irina.vopilova@gmail.com
- Воробьева Анастасия Евгеньевна** – к. психол. н., ст. н. с. ИП РАН, e-mail: aeVorobieva@yandex.ru
- Гаврилова Алена Сергеевна** – студент (3 курс) УрФУ им. Б. Ельцина, e-mail: alena160694@mail.ru
- Гартфельдер Денис Викторович** – к. психол. н., доцент ЧГУ им. И. Н. Ульянова, e-mail: hdv@gmx.ru
- Голубцова Ольга Владимировна** – аспирант, преподаватель УО БГСХА, e-mail: Olka-shmolka@yandex.ru
- Гонтарюк Олеся Игоревна** – магистрант (1 курс) СГУ им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: lesyagontaruk@mail.ru
- Гранопольский Дмитрий Сергеевич** – выпускник ЛГУ им. А. С. Пушкина, e-mail: granopolski@gmail.com
- Давлетшина Эльвина Наиловна** – студент (3 курс) К (П) ФУ, e-mail: boom89381@mail.ru
- Дан Марина Владимировна** – аспирант ИП РАН, e-mail: marina@raudsepp.ru
- Дикая Людмила Александровна** – доцент Академии психологии и педагогики ЮФУ, e-mail: dikaya@sfedu.ru
- Дикий Игорь Сергеевич** – старший преподаватель Академии психологии и педагогики ЮФУ, e-mail: isdikiy@sfedu.ru
- Дружинина Светлана Владимировна** – аспирант (3 год обучения) ГАУГН, e-mail: svetadrush@gmail.com
- Дубиненкова Елена Николаевна** – к. психол. н., доцент ЯрГУ им. П. Г. Демидова, e-mail: dubinen@mail.ru
- Емельянова Светлана Сергеевна** – студент (3 курс) ЯрГУ им. П. Г. Демидова, e-mail: music-onn1993@yandex.ru
- Жолудева Светлана Васильевна** – к. психол. н., доцент ЮФУ, e-mail: yana1lyasya@yandex.ru
- Заикин Виктор Александрович** – к. психол. н., психолог лица НИУ ВШЭ, преподаватель департамента психологии НИУ ВШЭ, e-mail: vzaikin@hse.ru
- Зайцева Наталья Александровна** – м. н. с. ГУ НПМ РДЦ МЗ Украины, e-mail: rdckonst@ukr.net
- Зарубин Юрий Сергеевич**, студент (4 курс) БФУ им. И. Канта, e-mail: iurii.zarubin@gmail.com
- Захарова Олеся Владимировна** – специалист-эксперт Департамента медицинской помощи детям и службы родовспоможения Министерства здравоохранения РФ, e-mail: sy.olesya@gmail.com

Зверева Татьяна Владимировна – к. экон. н., доцент, магистрант БГУ-ЭП, e-mail: Zvereva2912@yandex.ru

Зинина Анна Александровна – аспирант (2 год обучения) МосГУ, e-mail: anna.zinina.22@gmail.com

Знаменская Ирина Игоревна – аспирант (3 год обучения) ИП РАН, e-mail: tirinok@yandex.ru

Иванова Ксения Владимировна – студент (5 курс) ЧГУ им. И. Н. Ульянова, e-mail: Ivanova72305@mail.ru

Исаева Елена Рудольфовна – д. психол. н., профессор, заведующий кафедрой общей и клинической психологии ПСПбГМУ, e-mail: isajeva@yandex.ru

Исмаилова Аян Мобиль гызы – магистрант (1 курс) МГУ им. М. В. Ломоносова (Бакинский филиал), e-mail: ian-i09@mail.ru

Исурина Галина Львовна – к. психол. н., доцент СПбГУ, e-mail: gisurina@yandex.ru

Казакова Кристина Андреевна – студент (5 курс) ЮФУ, e-mail: christan999@mail.ru

Казымова Надежда Наильевна – м. н. с. ИП РАН, e-mail: bakusevan@mail.ru

Калита Виталий Владимирович – к. психол. н., профессор ДВФУ, e-mail: Marsok18@mail.ru

Каменецкая Елена Викторовна – аспирант (2 год обучения) ВШП, e-mail: snuff@rambler.ru

Кикилашвили Виктория Важаевна – бакалавр МГТУ, e-mail: v.kikilashvili@mail.ru

Киреева Юлия Дмитриевна – аспирант (2 год обучения) ГАУГН, e-mail: julkireeva@mail.ru

Кирсанова Ангелина Сергеевна – студент (3 курс) АлтГУ, e-mail: angelok0604@mail.ru

Ковалева Юлия Валерьевна – к. психол. н., ст. н. с. ИП РАН, e-mail: julkov@inbox.ru

Ковалева Юлия Викторовна – аспирант СГУ, e-mail: kovaleva_yv@mail.ru

Козлова Елена Александровна – м. н. с. НИИФФМ, e-mail: kozlova_ea@physiol.ru

Колесникова Маргарита Александровна – магистрант (2 курс) СПбГУ, e-mail: margarita.tanaeva@gmail.com

колобанов Александр Сергеевич – аспирант (3 год обучения) ШФ ИвГУ, e-mail: actualis88@mail.ru

Колодина Анастасия Викторовна – к. психол. н., доцент ОмГУ, e-mail: avkolodina@rambler.ru

Комкова Марина Валерьевна – магистрант (1 курс) СГУ им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: marina-komkova90@mail.ru

Корехова Мария Владимировна – к. психол. н., доцент САФУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: mkorehova@mail.ru

Коровкин Сергей Юрьевич – к. психол. н., доцент кафедры общей психологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова, e-mail: korovkin_su@list.ru

Косовская Анастасия Сергеевна – магистрант (2 курс) ЮФУ, e-mail: anastasia.kosovskaya19@gmail.com

Костригин Артем Андреевич – ассистент кафедры психологии управления ННГУ им. Н. Н. Лобачевского, e-mail: artdzen@gmail.com

Косяк Александра Владимировна – студент ЮУ (ИУБиП), e-mail: sashakosa@yandex.ru

Котова Светлана Сергеевна – к. психол. н., доцент РГППУ, e-mail: 89193885388@mail.ru

Кошель Анна Игоревна – аспирант ЮФУ, e-mail: annna.koshel@mail.ru

Красноярцева Алина Игоревна – магистрант (2 курс) МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: krasnoryadtseva@gmail.com

Криулина Анастасия Владимировна – соискатель (4 год обучения) СПбГУ, e-mail: v-kontekste@yandex.ru

Крюкова Екатерина Андреевна – магистрант (1 курс) МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: krukova.k@gmail.com

Кужель Дарья Александровна – магистрант (1 курс) СГУ им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: dasha031092@yandex.ru

Кузьмина Наталья Олеговна – студент (3 курс) ИвГУ, e-mail: natalya.kuzmina.94@mail.ru

Куклина Олеся Аркадьевна – студент (3 курс) КГУ им. К. Э. Циолковского, e-mail: kuklinaolesya@yandex.ru

Кулакова Анастасия Игоревна – аспирант (1 год обучения) ЯрГУ им. П. Г. Демидова, e-mail: kulakova1992@yandex.ru

Кулишова Тамара Викторовна – д. м. н., профессор АГМУ Минздрава России, e-mail: tkulishova@bk.ru

Куминская Евгения Андреевна – научный сотрудник ПИ РАО, e-mail: j-aquarius@bk.ru

Курбатова Мария Викторовна – аспирант (1 год обучения) ИГУ, e-mail: iamtigra@yandex.ru

Лазарева Наталья Юрьевна – студент (4 курса) ЯрГУ им. П. Г. Демидова, e-mail: lazareva_natasha93@mail.ru

Ларина Дарья Александровна – студент (4 курс) КГПУ им. В. П. Астафьева, e-mail: darena82@mail.ru

Лебедев Александр Петрович – студент (3 курс) КГУ им. Н. А. Некрасова, e-mail: darius.lebedev@yandex.ru

Лебедева Евгения Игоревна – к. психол. н., ст. н. с. ИП РАН, e-mail: evlebedeva@yandex.ru

Леконцев Александр Викторович – аспирант (2 курс) МИП, e-mail: 1@lekontsev.ru

Лещинская Светлана Борисовна – студент (3 курс) НИ ТГУ, e-mail: s_leschins94@mail.ru

Линкевич Ксения Владимировна – аспирант (3 год обучения) СПбГУ, e-mail: ksenia-linkevich@mail.ru

Лубинская Екатерина Игоревна – к. м. н., научный сотрудник НИЛ реабилитации СЗФМИЦ им. В. А. Алмазова, e-mail: lubinskaya1@bk.ru

Лямзенко Анастасия Дмитриевна – студент (3 курс) МГУ им М. В. Ломоносова (филиал в г. Ташкенте), e-mail: estasya9309@mail.ru

Магазева Елена Анатольевна – к. психол. н., доцент ОмГМУ Минздрава РФ, e-mail: psicholog1981@yandex.ru

Макаров Игорь Николаевич – студент (5 курс) ЯрГУ им. П. Г. Демидова, e-mail: reoge@mail.ru

Максимова Юлия Олеговна – студент (4 курс) ЯрГУ им. П. Г. Демидова, e-mail: juliua_1994@mail.ru

Максимчук Елена Демьяновна – помощник директора МФК КГМУ, педагог-психолог КГУ, e-mail: Len4ik101@yandex.ru

Марзоев Олег Станиславович – аспирант СОГУ им. К. Л. Хетагурова, e-mail: gogitsaeva@yandex.ru

Марищук Людмила Владимировна – д. психол. н., профессор РГСУ, e-mail: marichshuk@yandex.by

Марусанова Галина Игоревна – аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: marusanova.galina@mail.ru

Марченко Елена Евгеньевна – магистр, старший преподаватель БрГУ им. А. С. Пушкина, e-mail: Elena_mar@mail.ru

Махмудов Георгий Муратович – студент (3 курс) ИЭУиП, e-mail: maxmudovg@mail.ru

Мелехин Алексей Игоревич – аспирант (2 год обучения) ИП РАН, e-mail: clinmelehin@yandex.ru

Миронова Ксения Вадимовна – научный сотрудник ПИ РАО, e-mail: kseniamir@inbox.ru

Мишина Юлия Владимировна – аспирант (1 год обучения) ИЭУП, e-mail: sinteks2@list.ru

Моисеева Ирина Геннадьевна – преподаватель КГУ им. К. Э. Циолковского, e-mail: iri25100@yandex.ru

Молохина Галина Анатольевна – к. психол. н., доцент ЮУ (ИУБиП), e-mail: molokhina@yandex.ru

Морозова Вероника Дмитриевна – бакалавр НИУ-ВШЭ, e-mail: vdmorozova@gmail.com

Муращенкова Надежда Викторовна – к. психол. н., доцент СГУ, e-mail: muraschenkova.n@yandex.ru

Мустафина Лилия Шаукатовна – к. психол. н., н. с. ИП РАН, e-mail: leila.mus@gmail.com

Муталимова Сайда Шихамировна – студент (4 курс) ЮУ (ИУБиП), e-mail: mutalimova-s@mail.ru

Нартова-Бочавер Софья Кимовна – д. психол. н., профессор НИУ ВШЭ, e-mail: s-nartova@yandex.ru

Никитина Александра Александровна – студент (4 курс) МПГУ, e-mail: alexnikitina01@gmail.com

Никитина Дарья Алексеевна – студент (4 курс) ГАУГН, e-mail: d.a.nikitina@yandex.ru

Новгородова Екатерина Федоровна – аспирант (3 год обучения) АМГ-ПГУ, e-mail: 39psych@gmail.com

Новикова Ирина Альбертовна – д. м. н., профессор САФУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: ianovikova@mail.ru

Олькина Оксана Игоревна – аспирант (3 год обучения) ИП РАН, e-mail: olkina.o@gmail.com

Орлова Майя Михайловна – старший преподаватель МАДИ, e-mail: mmo78@yandex.ru

Павлова Наталия Дмитриевна – д. психол. н., заведующий лабораторией психологии речи и психолингвистики ИП РАН, e-mail: pavlova_natalya@mail.ru

Павлова Ольга Владимировна – к. психол. н., ассистент ПСПбГМУ, e-mail: Olgapsy23@mail.ru

Павлова Татьяна Васильевна – к. психол. н., старший преподаватель Академии психологии и педагогики ЮФУ, e-mail: zabrodinka@bk.ru

Пакулова Елена Сергеевна – аспирант (2 год обучения) ИП РАН, e-mail: lvedal@rambler.ru

Панин Роберт Анатольевич – старший преподаватель ГрГУ им. Я. Купалы, e-mail: deti_kveta@mail.ru

Панфилова Юлия Михайловна – аспирант (1 год обучения) ИП РАН, e-mail: panfilova-julia@mail.ru

Пелевина Вера Андреевна – студент ЯрГУ им. П. Г. Демидова, e-mail: Pel.vera@mail.ru

Пенькова Антонина Михайловна – аспирант МосГУ, e-mail: antpenkova@yandex.ru

Петренко Елена Анатольевна – к. филос. н., доцент ЮУ (ИУБиП), e-mail: Petrenko19789@mail.ru

Плужников Андрей Сергеевич – магистрант (2 курс) ГАУГН, e-mail: Oldschool6193@yandex.ru

Подлипняк Михаил Борисович – магистрант (1 курс) МГППУ, e-mail: mixactik@gmail.com

Подсонная Ирина Васильевна – к. м. н., заместитель начальника госпиталя по клинико-экспертной работе АКГВВ, e-mail: pivgosp@mail.ru

Полунина Анастасия Михайловна – магистрант (2 курс) ТГУ, e-mail: agfn81@mail.ru

Попова Юлия Александровна – студент (4 курс) ЮФУ, e-mail: julie_1994_14@mail.ru

Порохина Ирина Андреевна – ассистент, аспирант (1 год обучения) САФУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: i.porokhina@ya.ru

Потапова Юлия Викторовна – преподаватель ОмГМУ Минздрава РФ, e-mail: kardova.jv@gmail.com

Пугачева Екатерина Олеговна – студент (6 курс) СПбГУ, e-mail: katerina_pugacheva@inbox.ru

Разваляева Анна Юрьевна – аспирант МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: annraz@rambler.ru

Разина Валентина Васильевна – магистрант (2 курс) НГТУ им. Р. Е. Алексеева, НИУ ВШЭ, e-mail: val1610@mail.ru

Ребеко Татьяна Анатольевна – к. психол. н., ведущий н. с. ИП РАН, e-mail: rebekota@yandex.ru

Резниченко София Ивановна – аспирант (4 год обучения), н. с. МГППУ, e-mail: sofya_292@list.ru

Реунова Алена Александровна – студент (3 курс) КГУ им. Н. А. Некрасова, e-mail: reunova_alena@mail.ru

Решетко Светлана Альбертовна – аспирант (2 год обучения) ИП РАН, e-mail: swetlana.reshetko@yandex.ru

Родионова Ангелина Артемовна – студент (3 курс) МПГУ, e-mail: angel.ermolenko@gmail.com

Рябухина Владислава Владимировна – аспирант ИТА ЮФУ, e-mail: 79043461818@yandex.ru

Савинова Анна Джумберовна – студент (4 курс) ЯрГУ им. П. Г. Демидова, e-mail: anuta1334@yandex.ru

Салдина Ирина Викторовна – врач-невролог, заведующий отделением, e-mail: АКГВВ 70saldinai@gmail.com

Самулеева Мария Владимировна – студент (6 курс) ННГУ им. Н. И. Лобачевского, e-mail: samuleeva@gmail.com

Сапего Екатерина Ивановна – аспирант БГУ, e-mail: miltcom@tut.by

Сапрыкина Юлия Алексеевна – соискатель ИП РАН, e-mail: ysaprykina@yandex.ru

Сахабутдинова Эвелина Артуровна – студент (4 курс) ДГТУ, e-mail: pluha1826@mail.ru

Свечкина Дарья Геннадьевна – студент (4 курс) ИТА ЮФУ, e-mail: basilisa.09@mail.ru

Секурцева Юлия Геннадьевна – студент (2 курс) ЯрГУ им. П. Г. Демидова, e-mail: sekurceva.yuliya@mail.ru

Селиванова Дарья Сергеевна – аспирант КГМУ МЗ РФ, e-mail: selivanova-darya@mail.ru

Семенова Елена Александровна – к. психол. н., доцент, ведущий аналитик СПбГУКИ, e-mail: artemiss09@rambler.ru

Семенова Мария Маратовна – студент (4 курс) РГПУ им. А. И. Герцена, e-mail: star_and_sun@mail.ru

Семенова Надежда Николаевна – магистрант (1 курс) СПбГУКИ, e-mail: semenovaselena@yandex.ru

семенова-Полях Галина Геннадьевна – к. психол. н., доцент ИЭУП, e-mail: sergey-galina.74@mail.ru

Сергеева Марина Владимировна – аспирант (3 год обучения) КГМУ, e-mail: marischcka.sergeeva2011@yandex.ru

- Симонова Наталья Николаевна** – д. психол. н., профессор САФУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: n23117@mail.ru
- Синельникова Елена Семеновна** – аспирант (4 год обучения) СПбГУ, e-mail: elena.sinelni@yandex.ru
- Скитневская Лариса Витальевна** – к. психол. н., доцент НГПУ им. К. Минина, e-mail: L.skitnevskaya@yandex.ru
- Склизкова Вероника Викторовна** – студент НИ ТГУ, e-mail: veronika.sklizkova@gmail.com
- Слипка Марья Ивановна** – социолог, аспирант НЦЗД, e-mail: tvsviridova@gmail.com
- Соколова Маргарита Михайловна** – студентка (4 курс) ДВФУ, e-mail: marsok18@mail.ru
- Солдатенкова Ольга Борисовна** – магистрант РГПУ им. А. И. Герцена, e-mail: soldatenkovaolga@mail.ru
- Соловьев Андрей Горгоньевич** – д. м. н., заведующий кафедрой, профессор СГМУ, e-mail: ASoloviev1@yandex.ru
- Солодунова Мария Юрьевна** – к. психол. н., доцент СПбГУ, e-mail: m.solodunova@spbu.ru
- Солодчук Оксана Николаевна** – к. м. н., доцент ЯГМУ, e-mail: Sleep504@yandex.ru
- Солондаев Владимир Константинович** – к. психол. н., доцент ЯрГУ им. П. Г. Демидова, e-mail: solond@yandex.ru
- Сушкова Мария Александровна** – магистрант (1 курс) КГУ им. К. Э. Циолковского, e-mail: nolongerironic@mail.ru
- Телегина Станислава Ярославовна** – студент (5 курс) МГППУ, e-mail: ignas-fatui@rambler.ru
- Тен Людмила Григорьевна** – магистр ЮФУ, e-mail: lyudmilaesf@mail.ru
- Титова Ирина Алексеевна** – студент (2 курс) ПИ ИГУ, e-mail: irishka.titova.2012@mail.ru
- Тихомирова Елена Викторовна** – доцент КГУ им. Н. А. Некрасова, e-mail: tichomirowa82@mail.ru
- Торговченко Юлия Николаевна** – магистрант ИТА ЮФУ, e-mail: yuliya.torgovchenko@mail.ru
- Торопова Арина Александровна** – студент (3 курс) ЯрГУ им. П. Г. Демидова, e-mail: torpovarina@mail.ru
- Тринога Анастасия Дмитриевна**, студент (5 курс) КГПУ им. В. П. Астафьева, e-mail: anastasiya_trinoga@mail.ru
- Трифопова Алина Владимировна** – аспирант ИП РАН, e-mail: a-linblches@mail.ru
- Троицкая Елена Авенировна** – к. психол. н., старший преподаватель МГЛУ, e-mail: ea.troitskaya@mail.ru
- Троянская Анна Игоревна** – к. психол. н., доцент ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, e-mail: atroyanskaya@mail.ru
- Туголукова Ирина Алексеевна** – магистрант (1 курс) МПГУ, e-mail: tugoirina@yandex.ru

- Туева Екатерина Игоревна** – магистрант (2 курс) СПбГУ, e-mail: st033008@student.spbu.ru
- Тюсова Ольга Викторовна** – к. с. н., доцент ПСПбГМУ, e-mail: toussova@hotmail.com
- Фаустова Анна Геннадьевна** – аспирант ИП РАН, e-mail: lakoniya@yandex.ru
- Федорова Анастасия Александровна** – магистрант (2 курс) НИУ ВШЭ, e-mail: anafedoroff@gmail.com
- Федотова Жанна Эдуардовна** – магистрант (1 курс), стажер-исследователь НИУ ВШЭ, e-mail: zhannafedotova007@gmail.com
- Филатова Татьяна Павловна** – медицинский психолог АКГВВ, e-mail: tchelnokova88@mail.ru
- Фленина Татьяна Александровна** – аспирант (2 год обучения) РГПУ им. А. И. Герцена, e-mail: t.belogubets@gmail.com
- Фруцкая Ирина Викторовна** – студент (3 курс) УО ПГУ, e-mail: firina_vi@mail.ru
- Хахимзянов Руслан Наильевич** – ассистент КФУ, e-mail: r.khachimzyanov@gmail.com
- Харитонов Александр Николаевич** – к. психол. н., н. с. ИП РАН, e-mail: ankhome47@list.ru
- Хватов Иван Александрович** – к. психол. н., доцент МосГУ, e-mail: ittkrot@gmail.com
- Чемеревская Виктория Александровна** – магистрант БрГУ им. А. С. Пушкина, e-mail: viktoriya_2209@mail.ru
- Черепанова Валерия Павловна** – магистрант (1 курс) УрГПУ, e-mail: shadydevil@mail.ru
- Череповская Вероника Андреевн** – студент (2 курс) ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова, e-mail: cherepovskaya_v@mail.ru
- Чернов Альберт Валентинович** – к. психол.н, ассистент Института психологии и образования КФУ, e-mail: albertprofit@mail.ru
- Чеховская Марина Валерьевна** – к. м. н., доцент ЛГУ им. А. С. Пушкина, e-mail: granopolski@gmail.com
- Чистопольская Александра Валерьевна** – аспирант (2 год обучения) ЯрГУ им. П. Г. Демидова, e-mail: chistosasha@mail.ru
- Чувашлова Руфина Ильдаровна** – детский психолог «Бэби-клуб», e-mail: rufina-sajjfutdinov@rambler.ru
- Шалабаева Ирина Валерьевна** – студент (4 курс) ЮУ (ИУБиП), e-mail: irina.shalabaeva@yandex.ru
- Шапоров Антон Михайлович** – начальник отдела содействия трудоустройству выпускников ПСПбГМУ, e-mail: anton.shaporov@gmail.com
- Шарафутдинова Марина Николаевна** – аспирант (2 год обучения), специалист по профориентационной работе центра довузовской подготовки ВятГГУ, e-mail: marina-sharafutdinova@mail.ru

Швец Татьяна Александровна – аспирант (2 год обучения) МГППУ, e-mail: schwetcs@gmail.com

Шелковская Маргарита Сергеевна – магистрант КГУ им. Н. А. Некрасова, e-mail: tichomirowa82@mail.ru

Шмидт Дарья Александровна – руководитель департамента аналитики и консалтинга Фонд «ИНСОМАР», e-mail: dariashmidt@mail.ru

Штыхина Анастасия Вячеславовна – студент (3 курс) ЯрГУ им. П. Г. Демидова, e-mail: anastasia.kelsina@yandex.ru

Эфендиев Заур Ясин оглу – магистрант (1 курс) МГУ (БФ), e-mail: efendiyev.zaur@gmail.com

Юдина Татьяна Алексеевна – помощник проректора по инклюзивному образованию МГППУ, e-mail: ta.yudina@gmail.com

Юнусова Диана Альбертовна – студент (2 курс) КФУ, e-mail: hakim@mail.ru

Юхновец Татьяна Ивановна – преподаватель БГПУ им. М. Танка, e-mail: yukhnavets@mail.ru

Яковлева Мария Викторовна – аспирант (2 год обучения) СПбГУ, e-mail: mariaiakovleva@mail.ru

Яковлева Яна Сергеевна – студент (4 курс) ЮФУ, e-mail: yana11yasya@yandex.ru

Якунин Анатолий Павлович – соискатель РГПУ им. А. И. Герцена, e-mail: a.yakunin-a.p.psi@yandex.ru

Ярошенко Елена Игоревна – магистрант (1 курс), лаборант СГУ им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: yarosh29@rambler.ru

Яценко Денис Александрович – доцент МосГУ, e-mail: Da947@mail.ru

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ – НАУКА БУДУЩЕГО

Материалы VI Международной конференции молодых ученых
«Психология – наука будущего», 19–20 ноября 2015 г., Москва

Под реакцией А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко

Оригинал-макет и верстка – *С. С. Фёдоров*

Корректор – *Л. В. Бармина*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел.: (495) 682-51-29
E-mail: rio@psychol.ras.ru
www.ipras.ru

Сдано в набор 01.09.15. Подписано в печать 09.09.15
Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура ГТС СНАРТЕК. Усл. печ. л. 37. Уч.-изд. л. 35,3
Тираж 200 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП «Издательство „Известия“» УД ПРФ
127254, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6